

216101

0.11187

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Записки изъ Мертваго дома.

Романъ въ двухъ частяхъ.

II. Скверный анекдотъ.

Разсказъ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

Дозволено цензурою. СПБ. 14 марта 1894 г.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА *)

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть первая.

Введеніе.

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горы или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквами — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, за сѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ. Вообще, въ Сибири, несмотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, нелиберальные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, — по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства, — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и не умѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: „зачѣмъ они въ нее заѣхали?“ Съ нетерпѣніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его

*) Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ „Время“ 1861 и 1862 г.

тотчасъ же хлопотуть о своемъ переводѣ и возвращаются во-свояси, браня Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они не правы: не только со служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ инородцевъ. Барышни цвѣтуть розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натывается на охотника. Шампанскаго выпивается естественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ иныхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надобно только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ второго разряда, за убійство жены своей, и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городкѣ К. поселенцемъ. Онъ собственно приписанъ былъ къ одной подгородной волости, но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ безъ нихъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслуженнаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Иваныча Гвоздикова, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копеекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человекъ, еще не старый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по-европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, со строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ будто въ него вду-

мываясь, какъ будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу, или хотите выпытать у него какую-нибудь тайну, и, наконецъ, отвѣчалъ ясно и коротко, но до того взвѣшивая каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко, и вы, наконецъ, сами радовались окончанію разговора. Я тогда же разспросилъ о немъ Ивана Иваныча и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Иванычъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ; но что онъ страшный нелюдимъ, ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говоритъ весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговориться. Иные утверждали, что онъ положительно сумасшедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ; что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ-быть, даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія сношенія,—однимъ словомъ, вредить себѣ. Къ тому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же преступленія всегда смотрятъ какъ на несчастія, и сожальютъ о нихъ. Но, несмотря на все это, чудакъ упорно сторонился ото всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія, но, самъ не знаю почему, онъ мало-по-малу началъ интересоваться мною. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но послѣ его отвѣтовъ я какъ-то тяготился его долѣе разспрашивать; да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шелъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Иваныча. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папироску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его; онъ совсѣмъ потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взгля-

нувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему, и, мѣсяцъ спустя, я, ни съ того, ни съ сего, самъ зашелъ къ Горянчикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи-мѣщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ будто я поймалъ его на какомъ-нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы, наконецъ, усѣлись; онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой-нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумасшествія. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: „да скоро-ли ты уйдешь отсюда?“ Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; оказалось, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ и его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало, наконецъ, совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только что съ почты, и я предлагалъ ихъ ему еще не разрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же пере-мѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ, я простился съ нимъ и, выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то несносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ человѣку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею—какъ можно подалеже спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что книгъ я у него почти совсѣмъ не замѣтилъ и, стало-быть, несправедливо говорили о немъ, что онъ много читаетъ. Однакоже, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ

— 7 —

свѣтъ. Что же дѣлалъ онъ, просиживая до зари? Не писалъ-ли онъ? А если такъ, что же именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и даже ни разу не позвалъ къ себѣ лѣкаря. Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ-ли онъ чего-нибудь? За двугривенный она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она уже истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не открывалъ книги и не бралъ пера въ руки; зато цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хоть немножко прибрать въ его комнатѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни единого слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ-ли она своего учителя? Она смотрѣла на меня молча, отвернувшись къ стѣнкѣ и заплакала. Стало-быть, могъ же этотъ человѣкъ хоть кого-нибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустыя, незначашіе лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недоконченная, можетъ-быть, заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то другою повѣстью, какими-то странными ужасными воспоминаніями, набросанными неровно, судорожно, какъ будто по какому-то принужденію. Я нѣсколько

разъ перечиталъ эти отрывки и почти убѣдился, что они писаны въ сумасшествіи. Но каторжныя записки— „Сцены изъ Мертваго дома“,—какъ называетъ онъ ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ не совсѣмъ безынтересными. Совершенно новый міръ, до сихъ поръ невѣдомый, странность иныхъ фактовъ, нѣкоторыя особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ,—увлекли меня и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разумѣется, я могу ошибаться. На пробу выбираю сначала двѣ-три главы; пусть судить публика...

I.

Мертвый домъ.

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь-ли хоть чего-нибудь? — и только и увидишь, что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу день и ночь расхаживаютъ часовые; и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлыя годы, а ты точно такъ же пойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленькій краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другого, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полторасти ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то-есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ; вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкія ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемая часовыми; ихъ отпирали по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды, о томъ мірѣ представляли себѣ, какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе не похожій; тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и живо-мертвый домъ, жизнь—какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду, видите внутри ея нѣсколько

зданій. По обѣимъ сторонамъ широкаго внутренняго двора тянутся два длинныхъ одноэтажныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сараи. Средина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ провѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и еще по нѣскольку разъ въ день,—судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задачамъ строеній, иные изъ заключенныхъ, понелюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчался съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клеймены. лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать пали. Ихъ было тысячи полторы, а у него онѣ были всѣ на счету и на примѣтѣ. Каждая палья означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ на одной палѣ и такимъ образомъ, по оставшемуся числу несосчитанныхъ палъ, могъ наглядно видѣть, сколько дней еще остается ему пробыть въ острогѣ до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую-нибудь сторону шестиугольника. Много лѣтъ приходилось еще ему дожидаться, но въ острогѣ было время научиться терпѣнію. Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ и, наконецъ, выходящій на волю. Были люди, помнившіе, какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ. Помню я тоже, какъ однажды одного арестанта, прежде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ, подъ вечеръ, позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая его жена вышла замужъ, и крѣпко запеча-

лился. Теперь она сама подѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаяніе. Они поговорили минуты двѣ, оба всплакнули и простились навѣки. Я видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ мѣстѣ можно было научиться терпѣнію.

Когда смеркалось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная салными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски; это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человѣкъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того— шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритыя головы, клейменные лица, лоскутныя платья. все—обруганное, ошельмованное... да, живучъ человѣкъ! Человѣкъ есть существо ко всему привыкающее и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человѣкъ двѣсти пятьдесятъ,—цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было? Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степени преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожнаго населенія составляли ссыльно-каторжные разряда гражданскаго (*сильно-каторжные*, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишеныя всякихъ правъ состоянія, отрѣзанныя ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда-нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. Были преступники и военнаго разряда, не лишеныя правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки, по окончаніи же ихъ поворачивались туда же, откуда пришли, въ

солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многіе изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался „всегдашнимъ“. Но „всегдашніе“ все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ „особымъ отдѣленіемъ“. Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону, имъ должно было удвоять и утроять рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. „Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ“—говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышала потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того, уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумѣется, съ этимъ вмѣстѣ перемѣнилось и начальство. Я описываю, стало-быть, старину, дѣла давно минувшія и прошедшія...

Давно ужъ это было, все это снится мнѣ теперь, какъ во снѣ. Помню, какъ я вошла въ острогъ. Это было вечеромъ, въ январѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось, народъ возвращался съ работы, готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ, наконецъ, двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынести столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду одинъ? На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумястами товарищей и ни разу, ни разу—одинъ! Впрочемъ, къ этому-ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы-невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги—промышленники по находнымъ деньгамъ, или по столовской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы, кажется, они могли прійти сюда? А между тѣмъ у всякаго была своя повесть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго

похмелья. Вообще, о быломъ своемъ они говорили мало, не любили рассказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще, жизнь свою рѣдко кто рассказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. „Мы—народъ грамотный!“ говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмельной (въ каторгѣ иногда можно было напиться), началъ рассказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято. Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русскій народъ собирается въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человѣкъ, изъ которыхъ половина была бы грамотныхъ. Слышалъ я потомъ, кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ же данныхъ, что грамотность губить народъ. Это ошибка: тутъ совсѣмъ другія причины, хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народѣ самонадѣянность. Но вѣдь это вовсе не недостатокъ. Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темнобурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая, а другая темнобурая. Одинъ разъ, на работѣ, дѣвочка-калачница, подошедшая къ арестантамъ, долго всматривалась въ меня и потомъ вдругъ захохотала.—„Фу, какъ не славно! закричала она,—и сѣраго сукна не достало, и чернаго сукна не достало!“ Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперекъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистоичимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ были помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи смѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но, странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывны: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся, но все-таки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ будто не сами собой, какъ будто сами не зная зачѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичокъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить ужъ некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнуть чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать, офиціальное, какое-то спокойное резонерство: „Мы погибшій народъ“, говорили они, „не

умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣр-
рай ряды“. — „Не слушался отца и матери, послушайся
теперь барабанной шкуры“. „Не хотѣлъ пить золотомъ,
теперь бей камни молотомъ“. — Все это говорилось часто,
и въ видѣ нравоученія, и въ видѣ обыкновенныхъ погово-
ровокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были
только слова. Врядъ-ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался
внутренно въ своей незаконности. Попробуй кто не изъ
каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, вы-
бранить его (хотя, впрочемъ, не въ русскомъ духѣ по-
прекать преступника)—ругательствамъ не будетъ конца.
А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они
утонченно, художественно. Ругательство возведено было
у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ
словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей,—а
это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще бо-
лѣе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ
работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ празд-
ный, слѣдственно развращался; если и не былъ прежде
развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собра-
лись сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе.

„Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ
въ одну кучу!“—говорили они про себя сами, а потому
сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, сваря, злость
были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жи-
зни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой ба-
бой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ. Повторяю,
были и между ними люди сильные, характеры, привыкшіе
всю жизнь свою ломить и повелѣвать, закаленные, без-
страшные. Этихъ какъ-то невольно уважали, они же, съ
своей стороны, хотя часто и очень ревнивы были къ своей
славѣ, но вообще старались не быть другимъ въ тягость,
въ пустыя ругательства не вступали, вели себя съ не-
обыкновеннымъ достоинствомъ, были разсудительны и почти
всегда послушны начальству,—не изъ принципа послуша-
нія, не изъ признанія обязанностей, а такъ, какъ будто
по какому-то контракту, сознавъ взаимныя выгоды. Впро-
чемъ, съ ними и поступали осторожно. Я помню, какъ
одного изъ такихъ арестантовъ, человѣка безстрашнаго и
рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими
наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ
наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-
офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ остро-

га, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ маіоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ, онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, „бросался на людей“, какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его пронизательнаго, рыскаго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его восьмиглазымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшеными, злыми поступками, и если-бъ не было надъ нимъ коменданта, человѣка благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя, впрочемъ, и былъ отданъ подъ судъ.

Арестантъ поблѣднѣлъ, когда его кликнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ встрепанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ, впрочемъ, поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый, англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе острые инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестокія, но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что-нибудь особенно спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнею необходимостью въ острогѣ, то, несмотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новые. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели палъ. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что маіору пришелъ конецъ. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ маіоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. „Самъ Богъ спасъ!“ говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прешелъ съ отъѣздомъ маіора. Арестантъ послушенъ и покоренъ до извѣстной

степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не может быть любопытнѣе этихъ странныхъ вспышекъ нетерпѣнія и строптивости. Часто человѣкъ терпитъ нѣсколько лѣтъ, смиряется, выноситъ жесточайшія наказанія и вдругъ прорывается на какой-нибудь малости, на какомъ-нибудь пустякѣ, почти за ничто. На иной взглядъ можно даже назвать его сумасшедшимъ; да такъ и дѣлають.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большаѣ часть изъ нихъ, внутренно, считаетъ себя совершенно правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердець и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе, кажется, не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагають. Конечно, остроги и система насильныхъ работъ не исправляють преступниковъ; они только его наказываютъ и обезпечивають общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развивають только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что и знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее, и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому же онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а чрезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить, наконецъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть-ли не придется оправдать самого преступника. Но, несмотря на

всевозможныя точки зрѣнія, всякій согласится, что есть такія преступленія, которыя всегда и вездѣ, по всевозможнымъ законамъ, съ начала міра считаются безспорными преступленіями и будутъ считаться такими до тѣхъ поръ, покамѣстъ человѣкъ останется человѣкомъ. Только въ острогѣ я слышалъ рассказы о самыхъ страшныхъ, о самыхъ неестественныхъ поступкахъ, о самыхъ чудовищныхъ убійствахъ, рассказанные съ самымъ неудержимымъ, съ самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Особенно не выходитъ у меня изъ памяти одинъ отцеубійца. Онъ былъ изъ дворянъ, служилъ и былъ у своего шестидесятилѣтняго отца чѣмъ-то въ родѣ блуднаго сына. Поведенія онъ былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги. Отецъ ограничивалъ его, уговаривалъ; но у отца былъ домъ, былъ хуторъ, подозрѣвались деньги, и—сынъ убилъ его, жаждая наслѣдства. Преступленіе было разыскано только черезъ мѣсяць. Самъ убійца подалъ объявленіе въ полицію, что отецъ его исчезъ неизвѣстно куда. Весь этотъ мѣсяць онъ провелъ самымъ развратнымъ образомъ. Наконецъ, въ его отсутствіе, полиція нашла тѣло. На дворѣ, во всю длину его, шла канавка для стока нечистотъ, прикрытая досками. Тѣло лежало въ этой канавкѣ. Оно было одѣто и убрано, сѣдая голова была отрѣзана прочь, приставлена къ туловищу, а подъ голову убійца подложилъ подушку. Онъ не сознался; былъ лишень дворянства, чина и сосланъ въ работу на двадцать лѣтъ. Все время, какъ я жилъ съ нимъ, онъ былъ въ превосходящемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа. Это былъ взбалмошный, легкомысленный, неразумительный въ высшей степени человѣкъ, хотя совсѣмъ не глупецъ. Я никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. Арестанты презирали его, не за преступленіе, о которомъ не было и помину, а за дурь, за то, что не умѣлъ вести себя. Въ разговорахъ онъ иногда вспоминалъ о своемъ отцѣ. Разъ, говоря со мной о здоровомъ сложеніи, наслѣдственномъ въ ихъ семействѣ, онъ прибавилъ: „вотъ, *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не жаловался ни на какую болѣзнь“. Такая звѣрская безчувственность, разумѣется, невозможна. Это феномень; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не простое преступленіе. Разумѣется, я не вѣрилъ этому преступленію. Но люди изъ его города,

которые должны были знать всё подробности его исторіи, рассказывали мнѣ все его дѣло. Факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить.

Арестанты слышали, какъ онъ кричалъ однажды ночью во снѣ: „Держи его, держи! Голову-то ему руби, голову, голову!..“

Арестанты почти всё говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. „Мы народъ битый, говорили они,—у насъ нутро отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ“.

Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отработывалъ свой урокъ или отбывалъ законные часы работы и шелъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому бы онъ преданъ былъ всёмъ умомъ, всёмъ расчетомъ своимъ, человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой, сильно пожившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужиться здѣсь нормально и правильно, своей волей и охотой! Отъ одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такія преступныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ и понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности человѣкъ не можетъ жить, возвращается, обращается въ звѣря. И потому каждый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенной работой; въ короткую ночь едва было время выспаться. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смеркалось, уже долженъ быть запертъ въ острогѣ. Чтò же дѣлать въ длинные, скучные часы зимняго вечера? И потому, почти каждая казарма, несмотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ, въ острогѣ, инструменты, а безъ этого невозможна была и работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастеровыми. Тутъ были и сапожники, и баш-

мачники, и портные, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, и золотильщики. Былъ одинъ еврей, Исай Бумштейнъ, ювелиръ, онъ же и ростовщикъ. Всѣ они трудились и добывали копейку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человѣка, лишеннаго совершенно свободы, онъ дороже вдесятеро. Если онъ только брякаютъ у него въ карманѣ, онъ уже вполонину утѣшенъ, хотя бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Грубки были строжайше запрещены, но всѣ ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій; безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ склянкѣ. Несмотря на то, и работа, и деньги запрещались. Нерѣдко по ночамъ дѣлались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное и—какъ ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему онъ и не береглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждаго обыска, виноватый, кромѣ того, что лишался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждаго обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по-старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горѣ Везувіи.

Кто не имѣлъ мастерства, промыслялъ другимъ образомъ. Были способны довольно оригинальные. Иные промысляли, наприимѣръ, однимъ перекупствомъ, а продавались иногда такія вещи, что и въ голову не могло бы придти кому-нибудь за стѣнами острога, не только покупать и продавать ихъ, но даже считать вещами. Но каторга была очень бѣдна и чрезвычайно промышленна. Послѣдняя тряпка была въ цѣнѣ и шла въ какое-нибудь дѣло. По бѣдности же и деньги въ острогѣ имѣли совершенно другую цѣну, чѣмъ на волѣ. За большой и сложный трудъ платилось грошами. Нѣкоторые съ успѣхомъ промысляли ростовщицествомъ. Арестантъ, замотавшійся или разорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ,

то онѣ безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч.,—вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ. Но при такихъ закладахъ случался и другой оборотъ дѣла, не совсѣмъ, впрочемъ, неожиданный: заложившій и получившій деньги, немедленно, безъ дальнихъ разговоровъ, шелъ къ старшему унтеръ-офицеру, ближайшему начальнику острога, доносилъ о закладѣ смотровыхъ вещей, и онѣ тотчасъ же отбирались у ростовщика обратно, даже безъ доклада высшему начальству. Любопытно, что при этомъ иногда даже не было и ссоры: ростовщикъ молча и угрюмо возвращалъ что слѣдовало, и даже, какъ будто, самъ ожидалъ, что такъ будетъ. Можетъ-быть, онъ не могъ не сознаться въ себѣ, что на мѣстѣ закладчика и онъ бы такъ сдѣлалъ. И потому, если ругался иногда потомъ, то безъ всякой злобы, а только такъ, для очистки совѣсти.

Вообще, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ, съ замкомъ, для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю, можно представить, какіе были тамъ искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человѣкъ (говорю это безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ. Были цѣловальники, торговавшіе виномъ и быстро обогащавшіеся. Объ этой продажѣ я скажу когда-нибудь особенно; она довольно замѣчательна. Въ острогѣ было много пришедшихъ за контрабанду, и потому нечего удивляться, какимъ образомъ, при такихъ осмотрахъ и конвояхъ, въ острогъ проносилось вино. Кстати: контрабанда, по характеру своему, какое-то особенное преступленіе. Можно-ли, на примѣръ, представить себѣ, что деньги, выгода у иного контрабандиста играютъ только второстепенную роль, стоять на второмъ планѣ? А между тѣмъ бываетъ именно такъ. Контрабандистъ работаетъ по страсти, по призванію. Это отчасти поэтъ. Онъ рискуетъ всѣмъ, идетъ на страшную опасность, хитритъ, изобрѣтаетъ, выпутывается; иногда даже дѣйствуетъ по какому-то вдохновенію. Это страсть столь же сильная, какъ и картежная игра. Я зналъ въ

острогъ одного арестанта, наружностью размѣра колос-сальнаго, но до того кроткаго, тихаго, смиреннаго, что нельзя было представить себѣ, какимъ образомъ онъ очутился въ острогъ. Онъ былъ до того незлобивъ и уживчивъ, что во все время своего пребыванія въ острогъ ни съ кѣмъ не поссорился. Но онъ былъ съ западной границы, пришелъ за контрабанду, и, разумѣется, не могъ утерпѣть и пустился проносить вино. Сколько разъ его за это наказывали, и какъ онъ боялся розогъ! Да и самый проносъ вина доставлялъ ему самые ничтожные доходы. Отъ вина обогащался только одинъ антрепренеръ. Чудакъ любилъ искусство для искусства. Онъ былъ плаксивъ какъ баба, и сколько разъ, бывало, послѣ наказанія, влялся и зарекался не носить контрабанды. Съ мужествомъ онъ преодолевалъ себя иногда по цѣлому мѣсяцу, но, наконецъ, все-таки не выдерживалъ.... Благодаря этимъ-то личностямъ, вино не оскудѣвало въ острогъ...

Наконецъ, былъ еще одинъ доходъ, хотя не обогащавшій арестантовъ, но постоянный и благодѣтельный. Это подаяніе. Высшій классъ нашего общества не имѣетъ понятія, какъ заботятся о „несчастныхъ“ купцы, мѣщане и весь народъ нашъ. Подаяніе бываетъ почти непрерывное и почти всегда хлѣбомъ, сайками и калачами, гораздо рѣже деньгами. Безъ этихъ подаяній, во многихъ мѣстахъ арестантамъ, особенно подсудимымъ, которые содержатся гораздо строже рѣшенныхъ, было бы слишкомъ трудно. Подаяніе религиозно дѣлится арестантами поровну. Если неостанетъ на всѣхъ, то калачи разрѣзаются поровну, иногда даже на шесть частей, и каждый заключенный непременно получаетъ себѣ свой кусокъ. Помню, какъ я, въ первый разъ, получилъ денежное подаяніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая какъ ангельчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ, въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копейки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной...—На, „несчастный“, возьми Христа ради,

копеечку! кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руку монетку. Я взялъ ея копеечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копеечку я долго берегъ у себя.

II.

Первыя впечатлѣнія.

Первый мѣсяцъ и вообще начало моей осторожной жизни живо представляются теперь моему воображенію. Послѣдующіе мои осторожные годы мелькаютъ въ воспоминаніи моемъ гораздо тусклѣе. Иные, какъ будто, совсѣмъ ступевались, слились между собою, оставивъ по себѣ одно цѣльное впечатлѣніе: тяжелое, однообразное, удушающее.

Но все, что я выжилъ въ первые дни моей каторги, представляется мнѣ теперь какъ будто вчера случившимся. Да такъ и должно быть.

Помню ясно, что съ перваго шага въ этой жизни поразило меня то, что я, какъ будто, и не нашелъ въ ней ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго или, лучше сказать, неожиданнаго. Все это, какъ будто, и прежде мелькало передо мной въ воображеніи, когда я, идя въ Сибирь, старался угадать впередъ мою долю. Но скоро бездна самыхъ странныхъ неожиданностей, самыхъ чудовищныхъ фактовъ начала останавливать меня почти на каждомъ шагу. И уже только впоследствии, уже довольно долго поживъ въ острогѣ, осмыслилъ я вполне всю исключительность, всю неожиданность такого существованія, и все болѣе и болѣе дивился на него. Признаюсь, что это удивленіе сопровождало меня во весь долгій срокъ моей каторги; я никогда не могъ примириться съ нею.

Первое впечатлѣніе мое, при поступленіи въ острогъ, вообще было самое отвратительное; но, несмотря на то, — странное дѣло, — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой. Арестанты, хоть и въ кандалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногіе), а по ночамъ иные заводили картежь. Самая работа, напимѣръ, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы — не столько въ трудности и непрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ-подъ палки. Мужикъ на волѣ работаетъ,

пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночамъ, особенно лѣтомъ; но онъ работаетъ на себя, работаетъ съ разумною цѣлью, и ему несравненно легче, чѣмъ каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной работѣ. Мнѣ пришло разъ на мысль, что если-бъ захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжнаго, то сама въ себѣ, какъ работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ кирпичъ, копаетъ землю, штукатуритъ, строитъ; въ работѣ этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ее ловче, спорѣе, лучше. Но если-бъ заставить его, на примѣръ, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно,—я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выйти изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось бы въ пытку, въ мщеніе, и было бы бессмысленно, потому что не достигало бы никакой разумной цѣли. Но такъ какъ часть такой пытки, бессмыслицы, униженія и стыда есть непремѣнно и во всякой вынужденной работѣ, то и каторжная работа несравненно мучительнѣе всякой вольной, именно тѣмъ, что вынужденная.

Впрочемъ, я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и еще не имѣлъ понятія о лѣтней работѣ, впятеро тяжелѣйшей. Зимою же въ нашей крѣпости казенныхъ работъ вообще было мало. Арестанты ходили па Иртышъ ломать старыя казенныя барки, работали по мастерскимъ, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастръ и проч., и проч. Зимній день былъ коротокъ; работа кончалась скоро и весь нашъ людъ возвращался въ острогъ рано, гдѣ ему почти бы нечего было дѣлать, если-бъ не случилось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась, можетъ-быть, только треть арестантовъ; остальные же били баклуши, слонялись безъ нужды по вѣзмъ казармамъ острога, ругались, заводили межъ собой интриги, исторіи, налива-

лись, если наvertsывались хоть какія-нибудь деньги; по ночамъ проигрывали въ карты послѣднюю рубашку, и все это отъ тоски, отъ праздности, отъ нечего дѣлать. Впослѣдствіи я понималъ, что, кромѣ лишенія свободы, кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще одна мука, чуть-ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это *вынужденное общее сожителство*. Общее сожителство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогѣ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось бы сжиться съ ними, и я увѣренъ, что всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя, конечно, большею частью безсознательно.

Также и пища показалась мнѣ довольно достаточною. Арестанты увѣряли, что такой нѣтъ въ арестантскихъ ротахъ Европейской Россіи. Объ этомъ я не берусь судить: я тамъ не былъ. Къ тому же многіе имѣли возможность имѣть собственную пищу. Говядина стоила у насъ грошъ за фунтъ, лѣтомъ три копейки. Но собственную пищу заводили только тѣ, у которыхъ водились постоянныя деньги; большинство же каторги ѣло казенную. Впрочемъ, арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало: при выдачѣ съ вѣсу треть людей была бы голодная; въ артели же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ, и этимъ славился во всемъ городѣ. Приписывали это удачному устройству острожныхъ печей. Щи же были очень не казисты. Онѣ варились въ общемъ котлѣ, слегка заправлялись крупой и, особенно въ будніе дни, были жидкія, тощія. Меня ужаснуло въ нихъ огромное количество таракановъ. Арестанты же не обращали на это никакого вниманія.

Первые три дня я не ходилъ на работу; такъ поступали и со всякимъ новоприбывшимъ: давалось отдохнуть съ дороги. Но на другой же день мнѣ пришлось выйти изъ острога, чтобъ перековаться. Кандалы мои были не форменные, кольчатые, „мелкозвонъ“, какъ называли ихъ арестанты. Они носились наружу. Форменные же острожные кандалы, приспособленные къ работѣ, состояли не изъ колець, а изъ четырехъ желѣзныхъ прутьевъ, почти въ палець толщиною, соединенныхъ между собою тремя кольцами. Ихъ должно было надѣвать подъ панталоны. Къ срединному кольцу привязывался ремень, который въ

свою очередь прикрѣплялся къ поясному ремню, надѣвавшемуся прямо на рубашку.

Помню первое мое утро въ казармѣ. Въ кордегардіи у осторожныхъ воротъ барабанъ пробилъ зорю и, минутъ черезъ десять, караульный унтеръ-офицеръ началъ отпирать казармы. Стали просыпаться. При тускломъ свѣтѣ отъ шестериковой сальной свѣчи, подымались арестанты, дрожа отъ холода, съ своихъ наръ. Большая часть была молчалива и угрюма со сна. Они зѣвали, потягивались и морщили свои клейменные лбы. Иные крестились, другіе уже начинали вздорить. Духота была страшная. Свѣжій зимній воздухъ ворвался въ дверь, какъ только ее отворили, и клубами пара понесся по казармѣ. У ведеръ съ водой столпились арестанты; они по очереди брали ковшъ, набирали въ ротъ воды и умывали себѣ руки и лицо изо рта. Вода заготовлялась съ вечера парашникомъ. Во всякой казармѣ по положенію былъ одинъ арестантъ, выбранный артелью, для прислуги въ казармѣ. Онъ назывался парашникомъ и не ходилъ на работу. Его занятіе состояло въ наблюденіи за чистотой казармы, въ мытьѣ и въ скобленіи наръ и половъ, въ приносѣ и выносѣ ночного ушата и въ доставленіи свѣжей воды въ два ведра—утромъ для умыванья, а днемъ для питья. Изъ-за ковша, который былъ одинъ, начались немедленно ссоры.

— Куда лѣзешь, лзевый лобъ! ворчалъ одинъ угрюмый, высокій арестантъ, сухощавый и смуглый, съ какими-то странными выпуклостями на своемъ бритомъ черепѣ, толкая другого, толстаго и приземистаго, съ веселымъ и румянымъ лицомъ.—Постой!

— Чего кричишь! За постой у насъ деньги платятъ;—самъ проваливай! Ишь монументъ вытянулся. То-есть, никакой-то, братцы, въ немъ фортикультяпности нѣтъ.

Фортикультяпность произвела нѣкоторый эффектъ: многие засмѣялись. Того только и надо было веселому толстяку, который, очевидно, былъ въ казармѣ чѣмъ-то въ родѣ добровольнаго шута. Высокій арестантъ посмотрѣлъ на него съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Бирюлина корова! проговорилъ онъ какъ бы про себя,—ишь отѣлся на острожномъ чистякѣ *). Радъ, что къ розговѣню двѣнадцать поросятъ принесеть.

Толстякъ наконецъ разсердился.

*) Чистякомъ назывался хлѣбъ изъ чистой муки, безъ примѣси.

— Да ты что за птица такая? вскричалъ онъ, вдругъ раскраснѣвшись.

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?

— Да ужъ одно слово такая.

— Да какая?

Оба впились глазами другъ въ друга. Толстякъ ждалъ отвѣта и сжалъ кулаки, какъ будто хотѣлъ тотчасъ же кинуться въ драку. Я и вправду думалъ, что будетъ драка. Для меня все это было ново, и я смотрѣлъ съ любопытствомъ. Но въ послѣдствіи я узналъ, что всѣ подобныя сцены были чрезвычайно невинны и разыгрывались, какъ въ комедіи, для всеобщаго удовольствія; до драки же никогда почти не доходило. Все это было довольно характерно и изображало нравы острога.

Высокій арестантъ стоялъ спокойно и величаво. Онъ чувствовалъ, что на него смотрять и ждутъ: осрамится ли онъ или нѣтъ своимъ отвѣтомъ; что надо было подержать себя, доказать, что онъ дѣйствительно птица, и показать, какая именно птица. Съ невыразимымъ презрѣніемъ скосилъ онъ глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотреть на него какъ-то черезъ плечо, сверху внизъ, какъ будто онъ разглядывалъ его, какъ букашку, и медленно и внятно произнесъ:

— Кагань!..

То-есть, что онъ птица кагань. Громкій залпъ хохота привѣтствовалъ находчивость арестанта.

— Подлецъ ты, а не кагань! заревѣлъ толстякъ, почувствовавъ, что срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и дойдя до крайняго бѣшенства.

Но только что ссора стала серьезною, молодцовъ немедленно осадил.

— Что загалдѣли! закричала на нихъ вся казарма.

— Да вы лучше подеритесь, чѣмъ горло-то драть! прокричалъ кто-то изъ-за угла.

— Да, держи, подерутся! раздалось въ отвѣтъ.— У насъ народъ бойкій, задорный; семеро одного не боимся...

— Да и оба хороши!.. Одинъ за фунтъ хлѣба въ острогъ пришелъ, а другой—крыношная блудница, у бабы просто-кишу поѣлъ, за то и кнута хватилъ.

— Ну-ну-ну, полно вамъ! закричалъ инвалидъ, прожи-

вавший для порядка въ казармѣ и поэтому спавшій въ углу на особой койкѣ.

— Вода, ребята! Невадидъ Петровичъ проснулся! Невадиду Петровичу, родимому братцу!

— Братъ... Какой я тебѣ братъ? Рубля вмѣстѣ не пропили, а братъ! ворчалъ инвалидъ, натягивая въ рукава шинель.

Готовились къ повѣркѣ; начало разсвѣтать; въ кухнѣ набралась густая толпа народу, не въ прорѣзъ. Арестанты толпились въ своихъ полушубкахъ и въ половинчатыхъ шапкахъ у хлѣба, который рѣзали имъ одинъ изъ кашеваровъ. Кашевары выбирались артелью, въ каждую кухню по-двое. У нихъ же сохранялся и кухонный ножъ для рѣзанія хлѣба и мяса, на всю кухню одинъ.

По всѣмъ угламъ и около столовъ размѣстились арестанты, въ шапкахъ, въ полушубкахъ и подпоясанные, готовые выйти сейчасъ на работу. Передъ нѣкоторыми стояли деревянные чашки съ квасомъ. Въ квасъ крошили хлѣбъ и прихлебывали. Гамъ и шумъ былъ нестерпимый; но нѣкоторые благоразумно и тихо разговаривали по угламъ.

— Старичку Антонычу хлѣбъ да соль, здравствуй! проговорилъ молодой арестантъ, усаживаясь подлѣ нахмуреннаго и беззубаго арестанта.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, проговорилъ тотъ, не поднимая глазъ и стараясь ужевать хлѣбъ своими беззубыми деснами.

— А вѣдь я, Антонычъ, думалъ, что ты померъ; право-ну.

— Нѣтъ, ты сперва помри, а я послѣ...

Я сѣлъ подлѣ нихъ. Справа меня разговаривали два степенные арестанта, видимо стараясь другъ передъ другомъ сохранить свою важность.

— У меня небось не украдутъ, говорилъ одинъ, — я, братъ, самъ боюсь, какъ бы чего не украсть.

— Ну, да и меня голой рукой не бери: обожгу.

— Да чего обожжешь-то? Такой же варнакъ; больше и названья намъ нѣтъ... она тебя оберетъ, да и не поклонится. Тутъ, братъ, и моя копеечка умылась. Намедни сама пришла. Куда съ ней дѣться? Началъ проситься къ Ѳедкѣ-палачу: у него еще въ форштатѣ домъ стоялъ, у Соломонки-паршиваго у жида купилъ, вотъ еще который потомъ удавился.

— Знаю. Онъ у насъ въ третьемъ годѣ въ цѣловальникахъ сидѣлъ, а по прозвищу Гришка—темный кабакъ. Знаю.

— А вотъ и не знаешь; это другой темный кабакъ.

— Какъ не другой! Знать ты толсто знаешь! Да я тебѣ столько посредственникововъ приведу...

— Приведешь! Ты откуда, а я чей?

— Чей! Да я вотъ тебя и биваль, да не хвастаю, а то еще чей!

— Ты биваль! Да кто меня прибьетъ, еще тотъ не родился; а кто биваль, тотъ въ землѣ лежитъ.

— Чума бендерская!

— Чтобъ-те язвила язва сибирская!

— Чтобъ съ тобой говорила турецкая сабля!..

И пошла ругань.

— Ну-ну-ну! Загальдѣли! закричали кругомъ.—На волѣ не умѣли жить; рады, что здѣсь до чистяка добрались...

Тотчасъ уймуть. Ругаться, „колотить“ языкомъ позволяется. Это отчасти и развлеченіе для всѣхъ. Но до драки не всегда допустить, и только развѣ въ исключительномъ случаѣ враги подерутся. О дракѣ донесутъ маіору; начнутся розыски, прійдетъ самъ маіоръ, — однимъ словомъ, всѣмъ не хорошо будетъ, а потому-то драка и не допускается. Да и сами враги ругаются больше для развлечения, для упражненія въ слогѣ. Нерѣдко сами себя обманываютъ, начинаютъ съ страшной горячкой, съ остервенѣніемъ... думаешь: вотъ бросятся другъ на друга; ничуть не бывало: дойдутъ до извѣстной точки и тотчасъ расходятся. Все это меня сначала чрезвычайно удивляло. Я нарочно привелъ здѣсь примѣръ самыхъ обыкновенныхъ каторжныхъ разговоровъ. Не могъ я представить себѣ сперва, какъ можно ругаться изъ удовольствія, находить въ этомъ забаву, милое упражненіе, пріятность? Впрочемъ, не надо забывать и тщеславія. Діалектикъ-ругатель былъ въ уваженіи. Ему только что не аплодировали, какъ актеру.

Еще вчера съ вечера замѣтилъ я, что на меня смотрятъ косо.

Я уже поймалъ нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Напротивъ, другіе арестанты ходили около меня, подозрѣвая, что я принесъ съ собой деньги. Они тотчасъ же стали подслуживаться: начали учить меня, какъ носить новые кандалы; достали мнѣ, конечно, за деньги, сундучоѣ съ

замкомъ, чтобъ спрятать въ него уже выданныя мнѣ казенныя вещи и нѣсколько моего бѣлья, которое я принесъ въ острогъ. На другой же день они у меня его украли и пропили. Одинъ изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи преданнѣйшимъ мнѣ человѣкомъ, хотя и не переставалъ обкрадывать меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ дѣлалъ это безъ всякаго смущенія, почти безсознательно, какъ будто по обязанности, и на него невозможно было сердиться.

Между прочимъ, они научили меня, что должно имѣть свой чай, что не худо мнѣ завести и чайникъ, а пока мѣстъ достали мнѣ на поддержаніе чужой и рекомендовали мнѣ кашевара, говоря, что копеекъ за тридцать въ мѣсяцъ онъ будетъ стряпать мнѣ что угодно, если я пожелаю ѣсть особо и покупать себѣ провіантъ... Разумѣется, они заняли у меня денегъ и каждый изъ нихъ въ одинъ первый день приходилъ занимать раза по три.

На бывшихъ дворянъ въ каторгѣ вообще смотрятъ мрачно и неблагоклонно.

Несмотря на то, что тѣ уже лишены всѣхъ своихъ правъ состоянія и вполне сравнены съ остальными арестантами,—арестанты никогда не признаютъ ихъ своими товарищами. Это дѣлается даже не по сознательному предубѣжденію, а такъ, совершенно искренно, бессознательно. Они искренно признавали насъ за дворянъ, несмотря на то, что сами же любили дразнить насъ нашимъ паденіемъ.

— Нѣтъ, теперь полно, постой! Бывало Петръ черезъ Москву преть, а нынче Петръ веревки вѣетъ, и проч., и проч. любезности.

Они съ любовью смотрѣли на наши страданія, которыя мы старались имъ не показывать. Особенно доставалось намъ сначала на работѣ, за то, что въ насъ не было столько силы, какъ въ нихъ, и что мы не могли имъ вполне помогать. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ войти къ народу въ довѣренность (и особенно къ такому народу) и заслужить его любовь.

Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ изъ дворянъ. Во-первыхъ, человѣкъ пять поляковъ. О нихъ я поговорю когда-нибудь особо. Каторжные страшно не любили поляковъ, даже больше, чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне несообщительны и никакъ не могли

скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили тою же монетою.

Мнѣ надо было почти два года прожить въ острогѣ, чтобъ приобрести расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ. Но большая часть изъ нихъ, наконецъ, меня полюбила и признала за „хорошаго“ человѣка.

Изъ русскихъ дворянъ, кромѣ меня, было четверо. Одинъ — низкое и подленькое созданіе, страшно развращенное, шпионъ и доносчикъ по ремеслу. Я слышалъ о немъ еще до прихода въ острогъ и съ первыхъ же дней прервалъ съ нимъ всякія отношенія. Другой — тотъ самый отцеубійца, о которомъ я уже говорилъ въ своихъ запискахъ. Третій былъ Акимъ Акимычъ; рѣдко видалъ я такого чудака, какъ этотъ Акимъ Акимычъ. Рѣзко отпечатался онъ въ моей памяти. Былъ онъ высокъ, худощавъ, слабоумень, ужасно безграмотенъ, чрезвычайный резонеръ и аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Каторжные смѣялись надъ нимъ, но нѣкоторые даже боялись съ нимъ связываться за придиричивый, взыскательный и вздорный его характеръ. Онъ съ перваго шага сталъ съ ними за панибрата, ругался съ ними, даже дрался. Честенъ онъ былъ феноменально. Замѣтитъ несправедливость и тотчасъ же ввяжется, хоть бы не его было дѣло. Наивенъ до крайности: онъ, напримѣръ, бранясь съ арестантами, корилъ ихъ иногда за то, что они были воры, и серьезно убѣждалъ ихъ не воровать. Служилъ онъ на Кавказѣ прапорщикомъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго же дня, и онъ тотчасъ же рассказалъ мнѣ свое дѣло. Началъ онъ на Кавказѣ же, съ юнкеровъ, въ пѣхотномъ полку, долго тянулъ ляжку, наконецъ былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ въ какое-то укрѣпленіе старшимъ начальникомъ. Одинъ сосѣдній мирный князекъ зажегъ его крѣпость и сдѣлалъ на нее ночное нападеніе; оно не удалось. Акимъ Акимычъ схитрилъ и не показалъ даже виду, что знаетъ, кто злоумышленникъ. Дѣло свалили на немирныхъ, а черезъ мѣсяць Акимъ Акимычъ зазвалъ князька къ себѣ по-дружески въ гости. Тотъ пріѣхалъ, ничего не подозрѣвая. Акимъ Акимычъ выстроилъ свой отрядъ, уличалъ и укорялъ князька всенародно; доказалъ ему, что крѣпости зажигать стыдно. Тутъ же прочелъ ему самое подробное наставленіе, какъ должно мирному князю вести себя впередъ и, въ заключеніе, разстрѣлялъ его, о

чем немедленно и донесъ начальству со всѣми подробностями. За все это его судили, приговорили къ смертной казни, но смягчили приговоръ и сослали въ Сибирь, въ каторгу второго разряда, въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. Онъ вполне сознавалъ, что поступилъ неправильно, говорилъ мнѣ, что зналъ объ этомъ и передъ разстрѣляніемъ князька, зналъ, что мирнаго должно было судить по законамъ; но, несмотря на то, что зналъ это, онъ какъ будто никакъ не могъ понять своей вины настоящимъ образомъ.

— Да помилуйте! Вѣдь онъ зажегъ мою крѣпость? Что-жъ мнѣ, поклониться, что-ли, ему за это? говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на мои возраженія.

Но, несмотря на то, что арестанты подсмѣивались надъ придурью Акима Акимыча, они все-таки уважали его за аккуратность и умѣлость.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ Акимъ Акимычъ. Онъ былъ столяръ, сапожникъ, башмачникъ, маляръ, золотильщикъ, слесарь, и всему этому обучился уже въ каторгѣ. Онъ дѣлалъ все самоучкой: взглянетъ разъ и сдѣлаетъ. Онъ дѣлалъ тоже разные ящики, корзинки, фонарики, дѣтскія игрушки и продавалъ ихъ въ городѣ. Такимъ образомъ у него водились деньги и онъ немедленно употреблялъ ихъ на лишнее бѣлье, на подушку помягче, завелъ складной тюфячокъ. Помѣщался онъ въ одной камерѣ со мною и многимъ услужилъ мнѣ въ первые дни моей каторги.

Выходя изъ острога на работу, арестанты строились передъ кордегардіей въ два ряда; спереди и сзади арестантовъ выстраивались конвойные солдаты съ заряженными ружьями. Являлись: инженерный офицеръ, кондукторъ и нѣсколько инженерныхъ нижнихъ чиновъ, приставовъ надъ работами. Кондукторъ разчитывалъ арестантовъ и посылалъ ихъ партіями куда нужно на работу.

Вмѣстѣ съ другими я отправился въ инженерную мастерскую. Это было низенькое каменное зданіе, стоявшее на большомъ дворѣ, заваленномъ разными матеріалами. Тутъ была кузница, слесарня, столярная, малярная и проч. Акимъ Акимычъ ходилъ сюда и работалъ въ малярной, варилъ олифу, составлялъ краски и раздѣлывалъ столы и мебель подъ орѣхъ.

Въ ожиданіи перековки, я разговорился съ Акимомъ Акимычемъ о первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ острогѣ.

— Да-съ, дворянъ они не любятъ, замѣтилъ онъ,—особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожій, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были и помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ-ли они васъ полюбить-съ? Здѣсь, я вамъ скажу, жить трудно. А въ россійскихъ арестантскихъ ротахъ еще труднѣе-съ. Вотъ у насъ есть оттуда, такъ не нахвалятся нашимъ острогомъ, точно изъ ада въ рай перешли. Не въ работѣ бѣда-съ. Говорятъ, тамъ, въ первомъ-то разрядѣ, начальство не совершенно военное-съ, по крайней мѣрѣ, другимъ манеромъ, чѣмъ у насъ, поступаетъ-съ. Тамъ, говорятъ, ссыльный можетъ жить своимъ домкомъ. Я тамъ не былъ, да такъ говорятъ-съ. Не бреютъ, въ мундирахъ не ходятъ-съ, хотя, впрочемъ, оно и хорошо, что у насъ они въ мундирномъ видѣ и бритые, все-таки порядку больше, да и глазу пріятнѣй-съ. Да только имъ-то это не нравится. Да и посмотрите, сбродъ-то какой-съ! Иной изъ кантонистовъ, другой изъ черкесовъ, третій изъ раскольниковъ, четвертый православный мужичокъ, семью, дѣтей милыхъ оставилъ на родинѣ, пятый жидъ, шестой цыганъ, седьмой неизвѣстно кто, и всѣ-то они должны ужиться вмѣстѣ, во что бы ни стало, согласиться другъ съ другомъ, ѣсть изъ одной чашки, спать на однѣхъ нарахъ. Да и воля-то какая: лишній кусокъ можно съѣсть только украдкой, всякій грошъ въ сапоги прятать, и все только и есть, что острогъ, да острогъ... Поневоля дурь пойдетъ въ голову.

Но это я ужъ зналъ. Мнѣ особенно хотѣлось разспросить о нашемъ майорѣ. Акимъ Акимычъ не секретничалъ и, помню, впечатлѣніе мое было не совсѣмъ пріятное.

Но еще два года мнѣ суждено было прожить подъ его начальствомъ. Все, что рассказалъ мнѣ о немъ Акимъ Акимычъ, оказалось вполне справедливымъ, съ тою разницею, что впечатлѣніе дѣйствительности всегда сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе отъ простаго рассказа. Страшный былъ это человѣкъ, именно потому, что такой человѣкъ былъ начальникомъ, почти неограниченнымъ, надъ двумястами душъ. Самъ по себѣ онъ только былъ безпорядочный и злой человѣкъ, больше ничего. На арестантовъ онъ смотрѣлъ какъ на своихъ естественныхъ враговъ, и это была первая и главная ошибка его. Онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторыя способности, но все, даже и хорошее, представлялось въ немъ въ такомъ исковерканномъ видѣ. Невоз-

держный, злой, онъ врывался въ острогъ даже иногда по ночамъ, а если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничъ, то на утро его наказывалъ: „спи, дескать, на правомъ боку, какъ я приказалъ“. Въ острогѣ его ненавидѣли и боялись, какъ чумы. Лицо у него было багровое, злобное. Всѣ знали, что онъ былъ вполне въ рукахъ своего денщика, Ѳедьки. Любилъ же онъ больше всего своего пуделя Трезорку и чуть съ ума не сошелъ съ горя, когда Трезорка заболѣлъ. Говорятъ, что онъ рыдалъ надъ нимъ, какъ надъ роднымъ сыномъ; прогналъ одного ветеринара и, по своему обыкновению, чуть не подрался съ нимъ, и, услышавъ отъ Ѳедьки, что въ острогѣ есть арестантъ, ветеринарь-самоучка, который лѣчитъ чрезвычайно удачно, немедленно призвалъ его.

— Выручи! Озолочу тебя, вылѣчи Трезорку! закричалъ онъ арестанту.

Это былъ мужикъ-сибирякъ, хитрый, умный, дѣйствительно очень ловкій ветеринарь, но вполне мужичокъ.

— Смотрю я на Трезорку, рассказывалъ онъ потомъ арестантамъ, впрочемъ, долго спустя послѣ своего визита къ маіору, когда уже все дѣло было забыто,—смотрю: лежитъ песъ на диванѣ, на бѣлой подушкѣ; и вѣдь вижу, что воспаленіе, что надоть бы кровь пустить и вылѣчился бы песъ, ей-ей говорю! Да и думаю про себя: а что, какъ не вылѣчу, какъ околѣеть? Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, поздно позвали, кабы вчера или третьяго дня, въ это же время, такъ вылѣчилъ бы пса; а теперь не могу, не вылѣчу...

Такъ и умеръ Трезорка.

Мнѣ рассказывали въ подробности, какъ хотѣли убить нашего маіора. Былъ въ острогѣ одинъ арестантъ. Онъ жилъ у насъ уже нѣсколько лѣтъ и отличался своимъ кроткимъ поведеніемъ. Замѣчали тоже, что онъ почти ни съ кѣмъ никогда не говорилъ. Его такъ и считали какимъ-то юродивымъ. Онъ былъ грамотный и весь послѣдній годъ постоянно читалъ Библію, читалъ и днемъ, и ночью. Когда всѣ засыпали, онъ вставалъ въ полночь, зажигалъ восковую церковную свѣчу, взлѣзалъ на печку, раскрывалъ книгу и читалъ до утра. Въ одинъ день онъ пошелъ и объявилъ унтеръ-офицеру, что не хочетъ идти на работу. Доложили маіору; тотъ вскипѣлъ и прискакалъ немедленно самъ. Арестантъ бросился на него съ приготовленнымъ заранѣе кирпичомъ, но промахнулся. Его схва-

жили, судили и наказали. Все произошло очень скоро. Через три дня онъ умеръ въ больницѣ. Умирая онъ говорилъ, что не имѣлъ ни на кого зла, а хотѣлъ только пострадать. Онъ, впрочемъ, не принадлежалъ ни къ какой раскольничьей сектѣ. Въ острогѣ вспоминали о немъ съ уваженіемъ.

Наконецъ, меня перековали. Между тѣмъ въ мастерскую явились одна за другою нѣсколько калачницъ. Иныя были совсѣмъ маленькія дѣвочки. До зрѣлаго возраста онѣ ходили обыкновенно съ калачами: матери пекли, а онѣ продавали. Войдя въ возрастъ, онѣ продолжали ходить, но уже безъ калачей; такъ почти всегда водилось. Были и не дѣвочки. Калачъ стоилъ грошъ и арестанты почти всѣ ихъ покупали.

Я замѣтилъ одного арестанта, столяра, уже сѣденькаго, но румянаго и съ улыбкой заигрывавшаго съ калачницами. Передъ ихъ приходомъ онъ только что наvertѣлъ на шею красненькій кумачный платочекъ. Одна толстая и совершенно рябая бабенка поставила на его верстакъ свою сельницу. Между ними начался разговоръ.

— Что-жъ вы вчера не приходили туда? заговорилъ арестантъ съ самодовольной улыбкой.

— Вотъ! Я пришла, а васъ Митькой звали, отвѣчала бойкая бабенка.

— Насъ погребовали, а то бы мы неизмѣнно находились при мѣстѣ... А ко мнѣ третьяго дня всѣ ваши приходили.

— Кто да кто?

— Марьяшка приходила, Хаврошка приходила, Чекунда приходила, Двугрошова приходила...

— Это что же? спросилъ я Акима Акимыча, — неужели?...

— Бываетъ-сь, отвѣчалъ онъ, скромно опустивъ глаза, потому что былъ чрезвычайно цѣломудренный человекъ.

Это, конечно, бывало, но очень рѣдко и съ величайшими трудностями. Вообще было больше охотниковъ, на примѣръ, хоть выпить, чѣмъ на такое дѣло, несмотря на всю естественную тягость вынужденной жизни. До женщинъ было трудно добраться. Надо было выбирать время, мѣсто, условливаться, назначать свиданія, искать уединенія, что было особенно трудно, склонять конвойныхъ, что было еще труднѣе, и вообще тратить бездну денегъ, судя относительно. Но все-таки мнѣ удавалось, впоследствии, иногда быть свидѣтелемъ и любовныхъ сценъ.

Помню, однажды лѣтомъ мы были втроемъ въ какомъ-то сараѣ на берегу Иртыша и протапливали какую-то обжигательную печку; конвойные были добрые. Наконецъ, явились двѣ „суфлеры“, какъ называютъ ихъ арестанты.

— Ну, что такъ засидѣлись? Небось у Звѣрковыхъ? встрѣтилъ ихъ арестантъ, къ которому онѣ пришли, давно уже ихъ ожидавшій.

— Я засидѣлась? Да давеча сорока на колѣхъ дольше чѣмъ я у нихъ посидѣла, отвѣчала весело дѣвица.

Это была наигрязнѣйшая дѣвица въ мірѣ. Она-то и была Чекунда. Съ ней вмѣстѣ пришла Двугрошова. Эта уже была внѣ всякаго описанія.

— И съ вами давно не видались, продолжалъ волокита, обращаясь къ Двугрошовой, — что это вы словно какъ похудѣли?

— А можетъ быть. Прежде-то я буды была толстая, а теперь — вотъ словно иглу проглотила.

— Все по солдатикамъ-съ?

— Нѣтъ, ужъ это вамъ про насъ злые люди набухвостили; а, впрочемъ, что-жъ-съ! Хоть безъ ребрушка ходить, да солдатика любить!

— А вы ихъ бросьте, а насъ любите; у насъ деньги есть...

Въ довершеніе картины представьте себѣ этого волокиту, бритаго, въ кандалахъ, полосатаго и подъ конвоемъ.

Я простился съ Акимомъ Акимычемъ и узнавъ, что мнѣ можно воротиться въ острогъ, взялъ конвойнаго и пошелъ домой. Народъ уже сходился. Прежде всѣхъ возвращаются съ работы работающіе на уроки. Единственное средство заставить арестанта работать усердно, это — задать ему урокъ. Иногда уроки задаются огромные, но все-таки они копчаются вдвое скорѣе, чѣмъ если-бъ заставили работать вплоть до обѣденнаго барабана. Окончивъ урокъ, арестантъ безпрепятственно шель домой, и уже никто его не останавливалъ.

Обѣдаютъ не вмѣстѣ, а какъ попало, кто раньше пришелъ; да и кухня не вмѣстила бы всѣхъ разомъ. Я попробовалъ щей, но съ непривычки не могъ ихъ ѣсть и заварилъ себѣ чаю. Мы усѣлись на концѣ стола. Со мной былъ одинъ товарищъ, такъ же какъ и я, изъ дворянъ.

Арестанты приходили и уходили. Было, впрочемъ, проторно; еще не всѣ собрались. Кучка въ пять человекъ усѣлась особо за большимъ столомъ. Кашеваръ налилъ

имъ въ двѣ чашки щей и поставилъ на столъ цѣлую латку съ жареной рыбой. Они что-то праздновали и ѣли свое. На насъ они поглядѣли искоса. Вошелъ одинъ полякъ и сѣлъ рядомъ съ нами.

— Дома не былъ, а все знаю! громко закричалъ одинъ высокій арестантъ, входя въ кухню и взглядомъ окидывая всѣхъ присутствующихъ.

Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, мускулистъ и сухощавъ. Въ лицѣ его было что-то лукавое и вмѣстѣ веселое. Въ особенности замѣчательна была его толстая, нижняя, отвисшая губа; она придавала его лицу что-то чрезвычайно комическое.

— Ну, здорово почевали! Что-жъ не здороваются? Нашимъ курскимъ! прибавилъ онъ, усаживаясь подлѣ обѣдавшихъ свое кушанье, — хлѣбъ да соль! Встрѣчайте гостя.

— Да мы, братъ, не курскіе.

— Аль тамбовскимъ?

— Да и не тамбовскіе. Съ насъ, братъ, тебѣ нечего взять. Ты ступай къ богатому мужику, тамъ проси.

— Въ брюхѣ-то у меня, братцы, сегодня Иванъ-Таскунъ, да Марья-Икотишна; а гдѣ онъ, богатый мужикъ, живетъ?

— Да вонъ Газинъ богатый мужикъ; къ нему и ступай.

— Кутить, братцы, сегодня Газинъ, запилъ: весь кошель пропиваетъ.

— Цѣлковыхъ двадцать есть, замѣтилъ другой. — Выгодно, братцы, цѣловальникомъ быть.

— Что-жъ, не примете гостя? Ну, такъ похлебаемъ и казеннаго.

— Да ты ступай проси чаю. Вонъ баре пьютъ.

— Какіе баре, тутъ нѣтъ баръ; такіе же, какъ и мы теперь, мрачно промолвилъ одинъ сидѣвшій въ углу арестантъ. До сихъ поръ онъ не проговорилъ ни слова.

— Напился бы чаю, да просить совѣстно: мы съ анбиціей! замѣтилъ арестантъ съ толстой губой, добродушно смотря на насъ.

— Если хотите, я вамъ дамъ, сказалъ я, приглашая арестанта, — угодно?

— Угодно? Да ужъ какъ не угодно!

Онъ подошелъ къ столу.

— Ишь, дома лаптемъ щи хлебаль, а здѣсь чай узналъ; господскаго питья захотѣлось, проговорилъ мрачный арестантъ.

— А развѣ здѣсь никто не пьетъ чаю? спросилъ я его. Но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Вонъ и калачи несутъ. Ужъ удостойте и калачика! Внесли калачи. Молодой арестантъ несъ цѣлую связку и распродалъ ее по острогу. Калачница уступала ему десятый калачъ; на этотъ-то калачъ онъ и рассчитывалъ.

— Калачи, калачи! кричалъ онъ, входя въ кухню, — московскіе, горячіе! Самъ бы ѣлъ, да денегъ надо. Ну, ребята, послѣдній калачъ остался: у кого мать была?

Это воззваніе къ материнской любви разсмѣшило всѣхъ, и у него взяли нѣсколько калачей.

— А что, братцы, проговорилъ онъ, — вѣдь Газинъ-то сегодня догуляется до грѣха! Ей-Богу! Когда гулять вздумалъ. Неравно осмиглазый пріѣдетъ.

— Спрячутъ. А что, крѣпко пьянъ?

— Куды! Злой, пристаеть.

— Ну, такъ догуляется до кулаковъ...

— Про кого они говорятъ? спросилъ я поляка, сидѣвшаго рядомъ со мною.

— Это Газинъ, арестантъ. Онъ торгуетъ здѣсь виномъ. Когда наторгуетъ денегъ, тотчасъ же ихъ пропиваетъ. Онъ жестокъ и золъ; впрочемъ, трезвый смиренъ; когда же напьется, то весь наружу; на людей съ ножомъ кидается. Тутъ ужъ его унимаютъ.

— Какъ же унимаютъ?

— На него бросаются человѣкъ десять арестантовъ и начинаютъ ужасно бить, до тѣхъ поръ, пока онъ не лишится всѣхъ чувствъ, то-есть бьютъ до полусмерти. Тогда укладываютъ его на нары и накрываютъ полушубкомъ.

— Да вѣдь они могутъ его убить!

— Другого бы убили, но его нѣтъ. Онъ ужасно силенъ, сильнѣе здѣсь всѣхъ въ острогѣ и самаго крѣпкаго сложенія. На другое же утро онъ совершенно здоровый.

— Скажите, пожалуйста, продолжалъ я спрашивать поляка, — вѣдь вотъ они тоже ѣдятъ свое кушанье, а я пью чай. А между тѣмъ они смотрятъ, какъ будто завидуютъ за этотъ чай. Что это значитъ?

— Это не за чай, отвѣчалъ полякъ. — Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придратъся. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, унижить. Вы еще много увидите здѣсь неприяностей. Здѣсь ужасно тяжело для всѣхъ насъ. Намъ всѣхъ тяжелѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

Нужно много равнодушія, чтобъ къ этому привыкнуть. Вы еще не разъ встрѣтите непріятности и брань за чай и за особую пищу, несмотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя.

Проговоривъ это, онъ всталъ и ушелъ изъ-за стола. Черезъ нѣсколько минутъ сбылись и слова его.

III.

Первыя впечатлѣнія.

Только что ушелъ М—цкій (тотъ полякъ, который говорилъ со мною), Газинъ, совершенно пьяный, ввалился въ кухню.

Пьяный арестантъ, среди бѣла-дня, въ будній день, когда всѣ обязаны были выходить на работу, при строгомъ начальникѣ, который каждую минуту могъ пріѣхать въ острогъ, при унтеръ-офицерѣ, завѣдующемъ каторжными и находящемся въ острогѣ безоглушно; при караульныхъ, при инвалидахъ, однимъ словомъ, при всѣхъ этихъ строгостяхъ,—совершенно спутывалъ всѣ зарождавшіяся во мнѣ понятія объ арестантскомъ житьѣ-бытьѣ. И довольно долго пришлось мнѣ прожить въ острогѣ, прежде чѣмъ я разъяснилъ себѣ всѣ такіе факты, столь загадочные для меня въ первые дни моей каторги.

Я говорилъ уже, что у арестантовъ всегда была собственная работа и что эта работа—естественная потребность каторжной жизни; что, кромѣ этой потребности, арестантъ страстно любитъ деньги и цѣнитъ ихъ выше всего, почти наравнѣ со свободой, и что онъ уже утѣшенъ, если онѣ звенятъ у него въ карманѣ. Напротивъ, онъ унылъ, грустенъ, безпокоенъ и падаетъ духомъ, если ихъ нѣтъ, и тогда онъ готовъ и на воровство, и на что попало, только бы ихъ добыть. Но, несмотря на то, что въ острогѣ деньги были такою драгоценностью, онѣ никогда не залеживались у счастливца, ихъ имѣющаго. Во-первыхъ, трудно было сохранить, чтобъ не украли ихъ или не отобрали. Если маіоръ добирался до нихъ, при внезапныхъ обыскахъ, то немедленно отбиралъ. Можетъ-быть, онъ употреблялъ ихъ на улучшеніе арестантской пищи; по крайней мѣрѣ, онѣ приносились къ нему. Но всего чаще ихъ крали: ни на кого нельзя было положиться. Впослѣдствіи у насъ открыли способъ сохранять деньги съ полною безопасностью. Онѣ отдавались на со-

храненіе старику-старовѣру, поступившему къ намъ изъ стародубовскихъ слободъ, бывшихъ когда-то Вѣтковцевъ... Но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя и отвлекаюсь отъ предмета.

Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденыій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодущное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился „стоять за вѣру“, какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ; дома оставилъ жену, дѣтей; но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что въ ослѣпленіи своемъ считалъ ее „мукою за вѣру“. Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ, какъ могъ этотъ смиренный, кроткій, какъ дитя, человекъ быть бунтовщикомъ? Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ „о вѣрѣ“. Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій, но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А между тѣмъ онъ разорилъ церковь и не запирался въ этомъ. Казалось, что, по своимъ убѣжденіямъ, свой поступокъ и принятія за него „муки“ онъ долженъ бы былъ считать славнымъ дѣломъ. Но какъ ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Были у насъ въ острогѣ и другіе старообрядцы, большею частью сибиряки. Это былъ сильно развитой народъ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоѣды и, по-своему, сильные діалектики; народъ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый въ высочайшей степени. Совсѣмъ другой человекъ былъ старикъ. Начетчикъ, можетъ-быть, больше ихъ, онъ уклонялся отъ споровъ. Характера былъ въ высшей степени

сообщительнаго. Онъ былъ весель, часто смѣялся—не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шелъ къ сѣдинамъ. Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что по смѣху можно узнать человѣка, и если вамъ съ первой встрѣчи пріятенъ смѣхъ кого-нибудь изъ совершенно незнакомыхъ людей, то смѣло говорите, что это человѣкъ хорошій. Во всемъ острогѣ старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его. Я отчасти понялъ, какое могъ онъ имѣть вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Но, несмотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась глубокая, неизлѣчимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачъ. Старикъ сидѣлъ на печи (той самой, на которой прежде него по ночамъ молился зачитавшійся, хотѣвшій убить маіора) и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: „Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидѣться!“ Не могу разказать, какъ мнѣ стало грустно. Вотъ этому-то старику мало-по-малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть. Знали, что онъ куда-то пряталъ врученныя ему деньги, но въ такое потаенное мѣсто, что никому нельзя было ихъ отыскать. Впослѣдствіи мнѣ и нѣкоторымъ изъ поляковъ онъ объяснилъ свою тайну. Въ одной изъ палъ былъ сучокъ, повидимому, твердо сросшійся съ деревомъ. Но онъ вынимался и въ деревѣ оказалось большое углубленіе. Туда-то дѣдушка пряталъ деньги и потомъ опять вкладывалъ сучокъ, такъ что никто никогда не могъ ничего отыскать.

Но я отклонился отъ разказа. Я остановился на томъ: почему въ карманѣ у арестанта не залеживались деньги. Но кромѣ труда убережъ ихъ, въ острогѣ было столько тоски; арестантъ же, по природѣ своей, существо до того жаждущее свободы и, наконецъ, по соціальному своему положенію, до того легкомысленное и безпорядочное, что

его естественно влечетъ вдругъ „развернуться на всѣ“, закутить на весь капиталъ, съ громомъ и съ музыкой, такъ чтобъ забыть, хоть на минуту, тоску свою. Даже странно было смотрѣть, какъ иной изъ нихъ работаетъ, не разгибая шеи, иногда по нѣсколько мѣсяцевъ, единственно для того, чтобъ въ одинъ день спустить весь заработокъ, все до чиста, а потомъ опять, до новаго кутежа, нѣсколько мѣсяцевъ корпѣть за работой. Многіе изъ нихъ любили заводить себѣ обновки, и непременно партикулярнаго свойства: какіе-нибудь неформенные, черные штаны, поддевки, сибирки. Въ большемъ употребленіи были тоже ситцевыя рубашки и пояса съ мѣдными бляхами. Рядились въ праздники, и разрядившійся непременно, бывало, пройдетъ по всѣмъ казармамъ показать себя всему свѣту. Довольство хорошо одѣтаго доходило до ребячества, да и во многомъ арестанты были совершенныя дѣти. Правда, всѣ эти хорошія вещи какъ-то вдругъ исчезали отъ хозяина, иногда въ тотъ же вечеръ закладывались и спускались за безцѣнокъ. Впрочемъ, кутежъ развертывался постепенно. Пригонялся онъ обыкновенно или къ праздничнымъ днямъ, или къ днямъ именинъ кутившаго. Арестантъ-именинникъ, вставая поутру, ставилъ къ образу свѣчку и молился; потомъ наряжался и заказывалъ себѣ обѣдъ. Покупалась говядина, рыба, дѣлались сибирскія пельмени; онъ наѣдался какъ волъ, почти всегда одинъ, рѣдко приглашая товарищей раздѣлить свою трапезу. Потомъ появлялось вино: именинникъ напивался какъ стелька и непременно ходилъ по казармамъ, покачиваясь и спотыкаясь, стараясь показать всѣмъ, что онъ пьянъ, что онъ „гуляетъ“, и тѣмъ заслужить всеобщее уваженіе. Вездѣ въ русскомъ народѣ къ пьяному чувствуется нѣкоторая симпатія; въ острогѣ же къ загулявшему даже дѣлались почтительны. Въ осторожной гульбѣ былъ своего рода аристократизмъ. Развеселившись, арестантъ непременно нанималъ музыку. Былъ въ острогѣ одинъ полячокъ изъ бѣглыхъ солдатъ, очень гаденькій, но игравшій на скрипкѣ и имѣвшій при себѣ инструментъ—все свое достояніе. Ремесла онъ не имѣлъ никакого и тѣмъ только и промыслялъ, что нанимался къ гуляющимъ играть веселые танцы. Должность его состояла въ томъ, чтобъ безотлучно слѣдовать за своимъ пьянымъ хозяиномъ изъ казармы въ казарму и пилить на скрипкѣ изо всей мочи. Часто на лицѣ его являлась скука, тоска.

Но окрикъ: „играй, деньги взять!“ заставлялъ его снова пилить и пилить. Арестантъ, начиная гулять, могъ быть твердо увѣренъ, что если онъ ужъ очень напьется, то за нимъ непременно присмотрятъ, въ-время уложатъ спать и всегда куда-нибудь спрячутъ при появленіи начальства, и все это совершенно безкорыстно. Съ своей стороны, унтеръ-офицеръ и инвалиды, жившіе для порядка въ острогѣ, могли быть тоже совершенно спокойны: пьяный не могъ произвести никакого беспорядка. За нимъ смотрѣла вся казарма, и если-бъ онъ зашумѣлъ, забунтовалъ—его бы тотчасъ же усмирили, даже просто связали бы. А потому низшее острожное начальство смотрѣло на пьянство сквозь пальцы, да и не хотѣло замѣчать. Оно очень хорошо знало, что не позволъ вина, такъ будетъ и хуже. Но откуда же доставалось вино?

Вино покупалось въ острогѣ же, у такъ-называемыхъ цѣловальниковъ. Ихъ было нѣсколько человѣкъ, и торговлю свою они вели непрерывно и успѣшно, несмотря на то, что пьющихъ и „гуляющихъ“ было вообще немного, потому что гульба требовала денегъ, а арестантскія деньги добывались трудно. Торговля начиналась, шла и разрѣшалась довольно оригинальнымъ образомъ. Иной арестантъ, положимъ, не имѣетъ ремесла и не желаетъ трудиться (такіе бывали), но хочетъ имѣть деньги и притомъ человѣкъ вѣтерпѣливый, хочетъ скоро нажиться. У него есть нѣсколько денегъ для начала, и онъ рѣшается торговать виномъ: предпріятіе смѣлое, требующее большого риска. Можно было за него поплатиться спиной и разомъ лишиться товара и капитала. Но цѣловальникъ на то идетъ. Денегъ у него сначала немного, и потому въ первый разъ онъ самъ проноситъ въ острогъ вино и, разумѣется, сбываетъ его выгоднымъ образомъ. Онъ повторяетъ опытъ второй и третій разъ, и если не попадаетъ начальству, то быстро расторговывается, и только тогда основываетъ настоящую торговлю на широкихъ основаніяхъ; дѣлается антрепренеромъ, капиталистомъ, держитъ агентовъ и помощниковъ, рискуетъ гораздо меньше, а наживается все больше и больше. Рискуютъ за него помощники.

Въ острогѣ всегда бываетъ много народу промотавшагося, проигравшагося, прогулявшаго все до копейки, народу безъ ремесла, жалкаго и оборваннаго, но одареннаго до извѣстной степени смѣлостью и рѣшимостью. У

такихъ людей остается, въ видѣ капитала, въ цѣлости одна только спина; она можетъ еще служить къ чему-нибудь, и вотъ этотъ-то послѣдній капиталъ промотавшійся гуляка и рѣшается пустить въ оборотъ. Онъ идетъ къ антрепренеру и нанимается къ нему для проноски въ острогъ вина; у богатаго цѣловальника такихъ работниковъ нѣсколько. Гдѣ-нибудь внѣ острога существуетъ такой человекъ, — изъ солдатъ, изъ мѣщанъ, иногда даже дѣвка, — который на деньги антрепренера и за извѣстную премію, сравнительно очень не малую, покупаетъ въ кабацкѣ вино и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, куда арестанты приходятъ на работу. Почти всегда поставщикъ первоначально испробовываетъ доброту водки и отпитое — безчеловѣчно добавляетъ водой; — бери не бери, да арестанту и нельзя быть слишкомъ разборчивымъ; и то хорошо, что еще не совсѣмъ пропали его деньги и доставлена водка, хоть какаля-нибудь, да все-таки водка. Къ этому-то поставщику и являются, указанные ему напередъ отъ острожнаго цѣловальника, проносители, съ бычачьими кишками. Эти кишки сперва промываются, потомъ наливаются водой и, такимъ образомъ, сохраняются въ первоначальной влажности и растяжимости, чтобы современемъ быть удобными къ воспринятію водки. Наливъ кишки водкой, арестантъ обвязываетъ ихъ кругомъ себя, по возможности въ самыхъ скрытныхъ мѣстахъ своего тѣла. Разумѣется, при этомъ выказывается вся ловкость, вся воровская хитрость кантрабандиста. Его честь отчасти затронута; ему надо надуть и конвойныхъ, и караульныхъ. Онъ ихъ надуваетъ: у хорошаго вора конвойный, иногда какой-нибудь рекрутикъ, всегда прозѣваетъ. Разумѣется, конвойный изучается предварительно, къ тому же принимается въ соображеніе время, мѣсто работы. Арестантъ, напримѣръ, печникъ, полѣзетъ на печь: кто увидитъ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Не лѣзть же за нимъ и конвойному. Подходя къ острогу, онъ беретъ въ руки монетку, пятнадцать или двадцать копеекъ серебромъ, на всякій случай, и ждетъ у воротъ ефрейтора. Всякаго арестанта, возвращающагося съ работы, караульный ефрейторъ осматриваетъ кругомъ и ощупываетъ, и потомъ уже отпираетъ ему двери острога. Проноситель вина обыкновенно надѣется, что посовѣстятся слишкомъ подробно его ощупывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но иногда пролазъ-ефрейторъ добирается и до этихъ мѣстъ, и нащупываетъ.

вино. Тогда остается одно послѣднее средство: контрабандистъ, молча и скрытно отъ конвойнаго, суетъ въ руки ефрейтора затаенную въ рукѣ монетку. Случается, что вслѣдствіе такого маневра онъ проходитъ въ острогъ благополучно и проноситъ вино. Но иногда маневръ не удается, и тогда приходится разсчитываться своимъ послѣднимъ капиталомъ, т.-е. спиной. Докладываютъ маіору, капиталъ сѣкутъ, и сѣкутъ больно, вино отбирается въ казну, и контрабандистъ принимаетъ все на себя, не выдавая антрепренера, но, замѣтимъ себѣ, не потому, чтобъ гнушался доноса, а единственно потому, что доносъ для него невыгоденъ; его бы все-таки высѣкли; все утѣшеніе было бы въ томъ, что ихъ бы высѣкли обоихъ. Но антрепренеръ ему еще нуженъ, хотя, по обычаю и по предварительному договору, за высѣченную спину контрабандистъ не получаетъ съ антрепренера ни копейки. Что же касается вообще доносовъ, то они обыкновенно процвѣтаютъ. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію: негодованіе къ нему даже немислимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что если бы вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли. Тотъ арестантъ изъ дворянъ, развратный и подлый, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, водилъ дружбу съ маіорскимъ денщикомъ Ѳедькой и служилъ у него шпиономъ, а тотъ передавалъ все услышанное имъ объ арестантахъ маіору. У насъ всѣ это знали, и никто никогда даже и не вздумалъ наказать или хоть бы укорить негодяя.

Но я отклонился въ сторону. Разумѣется, бываетъ, что вино проносится благополучно; тогда антрепренеръ принимаетъ принесенныя кишки, заплативъ за нихъ деньги, и начинаетъ расчитывать. По расчету оказывается, что товаръ стоитъ уже ему очень дорого; а потому, для большихъ барышей, онъ переливаетъ его еще разъ, смызнова разбавляя еще разъ водой, чуть не на половину, и такимъ образомъ, приготовившись совершенно, ждетъ покупателя. Въ первый же праздникъ, а иногда въ будни, покупатель является: это арестантъ, работавшій нѣсколько мѣсяцевъ, какъ кордонный волъ, и скопившій копейку, чтобы пропить все въ заранѣе опредѣленный для того день. Этотъ день еще задолго до своего появленія снится бѣдному труженику и во снѣ, и въ счастливыхъ мечтахъ за работой, и обаяніемъ своимъ поддерживалъ его духъ

на скучномъ поприщѣ осторожной жизни. Накопецъ, заря свѣтлаго дня появляется на востокѣ; деньги скоплены, не отобранны, не украдены, и онъ ихъ несетъ цѣловальнику. Тотъ подаетъ ему сначала вино, по возможности чистое, т.-е. всего только два раза разбавленное; но, по мѣрѣ отпиванія изъ бутылки, все отпитое немедленно добавляется водой. За чашку вина платится впятеро, вшестеро больше, чѣмъ въ кабацѣ. Можно представить себѣ, сколько нужно выпить такихъ чашекъ и сколько заплатить за нихъ денегъ, чтобъ напиться? Но по отвычкѣ отъ питья и отъ предварительнаго воздержанія, арестантъ хмелѣетъ довольно скоро, и обыкновенно продолжаетъ пить до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всѣ свои деньги. Тогда идутъ въ ходъ всѣ обновки: цѣловальникъ въ то же время и ростовщикъ. Сперва поступаютъ къ нему новозаведенныя партикулярныя вещи, потомъ доходитъ и до стараго хлама, а, наконецъ, и до казенныхъ вещей. Съ пропитіемъ всего, до послѣдней тряпки, пьяница ложится спать, и на другой день, проснувшись съ неминуемой трескотней въ головѣ, тщетно проситъ у цѣловальника хоть глотокъ вина на похмелье. Грустно переноситъ онъ невзгону, и въ тотъ же день принимается опять за работу и опять нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ, не разгибая шеи, мечталъ о счастливомъ кутежномъ днѣ, безвозвратно канувшемъ въ вѣчность, и мало-по-малу начиная ободряться и поджидать другого такого же дна, который еще далеко, но который все-таки придетъ же когда-нибудь въ свою очередь.

Что же касается цѣловальника, то, наторговавъ, наконецъ, огромную сумму, нѣсколько десятковъ рублей, онъ заготавливаетъ послѣдній разъ вино и уже не разбавляетъ его водой, потому что назначаетъ его для себя; довольно торговать: пора и самому праздновать! Начинается кутежъ, питье, ѣда, музыка. Средства большія, задобривается даже и ближайшее, низшее осторожное начальство. Кутежъ иногда продолжается по нѣскольку дней. Разумѣется, заготовленное вино скоро пропивается: тогда гуляка идетъ къ другимъ цѣловальникамъ, которые уже поджидаютъ его, и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не пропишетъ всего до копейки. Какъ ни оберегаютъ арестанты гуляющаго, но иногда онъ попадаетъ на глаза высшему начальству, маіору или караульному офицеру. Его берутъ въ кордегардію, обираютъ его капиталы, если найдутъ ихъ на немъ, и въ заключеніе сѣкутъ. Встряхнувшись,

онъ приходитъ обратно въ острогъ и черезъ нѣсколько дней снова принимается за ремесло цѣловальника. Иные изъ гулякъ, разумѣется, богатенькіе, мечтаютъ и о прекрасномъ полѣ. За большія деньги они пробираются иногда, тайкомъ, вмѣсто работы, куда-нибудь изъ крѣпости на форштадтъ, въ сопровожденіи подеупленного конвойнаго. Тамъ, въ какомъ-нибудь укромномъ домигѣ, гдѣ-нибудь на самомъ краю города, задается пиръ на весь міръ и ухлопываются дѣйствительно большія суммы. За деньги и арестантомъ не брезгаютъ; конвойный же подбирается какъ-нибудь заранее, съ знаніемъ дѣла. Обыкновенно такіе конвойные сами—будущіе кандидаты въ острогъ. Впрочемъ, за деньги все можно сдѣлать, и такія путешествія остаются почти всегда въ тайнѣ. Надо прибавить, что они весьма рѣдко случаются; на это надо много денегъ, и любители прекраснаго пола прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, совершенно безопаснымъ.

Еще съ первыхъ дней моего острожнаго житья одинъ молодой арестантъ, чрезвычайно хорошенькій мальчикъ, возбудилъ во мнѣ особенное любопытство. Звали его Сироткинъ. Былъ онъ довольно загадочное существо во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего меня поразило его прекрасное лицо; ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду. Находился онъ въ особомъ отдѣленіи, то-есть въ безсрочномъ, слѣдственно считался однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ преступниковъ. Тихій и кроткій, онъ говорилъ мало, рѣдко смѣялся. Глаза у него были голубые, черты правильныя, личико чистенькое, нѣжное, волосы свѣтлорусые. Даже полубритая голова мало его безобразила: такой онъ былъ хорошенькій мальчикъ. Ремесла онъ не имѣлъ никакого, но деньги добывалъ хоть понемногу, но часто. Былъ онъ примѣтно лѣнивъ, ходилъ неряхой. Развѣ кто другой одѣнетъ его хорошо, иногда даже въ красную рубашку, и Сироткинъ видимо радъ обновкѣ: ходитъ по казармамъ, себя показываетъ. Онъ не пилъ, въ карты не игралъ, почти ни съ кѣмъ не ссорился. Ходитъ, бывало, за казармами — руки въ карманахъ, смиренный, задумчивый. О чемъ онъ могъ думать, трудно было себѣ и представить. Okлибнешь иногда его, изъ любопытства, спросишь о чемъ-нибудь, онъ тотчасъ же отвѣтитъ и даже какъ-то почтительно, не по-арестантски, но всегда коротко, неразговорчиво; глядитъ же на васъ какъ десятилѣтній ребенокъ. Заведутся у него деньги,—

онъ не купить себѣ чего-нибудь необходимаго, не отдасть починить куртку, не заведетъ новыхъ сапоговъ, а купить калачика, пряничка и скушаетъ, — точно ему семь лѣтъ отъ роду. — „Эхъ ты, Сироткинъ! говорятъ, бывало, ему арестанты, — сирота ты казанская!“ Въ нерабочее время онъ обыкновенно скитается по чужимъ казармамъ; всѣ почти заняты своимъ дѣломъ, одному ему нечего дѣлать. Скажутъ ему что-нибудь, почти всегда въ насмѣшку (надъ нимъ и его товарищами-таки часто посмѣивались), — онъ, не сказавъ ни слова, поворотится и идетъ въ другую казарму; а иногда, если ужъ очень просмѣютъ его, покраснѣетъ. Часто я думалъ: за что это смиренное, простодушное существо явилось въ острогъ? Разъ я лежалъ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Сироткинъ былъ также боленъ и лежалъ подлѣ меня; какъ-то подъ вечеръ мы съ нимъ разговорились; онъ невзначай одушевился и, въ слову, рассказалъ мнѣ, какъ его отдавали въ солдаты, какъ, провожая его, плакала надъ нимъ его мать и какъ тяжело ему было въ рекрутахъ. Онъ прибавилъ, что никакъ не могъ вытерпѣть рекрутской жизни, потому что тамъ всѣ были такіе сердитые, строгіе, а командиры всегда почти были имъ недовольны.

— Какъ же кончилось? спросилъ я. — За что-жъ ты сюда-то попалъ? Да еще въ особое отдѣленіе... Ахъ ты, Сироткинъ, Сироткинъ!

— Да я-съ, Александръ Петровичъ, всего годъ пробылъ въ батальонѣ; а сюда пришелъ за то, что Григорія Петровича, моего ротнаго командира, убилъ.

— Слышала я это, Сироткинъ, да не вѣрю. Ну, кого ты могъ убить?

— Такъ случилось, Александръ Петровичъ. Ужъ очень мне тяжело стало.

— Да какъ же другіе-то рекруты живутъ? Конечно, тяжело сначала, а потомъ привыкаютъ и, смотришь, выходитъ славный солдатъ. Тебя, должно-быть, мать забавала; пряничками да молочкомъ до восемнадцати лѣтъ кормила.

— Матушка-то меня, правда, очень любила-съ. Когда я въ некруты пошелъ, она послѣ меня слегла, да слышно, и не вставала... Горько мнѣ ужъ очень подъ конецъ по некрутству стало. Командиръ не влюбилъ, за все наказываетъ, — а и за что-съ? Я всѣмъ покоряюсь, живу въ аккуратъ; винишка не пью, ничѣмъ не займаюсь, а ужъ

это, Александръ Петровичъ, плохое дѣло, коли чѣмъ замѣстуется человѣкъ. Все кругомъ такіе жестокосердые,—всплакнута негдѣ. Бывало, пойдешь куда за уголь, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ. Ужь ночь; поставили меня на часы, на абвахтѣ, у сошекъ. Вѣтеръ; осень была, а темень такая, что хотъ глазъ раздери. И такъ тошно-тошно мнѣ стало! Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло наставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него и большимъ пальцемъ ноги спустилъ курокъ. Смотрю—осѣчка! Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху новаго подсыпалъ, кремешокъ пообилъ и опять къ груди приставилъ. Чтò-же-съ? Порохъ вспыхнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ! Чтò-жъ это, думаю! Взялъ я надѣлъ сапогъ, штыкъ примкнулъ, молчу и расхаживаю. Тутъ-то я и положилъ это дѣло сдѣлать: хотъ куда хошь, только вонъ изъ некрутства. Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ; главнымъ рундомъ правилъ. Прямо на меня: „Развѣ такъ стоять на караулѣ?“ Я взялъ ружье на руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тысячи прошель, да и сюда, въ особое отдѣленіе...

Онъ не лгаль. Да и за чтò же его прислали бы въ особое отдѣленіе? Обыкновенныя преступленія наказываются гораздо легче. Впрочемъ, только одинъ Сироткинъ и былъ изъ всѣхъ своихъ товарищей такой красавчикъ. Что же касается другихъ, подобныхъ ему, которыхъ было у насъ всѣхъ человѣкъ до пятнадцати, то даже странно было смотрѣть на нихъ; только два-три лица были еще сносны; остальные же все такіе вислоухіе, безобразные, неряхи; иные даже сѣдые. Если позволятъ обстоятельства, я скажу когда-нибудь о всей этой кучкѣ подробнѣе. Сироткинъ же часто былъ друженъ съ Газинымъ, тѣмъ самымъ, по поводу котораго я началъ эту главу, упомянувъ, что онъ пьяный ввалился въ кухню и что это спутало мои первоначальныя понятія объ осторожной жизни.

Этотъ Газинъ былъ ужасное существо. Онъ производилъ на всѣхъ страшное, мучительное впечатлѣніе. Мнѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его. Я видѣлъ въ Тобольскѣ знаменитаго своими злодѣянїями разбойника Каменева; видѣлъ потомъ Соколова, подсудимаго арестанта изъ бѣглыхъ солдатъ, страшнаго убійцу. Но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого отвратительнаго впечатлѣнїя, какъ Газинъ.

Мнѣ иногда представлялось, что я вижу передъ собою огромнаго, исполинскаго паука, съ человѣка величиною. Онъ былъ татаринъ; ужасно силенъ, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ; росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ исподлобья. Въ острогѣ носились о немъ странные слухи; знали, что онъ былъ изъ военныхъ, но арестанты толковали межъ собой, не зная правда-ли, что онъ бѣглый изъ Нерчинска; въ Сибирь сосланъ былъ уже не разъ, бѣгалъ не разъ, не разъ перемѣнялъ имя, и наконецъ-то попалъ въ нашъ острогъ, въ особое отдѣленіе. Разказывали тоже про него, что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія: заведетъ ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто, сначала напугаетъ его, измучаетъ, и уже вполне насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной маленькой жертвы, зарѣжетъ ее тихо, медленно, съ наслажденіемъ. Все это, можетъ-быть, и выдумывали, вслѣдствіе общаго, тяжелаго впечатлѣнія, которое производилъ собою на всѣхъ Газинъ, но всѣ эти выдумки какъ-то шли къ нему, были къ лицу. А между тѣмъ, въ острогѣ онъ велъ себя, не пьяный, въ обыкновенное время, очень благородно. Былъ всегда тихъ, ни съ кѣмъ никогда не ссорился и избѣгалъ ссоръ, но какъ будто отъ презрѣнія къ другимъ, какъ будто считая себя выше всѣхъ остальныхъ; говорилъ очень мало и былъ какъ-то преднамѣренно несообщителенъ. Всѣ движенія его были медленныя, спокойныя, самоувѣренныя. По глазамъ его было видно, что онъ очень не глупъ и чрезвычайно хитеръ; но что-то высокоумно-насмѣшливое и жестокое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ. Онъ торговалъ виномъ и былъ въ острогѣ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ цѣловальниковъ. Но въ годъ два раза ему приходилось напиваться самому пьянымъ, и вотъ тутъ-то высказывалось все звѣрство его натуры. Хмелѣя постепенно, онъ сначала начиналъ задирать людей насмѣшками, самыми злыми, разсчитанными и какъ будто давно заготовленными; наконецъ, охмелѣвъ совершенно, онъ приходилъ въ страшную ярость, схватывалъ ножъ и бросался на людей. Арестанты, зная его ужасную силу, разбѣгались отъ него и прятались: онъ бросался на всякаго встрѣчнаго. Но скоро нашли способъ справляться съ нимъ. Человѣкъ десять изъ его казармы бросались вдругъ на него всѣ разомъ и

начинали бить. Невозможно представить себѣ ничего жесточе этого битья: его били въ грудь, подъ сердце, подъ ложечку, въ животъ; били много и долго, и переставали только тогда, когда онъ терялъ всѣ свои чувства и становился какъ мертвый. Другого бы не рѣшились такъ бить: такъ бить — значило убить, но только не Газина. Послѣ битья, — его, совершенно безчувственного, завертывали въ полупубокъ и относили на нары. — „Отлежится, моль!“ — И дѣйствительно, на утро онъ вставалъ почти здоровый и молча и угрюмо выходилъ на работу. И каждый разъ, когда Газинъ напивался пьянъ, въ острогѣ всѣ уже знали, что день кончится для него непременно побоями. Да и самъ онъ зналъ это, и все-таки напивался. Такъ шло нѣсколько лѣтъ; наконецъ, замѣтили, что Газинъ начинаетъ поддаваться. Онъ сталъ жаловаться на разные боли, сталъ замѣтно хирѣть, все чаще и чаще ходить въ госпиталь... „Поддался таки!“ говорили про себя арестанты.

Онъ вошелъ въ кухню въ сопровожденіи того гаденькаго полячка со скрипкой, котораго обыкновенно нанимали гулявшіе для полноты своего увеселенія, и остановился посреди кухни, молча и внимательно оглядывая всѣхъ присутствующихъ. Всѣ замолчали. Наконецъ, увидя тогда меня и моего товарища, онъ злобно и насмѣшливо посмотрѣлъ на насъ, самодовольно улыбнулся, что-то какъ будто сообразилъ про себя и, сильно покачиваясь, подошелъ къ нашему столу:

— А позвольте спросить, началъ онъ (онъ говорилъ по-русски), — вы изъ какихъ доходовъ изволите здѣсь чай распивать?

Я молча переглянулся съ моимъ товарищемъ, понимая, что всего лучше молчать и не отвѣчать ему. Съ перваго противорѣчія онъ пришелъ бы въ ярость.

— Стало-быть, у васъ деньги есть? продолжалъ онъ допрашивать. — Стало-быть, у васъ денегъ гуча, а? А развѣ вы затѣмъ въ каторгу пришли, чтобъ чай распивать? Вы чай распивать пришли? Да говорите же, чтобъ васъ!..

Но видя, что мы рѣшились молчать и не замѣчать его, онъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ бѣшенства. Подлѣ него, въ углу, стояла большая сельница (лотокъ), въ которую складывался весь нарѣзанный хлѣбъ, приготовляемый для обѣда или ужина арестантовъ. Она была такъ велика,

что въ ней помѣщалось хлѣба для половины острога; теперь же стояла пустая. Онъ схватилъ ее обѣими руками и взмахнулъ надъ нами. Еще немного, и онъ бы раздробилъ намъ головы. Несмотря на то, что убійство или намѣреніе убить грозило чрезвычайными неприятностями всему острогу: начались бы розыски, обыски, усиленіе строгостей, а потому арестанты всѣми силами старались не доводить себя до подобныхъ общихъ крайностей, — несмотря на это, теперь всѣ притихли и выжидали. Ни одного слова въ защиту насъ! Ни одного крика на Газина!—до такой степени была сильна въ нихъ ненависть къ намъ! Имъ видимо пріятно было наше опасное положеніе... Но дѣло кончилось благополучно: только-что онъ хотѣлъ опустить сельницу, кто-то крикнулъ изъ сѣней:

— Газинъ! Вино украл!

Онъ грохнулъ сельницу на полъ и какъ сумасшедшій бросился изъ кухни.

— Ну, Богъ спасъ! говорили межъ собой арестанты.

И долго потомъ они говорили это.

Я не могъ узнать потомъ, было-ли это извѣстіе о покражѣ вина сираведливое или кстати придуманное, намъ во спасеніе.

Вечеромъ, уже въ темнотѣ, передъ запоромъ казармъ, я ходилъ около палъ и тяжелая грусть пала мнѣ на душу, и никогда послѣ я не испытывалъ такой грусти во всю мою острожную жизнь. Тяжело переносить первый день заточенія гдѣ бы то ни было: въ острогѣ-ли, въ казематѣ-ли, въ каторгѣ-ли... Но, помню, болѣе всего занимала меня одна мысль, которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ,—мысль отчасти неразрѣшимая,—неразрѣшимая для меня и теперь: это о неравенствѣ наказанія за одни и тѣ же преступленія. Правда, и преступленія нельзя сравнить одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ; и потому и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ, посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримѣръ, зарѣзалъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу: вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то и всего одна луковица. „Что-жь, батька! Ты меня посылаешь на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашель. — Дуракъ! Луковица—анъ копейка! Сто душъ—сто луковицъ, вотъ-те и

рубль!“—(Острожная легенда). — А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери.—Одинъ убилъ по бродяжеству, осаждаемый цѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И что же? И тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу. Правда, есть вариация въ срокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но вариаций этихъ, сравнительно, немного; а вариаций въ одномъ и томъ же родѣ преступленій—безчисленное множество. Чтò характеръ, то и вариация. Но положимъ, что примирить, сгладить эту разницу невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача—квадратура круга, положимъ, такъ. Но если-бъ даже это неравенство и не существовало,—посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія... Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ чахнетъ, таетъ какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ, напримеръ, человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, сознаниемъ, сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ за свое преступленіе безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ни разу о совершенномъ имъ убійствѣ во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленія, чтобъ только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ. Тамъ онъ жилъ въ послѣдней степени униженія, никогда не наѣдался досыта и работалъ на своего антрепренера съ утра до ночи, а въ каторгѣ работа легче, чѣмъ дома, хлѣба вдоволь, и такого, какого онъ еще и не видывалъ; по праздникамъ говядина, есть подаваніе, есть возможность заработать копейку. А общество? Народъ продувной, ловкій, всезнающій; и вотъ онъ смотритъ на своихъ товарищей съ почтительнымъ изумлениемъ: онъ еще никогда не видалъ такихъ; онъ считаетъ ихъ самымъ высшимъ обществомъ, которое только можетъ

быть въ свѣтѣ. Неужели наказаніе для этихъ двухъ, одинаково чувствительно? Но, впрочемъ, что заниматься неразрѣшимыми вопросами! Бьетъ барабанъ, пора по казармамъ.

IV.

Первыя впечатлѣнія.

Началась послѣдняя повѣрка. Послѣ этой повѣрки заперались казармы, каждая особымъ замкомъ, и арестанты оставались запертыми вплоть до разсвѣта.

Повѣрка производилась упртеръ-офицеромъ съ двумя солдатами. Для этого арестантовъ выстраивали иногда во дворѣ и приходилъ караульный офицеръ. Но чаще вся эта церемонія происходила домашнимъ образомъ: повѣряли по казармамъ. Такъ было и теперь. Повѣряющіе часто ошибались, обсчитывались, уходили и возвращались снова. Наконецъ, бѣдные караульные досчитались до желанной цифры и заперли казарму. Въ ней помѣщалось человекъ до тридцати арестантовъ, сбитыхъ довольно тѣсно на нарахъ. Спать было еще рано. Каждый, очевидно, долженъ былъ чѣмъ-нибудь заняться.

Изъ начальства въ казармѣ оставался только одинъ инвалидъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Въ каждой казармѣ тоже былъ старшій изъ арестантовъ, назначаемый самимъ плацъ-маіоромъ, разумѣется, за хорошее поведеніе. Очень часто случалось, что и старшіе въ свою очередь попадались въ серьезныхъ шалостяхъ, тогда ихъ сѣкли, немедленно разжалывали въ младшіе и замѣщали другими. Въ нашей казармѣ старшимъ оказался Акимъ Акимычъ, который, къ удивленію моему, нерѣдко покривалъ на арестантовъ. Арестанты отвѣчали ему обыкновенно насмѣшками. Инвалидъ былъ умнѣ его и ни во что не вмѣшивался, а если и случалось ему шевелить когда языкомъ, то не болѣе какъ изъ приличія, для очистки совѣсти. Онъ молча сидѣлъ на своей койкѣ и тачалъ сапогъ. Арестанты не обращали на зего почти никакого вниманія.

Въ этотъ первый день моей осторожной жизни я сдѣлалъ одно наблюденіе и впоследствии убѣдился, что оно вѣрно. Именно: что всѣ неарестанты, кто бы они ни были, начиная съ непосредственно имѣющихъ связь съ арестантами, какъ-то конвойныхъ, караульныхъ солдатъ, до всѣхъ вообще, имѣвшихъ хоть какое-нибудь дѣло съ каторж-

пымъ бытомъ,—какъ-то преувеличенно смотрять на арестантовъ. Точно они каждую минуту въ безпокойствѣ ожидаютъ, что арестантъ нѣтъ-нѣтъ да и бросится на кого-нибудь изъ нихъ съ ножомъ. Но чтò всего замѣчательнѣе—сами арестанты сознавали, что ихъ боятся, и это видимо придавало имъ что-то въ родѣ куражу. А между тѣмъ самый лучшій начальникъ для арестантовъ бываетъ именно тотъ, который ихъ не боится. Да и вообще, несмотря на куражъ, самимъ арестантамъ гораздо пріятнѣе, когда къ нимъ имѣютъ довѣріе. Этимъ ихъ можно даже привлечь къ себѣ. Случалось въ мое осторожное время, хотя и чрезвычайно рѣдко, что кто-нибудь изъ начальства заходилъ въ острогъ безъ конвоя. Надо было видѣть, какъ это поражало арестантовъ, и поражало съ хорошей стороны. Такой безстрашный посѣтитель всегда возбуждалъ къ себѣ уваженіе, и если-бъ даже дѣйствительно могло случиться что-нибудь дурное, то при немъ бы оно не случилось. Внушаемый арестантами страхъ повсемѣстенъ, гдѣ только есть арестанты, и, право, не знаю, отчего онъ собственно происходитъ. Нѣкоторое основаніе онъ, конечно, имѣетъ, начиная съ самага наружнаго вида арестанта, признаннаго разбойника: кромѣ того, всякій, подходящій къ каторгѣ, чувствуетъ, что вся эта куча людей собралась здѣсь не своею охотою, и что, несмотря ни на какія мѣры, живого человѣка нельзя сдѣлать трупомъ; онъ останется съ чувствами, съ жаждой мщенія и жизни, съ страстями и съ потребностями удовлетворить ихъ. Но несмотря на то, я положительно увѣренъ, что бояться арестантовъ все-таки нечего. Не такъ легко и не такъ скоро бросается человѣкъ съ ножомъ на другого человѣка. Однимъ словомъ, если и возможна опасность, если она и бываетъ когда, то, по рѣдкости подобныхъ несчастныхъ случаевъ, можно прямо заключить, что она ничтожна. Разумѣется, я говорю теперь только объ арестантахъ рѣшенныхъ, изъ которыхъ даже многіе рады, что добрались, наконецъ, до острога (до того хороша бываетъ иногда жизнь новая!), а слѣдовательно расположены жить спокойно и мирно; да кромѣ того и дѣйствительно безпокойнымъ изъ своихъ сами не дадутъ много куражиться. Каждый каторжный, какъ бы онъ смѣлъ и дерзокъ ни былъ, боится всего въ каторгѣ. Подсудимый же арестантъ—другое дѣло. Тотъ дѣйствительно способенъ броситься на посторонняго человѣка такъ, ни за чтò, единственно потому, напримѣръ,

что ему завтра должно выходить въ наказанію; а если затѣется новое дѣло, то, стало-быть, отдаляется и наказаніе. Тутъ есть причина, дѣль нападенія: это— „перемѣнить свою участь“ во что бы ни стало и какъ можно скорѣе. Я даже знаю одинъ странный психологическій случай въ этомъ родѣ.

У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишенный правъ состоянія, присланный года на два въ острогъ по суду, страшный фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Вообще, фанфаронство и трусость встрѣчаются въ русскомъ солдатѣ чрезвычайно рѣдко. Нашъ солдатъ смотритъ всегда такимъ занятымъ, что если-бъ и хотѣлъ, то ему бы некогда было фанфаронить. Но если ужъ онъ фанфаронъ, то почти всегда бездѣльникъ и трусъ. Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ, наконецъ, свой коротенькій срокъ и вышелъ опять въ линейный батальонъ. Но такъ какъ всѣ ему подобныя, посылаемые въ острогъ для исправленія, окончательно въ немъ балуются, то обыкновенно и случается такъ, что они, побывъ на волѣ не болѣе двухъ-трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужъ не на два или на три года, а во „всегдашній“ разрядъ, на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ-подъ замка; сверхъ того нагрубилъ и набуянилъ. Былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія до нельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ наканунѣ того дня, когда его должны были прогнать сквозь строй, бросился съ ножомъ на вошедшаго въ арестантскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилитъ свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но расчетъ былъ именно въ томъ, чтобъ хоть на нѣсколько дней, хоть на нѣсколько часовъ отдалить страшную минуту наказанія! Онъ до того былъ трусъ, что, бросившись съ ножомъ, онъ даже не ранилъ офицера, а сдѣлалъ все для проформы, для того только, чтобъ оказалось новое преступленіе, за которое бы его опять стали судить.

Минута передъ наказаніемъ, конечно, ужасна для приговореннаго, и мнѣ въ нѣсколько лѣтъ пришлось видѣть довольно подсудимыхъ наканунѣ рокового для нихъ дня.

Обыкновенно я встрѣчался съ подсудимыми арестантами въ госпиталѣ, въ арестантскихъ палатахъ, когда лежалъ больной, что случалось довольно часто. Извѣстно всѣмъ арестантамъ во всей Россіи, что самые сострадательные для нихъ люди—доктора. Они никогда не дѣлаютъ между арестантами различія, какъ невольнo дѣлаютъ почти всѣ посторонніе, кромѣ развѣ одного простого народа. Тотъ никогда не коритъ арестанта за его преступленіе, какъ бы ужасно оно ни было, и прощаетъ ему все за понесенное имъ наказаніе и вообще за несчастье. Не даромъ же весь народъ во всей Россіи называетъ преступленіе несчастьемъ, а преступниковъ несчастными. Это глубокознаменательное опредѣленіе. Оно тѣмъ болѣе важно, что сдѣлано безсознательно, инстинктивно. Доктора же—истинное прибіжище арестантовъ во многихъ случаяхъ, особенно же для подсудимыхъ, которые содержатся тяжеле рѣшенныхъ... И вотъ подсудимый, разчитавъ вѣроятный срокъ ужаснаго для него дня, уходитъ часто въ госпиталь, желая хоть сколько-нибудь отдалить тяжелую минуту. Когда же онъ обратно выписывается, почти навѣрно зная, что роковой срокъ завтра, то всегда почти бываетъ въ сильномъ волненіи. Иные стараются скрыть свои чувства изъ самолюбія, но неловкій, напускной куражъ не обманываетъ ихъ товарищей. Всѣ понимаютъ въ чемъ дѣло и молчатъ про себя изъ челоуѣколюбія. Я зналъ одного арестанта, молодого челоуѣка, убійцу, изъ солдатъ, приговореннаго къ полному числу палокъ. Онъ до того заробѣлъ, что наканунѣ наказанія рѣшилъ выпить крышку вина, настоявъ въ немъ нюхательнаго табаку. Кстати: вино всегда является у подсудимаго арестанта передъ наказаніемъ. Оно проносится еще задолго до срока, добывается за большія деньги, и подсудимый скорѣе будетъ полгода отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, но скопить нужную сумму на четверть штофа вина, чтобъ выпить его за четверть часа до наказанія. Между арестантами вообще существуетъ убѣжденіе, что хмельной не такъ больно чувствуетъ плеть или палки. Но я отвлекся отъ разсказа. Бѣдный малый, выпивъ свою крышку вина, дѣйствительно тотчасъ же сдѣлался боленъ; съ нимъ началась рвота съ кровью, и его отвезли въ госпиталь почти безчувственнаго. Эта рвота до того разстроила его грудь, что черезъ нѣсколько дней въ немъ открылись признаки настоящей чахотки, отъ которой онъ умеръ

черезъ полгода. Доктора, лѣчившіе его отъ чахотки, не знали отчего она произошла.

Но рассказывая о часто встрѣчающемся малодушіи преступниковъ передъ наказаніемъ, я долженъ прибавить, что, напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ изумляютъ наблюдателя необыкновеннымъ безстрашіемъ. Я помню нѣсколько примѣровъ отваги, доходившей до какой-то безчувственности, и примѣры эти были не совсѣмъ рѣдки. Особенно помню я мою встрѣчу съ однимъ страшнымъ преступникомъ. Въ одинъ лѣтній день распространился въ арестантскихъ палатахъ слухъ, что вечеромъ будутъ наказывать знаменитаго разбойника Орлова, изъ бѣглыхъ солдатъ, и послѣ наказанія приведутъ въ палаты. Больные арестанты, въ ожиданіи Орлова, утверждали, что накажутъ его жестоко. Всѣ были въ нѣкоторомъ волненіи, и, признаюсь, я тоже ожидалъ появленія знаменитаго разбойника съ крайнимъ любопытствомъ. Давно уже я слышалъ о немъ чудеса. Это былъ злодѣй, какихъ мало, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей,—человѣкъ съ страшной силой воли и съ гордымъ сознаніемъ своей силы. Онъ повинился во многихъ убійствахъ и былъ приговоренъ къ наказанію палками, сквозь строй. Привели его уже вечеромъ. Въ палатѣ уже стало темно и зажгли свѣчи. Орловъ былъ почти безъ чувствъ, страшно блѣдный, съ густыми, включенными, черными какъ смоль волосами. Спина его вспухла и была кроваво-синяго цвѣта. Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лѣкарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ-нибудь своимъ благодѣтелемъ. На другой же день онъ очнулся вполне и прошелся раза два по палатѣ! Это меня изумило: онъ прибылъ въ госпиталь слишкомъ слабый и измученный. Онъ прошелъ за разъ цѣлую половину всего предназначеннаго ему числа палокъ. Докторъ остановилъ экзекуцію только тогда, когда замѣтилъ, что дальнѣйшее продолженіе наказанія грозило преступнику неминуемой смертью. Кромѣ того, Орловъ былъ малаго роста и слабаго сложенія, и къ тому же истощенъ долгимъ содержаніемъ подъ судомъ. Кому случалось встрѣчать когда-нибудь подсудимыхъ арестантовъ, тотъ вѣроятно надолго запомнилъ ихъ изможденные, худыя и блѣдныя лица, лихорадочные взгляды. Несмотря на то, Орловъ быстро поправлялся. Очевидно, внутренняя, ду-

шевная его энергія сильно помогала натурѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Изъ любопытства я познакомился съ нимъ ближе и цѣлую недѣлю изучалъ его. Положительно могу сказать, что никогда въ жизни я не встрѣчалъ болѣе сильнаго, болѣе желѣзнаго характеромъ человѣка, какъ онъ. Я видѣлъ уже разъ, въ Тобольскѣ, одну знаменитость въ такомъ же родѣ, одного бывшего атамана разбойниковъ. Тотъ былъ дикій звѣрь вполнѣ, и вы, стоя возлѣ него и еще не зная его имени, уже инстинктомъ предчувствовали, что подлѣ васъ находится страшное существо. Но въ томъ ужасало меня духовное отупѣніе. Плоть до того брала верхъ надъ всѣми его душевными свойствами, что вы съ перваго взгляда по лицу его видѣли, что тутъ осталась только одна дикая жажда тѣлесныхъ наслажденій, сладострастія, плотоугодія. Я увѣренъ, что Кореневъ—имя того разбойника—даже упалъ бы духомъ и трепеталъ бы отъ страха передъ наказаніемъ, несмотря на то, что способенъ былъ рѣзать даже не поморщившись. Совершенно противоположенъ ему былъ Орловъ. Это была наяву полная побѣда надъ плотью. Видно было, что зтотъ человѣкъ могъ повелѣвать собою безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія и не боялся ничего на свѣтѣ. Въ немъ мы видѣли одну безконечную энергію, жажду дѣятельности, жажду мщенія, жажду достигъ предположенной цѣли. Между прочимъ, я пораженъ былъ его страннымъ высокомеріемъ. Онъ на все смотрѣлъ какъ-то до невѣроятности свысока, но вовсе не усиливаясь подняться на ходули, а такъ какъ-то натурально. Я думаю, не было существа въ мірѣ, которое бы могло подѣйствовать на него однимъ авторитетомъ. На все онъ смотрѣлъ какъ-то неожиданно спокойно, какъ будто не было ничего на свѣтѣ, что бы могло удивить его. И хотя онъ вполнѣ понималъ, что другіе арестанты смотрятъ на него уважительно, но нисколько не рисовался передъ ними. А между тѣмъ тщеславіе и заносчивость свойственны почти всѣмъ арестантамъ безъ исключенія. Былъ онъ очень неглупъ и какъ-то странно откровененъ, хотя отнюдь не болтливъ. На вопросы мои онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что ждетъ выздоровленія, чтобъ поскорѣе выходить остальное наказаніе, и что онъ боялся сначала, предъ наказаніемъ, что не перенесетъ его. — „Но теперь, прибавилъ онъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ,—дѣло кончено. Выхожу остальное

число ударовъ, и тотчасъ же отправятъ съ партией въ Нерчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу! Непремѣнно бѣгу! Вотъ только-бъ скорѣе спина зажила!“—И всѣ эти пять дней онъ съ жадностью ждалъ, когда можно будетъ проситься на выписку. Въ ожиданіи же онъ былъ иногда очень смѣшливъ и веселъ. Я пробовалъ съ нимъ заговаривать объ его похожденияхъ. Онъ немного хмурился при этихъ разспросахъ, но отвѣчалъ всегда откровенно. Когда же понялъ, что я добираюсь до его совѣсти и добиваюсь въ немъ хоть какого-нибудь раскаянія, то взглянулъ на меня до того презрительно и высокомерно, какъ будто я вдругъ сталъ въ его глазахъ какимъ-то маленькимъ, глупенькимъ мальчикомъ, съ которымъ нельзя и разсуждать какъ съ большими. Даже что-то въ родѣ жалости ко мнѣ изобразилось въ лицѣ его. Черезъ минуту онъ расхохотался надо мной самымъ простодушнымъ смѣхомъ, безо всякой ироніи, и, я увѣренъ, оставшись одинъ и вспоминая мои слова, можетъ-быть, нѣсколько разъ онъ принимался про себя смѣяться. Наконецъ, онъ выписался еще съ несовсѣмъ поджившей спиной; я тоже пошелъ въ этотъ разъ на выписку, и изъ госпиталя намъ случилось возвращаться вмѣстѣ: мнѣ въ острогъ, а ему въ кордегардію подлѣ нашего острога, гдѣ онъ содержался и прежде. Прощаясь, онъ пожалъ мнѣ руку, и съ его стороны это былъ знакъ высокой довѣренности. Я думаю, онъ сдѣлалъ это потому, что былъ очень доволенъ собой и настоящей минутой. Въ сущности, онъ не могъ не презирать меня и не премѣнно долженъ былъ глядѣть на меня, какъ на существо покоряющееся, слабое, жалкое и во всѣхъ отношеніяхъ передъ нимъ низшее. На завтра же его вывели къ вторичному наказанію...

Когда заперли нашу казарму, она вдругъ приняла какой-то особенный видъ, — видъ настоящаго жилища, домашняго очага. Только теперь я могъ видѣть арестантовъ, моихъ товарищей, вполне какъ дома. Днемъ унтеръ-офицеры, караульные и вообще начальство могутъ во всякую минуту прибыть въ острогъ, а потому всѣ обитатели острога какъ-то и держатъ себя иначе, какъ будто не вполне успокоившись, какъ будто поминутно ожидая чего-то въ какой-то тревогѣ. Но только что заперли казарму, всѣ тотчасъ же спокойно размѣстились каждый на своемъ мѣстѣ, и почти каждый принялся за какое-нибудь рукодѣлье. Казарма вдругъ освѣтилась. Каждый держалъ

свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный. Кто засѣлъ тагать сапоги, кто шить какую-нибудь одежду. Мефитическій воздухъ казармы усиливался съ часу на часъ. Кучка гулякъ засѣла въ уголку на корточкахъ, передъ разостланнымъ ковромъ за карты. Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя аршинный худенькій коврикъ, свѣчку и до невѣроятности засаленныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось: майданъ. Содержатель получалъ плату съ играющихъ, копеекъ пятнадцать за ночь; тѣмъ онъ и промыслялъ. Игроки играли обыкновенно въ три листа, въ горку и проч. Всѣ игры были азартныя. Каждый играющій высыпалъ передъ собою кучу мѣдныхъ денегъ—все, что у него было въ карманѣ, и вставалъ съ корточекъ только проигравшись въ пухъ или обыгравъ товарищей. Игра кончалась поздно ночью, и иногда длилась до разсвѣта, до самой той минуты, какъ отворялась казарма. Въ нашей комнатѣ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ казармахъ острога, всегда бывали нищіе, байгуши, проигравшіеся и пропившіеся, или такъ просто отъ природы нищіе. Я говорю „отъ природы“ и особенно наираю на это выраженіе. Дѣйствительно, вездѣ въ народѣ нашемъ, при какой бы то ни было обстановкѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, всегда есть и будутъ существовать нѣкоторыя странныя личности, смиренныя и нерѣдко очень не лѣнныя, но которымъ ужъ такъ судьбой предназначено на вѣки вѣчныя оставаться нищими. Они всегда бобыли, они всегда неряхи, они всегда смотрятъ какими-то забитыми и чѣмъ-то удрученными и вѣчно состоятъ у кого-нибудь на помывкѣ, у кого-нибудь на посылкахъ, обыкновенно у гулякъ или у внезапно разбогатѣвшихъ и возвысившихся. Всякій почетъ, всякая инициатива—для нихъ горе и тягость. Они какъ будто и родились съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ничего не начинать самимъ и только прислуживать, жить не своей волей, плясать по чужой дудкѣ, ихъ назначеніе — исполнять одно чужое. Въ довершеніе всего, никакія обстоятельства, никакіе перевороты не могутъ ихъ обогатить. Они всегда нищіе. Я замѣтилъ, что такія личности водятся и не въ одномъ народѣ, а во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ, партіяхъ, журналахъ и ассоціаціяхъ. Такъ-то случалось и въ каждой казармѣ, въ каждомъ острогѣ, и только что составлялся майданъ, одинъ изъ такихъ немедленно являлся прислуживать. Да и вообще

ни одинъ майданъ не могъ обойтись безъ прислужника. Его нанимали обыкновенно игроки всѣ вообще, на всю ночь, копеекъ за пять серебромъ, и главная его обязанность была стоять всю ночь на караулѣ. Большею частью онъ мерзъ часовъ шесть или семь въ темнотѣ, въ сѣняхъ, на тридцатиградусномъ морозѣ, и прислушивался къ каждому стуку, къ каждому звону, къ каждому шагу на дворѣ. Плацъ-маіоръ или караульные являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора. По крайней мѣрѣ, когда вдругъ начиналъ гремѣть замокъ на дверяхъ изъ сѣней на дворъ, было уже поздно прятаться, тушить свѣчи и улегаться на нары. Но такъ какъ караульному прислужнику послѣ того больно доставалось отъ майдана, то и случаи такихъ промаховъ были чрезвычайно рѣдки. Пять копеекъ, конечно, смѣшно-ничтожная плата, даже и для острога; но меня всегда поражала въ острогѣ суровость и безжалостность нанимателей, и въ этомъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ. „Деньги взялъ, такъ и служи!“ Это былъ аргументъ, не терпѣвшій никакихъ возраженій. За выданный грошъ наниматель бралъ все, что могъ брать, бралъ, если возможно, лишнее и еще считалъ, что онъ одоужаетъ наемщика. Гуляка, хмельной, бросающій деньги направо и налѣво безъ счету, непремѣнно обсчитывалъ своего прислужника, и это замѣтилъ я не въ одномъ острогѣ, не у одного майдана.

Я сказалъ уже, что въ казармѣ почти всѣ усѣлись за какія-нибудь занятія: кромѣ игроковъ, было не болѣе пяти человѣкъ совершенно праздныхъ; они тотчасъ же легли спать. Мое мѣсто на нарахъ приходилось у самой двери. Съ другой стороны наръ, голова съ головой со мною, помѣщался Акимъ Акимычъ. Часовъ до десяти или до одиннадцати онъ работалъ, клеилъ какой-то разноцвѣтный китайскій фонарикъ, заказанный ему въ городѣ, за довольно хорошую плату. Фонарики онъ дѣлалъ мастерски, работалъ методически, не отрываясь; когда же кончилъ работу, то аккуратно прибрался, разостлалъ свой тюфячокъ, помолился Богу и благонаравно улегся на свою постель. Благонаравіе и порядокъ онъ простиралъ, повидимому, до самаго мелочного педантизма; очевидно, онъ долженъ былъ считать себя чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, какъ и вообще всѣ тупые и ограниченные люди.

Не понравился онъ мнѣ съ перваго же дня, хотя, помню, въ этотъ первый день я много о немъ раздумывалъ и всего болѣе дивился, что такая личность, вмѣсто того, чтобъ успѣвать въ жизни, очутилась въ острогѣ. Впослѣдствіи мнѣ не разъ придется говорить объ Акимѣ Акимычѣ.

Но опишу вкратцѣ составъ всей нашей казармы. Въ ней приходилось мнѣ жить много лѣтъ, и это все были мои будущіе сожители и товарищи. Понятно, что я вглядывался въ нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Слева отъ моего мѣста на нарахъ помѣщалась кучка кавказскихъ горцевъ, присланныхъ большею частью за грабежи и на разные сроки. Ихъ было: два лезгина, одинъ чеченецъ и трое дагестанскихъ татаръ. Чеченецъ былъ мрачное и угрюмое существо; почти ни съ кѣмъ не говорилъ и постоянно смотрѣлъ вокругъ себя съ ненавистью, исподлобья и съ отравленной, злобно-насмѣшливой улыбкой. Одинъ изъ лезгиновъ былъ уже старикъ, съ длиннымъ, тонкимъ, горбатымъ носомъ, отъявленный разбойникъ съ виду. Зато другой, Нурра, произвелъ на меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ еще не старый, росту невысокаго, сложенный какъ Геркулесъ, совершенный блондинъ съ свѣтлоголубыми глазами, курносый, съ лицомъ чухонки и съ кривыми ногами отъ постоянной прежней ѣзды верхомъ. Все тѣло его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказѣ онъ былъ мирной, но постоянно уѣзжалъ потихоньку къ немирнымъ горцамъ и оттуда вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на русскихъ. Въ каторгѣ его всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и лсенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было нечестно, но ссоръ не затѣвалъ и только отворачивался съ негодованіемъ. Самъ онъ во все продолженіе своей каторги не укралъ ничего, не сдѣлалъ ни одного дурного поступка. Былъ онъ чрезвычайно богомоленъ. Молитвы исполнялъ онъ свято; въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ. Его всѣ любили и въ честность его вѣрили. „Нурра—левъ“, говорили арестанты; такъ за нимъ и оставалось названіе льва. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что

по окончаніи опредѣленнаго срока въ каторгѣ его воротятъ домой, на Кавказъ, и жилъ только этой надеждой. Мнѣ кажется, онъ бы умеръ, если-бъ ея лишился. Въ первый же мой день въ острогѣ я рѣзко замѣтилъ его. Нельзя было не замѣтить его добраго, симпатизирующаго лица среди злыхъ, угрюмыхъ и насмѣшливыхъ лицъ остальныхъ каторжныхъ. Въ первые полчаса, какъ я пришелъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ меня по плечу, добродушно смѣясь мнѣ въ глаза. Я не могъ сначала понять, что это означало. Говорилъ же онъ по-русски очень плохо. Вскорѣ послѣ того онъ опять подошелъ ко мнѣ и опять, улыбаясь, дружески ударилъ меня по плечу. Потомъ опять и опять, и такъ продолжалось три дня. Это означало съ его стороны, какъ догадался и узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ, какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочетъ показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестанскихъ татаръ было трое, и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ были уже пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгляда привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать, прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна, большіе черные глаза были такъ мигки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ у него было пять: два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщать ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ одного богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли

всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Вся милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія; онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего и говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутиловомъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда, бывало, выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время своей каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это, впрочемъ, была сильная и стойкая натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, диническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу, я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще, скажу заранѣе: я считаю Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть природы до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что онѣ могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозмож-

вою. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?..

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогъ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работающій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ, хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руки за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ; но, взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту же самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мірѣ.

— Что, Алей, ты вѣрно сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно тамъ хорошо.

— Да, отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли.—А почему ты знаешь, что я думаю объ этомъ?

— Еще бы не знать? Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О, зачѣмъ ты это говоришь!..

— Должно-быть, теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай?

— О-охъ, и не говори лучше.

Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ?

— Должно-быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! Что ты говоришь! Она вѣрно умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня

больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сего дня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ, никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я разспрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я все болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ, чѣмъ могъ, въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ, у него было много способностей механическихъ: онъ выучился порядочно шить бѣлье, тачать сапоги и, впоследствии, выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь-ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь, въ Сибири, впоследствии?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало-ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! и онъ даже привсталъ на парахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта—книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прочли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится-ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ.

— Ахъ, да! отвѣчалъ онъ, — да. Иса святой пророкъ, Иса Божія слова говорилъ. Какъ хорошо!

— Что-жь тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ Онъ говорить: „прощай, люби, не обижай, и враговъ люби“. Ахъ, какъ хорошо Онъ говорить!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезно говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, то-есть чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю, и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили, что Иса былъ Божій пророкъ и что Онъ дѣлалъ великія чудеса; что Онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее и она полетѣла... и что это и у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполне были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе, восхваляя Ису, а Алей былъ вполне счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ, и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ-быть, такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. „Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ“, — говорилъ онъ, — „что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ, Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду“...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь мой добрый, милый, милый Алей!..

Кромѣ черкесовъ, въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человѣкъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; о нихъ я буду говорить

особо и подробно впоследствии. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги. Первая книга, прочтенная мною, произвела на меня сильное, странное, особенное впечатлѣніе. Объ этихъ впечатлѣніяхъ я когда-нибудь скажу особо. Для меня они слишкомъ любопытны, и я увѣренъ, что многимъ они будутъ совершенно непонятны. Не испытавъ, нельзя судить о нѣкоторыхъ вещахъ. Скажу одно: что нравственныя лишенія тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолюдинъ, идущій въ каторгу, приходитъ въ свое общество, даже, можетъ-быть, еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ, конечно, много: родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ образованный, подвергающійся, по законамъ, одинаковому наказанію съ простолудиномъ, теряетъ часто несравненно больше его. Онъ долженъ задавить въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки; перейти въ среду для него недостаточную, долженъ пріучиться дышать не тѣмъ воздухомъ... Это—рыба, вытасченная изъ воды на песокъ... И часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе обращается для него въ десятеро мучительнѣйшее. Это истина... даже если-бъ дѣло касалось однѣхъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать.

Но поляки составляли особую цѣльную кучку. Ихъ было шестеро и они были вмѣстѣ. Изъ всѣхъ каторжныхъ нашей казармы они любили только одного жида и, можетъ-быть, единственно потому, что онъ ихъ забавлялъ. Нашего жидка, впрочемъ, любили даже и другіе арестанты, хотя рѣшительно всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ у насъ одинъ, и я даже теперь не могу вспоминать о немъ безъ смѣху. Каждый разъ, когда я глядѣлъ на него, мнѣ всегда приходилъ на память Гоголевъ жидокъ Янкель, изъ „Тараса-Бульбы“, который, раздѣвшись, чтобы отправиться на ночь съ своей жидовкой въ какой-то шкафъ, тотчасъ же сталъ ужасно похожъ на дыпленка. Исай Фомичъ, нашъ жидокъ, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на общипаннаго дыпленка. Это былъ человѣкъ уже не молодой, лѣтъ около пятидесяти, маленькій ростомъ и слабосильный, хитренькій и въ то же время рѣшительно глупый. Онъ былъ дерзокъ и заносчивъ и въ то же время ужасно трусливъ. Весь онъ былъ въ какихъ-то морщинкахъ, и на лбу и на щекахъ его были клейма, положенныя ему на эшафотѣ. Я никакъ не

могъ понять, какъ онъ могъ выдержать шестьдесятъ плетей. Пришелъ онъ по обвиненію въ убійствѣ. У него былъ припрятанъ рецептъ, доставленный ему отъ доктора его жидками тотчасъ же послѣ эшафота. По этому рецепту можно было получить такую мазь, отъ которой недѣли въ двѣ могли сойти его клейма. Употребить эту мазь въ острогѣ онъ не смѣлъ и выжидалъ своего двѣнадцатилѣтняго срока каторги, послѣ которой, выйдя на поселеніе, непременно намѣревался воспользоваться рецептомъ. „Не то нельзя будетъ зениться“, сказалъ онъ мнѣ однажды, „а я непременно хочу зениться“. Мы съ нимъ были большіе друзья. Онъ всегда былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Въ каторгѣ жить ему было легко; онъ былъ по ремеслу ювелиръ, былъ заваленъ работой изъ города, въ которомъ не было ювелира, и такимъ образомъ избавился отъ тяжелыхъ работъ. Разумѣется, онъ въ то же время былъ ростовщикъ и снабжалъ подъ проценты и залогомъ всю каторгу деньгами. Онъ пришелъ прежде меня, и одинъ изъ поляковъ описывалъ мнѣ подробно его прибытіе. Это пресмѣшная исторія, которую я расскажу впоследствии; объ Исаѣ Ѳомичѣ я буду говорить еще не разъ.

Остальной людъ въ нашей казармѣ состоялъ изъ четырехъ старообрядцевъ, стариковъ и начетчиковъ, между которыми былъ и старикъ изъ Стародубовскихъ слободъ; изъ двухъ-трехъ малороссовъ, мрачныхъ людей, изъ молоденькаго каторжнаго, съ тоненькимъ личикомъ и съ тоненькимъ носикомъ, лѣтъ двадцати трехъ, уже убившаго восемь душъ; изъ кучки фальшивыхъ монетчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ потѣшникъ всей нашей казармы, и, наконецъ, изъ нѣсколькихъ мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритухъ и обезображенныхъ, молчаливыхъ и завистливыхъ, съ ненавистью смотрѣвшихъ исподлобья кругомъ себя и намѣревавшихся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавистничать еще долгіе годы, — весь срокъ своей каторги. Все это только мелькнуло передо мной въ этотъ первый, безотраднѣйшій вечеръ моей новой жизни, — мелькнуло среди дыма и копоти, среди ругательствъ и невыразимаго цинизма, въ мефитическомъ воздухѣ, при звонѣ кандаловъ, среди проклятій и безстыднаго хохота. Я легъ на голыхъ нарахъ, положивъ въ голову свое платье (подушки у меня еще не было), накрылся тулупомъ, но долго не могъ заснуть, хотя и былъ весь измученъ и изломанъ отъ всѣхъ

чудовищныхъ и неожиданныхъ впечатлѣній этого перваго дня. Но новая жизнь моя только еще начиналась. Многое еще ожидало меня впереди, о чемъ я никогда не мыслилъ, чего и не предугадывалъ...

V.

Первый мѣсяцъ.

Три дня спустя, по прибытіи моемъ въ острогъ, мнѣ велѣно было выходить на работу. Очень памятенъ мнѣ этотъ первый день работы, хотя въ продолженіе его не случилось со мной ничего очень необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ, взявъ въ соображеніе все и безъ того необыкновенное въ моемъ положеніи. Но это было тоже одно изъ первыхъ впечатлѣній, а я еще продолжалъ ко всему жадно присматриваться. Всѣ эти три первые дня я провелъ въ самыхъ тяжелыхъ ощущеніяхъ. „Вотъ конецъ моего странствованія: я въ острогѣ!“ повторялъ я себѣ поминутно,— „вотъ пристань моя на многіе, долгіе годы, мой уголь, въ который я вступаю съ такимъ недоувѣрчивымъ, съ такимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ... А кто знаетъ? Можетъ-быть,—когда черезъ много лѣтъ придется оставить его,—еще пожалѣю о немъ!..“ прибавлялъ я не безъ примѣси того злораднаго ощущенія, которое доходитъ иногда до потребности нарочно беречь свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно въ сознаніи всей великости несчастія есть дѣйствительно наслажденіе. Мысль современемъ пожалѣть объ этомъ углѣ—меня самого поражала ужасомъ: я и тогда уже предчувствовалъ, до какой чудовищной степени приживчивъ человѣкъ. Но это еще было впереди, а покамѣстъ кругомъ меня все было враждебно и—страшно... хоть не все, но, разумѣется, такъ мнѣ казалось. Это дикое любопытство, съ которымъ оглядывали меня мои новые товарищи-каторжники, усиленная ихъ суровость съ новичкомъ изъ дворянъ, вдругъ появившимся въ ихъ корпораціи, суровость, иногда доходившая чуть не до ненависти,—все это до того измучило меня, что я самъ желалъ ужъ поскорѣе работы, чтобъ только поскорѣе узнать и извѣдать все мое бѣдствіе разомъ, чтобъ начать жить какъ и всѣ они, чтобъ войти со всѣми поскорѣе въ одну колею. Разумѣется, я тогда многого не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что у меня было подъ самымъ носомъ: между враждебнымъ я еще не угадывалъ отраднаго. Впрочемъ, нѣсколько привѣтливыхъ,

ласковыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ даже въ эти три дня, покамѣстъ сильно меня ободрили. Всѣхъ ласковѣе и привѣтливѣе со мной былъ Акимъ Акимычъ. Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. „Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе“, сгѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе, — „кто знаетъ? Эти люди, можетъ-быть, вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, остальныхъ, которые остались тамъ, за острогомъ“. Я думалъ это и самъ качалъ головою на свою мысль, а между тѣмъ, — Боже мой! — если-бъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!

Вотъ, напримѣръ, тутъ былъ одинъ человѣкъ, котораго только черезъ много-много лѣтъ я узналъ вполнѣ, а между тѣмъ онъ былъ со мной и постоянно около меня почти во все время моей каторги. Это былъ арестантъ Сушиловъ. Какъ только заговорилъ я теперь о каторжникахъ, которые были *не хуже* другихъ, то тотчасъ же невольно вспомнилъ о немъ. Онъ мнѣ прислуживалъ. У меня тоже былъ и другой прислужникъ. Акимъ Акимычъ еще съ самаго начала, съ первыхъ дней, рекомендовалъ мнѣ одного изъ арестантовъ, — Осипа, говоря, что за тридцать копеекъ въ мѣсяцъ онъ будетъ мнѣ стряпать ежедневно особое кушанье, если мнѣ ужъ такъ противно казенное и если я имѣю средства завести свое. Осипъ былъ одинъ изъ четырехъ поваровъ, назначаемыхъ арестантами по выбору въ наши двѣ кухни, хотя, впрочемъ, оставалось вполнѣ и на ихъ волю принять или не принять такой выборъ; а принявъ, можно было хотъ завтра же опять отказаться. Повара ужъ такъ и не ходили на работу, и вся должность ихъ состояла въ печеніи хлѣба и варкѣ щей. Звали ихъ у насъ не поварами, а стряпками (въ женскомъ родѣ), впрочемъ, не изъ презрѣнія къ нимъ, тѣмъ болѣе, что на кухню выбирался народъ толковый и по возможности честный, а такъ, изъ милой шутки, чѣмъ наши повара нисколько не обижались. Осипа почти всегда выбирали, и почти нѣсколько лѣтъ сряду онъ постоянно былъ стряпкой, и отказывался иногда только на время, когда его ужъ очень забирала тоска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охота пронести вино. Онъ былъ рѣдкой честности и кротости человѣкъ, хотя и пришелъ за контрабанду. Это былъ тотъ самый контрабандистъ, высокій, здоровый малый, о которомъ я уже упоминалъ; трусь до всего, осо-

бенно до розогъ, смиренный, безотвѣтный, ласковый со всѣми, ни съ кѣмъ *никогда* не поссорившійся, но который не могъ не проносить вина, несмотря на всю свою трусость, по страсти къ контрабандѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими поварами торговаль тоже виномъ, хотя, конечно, не въ такомъ размѣрѣ, какъ, напримѣръ, Газинъ, потому что не имѣлъ смѣлости на многое рискнуть. Съ этимъ Осипомъ я всегда жилъ очень ладно. Что же касается до средствъ имѣть свое кушанье, то ихъ надо было слишкомъ немного. Я не ошибусь, если скажу, что въ мѣсяцъ у меня выходило на мое прокормленіе всего рубль серебромъ, разумѣется, кромѣ хлѣба, который былъ казенный, и иногда щей, если ужъ я былъ очень голоденъ, несмотря на мое къ нимъ отвращеніе, которое, впрочемъ, почти совсѣмъ прошло впоследствии. Обыкновенно я покупалъ кусокъ говядины, по фунту на день. А зимой говядина у насъ стоила грошъ. За говядиной ходилъ на базаръ кто-нибудь изъ инвалидовъ, которыхъ у насъ было по одному въ каждой казармѣ, для надзора за порядкомъ, и которые сами, добровольно, взяли себѣ въ обязанность ежедневно ходить на базаръ за покупками для арестантовъ и не брали за это почти никакой платы, такъ, развѣ пустяки какіе-нибудь. Дѣлали они это для собственнаго спокойствія, иначе имъ невозможно бы было въ острогѣ ужиться. Такимъ образомъ они приносили табакъ, кирпичный чай, говядину, калачи и проч. и проч., кромѣ только развѣ одного вина. О винѣ ихъ не просили, хотя иногда и потчивали. Осипъ стряпалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду все одинъ и тотъ же кусокъ зажаренной говядины. Ужъ какъ онъ былъ зажаренъ, — это другой вопросъ, да не въ томъ было и дѣло. Замѣчательно, что съ Осипомъ я въ нѣсколько лѣтъ почти не сказалъ двухъ словъ. Много разъ начиналъ заговаривать съ нимъ, но онъ какъ-то былъ неспособенъ поддерживать разговоръ: улыбнется, бывало, или отвѣтитъ *да* или *нѣтъ*, да и только. Даже странно было смотрѣть на этого Геркулеса семи лѣтъ отъ роду.

Но кромѣ Осипа, изъ людей, мнѣ помогавшихъ, былъ и Сушиловъ. Я не призывалъ его и не искалъ его. Онъ какъ-то самъ нашель меня и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню, когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма. Надъ этой-то ямой, въ

казенныхъ корытахъ, и мылось арестантское бѣлье. Кромѣ того, Сушиловъ самъ изобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобъ мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ мою куртку въ починку, смазывалъ мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяць; все это дѣлалъ усердно, суетливо, какъ будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ, совершенно связалъ свою судьбу съ моею и взялъ всѣ мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ, наприимѣръ: „у васъ столько-то рубахъ, у васъ куртка разорвана“, и проч., а всегда: „у насъ теперь столько-то рубахъ, у насъ куртка разорвана“. Онъ такъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза и, кажется, принялъ это за главное назначеніе всей своей жизни. Ремесла или, какъ говорятъ арестанты, рукомеса у него не было никакого, и, кажется, только отъ меня онъ и добывалъ копейку. Я платилъ ему сколько могъ, то-есть грошами, и онъ всегда безотвѣтно оставался доволенъ. Онъ не могъ не служить кому-нибудь и, казалось, выбралъ меня особенно потому, что я былъ обходительнѣе другихъ и честнѣе на расплату. Былъ онъ изъ тѣхъ, которые никогда не могли разбогатѣть и поправиться, и которые у насъ брались сторожить майданы, простаивая по цѣлымъ ночамъ въ сѣняхъ на морозѣ, прислушиваясь къ каждому звуку на дворѣ на случай плацъ-маіора, и брали за это по пяти копеекъ серебромъ чуть не за всю ночь, а въ случаѣ просмотра теряли все и отвѣчали спиной. Я ужъ о нихъ говорилъ. Характеристика этихъ людей — уничтожать свою личность всегда, вездѣ и чуть ни передъ всѣми, а въ общихъ дѣлахъ разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у нихъ ужъ такъ по природѣ. Сушиловъ былъ очень жалкій малый, вполне безотвѣтный и приниженный, даже забитый, хотя его и никто у насъ не билъ, а такъ ужъ отъ природы забитый. Мнѣ его всегда было отчего-то жаль. Я даже и взглянуть на него не могъ безъ этого чувства, а почему жаль,—я бы самъ не могъ отвѣтить. Разговаривать съ нимъ я тоже не могъ; онъ тоже разговаривать не умѣлъ, и видно, что ему это было въ большой трудъ, и онъ только тогда оживлялся, когда, чтобъ кончить разговоръ, дашь ему что-нибудь сдѣлать, попросишь его сходить, сбѣгать куда-нибудь. Я даже, наконецъ, увѣрился, что доставляю ему этимъ удовольствіе. Онъ былъ не вы-

сокъ и не малъ ростомъ, не хорошъ и не дурень, не глупъ и не умень, не молодъ и не старъ, немножко рябовать, отчасти бѣлокуръ. Слишкомъ опредѣлительнаго о немъ никогда ничего нельзя было сказать. Одно только: онъ, какъ мнѣ кажется и сколько я могъ догадаться, принадлежалъ къ тому же товариществу, какъ и Сироткинъ, и принадлежалъ единственно по своей забитости и безотвѣтности. Надъ нимъ иногда посмѣивались арестанты, главное за то, что онъ смѣнялся дорогою, идя въ партіи въ Сибирь, и смѣнялся за красную рубашку и за рубль серебромъ. Вотъ за эту-то ничтожную цѣну, за которую онъ себя продалъ, надъ нимъ и смѣялись арестанты. Смѣнитъ, значитъ перемѣниться съ кѣмъ-нибудь именемъ, а слѣдственно и участію. Какъ ни чуденъ кажется этотъ фактъ, а онъ справедливъ, и въ мое время онъ еще существовалъ между препровождающимися въ Сибирь арестантами въ полной силѣ, освященный преданіями и опредѣленный извѣстными формами. Сначала я никакъ не могъ этому повѣрить, хотя и пришлось, наконецъ, повѣрить очевидности.

Это вотъ какимъ образомъ дѣлается. Препровождается, на примѣръ, въ Сибирь партія арестантовъ. Идутъ всякіе: и въ каторгу, и въ заводъ, и на поселеніе; идутъ вмѣстѣ. Гдѣ-нибудь дорогою, ну, хоть въ Пермской губерніи, кто-нибудь изъ ссыльныхъ пожелаетъ смѣниться съ другимъ. На примѣръ, какой-нибудь Михайловъ, убійца или по другому капитальному преступленію, жахочитъ идти на многіе годы въ каторгу для себя невыгоднымъ. Положимъ, онъ малый хитрый, тертый, дѣло знаетъ; вотъ онъ и высматриваетъ кого-нибудь изъ той же партіи попростѣе, позабитѣе, побезотвѣтнѣе и которому опредѣлено наказаніе небольшое сравнительно: или въ заводъ на малые годы, или на поселенье, или даже въ каторгу, только поменьше срокомъ. Наконецъ, находитъ Сушилова. Сушиловъ изъ дворовыхъ людей и сосланъ просто на поселенье. Идетъ онъ уже тысячи полторы верстъ, разумѣется, безъ копейки денегъ, потому что у Сушилова никогда не можетъ быть ни копейки,—идетъ изнуренный, усталый, на одномъ казенномъ продовольствѣ, безъ сладкаго куска, хоть мимоходомъ, въ одной казенной одеждѣ, всѣмъ прислуживая за жалкіе мѣдные гроши. Михайловъ заговариваетъ съ Сушиловымъ, сходится, даже дружится и, наконецъ, на какомъ-нибудь этапѣ поить его виномъ. На-

конецъ, предлагаетъ ему: не хочеть-ли онъ смѣняться? Я, дескать, Михайловъ, вотъ такъ и такъ, иду въ каторгу не каторгу, а въ какое-то „особое отдѣленіе“. Оно хоть и каторга, но особая, лучше, стало-быть.—Объ особомъ отдѣленіи во время существованія его даже изъ начальства-то не всѣ знали, хоть бы, на примѣръ, и въ Петербургѣ. Это былъ такой отдѣльный и особый уголокъ, въ одномъ изъ уголковъ Сибири, и такой немногочисленный (при мнѣ было въ немъ до семидесяти человѣкъ), что трудно было и на слѣдъ его напасть. Я встрѣчалъ потомъ людей, служившихъ и знающихъ о Сибири, которые отъ меня только въ первый разъ услыхали о существованіи „особаго отдѣленія“. Въ Сводѣ Законовъ сказано о немъ всего строкъ шесть: „Учреждается при такомъ-то острогѣ особое отдѣленіе, для самыхъ важныхъ преступниковъ, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ“. Даже сами арестанты этого „отдѣленія“ не знали, что оно навѣчно или на срокъ. Сроку не было положено, сказано—впредь до открытія самыхъ тяжкихъ работъ, и только; — стало-быть, „вдоль по каторгѣ“. Немудрено, что ни Сушиловъ, да и никто изъ партіи этого не зналъ, не исключая и самого сосланнаго Михайлова, который развѣ только имѣлъ понятіе объ особомъ отдѣленіи, судя по своему преступленію, слишкомъ тяжкому, и за которое уже онъ прошелъ тысячи три или четыре. Слѣдственно, не пошлютъ же его въ хорошее мѣсто. Сушиловъ же пошелъ на поселеніе; чего же лучше? „Не хочешь-ли смѣняться?“ Сушиловъ подъ хмелькомъ, душа простая, полонъ благодарности къ обласкавшему его Михайлову, и потому не рѣшается отказать. Къ тому же онъ слышалъ уже въ партіи, что мѣняться можно, что другіе же мѣняются, слѣдственно необыкновеннаго и неслыханнаго тутъ нѣтъ ничего. Соглашаются. Безсовѣстный Михайловъ, пользуясь необыкновенною простотою Сушилова, покупаетъ у него имя за красную рубашку и за рубль серебромъ, которые тутъ же и даетъ ему при свидѣтеляхъ. На завтра Сушиловъ уже не пьянъ; но его поятъ опять, ну, да и плохо отказываться: полученный рубль серебромъ уже пропить, красная рубашка, немного спустя, тоже. Не хочешь, такъ деньги отдай. А гдѣ взять цѣлый рубль серебромъ Сушилову? А не отдастъ, такъ артель заставитъ отдать: за этимъ смотрятъ въ артели строго. Къ тому же, если далъ обѣщаніе, то

исполни, — и на этомъ артель настонтъ. Иначе сгрызутъ. Забьютъ, пожалуй, или просто убьютъ, по крайней мѣрѣ, застрашаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допусти артель хоть одинъ разъ въ такомъ дѣлѣ поблажку, то и обыкновеніе смѣны именами кончится. Коли можно будетъ отказываться отъ обѣщанія и нарушать сдѣланный торгъ, уже взявши деньги, — кто же будетъ потомъ его исполнять? Однимъ словомъ, тутъ артельное, общее дѣло, а потому и партія къ этому дѣлу очень строга. Наконецъ, Сушиловъ видитъ, что ужъ не отмолишься, и рѣшается вполнѣ согласиться. Объявляется всей партіи; ну, тамъ кого еще слѣдуетъ тоже дарять и поять, если надо. Тѣмъ, разумѣется, все равно, Михайловъ или Сушиловъ пойдутъ къ чорту на рога, ну, а вино-то выпито, угостили; — слѣдственно и съ ихъ стороны молчокъ. На первомъ же этапѣ дѣлаютъ, напимѣръ, перекличку; доходить до Михайлова: „Михайловъ!“ Сушиловъ откликается: я! „Сушиловъ!“ Михайловъ кричитъ: я! — и пошли дальше. Никто и не говоритъ ужъ больше объ этомъ. Въ Тобольскѣ ссыльныхъ разсортировываютъ. „Михайлова“ — на поселеніе, а „Сушилова“, подъ усиленнымъ конвоемъ, препровождаютъ въ особое отдѣленіе. Далѣе никакой уже протестъ невозможенъ; да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ доказать? На сколько лѣтъ затянется такое дѣло? Чтò за него еще будетъ? Гдѣ, наконецъ, свидѣтели? Отрекутся, если бъ и были. Такъ и остается въ результатѣ, что Сушиловъ за рубль серебромъ да за красную рубаху въ „особое отдѣленіе“ пришелъ.

Арестанты смѣялись надъ Сушиловымъ, — не за то, что онъ смѣнился (хотя къ смѣнившимся на болѣе тяжелую работу съ легкой вообще питаютъ презрѣніе, какъ ко всякимъ попавшимся впросакъ дуракамъ), а за то, что онъ взялъ только красную рубаху и рубль серебромъ: слишкомъ ужъ ничтожная плата. Обыкновенно мѣняются за большія суммы, опять-таки судя относительно. Берутъ даже и по нѣсколько десятковъ рублей. Но Сушиловъ былъ такъ безотвѣтенъ, безличенъ и для всѣхъ ничтоженъ, что надъ нимъ и смѣяться-то какъ-то не приходилось.

Долго мы жили съ Сушиловымъ, уже нѣсколько лѣтъ. Мало-по-малу онъ привязался ко мнѣ чрезвычайно; я не могъ этого не замѣтить, такъ что и я очень привыкъ къ нему. Но однажды, — никогда не могу простить себѣ

этого, — онъ чего-то по моей просьбѣ не выполнилъ, а между тѣмъ только что взялъ у меня денегъ, и я имѣлъ жестокость сказать ему: „вотъ, Сушиловъ, деньги-то вы берете, а дѣло-то не дѣлаете“. Сушиловъ смолчалъ, сбѣгалъ по моему дѣлу, но что-то вдругъ загрустилъ. Прошло дня два. Я думалъ: не можетъ быть, чтобъ онъ это отъ моихъ словъ. Я зналъ, что одинъ арестантъ, Антонъ Васильевъ, настоятельно требовалъ съ него какой-то грошовый долгъ. Вѣрно денегъ нѣтъ, а онъ боится спросить у меня. На третій день я говорю ему: „Сушиловъ, вы, кажется, у меня хотѣли денегъ спросить, для Антона Васильева? На-те“. Я сидѣлъ тогда на нарахъ; Сушиловъ стоялъ передо мной. Онъ былъ, кажется, очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ объ его затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнію, ужъ слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще дамъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошелъ за нимъ и нашелъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову и облокотясь на него рукой. — „Сушиловъ, чтѣ съ вами?“ спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня и я, къ чрезвычайному удивленію, замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать. „Вы, Александръ Петровичъ... думаете...“ началъ онъ прерывающимся голосомъ и стараясь смотрѣть въ сторону, — „что я вамъ... за деньги... а я... я... э-э-эхъ!“ Тутъ онъ оборотился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ, — и какъ зарыдаетъ!.. Первый разъ я видѣлъ въ каторгѣ человѣка плачущаго. Насилу я утѣшилъ его, и хоть онъ съ этихъ поръ, если возможно это, еще усерднѣе началъ служить мнѣ и „наблюдать меня“, но по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ, признакамъ я замѣтилъ, что его сердце никогда не могло простить мнѣ попрекъ мой. А между тѣмъ другіе смѣялись же надъ нимъ, шпыняли его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругали его иногда крѣпко, — а онъ жилъ же съ ними ладно и дружелюбно и никогда не обижался. Да, очень трудно бываетъ распознать человѣка, даже и послѣ долгихъ лѣтъ знакомства!

Вотъ почему съ перваго взгляда каторга и не могла мнѣ представиться въ томъ настоящемъ видѣ, какъ пред-

ставилась впоследствии. Вот почему я и сказала, что если и смотрѣлъ на все съ такимъ жаднымъ, усиленнымъ вниманіемъ, то все-таки не могъ разглядѣть много такого, что у меня было подъ самымъ носомъ. Естественно, меня поражали сначала явленія крупныя, рѣзко выдающіяся, но и тѣ, можетъ-быть, принимались мною неправильно и только оставляли въ душѣ моей одно тяжелое, безнадежно-грустное впечатлѣніе. Очень много способствовала тому встрѣча моя съ А—вымъ, тоже арестантомъ, прибывшимъ незадолго до меня въ острогъ и поразившимъ меня особенно мучительнымъ впечатлѣніемъ въ первые дни моего прибытія въ каторгу. Я, впрочемъ, узналъ еще до прибытія въ острогъ, что встрѣчусь тамъ съ А—вымъ. Онъ отравилъ мнѣ это первое тяжелое время и усилилъ мои душевныя муки. Не могу умолчать о немъ.

Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія. А—въ былъ молодой человѣкъ, изъ дворянъ, о которомъ уже я отчасти упоминалъ, говоря, что онъ переносилъ нашему плацъ-маіору все, что дѣлалось въ острогѣ, и былъ друженъ съ его денщикомъ Оедькой. Вотъ краткая его исторія. Не докончивъ нигдѣ курса и разсорившись въ Москвѣ съ родными, испугавшимися развратнаго его поведенія, онъ прибылъ въ Петербургъ и, чтобъ добыть денегъ, рѣшился па одинъ подлый доносъ, то-есть рѣшился продать кровь десяти человѣкъ, для немедленнаго удовлетворенія своей неутолимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наклонностямъ, до которыхъ онъ, соблазненный Петербургомъ, его кондитерскими и Мѣщанскими, сдѣлался падокъ до такой степени, что, будучи человѣкомъ неглупымъ, рискнулъ на безумное и бессмысленное дѣло. Его скоро обличили; въ доносъ свой онъ впуталъ невинныхъ людей, другихъ обманулъ, и за это его сослали въ Сибирь, въ нашъ острогъ, на десять лѣтъ. Онъ еще былъ очень молодъ, жизнь для него только что начиналась. Казалось бы, такая страшная перемѣна въ его судьбѣ должна была поразить, вызвать его природу на какой-нибудь отпоръ, на какой-нибудь переломъ. Но онъ безъ малѣйшаго смущенія принялъ новую судьбу свою, безъ малѣйшаго даже отвращенія, не возмутился передъ ней нравственно, не испугался въ ней ничего, кромѣ развѣ

необходимости работать и разстаться съ кондитерскими и съ тремя Мѣщанскими. Ему даже показалось, что званіе каторжнаго только еще развязало ему руки на еще большія подлости и пакости. „Каторжникъ, такъ ужъ каторжникъ и есть; коли каторжникъ, стало-быть, ужъ можно подличать, и не стыдно“. Буквально, это было его мнѣніе. Я вспоминаю объ этомъ гадкомъ существѣ, какъ о феноменѣ. Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійцъ, развратниковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но, положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полнаго нравственнаго паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглой низости, какъ въ А—вѣ. У насъ былъ отцеубійца, изъ дворянъ; я уже упоминалъ о немъ; но я убѣдился по многимъ чертамъ и фактамъ, что даже и тотъ былъ несравненно благороднѣе и человѣчнѣе А—ва. На мои глаза, во все время моей осторожной жизни, А—въ сталъ и былъ какимъ-то кускомъ мяса, съ зубами и съ желудкомъ и съ неутолимой жаждой наигрубѣйшихъ, самыхъ звѣрскихъ тѣлесныхъ наслажденій, а за удовлетвореніе самаго малѣйшаго и прихотливѣйшаго изъ этихъ наслажденій онъ способенъ былъ хладнокровнѣйшимъ образомъ убить, зарѣзать, словомъ на все, лишь бы спрятаны были концы въ воду. Я ничего не преувеличиваю; я узналъ хорошо А—ва. Это былъ примѣръ, до чего могла дойти одна тѣлесная сторона человѣка, не сдержанная внутренно никакой нормой, никакой законностью. И какъ отвратительно мнѣ было смотрѣть на его вѣчную насмѣшливую улыбку. Это было чудовище, нравственный Квазимодо. Прибавьте къ тому, что онъ былъ хитеръ и уменъ, красивъ собой, нѣсколько даже образованъ, имѣлъ способности. Нѣтъ, лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ! Я сказалъ уже, что въ острогѣ все такъ исподлилось, что шпіонство и доносы процвѣтали и арестанты нисколько не сердились за это. Напротивъ, съ А—мъ всѣ они были очень дружны и обращались съ нимъ несравненно дружжелюбнѣе, чѣмъ съ нами. Милости же къ нему нашего пьянаго маіора придавали ему въ ихъ глазахъ значеніе и вѣсь. Между прочимъ, онъ увѣрилъ маіора, что онъ можетъ снимать портреты (арестантовъ онъ увѣрялъ, что былъ гвардіи поручикомъ), и тотъ потребовалъ, чтобъ его высылали на работу къ нему на домъ, для того, разумеется, чтобъ рисовать маіорскій портретъ. Тутъ-то онъ

и сошелся съ денщикомъ Федькой, имѣвшимъ чрезвычайное вліяніе на своего барина, а слѣдственно на всѣхъ и на все въ острогѣ. А—въ шпионилъ на насъ по требованію маіора же, а тотъ, хмельной, когда билъ его по щекамъ, то его же ругалъ шпиономъ и доносчикомъ. Случалось, и очень часто, что сейчасъ же послѣ побоевъ маіоръ садился на стулъ и приказывалъ А—ву продолжать портретъ. Нашъ маіоръ, кажется, дѣйствительно вѣрилъ, что А—въ былъ замѣчательный художникъ, чуть не Брюлловъ, о которомъ и онъ слышалъ, но все-таки считалъ себя въ правѣ лупить его по щекамъ, потому, дескать, что теперь ты хоть и тотъ же художникъ, но каторжный, и хоть будь ты раз-Брюлловъ, а я все-таки твой начальникъ, а, стало-быть, что захочу, то съ тобой и сдѣлаю. Между прочимъ, онъ заставлялъ А—ва снимать ему сапоги и выносить изъ спальни разныя вазы, и все-таки долго не могъ отказаться отъ мысли, что А—въ великій художникъ. Портретъ тянулся безконечно, почти годъ. Наконецъ, маіоръ догадался, что его надувають, и, убѣдившись вполне, что портретъ не оканчивается, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится на него непохожимъ, разсердился, исколотилъ художника и сослалъ его за наказаніе въ острогъ, на черную работу. А—въ видимо жалѣлъ объ этомъ, и тяжело ему было отказаться отъ праздныхъ дней, отъ подачекъ съ маіорскаго стола, отъ друга Федьки и отъ всѣхъ наслажденій, которыя они вдвоемъ изобрѣтали себѣ у маіора на кухнѣ. По крайней мѣрѣ, маіоръ, съ удаленіемъ А—ва, пересталъ преслѣдовать М., арестанта, на котораго А—въ безпрестанно ему наговаривалъ, и вотъ за что: М., во время прибытія А—ва въ острогъ, былъ одинъ. Онъ очень тосковалъ, не имѣлъ ничего общаго съ прочими арестантами, глядѣлъ на нихъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ, не замѣчалъ и проглядѣлъ въ нихъ все, что могло бы подѣйствовать на него примирительно, и не сходился съ ними. Тѣ платили ему тою же ненавистью. Вообще положеніе людей, подобныхъ М., въ острогѣ ужасно. Причина, по которой А—въ попалъ въ острогъ, была М. неизвѣстна. Напротивъ, А—въ, догадавшись съ кѣмъ имѣеть дѣло, тотчасъ же увѣрилъ его, что онъ сосланъ совершенно за противоположное доносу, почти за то же, за что сосланъ былъ и М. М. страшно обрадовался товарищу, другу. Онъ ходилъ за нимъ, утѣшалъ его въ первые дни каторги,

предполагая, что онъ долженъ былъ очень страдать, отдалъ ему послѣднія свои деньги, кормилъ его, подѣлился съ нимъ необходимѣйшими вещами. Но А—въ тотчасъ же возненавидѣлъ его, именно за то, что тотъ былъ благороденъ, за то, что съ такимъ ужасомъ смотрѣлъ на всякую низость, за то именно, что онъ былъ совершенно не похожъ на него, и все, что М., въ прежнихъ разговорахъ, передалъ ему объ острогѣ и маіорѣ, все это А—въ слышалъ при первомъ случаѣ донести маіору. Маіоръ страшно возненавидѣлъ за это и угнеталъ М., и если-бъ не вліяніе коменданта, онъ довелъ бы его до бѣды. А—въ же не только не смущался, когда потомъ М. узналъ про его низость, но даже любилъ встрѣчаться съ нимъ и съ насмѣшкой смотрѣть на него. Это видимо доставляло ему наслажденіе. Мнѣ нѣсколько разъ указывалъ на это самъ М. Эта подлая тварь потомъ бѣжала съ однимъ арестантомъ и съ конвойнымъ, но объ этомъ побѣгѣ я скажу послѣ. Онъ очень сначала и ко мнѣ подлизывался, думая, что я не слыхалъ объ его исторіи. Повторяю, онъ отравилъ мнѣ первые дни моей каторги еще большей тоской. Я ужаснулся той страшной подлости и низости, въ которую меня ввергнули, среди которой я очутился. Я подумалъ, что здѣсь и все такъ же подло и низко. Но я ошибался: и судилъ обо всѣхъ по А—ву.

Въ эти три дня я въ тоскѣ слонялся по острогу, лежалъ на своихъ нарахъ, отдалъ шить надежному арестанту, указанному мнѣ Акимъ Акимычемъ, изъ выданнаго мнѣ казеннаго холста рубашки, разумѣется, за плату (по сколько-то грошей съ рубашки), завелъ себѣ, по настоятельному совѣту Акима Акимыча, складной тюфячокъ (изъ войлока, обшитаго холстомъ), чрезвычайно тоненькій, какъ блинъ, и подушку, набитую шерстью, страшно жесткую съ непривычки. Акимъ Акимычъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ мнѣ всѣхъ этихъ вещей и самъ въ немъ участвовалъ, собственноручно сшилъ мнѣ одѣяло изъ лоскутковъ стараго казеннаго сукна, собраннаго изъ выносившихся панталонъ и куртокъ, купленныхъ мною у другихъ арестантовъ. Казенныя вещи, которымъ выходилъ срокъ, оставлялись въ собственность арестанта; онъ тотчасъ же продавались тутъ же въ острогѣ, и какъ бы ни была заношена вещь, все-таки имѣла надежду сойти съ рукъ за какую-нибудь цѣну. Всему этому я сначала очень удивлялся. Вообще это было время моего перваго столк-

новенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія, — стали какъ будто тоже моими, по крайней мѣрѣ, по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности. Я былъ удивленъ и смущенъ, точно и не подозрѣвалъ прежде ничего этого и не слыхалъ ни о чемъ, хотя и зналъ, и слышалъ. Но дѣйствительность производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ знаніе и слухи. Могъ-ли я, напримѣръ, хотъ когда-нибудь прежде подозрѣвать, что такія вещи, такіе старые обноски могутъ считаться тоже вещами? — А вотъ спилъ же себѣ изъ этихъ обносковъ одѣяло! Трудно было и представить себѣ, какого сорта было сукно, опредѣленное на арестантское платье. Съ виду оно какъ будто и въ самомъ дѣлѣ походило на сукно, толстое солдатское; но чуть-чуть поношенное, оно обращалось въ какой-то бредень и раздиралось возмутительно. Впрочемъ, суконное платье давалось на годичный срокъ, но съ этимъ срокомъ трудно было справиться. Арестантъ работаетъ, носить на себѣ тяжести; платье обтирается и обдирается скоро. Тулупы же выдавались на три года и обыкновенно служили въ продолженіе всего этого срока и одеждой, и одѣялами, и подстилками. Но тулупы крѣпки, хотя и не рѣдкость было на комъ-нибудь видѣть, къ концу третьяго года, то-есть срока выноски, тулупъ, заплатанный простою холстиной. Несмотря на то, даже очень выношенные, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока, продавались копеекъ за сорокъ серебромъ. Нѣкоторые же, получше сохранившіеся, продавались за шесть или даже за семь гривенъ серебромъ, а въ каторгѣ это были большія деньги.

Деньги же — я уже говорилъ объ этомъ — имѣли въ острогѣ страшное значеніе, могущество. Положительно можно сказать, что арестантъ, имѣвшій хотъ какія-нибудь деньги въ каторгѣ, въ десять разъ меньше страдалъ, чѣмъ совсѣмъ не имѣвшій ихъ, хотя послѣдній обезпеченъ тоже всѣмъ казеннымъ, и къ чему бы, кажется, имѣть ему деньги? — какъ разсуждало наше начальство. Опять-таки повторяю, что если-бъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съ ума, или мерли бы какъ мухи (несмотря на то, что были во всемъ обезпечены), или, наконецъ, пустились бы въ неслыханныя злодѣяства, — одни отъ

тоски, другіе—чтобъ поскорѣе быть какъ-нибудь казненнымъ и уничтоженнымъ, или такъ какъ-нибудь „перемѣнить участь“ (техническое выраженіе). Если же арестантъ, добывъ почти кровавымъ потомъ свою копейку, или рѣшась для пріобрѣтенія на необыкновенныя хитрости, сопряженныя часто съ воровствомъ и мошенничествомъ, въ то же время такъ безразсудно, съ такимъ ребяческимъ безсмысліемъ тратитъ ихъ, то это вовсе не доказываетъ, что онъ ихъ не цѣнитъ, хотя бы и казалось такъ съ перваго взгляда. Къ деньгамъ арестантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка, и если дѣйствительно бросаетъ ихъ какъ щепки, когда кутитъ, то бросаетъ за то, что считаетъ еще одной степенью выше денегъ. Что же выше денегъ для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободѣ. Арестанты большіе мечтатели. Объ этомъ я кой-что скажу послѣ, но къ слову пришлось: повѣрять-ли, что я видалъ сосланныхъ на *двадцатилѣтній* срокъ, которые мнѣ самому говорили очень спокойно такія, напимѣръ, фразы: „а вотъ подожди, дасть Богъ кончу срокъ, и тогда...“ Весь смыслъ слова „арестантъ“ означаетъ человѣка безъ воли, а, трати деньги, онъ поступаетъ уже *по своей воли*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы и ненавистныя пали острога, заслоняющія ему Божій міръ и огораживающія его какъ звѣря въ клѣткѣ, — онъ можетъ достать вина, то-есть страшно запрещенное наслажденіе, попользоваться клубничкой, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своихъ ближайшихъ начальниковъ, инвалидовъ и даже унтеръ-офицера, которые сквозь пальцы будутъ смотрѣть на то, что онъ нарушаетъ законъ и дисциплину; даже можетъ, сверхъ торгу, еще покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ ужасно любить, то-есть представиться предъ товарищами и увѣрить даже себя *хоть на время*, что у него воли и власти несравненно больше, чѣмъ кажется;—однимъ словомъ—можетъ накутить, набуяннить, разобидѣть кого-нибудь въ прахъ и доказать ему, что все это *можетъ*, что все это „въ нашихъ рукахъ“, то-есть увѣрить себя въ томъ, о чемъ бѣдняку и помыслить невозможно. Кстати: вотъ отчего, можетъ-быть, въ арестантахъ, даже и въ трезвомъ видѣ, замѣчается всеобщая наклонность къ куражу, къ хвастовству, къ комическому и наивнѣйшему возвеличенію собственной личности, хотя бы призрачному. Наконецъ, во всемъ этомъ

кутежъ есть свой рискъ,—значить, все это имѣеть хоть какой-нибудь призракъ жизни, хоть отдаленный призракъ свободы. А чего не отдашь за свободу? Какой миллионщикъ, если-бъ ему сдавили горло петлей, не отдалъ бы всѣхъ своихъ миллиононь за одинъ глотокъ воздуха?

Удивляются иногда начальники, что вотъ какой-нибудь арестантъ жилъ себѣ нѣсколько лѣтъ такъ смирно, примѣрно, даже десяточнымъ его сдѣлали за похвальное поведеніе, и вдругъ, рѣшительно ни съ того, ни съ сего,—точно бѣсъ въ него влѣзъ,—зашалилъ, накутилъ, набуянилъ, а иногда даже просто на уголовное преступленіе рискнулъ: или на явную непочтительность передъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или изнасиловалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ, можетъ-быть, вся-то причина этого внезапнаго взрыва въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать его, — это тоскливое, судорожное проявленіе личности, инстинктивная тоска по самомъ себѣ, желаніе заявить себя, свою приниженную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ, можетъ-быть, заживо схороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ колотить въ свою крышку и силится сбросить ее, хотя, разумѣется, разсудокъ могъ бы убѣдить его, что всѣ его усилія останутся тщетными. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ ужъ не до разсудка: тутъ судороги. Возьмемъ еще въ соображеніе, что почти всякое самовольное проявленіе личности въ арестантѣ считается преступленіемъ, а въ такомъ случаѣ ему естественно все равно, что большое, что малое проявленіе. Кутить—такъ ужъ кутить, рискнуть—такъ ужъ рискнуть на все, даже хоть на убійство. И только вѣдь стоитъ начать: опьянѣеть потомъ человѣкъ, даже не удержишь! А потому всячески бы лучше не доводить до этого. Всѣмъ было бы спокойнѣе.

Да; но какъ это сдѣлать?

VI.

Первый мѣсяць.

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякій случаѣ было спрятано,

т. е. заклеено въ переплетѣ Евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтїями и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата. Есть въ Сибири и почти всегда не переводится нѣсколько лицъ, которыя, кажется, назначеніемъ жизни своей поставляютъ себѣ—братскій уходъ за „несчастными“, состраданіе и соболѣзнованіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое. Не могу не припомнить здѣсь вкратцѣ объ одной встрѣчѣ. Въ городѣ, въ которомъ находился нашъ острогъ, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумѣется, никто изъ насъ, въ бытность въ острогѣ, не могъ познакомиться съ ней лично. Казалось, назначеніемъ жизни своей она избрала помощь ссыльнымъ, но болѣе всѣхъ заботилась о насъ. Было-ли въ семействѣ у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь изъ особенно дорогихъ и близкихъ ея сердцу людей пострадалъ по такому же преступленію, но только она какъ будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многого она, конечно, не могла; она была очень бѣдна. Но мы, сидя въ острогѣ, чувствовали, что тамъ, за острогомъ, есть у насъ преданнѣйшій другъ. Между прочимъ, она намъ часто сообщала извѣстія, въ которыхъ мы очень нуждались. Выйдя изъ острога и отправляясь въ другой городъ, я успѣлъ побывать у ней и познакомиться съ нею лично. Она жила гдѣ-то въ форштадтѣ, у одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Была она не стара и не молодая, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна-ли она, образована-ли? Замѣчалась только въ ней, на каждомъ шагу, одна безконечная доброта, непреодолимое желаніе угодить, облегчить, сдѣлать для васъ непременно что-нибудь прїятное. Все это такъ и виднѣлось въ ея тихихъ, добрыхъ взглядахъ. Я провелъ, вмѣстѣ съ другимъ изъ осторожныхъ моихъ товарищей, у ней почти цѣлый вечеръ. Она такъ и глядѣла намъ въ глаза, смѣялась, когда мы смѣялись, спѣшила соглашаться со всѣмъ, что бы мы ни сказали; суетилась угостить насъ хоть чѣмъ-нибудь, чѣмъ только могла. Поданъ былъ чай, закуска, какія-то сласти, и если-бъ у ней были тысячи, она бы, кажется, имъ обрадовалась только потому,

что могла бы лучше намъ угодить да облегчить нашихъ товарищей, оставшихся въ острогѣ. Прощаясь, она вынесла намъ по сигарочницѣ на память. Эти сигарочницы она склеила для насъ изъ картона (ужь Богъ знаетъ, какъ онѣ были склеены), оклеила ихъ цвѣтной бумажкой, точно такую же, въ какую переплетаются краткія ариѳметики для дѣтскихъ школъ (а, можетъ-быть, и дѣйствительно на оклейку пошла какая-нибудь ариѳметика). Кругомъ же обѣ папиросницы были, для красоты, оклеены тоненькимъ бордюрикомъ изъ золотой бумажки, за которую она, можетъ-быть, нарочно ходила въ лавки. «Вотъ вы курите же папироски, такъ, можетъ-быть, и пригодится вамъ», сказала она, какъ бы извиняясь робко передъ нами за свой подарокъ... Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то же время и величайшій эгоизмъ. Ужь въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ—никакъ не пойму.

Хоть у меня вовсе не было при входѣ въ острогъ большихъ денегъ, но я какъ-то не могъ тогда серьезно досадовать на тѣхъ изъ каторжныхъ, которые, почти въ первые часы моей острожной жизни, уже обманувъ меня разъ, пренаивно приходили по другому, по третьему и даже по пятому разу занимать у меня. Но признаюсь въ одномъ откровенно: мнѣ очень было досадно, что весь этотъ людъ, съ своими наивными хитростями, непременно долженъ былъ, какъ мнѣ казалось, считать меня простофилей и дурачкомъ и смѣяться надо мной, именно потому, что я въ пятый разъ давалъ имъ деньги. Имъ непременно должно было казаться, что я поддаюсь на ихъ обманы и хитрости, и если бъ, напротивъ, я имъ отказывалъ и прогонялъ ихъ, то, я увѣренъ, они стали бы несравненно болѣе уважать меня. Но какъ я ни досадовалъ, а отказать все-таки не могъ. Досадовалъ же я потому, что серьезно и заботливо думалъ въ эти первые дни о томъ, какъ и на какой ногѣ поставлю я себя въ острогѣ или, лучше сказать, на какой ногѣ я долженъ былъ стоять съ ними. Я чувствовалъ и понималъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется, я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велитъ. Но я зналъ тоже, что вѣдь это только афоризмъ, а передо мной все-таки явится самая неожиданная практика.

И потому, несмотря на всё мелочныя заботы о своемъ устройствѣ въ казармѣ, о которыхъ я уже упоминалъ и въ которыя вовлекалъ меня по преимуществу Акимъ Акимычъ, несмотря на то, что онѣ нѣсколько и развлекали меня,—страшная, ядущая тоска все болѣе и болѣе меня мучила. „Мертвый домъ!“ говорилъ я самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣниво слонявшимся по площадкѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнать, что они за люди и какіе у нихъ характеры? Они же шлялись передо мной съ нахмуренными лбами, или уже слишкомъ развеселые (эти два вида наиболѣе встрѣчаются и почти характеристика каторги), ругались или просто разговаривали, или, наконецъ, прогуливались въ одиночку, какъ будто въ задумчивости, тихо, плавно, иные съ усталымъ и апатическимъ видомъ, другіе (даже и здѣсь!)—съ видомъ заносчиваго превосходства, съ шапками на бекрень, съ тулушами въ накидку, съ дерзкимъ, лукавымъ взглядомъ и съ нахальной пересмѣшкой. Все это моя среда, мой теперешній міръ,—думалъ я,—съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить... Я пробовалъ было спрашивать и разузнавать о нихъ у Акима Акимыча, съ которымъ очень любилъ пить чай, чтобъ не быть одному. Мимоходомъ сказать, чай, въ это первое время, былъ почти единственною моею пищею. Отъ чаю Акимъ Акимычъ не отказывался и самъ наставлялъ нашъ смѣшной, самодѣльный, маленькій самоваръ изъ жести, который далъ мнѣ на подержаніе М. Акимъ Акимычъ выпивалъ обыкновенно одинъ стаканъ (у него были и стаканы), выпивалъ молча и чинно, возвращая мнѣ его благодарилъ и тотчасъ же принимался отдѣлывать мое одѣяло. Но того, что мнѣ надо было узнать,—сообщить не могъ и даже не понималъ, къ чему я такъ особенно интересуюсь характерами окружающихъ насъ и ближайшихъ къ намъ каторжныхъ, и слушалъ меня даже съ какой-то хитренькой улыбочкой, очень мнѣ памятной. Нѣтъ, видно надо самому испытывать, а не спрашивать, подумалъ я.

На четвертый день, такъ же какъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ перековываться, выстроились рано поутру арестанты, въ два ряда, на площадкѣ передъ кордегардіей, у острожныхъ воротъ. Впереди, лицомъ къ нимъ, и сзади—

вытянулись солдаты, съ заряженными ружьями и съ прикнутыми штыками. Солдатъ имѣеть право стрѣлять въ арестанта, если тотъ вздумаетъ бѣжать отъ него; но въ то же время и отвѣчаетъ за свой выстрѣль, если сдѣлалъ его не въ случаѣ самой крайней необходимости; то же самое и въ случаѣ открытаго бунта каторжниковъ. Но кто же бы вздумалъ бѣжать явно? Явился инженерный офицеръ, кондукторъ, а также инженерные унтеръ-офицеры и солдаты, приставы надъ производившимися работами. Сдѣлали перекличку; часть арестантовъ, ходившая въ швальни, отправлялась прежде всѣхъ; до нихъ инженерное начальство и не касалось; они работали собственно на острогъ и обшивали его. Затѣмъ отправились въ мастерскія, а затѣмъ и на обыкновенныя черныя работы. Въ числѣ человѣкъ двадцати другихъ арестантовъ отправился и я. За крѣпостью, на замерзшей рѣкѣ, были двѣ казенныя барки, которыя за негодностью нужно было разобрать, чтобъ, по крайней мѣрѣ, старый лѣсъ не пропалъ даромъ. Впрочемъ, весь этотъ старый матеріалъ, кажется, очень мало стоилъ, почти ничего. Дрова въ городѣ продавались по цѣнѣ ничтожной и кругомъ лѣсу было множество. Посылали почти только для того, чтобъ арестантамъ не сидѣть сложа руки, что и сами-то арестанты хорошо понимали. За такую работу они всегда принимались вяло и апатически, и почти совсѣмъ другое бывало, когда работа сама по себѣ была дѣльная, цѣнная, и особенно когда можно было выпросить себѣ на урокъ. Тутъ они словно чѣмъ-то одушевлялись, и хоть имъ вовсе не было никакой отъ этого выгоды, но, я самъ видѣлъ, выбивались изъ силъ, чтобъ ее поскорѣй и поллучше докончить; даже самолюбіе ихъ тутъ какъ-то заинтересовывалось. А въ настоящей работѣ, дѣлавшейся болѣе для проформы, чѣмъ для надобности, трудно было выпросить себѣ урокъ, а надо было работать вплоть до барабана, бившаго призывъ домой въ одиннадцать часовъ утра. День былъ теплый и туманный; снѣгъ чуть не таялъ. Вся наша кучка отправилась за крѣпость на берегъ, слегка побрякивая цѣпями, которыя, хотя и были скрыты подъ одеждою, но все-таки издавали тонкій и рѣзкій металлическій звукъ съ каждымъ шагомъ. Два-три человѣка отдѣлились за необходимымъ инструментомъ въ цейхгаузъ. Я шелъ вмѣстѣ со всѣми и даже какъ будто оживился: мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть и узнать, что за работа?

Какая это каторжная работа? И какъ я самъ буду въ первый разъ въ жизни работать?

Помню все до малѣйшей подробности. На дорогѣ встрѣтился намъ какой-то мѣщанинъ съ бородкой, остановился и засунулъ руку въ карманъ. Изъ нашей кучки немедленно отдѣлился арестантъ, снялъ шапку, принялъ подаваніе — пять копеекъ и проворно воротился къ своимъ. Мѣщанинъ перекрестился и пошелъ своею дорогою. Эти пять копеекъ въ то же утро проѣли на калачахъ, раздѣливъ ихъ на всю нашу партію поровну.

Изъ всей этой кучки арестантовъ одни были, по обыкновенію, угрюмы и неразговорчивы, другіе равнодушны и вялы, третьи лѣниво болтали промежь собой. Одинъ былъ ужасно чему-то радъ и весель, пѣлъ и чуть не танцевалъ дорогой, прибрякивая съ каждымъ прыжкомъ кандалами. Это былъ тотъ самый невысокій и плотный арестантъ, который въ первое утро мое въ острогѣ поссорился съ другимъ у воды, во время умыванья, за то, что другой осмѣлился безразсудно утверждать про себя, что онъ птица каганъ. Звали этого развеселившагося парня Скуратовъ. Наконецъ, онъ запѣлъ какую-то лихую пѣсню, изъ которой я помню припѣвъ:

— Безъ меня меня женили,—
Я на мельницѣ былъ.

Недоставало только балалайки.

Его необыкновенно веселое расположеніе духа, разумѣется, тотчасъ же возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нашей партіи негодованіе, даже принято было чуть не за обиду.

— Завылъ! съ укоризною проговорилъ одинъ арестантъ, до котораго, впрочемъ, вовсе не касалось дѣло.

— Одна была пѣсня у волка, и ту перенялъ, тулякъ! замѣтилъ другой, изъ мрачныхъ, хохлацкимъ выговоромъ.

— Я-то, положимъ, тулякъ, немедленно возразилъ Скуратовъ,—а вы въ вашей Полтавѣ галушкой подавились.

— Ври! Самъ-то что фдалъ! Лаптемъ щи хлебаль.

— А теперь словно чортъ ядрами кормить, прибавилъ третій.

— Я и вправду, братцы, изнѣженный человѣкъ, отвѣчалъ съ легкимъ вздохомъ Скуратовъ, какъ будто раскаиваясь въ своей изнѣженности и обращаясь ко всемъ вообще и ни къ кому въ особенности,—съ самаго сызмалѣтства на черносливѣ да на пампрусскихъ булкахъ испы-

танъ (т. е. воспитанъ. Скуратовъ нарочно коверкалъ слова), родимые же братцы мои и теперь еще въ Москвѣ свою лавку имѣютъ, въ прохожемъ ряду вѣтромъ торгуютъ, купцы богатѣющіе.

— А ты чѣмъ торговалъ?

— А по разнымъ качествамъ и мы происходили. Вотъ тогда-то, братцы, и получилъ я первыя двѣсти...

— Неужто рублей? подхватилъ одинъ любопытный, даже вздрогнувъ, услышавъ про такія деньги.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, не рублей, а палокъ. Лука, а Лука!

— Кому Лука, а тебѣ Лука Кузьмичъ, нехотя отозвался маленькій и тоненькій арестантикъ, съ востренькимъ носикомъ.

— Ну, Лука Кузьмичъ, чортъ съ тобой, такъ ужъ и быть.

— Кому Лука Кузьмичъ, а тебѣ дядюшка.

— Ну, да чортъ съ тобой и съ дядюшкой, не стоить и говорить! А хорошее было слово хотѣлъ сказать. Ну, такъ вотъ, братцы, какъ это случилось, что недолго я нажилъ въ Москвѣ; дали мнѣ тамъ напоследокъ пятнадцать кнутиковъ, да и отправили вонъ. Вотъ я...

— Да за что отправили-то? перебилъ одинъ, прилежно слѣдившій за рассказомъ.

— А не ходи въ карантинъ, не пей шпунтовъ, не играй на белендрясѣ; такъ что я не успѣлъ, братцы, настоящимъ образомъ въ Москвѣ разбогатѣть. А очень, очень, очень того хотѣлъ, чтобъ богатымъ быть. И ужъ таеъ мнѣ этого хотѣлось, что и не знаю какъ и сказать.

Многіе разсмѣялись. Скуратовъ былъ, очевидно, изъ добровольныхъ весельчаковъ или, лучше, шутовъ, которые какъ будто ставили себѣ въ обязанность развеселять своихъ угрюмыхъ товарищей и, разумѣется, ровно ничего, кромѣ брани, за это не получали. Онъ принадлежалъ къ особенному и замѣчательному типу, о которомъ мнѣ, можетъ-быть, еще придется поговорить.

— Да тебя и теперь вмѣсто соболя бить можно, замѣтилъ Лука Кузьмичъ.—Ишь, одной одежды рублей на сто будетъ.

На Скуратовѣ былъ самый ветхій, самый заношенный тулупишка, на которомъ со всѣхъ сторонъ торчали заплата. Онъ довольно равнодушно, но внимательно осмотрѣлъ его сверху до низу.

— Голова зато дорого стоитъ, братцы, голова! отвѣчалъ онъ.—Какъ и съ Москвой прощался, тѣмъ и утѣшенъ былъ, что голова со мной вмѣстѣ пойдетъ. Прощай, Москва, спасибо за баню, за вольный духъ, славно исполосовали! А на тулупъ нечего тебѣ, милый человѣкъ, смотрѣть...

— Небось на твою голову смотрѣть?

— Да и голова-то у него не своя, а подаянная, опять ввязался Лука.—Ее ему въ Тюмени Христа-ради подали, какъ съ партіей проходилъ.

— Что-жъ ты, Скуратовъ, небось мастерство имѣлъ?

— Како мастерство! Поводырь былъ, гаргосовъ водилъ, у нихъ голыши таскалъ, замѣтилъ одинъ изъ нахмуренныхъ,—вотъ и все его мастерство.

— Я дѣйствительно пробовалъ было сапоги тачать, отвѣчалъ Скуратовъ, совершенно не замѣтивъ колкаго замѣчанія.—Всего одну пару и стачалъ.

— Что-жъ, покупали?

— Да нарвался такой, что видно Бога не боялся, отцать не почиталъ; наказалъ его Господь,—купилъ.

Всѣ вокругъ Скуратова такъ и покатались со смѣху.

— Да потомъ еще разъ работалъ, ужъ здѣсь, продолжалъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ Скуратовъ.— Степану Ѳедорычу Поморцеву, поручику, головки представлялъ.

— Что-жъ онъ, доволенъ былъ?

— Нѣтъ, братцы, недоволенъ. На тысячу лѣтъ обругалъ, да еще колѣнкомъ напиналъ меня сзади. Очень ужъ разсердился.—Эхъ, солгала моя жизнь, солгала карторжная!

Погодя-того немножко,
Ак-кудливнѣ мужъ на дворъ...

Неожиданно залился онъ снова и пустился притопывать въ припрыжку ногами.

— Ишь, безобразный человѣкъ! проворчалъ шедшій подлѣ меня хохоль, съ злобнымъ презрѣніемъ скосивъ на него глаза.

— Безполезный человѣкъ! замѣтилъ другой окончательнымъ и серьезнымъ тономъ.

Я рѣшительно не понималъ, за что на Скуратова сердятся, да и вообще—почему всѣ веселые, какъ уже успѣлъ я замѣтить въ эти первые дни, какъ будто находились въ нѣкоторомъ презрѣніи? Гнѣвъ хохла и другихъ я относилъ къ личностямъ. Но это были не личности, а гнѣвъ

за то, что въ Скуратовѣ не было выдержки, не было строгаго напукснаго вида собственнаго достоинства, которымъ заражена была вся каторга до педантства, однимъ словомъ, за то, что онъ былъ, по ихъ же выраженію, „безполезный“ человѣкъ. Однако, на веселыхъ не на всѣхъ сердились и не всѣхъ такъ третировали, какъ Скуратова и другихъ ему подобныхъ. Кто какъ съ собой позволялъ обходиться: человѣкъ добродушный и безъ затѣй тотчасъ же подвергался униженію. Это меня даже поразило. Но были и изъ веселыхъ, которые умѣли и любили отгрызнуться и спуску никому не давали: тѣхъ принуждены были уважать. Тутъ же, въ этой же кучкѣ людей, былъ одинъ изъ такихъ зубастыхъ, а въ сущности развеселый и премилѣйшій человѣкъ, но котораго съ этой стороны я узналъ уже послѣ, видный и рослый парень, съ большой бородавкой на щекѣ и съ прекомическимъ выраженіемъ лица, впрочемъ, довольно красиваго и смѣтливаго. Называли его піонеромъ, потому что когда-то онъ служилъ въ піонерахъ; теперь же находился въ особомъ отдѣленіи. Про него мнѣ еще придется много говорить.

Впрочемъ, и не всѣ „серьезные“ были такъ экспансивны, какъ негодующій на веселость хохоль. Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ, мѣтившихъ на первенство, на знаніе всякаго рода, на находчивость, на характеръ, на умъ. Многіе изъ такихъ дѣйствительно были люди умные, съ характеромъ, и дѣйствительно достигали того, на что мѣтили, то-есть первенства и значительнаго нравственнаго вліянія на своихъ товарищей. Между собою эти умники были часто большіе враги—и каждый изъ нихъ имѣлъ много ненавистниковъ. На прочихъ арестантовъ они смотрѣли съ достоинствомъ и даже съ снисходительностью, ссоръ ненужныхъ не затѣвали, у начальства были на хорошемъ счету, на работахъ являлись какъ будто распорядителями, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ бы придирааться, напимѣръ, за пѣсни; до такихъ мелочей они не унижались. Со мной всѣ такіе были замѣчательно вѣжливы, во все продолженіе каторги, но не очень разговорчивы, тоже какъ будто изъ достоинства. Объ нихъ тоже придется поговорить подробнѣе.

Пришли на берегъ. Внизу, на рѣкѣ, стояла замерзшая въ водѣ старая барка, которую надо было ломать. На той сторонѣ рѣки синѣла степь; видъ былъ угрюмый и пустынный. Я ждалъ, что такъ всѣ и бросятся за работу,

но объ этомъ и не думали. Иные разсѣлись на валявшихся по берегу бревнахъ; почти всѣ вытащили изъ сапогъ кистеты съ туземнымъ табакомъ, продававшимся на базарѣ въ листахъ по три копейки за фунтъ, и коротенькіе талиновые чубучки съ маленькими деревянными трубочками-самодѣльщиной. Трубки закурились: конвойные солдаты обтянули насъ цѣпью и съ скупѣйшимъ видомъ принялись насъ стеречь.

— И кто догадался ломать эту барку? промолвилъ одинъ какъ бы про себя, ни къ кому, впрочемъ, не обращаясь.— Щепокъ, что-ль, захотѣлось.

— А кто насъ не боится, тотъ и догадался, замѣтилъ другой.

— Куда это мужичье-то валить? помолчавъ, спросилъ первый, разумѣется, не замѣтивъ отвѣта на прежній вопросъ и указывая вдаль на толпу мужиковъ, пробиравшихся куда-то гуськомъ по цѣльному снѣгу. Всѣ лѣнливо оборотились въ ту сторону и отъ нечего дѣлать принялись ихъ пересмѣивать. Одинъ изъ мужичковъ, послѣдній, шелъ какъ-то необыкновенно смѣшно, разставивъ руки и свѣсивъ на бокъ голову, на которой была длинная мужичья шапка, гречневикомъ. Вся фигура его цѣльно и ясно обозначалась на бѣломъ снѣгу.

— Ишь, братанъ Петровичъ, какъ оболочка! замѣтилъ одинъ, передразнивая выговоромъ мужиковъ. Замѣчательно, что арестанты вообще смотрѣли на мужиковъ нѣсколько свысока, хотя половина изъ нихъ была изъ мужиковъ.

— Задній-то, ребята, ходитъ точно рѣдьку садить.

— Это тяжкодумъ, у него денегъ много, замѣтилъ третій.

Всѣ засмѣялись, но какъ-то тоже лѣнливо, какъ будто нехотя. Между тѣмъ подошла калачница, бойкая и разбитная бабенка.

У ней взяли калачей на подаанный пятакъ и раздѣлили тутъ же поровну.

Молодой парень, торговавшій въ острогѣ калачами, забралъ десятка два и крѣпко сталъ спорить, чтобъ выторговать три, а не два калача, какъ слѣдовало по обыкновенному порядку. Но калачница не соглашалась.

— Ну, а того-то не дашь?

— Чего еще?

— Да чего мыши-то не ѣдятъ.

— Да чтобъ-те язвило! взвизгнула бабенка и засмѣялась. Наконецъ, появился и приставъ надъ работами, унтеръ-офицеръ съ палочкой.

— Эй вы, что разсѣлись? Начинать!

— Да что, Иванъ Матвѣичъ, дайте урокъ, проговорилъ одинъ изъ „начальствующихъ“, медленно подымаясь съ мѣста.

— Чего давеча на разводкѣ не спрашивали? Барку растащи, вотъ-те и урокъ.

Кое-какъ, наконецъ, поднялись и спустились къ рѣкѣ, едва волоча ноги. Въ толпѣ тотчасъ же появились и „распорядители“, по крайней мѣрѣ, на словахъ. Оказалось, что барку не слѣдовало рубить зря, а надо было по возможности сохранить бревна и въ особенности поперечныя кокоры, прибитыя по всей длинѣ своей ко дну барки деревянными гвоздями,—работа долгая и скучная.

— Вотъ надо-тъ бы перво-на-перво оттащить это бревнушко. Принимайся-ка, ребята! замѣтилъ одинъ, вовсе не распорядитель и не начальствующій, а просто чернорабочій, безсловесный и тихій малый, молчавшій до сихъ поръ, и, нагнувшись, обхватилъ руками толстое бревно, поджидая помощниковъ. Но никто не помогъ ему.

— Да, подынешь небось! И ты не подынешь, да и дѣдъ твой, медвѣдъ, приди—и тотъ не подыметъ! проворчалъ кто-то сквозь зубы.

— Такъ что-жь, братцы, какъ начинать-то? Я ужъ и не знаю... проговорилъ озадаченный выскочка, оставивъ бревно и приподымаясь.

— Всей работы не переработаетъ... чего выскочилъ?

— Треть курамъ корму раздать обочтется, а туда же первый... Стрепета!

— Да я, братцы, ничего, отговаривался озадаченный,—я только такъ...

— Да что-жь мнѣ на васъ чехлы понадѣтъ, что-ли? Аль солить васъ прикажете на зиму? крикнулъ опять приставъ, съ недоумѣніемъ смотря на двадцатиголовую толпу, не знавшую, какъ приняться за дѣло.—Начинать! Скорѣй!

— Скорѣй скорого не сдѣлаешь, Иванъ Матвѣичъ.

— Да ты и такъ ничего не дѣлаешь! эй, Савельевъ! Разговоръ Петровичъ! Тебѣ говорю: что стоишь, глаза продаешь!.. Начинать!

— Да я что-жь одинъ сдѣлаю?..

— Ужь задайте урокъ, Иванъ Матвѣичъ.

— Сказано—не будетъ урока. Растащи барку и иди домой. Начинать!

Принялись, наконецъ, но вяло, нехотя, неумѣло. Даже досадно было смотрѣть на эту здоровенную толпу дюжихъ работниковъ, которые, кажется, рѣшительно недоумѣвали, какъ взяться за дѣло. Только было принялись вынимать первую, самую маленькую кокору, — оказалось, что она ломается, „сама ломается“, какъ принесено было въ оправданіе приставу; слѣдственно, такъ нельзя было работать, а надо было приняться какъ-нибудь иначе. Пошло долгое разсужденіе промежь собой о томъ, какъ приняться иначе, что дѣлать? Разумѣется, мало-по-малу дошло до ругани, грозило зайти и подальше... Приставъ опять прикрикнулъ и помахалъ палочкой; но кокора опять сломалась. Оказалось, наконецъ, что топоровъ мало и что надо еще принести какой-нибудь инструментъ. Тотчасъ же отрядили двухъ парней, подъ конвоемъ, за инструментомъ въ крѣпость, а въ ожиданіи, всѣ остальные преспокойно усѣлись на баркѣ, вынули свои трубочки и опять закурили.

Приставъ, наконецъ, плюнулъ.

— Ну, отъ васъ работа не заплачетъ! Эхъ, народъ, народъ! проворчалъ онъ сердито, махнулъ рукой и пошелъ въ крѣпость, помахивая палочкой.

Черезъ часъ пришелъ кондукторъ. Спокойно выслушавъ арестантовъ, онъ объявилъ, что даетъ на урокъ вынуть еще четыре кокоры, но такъ, чтобъ ужъ онѣ не ломались, а цѣликомъ, да сверхъ того отдѣлили разобрать значительную часть барки, съ тѣмъ, что тогда ужъ можно будетъ идти домой. Урокъ былъ большой, но, батюшки, какъ принялись! Куда дѣлась лѣнь, куда дѣлось недоумѣніе! Застучали топоры, начали вывертывать деревянные гвозди. Остальные подкладывали толстые шести и, налегая на нихъ въ двадцать рукъ, бойко и мастерски выламывали кокоры, которыя, къ удивленію моему, выламывались теперь совершенно цѣлыя и непопорченныя. Дѣло кипѣло. Всѣ вдругъ какъ-то замѣчательно поумнѣли. Ни лишнѣхъ словъ, ни ругани, всякъ зналъ, что сказать, что сдѣлать, куда стать, что посоветовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ, и арестанты попли домой усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли всего-то какихъ-нибудь полчаса про-

тивъ указаннаго времени. Но относительно меня я замѣтилъ одну особенность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ не у мѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгоняли прочь.

Какой-нибудь послѣдній оборвышъ, который и самъ-то былъ самымъ плохимъ работникомъ и не смѣлъ пикнуть передъ другими каторжниками, побойчѣе его и потолковѣе, и тотъ считалъ въ правѣ крикнуть на меня, если я остановился подлѣ него, подѣ тѣмъ предложеньемъ, что я ему мѣшаю. Наконецъ, одинъ изъ бойкихъ прямо и грубо сказалъ мнѣ:

— Куда лѣзете, ступайте прочь! Чтѣ соваться куда не спрашиваютъ.

— Попался въ мѣшокъ! тотчасъ же подхватилъ другой.

— А ты лучше кружку возьми, сказалъ мнѣ третій, — да и ступай собирать на каменное построенье, да на табашное разоренье, а здѣсь тебѣ нечего дѣлать.

Приходилось стоять отдѣльно, а отдѣльно стоять, когда всѣ работаютъ, какъ-то совѣстно. Но когда дѣйствительно такъ случилось, что я отошелъ и сталъ на конецъ барки, тотчасъ же закричали:

— Вонъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

Все это, разумѣется, было нарочно, потому что всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и, конечно, они были рады случаю.

Очень понятно теперь, почему, какъ уже я говорилъ прежде, первымъ вопросомъ моимъ, при вступленіи въ острогъ, было: какъ вести себя, какъ поставить себя передъ этими людьми? Я предчувствовалъ, что часто будутъ у меня такія же столкновенья съ ними, какъ теперь на работѣ. Но, несмотря ни на какія столкновенья, я рѣшился не измѣнять плана моихъ дѣйствій, уже отчасти обдуманнаго мною въ это время; я зналъ, что онъ справедливъ. Именно: я рѣшилъ, что надо держать себя какъ можно проще и независимѣе, отнюдь не выказывать особеннаго старанія сближаться съ ними; но и не отвергать ихъ, если они сами пожелають сближенія. Отнюдь не бояться ихъ угрозъ и ненависти и, по возможности, дѣлать видъ, что не замѣчаю того. Отнюдь не сближаться съ ними на нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктахъ и не давать потачки нѣкоторымъ ихъ привычкамъ и обычаямъ,

однимъ словомъ — не напрашиваться самому на полное ихъ товарищество. Я догадался съ перваго взгляда, что они первые презирали бы меня за это. Однако, по ихъ понятіямъ (и я узналъ это впоследствии навѣрно), я все-таки долженъ былъ соблюдать и уважать передъ ними даже дворянское происхожденіе мое, то-есть нѣжиться, ломаться, брезгать ими, фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. Такъ именно они понимали что такое дворянинъ. Они, разумѣется, ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про-себя. Такая роль была не по мнѣ: я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ; но зато я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Если-бъ я сталъ, имъ въ угоду, подлещаться къ нимъ, соглашаться съ ними, фамиллярничать съ ними и пускаться въ разныя ихъ „качества“, чтобъ выиграть ихъ расположеніе, — они бы тотчасъ же предположили, что я дѣлаю это изъ страха и трусости и съ презрѣніемъ общился бы со мной. А—въ былъ не примѣръ: онъ ходилъ къ маіору и они сами боялись его. Съ другой стороны, мнѣ и не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную вѣжливость, какъ дѣлали полки. Я очень хорошо видѣлъ теперь, что они презираютъ меня за то, что я хотѣлъ работать, какъ и они, не нѣжилса и не ломался передъ ними; и хотъ я навѣрно зналъ, что потому они принуждены будутъ перемѣнить обо мнѣ свое мнѣніе, но все-таки мысль, что теперь они какъ будто имѣютъ право презирать меня, думал, что я на работѣ заискивалъ передъ ними,—эта мысль ужасно огорчала меня.

Когда вечеромъ, по окончаніи послѣобѣденной работы, я воротился въ острогъ, усталый и измученный, страшная тоска опять одолѣла меня. „Сколько тысячъ еще такихъ дней впереди,—думалъ я, — все такихъ же, все однихъ и тѣхъ же!“ Молча, уже въ сумерки, скитался я одинъ за казармами, вдоль забора, и вдругъ увидалъ нашего Шарика, бѣгущаго прямо ко мнѣ. Шарикъ былъ наша острожная собака, такъ, какъ бываютъ ротные, батарейныя и эскадронныя собаки. Она жила въ острогѣ съ незапамятныхъ временъ, никому не принадлежала, всѣхъ считала хозяевами и кормилась выбросками изъ кухни. Это была довольно большая собака, черная съ бѣлыми пятнами, дворянжка, не очень старая, съ умными глазами и съ пушистымъ хвостомъ. Никто-то никогда не ласкалъ

ее, никто-то никогда не обращалъ на нее никакого вниманія. Еще съ перваго же дня я погладилъ ее и изъ рукъ далъ ей хлѣба. Когда я ее гладилъ, она стояла смирно, ласково смотрѣла на меня и въ знакъ удовольствія тихо махала хвостомъ. Теперь, долго меня не видя,—меня, перваго, который въ нѣсколько лѣтъ вздумалъ ее приласкать, она бѣгала и отыскивала меня между всѣми и, отыскавъ за казармами, съ визгомъ пустилась мнѣ навстрѣчу. Ужъ и не знаю, что со мной случилось, но я бросился цѣловать ее, я обнялъ ея голову; она вскочила мнѣ передними лапами на плечи и начала лизать мнѣ лицо. „Такъ вотъ другъ, котораго мнѣ посылаетъ судьба!“ подумалъ я, и каждый разъ, когда потомъ, въ это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался съ работы, то прежде всего, не входя еще никуда, я спѣшилъ за казармы, со скачущимъ передо мной и визжащимъ отъ радости Шарикомъ, обхватывалъ его голову и цѣловалъ, цѣловалъ ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительно-горькое чувство защемило мнѣ сердце. И помню, мнѣ даже пріятно было думать, какъ будто хвалясь передъ собой своей же мукой, что вотъ на всемъ свѣтѣ только и осталось теперь для меня одно существо, меня любящее, ко мнѣ привязанное, мой другъ, мой единственный другъ,—моя вѣрная собака Шарикъ.

VII.

Новыя знакомства. — Петровъ.

Но время шло, и я мало-по-малу сталъ обживаться. Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе смущали меня обыденныя явленія моей новой жизни. Происшествія, обстановка, люди—все какъ-то примелькалось къ глазамъ. Примириться съ этой жизнью было невозможно, но признать ее за совершившійся фактъ давно пора было. Всѣ недоразумѣнія, которыя еще остались во мнѣ, я затаилъ внутри себя, какъ только могъ глуше. Я уже не слонялся по острогу какъ потерянный и не выдавалъ тоски своей. Дико-любопытные взгляды каторжныхъ уже не останавливались на мнѣ такъ часто, не слѣдили за мной съ такою выдѣланною наглостью. Я тоже видно примелькался имъ, чему я былъ очень радъ. По острогу я уже расхаживалъ какъ у себя дома, зналъ свое мѣсто на нарахъ и даже, повидимому, привыкъ къ такимъ вещамъ, къ которымъ думалъ и въ жизнь не привыкнуть. Регулярно каждую не-

дѣлю ходилъ брить половину своей головы. Каждую субботу, въ шабашное время, насъ вызывали для этого, поочередно, изъ острога въ кордегардію (не выбрившійся уже самъ отвѣчалъ за себя), и тамъ цырюльники изъ баталіоновъ мылили холоднымъ мыломъ наши головы и безжалостно скребли ихъ тупѣйшими бритвами, такъ что у меня даже и теперь морозъ проходитъ по кожѣ при воспоминаніи объ этой пыткѣ. Впрочемъ, скоро нашлось лѣкарство: Акимъ Акимычъ указалъ мнѣ одного арестанта, военнаго разряда, который за копейку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ. Многіе изъ каторжныхъ ходили къ нему, чтобъ избѣжать казенныхъ цырюльниковъ, а между тѣмъ народъ былъ не вѣженка. Нашего арестанта-цырюльника звали *маіоромъ*, — почему — не знаю, и чѣмъ онъ могъ напоминать маіора — тоже не могу сказать. Теперь, какъ пишу это, такъ и представляется мнѣ этотъ маіоръ, высокій, сухощавый и молчаливый паредь, довольно глуповатый, вѣчно углубленный въ свое занятіе и непремѣнно съ ремнемъ въ рукѣ, на которомъ онъ денно и пощно направлялъ свою до нельзя сточенную бритву и, кажется, весь уходилъ въ это занятіе, принявъ его, очевидно, за назначеніе всей своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ до крайности доволенъ, когда бритва была хороша и когда кто-нибудь приходилъ побриться: мыло было у него теплое, рука легкая, бритье бархатное. Онъ видимо наслаждался и гордился своимъ искусствомъ и небрежно принималъ заработанную копейку, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дѣло было въ искусствѣ, а не въ копейкѣ. Больно досталось А—ву стѣ нашего плацъ-маіора, когда онъ, фискаля ему на острогъ, упомянулъ разъ имя нашего острожнаго цырюльника и неосторожно назвалъ его *маіоромъ*. Плацъ-маіоръ разевирѣиѣлъ и обидѣлся до послѣдней степени. „Да знаешь-ли ты, подлець, чтѣ такое маіоръ! кричалъ онъ съ пѣпой у рта, по-свойски расправляясь съ А—вымъ. — Понимаешь-ли ты чтѣ такое маіоръ! И вдругъ какой-нибудь подлець каторжный, и смѣть его звать маіоромъ, мнѣ въ глаза, въ моемъ присутствіи!..“ Только А—въ могъ уживаться съ такимъ человѣкомъ.

Съ самага перваго дня моей жизни въ острогѣ, я уже началъ мечтать о свободѣ. Расчетъ, когда кончатся мои острожные годы, въ тысячѣ разныхъ видахъ и примѣненіяхъ, сдѣлался моимъ любимымъ занятіемъ. Я даже и думать ни о чемъ не могъ иначе, и увѣрець, что такъ

поступаетъ всякій, лишенный, на срокъ, свободы. Не знаю, думали-ль, рассчитывали-ль каторжные такъ же, какъ я, но удивительное легкомысліе ихъ надеждъ поразило меня съ перваго шагу. Надежда заключеннаго, лишеннаго свободы—совершенно другого рода, чѣмъ настоящимъ образомъ живущаго человѣка. Свободный человѣкъ, конечно, надѣется (напримѣръ, на перемѣну судьбы, на исполненіе какого-нибудь предпріятія), но онъ живетъ, онъ дѣйствуетъ; настоящая жизнь увлекаетъ его своимъ круговоротомъ исполнѣ. Не то для заключеннаго. Тутъ, положимъ, тоже жизнь—осторожная, каторжная; но кто бы ни былъ каторжникъ и на какой бы срокъ онъ ни былъ сосланъ, онъ рѣшительно, инстинктивно не можетъ принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть дѣйствительной жизни. Всякій каторжникъ чувствуетъ, что онъ не *у себя дома*, а какъ будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ какъ будто на два года и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ и теперь въ тридцать пять. „Поживемъ еще!“ думаетъ онъ, и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ рассчитывали иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: „переслать въ Нерчинскъ, въ рудники, и назначить сроки“. Тогда славно: во-первыхъ, въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куды лучше! А потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда... И вѣдь такъ рассчитываетъ иной сѣдой человѣкъ!

Въ Тобольскѣ видѣлъ я прикованныхъ къ стѣнѣ. Онъ сидитъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка. Приковали его за что-нибудь изъ ряду вонъ страшное, совершенное уже въ Сибири. Сидятъ по пяти лѣтъ, сидятъ и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одного только между ними я видѣлъ какъ будто изъ господъ; гдѣ-то онъ когда-то служилъ. Говорилъ онъ смиреннѣхонько, пришепетывал; улыбочка сладенькая. Онъ показывалъ намъ свою цѣпь, показывалъ какъ надо ложиться удобнѣе на койку. То-то, должно-быть, была своего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Къ чему бы, кажется? А вотъ къ чему: выйдетъ онъ тогда изъ душной, промозглой

комнаты съ низкими кирпичными сводами, и пройдетъ по двору острога, и... и только. За острогъ ужь его не выпустятъ никогда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей, и въ кандалахъ. Онъ это знаетъ, и все-таки ему ужасно хочется поскорѣе кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ-ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталь-ли бы еще иной-то сидѣть?

Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, нервическое раздраженіе, спертый воздухъ казармы могли бы разрушить меня совершенно. Чаше быть на воздухѣ, каждый день уставать, приучаться носить тяжести — и, по крайней мѣрѣ, я спасу себя, — думалъ я — укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, не старый. Я не ошибся: работа и движеніе были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой. Нѣтъ, думалъ я, на него глядя, я хочу жить и буду жить. Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они язвили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, напримѣръ, хоть обжигать и толочь алебастръ — одна изъ первыхъ работъ, мною узанныхъ. Это была работа легкая. Инженерное начальство по возможности готово было облегчать работу дворянамъ, что, впрочемъ, было вовсе не поблажкой, а только справедливостью. Странно было бы требовать съ человѣка, вполонину слабѣйшаго силой и никогда не работавшаго, того же урока, который задавался, по положенію, настоящему работнику. Но это „баловство“ не всегда исполнялось. даже исполнялось-то какъ будто украдкой; за этимъ надзирали строго со стороны. Довольно часто приходилось работать работу тяжелую, и тогда, разумѣется, дворяне выносили двойную тягость, чѣмъ другіе работники. На алебастръ назначали обыкновенно человѣка три-четыре, стариковъ или слабосильныхъ, ну, и насъ въ томъ числѣ, разумѣется; да сверхъ того прикомандировывали одного настоящаго работника, знающаго дѣло. Обыкновенно ходилъ все

одинъ и тотъ же, нѣсколько лѣтъ сряду, Алмазовъ, суровый, смуглый и сухощавый человѣкъ, уже въ лѣтахъ, не общительный и брюзгливый. Онъ глубоко насъ презиралъ. Впрочемъ, онъ былъ очень неразговорчивъ, до того, что даже лѣнился ворчать на насъ. Сарай, въ которомъ обжигали и толкли алебастръ, стоялъ тоже на пустынномъ и крутомъ берегу рѣки. Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный, далекий берегъ было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце, было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть-ли еще не тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстилалась къ югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ. Алмазовъ обыкновенно молча и сурово принимался за работу; мы словно стыдились, что не можемъ настоящимъ образомъ помогать ему, а онъ нарочно управлялся одинъ, нарочно не требовалъ отъ насъ никакой помощи, какъ будто для того, чтобы мы чувствовали всю вину нашу передъ нимъ и каялись собственной бесполезностью. А всего-то и дѣло было вытопить печь, чтобы обжечь накладенный въ нее алебастръ, который мы же, бывало, и натаскаемъ ему. На другой же день, когда алебастръ бывалъ уже совсѣмъ обожженъ, начиналась его выгрузка изъ печки. Каждый изъ насъ бралъ тяжелую колотушку, накладывалъ себѣ особый ящикъ алебастромъ и принимался разбивать его. Это была премилая работа. Хрупкій алебастръ быстро обращался въ бѣлую блестящую пыль, такъ ловко, такъ хорошо крошился. Мы взмахивали тяжелыми молотами и задавали такую трескотню, что самимъ было любо. И уставали-то мы, наконецъ, и легко въ то же время становилось; щеки краснѣли, кровь обращалась быстрѣе. Тутъ ужъ и Алмазовъ начиналъ смотрѣть на насъ спускательно, какъ смотрятъ на малолѣтнихъ дѣтей; спускательно покуривалъ свою трубочку, и все-таки не могъ не ворчать, когда приходилось ему заговорить. Впрочемъ, онъ и со всѣми былъ такой же, а въ сущности, кажется, добрый человѣкъ.

Другая работа, на которую я посылался, — въ мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось не малыхъ усилій вертѣть его, особенно когда токарь (изъ инженерныхъ мастеровыхъ) точилъ что-

нибудѣ въ родѣ лѣстничной балясины, или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику, на что требовалось чуть не бревно. Одному, въ такомъ случаѣ, было вертѣть не подъ-силу и обыкновенно посылали двоихъ, — меня и еще одного изъ дворянъ, Б. Такъ эта работа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами, если только приходилось что-нибудь точить. Б. былъ слабосильный, тщедушный человѣкъ, еще молодой, страдавшій грудью. Онъ прибылъ въ острогъ съ годъ передо мною, вмѣстѣ съ двумя другими изъ своихъ товарищей — однимъ старикомъ, все время осторожной жизни денно и почно молившимся Богу (за что очень уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и съ другимъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, свѣжимъ, румянымъ, сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою несъ уставшаго съ полъ-этапа Б., что продолжалось семьсотъ верстъ сряду. Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характеромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ болѣзнью. Съ колесомъ справлялись мы вмѣстѣ, и это даже занимало насъ обоихъ. Мнѣ эта работа давала превосходный моціонъ.

Особенно тоже я любилъ разгрѣбать снѣгъ. Это бывало обыкновенно послѣ бурановъ, и бывало очень нерѣдко въ зиму. Послѣ суточного бурана, заметало иной домъ до половины оконъ, а иной чуть не совсѣмъ заносило. Тогда, какъ уже прекращался буранъ и выступало солнце, выгоняли насъ большими кучами, а иногда и всѣмъ острогомъ — отгрѣбать сугробы снѣга отъ казенныхъ зданій. Каждому давалась лопата, всѣмъ вмѣстѣ урокъ, иногда такой, что надо было удивляться, какъ можно съ нимъ справиться, и всѣ дружно принимались за дѣло. Рыхлый, только что слегшійся и слегка примороженный сверху снѣгъ ловко брался лопатой, огромными комками, и разбрасывался кругомъ, еще на воздухѣ обращаясь въ блестящую пыль. Лопата такъ и врѣзалась въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело. Свѣжій зимній воздухъ, движеніе разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе; раздавался хохотъ, вскрикиванья, остроты. Начинали играть въ снѣжки, не безъ того, разумѣется, чтобъ черезъ минуту не закричали благоразумные и негодующіе на смѣхъ и веселость, и всеобщее увлеченіе обыкновенно кончалось руганью.

Мало-по-малу я сталъ распространять и кругъ моего знакомства. Впрочемъ, самъ я не думалъ о знакомствахъ: я все еще былъ неспокоенъ, угрюмъ и недовѣрчивъ. Знакомства мои начались сами собою. Изъ первыхъ сталъ посѣщать меня арестантъ Петровъ. Я говорю *посѣщать*, и особенно напирая на это слово. Петровъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и въ самой отдаленной отъ меня казармѣ. Связей между нами, повидимому, не могло быть никакихъ; общаго тоже рѣшительно ничего у насъ не было и быть не могло. А между тѣмъ, въ это первое время Петровъ какъ будто обязанностью почиталъ чуть не каждый день заходить ко мнѣ въ казарму или останавливать меня въ шабашное время, когда, бывало, я хожу за казармами, по возможности подальше отъ всѣхъ глазъ. Мнѣ сначала было это неприятно. Но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что вскорѣ его посѣщенія даже стали развлекать меня, несмотря на то, что это былъ вовсе не особенно сообщительный и разговорчивый человѣкъ. Съ виду былъ онъ не высокаго роста, сильнаго сложенія, ловкій, вертлявый, съ довольно пріятнымъ лицомъ, блѣдный, съ широкими скулами, съ смѣлымъ взглядомъ, съ бѣлыми, частыми и мелкими зубами и съ вѣчной щепотью тертаго табаку за нижней губой. Класть на губу табакъ было въ обычаѣ у многихъ каторжныхъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему было лѣтъ сорокъ, а на видъ только тридцать. Говорилъ онъ со мной всегда чрезвычайно непринужденно, держалъ себя въ высшей степени на ровной ногѣ, то-есть чрезвычайно порядочно и деликатно. Если онъ замѣчалъ, напримѣръ, что я ищу уединенія, то, поговоривъ со мной минуты двѣ, тотчасъ же оставлялъ меня и каждый разъ благодарилъ за вниманіе, чего, разумѣется, не дѣлалъ никогда и ни съ кѣмъ изъ всей каторги. Любопытно, что такія же отношенія продолжались между нами не только въ первые дни, но и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и почти никогда не становились короче, хотя онъ дѣйствительно былъ мнѣ преданъ. Я даже и теперь не могу рѣшить: чего именно ему отъ меня хотѣлось, зачѣмъ онъ лѣзъ ко мнѣ каждый день? Хоть ему и случалось воровать у меня впоследствии, но онъ воровалъ какъ-то *нечаянно*; денегъ же почти никогда у меня не просилъ, слѣдственно приходилъ вовсе не за деньгами или за какимъ-нибудь интересомъ.

Не знаю тоже почему, но мнѣ всегда казалось, что онъ

какъ будто вовсе не жилъ вмѣстѣ со мною въ острогѣ, а гдѣ-то далеко въ другомъ домѣ, въ городѣ, и только посѣщаль острогъ мимоходомъ, чтобъ узнать новости, провѣдать меня, посмотрѣть, какъ мы всѣ живемъ. Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ-то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то что-то не додѣлалъ. А между тѣмъ, какъ будто и не очень суетился. Взгляды у него тоже былъ какой-то странный: пристальный, съ отгѣнкомъ смѣлости и нѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдаль, черезъ предметъ: какъ будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался рассмотреть какой-то другой, подальше. Это придавало ему разсѣянный видъ. Я нарочно смотрѣлъ иногда: куда пойдетъ отъ меня Петровъ? Гдѣ это его такъ ждутъ? Но отъ меня онъ торопливо отиралялся куда-нибудь въ казарму или въ кухню, садился тамъ подлѣ кого-нибудь изъ разговаривающихъ, слушалъ внимательно, иногда и самъ вступалъ въ разговоръ, даже очень горячо, потомъ вдругъ какъ-то оборвется и замолчитъ. Но говорилъ-ли онъ, сидѣлъ-ли молча, а все-таки видно было, что онъ такъ только, мимоходомъ, что гдѣ-то тамъ есть дѣло и тамъ его ждутъ. Страннѣе всего то, что дѣла у него не было никогда, никакого; жилъ онъ въ совершенной праздности (кромѣ казенныхъ работъ, разумѣется). Мастерства никакого не зналъ, да и денегъ у него почти никогда не водилось. Но онъ и объ деньгахъ не много горевалъ. И о чемъ онъ говорилъ со мной? Разговоръ его бывалъ такъ же странный, какъ и онъ самъ. Увидить, напримѣръ, что я хожу гдѣ-нибудь одинъ за острогомъ, и вдругъ круто поворотить въ мою сторону. Ходилъ онъ всегда скоро, поворачивалъ всегда круто. Придетъ шагомъ, а кажется будто онъ подбѣжалъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я вамъ не помѣшалъ?

— Нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ васъ про Наполеона спросить. Онъ вѣдь родня тому, что въ двѣнадцатомъ году былъ? (Петровъ былъ изъ кантонистовъ и грамотный).

— Родня.

— Какой же онъ, говорятъ, президентъ?

Спрашивалъ онъ всегда скоро, отрывисто, какъ будто ему надо было какъ можно поскорѣе о чемъ-то узнать.

Точно онъ справку наводилъ по какому-то очень важному дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

Я объяснилъ, какой онъ президентъ, и прибавилъ, что, можетъ-быть, скоро и императоромъ будетъ.

— Это какъ?

Объяснилъ я по возможности и это. Петровъ внимательно слушалъ, совершенно понимая и скоро соображая, даже наклонивъ въ мою сторону ухо.

— Гм... А вотъ я хотѣлъ васъ, Александръ Петровичъ, спросить: правда-ли, говорятъ, есть такія обезьяны, у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ самаго высокаго человѣка?

— Да, есть такія.

— Какія же это?

Я объяснилъ, сколько зналъ, и это.

— А гдѣ же онѣ живутъ?

— Въ жаркихъ земляхъ. На островѣ Суматрѣ есть.

— Это въ Америкѣ, что-ли? Какъ это говорятъ, будто тамъ люди внизъ головой ходятъ?

— Не внизъ головой. Это вы про антиподовъ спрашиваете.

Я объяснилъ, что такое Америка и, по возможности, что такое антиподы. Онъ слушалъ такъ же внимательно, какъ будто нарочно прибѣжалъ для однихъ антиподовъ.

— А-а! А вотъ я прошлаго года про графиню Лавальеръ читалъ, отъ адъютанта Арефьевъ книжку приносилъ. Такъ это правда, или такъ только—выдуманно? Дюма сочиненіе.

— Разумѣется, выдуманно.

— Ну, прощайте. Благодарствуйте.

И Петровъ исчезалъ, и въ сущности никогда почти мы не говорили иначе, какъ въ этомъ родѣ.

Я сталъ о немъ справляться. М., узнавши объ этомъ знакомствѣ, даже предостерегалъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что многіе изъ каторжныхъ вселяли въ него ужасъ, особенно сначала, съ первыхъ дней острога, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже Газинъ, не производили на него такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ этотъ Петровъ.

— Это самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжныхъ, говорилъ М.—Онъ на все способенъ; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придетъ капризъ. Онъ и васъ зарѣжетъ, если ему это вздумается,

такъ, просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается. Я даже думаю, онъ не въ полномъ умѣ.

Этотъ отзывъ сильно заинтересовалъ меня. Но М. какъ-то не могъ мнѣ дать отчета, почему ему такъ казалось. И, странное дѣло: нѣсколько лѣтъ сряду я зналъ потомъ Петрова, почти каждый день говорилъ съ нимъ; все время онъ былъ ко мнѣ искренно привязанъ (хоть и рѣшительно не знаю за что)—и во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя онъ и жилъ въ острогѣ благоразумно и ровно ничего не сдѣлалъ ужаснаго, но я каждый разъ, глядя на него и разговаривая съ нимъ, убѣждался, что М. былъ правъ и что Петровъ, можетъ-быть, самый рѣшительный, безстрашный и не знающій надъ собою никакого принужденія человѣкъ. Почему это такъ мнѣ казалось,—тоже не могу дать отчета.

Замѣчу, впрочемъ, что этотъ Петровъ былъ тотъ самый, который хотѣлъ убить плацъ-маіора, когда его позвали къ наказанію и когда маіоръ „спасся чудомъ“, какъ говорили арестанты,—уѣхавъ передъ самой минутой наказанія. Въ другой разъ, еще до каторги, случилось, что полковникъ ударилъ его на ученіи. Вѣроятно, его и много разъ передъ этимъ били; но въ этотъ разъ онъ не захотѣлъ снести и закололъ своего полковника открыто, среди бѣла дня, передъ развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ, я не знаю въ подробности всей его исторіи; онъ никогда мнѣ ее не рассказывалъ. Конечно, это были только вспышки, когда натура объявлялась вдругъ вся, цѣликомъ. Но все-таки они были въ немъ очень рѣдки. Онъ дѣйствительно былъ благоразуменъ и даже смиренъ. Страсти въ немъ таились, и даже сильныя, жгучія; но горячіе угли были постоянно посыпаны золою и тлѣли тихо. Ни тѣни фанфаронства или тщеславія я никогда не замѣчалъ въ немъ, какъ, напримѣръ, у другихъ. Онъ ссорился рѣдко, зато и ни съ кѣмъ особенно не былъ друженъ, развѣ только съ однимъ Сироткинымъ, да и то когда тотъ былъ ему нуженъ. Разъ, впрочемъ, я видѣлъ, какъ онъ серьезно разсердился. Ему что-то не давали, какую-то вещь; чѣмъ-то обдѣлили его. Спорилъ съ нимъ арестантъ-силачъ, высокаго роста, злой, задира, насмѣшникъ и далеко не трусъ, Василій Антоновъ, изъ гражданскаго разряда. Они уже долго кричали и я думалъ, что дѣло кончится много-много что простыми колотушками, потому что Петровъ, хоть и очень рѣдко, но иногда даже дрался и ругался

какъ самый послѣдній изъ каторжныхъ. Но въ этотъ разъ случилось не то: Петровъ вдругъ поблѣднѣлъ, губы его затряслись и посинѣли; дышать сталъ онъ трудно. Онъ всталъ съ мѣста и медленно, очень медленно, своими неслышными, босыми шагами (лѣтомъ онъ очень любилъ ходить босой) подошелъ къ Антонову. Вдругъ, разомъ во всей шумной и крикливой казармѣ все затихло; муху было бы слышно. Все ждали что будетъ. Антоновъ вскочить ему навстрѣчу; на немъ лица не было... Я не вынесъ и вышелъ изъ казармы. Я ждалъ, что еще не успѣю сойти съ крыльца, какъ услышу крикъ зарѣзаннаго челоуѣка. Но дѣло кончилось ничѣмъ и на этотъ разъ; Антоновъ, не успѣвъ еще Петровъ дойти до него, молча и поскорѣе выкинулъ ему спорную вещь. (Дѣло шло о какой-то самой жалкой ветошкѣ, о какихъ-то подверткахъ). Разумѣется, минуты черезъ двѣ Антоновъ все-таки ругнулъ его помаленьку, для очистки совѣсти и для приличія, чтобъ показать, что не совсѣмъ же онъ такъ уже струсиль. Но на ругань Петровъ не обратилъ никакого вниманія, даже и не ствѣчалъ: дѣло было не въ ругани и выигралось оно въ его пользу; онъ остался очень доволенъ и взялъ себѣ ветошку. Черезъ четверть часа онъ уже попрежнему слонялся по острогу, съ видомъ совершеннаго бездѣля и какъ будто искалъ, не заговорить-ли гдѣ-нибудь о чемъ-нибудь полюбопытнѣе, чтобъ приткнуться туда и свой носъ и послушать. Его, казалось, все занимало, но какъ-то такъ случалось, что ко всему онъ по большей части оставался равнодушенъ и только такъ слонялся по острогу безъ дѣла, метало его туда и сюда. Его можно было тоже сравнить съ работникомъ, съ дюжимъ работникомъ, отъ котораго затрещитъ работа, но которому пока мѣстъ не даютъ работы, и вотъ онъ въ ожиданіи сидитъ и играетъ съ маленькими дѣтьми. Не понималъ я тоже, зачѣмъ онъ живетъ въ острогѣ, зачѣмъ не бѣжить? Онъ не задумался бы бѣжать, если-бъ только крѣпко того захотѣлъ. Надъ такими людьми, какъ Петровъ, разсудокъ властвуетъ только до тѣхъ поръ, пока мѣстъ они чего не захотятъ. Тутъ ужъ на всей землѣ нѣтъ препятствія ихъ желанію. А я увѣренъ, что онъ бѣжать сумѣлъ бы ловко, надулъ бы всѣхъ, но недѣлъ могъ бы сидѣть безъ хлѣба гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ рѣчномъ камышѣ. Но видно онъ еще не набрелъ на эту мысль и не пожелалъ этого *вполнѣ*. Большого разсужденія, особеннаго здраваго смысла

я никогда въ немъ не замѣчалъ. Эти люди такъ и роятся объ одной идеѣ, всю жизнь безсознательно двигающей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь; пока не найдутъ себѣ дѣла вполне по желанію; тутъ ужъ имъ и голова нипочемъ. Удивлялся я иногда, какъ это такой человѣкъ, который зарѣзалъ своего начальника за побори, такъ безпрекословно ложится у насъ подъ розги. Его иногда и сѣкли, когда онъ попадался съ виномъ. Какъ и всѣ каторжные безъ ремесла, онъ иногда пускался проносить вино. Но онъ и подъ розги ложился какъ будто съ собственнаго согласія, то-есть какъ будто сознавалъ, что за дѣло; въ противномъ случаѣ ни за чтѣ бы не легъ, хоть убей. Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность, обкрадывалъ меня. Находило на него это какъ-то полосами. Это онъ укралъ у меня библію, которую я ему далъ только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была въ нѣсколько шаговъ, но онъ успѣлъ найти по дорогѣ покупателя, продалъ ее и тотчасъ же пропилъ деньги. Вѣрно ужъ очень ему пить захотѣлось, а ужъ чтѣ очень захотѣлось, то *должно* быть исполнено. Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобъ за этотъ четвертакъ выпить косушку, хотя въ другое время пропустить мимо и съ сотнею тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ и объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянья, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было пробовалъ хорошенько его побранить; да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смирно; соглашался, что библія очень полезная книга, искренно жалѣлъ, что ея у меня теперь нѣтъ, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что укралъ ее; онъ глядѣлъ съ такою самоувѣренностью, что и тотчасъ же и пересталъ браниться. Брань же мою онъ спосилъ, вѣроятно, разсудивъ, что вѣдь нельзя же безъ этого, чтобъ не изругать его за такой поступокъ, такъ ужъ пусть, дескать, душу отведетъ, потѣшится, поругаетъ; но что въ сущности все это вздоръ, такой вздоръ, что серьезному человѣку и говорить-то было бы совѣстно. Мнѣ кажется, онъ вообще считалъ меня какимъ-то ребенкомъ, чуть не младенцемъ, не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ. Если, напримѣръ, я самъ съ нимъ о чемъ-нибудь заговаривалъ, кромѣ наукъ и книжекъ, то онъ, правда, мнѣ отвѣчалъ, но какъ будто только изъ учтивости, огра-

ничиваясь самыми короткими отвѣтами. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что ему въ этихъ книжныхъ знаніяхъ, о которыхъ онъ меня обыкновенно спрашиваетъ? Случалось, что во время этихъ разговоровъ я нѣтъ-нѣтъ, да и посмотрю на него сбоку: ужъ не смѣется-ли онъ надо мной? Но нѣтъ; обыкновенно онъ слушалъ серьезно, внимательно, хотя, впрочемъ, не очень, и это послѣднее обстоятельство мнѣ иногда досаждало. Вопросы задавалъ онъ точно, опредѣлительно, но какъ-то не очень дивился полученнымъ отъ меня свѣдѣніямъ и принималъ ихъ даже разсѣяннo... Казалось мнѣ еще, что про меня онъ рѣшилъ, не ломая долго головы, что со мною нельзя говорить какъ съ другими людьми, что кромѣ разговора о книжкахъ я ни о чемъ не пойму и даже не способенъ понять, такъ что и беспокоить меня нечего.

Я увѣренъ, что онъ даже любилъ меня, и это меня очень поражало. Считалъ-ли онъ меня недорослимъ, неполнымъ человѣкомъ, чувствовалъ-ли ко мнѣ то особаго рода состраданіе, которое инстинктивно ощущаетъ всякое сильное существо къ другому, слабѣйшему, признавъ меня за такое—не знаю. И хоть все это не мѣшало ему меня обворовывать, но, я увѣренъ, и обворовывая онъ жалѣлъ меня. „Эхъ, дескать, думалъ онъ, можетъ-быть, запуская руку въ мое добро,—что-жъ это за человѣкъ, который и за добро-то свое постоять не можетъ!“ Но за это-то онъ, кажется, и любилъ меня. Онъ мнѣ самъ сказалъ одинъ разъ, какъ-то нечаянно, что я ужъ „слишкомъ доброй души человѣкъ“, и „ужъ такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ. Только вы, Александръ Петровичъ, не примите въ обиду, прибавилъ онъ черезъ минуту,—я вѣдь такъ, отъ души сказалъ“.

Съ такими людьми случается иногда въ жизни, что они вдругъ рѣзко и крупно проявляются и обозначаются въ минуты какого-нибудь крутого, поголовнаго дѣйствія или переворота, и такимъ образомъ разомъ попадаютъ на свою полную дѣятельность. Они не люди слова и не могутъ быть зачинщиками и главными предводителями дѣла; но они главные исполнители его и первые начинаютъ. Начинаютъ просто, безъ особыхъ возгласовъ, но зато первые перескакиваютъ черезъ главное препятствіе, не задумавшись, безъ страха, идя прямо на всѣ ножи,—и всѣ бросаются за ними и идутъ слѣпо, идутъ до самой послѣдней стѣны, гдѣ обыкновенно и кладутъ свои головы.

Я не вѣрю, чтобъ Петровъ хорошо кончилъ; онъ въ какую-нибудь одну минуту все разомъ кончить, и если не пропалъ еще до сихъ поръ, значитъ, случай его не пришелъ. Кто знаетъ, впрочемъ? Можетъ, и доживетъ до сѣдыхъ волосъ и преспокойно умретъ отъ старости, безъ цѣли слоняясь туда и сюда. Но, мнѣ кажется, М. былъ правъ, говоря, что это былъ самый рѣшительный чело-вѣкъ изъ всей каторги.

VIII.

Рѣшительные люди.—Лучна.

Насчетъ рѣшительныхъ трудно сказать; въ каторгѣ, какъ и вездѣ, ихъ было довольно мало. Съ виду, пожалуй, и страшный чело-вѣкъ; сообразишь, бывало, что про него рассказываютъ, и даже сторонишься отъ него. Какое-то безотчетное чувство заставляло меня даже обходить этихъ людей сначала. Потомъ я во многомъ измѣнился въ моемъ взглядѣ даже на самыхъ страшныхъ убійцъ. Иной и не убилъ, да страшнѣе другого, который по шести убійствамъ пришелъ. Объ иныхъ же преступленіяхъ трудно было составить даже самое первоначальное понятіе: до того въ совершеніи ихъ было много страннаго. Я именно потому говорю, что у насъ въ простонародьи инья убійства происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ, на-примѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: живетъ этотъ чело-вѣкъ тихо и смирно. Доля горькая,—терпитъ. Положимъ, онъ мужикъ, дворовый чело-вѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось; онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: на время чело-вѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть и преступно, но понятно; тутъ поводъ былъ; но потомъ ужъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встрѣчнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для четки, или просто: „прочъ съ дороги, не попадайся, я иду!“ Точно ошьянѣетъ чело-вѣкъ, точно въ горячечномъ бреду. Точно перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святого; точно подмываетъ его перескочить разомъ черезъ всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и безпредѣльной свободой, насладиться этимъ замираніемъ сердца отъ

ужаса, котораго невозможно, чтобъ онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ. Знаеть онъ къ тому же, что ждетъ его страшная казнь. Все это, можетъ-быть, похоже на то ощущеніе, когда человѣкъ съ высокой башни тянется въ глубину, которая подъ ногами, такъ что ужъ самъ, наконецъ, радъ бы броситься внизъ головою: поскорѣй, да и дѣло съ концомъ! И случается это все даже съ самыми смиренными и непримѣтными дотолѣ людьми. Иные изъ нихъ въ этомъ чадѣ даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любитъ самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то *отчаянность*, и такой „отчаянный“ иногда самъ ужъ поскорѣе ждетъ наказанія, ждетъ, чтобъ *порыжили* его, потому что самому становится, наконецъ, тяжело носить на себѣ эту напускную *отчаянность*. Любопытно, что большею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрѣзало: точно и въ самомъ дѣлѣ этотъ срокъ какой-то форменный, какъ будто назначенный заранѣе опредѣленными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, стушевывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ нюнить—просить у народа прошенія. Приходить въ острогъ, и, смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: „да неужели это тотъ самый, который зарѣзали пять-шесть человѣкъ?“

Конечно, иные и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость; вотъ, дескать, я вѣдь не то, что вы думаете: я „по шести душамъ“. Но кончаетъ тѣмъ, что все-таки смиряется. Иногда только потѣшить себя, вспоминая свой удалой размахъ, свой кутежъ, бывший разъ въ его жизни, когда онъ былъ „отчаяннымъ“, и очень любить, если только найдеть простычка, съ приличной важностью передъ нимъ поломаться, похвастаться и рассказать ему свои подвиги, не показывая, впрочемъ, и вида, что ему самому рассказать хочется. Вотъ, дескать, какой я былъ человѣкъ!

И съ какими утонченностями наблюдается эта самолюбивая осторожность, какъ лѣниво небреженъ бываетъ иногда такой рассказъ! Какое изученное фатство проявляется въ тонѣ, въ каждомъ словечкѣ рассказчика. И гдѣ этотъ народъ выучился!

Разъ въ эти первые дни, въ одинъ длинный вечеръ, праздно и тоскливо лежа на нарахъ, я прослушалъ одинъ изъ такихъ разсказовъ и по неопытности принялъ разсказчика за какого-то колоссальнаго, страшнаго злодѣя, за неслыханный, желѣзный характеръ, тогда какъ въ это же время чуть не подшучивалъ надъ Петровымъ. Темой разсказа было, какъ онь, Лука Кузьмичъ, не для чего иного, какъ единственно для одного своего удовольствія, *уложилъ* одного маіора. Этотъ Лука Кузьмичъ былъ тотъ самый маленькій, тоненькій, съ востренькимъ носикомъ, молоденькій арестантикъ нашей казармы, изъ хохловъ, о которомъ уже какъ-то и упоминалъ я. Былъ онь въ сущности русскій, а только рдился на югъ, кажется, дворовымъ человѣкомъ. Въ немъ дѣйствительно было что-то вострое, заносчивое: „мала птичка, да ноготокъ востеръ“. Но арестанты инстинктивно раскусываютъ человѣка. Его очень немного уважали или, какъ говорятъ въ каторгѣ, „ему очень немного уважали“. Онь былъ ужасно самолюбивъ. Сидѣлъ онь въ этотъ вечеръ на нарахъ и шилъ рубашку. Шитье бѣлья было его ремесломъ. Подлѣ него сидѣлъ тупой и ограниченный парень, но добрый и ласковый, плотный и высокій, его сосѣдъ по нарамъ, арестантъ Кобылинъ. Лучка, по сосѣдству, часто съ нимъ ссорился и вообще обращался свысока, насмѣшливо и деспотически, чего Кобылинъ отчасти и не замѣчалъ по своему простодушію. Онь вязалъ шерстяной чулокъ и равнодушно слушалъ Лучку. Тотъ разсказывалъ довольно громко и явственно. Ему хотѣлось, чтобы всѣ его слушали, хотя, напротивъ, и старался дѣлать видъ, что разсказываетъ одному Кобылину.

— Это, братъ, пересылали меня изъ нашего мѣста, началъ онь, ковыряя иглой,—въ Ч—въ, по бродяжеству, значить.

— Это когда же, давно было? спросилъ Кобылинъ.

— А вотъ горохъ поспѣетъ—другой годъ пойдетъ. Ну, какъ пришли въ К—въ—и посадили меня туда на малое время въ острогъ. Смотрю: сидятъ со мной человѣкъ двѣнадцать, все хохловъ, высокіе, здоровые, дюжіе, точно быки. Да смиренные такіе: ѣда плохая; вертять ими ихній маіоръ, какъ его милости *заводно*. (Лучка нарочно переверкала слово). Сижу день, сижу другой; вижу трусь-народъ. Что-жь вы, говорю, такому дураку поблажаете?

— А поди-ка-сь самъ съ нимъ поговори! даже ухмы-

ляются на меня. Молчу я. И пресмѣшной же тутъ былъ одинъ хохоль, братцы, прибавилъ онъ вдругъ, бросая Кобылина и обращаясь ко всѣмъ вообще.—Разсказывалъ, какъ его въ судѣ порѣшили, и какъ онъ съ судомъ разговаривалъ, а самъ заливается-плачетъ; дѣти, говоритъ, у него остались, жена. Самъ матерой такой, сѣдой, толстый. „Я ему, говоритъ, бачу: ни! А винъ, бисовъ сынъ, все пишетъ, все пишетъ. Ну, бачу соби, да щобъ ты здохъ, а ябъ подывився! А винъ все пишетъ, все пишетъ, да якъ писне!.. Тутъ и пропала моя голова!“ Дай-ка, Вася, ничточку; гнилыя каторжныя.

— Базарныя, отвѣчалъ Вася, подавая нитку.

— Наши швальныя лучше. Анамеднись Невалида посылали, и у какой онъ тамъ подлой бабы беретъ! продолжалъ Лучка, вдѣвая на свѣтъ нитку.

— У кумы, значить.

— Значить, у кумы.

— Такъ что же, какъ же маіоръ-то? спросилъ совершенно забытый Кобылинъ.

Того только и было нужно Лучкѣ. Однакожь онъ не сейчасъ продолжалъ свой разсказъ, даже какъ будто и вниманія не удостоилъ Кобылина. Спокойно расправилъ нитки, спокойно и лѣнливо передернулъ подъ собой ноги и наконецъ-то ужъ заговорилъ:

— Взбудоражилъ, наконецъ, я моихъ хохловъ, потребовали маіора. А я еще съ утра у сосѣда жуликъ *) спросилъ, взялъ да и спряталъ, значить, на всякій случай. Разсвирѣвилъ маіоръ. Ыдетъ. Ну, говорю, не трусить, хохлы! А у нихъ ужъ душа въ пятки ушла! такъ и трясутся! Вбѣжалъ маіоръ; пьяный. „Кто здѣсь! Какъ здѣсь! Я царь, я и богъ!“

Какъ сказалъ онъ: „я царь, я и богъ“, я и выдвинулся, продолжалъ Лучка,—ножь у меня въ рукавѣ.

— Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, а самъ по-маленьку все ближе да ближе,—нѣтъ, ужъ это какъ же можетъ быть, говорю, ваше высокоблагородіе, чтобъ вы были у насъ царь да и богъ?

— А, такъ это ты, такъ это ты, закричалъ маіоръ,—бунтовщикъ!

— Нѣтъ, говорю (а самъ все ближе да ближе), нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, какъ, можетъ, извѣстно и вѣдомо вамъ самимъ, Богъ нашъ, всемогущій и вездѣсу-

*) Ножь.

щій, единъ есть, говорю. И царь нашъ единъ, надъ всѣми нами Самимъ Богомъ поставленный. Онъ, ваше высокоблагородіе, говорю, монархъ. А вы, говорю, ваше высокоблагородіе, еще только маіоръ—начальникъ нашъ, ваше высокоблагородіе, царскою милостью, говорю, и своими заслугами.

— Какъ, какъ, какъ, какъ! Такъ и закудахталъ, говорить не можетъ, захлебывается. Удивился ужъ очень.

— Да вотъ какъ, говорю; да какъ кинусь на него вдругъ, да въ самый животъ ему такъ-таки весь ножъ и впустилъ. Довко пришлось. Покатился, да только ногами задрыгалъ. Я ножъ бросилъ.

— Смотрите, говорю, хохлы, подымайте его теперь!

Здѣсь я уже сдѣлаю одно отступленіе. Къ несчастью, такія выраженія: „я царь, я и богъ“ и много другихъ подобныхъ этому были въ немаломъ употребленіи, въ старину, между многими изъ командировъ. Надо, впрочемъ, признаться, что такихъ командировъ остается уже немного, а, можетъ-быть, и совсѣмъ перевелись. Замѣчу тоже, что особенно щеголяли и любили щеголять такими выраженіями большею частью командиры, сами вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ. Офицерскій чинъ какъ будто преворачиваетъ всю ихъ внутренность, а вмѣстѣ и голову. Долго кряхтя подъ ляжкой и перейдя всѣ степени подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ непривычки и перваго упоенія преувеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи; разумѣется, только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Передъ высшими же они попрежнему въ подобострастіи, совершенно уже ненужномъ и даже противномъ для многихъ начальниковъ. Иные подобострастники даже съ особеннымъ умиленіемъ спѣшатъ заявить передъ своими высшими командирами, что вѣдь они и сами изъ нижнихъ чиновъ, хоть и офицеры и „свое мѣсто завсегда помнятъ“. Но относительно нижнихъ чиновъ они становились чуть не неограниченными повелителями. Конечно, теперь врядъ-ли ужъ есть такіе, и врядъ-ли найдется такой, чтобъ прокричалъ: „я царь, я и богъ“. Но, несмотря на это, я все-таки замѣчу, что ничто такъ не раздражаетъ арестантовъ, да и вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ вотъ этакія выраженія начальниковъ. Эта нахальность самовозвеличенія, это преувеличенное мнѣніе о своей безнаказанности рождаетъ нена-

висть въ самомъ покорномъ человѣкѣ и выводить его изъ послѣдняго терпѣнія. Къ счастью, все это дѣло, почти прошлое, даже и въ старину-то строго преслѣдовалось начальствомъ. Нѣсколько примѣровъ тому и я знаю.

Да и вообще раздражаетъ нижній чинъ всякая свысока небрежность, всякая брезгливость въ обращеніи съ ними. Иные думаютъ, напримѣръ, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, такъ и дѣло съ концомъ. Это тоже заблужденіе. Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно и надо съ нимъ обращаться по-человѣчески. Боже мой! Да *человѣческое* обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнулъ образъ Божій. Съ этими-то „несчастливыми“ и надо обращаться наиболѣе по-человѣчески. Это спасеніе и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ, благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ, и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они какъ дѣти радовались и какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще одну странность: сами арестанты не любятъ слишкомъ фамильярнаго и *слишкомъ* ужъ добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему хочется уважать начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ его уважать. Арестанту любо, напримѣръ, чтобъ у начальника его были ордена, чтобъ онъ былъ видный собою, въ милости у какого-нибудь высокаго начальника, чтобъ былъ и строгъ, и важенъ, и справедливъ, и достоинство бы свое соблюдалъ. Такихъ арестанты больше любятъ: значить и свое достоинство сохранилъ, и ихъ не обидѣлъ, стало-быть, и все хорошо и красиво.

• • • • •
 — Ужъ и жарили-жъ тебя, должно-быть, за это? спокойно замѣтилъ Кобылинъ.

— Гм! Жарили-то, братъ, оно правда, что жарили. Алей, дай-ка ножницы! Чтой-то, братцы, сегодня майдана нѣтъ?

— Даве пропились, замѣтилъ Вася.—Если бѣ не пропились, такъ оно, пожалуй, и было бы.

— Если бѣ! За если бѣ и въ Москвѣ сто рублей даютъ, замѣтилъ Лучка.

— А сколько тебѣ, Лучка, дали за все про все? заговорилъ опять Кобылинъ.

— Дали, другъ любезный, сто пять. А что скажу, братцы: вѣдь чуть меня не убили, подхватилъ Лучка, опять бросая Кобылина. — Вотъ какъ вышли мнѣ эти сто пять, повезли меня въ полномъ парадѣ. А никогда-то до сего я еще плетей не отвѣдывалъ. Народу привалило видимо-невидимо, весь городъ сбѣжался: разбойника наказывать будутъ, убивецъ, значить. Ужъ и какъ глупъ этотъ народъ, такъ не знаю какъ и сказать. Тимошка *) раздѣлъ, положилъ, кричить: „поддержись, ожгу.“ Жду: что будетъ? Какъ онъ мнѣ влѣпитъ разъ,—хотѣлъ было я крикнуть, раскрылъ было ротъ, а крику-то во мнѣ и нѣтъ. Голосъ, значить, остановился. Какъ влѣпитъ два, ну, вѣришь иль не вѣришь, я ужъ и не слыхалъ, какъ *два* просчитали. А какъ очнулся, слышу считаютъ: семнадцатый. Такъ меня, братъ, раза четыре потомъ съ кобылы снимали, по полчаса отдыхалъ: водой обливали. Гляжу на всѣхъ, выпуча глаза, да и думаю: „тутъ же помру...“

— А и не померъ? наивно спросилъ Кобылинъ.

Лучка обвелъ его въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ; раздался хохотъ.

— Балясина, какъ есть!

— На чердакѣ нездорово, замѣтилъ Лучка, точно раскисываясь, что могъ заговорить съ такимъ человѣкомъ.

— Умомъ, значить, рѣшенъ, скрѣпилъ Вася.

Лучка, хоть и убилъ шесть человѣкъ, но въ острогѣ его никогда и никто не боялся, несмотря на то, что, можетъ-быть, онъ душевно желалъ прослыть страшнымъ человѣкомъ...

IX.

Исай Ѡмичъ.—Баня.—Разсказъ Банлушина.

Наступалъ праздникъ Рождества Христова. Арестанты ожидали его съ какою-то торжественностью, и, глядя на нихъ, я тоже сталъ ожидать чего-то необыкновеннаго. Дня за четыре до праздника повели насъ въ баню. Въ мое

*) Палачъ.

время, особенно въ первые мои годы, арестантовъ рѣдко водили въ баню. Всѣ обрадовались и начали собираться. Назначено было идти послѣ обѣда и въ эти послѣ обѣда уже не было работы. Всѣхъ больше радовался и суетился изъ нашей казармы Исая Ѳомичъ Бумштейнъ, каторжный изъ евреевъ, о которомъ я уже упоминалъ въ четвертой главѣ моего разсказа. Онъ любилъ париться до оупушнїя, до безчувственности, и каждый разъ, когда случается мнѣ теперь, перебирая старыя воспоминанїя, вспомнить и о нашей каторжной банѣ (которая стоитъ того, чтобъ о ней не забыть), то на первый планъ картины тотчасъ же выступаетъ передо мною лицо блаженнѣйшаго и незабвеннаго Исая Ѳомича, товарища моей каторги и сожителя по казармѣ. Господи, что за уморительный и смѣшной былъ этотъ человекъ! Я уже сказалъ нѣсколько словъ про его фигурку: лѣтъ пятидесяти, тщедушный, сморщенный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣлымъ цыплячьимъ тѣломъ. Въ выраженїи лица его виднѣлось непрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется, онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ непрерывно по господамъ и по начальству города одну ювелирную работу. Ему все-таки хоть сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато*, но откладывалъ деньги и давалъ подъ закладъ на проценты всей каторгѣ. У него былъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покровительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подъ конвоемъ въ свою городскую моленную (что дозволяется законами) и жилъ совершенно припѣваючи, съ нетерпѣніемъ, впрочемъ, ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ „зениться“. Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и нахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исая Ѳомичъ, очевидно, служилъ всѣмъ для развлеченїя и всегдашней потѣхи. „Онъ у насъ одинъ, не троньте Исая Ѳомича“, говорили арестанты, и Исая Ѳомичъ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значенїемъ, что очень тѣшило арестантовъ. Онъ уморительнѣйшимъ образомъ прибылъ

въ каторгу (еще до меня, но мнѣ рассказывали). Вдругъ, однажды, передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привели жидка и бреютъ въ кордегардіи и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же обступили, какъ онъ вошелъ въ ворота. Острожный унтеръ-офицеръ провель его въ гражданскую казарму и указаль ему мѣсто на нарахъ. Въ рукахъ у Исаея Ѳомича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ положилъ мѣшокъ, взмогилъ на нары и усѣлся, подобравъ подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глазъ. Кругомъ него раздавался смѣхъ и острожные шуточки, имѣвшія въ виду еврейское его происхождение. Вдругъ сквозь толпу протѣснился молодой арестантъ, несъ въ рукахъ самыя старыя, грязныя и разорванныя лѣтнія свои шаровары, съ придачею казенныхъ подвертокъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исаея Ѳомича и ударилъ его по плечу.

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ поджидаю. Вотъ, смотри, много-ли дашь?

И онъ разложилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исаей Ѳомичъ, который при входѣ въ острогъ сробѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшливыхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступившихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова,—увидѣвъ закладъ, вдругъ встрепенулся и бойко началъ перебирать пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Что-жъ, рубля-то серебромъ небось не дашь? А вѣдь стоило бы! продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаею Ѳомичу.

— Рубль серебромъ нельзя, а семь копеекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Ѳомичемъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатались со смѣху.

— Семь! Ну, давай хоть семь; твое счастье! Смотри-жъ, береги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копейки, будетъ десять копеекъ, отрывисто и дрожащимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и боязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ, что-ли, три копейки проценту?

— Нѣтъ, не въ годъ, а въ мѣсяцъ.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ теби величать?

— Исай Өмиць.

— Ну, Исай Өмиць, далеко ты у насъ пойдешь!

Прощай.

Исай Өмиць еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бережно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжавшемся хохотѣ арестантовъ.

Его дѣйствительно всѣ какъ будто даже любили и никто не обижалъ, хотя почти всѣ были ему должны. Самъ онъ былъ незлобивъ какъ курица и, видя всеобщее расположение къ себѣ, даже куражился, но съ такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тотчасъ же это прощалось. Лучка, знавшій на своемъ вѣку много жидковъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно такъ же, какъ забавляются съ собачкой, попугаемъ, учеными звѣрками и проч. Исай Өмиць очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и преловко отшучивался.

— Эй, жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десять, молодцовато отвѣчаетъ Исай Өмиць.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый; гроши ма.

— Христа продалъ.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Өмиць, молодець! Не троньте его, онъ у насъ одинъ! кричатъ съ хохотомъ арестанты.

— Эй, жидъ,хватишь кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибири.

— Еще дальше ушлють.

— А что, тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть-то есть.

— Ну, нехай; былъ бы панъ Богъ, да гроши, такъ вездѣ хорошо будетъ.

— Молодець, Исай Өмиць, видно что молодець! кричатъ кругомъ, а Исай Өмиць, хоть и видитъ, что надъ нимъ же смѣются, но бодиртса.

Всеобщія похвалы приносятъ ему видимое удовольствіе, и онъ на всю казарму начинаетъ тоненькимъ дискантомъ

пѣть: ля-ля-ля-ля-ля! какой-то нелѣпый и смѣшной мотивъ, единственную пѣсню, безъ словъ, которую онъ пѣлъ въ продолженіе всей каторги. Потомъ, познакомившись ближе со мной, онъ увѣрялъ меня подъ клятву, что это та самая пѣсня и именно тотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мала до велика, переходя черезъ Чермное море, и что каждому еврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами.

Наканунѣ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ, въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотреть, какъ Исая Ѳомичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исая Ѳомичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ педантскою и выдѣланною важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный столикъ, развертывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*рижу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была пестрая накидка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ перевязкой какой-то деревянный лщичекъ, такъ что, казалось, изо лба Исая Ѳомича выходилъ какой-то смѣшной рогъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читалъ онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, отплеывался, оборачивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшные жесты. Конечно, все это было предписано обрядами молитвы, и въ этомъ ничего не было смѣшного и страннаго, но смѣшно было то, что Исая Ѳомичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и щеголялъ своими обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать навзрыдъ. Рыданія усиливаются и онъ въ изнеможеніи и чуть не съ воемъ склоняетъ на книгу свою голову, увѣнчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди самыхъ сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то разслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. „Ишь его разбираетъ!“ говорятъ, бывало, арестанты. Я спрашивалъ однажды Исая Ѳомича: чтѣ значать эти рыданія и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исая Ѳомичъ ужасно любилъ эти разспросы отъ меня. Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачь и рыданія означаютъ

мысль о потерѣ Иерусалима и что законъ предписываетъ при этой мысли какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Өомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Иерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и приговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства. Этотъ переходъ *вдругъ* и непремѣнная обязанность этого перехода чрезвычайно нравились Исаю Өомичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный прехитрый кунштюкъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самаго разгара молитвы, въ комнату вошелъ плацъ-маіоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исай Өомичъ еще болѣе началъ кричать и крикаться. Онъ зналъ, что молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и, крича передъ маіоромъ, не рисковалъ, разумѣется, ничѣмъ. Но ему чрезвычайно пріятно было поломаться передъ маіоромъ и порисоваться передъ нами. Маіоръ подошелъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исай Өомичъ оборотился задомъ къ своему столику и прямо, въ лицо маіору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощутивъ глаза, смѣясь и кивая на маіора головой. Маіоръ удивился; но, наконецъ, фыркнулъ отъ смѣха, назвалъ его тутъ же въ глаза дуракомъ и пошелъ прочь, а Исай Өомичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужъ онъ ужиналъ, я спросилъ его: „а что если бъ плацъ-маіоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?“

— Какой плацъ-маіоръ?

— Какъ какой? Да развѣ вы не видѣли?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исай Өомичъ серьезнѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что онъ не видалъ рѣшительно никакого маіора,

что въ это время, при этихъ молитвахъ, онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужъ не видитъ и не слышитъ что кругомъ его происходитъ.

Какъ теперь вижу Исаю Ѳомича, когда онъ въ субботу слоняется, бывало, безъ дѣла по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Какіе невозможные анекдоты рассказывалъ онъ мнѣ каждый разъ, когда приходилъ изъ своей молельни; какія ни на что не похожія извѣстія и слухи изъ Петербурга приносилъ мнѣ, увѣряя, что получилъ ихъ отъ своихъ жидковъ, а тѣ изъ первыхъ рукъ.

Но я слишкомъ ужъ много разговорился объ Исаѣ Ѳомичѣ.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани. Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была номерная, съ платою по 50 копеекъ за номеръ и устроенная для лицъ высокаго полета. Другая же баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели нашъ острогъ. Было морозно и солнечно, арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ на городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряженными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны: вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покамѣстъ первая смѣна мылась, что необходимо было сдѣлать за тѣсною баню. Но, несмотря на то, баня была до того тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина-то нашихъ могла въ ней умѣститься. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ, безъ моего приглашенія, подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. вмѣстѣ съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ, арестантъ изъ особаго отдѣленія, котораго звали у насъ пионеромъ и о которомъ какъ-то я поминалъ, какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потому что по непривычкѣ я раздѣвался долго, а въ передбанникѣ было холодно, чуть-ли не такъ же, какъ на дворѣ. Кстати, арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Во-первыхъ, нужно умѣть скоро расшнуровывать подкандалники. Эти подкандалники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре дли-

ною, и надѣваются на бѣлье, прямо подѣ желѣзное кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандалниковъ стоитъ не менѣ шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ, разумѣется, потому, что безъ подкандалниковъ невозможно ходить. Кандалное кольцо не плотно охватываетъ ногу и между кольцомъ и ногой можетъ пройти палець; такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, третъ ее и въ одинъ день арестантъ безъ подкандалниковъ успѣлъ бы натереть себѣ раны. Но снять подкандалники еще не трудно. Труднѣе научиться ловко снимать изъ-подъ кандаловъ бѣлье. Это цѣлый фокусъ. Снявъ нижнее бѣлье, положимъ хоть съ лѣвой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандалнымъ кольцомъ, потомъ, освободивъ ногу, продѣть это бѣлье назадъ сквозь то же кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой ноги, продернуть сквозь кольцо на правой ногѣ, а затѣмъ все, продѣтое сквозь правое кольцо, опять продѣть къ себѣ обратно. Такая же исторія и съ надѣваньемъ новаго бѣлья. Новичку даже трудно и догадаться, какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ всему этому арестантъ Кореневъ, въ Tobольскѣ, бывший атаманъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арестанты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я далъ Петрову нѣсколько копеекъ, чтобъ запастись мыломъ и мочалкой; арестантамъ выдавалось, правда, и казенное мыло, на каждаго по кусочку, величиною съ двукопеечникъ, а толщиною съ ломтикъ сыра, подаваемого по вечерамъ на закуску у „средняго рода“ людей. Мыло продавалось тутъ же въ передбанникѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячей водой. На каждаго арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани, только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться почище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, которая и передавалась въ самую баню, черезъ особо устроенное для того окошко изъ передбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подѣ руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ. „Вы ихъ кверху потяните, на ныры, приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька, — а вотъ тутъ осторожнѣе, тутъ порогъ“. Мнѣ даже нѣсколько совѣстно было; хотѣлось увѣрить Петрова, что я и одинъ умѣю пройти, но онъ этому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мной рѣшительно какъ съ ре-

бенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ, которому всякій обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга; разобидь я его, онъ бы зналъ, какъ со мной поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не общалъ, да онъ и самъ не просилъ. Что-жъ побуждало его такъ ходить за мной?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣнадцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось, можетъ-быть, до ста человѣкъ разомъ, и ужъ, по крайней мѣрѣ, навѣрно, восемьдесятъ, потому что арестанты раздѣлены были всего на двѣ смѣны, а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человѣкъ. Парь, застилающій глаза, копоть, грязь, тѣснота до такой степени, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ тотчасъ ободрилъ меня. Кое-какъ, съ величайшими затрудненіями, протѣснились мы до лавокъ черезъ головы разсѣвшихся на полу людей, прося ихъ нагнуться, чтобъ намъ можно было пройти. Но мѣста на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто, и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За копейку тотъ уступилъ свое мѣсто, немедленно получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ несъ, зажавъ въ кулакѣ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость наросла вездѣ чуть не на полпальца. Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстечка въ ладонь, гдѣ бы не сидѣли, скрючившись, арестанты, плескаясь изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между нихъ торчкомъ и, держа въ рукахъ свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала съ нихъ прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На полкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли, съезжившись и скрючившись, мывшіеся. Но мылись мало. Простоянны мало моются горячей водой и мыломъ, они только страшно парятся и потомъ обливаются холодной водой,—вотъ и вся баня. Вѣнниковъ пятьдесятъ на подкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьянѣнія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужъ не жаръ; это было пекло. Все это орало и гоготало, при звукѣ стѣпелей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, за-

путывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами задѣвали по головамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окопка въ передбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, цѣлая свалка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ-нѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь выглянетъ усатое лицо солдата, съ ружьемъ въ рукѣ, высматривающаго, нѣтъ-ли безпорядковъ. Обритыя головы и распаренныя до-красна тѣла арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь всѣ эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня морозъ прошелъ по кожѣ, смотря на нихъ. Поддадутъ— и парь застелетъ густымъ горячимъ облакомъ всю баню; все загопочетъ, закричитъ. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрюченныя руки и ноги: а въ довершеніе, Исай Ѳомичъ гогочетъ во все горло, на самомъ высокомъ полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но, кажется, никакой жаръ не можетъ насытить его; за копейку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ, наконецъ, не выдерживаетъ, бросаетъ вѣникъ и бѣжитъ отливаться холодной водой. Исай Ѳомичъ не унываетъ и нанимаетъ другого, третьяго: онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на издержки и смѣняетъ до пяти парильщиковъ. „Здоровъ париться, молодець Исай Ѳомичъ!“ кричатъ ему снизу арестанты. Исай Ѳомичъ самъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и заткнулъ всѣхъ ихъ за поясъ; онъ торжествуетъ и рѣскимъ, сумасшедшимъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ля-ля-ля, покрывающую всѣ голоса. Мнѣ пришло на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то оно очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня, но онъ усѣлся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баклушинъ между тѣмъ покупалъ намъ воду и подносилъ ее по мѣрѣ надобности. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что „будете совсѣмъ чи-

стенъкіе“, и усиленно звалъ меня париться. Париться я не рискнулъ. Петровъ вытеръ меня всего мыломъ. „А теперь я вамъ ножки вымою“, прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что могу вымыть и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ уменьшительномъ „ножки“ рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской; просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами вѣроятно потому, что у другихъ, у настоящихъ людей—ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, то-есть съ поддержками и съ предостереженіями на каждомъ шагу, точно я былъ фарфоровый, доставилъ меня въ передбанникъ и помогъ надѣть бѣлье, и уже когда совершенно кончилъ со мной, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю онъ не отказался, выпилъ и поблагодарилъ. Мнѣ пришло въ голову раскошелиться и попотчевать его косушкой. Косушка нашлась и въ нашей казармѣ. Петровъ былъ откровенно доволенъ, выпилъ, крякнулъ и, замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, поспѣшно отправился въ кухню, какъ будто тамъ безъ него чего-то никакъ не могли рѣшить. вмѣсто него ко мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

Я не знаю характера милѣе Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ, чтобъ вмѣшивались въ его дѣла,—однимъ словомъ, умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился не надолго и, кажется, всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ коверкалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хохотать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ за то, что онъ „пустой и бесполезный“ человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще съ

первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ разспрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, рассказавъ, какъ поручикъ Ш. отдѣлалъ утромъ нашего плацъ-маіора, и, сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что, кажется, театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались помаленьку декораціи. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей, даже для женскихъ; даже, черезъ посредство одного денщика, надѣялись достать офицерскій костюмъ съ аксельбантами. Только бы плацъ-маіоръ не вздумалъ запретить, какъ прошлаго года. Но прошлаго года на Рождествѣ маіоръ былъ не въ духѣ: гдѣ-то проигрался, да и въ острогѣ къ тому же нашалили, вотъ онъ и запретилъ со зла, а теперь, можетъ-быть, не захочетъ стѣснять. Однимъ словомъ, Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Видно было, что онъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово непремѣнно побывать на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу. Слово за слово, и мы разговорились. Между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что не все служилъ въ Петербургѣ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его послали въ Р., впрочемъ, унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный батальонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужъ и прислали сюда, замѣтилъ Баклушинъ.

— Да за что же это? спросилъ я его.

— За что? Какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, за что? Вѣдь за то, что влюбился.

— Ну, за это еще не пришлютъ сюда, возразилъ я, смѣясь.

— Правда, прибавилъ Баклушинъ,— правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрѣлилъ. Да вѣдь стоитъ-ли ссылатъ изъ-за нѣмца, посудите сами!

— Однакожь, какъ же это? Расскажите, это любопытно.

— Пресмѣшная исторія, Александръ Петровичъ.

— Такъ тѣмъ лучше. Рассказывайте.

— Аль разсказать? Ну, такъ ужъ слушайте...

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ смѣшную, но зато до-вольно странную исторію одного убійства...

„— Дѣло это было вотъ какъ, началъ Баклушинъ.— Какъ послали это они меня въ Р., вижу—городъ хорошій, большой, только нѣмцевъ много. Ну, я, разумѣется, еще молодой человѣкъ, у начальства на хорошемъ счету, хожу себѣ шапку на бекрень, время провожу, значить. Нѣм-камъ подмигиваю. И понравилась тутъ мнѣ одна нѣмочка, Луиза. Онѣ обѣ были прачки, для самаго ни на есть чи-стаго бѣлья, она и ея тетка. Тетка-то старая, фуфырная такая, а живутъ зажиточно. Я сначала мимо оконъ концы давалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и по-русски говорила хорошо, а только такъ, какъ будто кар-тавила,—этакая, то-есть, милушка, что я и не встрѣчалъ еще такой никогда. Я было сначала того да серо, а она мнѣ: „нѣтъ, этого не моги, Саша, потому я хочу всю не-винность свою сохранить, чтобъ тебѣ же достойной женой быть“, и только ласкается, смѣется таково звонко... да чистенькая такая была, я ужъ и не видалъ такихъ, кромѣ нея. Сама же взманила меня жениться. Ну, какъ пе же-ниться, подумайте? Вотъ я готовлюсь съ просьбой идти къ подполковнику... Вдругъ смотрю—Луиза разъ на свиданіе не вышла, другой не пришла, на третій не бывала... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣту. Чтѣ-жъ это, думаю? То-есть кабы обманывала она меня, такъ ухитрилась бы, и на письмо бы отвѣчала, и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не сумѣла; такъ просто отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ; она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то-есть тихими стопами. Я какъ угорѣлый хожу, написалъ послѣднее письмо и го-ворю: „коль не придешь, самъ къ теткѣ приду“. Испуга-лась, пришла. Плачетъ; говорить, одинъ нѣмецъ, Шульцъ, дальній ихъ родственникъ, часовникъ, богатый и ужъ пожилой, изъявилъ желаніе на ней жениться—чтобъ, го-ворить, и меня осчастливить, и самому на старости безъ жены не остаться; да и любить опъ меня, говорить, и давно ужъ намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, соби-рался. Такъ вотъ, говорить, Саша, онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужели-жъ ты меня моего счастья хочешь лишить? Я смотрю: она плачетъ, меня обнимаетъ... Эхъ, думаю, вѣдь резонъ же она говорить! Ну, чтѣ толку за солдата выйти, хотя-бъ я и унтеръ?—Ну, говорю, Луиза,

прощай, Богъ съ тобой; нечего мнѣ тебя твоего счастья лишать. А что онъ, хорошъ? — Нѣтъ, говорить, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама размѣялась. Ушелъ я отъ нея; что-жъ, думаю, не судьба! На другое это утро пошелъ я подъ его магазинъ, улицу-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло: сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, лѣтъ такъ сорока пяти, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротникахъ, такихъ длинныхъ, важный такой. Я такъ и плюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить... да что, думаю, нечего трогать, пропало, какъ съ возу упало! Пришелъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ, вѣрите-ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу...

„Ну, проходить такъ день, другой, третій. Съ Луизой не вижусь. А межъ тѣмъ услыхалъ отъ одной кумы (старая была, тоже прачка, къ которой Луиза иногда хаживала), что нѣмецъ про нашу любовь знаетъ, потому-то и рѣшилъ поскорѣй свататься. А то бы еще года два поджидалъ. Съ Луизы будто бы онъ клятву такую взялъ, что она меня знать не будетъ; и что будто онъ ихъ, и тетку и Луизу, покуда еще въ черномъ тѣлѣ держитъ; что, можетъ, дескать, еще и раздумаетъ, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣ-завтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофей звалъ и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдный-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служить. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они, можетъ-быть, все дѣло рѣшать, такъ меня зло взяло, что и съ собой совладать не могу. И весь этотъ день, и весь слѣдующій только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца, думаю.

„Въ воскресенье утромъ, еще я ничего не зналъ, а какъ обѣдни отошли,—вскочилъ, натянулъ шинель да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ застать. И почему я отправился къ нѣмцу, и что тамъ сказать хотѣлъ—самъ не знаю. А на всякій случай пистолетъ въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолетишка такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужъ было. Однакожъ я его пулей зарядилъ; думаю: стануть выгонять, грубить, я пистолетъ выну и ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ всѣ въ зад-

ней комнатѣ. Окромя ихъ ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она-жь и кухарка. Я прошелъ магазинъ, вижу — дверь туда заперта, да старая этакъ дверь, на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остановился, слушаю: говорятъ по-нѣмецки. Я какъ толкну ногой изъ всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Смотрю: столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и и кофей на спиртѣ кипить. Сухари стоятъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ ихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный, во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А сбоку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужъ, толстый, сѣдой, и молчитъ. Какъ вошелъ я, Луиза такъ и поблѣднѣла. Тетка было привскочила да и сѣла, а нѣмецъ нахмурился. Такой сердитый, всталъ и навстрѣчу:

„— Что вамъ, говорить, угодно?”

„Я было сконфузился, да злость ужъ меня сильно взяла.

„— Чего, говорю, угодно! А ты гостя принимай, водкой потчуй. Я къ тебѣ въ гости пришелъ.

„Нѣмецъ подумалъ и говорить: Садить-сь.

„Сѣлъ я.—Давай же, говорю, водки-то.

„— Вотъ, говорить, водка, пейте, пожалуй.

„— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай.—Злость-то, значить, меня ужъ очень беретъ.

„— Это хорошая водка.

„Обидно мнѣ стало, что ужъ слишкомъ онъ такъ меня низко ставитъ. А всего пуще, что Луиза смотреть. Выпилъ я, да и говорю:

„— Да ты что-жь такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мною подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришелъ.

„— Я не могу быть вашъ другъ, говорить,—ви простой солдатъ.

„Ну, тутъ я и взбѣсился.

„— Ахъ ты, чучела, говорю, колбасникъ! Да знаешь-ли ты, что отъ сей минуты я все, что хочу, съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь, изъ пистолета тебя застрѣлю?”

„Вынулъ я пистолеть, всталъ передъ нимъ, да и наставилъ ему дуло прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ сидятъ ни живы, ни мертвы, пикнуть боятся: а старикъ, такъ тотъ какъ листь трясется, молчитъ, поблѣднѣлъ весь.

„Нѣмецъ удивился, однакожь опомнился.

„— Я васъ не боюсь, говорить, и прошу васъ, какъ благородный человѣкъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совсѣмъ не боюсь.

„— Ой, врешь, говорю, боишься! А чего! Самъ головы изъ-подъ пистолета пошевелить не смѣеть, такъ и сидить.

„— Нѣтъ, говорить, ви это никакъ не смѣеть сдѣлать.

„— Да почему-жь, говорю, не смѣеть-то?

„— А потому, говорить, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказать за это будутъ.

„То-есть чортъ этого дурака нѣмца знаетъ! Не поджегъ бы онъ меня самъ, былъ бы живъ и до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

„— Такъ не смѣю, говорю, по-твоему?

„— Нѣтъ-тъ!

„— Не смѣю?

„— Ви это совершенно не смѣить со мной сдѣлать...

„— Ну, такъ вотъ же тебѣ, колбаса! Да какъ цапну его, онъ и покатился на стулъ. Тѣ закричали.

„Я пистолетъ въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входилъ, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолетъ въ крапиву и бросилъ.

„Пришелъ я домой, легъ на койку и думаю: вотъ сейчасъ возьмутъ. Часъ проходитъ, другой — не берутъ. И ужъ этакъ, передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я; безпремѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошелъ я мимо часовщика. Смотрю: тамъ народъ, полиція. Я къ кумѣ: „вызови Луизу!“ Чуть-чуть подождать, вижу: бѣжитъ Луиза; такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: „всему я, говорить, виновата, что тетки послушалась“. Сказала она мнѣ тоже, что тетка сейчасъ же послѣ давешняго домой пришла и такъ струсила, что заболѣла и—молчокъ; и сама никому не объявила, и мнѣ, говорить, запретила: боится—какъ угодно, пусть тамъ и дѣлають. Насъ, говорить, Луиза, никто давеча не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, кабы узнала, что онъ жениться хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было — всѣхъ удалилъ. Самъ и кофей сварилъ, самъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый ушелъ. И вѣрно тоже молчать будетъ, сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня

никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли, вѣрьте, не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастье мое испыталь. Каждый день съ Луизой сходились. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: „я, говорить, за тобой, куда тебя сошлютъ, пойду, все для тебя покину!“ Я ужъ думаль всей жизни моей тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а черезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и доказали на меня“...

— Но, постойте, прервалъ я Баклушина,—вась за это только могли всего-то лѣтъ на десять, ну, на двѣнадцать на полный срокъ въ гражданскій разрядъ прислать, а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну, ужъ это другое вышло дѣло, сказалъ Баклушинъ. —Какъ привели меня въ судную комиссію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами. Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: „Ты что ругаешься-то? Развѣ не видишь, подлецъ, что передъ зеркаломъ сидишь!“ Ну, тутъ ужъ и пошло по-другому, по-новому стали судить, да за все вмѣстѣ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня по зеленой улицѣ, а его лишить чиновъ и на Кавказъ въ солдаты. До свиданья, Александръ Петровичъ. Заходите же къ намъ въ представленіе-то.

Х.

Праздникъ Рождества Христова.

Наконецъ, наступили и праздники. Еще въ сочельникъ арестанты почти не выходили на работу. Вышли въ швальни, въ мастерскія; остальные пробыли только на разводкѣ, и хоть и были кой-куда назначены, но почти всѣ, по-одиночкѣ или кучками, тотчасъ же возвратились въ острогъ, и послѣ обѣда никто уже не выходилъ изъ него. Да и утромъ большая часть ходила только по своимъ дѣламъ, а не по казеннымъ: иные чтобъ похлопотать о пронесеніи вина и заказать новое; другіе повидать знакомыхъ куманьковъ и кумушекъ, или собрать къ празднику долгишки за сдѣланныя ими прежде работы; Баклушинъ и участвовавшіе въ театрѣ — чтобъ обойти нѣкоторыхъ знакомыхъ, преимущественно изъ офицерской прислуги, и достать необходимые костюмы. Иные ходили съ заботливымъ и суетливымъ видомъ единственно потому, что и

другіе были суетливы и заботливы, и хоть инымъ, на-примѣръ, ни откуда не предстояло получить денегъ, но и они смотрѣли такъ, какъ будто и они тоже получаютъ отъ кого-нибудь деньги; однимъ словомъ, всѣ какъ будто ожидали къ завтрашнему дню какой-то перемены, чего-то необыкновеннаго. Къ вечеру инвалиды, ходившіе на базаръ по арестантскимъ разсылкамъ, нанесли съ собою много всякой всячины изъ сѣбстнаго: говядины, поросятъ, даже гусей. Многіе изъ арестантовъ, даже самые скромные и бережливые, копившіе круглый годъ свои копейки, считали обязанностью раскошиться къ такому дню и достойнымъ образомъ справить розговень. Завтрашній день былъ настоящій, неотъемлемый у арестанта праздникъ, признанный за нимъ формально закономъ. Въ этотъ день арестантъ не могъ быть высланъ на работу, и такихъ дней всего было три въ году.

И, наконецъ, кто знаетъ, сколько воспоминаній должно было зашевелиться въ душахъ этихъ отверженцевъ при встрѣчѣ такого дня! Дни великихъ праздниковъ рѣзко отпечатлѣваются въ памяти простолудиновъ, начиная съ самаго дѣтства. Это дни отдохновенія отъ ихъ тяжелыхъ работъ, дни семейнаго сбора. Въ острогѣ же они должны были припоминаться съ мученіями и тоской. Уваженіе къ торжественному дню переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность; немногіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные, и гуляки старались сохранять въ себѣ какую-то важность... Смѣхъ какъ будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хоть бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него какъ будто за неуваженіе къ самому празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ, стало-быть, отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ то же, чтѣ у людей. Они это чувствовали; это было видно и понятно.

Акимъ Акимычъ тоже очень готовился къ празднику. У него не было ни семейныхъ воспоминаній, потому что

онъ выросъ сиротой въ чужомъ домѣ, и чуть не съ пятнадцати лѣтъ пошелъ на тяжелую службу; не было въ жизни его и особенныхъ радостей, потому что всю жизнь свою провелъ онъ регулярно, однообразно, боясь хоть на волосокъ выступить изъ показанныхъ ему обязанностей. Не былъ онъ и особенно религиозенъ, потому что благонаравіе, казалось, поглотило въ немъ всѣ остальные его человѣческіе дары и особенности, всѣ страсти и желанія, дурныя и хорошія. Вслѣдствіе всего этого онъ готовился встрѣтить торжественный день не суетясь, не волнуясь, не смущаясь тоскливыми и совершенно бесполезными воспоминаніями, а съ тихимъ, методическимъ благонаравіемъ, котораго было ровно на столько, сколько нужно для исполненія обязанности и разъ навсегда указаннаго обряда. Да и вообще онъ не любилъ много задумываться. Значеніе факта, казалось, никогда не касалось его головы, но разъ указанные ему правила онъ исполнялъ съ священною аккуратностью. Если бъ завтра же приказали ему сдѣлать совершенно противное, онъ бы сдѣлалъ и это съ тою же самою покорностью и тщательностью, какъ дѣлалъ и противоположное тому наканунѣ. Разъ, одинъ только разъ въ жизни, онъ попробовалъ пожить своимъ умомъ— и попалъ въ каторгу. Урокъ не пропалъ для него даромъ. И хотъ ему не суждено было судьбою понять хотъ когда-нибудь, въ чемъ именно онъ провинился, но зато онъ вывелъ изъ своего приключенія спасительное правило — не разсуждать никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ, потому что разсуждать „не его ума дѣло“, какъ выражались промезъ себя арестанты. Слепо преданный обряду, онъ даже и на праздничнаго поросенка своего, котораго начинилъ кашей и изжарилъ (собственноручно, потому что умѣлъ и жарить), смотрѣлъ съ какимъ-то предварительнымъ уваженіемъ, точно это былъ не обыкновенный поросенокъ, котораго всегда можно было купить и изжарить, а какой-то особенный, праздничный. Можетъ-быть, онъ еще съ дѣтства привыкъ видѣть на столѣ въ этотъ день поросенка, и вывелъ, что поросенокъ необходимъ для этого дня, и я увѣренъ, если бъ хотъ разъ въ этотъ день онъ не покушалъ поросенка, то на всю жизнь у него бы осталось нѣкоторое угрызеніе совѣсти о неисполненномъ долгѣ. До праздника онъ ходилъ въ своей старой курткѣ и въ старыхъ панталонахъ, хотъ и благопристойно заштопанныхъ, но зато ужъ совсѣмъ заносившихся. Оказа-

лось теперь, что новую пару, выданную ему еще мѣсяца четыре назадъ, онъ тщательно сберегалъ въ своемъ сундучкѣ и не притрогивался къ ней съ улыбающейся мыслью торжественно обновить ее въ праздникъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Еще съ вечера онъ досталъ свою новую пару, разложилъ, осмотрѣлъ, пообчистилъ, обдулъ и, исправивъ все это, предварительно примѣрилъ ее. Оказалось, что пара была совершенно впору; все было прилично, плотно застегивалось до верху, воротникъ какъ изъ картона высоко подпиралъ подбородокъ; въ тальѣ образовалось даже что-то въ родѣ мундирнаго перехвата, и Акимъ Акимычъ даже осклабился отъ удовольствія и не безъ молодцоватости повернулся передъ крошечнымъ своимъ зеркальцемъ, которое собственноручно и давно уже оклеилъ въ свободную минутку золотымъ бордюрикомъ. Только одинъ крючочекъ у воротника куртки оказался какъ будто не на мѣстѣ. Сообразивъ это, Акимъ Акимычъ рѣшилъ переставить крючокъ; переставилъ, примѣрилъ опять, и оказалось уже совсѣмъ хорошо. Тогда онъ сложилъ все попрежнему, и съ успокоеннымъ духомъ упряталъ до завтра въ сундучокъ. Голова его была обрита удовлетворительно; но оглядѣвъ себя внимательно въ зеркальце, онъ замѣтилъ, что какъ будто не совсѣмъ гладко на головѣ, показывались чуть видныя ростки волосъ, и онъ немедленно сходилъ къ „маіору“, чтобъ обриться совершенно прилично и по формѣ. И хоть Акимъ Акимыча никто не сталъ бы завтра осматривать, но обрился онъ единственно для спокойствія своей совѣсти, чтобъ ужъ такъ, для такого дня, исполнить всѣ свои обязанности. Благоговѣніе къ цуговкѣ, къ погончику, къ петличкѣ еще съ дѣтства неотъемлемо напечатлѣлось въ умѣ его въ видѣ неоспоримой обязанности, а въ сердцѣ—какъ образъ послѣдней степени красоты, до которой можетъ достигъ порядочный человѣкъ. Все исправивъ, онъ, какъ старшій арестантъ въ казармѣ, распорядился приносить сѣна и тщательно наблюдалъ, какъ разбрасывали его по полу. То же самое было и въ другихъ казармахъ. Не знаю почему, но къ Рождеству всегда разбрасывали у насъ по казармѣ сѣно. Потомъ, окончивъ всѣ свои труды, Акимъ Акимычъ помолился Богу, легъ на свою койку и тотчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ младенца, чтобъ проснуться какъ можно раньше утромъ. Такъ же точно поступили, впрочемъ, и всѣ

арестанты. Во всѣхъ казармахъ улеглись гораздо раньше обыкновеннаго. Обыкновенныя вечернія работы были оставлены, о майданахъ и помину не было. Все ждало завтрашняго утра.

Оно, наконецъ, настало. Рано, еще до свѣту, едва только пробили зорю, отворили казармы и вошедшій считать арестантовъ караульный унтеръ-офицеръ поздравилъ ихъ всѣхъ съ праздникомъ. Ему отвѣчали тѣмъ же, отвѣчали привѣтливо и ласково. Наскоро помолившись, Акимъ Акимычъ и многіе, имѣвшіе своихъ гусей и поросятъ на кухнѣ, поспѣшно пошли смотрѣть, что съ ними дѣлается, какъ ихъ жарятъ, гдѣ что стоитъ и такъ далѣе. Сквозь темноту, изъ маленькихъ, залѣпленныхъ снѣгомъ и льдомъ окошекъ нашей казармы видно было, что въ обѣихъ кухняхъ, во всѣхъ шести печахъ, пылаетъ яркій огонь, разложенный еще до-свѣту. По двору, въ темнотѣ, уже шныряли арестанты въ своихъ полушубкахъ, въ рукава и въ накидку, все это стремилось въ кухню. Но нѣкоторые, впрочемъ, очень немногіе, успѣли уже побывать и у дѣловальниковъ. Это были уже самые нетерпѣливые. Вообще же всѣ вели себя благопристойно, смиренно и какъ-то не по обыкновенному чинно. Не слышно было ни обычной ругани, ни обычныхъ ссоръ. Всѣ понимали, что день большой и праздникъ великій. Были такіе, что сходили въ другія казармы, поздравить кой-кого изъ своихъ. Проявлялось что-то въ родѣ дружества. Замѣчу мимоходомъ: между арестантами почти совсѣмъ не замѣчалось дружества, не говорю общаго,—это ужъ подавно, а такъ, частнаго, чтобъ одинъ какой-нибудь арестантъ сдружился съ другимъ. Этого почти совсѣмъ у насъ не было, и это замѣчательная черта: такъ не бываетъ на волѣ. У насъ вообще всѣ были въ обращеніи другъ съ другомъ черствы, сухи, за очень рѣдкими исключеніями, и это былъ какой-то формальный, разъ принятый и установленный тонъ. Я тоже вышелъ изъ казармы, начинало чуть-чуть свѣтать, звѣзды меркли, морозный тонкій паръ подымался кверху. Изъ печныхъ трубъ на кухнѣ валилъ дымъ столбами. Нѣкоторые изъ попавшихся мнѣ навстрѣчу арестантовъ сами охотно и ласково поздравили меня съ праздникомъ. Я благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же. Изъ нихъ были и такіе, которые до сихъ поръ еще ни слова со мной не сказали во весь этотъ мѣсяць.

У самой кухни нагналъ меня арестантъ изъ военной

казармы, въ тулуфѣ въ навидку. Онъ еще съ полдвора разглядѣлъ меня и кричалъ мнѣ: „Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!“ Онъ бѣжалъ на кухню и торопился. Я остановился и подождалъ его. Это былъ молодой парень, съ круглымъ лицомъ, съ тихимъ выраженіемъ глазъ, очень неразговорчивый со всѣми, а со мной не сказавшій еще ни одного слова и не обращающій на меня доселѣ никакого вниманія со времени моего поступленія въ острогъ; я даже не зналъ какъ его и зовуть. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ запыхавшись и сталъ передо мною въ упоръ, глядя на меня съ какой-то тупой, но въ то же время и блаженной улыбкой.

— Чтѣ вамъ? не безъ удивленія спросилъ я его, видя, что онъ стоитъ передо мной, улыбается, глядитъ на меня во всѣ глаза, а разговора не начинается.

— Да какъ же, праздникъ... пробормоталъ онъ, и самъ догадавшись, что не о чемъ больше говорить, бросилъ меня и поспѣшно отправился въ кухню.

Замѣчу здѣсь кстати, что и послѣ этого мы съ нимъ ровно никогда не сходились и почти не сказали ни слова другъ другу, до самаго моего выхода изъ острога.

На кухнѣ около жарко разгорѣвшихся печей шла суетня и толкотня, цѣлая давка. Всякій наблюдалъ за своимъ добромъ;стряпки принимались готовить казенное кушанье, потому что въ этотъ день обѣдъ назначался раньше. Никто, впрочемъ, не начиналъ еще ѣсть, хоть инымъ бы и хотѣлось, но наблюдалось передъ другими приличіе. Ѣдали священника, и уже послѣ него полагались розговени. Между тѣмъ, еще не успѣло совсѣмъ ободнять, какъ уже начали раздаваться за воротами острога призывные крики ефрейтора: „Поваровъ!“ Эти крики раздавались чуть не поминутно и продолжались почти два часа. Требовали поваровъ съ кухни, чтобъ принимать приносимое со всѣхъ концовъ города въ острогъ подаваніе. Приносилось оно въ чрезвычайномъ количествѣ въ видѣ калачей, хлѣба, ватрушекъ, пряжениковъ, шанегъ, блиновъ и прочихъ сдобныхъ печеній. Я думаю, не осталось ни одной хозяйки изъ купеческихъ и изъ мѣщанскихъ домовъ во всемъ городѣ, которая бы не прислала своего хлѣба, чтобъ поздравить съ великимъ праздникомъ „несчастливыхъ“ и заключенныхъ. Были подаванія богатя—сдобные хлѣбы изъ чистѣйшей муки, присланные въ большемъ количествѣ. Были подаванія и очень бѣдныя—такой

какой-нибудь грошовый калачикъ и двѣ какихъ-нибудь черныя шаньги, чуть-чуть обмазанныя сметаной: это уже былъ даръ бѣдняка бѣдняку, изъ послѣдняго. Все принималось съ одинаковою благодарностью, безъ различія даровъ и дарившихъ. Принимавшіе арестанты снимали шапки, кланялись, поздравляли съ праздникомъ и относили подаваніе на кухню. Когда уже набрались дѣлья груды подаяннаго хлѣба, потребовали старшихъ изъ каждой казармы и они уже распредѣлили все поровну, по казармамъ. Не было ни спору, ни брани; дѣло величестно, поровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлили Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждому. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого-нибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаваніе можно было утаить или раздать не поровну. Устроивъ свои дѣла въ кухнѣ, Акимъ Акимычъ приступилъ къ своему облаченію, одѣлся со всѣмъ приличіемъ и торжественностью, не оставивъ ни одного крючочка незастегнутымъ, и, одѣвшись, тотчасъ же приступилъ къ настоящей молитвѣ. Онъ молился довольно долго. На молитвѣ стояло уже много арестантовъ, большею частью пожилыхъ. Молодежь помногу не молилась: такъ развѣ перекрестится кто вставая, даже и въ праздникъ. Помолвившись, Акимъ Акимычъ подошелъ ко мнѣ и съ нѣкоторою торжественностью поздравилъ меня съ праздникомъ. Я тутъ же позвалъ его на чай, а онъ меня на своего поросенка. Спустя немного прибѣжалъ ко мнѣ и Петровъ, поздравить меня. Онъ, кажется, ужъ выпилъ, и хотъ прибѣжалъ запыхавшись, но многого не сказалъ, а только постоялъ недолго передо мной съ какимъ-то ожиданіемъ и вскорѣ ушелъ отъ меня на кухню. Между тѣмъ въ военной казармѣ приготавлились къ принятію священника. Эта казарма была устроена не такъ, какъ другія: въ ней нары тянулись около стѣнъ, а не посрединѣ комнаты, какъ во всѣхъ прочихъ казармахъ, такъ что это была единственная въ острогѣ комната, не загроможденная посрединѣ. Вѣроятно, она и устроена была такимъ образомъ, чтобъ въ ней, въ необходимыхъ случаяхъ, можно было собирать арестантовъ. Среди комнаты поставили столикъ, накрыли его чистымъ полотенцемъ, поставили на немъ образъ и зажгли лампаду. Нако-

пецъ, пришелъ священникъ, съ крестомъ и святою водою. Помолившись и прошѣвъ передъ образомъ, онъ сталъ передъ арестантами, и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ стали подходить прикладываться къ кресту. Затѣмъ священникъ обошелъ всѣ казармы и окропилъ ихъ святою водою. На кухнѣ онъ похвалилъ нашъ осторожный хлѣбъ, славившійся своимъ вкусомъ въ городѣ, и арестанты тотчасъ же пожелали ему послать два свѣжихъ и только что выпеченныхъ хлѣба; на отсылку ихъ немедленно употребленъ былъ одинъ инвалидъ. Крестъ проводили съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ и встрѣтили, и затѣмъ почти тотчасъ же пріѣхали плацъ-маіоръ и комендантъ. Коменданта у насъ любили и даже уважали. Онъ обошелъ всѣ казармы въ сопровожденіи плацъ-маіора, всѣхъ поздравилъ съ праздникомъ, зашелъ въ кухню и попробовалъ осторожныхъ щей. Щи вышли славныя; отпущено было для такого дня чуть не по фунту говядины на каждаго арестанта. Сверхъ того сготовлена была просяная каша, и масла отпустили вволю. Проводивъ коменданта, плацъ-маіоръ велѣлъ начинать обѣдать. Арестанты старались не попадаться ему на глаза. Не любили у насъ его злобнаго взгляда изъ-подъ очковъ, которымъ онъ и теперь высматривалъ направо и налево, не найдется-ли безпорядковъ, не попадетсѣ-ли какой-нибудь виноватый.

Стали обѣдать. Поросенокъ Акимъ Акимыча былъ жаренъ превосходно. И вотъ не могу объяснить, какъ это случилось: тотчасъ же по отѣздѣ плацъ-маіора, какихъ-нибудь пять минутъ спустя, оказалось необыкновенно много пьянаго народа, а между тѣмъ, еще за пять минутъ, всѣ были почти совершенно трезвые. Явилось много рдѣющихъ и сіяющихъ лицъ, явились балалайки. Полячокъ со скрипкой уже ходилъ за какимъ-то гулякой, нанятый на весь день, и пилить ему веселые танцы. Разговоръ становился хмельнѣе и шумнѣе. Но отобѣдали безъ большихъ безпорядковъ. Всѣ были сыты. Многие изъ стариковъ и солидныхъ отправились тотчасъ же спать, что сдѣлалъ и Акимъ Акимычъ, полагая, кажется, что въ большой праздникъ послѣ обѣда непременно нужно заснуть. Старичокъ изъ стародубовскихъ старообрядцевъ, вздремнувъ немного, полѣзъ на печку, развернулъ свою книгу и промолдился до глубокой ночи, почти не прерывая молитвы. Ему тяжело было смотрѣть на „страмъ“, какъ говорилъ онъ про всеобщую гулянку арестантовъ. Всѣ чер-

кесы усѣлись на крылечкѣ и съ любопытствомъ, а вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ омерзѣніемъ смотрѣли на пьяный народъ. Мнѣ повстрѣчался Нурра: „яманъ, яманъ! сказалъ онъ мнѣ, покачивая головою съ благочестивымъ неодованіемъ, —ухъ, яманъ! Аллахъ сердить будетъ!“ Исай Өмичъ упрямо и высокомерно засвѣтилъ въ своемъ уголку свѣчку и началъ работать, видимо показывая, что ни во что не считаетъ праздникъ. Кой-гдѣ по угламъ начались майданы. Инвалидовъ не боялись, а въ случаѣ унтеръ-офицера, который самъ старался ничего не замѣчать, поставили сторожей. Караульный офицеръ раза три заглядывалъ во весь этотъ день въ острогъ. Но цыпные прятались, майданы снимались при его появленіи, да и самъ онъ, казалось, рѣшился не обращать вниманія на мелкіе безпорядки. Пьяный человекъ въ этотъ день считался уже безпорядкомъ мелкимъ. Мало-по-малу народъ разгуливался. Начинались и ссоры. Трезвыхъ все-таки оставалось гораздо бѣльшая часть и было кому присмотрѣть за нетрезвыми. Зато ужъ гулявшіе шли безъ мѣры. Газинъ торжествовалъ. Онъ разгуливалъ съ самодовольнымъ видомъ около своего мѣста на нарахъ, подъ которыя смѣло перенесъ вино, хранившееся до того времени гдѣ-то въ снѣгу за казармами, въ потаенномъ мѣстѣ, и лукаво посмѣивался, смотря на прибывавшихъ къ нему потребителей. Самъ онъ былъ трезвъ и не выпилъ ни капли. Онъ намѣренъ былъ гулять въ концѣ праздника, обобравъ предварительно всѣ денежки изъ арестантскихъ кармановъ. По казармамъ раздавались пѣсни. Но пьянство переходило уже въ чадный угаръ и отъ пѣсенъ недалеко было до слезъ. Многіе расхаживали съ собственными балалайками, тулупы въ накидку, и съ молодецкимъ видомъ перебирали струны. Въ особомъ отдѣленіи образовался даже хоръ, человекъ изъ восьми. Они славно пѣли подъ аккомпаниментъ балалаекъ и гитарь. Чисто народныхъ пѣсенъ пѣлось мало. Помню только одну, молодецки пропѣтую:

Я вѣчоръ млада
Во пиру была.

И здѣсь я слышалъ новый вариантъ этой пѣсни, котораго прежде не встрѣчалъ. Въ концѣ пѣсни прибавлялось нѣсколько стиховъ:

У меня-ль младай
Дома убаино:

Ложки вымыла,
Во щи вылила
Съ косяковъ сскребла,
Пирогн спекла.

Пѣлись же большею частью пѣсни такъ-называемыя у насъ арестантскія, впрочемъ, всѣ извѣстныя. Одна изъ нихъ: „Бывало“ — юмористическая, описывающая, какъ прежде человекъ веселился и жилъ бариномъ на волѣ, а теперь попалъ въ острогъ. Описывалось, какъ онъ под-
правлялъ прежде „блamanже шенпанскимъ“, а теперь—

Дадутъ капусты мѣ съ водою
И ѣмъ, такъ за ушми трещить.

Въ ходу была тоже слишкомъ извѣстная:

Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился,
И имѣлъ свой капиталъ;
Капиталу, мальчикъ, я рѣшилъ
И въ неволю жить попалъ...

и такъ далѣе. Только у насъ произносили не „капиталъ“, а „копиталъ“, производя капиталъ отъ слова „копить“; пѣлись тоже заунывные. Одна была чисто каторжная, тоже, кажется, извѣстная:

Свѣтъ небесный возсіяетъ,
Барабанъ зорю пробьетъ,—
Старшій двери отворяетъ,
Писарь требовать идетъ.
Насъ не видно за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ;
Богъ, Творецъ Небесный, съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ, и т. д.

Другая пѣлась еще заунывнѣе, впрочемъ, прекраснымъ напѣвомъ, сочиненная вѣроятно какимъ-нибудь ссыльнымъ, съ приторными и довольно безграмотными словами. Изъ нея я вспоминаю теперь нѣсколько стиховъ:

Не увидитъ взоръ мой той страны,
Въ которой я рождень;
Терпѣть мученья безъ вины
Навѣкъ я осуждёнъ.
На кровлѣ филинъ прокричитъ,
Раздастся по лѣсамъ,
Запоетъ сердце, загрузитъ,
Меня не будетъ тамъ.

Эта пѣсня пѣлась у насъ часто, но не хоромъ, а въ-одиночку. Кто-нибудь, въ гулевое время, выйдетъ, бывало, на крылечко казармы, сядетъ, задумается, подопретъ щеку

рукой и затаяетъ ее высокимъ фальцетомъ. Слушаешь, и такъ-то душу надрываетъ. Голоса у насъ были поря- дочные.

Между тѣмъ начинались ужъ и сумерки. Грусть, тоска и чадъ тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы. Смѣявшійся за часъ тому назадъ уже рыдалъ гдѣ-нибудь, напившись черезъ край. Другіе успѣли уже раза по два подраться. Третьи, блѣдные и чуть держась на ногахъ, шатались по казармамъ, заводили ссоры. Тѣ же, у кото- рыхъ хмель былъ незадорнаго свойства, тщетно искали друзей, чтобы излить передъ ними свою душу и выпла- кать свое пьяное горе. Весь этотъ бѣдный народъ хотѣлъ повеселиться, провести весело великій праздникъ—и, Го- споди!—какой тяжелый и грустный былъ этотъ день чуть не для каждаго. Каждый проводилъ его какъ будто обма- нувшись въ какой-то надеждѣ. Петровъ раза два еще за- бѣгалъ ко мнѣ. Онъ очень немного выпилъ во весь день и былъ почти совсѣмъ трезвый. Но онъ до самаго послѣд- няго часа все чего-то ожидалъ, что непременно должно случиться, чего-то необыкновеннаго, праздничнаго, разве- селаго. Хоть онъ и не говорилъ объ этомъ, но видно было по его глазамъ. Онъ сноваль изъ казармы въ казарму безъ устали. Но ничего особеннаго не случалось и не встрѣчалось, кромѣ пьянства, пьяной безтолковой ругани и угорѣвшихъ отъ хмеля головъ. Сироткинъ бродилъ тоже, въ новой красной рубашкѣ, по всѣмъ казармамъ, хоро- шенькій, вымытый, и тоже, тихо и наивно, какъ будто ждалъ чего-то. Мало-по-маму въ казармахъ становилось несносно и омерзительно. Конечно, было много и смѣш- ного, но мнѣ было какъ-то грустно и жалко ихъ всѣхъ, тяжело и душно между ними. Вонъ два арестанта спорятъ, кому кого угощать. Видно, что они уже долго спорятъ и прежь-того даже поссорились. У одного въ осо- бенности есть какой-то давнишній зубъ на другого. Онъ жалуется и, нетвердо ворочая языкомъ, силится доказать, что тотъ поступилъ съ нимъ несправедливо: былъ про- данъ какой-то полушубокъ, утаены когда-то какія-то деньги, въ прошломъ году на масленицѣ. Что-то еще кромѣ этого было... Обвиняющій—высокій и мускулистый парень, неглупый, смиренный, но когда пьянъ—съ стремле- ніемъ дружитья и излить свое горе. Онъ и ругается, и претензію показываетъ какъ будто съ желаніемъ еще крѣдче потомъ помириться съ соперникомъ. Другой—

плотный, коренастый, невысокаго роста, съ круглымъ лицомъ, хитрый и пронырливый. Онъ выпилъ, можетъ-быть, больше своего товарища, но пьянъ только слегка. Онъ съ характеромъ и слыветъ богатымъ, но ему почему-то выгодно не раздражать теперь своего экспансивнаго друга, и онъ подводитъ его къ цѣловальнику; другъ утверждаетъ, что онъ долженъ и обязанъ ему поднести, „если ты только честный человѣкъ есть“.

Цѣловальникъ, съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ требователю и съ отѣнкомъ презрѣнія къ экспансивному другу, потому что тотъ пьетъ не на свои, а его потчуютъ, достааетъ и наливаетъ чашку вина.

— Нѣтъ, Степка, это ты должонъ, говорить экспансивный другъ, видя, что его взяла,—потому эфто твой долгъ.

— Да я съ тобой и языкъ-то даромъ не стану мозолить! отвѣчаетъ Степка.

— Нѣтъ, Степка, это ты врешь, подтверждаетъ первый, принимая отъ цѣловальника чашку,—потому ты мнѣ деньги должонъ, совѣсти нѣтъ и глаза-то у тебя не свои, а заемные! Подлецъ ты, Степка, вотъ тебѣ; одно слово подлецъ!

— Ну, чего рюмишь, вино расплескалъ! Честь ведутъ да даютъ, такъ пей, кричитъ цѣловальникъ на экспансивнаго друга,—не до завтра надъ тобой стоять!

— Да и выпью, чего кричишь! Съ праздникомъ, Степанъ Дорофеичъ! вѣжливо и съ легкимъ поклономъ обратился онъ, держа чашку въ рукахъ, къ Степкѣ, котораго еще за полминуты обзывалъ подлецомъ.—Будь здоровъ на сто годовъ, а что жилъ, невзачетъ! Онъ выпилъ, крикнулъ и утерся.—Прежде, братцы, я много вина подымалъ, замѣтилъ онъ съ серьезною важностью, обращаясь какъ будто ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности,—а теперь ужъ знать лѣта мои подходятъ. Благодарствую, Степанъ Дорофеичъ.

— Не на чемъ.

— Такъ я все про то буду тебѣ, Степка, говорить, и окромя того, что ты выходишь передо мной большой подлецъ, я тебѣ скажу...

— А я тебѣ вотъ что, пьяная ты харя, скажу, перебиваетъ потерявшій терпѣніе Степка.—Слушай, да всякое мое слово считай: вотъ тебѣ свѣтъ пополамъ: тебѣ полсвѣта и мнѣ полсвѣта. Иди и не встрѣчайся ты больше мнѣ. Надоѣлъ!

— Такъ не отдашь денегъ?

— Какихъ тебѣ еще денегъ, пьяный ты человѣкъ?

— Эй, на томъ свѣтѣ самъ придешь отдавать— не возьму. Напа денежка трудовая, да потная, да мозольная. Замаешься съ моимъ пятакомъ на томъ свѣтѣ.

— Да ну тебя къ чорту.

— Что нукаешь; не запрягъ.

— Пошелъ, пошелъ!

— Подлець!

— Варнакъ!

И пошла опять ругань, еще больше чѣмъ до потчиванья.

Вотъ сидятъ на нарахъ отдѣльно два друга: одинъ высокій, плотный, мясистый, настоящій мясникъ, лицо его красно. Онъ чуть не плачетъ, потому что очень расстроганъ. Другой—тщедушный, тоненькій, худой, съ длиннымъ носомъ, съ котораго какъ будто что-то каплетъ, и съ маленькими свинными глазками, обращенными въ землю. Это человѣкъ позитичный и образованный, былъ когда-то писаремъ и трактуетъ своего друга нѣсколько свысока, что тому втайнѣ очень неприятно. Они весь день вмѣстѣ пили.

— Онъ меня дерзнулъ! кричитъ мясистый другъ, крѣпко качая голову писаря лѣвой рукой, которою онъ обхватилъ его. „Дерзнулъ“—значить ударилъ. Мясистый другъ, самъ изъ унтеръ-офицеровъ, втайнѣ завидуетъ своему испитому другу, и потому оба они, одинъ передъ другимъ, щеголяютъ изысканностью слога.

— А я тебѣ говорю, что и ты не правъ... начинаетъ догматически писарь, упорно не подымая на него своихъ глазъ и съ важностью смотря въ землю.

— Онъ меня дерзнулъ, слышь ты! прерываетъ другъ, еще больше теребя своего милаго друга.—Ты одинъ мнѣ теперь на всемъ свѣтѣ остался, слышишь ты это? Потому я тебѣ одному говорю: онъ меня дерзнулъ!..

— А я опять скажу: такое кислое оправданье, милый другъ, составляетъ только стыдъ твоей головѣ! тоненькимъ и вѣжливимъ голоскомъ возражаетъ писарь,—а лучше согласишься, милый другъ, все это пьянство черезъ твое собственное непостоянство.

Мясистый другъ нѣсколько отшатывается назадъ, тупо глядитъ своими пьяными глазами на самодовольнаго писаришку, и вдругъ, совершенно неожиданно, изо всей силы ударяетъ своимъ огромнымъ кулакомъ по маленькому

лицу писаря. Тѣмъ и кончается дружба за цѣлый день. Милый другъ безъ памяти летитъ подъ нары...

Вотъ входитъ въ нашу казарму одинъ мой знакомый изъ особаго отдѣленія, безконечно добродушный и веселый паренъ, неглупый, безобидно насмѣшливый и необыкновенно простоватый съ виду. Это тотъ самый, который, въ первый мой день въ острогъ, въ кухнѣ за обѣдомъ искалъ гдѣ живетъ богатый мужикъ, увѣряя, что онъ „съ амбиціей“ и напился со мною чаю. Онъ лѣтъ сорока, съ необыкновенно толстой губой и съ большимъ мясистымъ носомъ, усѣяннмъ угриями. Въ рукахъ его балалайка, на которой онъ небрежно перебираетъ струны. За нимъ слѣдуетъ, точно прихвостень, чрезвычайно маленькій арестантикъ, съ большой головой, котораго я очень мало зналъ доселѣ. На него, впрочемъ, и никто не обращалъ никакого вниманія. Онъ былъ какой-то странный, недоувѣрчивый, вѣчно молчаливый и серьезный; ходилъ работать въ швальню и видимо старался жить особнякомъ и ни съ кѣмъ не связываться. Теперь же, пьяный, онъ привязался какъ тѣнь къ Варламову. Онъ слѣдовалъ за нимъ въ ужасномъ волненіи, размахивалъ руками, билъ кулакомъ по стѣнѣ, по парамъ, и даже чуть не плакалъ. Варламовъ, казалось, не обращалъ на него никакого вниманія, какъ будто и не было его подлѣ. Замѣчательно, что прежде эти два человѣка почти совсѣмъ другъ съ другомъ не сходились; у нихъ и по занятіямъ, и по характеру ничего нѣтъ общаго. И разрядовъ они разныхъ, и живутъ по разнымъ казармамъ. Звали маленькаго арестанта—Булкинъ.

Варламовъ, увидѣвъ меня, ослабился. Я сидѣлъ на своихъ нарахъ у печки. Онъ сталъ поодаль противъ меня, что-то сообразилъ, покачнулся и, неровными шагами подойдя ко мнѣ, какъ-то молодцовато избоченился всѣмъ корпусомъ и, слегка потрогивая струны, проговорилъ речитативомъ, чуть-чуть постукивая сапогомъ:

Круглолица, бѣлолица
 Расцвѣваетъ какъ снѣнца
 Милая мол:
 Она въ платьицѣ атласномъ,
 Гарнитуровомъ прекрасномъ,
 Очень хороша.

Эта пѣсня, казалось, вывела изъ себя Булкина: онъ замахалъ руками и, обращаясь ко всѣмъ, закричалъ:

— Все-то врать, братцы, все-то онъ врать! Ни одного слова не скажетъ вправду, все врать!

— Старику Александру Петровичу! проговорилъ Варламовъ, съ плутоватымъ смѣхомъ заглядывая мнѣ въ глаза и чуть не полѣзъ со мной цѣловаться. Онъ былъ пьяне-некъ. Выраженіе: „старичку такому-то...“, то-есть такому-то мое почтеніе, употребляется въ простонародьи и по всей Сибири, хотя бы относилось къ человѣку двадцати лѣтъ. Слово „старичокъ“ означаетъ что-то почтенное, почтительное, даже льстивое.

— Ну, что, Варламовъ, какъ поживаете?

— Да по деньку на день. А ужъ кто празднику радъ, тотъ спозаранку пьянъ; вы ужъ меня извините! Варламовъ говорилъ нѣсколько нараспѣвъ.

— И все-то врать, все-то онъ опять врать! закричалъ Булкинъ, въ какомъ-то отчаяніи стуча рукою по нарамъ. Но тотъ какъ будто слово даль не обращать на него ни малѣйшаго вниманія, и въ этомъ было чрезвычайно много комизму, потому что Булкинъ привязался къ Варламову совершенно ни съ того, ни съ сего еще съ самаго утра. Именно за то, что Варламовъ „все врать“, какъ ему отче-го-то показалось. Онъ бродилъ за нимъ какъ тѣнь, привязывался къ каждому его слову, ломалъ свои руки, обколотилъ ихъ чуть не въ кровь объ стѣны и объ нары, и страдалъ, видимо страдалъ отъ убѣжденія, что Варламовъ „все врать!“ Если бъ у него были волосы на головѣ, онъ бы, кажется, вырвалъ ихъ отъ огорченія. Точно онъ взялъ на себя обязанность отвѣчать за поступки Варламова, точно на его совѣсти лежали всѣ недостатки Варламова. Но въ томъ-то и штука, что тотъ даже не глядѣлъ на него.

— Все врать, все врать, все врать! Ни одно-то слово его ни къ чему не подходитъ! кричалъ Булкинъ.

— Да тебѣ-то что? отвѣчали со смѣхомъ арестанты.

— Я вамъ, Александръ Петровичъ, доложу, что былъ я очень красивъ изъ себя и очень меня любили дѣвки... началъ вдругъ ни съ того, ни съ сего Варламовъ.

— Врать! Опять врать! прерываетъ съ какимъ-то визгомъ Булкинъ. Арестанты хохочутъ.

— А я-то передъ ними куражусь! рубаха на мнѣ красная, шаровары плисовые; лежу себѣ, какъ этакой графъ Бутылкинъ, ну, то-есть, пьянъ какъ шведъ, одно слово— чего изволите!

— Вреть! рѣшительно подтверждаетъ Булкинъ.

— А въ тѣ поры былъ у меня отъ батюшки домъ двухъ-этажный каменный. Ну, въ два-то года я два этажа и спустилъ, остались у меня одни ворота безъ столбовъ. Что-жь, деньги—голуби: прилетятъ и опять улетятъ!

— Вреть! еще рѣшительнѣе подтверждаетъ Булкинъ.

— Такъ ужъ я вотъ ономясь и послалъ моимъ родителямъ отсюда слезницу; авось, деньжонокъ пришлютъ. Поэтому, говорили, я противъ родителей моихъ шелъ. Неуважительный былъ! Вотъ ужъ седьмой годъ какъ послалъ.

— И нѣтъ отвѣту? спросилъ я, засмѣявшись.

— Да, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, вдругъ засмѣявшись самъ и все ближе и ближе приближая свой носъ къ самому моему лицу.—А у меня, Александръ Петровичъ, здѣсь полюбовница есть...

— У васъ? Любовница?

— Онуфріевъ да и говорить: „моя пусть рыба, нехорошая, да зато у ней сколько одежды; а твоя хорошая, да нищая, съ мѣшкомъ ходить“.

— Да развѣ правда?

— А и вправду нищая! отвѣчалъ онъ и залился неслышнымъ смѣхомъ; въ казармѣ тоже захохотали. Дѣйствительно, всѣ знали, что онъ связался съ какой-то нищей и выдалъ ей въ полгода всего десять копеекъ.

— Ну, такъ что-жь? спросилъ я, желая отъ него, наконецъ, отвязаться.

Онъ молчалъ, умильно посмотрѣлъ на меня и нѣжно произнесъ:

— Такъ вотъ не соблаговолите-ли мнѣ по сей причинѣ на косушку? Я вѣдь, Александръ Петровичъ, все чай пилъ сегодня, прибавилъ онъ въ умиленіи, принимая деньги,—и такъ я этого чаю нахлестался, что одышка взяла, а въ брюхѣ какъ въ бутылкѣ болтается...

Между тѣмъ какъ онъ принималъ деньги, нравственное разстройство Булкина, казалось, дошло до послѣднихъ предѣловъ. Онъ жестикулировалъ какъ отчаянный, чуть не плакалъ.

— Люди Божіи! кричалъ онъ, обращаясь ко всей казармѣ въ изступленіи,—смотрите на него! Все вреть! Что ни скажетъ, все-то, все-то, все-то онъ вреть!

— Да тебѣ-то что? кричатъ ему арестанты, удивляясь на его ярость,—несообразный ты человѣкъ!

— Не дамъ соврать! кричитъ Булкинъ, сверкая глаза-

ми и стуча изъ всей силы кулакомъ по парамъ,—не хочу, чтобъ онъ вралъ!

Всѣ хохочутъ. Варламовъ беретъ деньги, откланивается мнѣ и, кривляясь, спѣшить изъ казармы, разумѣется, къ цѣловальнику. И тутъ, кажется, онъ въ первый разъ замѣчаетъ Булкина.

— Ну, пойдѣмъ! говорить онъ ему, останавливаясь на порогѣ, точно онъ и впрямь былъ ему на что-то нуженъ.— Набалдашникъ! прибавляетъ онъ, съ презрѣніемъ пропуская огорченнаго Булкина впередъ себя и вновь начиная тренькать на балалайкѣ.

Но что описывать этотъ чадъ! Наконецъ, кончается этотъ душливый день. Арестанты тяжело засыпаютъ на нарахъ. Во снѣ они говорятъ и бредятъ еще больше чѣмъ въ другія ночи. Кой-гдѣ еще сидятъ за майданами. Давно ожидаемый праздникъ прошелъ. Завтра опять будни, опять на работу.

XI.

Представленіе.

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству ибъроятно было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? Что именно дѣлается? Даже хорошенько не знали, что будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется, и на плацъ-маіора нашель порядочный стихъ. Впрочемъ, намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ-ли онъ о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ-ли его формально, или только рѣшилъ молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю и подтвердивъ, разумѣется, чтобъ все было по возможности въ порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, не могъ не знать; но вмѣшиваться не хотѣлъ, понимая, что, можетъ быть, хуже, если онъ запретить: арестанты начнутъ шалить, пьянствовать, такъ что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся. Я, впрочемъ, предполагаю въ плацъ-маіорѣ такое разсужденіе единственно потому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здоровое. Даже такъ можно сказать: если бъ у арестантовъ не

было на праздникахъ театра или каюго-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его слѣдовало самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плацъ-маіоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, тѣмъ осталъная часть человѣчества, то очень немудрено, что я беру большою грѣхъ на себя, предполагая, что онъ зналъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человѣку, какъ плацъ-маіоръ, надо было вездѣ кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, однимъ словомъ—гдѣ-нибудь произвести расстройство. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости? На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плацъ-маіоръ), а съ мошенниками-арестантами—строгость и непрерывное, буквальное исполненіе закона—вотъ и все, что требуется! Эти бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ безпорядкамъ, да и никогда къ другому не приводило. „Въ законахъ сказано, чего же больше?“ говорятъ они и искренно удивляются, что отъ нихъ еще требуютъ, въ придачу къ законамъ, здраваго разсудка и трезвой головы. Последнее особенно кажется многимъ изъ нихъ излишнею и возмутительною роскошью, стѣсненіемъ, нетерпимостью.

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность за то, что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго безпорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же увидали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что запретить театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполняли обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрить ихъ слову. Надо, впрочемъ, сказать, что позволить театръ рѣшительно ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и разнимался весь въ какія-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и

если бѣ вдругъ вышло свыше приказаніе прекратить представленіе,—дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ. Костюмы были спрятаны въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде чѣмъ скажу, какъ устроенъ былъ театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, то-есть, что именно предполагалось играть.

Собственно писанной афишки не было. На второе, на третье представленіе явилась, впрочемъ, одна, написанная Баклушинымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашъ театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ. Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно караульный офицеръ и однажды зашелъ самъ дежурный по карауламъ. Зашелъ тоже разъ инженерный офицеръ; вотъ на случай этихъ-то посѣтителей и создавалась афишка. Предполагалось, что слава осторожнаго театра прогремить далеко въ грѣбности и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составилъ на одно представленіе изъ любителей, да и только. Арестанты, какъ дѣти, радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. „Вѣдь кто знаетъ,—думали и говорили у насъ про себя и между собою, — пожалуй, и самое высшее начальство узнаетъ; придуть и посмотрять, увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козами. Тутъ актеры, настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ, такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ, пу, такъ, можетъ, только костюмами и возьмутъ, а насчетъ *разговору*, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ, пожалуй, и—чѣмъ чортъ не шутить?—можетъ и самъ захочетъ придти посмотрѣть. Въ городѣ-то нѣтъ театра..“ Однимъ словомъ, фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть-ли не до наградъ или до уменьшенія срока работъ, хотя въ то же время и сами они почти тотчасъ же предобродушно принимались смѣяться надъ собою. Однимъ словомъ, это были дѣти, вполне дѣти, несмотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было по сорока лѣтъ. Но, несмотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: „Филатка и Мирошка соенерники“. Баклушинъ еще за не-

дѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ такъ представлена, что и въ *санктъ-петербургскомъ* театрѣ не видывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, а иногда вдругъ, бывало, отпустить что-нибудь „по театральному“, т. е. изъ своей роли,—и всѣ хочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти: восторгались **выходами** Баклушина и рассказами о будущемъ театрѣ или только самый молодой и желторотый народъ, безъ поддержки, или только самые значительные изъ арестантовъ, которыхъ авторитетъ былъ неизбежно установленъ, такъ что имъ ужъ нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія, какія бы они ни были, хотя бы самага наивнаго (т. е., по осторожнымъ понятіямъ, самага неприличнаго) свойства. Прочіе же выслушивали слухи и толки молча, правда, не осуждали, не противорѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ слухамъ о театрѣ равнодушно и даже отчасти и свысока. Только ужъ въ послѣднее время, въ самый почти день представленія, всѣ начали интересоваться: что-то будетъ? Какъ-то наши? Что плацъ-маіоръ? Удастся-ли такъ же, какъ въ запрошломъ году? и проч. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолѣпно, каждый „къ своему мѣсту“. Что даже и занавѣсъ будетъ, что Филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ,—и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! говорилъ онъ, прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы будетъ платье съ фалбалой, и пелеринка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сюртукѣ съ аксельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая пьеса, драматическая: „Кедриль-обжора“. Названіе меня очень заинтересовало, но какъ я ни расспрашивалъ объ этой пьесѣ,—ничего не могъ узнать предварительно. Узналъ только, что взята она не изъ книги, а „по списку“; что пьесу достали у какого-то отставнаго унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который вѣрно самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи ея на какой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ, въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ, дѣйствительно, есть такія театральныя пьесы, которыя, казалось бы, никому неизвѣстны, можетъ-быть,

нигдѣ никогда не напечатаны, но которыя сами собой откуда-то явились и составляютъ необходимую принадлежность всякаго „народнаго театра“. Очень бы и очень хорошо было, если бѣ кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными, чѣмъ доселѣ, изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже, можетъ-быть, не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все, что и потомъ увидѣлъ у насъ, въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдуманно нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданія, разъ установленныя приемы и понятія, переходящія изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бѣднымъ городкамъ у мѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ между дворянами большихъ помѣщичьихъ домовъ. Я даже думаю, что многія старинныя пьесы расплодился въ спискахъ по Россіи не иначе, какъ черезъ помѣщицкую дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и московскихъ баръ бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Что же касается до „Кедрила-обжоры“, то, какъ ни желалось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предварительно, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но что такое значить Кедриль, и, наконецъ, почему Кедриль, а не Кирилль? Русское-ли это, или иностранное происшествіе,—этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться „пантомима подъ музыку“. Конечно, все это было очень любопытно. Актеровъ было человѣкъ пятнадцать—все бойкій и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ, хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ.

Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зори. Эта льгота давалась собственно для театра. Въ продолженіе праздника обыкновенно каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ кара-

ульному офицеру: „позволить театр и не запираеть по-
дольше острога“, прибавляя, что и вчера былъ театр и
долго не запираелься, а беспорядковъ никакихъ не было.
Караульный офицеръ разсуждалъ такъ: „беспорядковъ
дѣйствительно вчера не было; а ужъ какъ сами слово
даютъ, что не будетъ и сегодня, значитъ, сами за собой
будутъ смотрѣть, а это всего крѣпче. Изъ тому же, не
позволь представленія, такъ, пожалуй (кто ихъ знаетъ,
народъ каторжный!), нарочно что-нибудь папакостятъ со
зна и караульныхъ подведутъ“. Наконецъ, и то: въ ка-
раулѣ стоятъ скучно, а тутъ театръ, да не просто сол-
датскій, а арестантскій, а арестанты народъ любопытный:
весело будетъ посмотрѣть. А смотрѣть караульный офи-
церъ всегда въ правѣ.

Придетъ дежурный: „Гдѣ караульный офицеръ?“ —
„Пошелъ въ острогъ арестантовъ считать, казармы запи-
рать“, — отвѣтъ прямой и оправданіе прямое. Такимъ обра-
зомъ, караульные офицеры каждый вечеръ въ продолже-
ніе всего праздника позволяли театр и не запирали ка-
зармъ вплоть до вечерней зори. Арестанты и прежде знали,
что отъ караула не будетъ препятствій, и были покойны.

Часу въ седьмомъ пришелъ за мной Петровъ, и мы
 вмѣстѣ отправились на представленіе. Изъ нашей казармы
отправились почти всѣ, кромѣ черниговскаго старовѣра
и поляковъ. Поляки только въ самое послѣднее предста-
вленіе, четвертаго января, рѣшились побывать въ театрѣ,
и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ и хорошо, и ве-
село, и безопасно. Врезливость поляковъ нимаю не раз-
дражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго
января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія
мѣста. Что же касается до черкесовъ и въ особенности
Исаи Оомича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ
наслажденіемъ. Исай Оомичъ каждый разъ давалъ по три
копейки, а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку де-
сять копеекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его.
Актеры положили собирать съ присутствующихъ, кто сколь-
ко дастъ, на расходы по театру и на свое собственное
подкрѣпленіе. Петровъ увѣрялъ, что меня пустятъ на одно
изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ
театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ,
вѣроятно, и больше дамъ, а къ тому же и толку больше
ихняго знаю. Такъ и случилось. Но опишу первоначально
залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: нары тинулись въ ней по стѣнѣ, такъ что середина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила занавѣсь. Она тянулась шаговъ на десять поперекъ всей казармы. Занавѣсь была такою роскошью, что дѣйствительно было чему подивиться. Кромѣ того, она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, пруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертвовалъ; изъ старыхъ арестантскихъ онучекъ и рубахъ, кое-какъ сшитыхъ въ одно большое полотнище, и, наконецъ, часть ея, на которую не хватило холста, была просто изъ бумаги, тоже выпрошенной по листочку въ разныхъ канцеляріяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался и Брюловъ — А—въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ дошло до представленія, оказались всѣ безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самыя горячіе изъ нихъ и нетерпѣливые. Всѣ были очень довольны, даже хвастливо довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ салныхъ свѣчекъ, разрѣзанныхъ на части. Передъ занавѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которые нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же для унтеръ-офицеровъ и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующаго, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай, если бъ они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтители у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не оставалось незанятымъ. И, наконецъ, уже сзади скамеекъ, помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ посѣтителямъ, безъ фуражекъ, въ курткахъ или полушубкахъ, несмотря на удушливый жарной

воздухъ комнаты. Конечно, мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но, кромѣ того, что одинъ буквально сидѣлъ на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и, наконецъ, нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была неестественная и равнялась, можетъ-быть, тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Насъ, меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо виднѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнители, знатока, бывшего и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Баклушинъ все это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ съ уваженіемъ; мнѣ, стало-быть, теперь честь и мѣсто. Положимъ, арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты могли смѣяться надо мной, видя, что я плохой имъ помощникъ на работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ падъ нами примѣшивалось и другое: мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію, какъ и ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Но теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые нерасположенные изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это) желали теперь моей похвалы ихъ театру и безо всякаго самоуниженія пустили меня на лучшее мѣсто. Я сужу теперь, припоминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось, — я помню это, — что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не приниженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа—это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и *во что бы то ни стало*, стодѣть-ли, нѣтъ-ли того челоуѣкъ — этого въ народѣ нѣтъ. Стодѣть только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсуд-

ковъ—и иной увидить въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться.

Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собирались въ театръ, что меня пустятъ впередъ и потому еще, что я дамъ больше денегъ. Положенной цѣны не было: всякій давалъ, что могъ или что хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хотя по грошу, когда пошли собирать на тарелку. Но если меня пустили впередъ, отчасти и за деньги, въ предположеніи, что я дамъ больше другихъ, то, опять-таки, сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! „Ты богаче меня, и ступай впередъ, и хоть мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно, такой посѣтитель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ,—тебѣ и первое мѣсто, потому что всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно, сортировать себя мы должны уже сами“. Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству въ острогѣ не было особеннаго уваженія, особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже ни одного изъ нихъ, серьезно унижавшагося изъ-за денегъ, если бѣ пришлось даже разсматривать ихъ по одиночкѣ. Были попрошайки, выпрашивавшіе и у меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было больше шалости, плутовства, чѣмъ прямого дѣла; было больше юмору, наивности. Не знаю, понятно-ли я выражаюсь... Но я забылъ о театрѣ. Къ дѣлу.

До поднятія занавѣса, вся комната представляла странную и оживленную картину. Во-первыхъ, толпа зрителей, сдавленная, сплоснутая, стиснутая со всѣхъ сторонъ, съ терпѣніемъ и съ блаженствомъ въ лицѣ ожидающая начала представленія. Въ заднихъ рядахъ люди, гомозящіеся одинъ на другого. Многіе изъ нихъ принесли съ собой полѣнья съ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человекъ взбирался на него ногами, обѣими руками упирался въ плеча впереди стоящаго и, не измѣняя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно такъ же выстаивали все время, опираясь на передовыхъ.

Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ, у стѣны. Сбоку, взмоштившись на нары, стояла тоже сплошная толпа надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмоштились на самую печь и, лежа на ней, смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали. На подоконникахъ, по другой стѣнѣ, тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ или не нашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посетителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя потомъ отъ жары и духоты. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клеймённыхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ этихъ глазахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ огнемъ! Всѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны всѣ головы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на сценѣ слышится возня, суетня. Сейчасъ подымется занавѣсъ. Вотъ заигралъ оркестръ... Этотъ оркестръ стоитъ упоминанія. Сбоку, по нарамъ, размѣстилось человѣкъ восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна была въ острогѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, а артистъ нашелся и дома), три балалайки—всѣ самодѣльщина, двѣ гитары и бубень вмѣсто контрабаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянныя, зато балалайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Иггались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ бабалаечники ударяли костями пальцевъ о деку балалайки: тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Что же касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведетъ по его кожѣ; то слышатся частые, звонкіе и однообразные удары, то вдругъ этотъ сильный, отчетливый звукъ какъ бы разсыпается горохомъ на безчисленное число маленькихъ, дребезжащихъ и шуршающихъ звуковъ. Наконецъ, появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, и до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что можно сдѣлать изъ простыхъ, простона-

родныхъ инструментовъ: согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалого въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ, поднялась занавѣсь. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки, кто-то упалъ съ полѣна, всѣ до единого раскрыли рты и уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось.

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикорнулъ и Исай Өмичъ, который, казалось, съ поднятіемъ занавѣса весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, если бъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что, признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть, и я помню, невольно каждый разъ, при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ—не до меня ему было! Очень недалеко отъ меня, съ лѣвой стороны, стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полуулыбкой оборачивался поглядѣть на него; такъ онъ былъ милъ! „Алей Семенычъ“, называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ. Начали „Филаткой и Мирошкой“. Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вздумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соответственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію удивительную, неподдѣльную веселость, простоту, безыскусственность, и вы, если бъ видѣли Баклушина, сами согласились бы нешрѣмвно, что это настоящій, прирожденный

актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ не разъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, и положительно говорю—столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзажи, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина, сверхъ того, возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй пьесѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго всѣ почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: „Лихо, Баклушинъ! Ай-да молодецъ!“—все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ глазахъ его. Сцена цѣлованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно: „утрись!“ и самъ утирается, вышла уморительно смѣшна. Всѣ такъ и покатались со смѣху. Но всего занимательнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ всѣ были нараспашку. Они отдавались своему удовольствію беззаветно. Крики одобренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и паскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже не заботясь и, пожалуй, не видя, кто стоитъ подлѣ него; другой, при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно обращается къ сценѣ. Третій просто прищелкиваетъ языкомъ и пальцами, и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ, а такъ какъ некуда идти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, другіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяная капель, въ хмурый, осенній день,—и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще какъ устроить—на гордость и на удивленіе всему городу,—знай, дескать, нашихъ, каковы арестанты! Ихъ, конечно, все занимало, костюмы, напимѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидать, напимѣръ, такого-то Ваньку

Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина, совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. „Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходитъ же теперь въ сюртукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ—точно штатской! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ, ни дать, ни взять, баринъ!“ И всѣ въ восторгѣ. „Благодѣтельный помѣщикъ“ вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда, очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой, и произвелъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и—повѣрятъ-ли?—оба, точно маленькія дѣти, ужасно поссорились другъ съ другомъ за то, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мундирѣ съ аксельбантами! Ихъ ужъ разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Нецвѣтаеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе и красивѣе другого и, такимъ образомъ, лучше бы походилъ на барина, а потому, что Нецвѣтаевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать и по землѣ чертить, какъ настоящій баринъ и первѣйшій франтъ, чего Ванькѣ Отпѣтому и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и не видывалъ. И дѣйствительно, Нецвѣтаевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ, что быстро и бѣгло чертилъ тоненькой камышевой тросточкой, которую откуда-то досталъ, по землѣ, вѣроятно, считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно, когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи дворовымъ, босоногимъ мальчишкой, случилось ему увидеть красиво одѣтаго барина съ тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе навѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь, въ тридцать лѣтъ отъ роду, припомнилось все, какъ было, для полного плѣненія и прельщенія всего острога. Нецвѣтаевъ былъ до того углубленъ въ свое занятіе, что ужъ и не смотрѣлъ ни на кого и никуда, даже говорилъ не подымая глазъ, и только и дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодѣтельная помѣщица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношенномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми

руками и шеей, страшно набѣленнымъ и нарумяненнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованной бумаги въ другой, которымъ она непрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ, пьеса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Проиграли еще разъ увертюру: „Сѣни мои сѣни“ и вновь поднялась занавѣсь. Это Кедриль. Кедриль что-то въ родѣ Донъ-Жуана, по крайней мѣрѣ, и барина, и слугу черти подъ конецъ пьесы уносятъ въ адъ. Давался цѣлый актъ, но это очевидно стрыжокъ; начало и конецъ затеряны. Толку и смыслу нѣтъ ни малѣйшаго. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Трактирщикъ вводитъ въ комнату барина въ шинели и въ круглой исковерканной шляпѣ. За нимъ идетъ его слуга Кедриль съ чемоданомъ и съ завернутой въ синюю бумагу курицей. Кедриль въ полушубкѣ и въ лакейскомъ картузѣ. Онъ-то и есть обжора. Играетъ его арестантъ Поцѣйкинъ, соперникъ Баклушина; барина играетъ тотъ же Ивановъ, что игралъ въ первой пьесѣ благодѣтельную помѣщицу. Трактирщикъ, Нецвѣтаевъ, предувѣдомляетъ, что въ комнатѣ водятся черти, и скрывается. Баринъ, мрачный и озабоченный, бормочетъ про себя, что онъ это давно знаетъ, и велитъ Кедрилу разложить вещи и приготовить ужинъ. Кедриль трусъ и обжора. Услышавъ о чертяхъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ какъ листъ. Онъ бы убѣждалъ, но труситъ барина. Да сверхъ того ему и ѣсть хочется. Онъ сластолюбивъ, глупъ, хитеръ по-своему, трусъ, надуваетъ барина на каждомъ шагу и въ то же время боится его. Это замѣчательный тищъ слуги, въ которомъ какъ-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и дѣйствительно замѣчательно переданный. Поцѣйкинъ съ рѣшительнымъ талантомъ и, на мой взглядъ, актеръ еще лучше Баклушина. И, разумѣется, встрѣтятся на другой день съ Баклушинымъ, не высказавъ ему своего мнѣнія вполнѣ: я бы слишкомъ огорчилъ его. Арестантъ, игравшій барина, сыгралъ тоже недурно. Вздоръ онъ несъ ужаснѣйшій, ни на что не похожій; но дикція была пра-

вильная, бойкая, жестъ соотвѣтственный. Покамѣсть Кедриль возится съ чемоданами, баринъ ходитъ въ раздумьи по сценѣ и объявляетъ во всеуслышаніе, что въ нынѣшній вечеръ конецъ его странствованіямъ. Кедриль любопытно прислушивается, гримасничаетъ, говорить а parte и смѣшнить съ каждымъ словомъ зрителей. Ему не жаль барина; но онъ слышалъ о чертяхъ; ему хочется узнать, что это такое, и вотъ онъ вступаетъ въ разговоры и въ разпросы. Баринъ, наконецъ, объявляетъ ему, что когда-то въ какой-то бѣдѣ онъ обратился къ помощи ада, и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срокъ и, можетъ-быть, сегодня же они придутъ, по условію, за душой его. Кедриль начинаетъ шибко трусить. Но баринъ не теряетъ духа и велитъ ему приготовить ужинъ. Услыша про ужинъ, Кедриль оживляется, вынимаетъ курицу, вынимаетъ вино,—и нѣтъ-нѣтъ, а самъ отщипнетъ отъ курицы и отвѣдаетъ. Публика хохочетъ. Вотъ скрипнула дверь, вѣтеръ стучитъ ставнями; Кедриль дрожитъ и наскоро, почти безсознательно упрятываетъ въ ротъ огромный кусокъ курицы, который и проглотить не можетъ. Опять хохотъ. „Готово-ли?“ кричитъ баринъ, расхаживая по комнатѣ. — „Сейчасъ, сударь... я вамъ... приготовлю“, говоритъ Кедриль, самъ садится за столъ и преспокойно начинаетъ уплетать барское кушанье. Публикѣ видимо любо проворство и хитрость слуги, и то, что баринъ въ дуракахъ. Надо признаться, что и Поцѣйкинь стоилъ дѣйствительно похвалы. Слова: „сейчасъ, сударь, я вамъ приготовлю“, онъ выговорилъ превосходно. Сѣвъ за столъ, онъ начинаетъ ѣсть съ жадностью и вздрагиваетъ съ каждымъ шагомъ барина, чтобъ тотъ не замѣтилъ его продѣлокъ; чуть тотъ повернется на мѣстѣ, онъ прячется подъ столъ и тащитъ съ собой курицу. Наконецъ, онъ утоляетъ свой первый голодь; пора подумать о баринѣ. — „Кедриль, скоро-ли ты?“ кричитъ баринъ. — „Готово-съ!“ бойко отвѣчаетъ Кедриль, спохватившись, что барину почти ничего не остается. На тарелкѣ дѣйствительно лежитъ одна куриная ножка. Баринъ, мрачный и озабоченный, ничего не замѣчая, садится за столъ, а Кедриль съ салфеткой становится за его стуломъ. Каждое слово, каждая жестъ, каждая гримаса Кедрила, когда онъ, обращаясь къ публикѣ, киваетъ на простофилю-барина, встрѣчаются съ неудержимымъ хохотомъ зрителями. Но, вотъ, только что баринъ принимается ѣсть, появляются

черти. Тутъ ужъ ничего понять нельзя, да и черти появляются какъ-то ужъ слишкомъ не по-людски: въ боковой кулисѣ отворяется дверь и является что-то въ бѣломъ, а вмѣсто головы у него фонарь со свѣчкой; другой фантомъ тоже съ фонаремъ на головѣ, въ рукахъ держитъ косу. Почему фонари, почему коса, почему черти въ бѣломъ? Никто не можетъ объяснить себѣ. Впрочемъ, объ этомъ никто не задумывается. Тагъ ужъ вѣрно тому и быть должно. Баринъ довольно храбро оборачивается къ чертямъ и кричитъ имъ, что онъ готовъ, чтобъ они брали его. Но Кедриль труситъ какъ заяцъ; онъ лѣзетъ подъ столъ, но, несмотря на весь свой испугъ, не забываетъ захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедриль вылѣзаетъ изъ-за стола; но только что баринъ принимается опять за курицу, какъ три чорта снова врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преисподнюю. „Кедриль! Спасай меня!“ кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ въ этотъ разъ и бутылку, и тарелку, и даже хлѣбъ стащилъ подъ столъ. Но вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедриль вылѣзаетъ, осматривается и улыбка озаряетъ лицо его. Онъ плутовски прищуривается, садится на барское мѣсто, и, кивая публикѣ, говоритъ полупотомъ:

— Ну, я теперь одинъ... безъ барина!..

Всѣ хохочутъ тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полупотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!..

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того, что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, съ такой насмѣшливо-торжествующей гримасой, что дѣйствительно невозможно не аплодировать. Но не долго продолжается счастье Кедрила. Только было онъ распорядился бугылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочкахъ и цапъ-царапъ его подъ бока. Кедриль кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ, выпуча глаза на публику, съ такимъ уморительнымъ

выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшительно съ него можно было писать картину. Наконецъ, его несутъ, уносятъ; бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается и всѣ хохочутъ, всѣ въ восторгѣ... оркестръ начинаетъ камаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія прищелкиванія по декамъ балалайки... Это камаринская во всемъ своемъ размахѣ, и право было бы хорошо, если-бъ Глинка хоть случайно услыхалъ ее у насъ въ острогѣ. Начинается пантомима подъ музыку. Камаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомимы. Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинить сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника Цецвѣтаевъ.

Замѣчу, что наши декорации очень бѣдны. И въ этой, и въ предыдущей пьесѣ, и въ другихъ, вы болѣе дополняете собственнымъ воображеніемъ, чѣмъ видите глазами. Въмѣсто задней стѣны протянутъ какой-то коверъ или попона; сбоку какія-то дрянныя ширмы. Лѣвая же сторона ничѣмъ не заставлена, такъ что видны нары, но зрители невзыскательны и соглашаются дополнять воображеніемъ дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что арестанты къ тому очень способны: „Сказано садъ, такъ и почитай за садъ, комната такъ комната, изба такъ изба,— все равно и церемониться много нечего“. Сироткинъ въ костюмѣ молодой бабенки очень милъ. Между зрителями раздается вполголоса нѣсколько комплиментовъ. Мельникъ кончаетъ работу, беретъ шапку, беретъ кнутъ, подходитъ къ женѣ и объясняетъ ей знаками, что ему надо идти, но что если безъ него жена кого приметъ, то... и онъ показываетъ на кнутъ. Жена слушаетъ и киваетъ головой. Тотъ кнутъ, вѣроятно, ей очень знакомъ: бабенка отъ мужа погуливаетъ. Муж уходитъ. Только что онъ за дверь, жена грозитъ ему вслѣдъ кулакомъ. Но вотъ стучать; дверь отворяется и опять является сосѣдъ, тоже мельникъ, мужикъ въ кафтанѣ и съ бородой. Въ рукахъ у него подарокъ—красный платокъ. Бабенка смѣется; но только что сосѣдъ хочетъ обнять ее, какъ въ двери опять стукъ. Куда дѣваться? Она наскоро прячетъ его подъ столъ, а сама опять за веретено. Является другой обожатель: это писарь, въ военной формѣ. До сихъ поръ пантомима шла безукоризненно,

жестъ былъ безошибочно правиленъ. Можно было даже удивляться, смотря на этихъ импровизированныхъ актеровъ, и невольно подумать: сколько силъ и таланту погибаетъ у насъ на Руси иногда почти даромъ, въ неволѣ и въ тяжкой долѣ! Но арестантъ, игравшій писаря, вѣроятно, когда-то былъ на провинціальномъ или домашнемъ театрѣ, и ему вообразилось, что наши актеры, всё до одинаго, не понимаютъ дѣла и не такъ ходятъ, какъ слѣдуетъ ходить на сценѣ. И вотъ онъ выступаетъ, какъ, говорятъ, выступали въ старину на театрахъ классическіе герои: ступить длинный шагъ и, еще не передвинувъ другой ноги, вдругъ остановится, откинетъ назадъ весь корпусъ, голову, гордо поглядитъ кругомъ, и—ступить другой шагъ. Если такая ходьба была смѣшна въ классическихъ герояхъ, то въ военномъ писарѣ, въ комической сценѣ, еще смѣшнѣе. Но публика наша думала, что, вѣроятно, такъ тамъ и надо, и длинные шаги долговязаго писаря приняла какъ совершившійся фактъ, безъ особенной критики. Едва только писарь успѣлъ выйти на средину сцены, какъ послышался еще стукъ: хозяйка опять переполошилась. Куда дѣвать писаря? Въ сундукъ, благо отпертъ. Писарь лѣзетъ въ сундукъ и бабенка его накрываетъ крышкой. На этотъ разъ является гость особенный, тоже влюбленный, но особаго свойства. Это браминъ и даже въ костюмѣ. Неудержимый хохотъ раздается между зрителями. Брамина играетъ арестантъ Кошкинъ и играетъ прекрасно. У него фигура браминская. Жестами объясняетъ онъ всю степень любви своей. Онъ приподымаетъ руки къ небу, потомъ прикладываетъ ихъ къ груди, къ сердцу; но только что онъ успѣлъ разнѣжиться,— раздается сильный ударъ въ дверь. По удару слышно, что это хозяйнѣ. Испуганная жена вѣ себя, браминъ мечется какъ угорѣлый и умоляетъ, чтобъ его спрятали. Наскоро она становитъ его за шкапъ, а сама, забывъ отпереть, бросается къ своей пряжѣ и прядетъ, прядетъ, не слыша стука въ дверь своего мужа, съ перепуга сучить нитку, которой у нея нѣтъ въ рукахъ, и вертитъ веретено, забывъ поднять его съ пола. Сироткинъ очень хорошо и удачно изобразилъ этотъ испугъ. Но хозяйнѣ выбиваетъ дверь ногою и съ кнутомъ въ рукѣ подходитъ къ женѣ. Онъ все замѣтилъ и подкараулилъ и прямо показываетъ ей пальцами, что у ней спрятаны трое. Затѣмъ ищетъ спрятанныхъ. Перваго находитъ сосѣда и провожаетъ его тузанами изъ

комнаты. Струсившій писарь хотѣлъ было бѣжать, приподнявъ головой крышку и тѣмъ самъ себя выдалъ. Хозяинъ подстегиваетъ его кнутикомъ и на этотъ разъ влюбленный писарь прискакиваетъ вовсе не по-классически. Остается браминъ; хозяинъ долго ищетъ его, наконецъ, находитъ его въ углу за шкапомъ, вѣжливо откланивается ему и за бороду вытягиваетъ на средину сцены. Браминъ пробуетъ защищаться; кричитъ: „окаянный, окаянный“ (единственныя слова, сказанныя въ пантомимѣ); но мужъ не слушаетъ и расправляется по-свойски. Жена, видя, что дѣло доходить теперь до нея, бросаетъ пряжу, веретено и бѣжитъ изъ комнаты: донцо валится на землю, арестанты хохочутъ. Алей, не глядя на меня, теребитъ меня за руку и кричитъ мнѣ: „Смотри! Браминъ, браминъ!“ а самъ устоять не можетъ отъ смѣху. Занавѣсъ падаетъ. Начинается другая сцена.

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Ихъ было еще двѣ или три. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ и не сами арестанты, то, по крайней мѣрѣ, въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера, одинъ и тотъ же актеръ, одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Послѣдняя пантомима, фантастическаго свойства, заключилась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ разныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ, раздается: „Солнце на закатѣ“, мертвецъ оживаетъ и всѣ въ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, по-брамински. Тѣмъ и кончается театръ, до слѣдующаго вечера. Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже будто счастливы и засыпаютъ не по-всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы, кажется? А между тѣмъ это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часъ не по-острожному — и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ... Но вотъ уже глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится на печкѣ и промолится тамъ до самой зари; Алей тихо

спить подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ, и невольно засматриваюсь на его спокойное дѣтское лицо. Мало-по-малу я припоминаю все: послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяць... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожащемъ тускломъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдные лица, на ихъ бѣдные постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, — всматриваюсь — и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стонъ: кто-то тяжело откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ во снѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ „православныхъ христіанъ“ и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!..“

„Не навсегда же я здѣсь, а только вѣдь на нѣсколько лѣтъ!“ думаю я, и склоняю опять голову на подушку.

Часть вторая.

I.

Госпиталь.

Вскорѣ послѣ праздниковъ я сдѣлался боленъ и отправился въ нашъ военный госпиталь. Онъ стоялъ особнякомъ, въ полуверстѣ отъ крѣпости. Это было длинное одноэтажное зданіе, окрашенное желтой краской. Лѣтомъ, когда происходили ремонтныя работы, на него выходило чрезвычайное количество вохры. На огромномъ дворѣ госпиталя помѣщались службы, дома для медицинскаго начальства и прочія пригодныя постройки. Въ главномъ же корпусѣ располагались однѣ только палаты. Палатъ было много, но арестантскихъ всего только двѣ, всегда очень наполненныхъ, но особенно лѣтомъ, такъ что приходилось часто сдвигать кровати. Наполнялись наши палаты всякаго рода „несчастливымъ народомъ“. Ходили туда наши, ходили разнаго рода военные подсудимые, содержавшіеся на разныхъ абвахтахъ, рѣшоные, нерѣшоные и пересылочные; ходили и изъ исправительной роты, — страннаго заведенія, въ которое отсылались провинившіеся и мало-надежныя солдатики изъ батальоновъ, для поправленія своего поведенія, и откуда, года черезъ два и больше, они обыкновенно выходили такими мерзавцами, какихъ на рѣдкость и встрѣтить. Заболѣвшіе изъ арестантовъ у насъ обыкновенно по-утру объявляли о болѣзни своей унтеръ-офицеру. Ихъ тотчасъ же записывали въ книгу и съ этой книгой отсылали больного съ конвойнымъ въ батальонный лазаретъ. Тамъ докторъ предварительно свидѣтельствовалъ всѣхъ больныхъ изъ всѣхъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ крѣпости, и кого находилъ дѣйствительно больнымъ, записывалъ въ госпиталь. Меня

отмѣтили въ книгѣ, и во второмъ часу, когда уже все наши отправились изъ острога на послѣобѣденную работу, я пошелъ въ госпиталь. Больной арестантъ обыкновенно бралъ съ собой сколько могъ денегъ, хлѣба, потому что на тотъ день не могъ ожидать себѣ въ госпиталѣ порціи, крошечную трубочку и кisetъ съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ. Эти послѣдніе предметы тщательно запрятывались въ сапоги. Я вступилъ въ ограду госпиталя не безъ нѣкотораго любопытства къ этой новой, незнакомой еще мнѣ вариации нашего арестантскаго житья-бытья.

День былъ теплый, хмурый и грустный — одинъ изъ тѣхъ дней, когда такія заведенія, какъ госпиталь, принимаютъ особенно дѣловой, тоскливый и кислый видъ. Мы съ конвойнымъ вошли въ приемную, гдѣ стояли двѣ мѣдныя ванны и гдѣ уже дожидались двое больныхъ, изъ подсудимыхъ, тоже съ конвойными. Вошелъ фельдшеръ, лѣниво и со властію оглядѣлъ насъ и еще лѣнивѣе отправился доложить дежурному лѣкарю. Тотъ явился скоро; осмотрѣлъ, обошелся очень ласково и выдалъ намъ „скорбные листы“, въ которыхъ были обозначены наши имена. Дальнѣйшее же расписаніе болѣзни, назначеніе лѣкарствъ, порціи и проч. предоставлялось уже тому изъ ординаторовъ, который завѣдывалъ арестантскими палатами. Я уже и прежде слышалъ, что арестанты не хвалятся своими лѣкарями. „Отцовъ не надо!“ — отвѣчали они мнѣ на мои разспросы, когда я отправлялся въ больницу. Между тѣмъ мы переодѣлись. Платье и бѣлье, въ которомъ мы пришли, отъ насъ отобрали и одѣли насъ въ бѣлье госпитальное, да сверхъ того выдали намъ длинныя чулки, туфли, колпаки и толстыя суконныя, бураго цвѣта халаты, подшитыя не то холстомъ, не то какимъ-то пластыремъ. Однимъ словомъ, халатъ былъ до послѣдней степени грязенъ; но оцѣнилъ я его вполне уже на мѣстѣ. Затѣмъ насъ повели въ арестантскія палаты, которыя были расположены въ концѣ длиннѣйшаго коридора, высокаго и чистаго. Наружная чистота вездѣ была очень удовлетворительна; все, что съ перваго раза бросалось въ глаза, такъ и лоснилось. Впрочемъ, это могло мнѣ такъ показаться послѣ нашего острога. Двое подсудимыхъ пошли въ палату направо, я направо. У двери, замкнутой желѣзнымъ болтомъ, стоялъ часовой съ ружьемъ, подлѣ него подчасокъ. Младшій унтеръ-офицеръ (изъ госпитальнаго караула) велѣлъ пропустить меня, и я очутился въ длин-

ной и узкой комнатѣ, по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ которой стояли кровати, числомъ около двадцати двухъ, между которыми три-четыре еще были не заняты. Кровати были деревянныя, окрашенныя зеленой краской. Слишкомъ знакомыя всѣмъ и каждому у насъ на Руси, — тѣ самыя кровати, которыя, по какому-то предопредѣленію, никакъ не могутъ быть безъ клоповъ. Я помѣстился въ углу, на той сторонѣ, гдѣ были окна.

Какъ уже сказалъ я, тутъ были и наши арестанты, изъ острога. Нѣкоторые изъ нихъ уже знали меня или, по крайней мѣрѣ, видѣли прежде. Гораздо болѣе было изъ подсудимыхъ и изъ исправительной роты. Трудно-больныхъ, то-есть, не встававшихъ съ постели, было не такъ много. Другіе же, легко-больные или выздоравливавшіе, или сидѣли на койкахъ, или ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, гдѣ между двумя рядами кроватей оставалось еще пространство, достаточное для прогулки. Въ палатѣ былъ чрезвычайно удушливый, больничныи запахъ. Воздухъ былъ зараженъ разными неприятными испареніями и запахомъ лѣкарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ углу топилась печка. На моей койкѣ былъ надѣтъ полосатый чехоль. Я снялъ его. Подъ чехломъ оказалось суконное одѣяло, подшитое холстомъ, и толстое бѣлье слишкомъ сомнительной чистоты. Возлѣ койки стоялъ столикъ, на которомъ была кружка и оловянная чашка. Все это для приличія прикрывалось выданнымъ мнѣ маленькимъ полотенцемъ. Внизу столика была еще полка: тамъ хранились у пившихъ чай чайники, жбаны съ квасомъ и прочее; но пившихъ чай между больными было очень немного. Трубки же и кисеты, которые были почти у каждого, не исключая даже и чахоточныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а если и заставляли кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что не замѣчаютъ. Впрочемъ, и больные были почти всегда осторожны и ходили курить въ печкѣ. Развѣ ужъ ночью курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обходилъ палатъ, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника госпитальнаго караула.

До тѣхъ поръ я никогда не лежалъ ни въ какой больницѣ; все окружающее потому было для меня чрезвычайно ново. Я замѣтилъ, что возбуждаю нѣкоторое любопытство. Обо мнѣ уже слышали и оглядывали меня очень безцеремонно, даже съ отѣнкомъ нѣкотораго превосход-

ства, какъ оглядываютъ въ школахъ новичка или въ присутственныхъ мѣстахъ просителя. Справа подлѣ меня лежалъ одинъ подсудимый, писарь, незаконный сынъ одного отставного капитана. Онъ судился по фальшивымъ деньгамъ и лежалъ уже съ годъ, кажется, ничѣмъ не больной, но увѣрявшій докторовъ, что у него аневризмъ. Онъ достигъ цѣли: каторга и тѣлесное наказаніе миновали его, и онъ, еще годъ спустя, былъ отосланъ въ Т—къ, для содержанія гдѣ-то при больницѣ. Это былъ плотный, коренастый паренъ лѣтъ двадцати восьми, большой плутъ и законникъ, очень неглупый, чрезвычайно развязный и самонадѣянный малый, до болѣзни самолюбивый, пресерьезно увѣрившій самого себя, что онъ честнѣйшій и правдивѣйшій человекъ въ свѣтѣ и даже вовсе ни въ чемъ невиноватый, и такъ и оставшійся навсегда съ этой увѣренностью. Онъ первый заговорилъ со мною, съ любопытствомъ сталъ меня спрашивать и довольно подробно рассказалъ мнѣ о внѣшнихъ порядкахъ госпиталя. Разумѣется, прежде всего онъ заявилъ мнѣ, что онъ капитанскій сынъ. Ему чрезвычайно хотѣлось казаться дворяниномъ или, по крайней мѣрѣ, „изъ благородныхъ“. Вслѣдъ за нимъ подошелъ ко мнѣ одинъ больной изъ исправительной роты и началъ увѣрять, что онъ зналъ многихъ изъ прежде сосланныхъ дворянъ, называя ихъ по имени и отчеству. Это былъ уже сѣдой солдатъ; на лицѣ его было написано, что онъ все вретъ. Звали его Чекуновъ. Онъ, очевидно, ко мнѣ подлизывался, вѣроятно, подозревая у меня деньги. Замѣтивъ у меня свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги: достать чайникъ и заварить мнѣ чаю. Чайникъ мнѣ обѣщаль прислать на завтра М—цкій изъ острога, съ кѣмъ-нибудь изъ арестантовъ, ходившихъ въ госпиталь на работу. Но Чекуновъ обдѣлалъ все дѣло. Онъ досталъ какой-то чугунокъ, даже чашку, вскипятилъ воду, заварилъ чаю, однимъ словомъ, услуживалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, чѣмъ возбудилъ тотчасъ же въ одномъ изъ больныхъ нѣсколько ядовитыхъ насмѣшекъ на свой счетъ. Этотъ больной былъ чахоточный, лежавшій напротивъ меня, по фамиліи Устьянцевъ, изъ подсудимыхъ солдатъ, тотъ самый, который, испугавшись наказанія, выпилъ крышку вина, крѣпко настаивавъ въ немъ табаку, и тѣмъ нажилъ себѣ чахотку; о немъ я уже упоминалъ какъ-то прежде. До сихъ поръ онъ лежалъ молча и трудно дыша, пристально и серьезно

ко мнѣ приглядывался и съ негодованіемъ слѣдя за Чекуновымъ. Необыкновенная, жолчная серьезность придавала какой-то особенно комическій оттѣнокъ его негодованію. Наконецъ, онъ не выдержалъ:

— Ишь, холопъ! Нашелъ барина! проговорилъ онъ съ разстановками и задыхающимся отъ волненія голосомъ. Онъ былъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни.

Чекуновъ съ негодованіемъ оборотился къ нему:

— Это кто холопъ? произнесъ онъ, презрительно глядя на Устьянцева.

— Ты холопъ! отвѣчалъ тотъ такимъ самоувѣреннымъ тономъ, какъ будто имѣлъ полное право распекать Чекунова и даже былъ приставленъ къ нему для этой дѣли.

— Я холопъ?

— Ты и есть. Слышите, добрые люди, не вѣрять! Удивляется!

— Да тебѣ-то что! Вишь они одни, какъ безъ рукъ. Безъ слуги непривычны, извѣстно! Почему не услужить, мохнорылый ты шутъ!

— Это кто мохнорылый?

— Ты мохнорылый.

— Я мохнорылый?

— Ты и есть!

— А ты красавецъ? У самого лицо, какъ воронье яйцо... коли я мохнорылый.

— Мохнорылый и есть! Вѣдь ужъ Богъ убилъ, лежалъ бы себѣ да помиралъ! Нѣтъ, туда же собираетъ! Ну, чего собираешь!

— Чего! Нѣтъ, ужъ я лучше сапогу поклонюсь, а не лаптю. Отецъ мой не кланялся и мнѣ не велѣлъ. Я... я...

Онъ было хотѣлъ продолжать, но страшно закашлялся на нѣсколько минутъ, выплевывая кровью. Скоро холодный, изнурительный потъ выступилъ на узенькомъ лбу его. Кашель мѣшалъ ему, а то бы онъ все говорилъ; по глазамъ его видно было, какъ хотѣлось ему еще поругаться; но, въ безсиліи, онъ только отмахивался рукою... Такъ что Чекуновъ подъ конецъ ужъ и позабылъ его.

Я почувствовалъ, что злость чахоточнаго направлена скорѣе на меня, чѣмъ на Чекунова. За желаніе Чекунова подслужиться и тѣмъ достать копейку никто бы не сталъ на него сердиться или смотрѣть на него съ особымъ презрѣніемъ. Всякъ понималъ, что онъ это дѣлаетъ просто изъ-за денегъ. На этотъ счетъ простой народъ вовсе не

такъ щепетилень и чутко умѣть различать дѣло. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай, и то, что я и въ кандалахъ какъ баринъ, какъ будто не могу обойтись безъ прислуги, хотя я вовсе не звалъ и не желалъ никакой прислуги. Дѣйствительно, мнѣ всегда хотѣлось все дѣлать самому и даже я особенно желалъ, чтобъ и виду не подавать о себѣ, что я бѣлоручка, нѣженка, барствую. Въ этомъ отчасти состояло даже мое самолюбіе, если ужъ къ слову сказать пришлось. Но вотъ, — и рѣшительно не понимаю, какъ это всегда такъ случилось, — но я никогда не могъ отказаться отъ разныхъ услужниковъ и прислужниковъ, которые сами ко мнѣ навязывались и подъ конецъ овладѣвали мной совершенно, такъ что они по-настоящему были моими господами, а я ихъ слугой; а по наружности и выходило какъ-то само собой, что я дѣйствительно баринъ, не могу обойтись безъ прислуги и барствую. Это, конечно, было мнѣ очень досадно. Но Устьянцевъ былъ чахоточный, раздражительный человѣкъ. Прочіе же изъ больныхъ соблюдали видъ равнодушія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ высокомерія. Помню, всѣ были заняты однимъ особеннымъ обстоятельствомъ: изъ арестантскихъ разговоровъ я узналъ, что въ тотъ же вечеръ приведутъ къ намъ одного подсудимаго, котораго въ эту минуту наказываютъ шпичрутенами. Арестанты ждали новичка съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Говорили, впрочемъ, что наказаніе будетъ легкое, — всего только пятьсотъ.

Понемногу я оглядѣлся кругомъ. Сколько я могъ замѣтить, дѣйствительно больные лежали здѣсь все болѣе цынготною и главною болѣзнями, — мѣстными болѣзнями тамошняго края. Такихъ было въ палатѣ нѣсколько человѣкъ. Изъ другихъ, дѣйствительно больныхъ, лежали лихорадками, разными болячками, грудью. Здѣсь не такъ, какъ въ другихъ палатахъ, здѣсь были собраны въ кучу всѣ болѣзни, даже венерическія. Я сказалъ *дѣйствительно* больныхъ, потому что было нѣсколько пришедшихъ такъ, безо всякой болѣзни, „отдохнуть“. Доктора допускали такихъ охотно, изъ состраданія, особенно когда было много пустыхъ кроватей. Содержаніе на абвахтахъ и въ острогахъ казалось сравнительно съ госпитальнымъ до того плохо, что многіе арестанты съ удовольствіемъ приходили лежать, несмотря на спертый воздухъ и запертую палату. Были даже особенные любители лежанья и вообще

госпитальнаго житья-бытья; всёхъ болѣе, впрочемъ, изъ исправительной роты. Я съ любопытствомъ осматривалъ моихъ новыхъ товарищей, но, помню, особенное любопытство тогда же возбудилъ во мнѣ одинъ, уже умиравшій, изъ нашего острога, тоже чахоточный и тоже въ послѣднихъ дняхъ, лежавшій черезъ кровать отъ Устьянцева и такимъ образомъ тоже почти противъ меня. Звали его Михайловъ; еще двѣ недѣли тому назадъ я видѣлъ его въ острогѣ. Онъ давно уже былъ боленъ и давно бы пора ему было идти лѣчиться; но онъ съ какимъ-то упорнымъ и совершенно ненужнымъ терпѣніемъ преодолевалъ себя, крѣпился и только на праздникахъ ушелъ въ госпиталь, чтобъ умереть въ три недѣли отъ ужасной чахотки; точно сгорѣлъ человекъ. Меня поразило теперь его страшно измѣнившееся лицо, — лицо, которое я изъ первыхъ замѣтилъ по вступленіи моемъ въ острогъ; оно мнѣ тогда какъ-то въ глаза кинулось. Подлѣ него лежалъ одинъ исправительный солдатъ, уже старый человекъ, страшный и отвратительный неряха... Но, впрочемъ, не пересчитывать же всёхъ больныхъ... Я вспомнилъ теперь и объ этомъ старикашкѣ единственно потому, что онъ произвелъ на меня тогда тоже нѣкоторое впечатлѣніе и въ одну минуту успѣлъ дать мнѣ довольно полное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ арестантской палаты. У этого старичонки, помню, былъ тогда сильнѣйшій насморкъ. Онъ все чихалъ и всю недѣлю потомъ чихалъ даже и во снѣ, какъ-то залпами, по пяти и по шести чиховъ за разъ, аккуратно каждый разъ приговаривая: „Господи, далось же такое наказанье!“ Въ ту минуту онъ сидѣлъ на постели и съ жадностью набивалъ себѣ носъ табакомъ изъ бумажнаго сверточка, чтобъ сильнѣе и аккуратнѣе прочихаться. Чихалъ онъ въ бумажный платокъ, собственный, клѣтчатый, разъ сто мытый и до крайности полинялый, при чемъ какъ-то особенно морщился его маленькій носъ, слагаясь въ мелкія, безчисленныя морщинки, и выставлялись осколки старыхъ, почернѣлыхъ зубовъ, вмѣстѣ съ красными, слюнявыми деснами. Прочихавшись, онъ тотчасъ же развертывалъ платокъ, внимательно разсматривалъ обильно накопившуюся въ немъ мокроту и немедленно смазывалъ ее на свой бурый, казенный халатъ, такъ что вся мокрота оставалась на халатѣ, а платокъ только что развѣ оставался сыренекъ. Такъ онъ дѣлалъ всю недѣлю. Это копотливое, скряжническое сбереженіе собственнаго платка

въ ущербъ казенному халату вовсе не возбуждало со стороны больныхъ никакого протеста, хотя кому-нибудь изъ нихъ же послѣ него пришлось бы надѣть этотъ же самый халатъ. Но нашъ простой народъ не брезгливъ и не гадливъ даже до странности. Меня же такъ и покорило въ ту минуту, и я тотчасъ же съ омерзѣніемъ и любопытствомъ невольно началъ осматривать только что надѣтый мною халатъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ уже давно возбуждалъ мое вниманіе своимъ сильнымъ запахомъ; онъ успѣлъ уже на мнѣ нагрѣться и пахнулъ все сильнѣе и сильнѣе лѣкарствами, пластырями и, какъ мнѣ казалось, какимъ-то гноемъ, что было немудрено, такъ какъ онъ съ незапамятныхъ лѣтъ не сходилъ съ плечъ больныхъ. Можетъ-быть, холщевую подкладку его на спинѣ и промывали когда-нибудь; но навѣрно не знаю. Зато въ настоящее время эта подкладка была пропитана всѣми возможными неприятными соками, примочками, пролившеюся водою изъ прорѣзанныхъ мушекъ и проч. Къ тому же въ арестантскія палаты очень часто являлись только что наказанные шпицрутенами, съ израненными спинами; ихъ лѣчили примочками, и потому халатъ, надѣвавшійся прямо на мокрую рубашку, никакимъ образомъ не могъ не портиться: такъ все на немъ и оставалось. И все время мое въ острогѣ, всѣ эти нѣсколько лѣтъ, какъ только мнѣ случалось бывать въ госпиталѣ (а бывалъ я частенько), я каждый разъ съ боязливою недовѣрчивостью надѣвалъ халатъ. Особенно же не нравились мнѣ иногда встрѣчавшіяся въ этихъ халатахъ вши, крупныя и замѣчательно жирныя. Арестанты съ наслажденіемъ казнили ихъ, такъ что когда подъ толстымъ, неуклюжимъ арестантскимъ ногтемъ щелкнетъ бывало казненный звѣрь, то даже по лицу охотника можно было судить о степени полученнаго имъ удовлетворенія. Очень то же не любили у насъ клоповъ, и то же, бывало, подымались иногда всей палатой истреблять ихъ въ иной длинный, скучный зимній вечеръ. И хотя въ палатѣ, кромѣ тяжелого запаха, снаружки все было по возможности чисто, но внутренней, такъ сказать, подкладочной чистотой у насъ далеко не щеголяли. Больные привыкли къ этому и даже считали, что такъ и надо, да и самые порядки къ особенной чистотѣ не располагали. Но о порядкахъ я скажу послѣ...

Только что Чекуновъ подалъ мнѣ чай (мимоходомъ сказать, на палатной водѣ, которая приносилась разомъ на

дѣлыя сутки и какъ-то слишкомъ скоро портилась въ нашемъ воздухѣ), отворилась съ нѣкоторымъ шумомъ дверь и за усиленнымъ конвоемъ введенъ былъ только что наказанный шпицрутенами солдатикъ. Это было въ первый разъ, какъ я видѣлъ наказаннаго. Впослѣдствіи ихъ приводили часто, иныхъ даже приносили (слишкомъ ужъ тяжело наказанныхъ), и каждый разъ это составляло большое развлеченіе больнымъ. Встрѣчали у насъ такового обыкновенно съ усиленно-строгимъ выраженіемъ лицъ и съ какою-то даже нѣсколько натянутою серьезностью. Впрочемъ, пріемъ отчасти зависѣлъ и отъ степени важности преступленія, а слѣдственно и отъ количества наказанія. Очень больно битый и, по репутаціи, большой преступникъ, пользовался и большимъ уваженіемъ, и большимъ вниманіемъ, чѣмъ какой-нибудь бѣжавшій рекрутикъ, вотъ какъ тотъ, на примѣръ, котораго привели теперь. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ ни особенныхъ сожалѣній, ни какихъ-нибудь особенно раздражительныхъ замѣчаній не дѣлалось. Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныхъ и искусныхъ руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ ловкомъ выдергиваніи запозъ изъ болячекъ, которыя зачастую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ. Послѣдняя операція обыкновенно очень бываетъ неприятна больному. Но вообще меня всегда удивляла необыкновенная стойкость въ перенесеніи боли наказанными. Много я ихъ перевидалъ, иногда уже слишкомъ битыхъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не стоналъ! Только лицо какъ будто все измѣнится, поблѣднѣетъ; глаза горять; взглядъ разсѣянный, безпокойный, губы трясутся, такъ что бѣдняга нарочно прикусываетъ ихъ, бывало, чуть не до крови зубами. Вошедшій солдатикъ былъ парень лѣтъ двадцати трехъ, крѣпкаго, мускулистаго сложенія, красиваго лица, высокій, стройный, смуглотѣлый. Спина его была, впрочемъ, порядочно побита. Сверху до самой поясницы все его тѣло было обнажено; на плеча его была накинута мокрая простыня, отъ которой онъ дрожалъ всѣми членами какъ въ лихорадкѣ, и часа полтора ходилъ взадъ

и впередъ по палатѣ. Я вглядывался въ его лицо: казалось, онъ ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, смотрѣлъ странно и дико, бѣглымъ взглядомъ, которому видимо тяжело было остановиться на чемъ-нибудь внимательно. Мнѣ показалось, что онъ пристально посмотрѣлъ на мой чай. Чай былъ горячій; паръ валилъ изъ чашки, а бѣднякъ иззябъ и дрожалъ, стуча зубъ-объ-зубъ. Я пригласилъ его выпить. Онъ молча и круто повернулъ ко мнѣ, взялъ чашку, выпилъ стоя и безъ сахара, при чемъ очень торопился и какъ-то особенно старался не глядѣть на меня. Выпивъ все, онъ молча поставилъ чашку и, даже не кивнувъ мнѣ головою, пошелъ опять сновать назадъ и впередъ по палатѣ. Но ему было не до словъ и не до киваній! Что же касается до арестантовъ, то всѣ они сначала почему-то избѣгали всякаго разговора съ наказаннымъ рекрутикомъ; напротивъ, помоги ему вначалѣ, они какъ будто сами старались потомъ не обращать на него болѣе никакого вниманія, можетъ быть, желая какъ можно болѣе дать ему покоя и не докучать ему никакими дальнѣйшими допросами и „участіями“, чѣмъ онъ, кажется, былъ совершенно доволенъ.

Между тѣмъ, смерклося, зажгли ночникъ. У нѣкоторыхъ изъ арестантовъ оказались даже свои собственные подсвѣчники, впрочемъ, очень не у многихъ. Наконецъ, уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внося въ нее предварительно ночной ушатъ... Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется здѣсь всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ коридорѣ, всего только два шага отъ дверей. Но ужъ таковъ былъ заведенный порядокъ. Днемъ арестанта еще выпускали изъ палаты, впрочемъ, не болѣе какъ на одну минутку; ночью же ни подъ какимъ видомъ. Арестантскія палаты не походили на обыкновенныя, и больной арестантъ даже и въ болѣзни несъ свое наказаніе. Кѣмъ первоначально заведенъ былъ этотъ порядокъ— не знаю; знаю только, что настоящаго порядка въ этомъ не было никакого и что никогда вся бесполезная суть формальности не выказывалась крупнѣе, какъ, на примѣръ, въ этомъ случаѣ. Порядокъ этотъ шелъ, разумѣется, не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не нахвалялись своими лѣкарями, считали ихъ за отцовъ, уважали ихъ. Всякій видѣлъ отъ нихъ себѣ ласку, слышалъ доброе

слово, а арестантъ, отверженный всѣми, цѣнилъ это, потому что видѣлъ неподдѣльность и искренность этого добраго слова и этой ласки. Она могла и не быть; съ лѣкарей бы никто не спросилъ, если-бъ они обращались иначе, то-есть грубѣе и безчеловѣчнѣе: слѣдственно, они были добры изъ настоящаго человѣколюбіи. И ужъ, разумѣется, они понимали, что больному, кто бы онъ ни былъ, арестантъ-ли, нѣтъ-ли, нуженъ такой же свѣжій воздухъ, какъ и всякому другому больному, даже самаго высшаго чина. Больные въ другихъ палатахъ, выздоравливающіе, напримѣръ, могли свободно ходить по коридорамъ, задавать себѣ болѣе большой модіонъ, дышать воздухомъ не на столько отравленнымъ, какъ воздухъ палатный, спертый и всегда необходимо наполненный удушливыми испареніями. И страшно, и гадко представить себѣ теперь, до какой же степени долженъ былъ отравляться этотъ и безъ того уже отравленный воздухъ по ночамъ у насъ, когда вносили этотъ ушатъ, при теплой температурѣ палаты и при извѣстныхъ болѣзняхъ, при которыхъ невозможно обойтись безъ выхода? Если я сказалъ теперь, что арестантъ и въ болѣзни несъ свое наказаніе, то, разумѣется, не предполагалъ и не предполагаю, что такой порядокъ устроенъ былъ именно только для одного наказанія. Разумѣется, это была бы бессмысленная съ моей стороны клевета. Больныхъ уже нечего наказывать. А если такъ, то, само собой разумѣется, что, вѣроятно, какая-нибудь строгая суровая необходимость принуждала начальство къ такой вредной по своимъ послѣдствіямъ мѣрѣ. Какая же? Но вотъ тѣмъ-то и досадно, что ничѣмъ другимъ нельзя хоть сколько-нибудь объяснить необходимость этой мѣры и сверхъ того многихъ другихъ мѣръ, до того непонятныхъ, что не только объяснить, но даже предугадать объясненіе ихъ невозможно. Чѣмъ объяснить такую бесполезную жестокость? Тѣмъ, видите-ли, что арестантъ придетъ въ больницу, нарочно притворившись больнымъ, обманетъ докторовъ, выйдетъ ночью въ сортиръ и, пользуясь темнотою, убѣжитъ? Seriously доказывать всю нескладность такого разсужденія почти невозможно. Куда убѣжитъ? Какъ убѣжитъ? Въ чемъ убѣжитъ? Днемъ выпускаются по одному; также могло бы быть и ночью. У двери стоитъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ. Ретирадное мѣсто буквально въ двухъ шагахъ отъ часоваго, но, несмотря на то, туда сопровождаетъ больного подча...

сокъ и не спускаеть съ него глазъ все время. Тамъ только одно окно, по зимнему, съ двумя рамами и съ желѣзной рѣшеткой. Подъ окномъ же на дворѣ, у самыхъ оконъ арестантскихъ палатъ, тоже ходитъ всю ночь часовой. Чтобъ выйти въ окно, нужно выбить раму и рѣшетку. Кто-жь это позволить? Но положимъ, онъ убѣдетъ предварительно подчаска, такъ что тотъ и не пикнетъ, и никто того не услышитъ. Но допустивъ даже эту нелѣпость, нужно вѣдь все-таки ломать окно и рѣшетку. Замѣтите, что тутъ же подлѣ часоваго спятъ палатные сторожа, а въ десяти шагахъ, у другой арестантской палаты, стоитъ другой часовой съ ружьемъ, возлѣ него другой подчасокъ и другіе сторожа. И куда бѣжать зимой въ чулкахъ, въ туфляхъ, въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ? А если такъ, если такъ мало опасности (т. е. по-настоящему совершенно нѣтъ никакой),—для чего такое серьезное оглашение больныхъ, можетъ-быть, въ послѣдніе дни и часы ихъ жизни, больныхъ, которымъ свѣжій воздухъ еще нуженѣе, чѣмъ здоровымъ? Для чего? Я никогда не могъ понять этого.

Но если ужъ спрошено разъ: „для чего“, и такъ какъ ужъ пришлось къ слову, то не могу не вспомнить теперь и еще объ одномъ недоумѣніи, столько лѣтъ торчавшемъ передо мной въ видѣ самаго загадочнаго факта, на который я тоже никакимъ образомъ не могъ подыскать отвѣта. Не могу не сказать объ этомъ хотя нѣсколько словъ, прежде чѣмъ приступлю къ продолженію моего описанія. Я говорю о кандалахъ, отъ которыхъ не избавляетъ никакая болѣзнь рѣшонаго каторжника. Даже чахоточные умирали на моихъ глазахъ въ кандалахъ. И между тѣмъ всѣ къ этому привыкли, всѣ считали это чѣмъ-то совершившимся, неотразимымъ. Врядъ-ли даже и задумывался кто-нибудь объ этомъ, когда даже и изъ докторовъ никому и въ умъ не пришло, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хоть одинъ разъ походатайствовать у начальства о расковкѣ трудно-больнаго арестанта, особенно въ чахоткѣ. Положимъ, кандалы сами по себѣ не Богъ знаетъ какая тягость. Вѣсу они бываютъ отъ восьми до двѣнадцати фунтовъ. Носить десять фунтовъ здоровому человѣку не отягчительно. Говорили мнѣ, впрочемъ, что отъ кандаловъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ начинаютъ будто бы ноги сохнуть. Не знаю, правда-ли это, хотя, впрочемъ, тутъ есть нѣкоторая вѣроятность. Тягость, хоть и малая, хоть и въ

десять фунтовъ, прищипленная къ ногѣ навсегда, все-таки ненормально увеличиваетъ вѣсь члена и черезъ долгое время можетъ оказать нѣкоторое вредное дѣйствіе... Но положимъ, что для здороваго все ничего. Такъ-ли для больного? Положимъ, что и обыкновенному больному ничего. Но таково-ли, повторяю, для трудно-больныхъ, таково-ли для чахоточныхъ, у которыхъ и безъ того уже сохнуть руки и ноги, такъ что всякая соломинка становится тяжела? И право, если-бъ медицинское начальство выхлопотало облегченіе хотя бы только однимъ чахоточнымъ, то ужъ и это одно было бы истиннымъ и великимъ **благодѣяніемъ**. Положимъ, скажетъ кто-нибудь, что арестантъ злодѣй и недостойнъ **благодѣяній**; но вѣдь неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся перстъ Божій? Да и повѣрить нельзя, чтобъ это дѣлалось для одного наказанія. Чахоточный и по суду избавляется отъ наказанія тѣлеснаго. Слѣдственно, тутъ опять-таки заключается какая-нибудь таинственная, важная мѣра, въ видахъ спасительной предосторожности. Но какая—понять нельзя. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ бояться, что чахоточный **убѣжить**. Кому это придется въ голову, особенно имѣя въ виду извѣстную степень развитія болѣзни? Прикинуться же чахоточнымъ, обмануть докторовъ, чтобъ **убѣжать**—невозможно. Не такая болѣзнь; ее съ перваго взгляда видно. Да и кстати сказать: неужели **заковываютъ** человѣка въ ножны кандалы для того только, чтобъ онъ не бѣжалъ или чтобъ это помѣшало ему **бѣжать**? Совсѣмъ нѣтъ. Кандалы—одно шельмованіе, стыдъ и тягость, физическая и нравственная. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается. Бѣжать же они никогда никому помѣшать не могутъ. Самый неумѣлый, самый неловкій арестантъ сумѣетъ ихъ безъ большого труда очень скоро **подпилить** или **сбить** **заклепку** **камнемъ**. Ножныя кандалы рѣшительно ни отъ чего не предостерегаютъ; а если такъ, если назначаются они рѣшному каторжному только для одного наказанія, то опять спрашиваю: неужели же **наказывать** умирающаго?

И вотъ теперь, какъ я пишу это, ярко припоминается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный, тотъ самый Михайловъ, который лежалъ почти противъ меня, недалеко отъ Устьянцева, и который умеръ, помнится, на четвертый день по прибытіи моемъ въ палату. Можетъ-быть, я и заговорилъ теперь о чахоточныхъ, невольно повторяя тѣ

впечатлѣнія и тѣ мысли, которыя тогда же пришли мнѣ въ голову по поводу этой смерти. Самого Михайлова, впрочемъ, я мало зналъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, не болѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно-грустный. Точно онъ „засыхалъ“ въ острогѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ о себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза, и право не знаю, почему онъ мнѣ такъ отчетливо вспоминается. Онъ умеръ часа въ три пополудни, въ морозный и ясный день. Помню, солнце такъ и пронизывало крѣпкими, косыми лучами зеленыя, слегка подмерзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза его уже начинали не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣньемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуху было мало. Онъ сбилъ съ себя одѣяло, всю одежду и, наконецъ, началъ срывать съ себя рубашку: даже и та казалась ему тяжелою. Ему помогли и сняли съ него и рубашку. Страшно было смотрѣть на это длинное-длинное тѣло, съ высохшими до кости ногами и руками, съ опавшимъ животомъ, съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всемъ тѣлѣ его остались одинъ только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которыя, кажется, онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его всѣ у насъ какъ будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ, — ступалъ какъ-то неслышно. Разговаривали межъ собой мало о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умирающаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, онъ блуждающей и нетвердой рукой нащупалъ на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, безпокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь къ караульному, дали знать. Вошелъ сторожъ, тупо посмотрѣлъ на мертвеца и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый малый, немного излишне заня-

тый своею наружностью, довольно, впрочемъ, счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по при- тихшей палатѣ, подошелъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно развязнымъ видомъ, какъ будто нарочно выду- маннымъ для этого случая, взявъ его за пульсъ, пощупалъ, махнулъ рукою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія; его и за мертвого-то признать надо было съ особыми церемоніями. Въ ожиданіи караульныхъ, кто-то изъ арестантовъ тихимъ голосомъ подалъ мысль, что не худо бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошелъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взявъ его, осмотрѣлъ и молча надѣлъ его опять Михай- лову на шею; надѣлъ и перекрестился. Между тѣмъ мерт- вое лицо костенѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ; ротъ былъ полураскрытъ; два ряда бѣлыхъ, молодыхъ зубовъ сверкали изъ-подъ тонкихъ, прилишихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ при тесахъ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ, все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ недоумѣніемъ посматри- вая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ, въ однихъ кандалахъ, по- разилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо. Помню, въ это же самое мгновенье тутъ же стоялъ Чекуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ, и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ вглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились, и у Чекунова вдругъ отчего- то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ-то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро, точно печально кивнувъ унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ:

— Тоже вѣдь мать была! и отошелъ прочь.

Помню, эти слова меня точно пронзили... И для чего онъ ихъ проговорилъ, и какъ пришли они ему въ голову? Но вотъ трупъ стали поднимать: подняли вмѣстѣ съ кой- кой; солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули объ полъ... Ихъ подобрали. Тѣло по- несли. Вдругъ всѣ громко заговорили. Слышно было, какъ

унтеръ-офицеръ, уже въ коридорѣ, посылалъ кого-то за кузнецомъ. Слѣдовало расковать мертвеца...

Но я отступилъ отъ предмета...

II.

Продолженіе.

Доктора обходили палаты поутру; часу въ одиннадцатомъ являлись они у насъ всѣ вмѣстѣ, сопровождая главнаго доктора, а прежде нихъ, часа за полтора, посѣщалъ палату нашъ ординаторъ. Въ то время у насъ былъ ординаторомъ одинъ молоденькій лѣкаръ, знающій дѣло, ласковый, привѣтливый, котораго очень любили арестанты и находили въ немъ только одинъ недостатокъ: „слишкомъ ужъ смиренъ“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ какъ-то не разговорчивъ, даже какъ будто конфузился насъ, чуть не краснѣлъ, измѣнялъ порціи чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лѣкарства по ихъ же просьбѣ. Впрочемъ, онъ былъ славный молодой человекъ. Надо признаться, много лѣкарей на Руси пользуются любовью и уваженіемъ простаго народа, и это, сколько я замѣтилъ, совершенная правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксомъ, особенно взявъ въ соображеніе всеобщее недовѣріе всего русскаго простаго народа къ медицинѣ и къ заморскимъ лѣкарствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, простолюдинъ скорѣе нѣсколько лѣтъ сряду, страдая самую тяжелою болѣзнию, будетъ лѣчиться у запахарки или своими домашними, простонародными лѣкарствами (которыми отнюдь не надо пренебрегать), чѣмъ пойдетъ къ доктору или лежать въ госпиталь. Но кромѣ того, что тутъ есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, совершенно не относящееся къ медицинѣ, именно: всеобщее недовѣріе всего простолюдья ко всему, что носитъ на себѣ печать административнаго, форменнаго; кромѣ того, народъ запуганъ и предубѣжденъ противъ госпиталей разными страхами, розказнями, нерѣдко нелѣпыми, но иногда и имѣющими свое основаніе. Но, главное, его пугаютъ нѣмецкіе порядки госпиталя, чужіе люди кругомъ во все продолженіе болѣзни, строгости насчетъ ѣды, рассказы о настойчивой суровости фельдшеровъ и лѣкарей, о взрѣзываніи и потрошеніи труповъ и проч. Къ тому же, разсуждаетъ народъ, господа лѣчить будутъ, потому что лѣкаря все-таки господа. Но

при болѣе близкомъ знакомствѣ съ лѣкарями (хотя и не безъ исключеній, но большею частью), всѣ эти страхи исчезаютъ очень скоро, что, по моему мнѣнiю, прямо относится къ чести докторовъ нашихъ, преимущественно молодыхъ. Большая часть ихъ умѣютъ заслужить уваженiе и даже любовь простонародья. По крайней мѣрѣ, я пишу о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ неоднократно и во многихъ мѣстахъ, и не имѣю основанiй думать, чтобъ въ другихъ мѣстахъ слишкомъ часто поступалось иначе. Конечно, въ нѣкоторыхъ уголкахъ лѣкаря берутъ взятки, сильно пользуются отъ своихъ больницъ, почти пренебрегаютъ больными, даже забываютъ совсѣмъ медицину. Это еще есть; но я говорю про большинство или, лучше сказать, про тотъ духъ, про то направленiе, которое осуществляется теперь, въ наши дни, въ медицинѣ. Тѣ же отступники дѣла, волки въ овечьемъ стадѣ, что бы ни представляли въ свое оправданiе, какъ бы ни оправдывались, напримѣръ, хоть *средой*, которая заѣла и ихъ въ свою очередь, всегда будутъ неправы, особенно если при этомъ потеряли и человѣколюбiе. А человѣколюбiе, ласковость, братское состраданiе къ больному иногда нужнѣе ему всѣхъ лѣкарствъ. Пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ заѣла. Это, положимъ, правда, что она многое въ насъ заѣдаетъ, да не все же, и часто иной хитрый и понимающiй дѣло плутъ преловко прикрываетъ и оправдываетъ влiянiемъ этой среды не одну свою слабость, а нерѣдко и просто подлость, особенно если умѣетъ красно говорить или писать. Впрочемъ, я опять отбилъ отъ темы; я хотѣлъ только сказать, что простой народъ недоувѣрчивъ и враждебенъ болѣе къ администраци медицинскои, а не къ лѣкарямъ. Узнавъ, каковы они на дѣлѣ, онъ быстро теряетъ многя изъ своихъ предубѣжденiй. Прочая же обстановка нашихъ лѣчебницъ до сихъ поръ во многомъ не соотвѣтствуетъ духу народа, до сихъ поръ враждебна своими порядками привычкамъ нашего простолюдья и не въ состоянiи приобрести полного довѣрiя и уваженiя народнаго. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется изъ нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ впечатлѣнiй.

Нашъ ординаторъ обыкновенно останавливался передъ каждымъ больнымъ, серьезно и чрезвычайно внимательно осматривалъ его и опрашивалъ, назначалъ лѣкарства, порци. Иногда онъ и самъ замѣчалъ, что больной ни-

чѣмъ не боленъ; но такъ какъ арестантъ пришелъ отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякѣ, вмѣсто голыхъ досокъ, и, наконецъ, все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи, гдѣ въ тѣснотѣ содержатся густыя кучи блѣдныхъ и испитыхъ подсудимыхъ (подсудимые у насъ почти всегда, на всей Руси, блѣдные и испитые, — признакъ, что ихъ содержаніе и душевное состояніе почти всегда тяжелѣе чѣмъ у рѣшонныхъ), то нашъ ординаторъ спокойно записывалъ имъ какую-нибудь *febris catarrhalis* и оставлялъ лежать иногда даже на недѣлю. Надъ этой *febris catarrhalis* всѣ смѣялись у насъ. Знали очень хорошо, что это принятая у насъ по какому-то обоюдному согласію между докторомъ и больнымъ формула для обозначенія притворной болѣзни: „запасныя колотья“, какъ переводили сами арестанты *febris catarrhalis*. Иногда больной злоупотреблялъ мягкосердіемъ лѣкаря и продолжалъ лежать до тѣхъ поръ, пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: онъ какъ будто робѣлъ, какъ будто стыдился прямо сказать больному, чтобъ онъ выздоравливалъ и скорѣе бы просился на выписку, хотя и имѣлъ полное право, просто-за-просто, безъ всякихъ разговоровъ и умасливаній выписать его, написавъ ему въ скорбномъ листкѣ: *sanat est*. Онъ сначала намекалъ ему, потомъ какъ бы упрасивалъ: „Не пора-ли дескать? Вѣдь ужъ ты почти здоровъ, въ палатѣ тѣсно“ и проч., и проч. до тѣхъ поръ, пока больному самому становилось совѣстно и онъ самъ, наконецъ, просился на выписку. Старшій докторъ, хоть былъ и чело-вѣколюбивый и честный чело-вѣкъ (его тоже очень любили больные), но былъ несравненно суровѣе, рѣшительнѣе ординатора: даже при случаѣ выказывалъ суровую строгость и за это его у насъ какъ-то особенно уважали. Онъ являлся въ сопровожденіи всѣхъ госпитальныхъ лѣкарей, послѣ ординатора, тоже свидѣтельствовалъ каждого по одиночкѣ, особенно останавливался надъ трудными больными, всегда умѣлъ сказать имъ доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производилъ хорошее впечатлѣніе. Пришедшихъ съ запасными колотьями онъ никогда не отвергалъ и не отсылалъ назадъ; но если больной самъ упорствовалъ, то просто-за-просто выписывалъ его: „Ну, что-жъ, братъ, полежалъ довольно, отдохнулъ, ступай, надо честь знать“. Упорствовали обыкновенно или лѣнливые до работъ, особенно въ рабочее, лѣт-

нее время, или изъ подсудимыхъ, ожидавшихъ себѣ наказанія. Помню, съ однимъ изъ такихъ употреблена была особенная строгость, жестокость даже, чтобъ склонить его къ выпискѣ. Пришелъ онъ съ главною болѣзнью; глаза красные, жалуются на сильную колючую боль въ глазахъ. Его стали лѣчить мушками, пивками, брызгами въ глаза какою-то разбѣдающей жидкостью и проч., но болѣзнь все-таки не проходила, глаза не очищались. Мало-по-малу догадались доктора, что болѣзнь притворная: воспаленіе постоянно небольшое, хуже не дѣлается, да и не вылѣчивается, все въ одномъ положеніи. Случай подозрительный. Арестанты всѣ давно уже знали, что онъ притворяется и людей обманываетъ, хотя самъ онъ и не признавался въ этомъ. Это былъ молодой парень, даже красивый собой, но производившій какое-то непріятное впечатлѣніе на всѣхъ насъ: скрытный, подозрительный, нахмуренный, ни съ кѣмъ не говоритъ, глядитъ исподлобья, отъ всѣхъ таится, точно всѣхъ подозрѣваетъ. Я помню—инимъ даже приходило въ голову, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-нибудь. Онъ былъ солдатъ, сильно проворовался, былъ уличенъ, и ему выходили тысяча палокъ и арестантскія роты. Чтобъ отдалить минуту наказанія, какъ я уже упоминалъ прежде, рѣшаются иногда подсудимые на страшныя выходки: пырнетъ ножомъ наканунѣ казни кого-нибудь изъ начальства, или своего брата-арестанта, его и судятъ по-новому и отдалается наказаніе еще мѣсяца на два, и дѣль его достигается. Ему нужды нѣтъ до того, что его будутъ наказывать черезъ два же мѣсяца вдвое, втрое суровѣе; только бы теперь-то отдалить грозную минуту хоть на нѣсколько дней, а тамъ что бы ни было,—до того бываетъ иногда силенъ упадокъ духа въ этихъ несчастныхъ. У насъ иные шептались промежъ себя, чтобъ остерегаться его; пожалуй, зарѣжетъ кого-нибудь ночью. Впрочемъ, такъ только говорили, а особенныхъ предосторожностей никакихъ не брали, даже тѣ, у которыхъ койки приходились съ нимъ рядомъ. Видѣли, впрочемъ, что онъ по ночамъ растираетъ глаза известкой со штукатурки и чѣмъ-то еще другимъ, чтобъ къ утру они опять стали красные. Наконецъ, главный докторъ погрозилъ ему заволокой. Въ упорной глазной болѣзни, продолжающейся долго и когда уже всѣ медицинскія средства бывають испытаны, чтобъ спасти зрѣніе, доктора рѣшаются на сильное и мучительное средство: ставятъ

больному заволоку, точно лошади. Но бѣднякъ и тутъ не согласился выздоровѣть. Что за упрямый былъ этотъ характеръ, или ужъ слишкомъ трусливый: вѣдь заволока была хоть и не такъ какъ палки, но тоже очень мучительна. Больному собирають сзади на шеѣ кожу рукой, сколько можно захватить, протыкая все захваченное тѣло ножомъ, отчего происходитъ широкая и длинная рана по всему затылку, и продѣваютъ въ эту рану холстинную тесемку, довольно широкую, почти въ палецъ; потомъ каждый день, въ опредѣленный часъ, эту тесемку передергиваютъ въ ранѣ, такъ что какъ будто вновь ее разрѣзають, чтобъ она вѣчно гноилась и не заживала. Бѣднякъ переносилъ, впрочемъ, съ ужасными мученіями и эту пытку упорно нѣсколько дней и наконецъ только согласился выписаться. Глаза его въ одинъ день стали совершенно здоровые, и какъ только зажила его шея, онъ отправился на гауптвахту, чтобъ на завтра же выйти опять на тысячу палокъ.

Конечно, тяжела минута передъ наказаніемъ, тяжела до того, что, можетъ-быть, я грѣшу, называя этотъ страхъ малодушіемъ и трусостию. Стало-быть, тяжело, когда подвергаются двойному, тройному наказанію, только бы не сейчасъ оно исполнилось. Я упоминалъ, впрочемъ, и о такихъ, которые сами просились скорѣе на выписку еще съ незажившей отъ первыхъ палокъ спиной, чтобъ выходить остальные удары и окончательно выйти изъ-подъ суда; а содержаніе подъ судомъ, на гауптвахтѣ, конечно, для всѣхъ несравненно хуже каторги. Но кромѣ разницы темпераментовъ, большую роль играетъ въ рѣшимости и безстрашии нѣкоторыхъ закоренѣлая привычка къ ударамъ и къ наказанію. Многократно битый какъ-то укрѣпляется духомъ и спиной и смотритъ, наконецъ, на наказаніе скептически, почти какъ на малое неудобство, и уже не боится его. Говоря вообще, это вѣрно. Одинъ нашъ арестантикъ, изъ особаго отдѣленія, крещеный калмыкъ, Александръ или Александра, какъ звали его у насъ, странный малый, плутоватый, безстрашный и въ то же время очень добродушный, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ выходилъ свои четыре тысячи, рассказывалъ смѣясь и шутя, но тутъ же клялся пресерьезно, что если-бъ съ дѣтства, съ самаго нѣжнаго, перваго своего дѣтства онъ не выросъ подъ плетью, отъ которой буквально всю жизнь его въ своей ордѣ не сходили рубцы съ его спины, то

онъ бы ни за что не вынесъ этихъ четырехъ тысячъ. Рассказывал, онъ какъ будто благословлялъ это воспитаніе подъ плетью. „Меня за все били, Александръ Петровичъ! говорилъ онъ мнѣ разъ, сидя на моей койкѣ, подъ вечеръ, передъ огнями,— за все, про все, за что ни попало, били лѣтъ пятнадцать сряду, съ самаго того дня, какъ себя помнить началъ, каждый день по нѣскольку разъ; не билъ кто не хотѣлъ; такъ что я подъ конецъ ужъ совсѣмъ привыкъ“. Какъ онъ попалъ въ солдаты— не знаю; не помню, впрочемъ, можетъ, онъ и рассказывалъ; это былъ всегдашній бѣгушъ и бродяга. Только помню его рассказъ о томъ, какъ онъ ужасно струсилъ, когда его приговорили къ четыремъ тысячамъ за убійство начальника. „Я зналъ, что меня будутъ наказывать строго и что, можетъ, изъ-подъ палокъ не выпустятъ, и хоть я и привыкъ къ плетямъ, да вѣдь четыре тысячи палокъ,— шутка! да еще все начальство озлилось! Зналъ я, навѣрно зналъ, что не пройдетъ даромъ, не выхожу; не выпустятъ изъ-подъ палокъ. Я сначала попробовалъ было окреститься, думаю, авось простятъ, и хоть мнѣ свои же тогда говорили, что ничего изъ этого не выйдетъ, не простятъ, да думаю: все-таки попробую, все-таки имъ жалче будетъ крещенаго-то. Меня и въ самомъ дѣлѣ окрестили и при святомъ крещеніи нарекли Александромъ; ну, а палки все-таки палками остались; хоть бы одну простили; даже обидно мнѣ стало. Я и думаю про себя: постой же, я васъ всѣхъ и взаправду надую. И вѣдь что вы думаете, Александръ Петровичъ, надуль! Я ужасно умѣлъ хорошо мертвымъ представиться, то-есть не то чтобы совсѣмъ мертвымъ, а вотъ-вотъ сейчасъ душа вонъ изъ тѣла уйдетъ. Повели меня; ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли, ноги подламываются; я грохъ объ землю; глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыханья нѣтъ, у рта пѣна. Подошелъ лѣкаръ: „сейчасъ, говоритъ, умретъ“. Понесли меня въ госпиталь, а я тотчасъ ожилъ. Такъ меня еще два раза потомъ выводили, и ужъ злились они, очень на меня злились, а я ихъ еще два раза надуль; третью тысячу только одну прошелъ, обмеръ, а какъ пошелъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножомъ по сердцу проходилъ, каждый ударъ за три удара шель, такъ больно били! Остервенились на меня. Эта-то вотъ скаредная послѣдняя тысяча (чтобъ ее!..) всѣхъ трехъ

первыхъ стоила, и кабы не умеръ я передъ самымъ концомъ (всего палокъ двѣсти только оставалось), забили бы тутъ же на-смерть, ну, да и я не далъ себя въ обиду; опять надулъ и опять обмеръ; опять повѣрили, да и какъ не повѣрить, лѣкаръ вѣрить, такъ что на двухстахъ-то послѣднихъ, хоть изъ всей злости били потомъ, такъ били, что въ другой разъ двѣ тысячи легче, да нѣтъ, носъ утри, не забилъ? А отчего не забилъ? А все тоже потому, сыздѣтства подъ плетью росъ. Оттого и живъ до сегодня. Охъ, били-то меня били на моемъ вѣку!“ прибавилъ онъ въ концѣ разказа, какъ бы въ грустномъ раздумьи, какъ бы силясь припомнить и пересчитать, сколько разъ его били. „Да нѣтъ, прибавилъ онъ, перебивая минутное молчаніе,—и не пересчитать сколько били; да и куды перечесть! Счету такого не хватитъ“. Онъ взглянулъ на меня и разсмѣлся, но такъ добродушно, что я самъ не могъ не улыбнуться ему въ отвѣтъ. „Знаете-ли, Александръ Петровичъ, я вѣдь и теперь, коли сонъ ночью вижу, такъ непремѣнно,—что меня бьютъ; другихъ и сновъ у меня не бываетъ“. Онъ дѣйствительно часто кричалъ по ночамъ и кричалъ, бывало, во все горло, такъ что его тотчасъ будили толчками арестанты: „Ну, что, чортъ, кричишь!“ Былъ онъ парень здоровый, невысокаго росту, вертлявый и веселый, лѣтъ сорока пяти, жилъ со всѣми ладно, и хоть очень любилъ воровать и очень часто бывалъ у насъ битъ за это, но вѣдь кто-жъ у насъ не проворовывался, и кто-жъ у насъ не былъ битъ за это.

Прибавлю къ этому одно: удивлялся я всегда тому необыкновенному добродушію, тому беззлобію, съ которымъ разсказывали всѣ эти битые о томъ, какъ ихъ били, и о тѣхъ, кто ихъ билъ. Часто ни малѣйшаго даже оттѣнка злобы или ненависти не слышалось въ такомъ разказѣ, отъ котораго у меня подчасъ подымалось сердце и начинало крѣпко и сильно стучать. А они, бывало, разсказываютъ и смѣются какъ дѣти. Вотъ М—цкій, напримѣръ, разсказывалъ мнѣ о своемъ наказаніи; онъ былъ не дворянинъ, и прошелъ пятьсотъ. Я узналъ объ этомъ отъ другихъ и самъ спросилъ его: правда-ли это и какъ это было? Онъ отвѣтилъ какъ-то коротко, какъ будто съ какою-то внутреннею болью, точно стараясь не глядѣть на меня, и лицо его покраснѣло; чрезъ полминуты онъ посмотрѣлъ на меня, и въ глазахъ его засверкалъ огонь ненависти, а губы затряслись отъ негодованія. Я почувствовалъ, что

онъ никогда не могъ забыть этой страницы изъ своего прошедшаго. Но наши, почти всѣ (не ручаюсь, чтобъ не было исключеній), смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Не можетъ быть, думалъ я иногда, чтобъ они считали себя совсѣмъ виновными и достойными казни, особенно когда согрѣшили не противъ своихъ, а противъ начальства. Большинство изъ нихъ совсѣмъ себя не вивило. Я сказалъ уже, что угрызений совѣсти я не замѣчалъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе было противъ своего же общества. О преступленіяхъ противъ начальства и говорить нечего. Казалось мнѣ иногда, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ былъ свой особенный, такъ сказать, какой-то практической или, лучше, фактической взглядъ на дѣло. Принималась во вниманіе судьба, неотразимость факта и не то что обдуманно какъ-нибудь, а такъ ужъ, безсознательно, какъ вѣра какаа-нибудь. Арестантъ, на-примѣръ, хотъ и всегда склоненъ чувствовать себя правымъ въ преступленіяхъ противъ начальства, такъ что и самый вопросъ объ этомъ для него немислимъ, но все-таки онъ практически сознавалъ, что начальство смотреть на его преступленія совсѣмъ инымъ взглядомъ, а стало-быть, онъ и долженъ быть наказанъ, и квити. Тутъ борьба обоюдная. Преступникъ знаетъ притомъ и не сомнѣвается, что онъ оправданъ судомъ своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, онъ опять-таки знаетъ это, его окончательно не осудитъ, а большею частью и совсѣмъ оправдаетъ, лишь бы грѣхъ его былъ не противъ своихъ, противъ братьевъ, противъ своего же родного простонародья. Совѣсть его спокойна, а совѣстью онъ и силенъ и не смущается нравственно, а это главное. Онъ какъ бы чувствуетъ, что есть на что опереться, и потому не ненавидитъ, а принимаетъ случившееся съ нимъ за фактъ неминуемый, который не имъ начался, не имъ и кончится и долго-долго еще будетъ продолжаться, среди разъ поставленной, пассивной, но упорной борьбы. Какой солдатъ ненавидитъ лично турку, когда съ нимъ воюетъ; а вѣдь турка же рѣжетъ его, колетъ, стрѣляетъ въ него. Впрочемъ, не всѣ рассказы были ужъ совершенно хладнокровны и равнодушны. Про поручика Жеребятникова, на-примѣръ, рассказывали даже съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ негодованія, впрочемъ, не очень большого. Съ этимъ поручикомъ Жеребятниковымъ я познакомился еще въ первое время моего лежанья въ больницѣ, разумѣется, изъ

арестантскихъ разсказовъ. Потомъ какъ-то и увидѣлъ его и въ натурѣ, когда онъ стоялъ у насъ въ караулѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ подь тридцать, росту высокаго, толстый, жирный, съ румяными, заплывшими жиромъ щеками, съ бѣлыми зубами и съ ноздревскимъ раскатистымъ смѣхомъ. По лицу его было видно, что это самый незадумывающійся человѣкъ въ мірѣ. Онъ до страсти любилъ сѣчь и наказывать палками, когда, бывало, назначали его экзекуторомъ. Спѣшу присовокупить, что на поручика Жеребятникова я ужъ и тогда смотрѣлъ, какъ на урода между своими же, да такъ смотрѣли на него и сами арестанты. Были и кромѣ него исполнители, въ старину, разумѣется, въ ту недавнюю старину, о которой „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“, любившіе исполнить свое дѣло рачительно и съ усердіемъ. Но болѣею частію это происходило наивно и безъ особаго увлеченія. Поручикъ же былъ чѣмъ-то въ родѣ утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ дѣлѣ. Онъ любилъ, онъ страстно любилъ исполнительное искусство, и любилъ единственно для искусства. Онъ наслаждался имъ и, какъ истаскавшійся въ наслажденіяхъ, полинявшій патрицій времени Римской имперіи, изобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противуестественности, чтобъ сколько-нибудь расшевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводятъ арестанта къ наказанію; Жеребятниковъ экзекуторомъ; одинъ взглядъ на длинный, выстроенный рядъ людей съ толстыми палками уже вдохновляетъ его. Онъ самодовольно обходитъ ряды и подтверждаетъ усиленно, чтобы каждый исполнялъ свое дѣло рачительно, совѣстливо, не то... Но ужъ солдатики знали, что значить это *не то*. Но вотъ приводятъ самого преступника, и если онъ еще до сихъ поръ былъ не знакомъ съ Жеребятниковымъ, если не слыхалъ еще про него всей подноготной, то вотъ какую, напримѣръ, штучку тотъ съ нимъ выкидывалъ. (Разумѣется, это одна изъ сотни штучекъ; поручикъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніяхъ). Всякій арестантъ, въ ту минуту, когда его облачаютъ, а руки привязываютъ къ прикладамъ ружей, на которыхъ, такимъ образомъ, тянутъ его потомъ унтеръ-офицеры черезъ всю зеленую улицу, — всякій арестантъ, слѣдуя общему обычаю, всегда начинаетъ въ эту минуту слезливымъ, жалобнымъ голосомъ молить экзекутора, чтобы наказывалъ послабѣе и не усугублялъ наказанія из-

лишнею строгостию: „ваше благородіе, кричитъ несчастный, — помилуйте, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣкъ Бога молить, не погубите, помилосердствуйте!“ Жеребятниковъ только, бывало, того и ждетъ; тотчасъ остановить дѣло и тоже съ чувствительнымъ видомъ начинается разговоръ съ арестантомъ:

— Другъ ты мой, говоритъ онъ,—да что же мнѣ-то дѣлать съ тобой? Не я наказую—законъ!

— Ваше благородіе, все въ **вашихъ** рукахъ, помилосердствуйте!

— А ты думаешь—мнѣ не жалко тебя? Ты думаешь—мнѣ въ удовольствіе смотрѣть, какъ тебя будутъ бить? Вѣдь я тоже человѣкъ! Человѣкъ я, аль нѣтъ, по-твоему?

— Вѣстимо, ваше благородіе, знамо дѣло—вы отцы, мы дѣти. Будьте отцомъ роднымъ! кричитъ арестантъ, начиная уже надѣяться.

— Да, другъ ты мой, разсуди самъ; умъ-то вѣдь у тебя есть, чтобъ разсудить: вѣдь я и самъ знаю, что по человечеству долженъ и на тебя, грѣшника, смотрѣть снисходительно и милостиво.

— Сущую правду изволите, ваше благородіе, говорить!

— Да, милостиво смотрѣть, какъ бы ты ни былъ грѣшенъ. Да вѣдь тутъ не я, а законъ! Подумай! Вѣдь я Богу служу и отечеству; я вѣдь тяжкій грѣхъ возьму на себя, если ослаблю законъ, подумай объ этомъ!

— Ваше благородіе!

— Ну, да ужъ что! Ужъ такъ и быть, для тебя! Знаю, что грѣшу, но ужъ такъ и быть... Помилую я тебя на этотъ разъ, накажу легко. Ну, а что, если я тѣмъ самымъ тебѣ вредъ принесу? Я тебя вотъ теперь **помилую**, накажу легко, а ты понадѣешься, что и другой разъ такъ же будетъ, да и опять преступленіе сдѣлаешь, что тогда? Вѣдь на моей же душѣ...

— Ваше благородіе! Другу-педругу закажу! Вотъ какъ есть передъ престоломъ Небеснаго Создателя...

— Ну, да ужъ хорошо, хорошо! А поклянешься мнѣ, что будешь себя впредь хорошо вести?

— Да разрази меня Господи, да чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ...

— Не клянись, грѣшно. Я и слову **твоему** повѣрю, даешь слово?

— Ваше благородіе!!!

— Ну, слушай же: милую я тебя только ради сиротскихъ слезъ твоихъ; ты сирота?

— Сирота, ваше благородіе, какъ персть одинъ, ни отца, ни матери...

— Ну, такъ ради сиротскихъ слезъ твоихъ; но смотри же, въ послѣдній разъ... Ведите его, прибавляетъ онъ такимъ мягкосердечнымъ голосомъ, что арестантъ ужъ и не знаетъ, какими молитвами Бога молить за такого мистивца.

Но вотъ грозная процессія тронулась, повели; загремѣлъ барабанъ, замахали первыя палки...

— Катай его! кричитъ во все свое горло Жеребятниковъ.—Жги его! Луи, луи! Обжигай! Еще ему, еще ему! Крѣпче сироту, крѣпче мошенника! Сажай его, сажай!

И солдаты лупятъ со всего размаха, искры сыплются изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ кричать, а Жеребятниковъ бѣжить за нимъ по фронту и хохочетъ, хохочетъ, заливается, бока руками подпираетъ отъ смѣха, распрямиться не можетъ, такъ что жалко его подъ конецъ станеть, сердешнаго. И радъ-то онъ, и смѣшно-то ему, и только развѣ изрѣдка перервется его звонкій, здоровый, раскатистый смѣхъ, и слышится опять:

— Луи его, луи! Обжигай его, мошенника, обжигай сироту!..

А то вотъ еще какія онъ изобрѣталъ варьяціи: выведутъ къ наказанію; арестантъ опять начинаетъ молить. Жеребятниковъ на этотъ разъ не ломается, не гримасничаетъ, а пускается въ откровенности:

— Видишь чтб, любезный, говоритъ онъ, — накажу я тебя какъ слѣдуетъ, потому ты и стоишь того. Но вотъ чтб я для тебя, пожалуй, сдѣлаю: къ прикладамъ я тебя не привяжу. Одинъ пойдешь, только по-новому. Бѣги, что есть силы, черезъ весь фронтъ! Тутъ хотъ и каждая палка ударить, да вѣдь дѣло-то будетъ короче, какъ думаешь? Хочешь испробовать?

Арестантъ слушаетъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣрчивостью, и задумывается: „что-жъ, думаетъ онъ про себя,— а, можетъ, оно и вправду вольготнѣе будетъ; пробѣгу чтб есть мочи, такъ мѣла вмятеро короче будетъ, а, можетъ, и не всякая палка ударить“.

— Хорошо, ваше благородіе, согласенъ.

— Ну, и я согласенъ, катай! Смотрите-жъ, не зѣвать! кричитъ онъ солдатамъ, зная, впрочемъ, напередъ, что

ни одна палка не манкируетъ виноватой спины: промахнувшійся солдатъ тоже очень хорошо знаетъ, чему подвергается.

Арестантъ пускается бѣжать что есть силы по „зеленой улицѣ“, но, разумѣется, не пробѣгаетъ и пятнадцати рядовъ: палки, какъ барабанная дробь, какъ молнія, разомъ, вдругъ, низвергаются на его спину, и бѣднякъ съ крикомъ упадаетъ какъ подкошенный, какъ сраженный пулей.

— Нѣтъ, ваше благородіе, лучше ужъ по закону, говорить онъ, медленно подымаясь съ земли, блѣдный и испуганный.

А Жеребятниковъ, который заранѣе зналъ всю эту штуку и что изъ нея выйдетъ, хохочетъ, заливаясь. Но и не описать всѣхъ его развлеченій, и всего, что про него у насъ рассказывали!

Нѣсколько другимъ образомъ, въ другомъ тонѣ и духѣ, рассказывали у насъ объ одномъ поручикѣ Смекаловѣ, исполнявшемъ должность командира при нашемъ острогѣ прежде еще, чѣмъ назначили къ этой должности нашего плацъ-маіора. Про Жеребятникова хоть и рассказывали довольно равнодушно, безъ особенной злобы, но все-таки не любовались его подвигами, не хвалили его, а видимо имъ гнушались. Даже какъ-то свысока презирали его. Но про поручика Смекалова вспоминали у насъ съ радостію и наслажденіемъ. Дѣло въ томъ, что это вовсе не былъ какой-нибудь особенный охотникъ высѣчь; въ немъ отнюдь не было чисто жеребятническаго элемента. Но все-таки онъ былъ отнюдь не прочъ и высѣчь; въ томъ-то и дѣло, что самыя розги его вспоминались у насъ съ какою-то сладкою любовью,—такъ умѣлъ угодить этотъ человекъ арестантамъ! А и чѣмъ? Чѣмъ заслужилъ онъ такую популярность? Правда, нашъ народъ, какъ, можетъ-быть, и весь народъ русскій, готовъ забыть цѣлыя мѣки за одно ласковое слово; говорю объ этомъ какъ о фактѣ, не разбирая его на этотъ разъ ни съ той, ни съ другой стороны. Не трудно было угодить этому народу и приобрести у него популярность. Но поручикъ Смекаловъ приобрѣлъ *особенную* популярность, такъ что даже о томъ, какъ онъ сѣкъ, припоминалось чуть не съ умиленіемъ. „Отца не надо“, говорятъ, бывало, арестанты, и даже вздыхаютъ, сравнивая по воспоминаніямъ ихъ прежняго временного начальника, Смекалова, съ теперешнимъ плацъ-маіоромъ. „Душа человекъ!“—Былъ онъ человекъ простой,

можетъ, даже и добрый по-своему. Но случается, бываетъ не только добрый, но даже и великодушный человѣкъ въ начальникахъ, и что-жъ?—всѣ не любятъ его, а надъ инымъ такъ, смотришь, и просто смѣются. Дѣло въ томъ, что Смекаловъ умѣлъ какъ-то такъ сдѣлать, что всѣ его у насъ признавали за *своего* человѣка, а это большое умѣнье или, вѣрнѣе сказать, прирожденная способность, надъ которой и не задумываются даже обладающіе ею. Странное дѣло, бываютъ даже изъ такихъ и совсѣмъ недобрые люди, а между тѣмъ пріобрѣтаютъ иногда большую популярность. Не брезгливы они, не гадливы къ подчиненному народу,—вотъ гдѣ, кажется мнѣ, причина! Барчонка-бѣлоручки въ нихъ не видать, духа барскаго не слышать, а есть въ нихъ какой-то особенный просто-народный запахъ, прирожденный имъ, и, Боже мой, какъ чутокъ народъ къ этому запаху! Чего онъ не отдастъ за него! Милосерднѣйшаго человѣка готовъ промѣнять даже на самаго строгаго, если этотъ припахиваетъ ихнимъ собственнымъ, поскопнымъ запахомъ. Что-жъ, если этотъ припахивающій человѣкъ сверхъ того и дѣйствительно добродушень, хотя бы и по-своему? Тутъ ужъ ему и цѣны нѣтъ! Поручикъ Смекаловъ, какъ уже и сказалъ я, иной разъ и больно наказывалъ, но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что на него не только не злобствовали, но даже, напротивъ, теперь, въ мое время, какъ ужъ все давно прошло, вспоминали объ его *штучкахъ* при сѣченіи со смѣхомъ и съ наслажденіемъ. Впрочемъ, у него было не много штукъ: фантазіи художественной не хватало. По правдѣ, была всего-то одна штука, одна единственная, съ которой онъ чуть не цѣлый годъ у насъ пробавлялся; но, можетъ быть, она именно и мила-то была тѣмъ, что была единственная. Наивности въ этомъ было много. Приведутъ, напимѣръ, виноватаго арестанта. Смекаловъ самъ выйдетъ къ наказанію, выйдетъ съ усмѣшкою, съ шуточкою, о чемъ-нибудь тутъ же разспроситъ виноватаго, о чемъ-нибудь постороннемъ, объ его личныхъ, домашнихъ, арестантскихъ дѣлахъ, и вовсе не съ какою-нибудь цѣлью, не съ заигрываніемъ какимъ-нибудь, а такъ просто—потому что ему дѣйствительно *знать хочется объ этихъ дѣлахъ*. Принесутъ розги, а Смекалову стулъ; онъ сядетъ на него, трубку даже закуритъ. Длинная у него такая трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... „Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...“ скажетъ Смекаловъ;

арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. „Путка, любезный, умѣешь вотъ такой-то стихъ наизусть?“ — „Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещенные, сыздѣтства учились“. — „Ну, такъ читай“. И ужъ арестантъ знаетъ, что читать, и знаетъ заранѣе, что будетъ при этомъ чтеніи, потому что эта штука разъ тридцать уже и прежде съ другими повторалась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой штукѣ тоже давно ужъ наслышаны, и все-таки онъ повторяетъ ее опять, — такъ она ему разъ навсегда поправилась, можетъ-быть, именно потому, что онъ ее самъ сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждутъ, а Смекаловъ даже принагнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго словца. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходитъ, наконецъ, до слова: „на небеси“. Того только и надо. „Стой!“ кричитъ воспламененный поручикъ, и мигомъ, съ вдохновеннымъ жестомъ обращаясь къ человѣку, поднявшему розгу, кричитъ: „А ты ему поднеси!“

И заливается хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты тоже ухмыляются; ухмыляется сѣкущій, чуть не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ „поднеси“ свиститъ уже въ воздухъ, чтобъ черезъ одинъ мигъ какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу. И радуется Смекаловъ, радуется именно тому, что вотъ какъ же это онъ такъ хорошо придумалъ — и самъ сочинилъ: „на небеси“ и „поднеси“ — и кстати, и въ риѣму выходитъ. И Смекаловъ уходитъ отъ наказанія совершенно довольный собой, да и высѣченный тоже уходитъ чуть не довольный собой и Смекаловымъ, и, смотришь — черезъ полчаса ужъ рассказываетъ въ острогѣ, какъ и теперь, въ тридцать первый разъ, была повторена уже тридцать разъ прежде сего повторенная штука. „Одно слово, душа челоѣкъ! Забавникъ!“

Даже подчасъ какой-то маниловщиной отзывались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ.

— Бывало, идешь этга, братцы, рассказываетъ какой-нибудь арестантикъ и все лицо его улыбается отъ воспоминанія, — идешь, а онъ ужъ сидитъ себѣ подъ окошкомъ въ халатикѣ, чай пьетъ, трубочку покуриваетъ. Снимешь шанку. — Куда, Аксеновъ, идешь?

— Да на работу, Михаилъ Васильичъ, перво-на-перво въ мастерскую надоть; засмѣется себѣ... То-есть душа человѣкъ! Одно слово душа!

— И не нажить такого! прибавляетъ кто-нибудь изъ слушателей.

III.

Продолженіе *).

Я заговорилъ теперь о наказаніяхъ, равно какъ и о разныхъ исполнителяхъ этихъ интересныхъ обязанностей, собственно потому, что, переселясь въ госпиталь, получилъ только тогда и первое наглядное понятіе обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. До тѣхъ поръ я зналъ объ этомъ только по наслышкѣ. Въ наши двѣ палаты сводились всѣ наказанные шпицрутенами подсудимые изъ всѣхъ батальоновъ, арестантскихъ отдѣленій и прочихъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ и во всемъ его округѣ. Въ это первое время, когда я ко всему, что совершалось кругомъ меня, еще такъ жадно приглядывался, всѣ эти странные для меня порядки, всѣ эти наказанные и готовившіеся къ наказанію естественно производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я былъ взволнованъ, смущенъ и испуганъ. Помню, что тогда же я вдругъ и нетерпѣливо сталъ вникать во всѣ подробности этихъ новыхъ явленій, слушать разговоры и рассказы на эту тему другихъ арестантовъ, самъ задавалъ имъ вопросы, добивался рѣшеній. Мнѣ желалось, между прочимъ, знать непременно всѣ степени приговоровъ и исполненій, всѣ оттѣнки этихъ исполненій, взгляды на это самихъ арестантовъ; я старался вообразить себѣ психологическое состояніе идущихъ на казнь. Я сказалъ уже, что передъ наказаніемъ рѣдко кто бываетъ хладнокровенъ, не исключая даже и тѣхъ, которые уже предварительно были много и неоднократно биты. Тутъ вообще находить на осужденнаго какой-то острый, но чисто физическій страхъ, невольный и неотразимый, подавляющій все нравственное существо человѣка. Я и потомъ, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ осторожной жизни, невольно приглядывался къ тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые, пролежавъ въ госпиталь, послѣ первой половины наказанія, и, залѣчивъ свои спины, выписыва-

*) Все, что я пишу здѣсь о наказаніяхъ и казняхъ, было въ мое время. Теперь, я слышалъ, все это измѣнилось и измѣняется.

лись изъ госпиталя, чтобы завтра же выходить остальную половину назначенныхъ по конфирмаціи палокъ. Это раздѣленіе наказанія на двѣ половины случается всегда по приговору лѣкаря, присутствующаго при наказаніи. Если назначенное по преступленію число ударовъ большое, такъ что арестанту всего разомъ не вынести, то дѣлать ему это число на двѣ, даже на три части, судя по тому, что скажетъ докторъ во время уже самаго наказанія, то-есть можетъ-ли наказуемый продолжать идти сквозь строй дальше или это будетъ сопряжено съ опасностью для его жизни. Обыкновенно пятьсотъ, тысяча и даже полторы тысячи выходятся разомъ; но если приговоръ въ двѣ, въ три тысячи, то исполненіе дѣлится на двѣ половины и даже на три. Тѣ, которые, залѣчивъ послѣ первой половины свою спину, выходили изъ госпиталя, чтобы идти подъ вторую половину, въ день выписки и наканунѣ бывали обыкновенно мрачны, угрюмы, неразговорчивы. Замѣчалась въ нихъ нѣкоторая отупѣлость ума, какая-то неестественная разсѣянность. Въ разговоры такой человекъ не пускается и больше молчить; любопытнѣе всего, что съ такимъ и сами арестанты никогда не говорятъ и не стараются заговаривать о томъ, что его ожидаетъ. Ни лишняго слова, ни утѣшенія; даже стараются и вообще-то мало вниманія обращать на такого. Это, конечно, лучше для подсудимаго. Бываютъ исключенія, какъ вотъ, напримеръ, Орловъ, о которомъ я уже рассказывалъ. Послѣ первой половины наказанія онъ только на то и досадовалъ, что спина его долго не заживаетъ и что нельзя ему поскорѣе выписаться, чтобы поскорѣе выходить остальные удары, отправиться съ партіей въ назначенную ему ссылку и бѣжать съ дороги. Но этого развлекала цѣль и Богъ знаетъ, что у него на умѣ. Это была страстная и живучая натура. Онъ былъ очень доволенъ, въ сильно возбужденномъ состояніи, хотя и подавлялъ свои ощущенія. Дѣло въ томъ, что онъ еще передъ первой половиной наказанія думалъ, что его не выпустятъ изъ-подъ палокъ и что онъ долженъ умереть. До него доходили уже разные слухи о мѣрахъ начальства, еще когда онъ содержался подъ судомъ; онъ уже и тогда готовился къ смерти. Но, выйдивъ первую половину, онъ ободрился. Онъ явился въ госпиталь избитый до полусмерти; я еще никогда не видалъ такихъ язвъ; но онъ пришелъ съ радостью въ сердцѣ, съ надеждой, что останется живъ, что

слухи были ложные, что его вотъ выпустили же теперь изъ-подъ палокъ, такъ что теперь, послѣ долгаго содержанія подъ судомъ, ему уже начинали мечтаться дорога, побѣгъ, свобода, поля и лѣса... Черезъ два дня послѣ выписки изъ госпиталя онъ умеръ въ томъ же госпиталѣ, на прежней же койкѣ, не выдержавъ второй половины. Но я уже упоминалъ объ этомъ.

И однако тѣ же арестанты, которые проводили такіе тяжелые дни и ночи передъ самымъ наказаніемъ, переносили самую казнь мужественно, не исключая и самыхъ малодушныхъ. Я рѣдко слышалъ стоны даже въ продолженіе первой ночи по ихъ прибытіи, нерѣдко даже отъ чрезвычайно тяжело избитыхъ; вообще народъ умѣетъ переносить боль. Насчетъ боли я много спрашивалъ. Мнѣ хотѣлось опредѣлительно узнать, какъ велика эта боль; съ чѣмъ ее, наконецъ, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Повторяю, я былъ взволнованъ и потрясенъ. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжетъ, какъ огнемъ палить,—вотъ все, что я могъ узнать, и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. Жжетъ, да и только. Въ это же первое время, сойдясь поближе съ М—мъ, я спрашивалъ и его. „Больно“, отвѣчалъ онъ, „очень, а ощущеніе — жжетъ, какъ огнемъ; какъ будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ“. Однимъ словомъ, всѣ показывали въ одно слово. Впрочемъ, помню, я тогда же сдѣлалъ одно странное замѣчаніе, за вѣрность котораго особенно не стою; но общность приговора самихъ арестантовъ сильно его поддерживаетъ: это то, что розги, если даются въ большомъ количествѣ, самое тяжелое наказаніе изъ всѣхъ у насъ употребляемыхъ. Казалось бы, что это съ перваго взгляда нелѣпо и невозможно. Но однакоже съ пятисотъ, даже съ четырехсотъ розогъ можно засѣчь человѣка до смерти; а свыше пятисотъ почти навѣрно. Тысячи розогъ не вынесетъ разомъ даже человѣкъ самаго сильнѣйшаго сложенія. Между тѣмъ, пятьсотъ палокъ можно перенести безо всякой опасности для жизни. Тысячу палокъ можетъ вынести, безъ опасенія за жизнь, даже и не сильнаго сложенія человѣкъ. Даже съ двухъ тысячъ палокъ нельзя забить человѣка средней силы и здороваго сложенія. Арестанты всѣ говорили, что розги хуже палокъ. „Розги садче“, говорили они, „мѣки боль-

ше". Конечно, розги мучительнѣе палокъ. Онѣ сильнѣе раздражаютъ, сильнѣе дѣйствуютъ на нервы, возбуждаютъ ихъ выше мѣры, потрясаютъ выше возможности. Я не знаю какъ теперь, но въ недавнюю старину были джентльмены, которымъ возможность высѣчь свою жертву доставляла нѣчто напоминающее маркизъ де-Сада и Бренвилье. Я думаю, что въ этомъ ощущеніи есть нѣчто такое, отчего у этихъ джентльменовъ замираетъ сердце, сладко и больно вмѣстѣ. Есть люди, какъ тигры жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ такого же какъ самъ человѣка, такъ же созданнаго, брата, по закону Христову; кто испыталъ власть и полную возможность унижить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучший человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Къ тому же примѣръ, возможность такого своеволя дѣйствуютъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ, право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ лъвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

Палачомъ гнушаются же въ обществѣ, но палачомъ-джентльменомъ далеко нѣтъ. Только недавно высказалось противное мнѣніе, но высказалось еще только въ книгахъ, отвлеченно. Даже тѣ, которые высказываютъ его, не всѣ еще успѣли затушить въ себѣ эту потребность самовластія. Даже всякій фабрикантъ, всякій антрепренеръ непремѣнно долженъ ощущать какое-то раздражительное удовольствіе въ томъ, что его работникъ зависитъ иногда

весь, со всѣмъ семействомъ своимъ, единственно отъ него. Это навѣрно такъ; не такъ скоро поколѣніе отрывается отъ того, что сидитъ въ немъ наследственно; не такъ скоро отказывается человѣкъ отъ того, что вошло въ кровь его, передано ему, такъ сказать, съ матернимъ молокомъ. Не бываетъ такихъ скороспѣлыхъ переворотовъ. Сознать вину и родовой грѣхъ еще мало, очень мало; надобно совсѣмъ отъ него отучиться. А это не такъ скоро дѣлается.

Я заговорилъ о палачѣ. Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ. Но не равно развиваются звѣриныя свойства человѣка. Если же въ комъ-нибудь они пересиливаютъ въ своемъ развитіи всѣ другія его свойства, то такой человѣкъ, конечно, становится ужаснымъ и безобразнымъ. Палачи бываютъ двухъ родовъ: одни бываютъ добровольные, другіе—подневольные, обязанные. Добровольный палачъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ ниже подневольнаго, которымъ однако такъ гнушается народъ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетнаго, чуть не мистическаго страха. Откуда же этотъ почти суевѣрный страхъ къ одному палачу, и такое равнодушіе, чуть не одобреніе къ другому? Бываютъ примѣры до крайности странные: я знавалъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, и между тѣмъ они, напримѣръ, не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами, не молить и не просить о пощадѣ. Наказуемые должны непременно кричать и молить о пощадѣ. Такъ принято: это считается и приличнымъ, и необходимымъ, и когда однажды жертва не хотѣла кричать, то исполнитель, котораго я зналъ и который въ другихъ отношеніяхъ могъ считаться человѣкомъ пожалуй и добрымъ, даже лично обидѣлся при этомъ случаѣ. Онъ хотѣлъ было сначала наказать легко; но не слыша обычныхъ „ваше благородіе, отецъ родной, помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить“ и проч.—разсвирѣпѣлъ и далъ розогъ пятьдесятъ лишнихъ, желая добиться и крику, и просьбъ—и добился. „Нельзя-съ, грубость есть“, отвѣчалъ онъ мнѣ очень серьезно. Что же касается до настоящаго палача, подневольнаго, обязаннаго, то извѣстно: это арестантъ рѣшонный и приговоренный въ ссылку, но оставленный въ палачахъ, поступившій сначала въ науку къ другому палачу и, выучившись у

него, оставленный навѣкъ при острогѣ, гдѣ онъ содержится особо, въ особой комнатѣ, имѣющей даже свое хозяйство, но находящейся почти всегда подъ конвоемъ. Конечно, живой человекъ не машина: палачъ бьетъ хоть и по обязанности, но иногда тоже входитъ въ азартъ; но хоть бьетъ не безъ удовольствія для себя, зато почти никогда не имѣетъ личной ненависти въ своей жертвѣ. Ловкость удара, знаніе своей науки, желаніе показать себя передъ своими товарищами и передъ публикой подстрекаютъ его самолюбіе. Онъ хлопочетъ ради искусства. Кромѣ того, онъ знаетъ очень хорошо, что онъ всеобщій отверженецъ, что суевѣрный страхъ вездѣ встрѣчаетъ и провожаетъ его и нельзя ручаться, чтобъ это не имѣло на него вліянія, не усиливало въ немъ его ярости, его звѣриныхъ наклонностей. Даже дѣти знаютъ, что онъ „отказывается отъ отца и матери“. Странное дѣло, сколько мнѣ ни случалось видѣть палачей, всѣ они были люди развитые, съ толкомъ, съ умомъ и съ необыкновеннымъ самолюбіемъ, даже съ гордостью. Развивалась-ли въ нихъ эта гордость въ отпоръ всеобщему къ нимъ презрѣнію; усиливалась-ли она сознаніемъ страха, внушаемаго ими ихъ жертвѣ, и чувствомъ господства надъ нею, — не знаю. Можетъ-быть, самая парадность и театральность той обстановки, съ которою они являются передъ публикой на эшафотѣ, способствуютъ развитію въ нихъ нѣкотораго высокомѣрія. Помню, мѣ пришлось однажды, въ продолженіе нѣкотораго времени, часто встрѣчать и близко наблюдать одного палача. Это былъ малый средняго роста, мускулистый, сухощавый, лѣтъ сорока, съ довольно приятнымъ и умнымъ лицомъ и съ кудрявой головой. Онъ былъ всегда необыкновенно важень, спокоенъ; снаружи держалъ себя по-джентльменски, отвѣчалъ всегда коротко, расудительно и даже ласково, но какъ-то высокомѣрно-ласково, какъ будто онъ чѣмъ-то чванился предо мною. Караульные офицеры часто съ нимъ при мнѣ заговаривали и, право, даже съ нѣкоторымъ какъ будто уваженіемъ къ нему. Онъ это сознавалъ и передъ начальникомъ нарочно удваивалъ свою вѣжливость, сухость и чувство собственного достоинства. Чѣмъ ласковѣе разговаривалъ съ нимъ начальникъ, тѣмъ неподатливѣе самъ онъ казался, и хотя отнюдь не выступалъ изъ утонченнѣйшей вѣжливости, но, я увѣренъ, въ эту минуту онъ считалъ себя неизмѣримо выше разговаривавшаго съ нимъ началь-

ника. На лицѣ его это было написано. Случалось, что иногда въ очень жаркій лѣтній день посылали его подѣ конвоемъ, съ длиннымъ тонкимъ шестомъ, избивать городскихъ собакъ. Въ этомъ городкѣ было чрезвычайно много собакъ, совершенно никому не принадлежавшихъ и плодившихся съ необыкновенною быстротою. Въ каникулярное время онѣ становились опасными и для истребленія ихъ, по распоряженію нечальства, посылался палачъ. Но даже и эта унижительная должность, повидимому, нимало не унижала его. Надо было видѣть, съ какимъ достоинствомъ онъ расхаживалъ по городскимъ улицамъ, въ сопровожденіи усталаго конвойнаго, пугая уже однимъ видомъ своимъ встрѣчныхъ бабъ и дѣтей, какъ онъ спокойно и даже свысока смотрѣлъ на всѣхъ встрѣчавшихся. Впрочемъ, палачамъ жить привольно. У нихъ есть деньги, ѣдятъ они очень хорошо, пьютъ вино. Деньги достаются имъ черезъ взятки. Гражданскій подсудимый, которому выходитъ по суду наказаніе, предварительно хоть чѣмъ-нибудь, хоть изъ послѣдняго, да подарить палача. Но съ иныхъ, съ богатыхъ подсудимыхъ, они сами берутъ, назначая имъ сумму сообразно съ вѣроятными средствами арестанта, берутъ и по тридцати рублей, а иногда даже и болѣе. Съ очень богатыми даже очень торгуются. Очень слабо наказать палачъ, конечно, не можетъ; онъ отвѣчаетъ за это своей же спиной. Но зато, за извѣстную взятку, онъ обѣщается жертвѣ, что не прибѣтъ ее очень больно. Почти всегда соглашаются на его предложеніе, если-жъ нѣтъ, онъ дѣйствительно наказываетъ варварски, и это почти вполнѣ въ его власти. Случается, что онъ налагаетъ значительную сумму даже на очень бѣднаго подсудимаго; родственники ходятъ, торгуются, кланяются и бѣда, если не удовлетворяютъ его. Въ такихъ случаяхъ много помогаетъ ему суевѣрный страхъ, имъ внушаемый. Какихъ диковинокъ про палачей не рассказываютъ! Впрочемъ, сами арестанты увѣряли меня, что палачъ можетъ убить съ одного удара. Но, во-первыхъ, когда-жъ это было испытано? А, впрочемъ, можетъ-быть. Объ этомъ говорили слишкомъ утвердительно. Палачъ же самъ ручался мнѣ, что онъ это можетъ сдѣлать. Говорили тоже, что онъ можетъ ударить со всего размаха по самой спинѣ преступника, но такъ, что даже самаго маленькаго рубчика не вскочить послѣ удара и преступникъ не почувствуетъ ни малѣйшей боли. Впрочемъ, обо всѣхъ этихъ фокусахъ и

утонченностяхъ извѣстно уже слишкомъ много разказовъ. Но, если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобъ наказать легко, то все-таки первый ударъ дается имъ со всего размаха и изо всей силы. Это даже обратилось межъ ними въ обычай. Послѣдующіе удары онъ смягчаетъ, особенно если ему предварительно заплатили. Но первый ударъ, заплатили иль нѣтъ ему,—его. Право, не знаю, для чего это у нихъ дѣлается? Для того-ли, чтобъ сразу приучить жертву къ дальнѣйшимъ ударамъ, по тому расчету, что послѣ очень труднаго удара уже не такъ мучительны покажутся легкіе, или тутъ просто желаніе пофорсить передъ жертвой, задать ей страху, огоршить ее съ перваго раза, чтобъ понимала она, съ кѣмъ дѣло имѣетъ, показать себя, однимъ словомъ. Во всякомъ случаѣ палачъ передъ началомъ наказанія чувствуетъ себя въ возбужденномъ состояніи духа, чувствуетъ силу свою, сознаетъ себя властелиномъ; онъ въ эту минуту актеръ; на него дивится и ужасается публика, и ужъ, конечно, не безъ наслажденія кричитъ онъ своей жертвѣ, передъ первымъ ударомъ: „Поддержись, ожгу!“ — обычные и роковыя слова въ этомъ случаѣ. Трудно представить, до чего можно исказить природу человѣческую!

Въ это первое время, въ госпиталѣ, я заслушивался всѣхъ этихъ арестантскихъ разказовъ. Лежать было намъ всѣмъ ужасно скучно. Каждый день такъ похожъ одинъ на другой! Утромъ еще развлекало насъ посѣщеніе докторовъ и потомъ скоро послѣ нихъ обѣдъ. Ъда, разумѣется, въ такомъ однообразіи, представляла значительное развлеченіе. Порціи были разныя, распределенныя по болѣзнямъ лежавшихъ. Иные получали только одинъ супъ, съ какой-то крупой; другіе только одну кашу, третьи только одну манную кашу, на которую было очень много охотниковъ. Арестанты отъ долгаго лежанія изнѣживались и любили лакомиться. Выздоровливающимъ и почти здоровымъ давали кусокъ вареной говядины, „быка“, какъ у насъ говорили. Всѣхъ лучше была порція цыпготная—говядина съ лукомъ, съ хрѣномъ и съ проч., а иногда и съ крышкою водки. Хлѣбъ былъ, тоже смотря по болѣзнямъ, черный или полубѣлый, порядочно выпеченный. Эта офиціальность и тонкость въ назначеніи порцій только смѣшила больныхъ. Конечно, въ иной болѣзни человѣкъ и самъ ничего не ѣлъ. Но зато тѣ больные, которые чувствовали аппетитъ, ѣли, что хотѣли. Иные мѣнялись пор-

ціями, такъ что порція, подходящая къ одной болѣзни, переходила къ совершенно другой. Другіе, которые лежали на слабой порціи, покупали говядину или цынготную порцію, пили квасъ, госпитальное пиво, покупая его у тѣхъ, кому оно назначалось. Иные съѣдали даже по двѣ порціи. Эти порціи продавались и перепродавались за деньги. Говяжья порція цѣнилась довольно высоко; она стоила пять копеекъ ассигнаціями. Если въ нашей палатѣ не было у кого купить, посылали сторожа въ другую арестантскую палату, а нѣтъ—такъ и въ солдатскія палаты, въ „вольныя“, какъ у насъ говорили. Всегда находились охотники продать. Они оставались на одномъ хлѣбѣ, зато зашибали деньгу. Бѣдность была, конечно, всеобщая, но тѣ, которые имѣли деньжонки, посылали даже на базаръ за калачами, даже за лакомствами и проч. Наши сторожа исполняли всѣ эти порученія совершенно безкорыстно. Послѣ обѣда наступало самое скучное время; кто отъ нечего дѣлать спалъ, кто болталъ, кто ссорился, кто что-нибудь вслухъ рассказывалъ. Если не приводили новыхъ больныхъ, было еще скучнѣе. Приходъ новичка почти всегда производилъ нѣкоторое впечатлѣніе, особенно если онъ былъ никому незнакомый. Его оглядывали, старались узнать, что онъ и какъ, откуда и по какимъ дѣламъ. Особенно интересовались въ этомъ случаѣ пересыльными; тѣ всегда что-нибудь да рассказывали, впрочемъ, не о своихъ интимныхъ дѣлахъ; объ этомъ, если самъ человѣкъ не заговаривалъ, никогда не спрашивали, а такъ: откуда шли? съ кѣмъ? какова дорога? куда пойдутъ? и пр. Иные, тутъ же, слыша новый рассказъ, припоминали какъ бы мимоходомъ что-нибудь изъ своего собственнаго: о разныхъ пересылкахъ, партіяхъ, исполнителяхъ, о партіонныхъ начальникахъ. Наказанные пилцрутенами являлись тоже объ эту пору, къ вечеру. Они всегда производили довольно сильное впечатлѣніе, какъ, впрочемъ, и было уже упомянуто; но не каждый же день ихъ приводили, и въ тотъ день, какъ ихъ не было, становилось у насъ какъ-то вяло; какъ будто всѣ эти лица одно другому страшно надоѣли, начинались даже ссоры. У насъ радовались даже сумасшедшимъ, которыхъ приводили на испытаніе. Уловка прикинуться сумасшедшимъ, чтобъ избавиться отъ наказанія, употреблялась изрѣдка подсудимыми. Однихъ скоро обличали или, лучше сказать, они сами рѣшались измѣнять политику своихъ дѣйствій, и аре-

стантъ, прокуролесивъ два-три дня, вдругъ ни съ того, ни съ сего становился умнымъ, утихалъ и мрачно начиналъ проситься на выписку. Ни арестанты, ни доктора не укоряли такого и не стыдили, напоминая ему его недавніе фокусы: молча выписывали, молча провожали, и дня черезъ два-три онъ являлся къ намъ наказанный. Такіе случаи бывали, впрочемъ, вообще рѣдки. Но настоящіе сумасшедшіе, приводившіеся на испытаніе, составляли истинную кару Божію для всей палаты. Иныхъ сумасшедшихъ, веселыхъ, бойкихъ, кричащихъ, пляшущихъ и поющихъ, арестанты сначала встрѣчали чуть не съ восторгомъ. „Вотъ забава-то!“ говаривали они, смотря на иного, только что приведеннаго кривляку. Но мнѣ ужасно трудно и тяжело было видѣть этихъ несчастныхъ. Я никогда не могъ хладнокровно смотрѣть на сумасшедшихъ.

Впрочемъ, скоро безпрерывныя кривлянья и безпокойныя выходы приведеннаго и встрѣченнаго съ хохотомъ сумасшедшаго рѣшительно всѣмъ у насъ надоѣдали и дня въ два выводили всѣхъ изъ терпѣнія окончательно. Одного изъ нихъ держали у насъ недѣли три и приходилось просто бѣжать изъ палаты. Какъ нарочно, въ это время привели еще сумасшедшаго. Этотъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Случилось это уже на третій годъ моей каторги. Въ первый годъ или, лучше сказать, въ первые же мѣсяцы моей острожной жизни, весной, я ходилъ съ одной партіей на работу, за двѣ версты, на кирпичный заводъ, съ печниками, подносчикомъ. Надо было исправить для будущихъ лѣтнихъ кирпичныхъ работъ печи. Въ это утро, на заводѣ, М—цкій и Б. познакомили меня съ проживавшимъ тамъ надсмотрщикомъ, унтер-офицеромъ Острожскимъ. Это былъ полякъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, сухощавый, чрезвычайно благообразной и даже величавой наружности. Въ Сибири онъ находился съ давнишнихъ поръ на службѣ и хоть происходилъ изъ простонародья, пришелъ какъ солдатъ бывшаго въ тридцатомъ году войска, но М—цкій и Б. его любили и уважали. Онъ все читалъ католическую біблію. Я разговаривалъ съ нимъ, и онъ говорилъ такъ ласково, такъ разумно, такъ занимательно рассказывалъ, такъ добродушно и честно смотрѣлъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его года два, слышалъ только, что по какому-то дѣлу онъ находился подъ слѣдствіемъ и вдругъ его ввели къ намъ

въ палату какъ сумасшедшаго. Онъ вошелъ съ визгами, съ хохотомъ и съ самыми неприличными, съ самыми камаринскими жестами пустился плясать по палатѣ. Арестанты были въ восторгѣ, но мнѣ стало такъ грустно... Черезъ три дня мы всё уже не знали, куда съ нимъ дѣваться. Онъ ссорился, дрался, визжалъ, пѣлъ пѣсни, даже ночью, дѣлалъ поминутно такія отвратительныя выходки, что всёхъ начинало просто тошнить. Онъ никого не боялся. На него надѣвали горячечную рубашку, но отъ этого становилось намъ же хуже, хотя безъ рубашки онъ затѣвалъ ссоры и лѣзъ драться чуть не со всёми. Въ эти три недѣли иногда вся палата подымалась въ одинъ голосъ и просила старшаго доктора перевести наше нещечко въ другую арестантскую палату. Тамъ, въ свою очередь, выпрашивали дня черезъ два перевести его къ намъ. А такъ какъ сумасшедшихъ случилось у насъ разомъ двое, безпокойныхъ и забіякъ, то одна палата съ другою чередовались и мѣнялись сумасшедшими. Но оказывались оба хуже. Всѣ вздохнули свободнѣе, когда ихъ отъ насъ увели, наконецъ, куда-то...

Помню тоже еще одного страннаго сумасшедшаго. Привели однажды лѣтомъ одного подсудимаго, здороваго и съ виду очень неуклюжаго парня, лѣтъ сорока пяти, съ уродливымъ отъ оспы лицомъ, съ заплывшими красными маленькими глазами и съ чрезвычайно угрюмымъ и мрачнымъ видомъ. Помѣстился онъ рядомъ со мною. Оказался онъ очень смиреннымъ малымъ, ни съ кѣмъ не заговаривалъ и сидѣлъ какъ будто что-то обдумывая. Стало смеркаться, и вдругъ онъ обратился ко мнѣ. Прямо, безъ дальнихъ предисловій, но съ такимъ видомъ, какъ будто сообщаетъ мнѣ чрезвычайную тайну, онъ сталъ мнѣ рассказывать, что на-дняхъ ему выходить двѣ тысячи, но что этого теперь не будетъ, потому что дочь полковника Г. о немъ хлопочетъ. Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, дочь полковника ничего не въ состояннн сдѣлать. Я еще ни о чемъ не догадывался; его привели вовсе не какъ сумасшедшаго, а какъ обыкновеннаго больнаго. Я спросилъ его, чѣмъ онъ боленъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ и что его зачѣмъ-то сюда прислали, но что онъ совершенно здоровъ, а полковничья дочь въ него влюблена: что она разъ, двѣ недѣли тому назадъ, проѣзжала мимо гауптвахты, а онъ на ту пору и выгляни изъ-за рѣшет-

чатаго окошечка. Она, какъ увидала его, тотчасъ же и влюбилась. И съ тѣхъ поръ, подъ разными видами, была уже три раза на гауптвахтѣ; первый разъ заходила вмѣстѣ съ отцомъ къ брату, офицеру, стоявшему въ то время у нихъ въ караулѣ; другой разъ пришла съ матерью, раздать подаваніе и, проходя мимо, шепнула ему, что она его любить и выручить. Странно было, съ какими тонкими подробностями рассказывалъ онъ мнѣ всю эту нелѣпость, которая, разумѣется, вся цѣликомъ родилась въ разстроенной, бѣдной головѣ его. Въ свое избавленіе отъ наказанія онъ вѣрилъ свято. О страстной любви къ нему этой барышни говорилъ спокойно и утвердительно, и, несмотря уже на общую нелѣпость разсказа, такъ дико было слышать такую романическую исторію о влюбленной дѣвицѣ отъ человѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ такой унылой, огорченной и уродливой физиономіей. Странно, что могъ сдѣлать страхъ наказанія съ этой робкой душой. Можетъ-быть, онъ дѣйствительно кого-нибудь увидѣлъ въ окошко, и сумасшествіе, приготовлявшееся въ немъ отъ страха, возраставшаго съ каждымъ часомъ, вдругъ разомъ нашло свой исходъ, свою форму. Этотъ несчастный солдатъ, которому, можетъ-быть, во всю жизнь ни разу и не подумалось о барышняхъ, выдумалъ вдругъ цѣлый романъ, инстинктивно хватаясь хоть за эту соломинку. Я выслушалъ молча и сообщилъ о немъ другимъ арестантамъ. Но когда другіе стали любопытствовать, онъ цѣломудренно замолчалъ. На завтра докторъ долго опрашивалъ его и такъ какъ онъ сказалъ ему, что ничѣмъ не боленъ и по осмотру оказался дѣйствительно такимъ, то его и выписали. Но о томъ, что у него въ листѣ написано было *sanat*, мы узнали уже когда доктора вышли изъ палаты, такъ что сказать имъ въ чемъ дѣло уже нельзя было. Да мы и сами-то еще тогда вполне не догадывались, въ чемъ было главное дѣло. А между тѣмъ все дѣло состояло въ ошибкѣ приславшаго его къ намъ начальства, не объяснившего, для чего его присылали. Тутъ случилась какая-то небрежность. А, можетъ-быть, даже и приславшіе еще только догадывались и были вовсе не увѣрены въ его сумасшествіи, дѣйствовали по темнымъ слухамъ и прислали его на испытаніе. Какъ бы то ни было, несчастнаго вывели черезъ два дня къ наказанію. Оно, кажется, очень поразило его своей неожиданностью; онъ не вѣрилъ, что его накажутъ, до послѣдней минуты, и когда повели его

по рядамъ, сталъ кричать „карауль!“ Въ госпиталѣ его положили на этотъ разъ уже не въ нашу, а, за неимѣніемъ въ ней коекъ, въ другую палату. Но я справлялся о немъ и узналъ, что онъ во всѣ восемь дней ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, былъ смущенъ и чрезвычайно грустенъ... Потомъ его куда-то услали, когда зажила его спина. Я, по крайней мѣрѣ, уже больше не слыхалъ о немъ ничего.

Что же касается вообще до лѣченія и лѣкарствъ, то, сколько я могъ замѣтить, легко больные почти не исполняли предписаній и не принимали лѣкарствъ, но трудно больные, и вообще дѣйствительно больные, очень любили лѣчиться, принимали аккуратно свои микстуры и порошки; но болѣе всего у насъ любили наружныя средства. Банки, пиявки, припарки и кровопусканія, которыя такъ любить и которымъ такъ вѣрить нашъ простолюдинъ, принимались у насъ охотно и даже съ удовольствіемъ. Меня заинтересовало одно странное обстоятельство. Эти самые люди, которые были такъ терпѣливы въ перенесеніи мучительнѣйшихъ болей отъ палокъ и розогъ, нерѣдко жаловались, кривлялись и даже стонали отъ какихъ-нибудь банокъ. Разнѣживались-ли они ужъ очень, или такъ просто франтили,—ужъ не знаю, какъ это объяснить. Правда, наши банки были особаго рода. Машинку, которою просѣкается мгновенно кожа, фельдшеръ когда-то, въ незапамятныя времена, затерялъ или испортилъ, или, можетъ-быть, она сама испортилась, такъ что онъ уже принужденъ былъ дѣлать необходимые надрѣзы тѣла ланцетомъ. Надрѣзовъ дѣлаютъ для каждой банки около двѣнадцати. Машинкой не больно. Двѣнадцать ножичковъ ударять вдругъ, мгновенно, и боль не слышна. Но надрѣзываніе ланцетомъ другое дѣло. Ланцетъ рѣжетъ сравнительно очень медленно, боль слышна, а такъ какъ, напримѣръ, при десяти банкахъ приходится сдѣлать сто двадцать такихъ надрѣзовъ, то все вмѣстѣ, конечно, было чувствительно. Я испыталъ это, но хотя и было больно и досадно, но все-таки не такъ же, чтобъ не удержаться и стонать. Даже смѣшно было иногда смотрѣть на иного верзилу и здоровяка, какъ онъ корчится и начинаетъ нюнить. Вообще это можно было сравнить съ тѣмъ, когда иной человѣкъ, твердый и даже спокойный въ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ, хандритъ и капризничаетъ дома, когда нечего дѣлать, не ѣсть что подавать, бранится и ругается; все не по немъ, всѣ ему досаждаютъ, всѣ ему

грубятъ, всё его мучаютъ,—однимъ словомъ, съ жиру бѣсится, какъ говорятъ иногда о такихъ господахъ, встрѣчающихся, впрочемъ, и въ простонародьи; а въ нашемъ острогѣ, при взаимномъ всеобщемъ сожитіи, даже слишкомъ часто. Бывало, въ палатѣ свои уже начнутъ дразнить такого нѣженку, а иной просто выругаетъ; вотъ онъ и замолчитъ, точно и въ самомъ дѣлѣ того и ждалъ, чтобъ его выругали, чтобъ замолчалъ. Особенно не любилъ этого Устьянцевъ и никогда не пропускалъ случая поругаться съ нѣженкой. Онъ и вообще не пропускалъ случая съ кѣмъ-нибудь сдѣшаться. Это было его наслажденіемъ, потребностью, разумѣется, отъ болѣзни, отчасти и отъ тупоумія. Смотритъ, бывало, сперва серьезно и пристально, и потомъ какимъ-то спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ начинаетъ читать наставленія. До всего ему было дѣло; точно онъ былъ приставленъ у насъ для наблюденія за порядкомъ или за всеобщею нравственностью.

— До всего доходить, говорятъ, бывало, смѣясь, арестанты. Его, впрочемъ, щадили и избѣгали ругаться съ нимъ, а такъ только иногда смѣялись.

— Ишь наговорилъ! На трехъ возахъ не вывезешь.

— Чего наговорилъ? Передъ дуракомъ шапки не снимаютъ, извѣстно. Чего-жъ онъ отъ ланцета кричитъ? Любилъ медокъ, люби и холодокъ, терпи значить.

— Да тебѣ-то что?

— Нѣтъ, братцы, перебилъ одинъ изъ нашихъ арестантиковъ,—рожки ничего; я испробовалъ; а вотъ нѣтъ хуже боли, когда тебя за ухо долго тянутъ.

Всѣ засмѣялись.

— А тебя нешто ткнули?

— А ты думалъ нѣтъ? Извѣстно ткнули.

— То-го уха-то у тебя торчкомъ стоять.

У этого арестантика, Шапкина, дѣйствительно были предлинныя, въ обѣ стороны торчавшія уши. Онъ былъ изъ бродягъ, еще молодой, малый дѣльный и тихій, говорившій всегда съ какимъ-то серьезнымъ, затаеннымъ юморомъ, что придавало много комизму инымъ его рассказамъ.

— Да съ чего мнѣ думать-то, что тебя за ухо ткнули? Да и какъ я это вздумаю, туголобый ты человѣкъ? ввязался снова Устьянцевъ, съ негодованіемъ обращаясь къ Шапкину, хотя, впрочемъ, тотъ вовсе не къ нему относился, а ко всѣмъ вообще; но Шапкинь даже и не поглядывалъ на него.

— А тебя кто тянул? спросил кто-то.

— Кто? Извѣстно кто, исправникъ. Это, братцы, по бродяжеству было. Пришли мы тогда въ К., а было насъ двое, я да другой, тоже бродяга, Ефимъ безъ прозвища. По дорогѣ мы у одного мужика въ Толминой деревнѣ разжились маненько. Деревня такая есть, Толмина. Ну, вошли, да и поглядываемъ: разжиться бы и здѣсь, да и драло. Въ полѣ четыре воли, а въ городѣ жутко—извѣстно. Ну, перво-на-перво, зашли въ кабачокъ. Оглядѣлись. Подходить къ намъ одинъ, прогорѣлый такой, локти продраны, въ нѣмецкомъ платьѣ. То да се.

— А вы какъ, говорить, позвольте спросить, по документу? *)

— Нѣтъ, говоримъ, безъ документа.

— Такъ-съ. И мы тоже-съ. Тутъ у меня еще двое благопріятелей, говорить, тоже у генерала Кукушкина **) служатъ. Такъ вотъ смѣю спросить, мы вотъ подкутили маненько, да и деньжонками пока не разжились. Полштокфика благоволите намъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, говоримъ.—Ну, выпили. И указали тутъ они намъ одно дѣло, по столовской, то-есть по нашей части. Домъ тутъ стоялъ, съ краю города, и богатый тутъ жилъ одинъ мѣщанинъ, добра пропасть; ночью и положили провѣдать. Да только мы у богатаго-то мѣщанина тутъ всѣ впятеромъ, въ ту же ночь, и попались. Взяли насъ въ часть, а потомъ къ самому исправнику. Я, говорить, ихъ самъ допрошу. Выходитъ съ трубкой, чашку чаю за нимъ несутъ, здоровенный такой, съ бакенбардами. Сѣлъ. А тутъ ужъ кромѣ насъ еще троихъ привели, тоже бродяги. И смѣшной же это чело-вѣкъ, братцы, бродяга: ну, ничего не помнить, хоть ты коль ему на головѣ теши, все забылъ, ничего не знаетъ. Исправникъ прямо ко мнѣ. Ты кто таковъ? Такъ и зарычалъ какъ изъ бочки. Ну, извѣстно, тоже чтѣ и всѣ сказываю: ничего, дескать, не помню, ваше высокоблагородіе, все позабылъ.

— Постой, говорить, я еще съ тобой поговорю, рожато мнѣ знакомая, самъ бѣлымы на меня такъ и палить. А я его допрежь сего никогда и не видывалъ. Къ другому: ты кто?

— Махни-драло, ваше высокоблагородіе.

*) По паспорту.

**) То-есть въ лѣсу, гдѣ поетъ кукушка. Онъ хочетъ сказать, что они тоже бродяги.

— Это такъ тебя и зовутъ махни-драло?

— Такъ и зовутъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, хорошо, ты махни-драло, а ты? Къ третьему, значить.

— А я за нимъ, ваше высокоблагородіе.

— Да прозывается-то ты какъ?

— Такъ и прозываюсь: „А я за нимъ“, ваше высокоблагородіе.

— Да кто-жъ тебя, подлеца, такъ назвалъ?

— Добрые люди назвали, ваше высокоблагородіе. На свѣтъ не безъ добрыхъ людей, ваше высокоблагородіе, извѣстно.

— А кто такіе эти добрые люди?

— А запомятовалъ маненько, ваше высокоблагородіе; ужъ извольте простить великодушно.

— Всѣхъ позабылъ?

— Всѣхъ позабылъ, ваше высокоблагородіе.

— Да вѣдь были-жъ у тебя тоже отецъ и мать?.. Ихъ-то хотъ помнишь-ли?

— Надо полагать, что были, ваше высокоблагородіе, а впрочемъ, тоже маненько позапомятовалъ; можетъ, и были, ваше высокоблагородіе.

— Да гдѣ-жъ ты жилъ до сихъ поръ?

— Въ лѣсу, ваше высокоблагородіе.

— Все въ лѣсу?

— Все въ лѣсу.

— Ну, а зимой?

— Зимы не видалъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а ты, тебя какъ зовутъ?

— Топоромъ, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Точи не зѣвай, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Потачивай небось, ваше высокоблагородіе.

— Всѣ ничего не помните?

— Ничего не помнимъ, ваше высокоблагородіе.

Стоить, смѣется, и они на него глядятъ усмѣхаются. Ну, а другой разъ и въ зубы ткнетъ, какъ нарвешься. А народъ-то все здоровенный, жирные такіе.—Отвести ихъ въ острогъ, говоритъ, я съ ними потомъ; ну, а ты оставайся—это мнѣ, то-есть, говоритъ.—Пошелъ сюда, садись! Смотрю: столъ, бумага, перо. Думаю: чего-жъ онъ это ладить дѣлать? Садись, говоритъ. на стулъ, бери перо, пиши!

а самъ схватилъ меня за ухо, да и тянетъ. Я смотрю на него, какъ чортъ на попа; не умѣю, говорю, ваше высокоблагородіе.—Пиши!

— Помилосердуйте! ваше высокоблагородіе. — Пиши, какъ умѣешь, такъ и пиши! А самъ все за ухо тянетъ, все тянетъ, да какъ завернетъ! Ну, братцы, скажу, легче бы онъ мнѣ триста розогъ всыпалъ, ажно искры посыпались—пиши, да и только!

— Да что онъ, сдурѣлъ, что-ли?

— Нѣтъ, не сдурѣлъ. А въ Т—кѣ писарекъ занедолго штуку выкинулъ: деньги тяпнулъ казенныя, да съ тѣмъ и бѣжалъ, тоже уши торчали. Ну, дали знать повсемѣстно. А я по примѣтамъ-то какъ будто и подошелъ, такъ вотъ онъ и пыталъ меня: умѣю-ль я писать и какъ я пишу?

— Эко дѣло, парень! А больно?

— Говорю, больно.

Раздался всеобщій смѣхъ.

— Ну, а написалъ?

— Да чего написалъ? Сталъ перомъ водить, водиль-водиль по бумагѣ-то, онъ и бросилъ. Ну, плюхъ съ десятокъ накидалъ, разумѣется, да съ тѣмъ и пустилъ, тоже въ острогъ, значить.

— А ты развѣ умѣешь писать?

— Прежде умѣлъ, а вотъ какъ перьями стали писать, такъ ужъ я и разучился...

Вотъ въ такихъ разказахъ, или, лучше сказать, въ такой болтовнѣ проходило иногда наше скучное время. Господи, что это была за скука! Дни длинные, душныя, одинъ на другой точь-въ-точь похожіе. Хоть бы книга кабая-нибудь! И между тѣмъ я, особенно вначалѣ, часто ходилъ въ госпиталь, иногда больной, иногда просто лежать; уходилъ отъ острога. Тяжело было тамъ, еще тяжелѣе, чѣмъ здѣсь, нравственно тяжелѣе. Злость, вражда, свара, зависть, непрерывныя придирки къ намъ, дворянамъ, злыя, угрожающія лица. Тутъ же, въ госпиталѣ, всѣ были болѣе на ровной ногѣ, жили болѣе по-пріятельски. Самое грустное время въ продолженіе цѣлаго дня приходилось вечеромъ, при свѣчахъ и въ началѣ ночи. Укладываются спать рано. Тусклый ночникъ свѣтитъ вдали у дверей яркой точкой, а въ нашемъ концѣ полумракъ. Становится смрадно и душно. Иной не можетъ заснуть, встанетъ и сидитъ часа полтора на постели, скло-

нивь свою голову въ колпакѣ, какъ будто о чемъ-то думаетъ. Смотришь на него цѣлый часъ и стараешься угадать, о чемъ онъ думаетъ, чтобы тоже какъ-нибудь убить время. А то начинаешь мечтать, вспоминать прошедшее, рисуются широкія и яркія картины въ воображеніи; припоминаются такія подробности, которыхъ въ другое время и не припомнилъ бы, и не почувствовалъ бы такъ, какъ теперь. А то гадаешь про будущее: какъ-то выйдешь изъ острога? Куда? Когда это будетъ? Воротишься-ли когда-нибудь на свою родимую сторону? Думаешь, думаешь, и надежда зашевелится въ душѣ... А то иной разъ просто начнешь считать разъ, два, три и т. д., чтобъ какъ-нибудь среди этого счета заснуть. Я иногда насчитывалъ до трехъ тысячъ и не засыпалъ. Вотъ кто-нибудь заворочается. Устьянцевъ закашляеть своимъ гнилымъ, чахоточнымъ кашлемъ и потомъ слабо застонетъ и каждый разъ приговариваетъ: „Господи, я согрѣшилъ!“ И странно слышать этотъ больной, разбитый и ноющій голосъ среди всеобщей тиши. А вотъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ тоже не спать и разговариваютъ съ своихъ коекъ. Одинъ что-нибудь начнетъ рассказывать про свою быль, про далекое, про минувшее, про бродяжничество, про дѣтей, про жену, про прежніе порядки. Такъ и чувствуешь уже по одному отдаленному шопоту, что все, о чемъ онъ рассказываетъ, никогда къ нему опять не воротится, а самъ онъ, рассказчикъ, — ломоть отрѣзанный; другой слушаетъ. Слышенъ только тихій, равномерный шопотъ, точно вода журчитъ гдѣ-то далеко... Помню, однажды, въ одну длинную зимнюю ночь, я прослушалъ одинъ рассказъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался какимъ-то горячечнымъ сномъ, какъ будто я лежалъ въ лихорадкѣ и мнѣ все это приснилось въ жару, въ бреду...

IV.

Аненькинъ мужъ.

(Рассказъ).

Ночь была уже поздняя, часъ двѣнадцатый. Я было заснулъ, но вдругъ проснулся. Тусклый, маленькій свѣтъ отдаленнаго ночника едва озарилъ палату... Почти всѣ уже спали. Спалъ даже Устьянцевъ, и въ тишинѣ слышно было, какъ тяжело ему дышится и какъ хрипѣтъ у него въ горлѣ съ каждымъ дыханьемъ мокрота. Въ отдаленіи,

въ сѣняхъ, раздались вдругъ тяжелые шаги приближающейся караульной смѣны. Брякнуло прикладомъ объ полъ ружье. Отворилась палата: ефрейторъ, осторожно ступая, пересчиталъ больныхъ. Черезъ минуту заперли палату, поставили новаго часового, карауль удалился, и опять прежняя тишина. Тутъ только я замѣтилъ, что неподалеку отъ меня, слѣва, двое не спали и какъ будто шептались между собою. Это случалось въ палатахъ: иногда дни и мѣсяцы лежатъ одинъ подлѣ другого и не скажутъ ни слова, и вдругъ какъ-нибудь разговоятся въ ночной вызывающей часъ и одинъ начнетъ передъ другимъ выкладывать все свое прошедшее.

Они, повидимому, давно уже говорили. Начала я не засталъ, да и теперь не все могъ слышать; но мало-помалу привыкъ и сталъ все понимать. Мнѣ не спалось: что же дѣлать, какъ не слушать?.. Одинъ рассказывалъ съ жаромъ, полулежа на постели, приподнявъ голову и вытянувъ по направленію къ товарищу шею. Онъ видимо былъ разгоряченъ, возбужденъ; ему хотѣлось рассказывать. Слушатель его угрюмо и совершенно равнодушно сидѣлъ на своей койкѣ, протянувъ по ней ноги, изрѣдка что-нибудь мычалъ въ отвѣтъ или въ знакъ участія рассказчику, но какъ будто болѣе для приличія, а не въ самомъ дѣлѣ, и поминутно набивалъ изъ рожка свой носъ табакомъ. Это былъ исправительный солдатъ Червинъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, угрюмый педантъ, холодный резонеръ и дуракъ съ самолюбіемъ. Рассказчикъ Шишковъ былъ еще молодой малый, лѣтъ подъ тридцать, нашъ гражданскій арестантъ, работавшій въ швальнѣ. До сихъ поръ я мало обращалъ на него вниманія; да и потомъ, во все время моей острожной жизни, какъ-то не тинуло меня имъ заняться. Это былъ пустой и взбалмошный человѣкъ. Иногда молчитъ, живетъ угрюмо, держитъ себя грубо, но недѣлямъ не говоритъ. А иногда вдругъ ввяжется въ какую-нибудь исторію, начнетъ сплетничать, горячиться изъ пустяковъ, снуетъ изъ казармы въ казарму, передаетъ вѣсти, наговариваетъ, изъ себя выходитъ. Его побьютъ, онъ опять замолчитъ. Парень былъ трусоватый и жидкій. Всѣ какъ-то съ пренебреженіемъ съ нимъ обходились. Былъ онъ небольшого роста, худощавый; глаза какіе-то безпокойные, а иногда какъ-то тупо-задумчивые. Случалось ему что-нибудь рассказывать: начнетъ горячо, съ жаромъ, даже руками размахиваетъ—

и вдругъ порветъ, али соидеть па другое, увлечется новыми подробностями и забудеть о чемъ началъ говорить. Онъ часто ругивался, и непременно, бывало, когда ругается, попрекаетъ въ чемъ-нибудь человекъ, въ какой-нибудь винѣ передъ собой, съ чувствомъ говорить, чуть не плачетъ... На баламайкѣ онъ игралъ недурно и любилъ играть, а на праздникахъ даже плясалъ, и плясалъ хорошо, когда, бывало, заставятъ... Его очень скоро можно было что-нибудь заставить сдѣлать... Онъ не то чтобъ ужъ такъ былъ послушенъ, а любилъ лѣзть въ товарищество и угождать изъ товарищества.

Я долго не могъ вникнуть, про что онъ рассказываетъ. Мнѣ казалось тоже сначала, что онъ все отступаетъ отъ темы и увлекается постороннимъ. Онъ, можетъ-быть, и замѣчалъ, что Черевину почти дѣла нѣтъ до его разсказа, но, кажется, хотѣлъ нарочно убѣдить себя, что слушатель его—весь вниманіе, и, можетъ-быть, ему было бы очень больно, если-бъ онъ убѣдился въ противномъ.

...Бывало, выйдеть на базаръ-то, продолжалъ онъ,—всѣ кланяются, чувствуютъ, одно слово—богатѣй.

— Торги, говоришь, имѣль?

— Ну, да, торги. Оно по мѣщанству-то промежь нами бѣдно. Голь какъ есть. Бабы-то съ рѣки-то, на яръ, эвона куда воду посятъ въ огородѣ полить; маются-маются, а къ осени-то и на щи-то не выберутъ. Раззоръ. Ну, займку большую имѣль, землю работниками пахалъ, тронхъ держалъ, опять, къ тому-жъ, своя пасѣка, медомъ торговали и скотомъ тоже, и по нашему мѣсту, значить, былъ въ великомъ уваженіи. Старъ больно былъ, семьдесятъ лѣтъ, кость-то тяжелая стала, сѣдой, большой такой. Этта выйдеть въ лисьей шубѣ на базаръ-то, такъ всѣ-то чувствуютъ. Чувствуютъ, значить. „Здравствуйте, батюшка, Анкудимъ Трофимычъ!“—Здравствуй, скажетъ, и ты. Никѣмъ, то-есть, не побрезгаетъ.—„Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!“—А какъ твои дѣла? спросить.—„Да наши дѣла, какъ сажа бѣла, вы какъ, батюшка?“—Живемъ и мы, скажетъ, по грѣхамъ нашимъ, тоже небо коптимъ.—„Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!“ Никѣмъ, то-есть, не брезгаетъ, а говоритъ—такъ всякое слово его въ рубль идетъ. Начетчикъ былъ, грамотей, все-то божественное читаетъ. Посадить старуху передъ собой: „Ну, слушай, жена, понимай!“ и начнетъ толковать. А старуха-то не то чтобы старая была, на второй

ужь на ней женился, для дѣтей, значить, отъ первой-то не было. Ну, а отъ второй-то, отъ Марьи-то Степановны, два сына были еще не взрослые, младшаго-то, Васю, шестидесяти лѣтъ прижилъ, а Акулька-то, дочь, изъ всѣхъ старшая, значить, восемнадцати лѣтъ была.

— Это твоя-то, жена-то?

— Погоди, сначала тутъ Филька Морозовъ, набухвостить. Ты, говоритъ Филька-то Анкудиму-то, дѣлись; всѣ четыреста дѣлковыхъ отдай, а я работникъ что-ли тебѣ? Не хочу съ тобой торговать, и Акульку твою, говоритъ, братъ не хочу. Я теперь, говоритъ, закурилъ. У меня, говоритъ, теперь родители померли, такъ я деньги пропью, да потомъ въ наемщики, значить, въ солдаты пойду, а черезъ десять лѣтъ фельдмаршаломъ сюда къ вамъ прѣйду. Анкудимъ-то ему деньги и отдасть, совсѣмъ какъ есть разсчитался, — потому еще отецъ его со старикомъ-то на одинъ капиталъ торговали. — „Пропашій ты, говоритъ, человекъ“. А онъ ему: — Ну, еще пропашій я или нѣтъ, а съ тобой, сѣдая борода, научишься шиломъ молоко хлебать. Ты, говоритъ, экономію съ двухъ грошей загнать хочешь, всякую дрянъ собираешь, — не годится-ли въ кашу. Я, дескать, на это плевать хотѣлъ. Копишь-копишь, да чорта и купишь. У меня, говоритъ, характеръ. А Акульку твою все-таки не возьму: я говоритъ, и безъ того съ ней спалъ...

— Да какъ же, говоритъ Анкудимъ-то, — ты смѣешь позорить честнаго отца честную дочь? Когда ты съ ней спалъ, змѣиное ты сало, шучья ты кровь! А самъ и затрясся весь. Такъ Филька рассказывалъ.

— Да не то что за меня, говоритъ, я такъ сдѣлаю, что и ни за кого Акулька ваша теперь не пойдетъ, никто не возьметъ, и Микита Григорьичъ теперь не возьметъ, потому она теперь безчестная. Мы еще съ осени съ ней на житье схватились. А я теперь за сто раковъ не соглашусь. Вотъ на пробу давай сейчасъ сто раковъ—не соглашусь...

И закурилъ же онъ у насъ, парень! Да такъ, что земля стономъ стоитъ, по городу-то гулъ идетъ. Товарищей понабралъ, денегъ куча, мѣсяца три кутилъ, все спустилъ. „Я, говоритъ, бывало, какъ деньги всѣ покончу, домъ спущу, все спущу, а потомъ либо въ наемщики, либо бродяжить пойду!“ Съ утра, бывало, до вечера пьянь, съ бубенчиками на парѣ ѣздили. И ужь такъ его любили дѣвки, что ужасти. На торбѣ хорошо игралъ.

— Значить, онъ съ Акулькой еще допрежь того дѣло имѣлъ?

— Стой, подожди. Я тогда тоже родителя схоронилъ, а матушка моя пряники, значить, пекла, на Анкудима работали, тѣмъ и кормились. Житье у насъ было плохое. Ну, тоже заимка за лѣсомъ была, хлѣбушка сѣяли, да послѣ отца-то все порѣшили, потому я тоже закурилъ, братецъ ты мой. Отъ матери деньги побоями вымогаль...

— Это не хорошо, коли побоями. Грѣхъ великій.

— Бывало, пьянъ, братецъ ты мой, съ утра до ночи. Домъ у насъ былъ еще такъ себѣ, ничего, хоть гнилой да свой, да въ избѣ-то хоть зайца гоняй. Голодомъ, бывало, сидимъ, по недѣлѣ тряпичу жуемъ. Мать-то меня, бывало, костить, костить; а мнѣ чего!.. Я, братъ, тогда отъ Фильки Морозова не отходилъ. Съ утра до ночи съ нимъ. „Играй, говорить, мнѣ на гитарѣ и танцуй, а я буду лежать и въ тебя деньги кидать, потому какъ я самый богатый человекъ“. И чего-чего онъ ни дѣлалъ! Краденаго только не принималъ: „я говорить не воръ, а честный человекъ“. „А пойдете, говорить, Акулькѣ ворота дегтемъ мазать, потому не хочу, чтобъ Акулька за Микиту Григорыча вышла. Это мнѣ теперь дороже киселя“, говорить. А за Микиту Григорыча старикъ еще допрежь сего хотѣлъ дѣвку отдать. Микита-то старикъ тоже былъ, вдовецъ, въ очкахъ ходилъ, торговалъ. Онъ какъ услышалъ, что про Акульку слухи пошли, да и на попятный: „Мнѣ, говорить, Анкудимъ Трофимычъ, это въ большое безчестье будетъ, да и жениться я, по старости лѣтъ, не желаю“. Вотъ мы Акулькѣ ворота и вымазали. Такъ ужъ драли ее, драли за это дома-то... Марья Степановна кричить: „со свѣту сживу!“ А старикъ: „Въ древніе годы, говорить, при честныхъ патріархахъ, я бы ее, говорить, на кострѣ изрубилъ, а нынѣ, говорить, въ свѣтѣ тьма и тлѣнъ“. Бывало, сусѣди на всю улицу слышать, какъ Акулька рева-реветъ: сѣкутъ съ утра до ночи. А Филька на весь базаръ кричить: „Славная, говорить, есть дѣвка Акулька, собутыльница. Чисто ходишь, бѣло носишь, скажи, кого любишь! Я, говорить, имъ тамъ кинулся въ носъ, помнить будутъ“. Въ то время и я разъ повстрѣчалъ Акульку, съ ведрами шла, да и кричу: „Здравствуйте, Акулина Кудимовна! Салфетъ вашей милости, чисто ходишь, гдѣ берешь, дай подписку съ кѣмъ живешь!“ да только и сказалъ; а она какъ посмотрѣла на меня, такіе

у ней большіе глаза-то были, а сама похудѣла какъ щепка. Какъ посмотрѣла на меня, а мать-то думала, что она смѣется со мною, и кричитъ въ подворотню: „что ты зубы-то моешь, безстыдница!“ такъ въ тотъ же день ее опять драть. Бывало, цѣлый битый часъ дереть. „Засѣку, говорить, потому она мнѣ теперь не дочь“.

— Распутная, значить, была?

— А вотъ ты слушай, дядюшка. Мы вотъ какъ это все тогда съ Филькой пьянствовали, мать ко мнѣ и приходитъ, а я лежу: „Что ты, говорить, подлець, лежишь? Разбойникъ ты, говорить, ѳтакой“. Ругается, значить: „Женись, говорить, вотъ на Акулькѣ женись. Они теперь и за тебя рады отдать будутъ, триста рублей однихъ денегъ дадутъ“. А я ей: „да вѣдь она, говорю, теперь ужъ на весь свѣтъ безчестная стала“. „А ты дуракъ, говорить, вѣнцомъ все покрывается; тебѣ-жъ лучше, коль она передъ тобой на всю жизнь виновата выйдетъ. А мы бы ихними деньгами и справились; я ужъ съ Марьей, говорить, Степановной говорила. Очень слушаетъ“. — А я: „Деньги, говорю, двадцать цѣлковыхъ на столъ, тогда женюсь“. И вотъ вѣришь иль нѣтъ, до самой свадьбы безъ просыпу былъ пьянъ. А тутъ еще Филька Морозовъ грозитъ: „Я тебѣ, говорить, Акулькинъ мужъ, всѣ ребра сломаю, а съ женой твоей, захочу, кажиную ночь спать буду“. А я ему: „врешь, собачье мясо!“ Ну, тутъ онъ меня по всей улицѣ осрамилъ. Я прибѣжалъ домой: „не хочу, говорю, жениться, коли мнѣ сейчасъ еще пятьдесятъ цѣлковыхъ не выложутъ!“

— А отдавали за тебя-то?

— За меня-то? А отчего бы нѣтъ? Мы вѣдь не безчестные были. Мой родитель только подъ конецъ отъ пожару разорился, а то еще ихняго богаче жили. Анкудимъ-то и говорить: „Вы, говорить, голь перекатная“. А я и отвѣчаю: „Не мало, дескать, у васъ дегтемъ-то ворота мазаны“. А онъ мнѣ: „Что-жъ, говорить, ты надъ нами куражишься? Ты докажи, что она безчестная, а на всякій ротокъ не накинешь платокъ. Вотъ Богъ, а вотъ, говорить, порогъ, не бери. Только деньги, что забралъ, отдай“. Вотъ я тогда съ Филькой и порѣшилъ: съ Митріемъ Выковымъ послалъ ему сказать, что я его на весь свѣтъ теперь обезчествую, и до самой свадьбы, братецъ ты мой, безъ просыпу былъ пьянъ. Только къ вѣнцу отрезвился. Какъ привезли насъ этта отъ вѣнца, посадили,

а Митрофанъ Степанычъ, дядя, значить, и говорить, „хоть и нечестно, да крѣпко, говорить, дѣло сдѣлано и покончено“. Старикъ-то, Анкудимъ-то, былъ тоже пьянъ и заплакалъ, сидитъ, а у него слезы по бородѣ текутъ. Ну я, братъ, тогда вотъ какъ сдѣлалъ: взялъ я въ карманъ съ собой плеть, еще до вѣнца припасъ, и такъ и положилъ, что ужъ натѣшусь же я теперь надъ Акулькой, знай, дескать, какъ безчестнымъ обманомъ замужь выходить, да чтобъ и люди знали, что я не дуракомъ женился...

— И дѣло! Значить, чтобъ она впредь чувствовала...

— Нѣтъ, дядюшка, ты знай помалчивай. По нашему-то мѣсту у насъ тотчасъ же отъ вѣнца и въ клѣтъ ведутъ, а тѣ покамѣстъ тамъ пьютъ. Вотъ и оставили насъ съ Акулькой въ клѣти. Она такая сидитъ бѣлая, ни кровинки въ лицѣ. Испужалась, значить. Волосы у ней были тоже совсѣмъ какъ лень бѣлые. Глаза были большіе. И все, бывало, молчить, неслышно ее, словно нѣмая въ домѣ живеть. Чудная совсѣмъ. Что-жь, братецъ, можешь, ты это думать: я-то плеть приготовилъ и тутъ же у постели положилъ, а она, братецъ ты мой, какъ есть ни въ чемъ неповинная передо мною вышла.

— Чтò ты!?

— Ни въ чемъ; какъ есть честная изъ честнаго дома. И за чтò же, братецъ ты мой, она послѣ эфтова такую муку перенесла! За чтò-жь ее Филька Морозовъ передъ всѣмъ свѣтомъ обезчестилъ?

— Да.

— Сталъ я это передъ ней тогда, тутъ же съ постели на колѣнки, руки сложилъ: „Матушка, говорю, Акулина Кудимовна, прости ты меня дурака, въ томъ, что я тебя тоже за такую почиталъ. Прости ты меня, говорю, подлеца!“ А она сидитъ передо мной на кровати, глядитъ на меня, обѣ руки мнѣ на плечи положила, смѣется, а у самой слезы текутъ; плачетъ и смѣется... Я тогда какъ вышелъ ко всѣмъ: „ну, говорю, встрѣчу теперь Фильку Морозова и не жить ему больше на свѣтѣ!“ А старики, такъ тѣ ужъ кому молиться-то не знаютъ: мать-то чуть въ ноги ей не упала, воетъ. А старикъ и сказалъ: „знали-бъ да вѣдали, не такого бы мужа тебѣ, возлюбленная дочь наша, сыскали“. А какъ вышли мы съ ней въ первое воскресенье, въ церковь: на мнѣ смущачья шапка, тонкаго сукна кафтанъ, шаровары плисовые; она въ новой

заячьей шубкѣ, платочекъ шелковый,—то-есть я ее стою и она меня стоить: вотъ какъ идемъ! Люди на насъ любуются: я-то самъ по себѣ, а Акулинушку тоже хоть нельзя передъ другими похвалить, нельзя и похулить, а такъ что изъ десятка не выкинешь!..

— Ну, и хорошо.

— Ну, и слушай. Я послѣ свадьбы на другой же день, хоть и пьяный, да отъ гостей убѣгъ; вырвался это я и бѣгу: „давай, говорю, сюда бездѣльника Фильку Морозова,—подавай его сюда, подлеца!“ Кричу по базару-то! Ну, и пьянь тоже былъ; такъ меня ужъ подлѣ Власовыхъ изловили, да силкомъ три человекъ домой привели. А по городу-то толкъ идетъ. Дѣвки на базарѣ промежъ себя говорятъ: „Дѣвоньки, умницы, вы чтѣ знаете? Акулька-то честная вышла“. А Филька-то мнѣ, мало время спустя, при людяхъ и говоритъ: „Продай жену, — пьянь будешь. У насъ, говоритъ, солдатъ Яшка затѣмъ и женился: съ женой не спалъ, а три года пьянь былъ“.— Я ему говорю: „ты подлецъ!“— „А ты, говоритъ, дуракъ. Вѣдь тебя не тверезаго повѣнчали. Что-жъ ты въ эфтомъ дѣлѣ, послѣ того, смыслить могъ?“ Я домой пришелъ и кричу: „Вы, говорю, меня пьянаго повѣнчали!“ Мать было тутъ же вицѣпилась: „У тебя, говорю, матушка, золотомъ уши завѣшаны. Подавай Акульку!“ Ну, и сталъ я ее трепать. Трепалъ я ее, братъ, трепалъ, часа два трепалъ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился; три недѣли съ постели не вставала.

— Оно конечно, флегматически замѣтилъ Черевинъ,— ихъ не бей, такъ онѣ... а развѣ ты ее засталъ съ любовникомъ-то?

— Нѣтъ, застать не засталъ, помолчавъ и какъ бы съ усилениемъ замѣтилъ Шишковъ.— Да ужъ обидно стало мнѣ очень, люди совсѣмъ задразнили и всему-то этому коноводъ былъ Филька.— „У тебя, говоритъ, жена для модели, чтобы люди глядѣли“. Насъ гостей созвалъ; такую откупорку задалъ: „Супруга, говоритъ, у него милосердивая душа, благородная, учтивая, обращательная, всѣмъ хороша, во какъ у него теперь! А забылъ, парень, какъ самъ ей дегтемъ ворота мазалъ!“ Я-то пьянь сидѣлъ, а онъ какъ схватитъ меня въ ту пору за волосы, какъ схватитъ, пригнулъ къ низу-то: „Пляши, говоритъ, Акулькинь мужъ, я тебя такъ буду за волосы держать, а ты пляши, меня потѣшай!“ — „Подлецъ, ты!“ кричу. А онѣ

мнѣ: „я къ тебѣ съ компаніей пріѣду и Акульку, твою жену, при тебѣ розгами высѣку, сколько мнѣ будетъ угодно“. Такъ я—вѣрь не вѣрь, послѣ того цѣлый мѣсяцъ изъ дома боялся уйти: пріѣдетъ, думаю, обезчестуетъ. Вотъ за это самое и сталъ ее бить...

— Да чего-жъ бить-то! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ. Бить тоже много не годится. Накажи, поучи, да и обласкай. На то жена.

Шишковъ нѣкоторое время молчалъ.

— Обидно было, началъ онъ снова,—опять же эту привычку взялъ:—иной день съ утра до вечера бью; встала неладно, пошла нехорошо. Не побью, такъ скучно. Сидитъ она, бывало, молчитъ, въ окно смотритъ, плачетъ... Все, бывало, плачетъ, жаль ее этта станеть, а бью. Мать меня, бывало, за нее костить-костить: „Подлецъ ты, говоритъ, варначье твое мясо!“—„Убью, кричу:—и не смѣй мнѣ теперь никто говорить; потому меня обманомъ женили“. Сначала старикъ Анкудимъ-то вступался, самъ приходилъ: „ты, говоритъ, еще не Богъ знаетъ какой членъ; я на тебя и управу найду!“ А потомъ отступилъ. А Марья-то Степановна такъ смирилась совсѣмъ. Однажды пришла—слезно молить: „Съ докукой къ тебѣ, Иванъ Семенычъ, статья небольшая, а просьба велика. Вели свѣтъ видѣть, батюшка“; кланяется: „смирись, прости ты ее! Нашу дочку злые люди оговорили: самъ знаешь, честную бралъ“... Въ ноги кланяется, плачетъ. А я-то куражусь: „я васъ и слышать теперь не хочу! Чтò хочу теперь, то надъ всѣми вами и дѣлаю, потому я теперь въ себѣ не властенъ; а Филька Морозовъ, говорю, мнѣ пріятель и первый другъ“...

— Значить, онять вмѣстѣ закурили?

— Куды! И приступу къ нему нѣтъ! Совсѣмъ какъ есть ошилъ. Все свое порѣшилъ и въ наемщики у мѣщанина нанялся; за старшаго сына пошелъ. А ужъ по нашему мѣсту, коли наемщикъ, такъ ужъ до самаго того дня, какъ свезутъ его, все передъ нимъ въ домѣ лежать должно, а онъ надъ всѣмъ полный господинъ. Деньги при сдачѣ получаетъ сполна, а до того въ хозяйскомъ домѣ живетъ, по полугоду живутъ, и чтò только они тутъ настроятъ надъ хозяевами-то, такъ только святыхъ вонъ понеси! Я, дескать, за твоего сына въ солдаты иду, значить, вашъ благодѣтель, такъ вы всѣ мнѣ уважать должны, не то откажусь. Такъ Филька-то у мѣщанина-то дымъ боромысломъ пустилъ, съ дочерью спитъ, хозяина за бо-

роду кажинный день послѣ обѣда таскаетъ,—все въ свое удовольствіе дѣлаетъ. Кажинный день ему баня и чтобъ виномъ парь поддавали, а въ баню его чтобъ бабы на своихъ рукахъ носили. Домой съ гулянки воротится, станетъ на улицѣ: „Не хочу въ ворота, разбирай заплотъ!“ такъ ему въ другомъ мѣстѣ, мимо воротъ, заплотъ разбирать должны, онъ и пройдетъ. Наконецъ, кончилъ, повезли сдавать, отрезвили. Народу-то, народу-то по всей-то улицѣ валить: Фильку Морозова сдавать везуть! Онъ на всѣ стороны кланяется. А Акулька на ту пору съ огорода шла; какъ Филька-то увидалъ ее, у самыхъ нашихъ воротъ: „Стой!“ кричитъ, выскочилъ изъ телѣги да прямо ей земной поклонъ! „Душа ты моя, говоритъ, ягода, любилъ я тебя два года, а теперь меня съ музыкой въ солдаты везуть. Прости, говоритъ, меня, честнаго отца честная дочь, потому я подлець передъ тобой, во всемъ виноватъ!“ И другой разъ въ землю ей поклонился. Акулька-то стала, словно испужалась сначала, а потомъ поклонилась ему въ поясъ, да и говоритъ: „Прости и ты меня, добрый молодець, а я зла на тебѣ никакого не знаю“. Я за ней въ избу: „Что ты ему, собачье мясо, сказала?“ А она, вотъ вѣришь мнѣ или нѣтъ, посмотрѣла на меня: „да я его, говоритъ, больше свѣта теперь люблю!“

— Ишь ты!..

— Я въ тотъ день цѣлый день ей ни слова не говорилъ... Только къ вечеру: „Акулька! Я тебя теперь убью“, говорю. Ночь-то это не спится, вышелъ въ сѣни кваску испить, а тутъ и заря заниматься стала. Я въ избу вошелъ. „Акулька, говорю, собирайся на заимку ѣхать“. А я еще и допрежъ того собирался, и матушка знала, что поѣдемъ. „Вотъ это, говоритъ, дѣло: пора страдная, а работникъ, слышно, тамъ третій день животомъ лежитъ“. Я телѣгу запрягъ, молчу. Изъ нашего-то города какъ выѣхать, тутъ сейчасъ тебѣ боръ пойдетъ на пятнадцать верстъ, а за боромъ-то наша заимка. Версты три боромъ проѣхали, я лошадь остановилъ: „Вставай, говорю, Акулина; твой конецъ пришелъ“. Она смотритъ на меня, испужалась, встала передо мной, молчитъ.—„Надоѣла ты мнѣ, говорю: молись Богу!“ Да какъ схвачу ее за волосы: косы-то были такія толстыя, длинныя, на руку ихъ замоталъ, да сзади ее съ обѣихъ сторонъ колѣнками придавилъ, вынулъ ножъ, голову-то ей загнулъ назадъ, да какъ тилисну по горлу ножомъ... Она какъ закричитъ,

кровь-то какъ брызнетъ, я ножъ бросилъ, обхватилъ ее руками-то спереди, легъ на землю, обнялъ ее и кричу надъ ней, ревмя-реву; и она кричитъ, и я кричу; вся трепещетъ, бьется изъ рукъ-то, а кровь-то на меня, кровь-то—и на лицо-то, и на руки такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Бросилъ я ее, страхъ на меня напалъ, и лошадь бросилъ, а самъ бѣжать, бѣжать, домой къ себѣ по задамъ забѣжалъ, да въ баню: баня у насъ такая старая, неслужащая, стояла: подъ полокъ забился и сажу тамъ. До ночи тамъ просидѣлъ.

— А Акулька-то?

— А она-то знать послѣ меня встала и тоже домой пошла. Такъ ее за сто шаговъ ужъ отъ того мѣста потомъ нашли.

— Не дорѣзаль, значить.

— Да... Шишковъ на минуту остановился.

— Этта жила такая есть, замѣтилъ Черевинъ,—коли ее, эту самую жилу, съ перваго разу не перерѣзать, то все будетъ биться человѣкъ и сколько бы крови ни вытекло, не помереть.

— Да она-жъ померла. Мертвую по вечеру-то нашли. Дали знать, меня стали искать и разыскали ужъ къ ночи, въ банѣ!.. Вотъ ужъ четвертый годъ почитай здѣсь живу, прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Гм... Опо, конечно, коли не бить,—не будетъ добра, хладнокровно и методически замѣтилъ Черевинъ, опять вынимая рожокъ. Онъ началъ нюхать, долго и съ разстановкой.—Опять-таки тоже, парень, продолжалъ онъ,—выходишь ты самъ по себѣ очень глупъ. Я тоже этакъ свою жену съ полюбовникомъ разъ засталъ. Такъ я ее зазвалъ въ сарай; поводъ сложилъ на-двое. „Кому, говорю, присягаешь? Кому присягаешь?“ Да ужъ дралъ ее, дралъ, поводомъ-то, дралъ-дралъ, часа полтора ее дралъ, такъ она мнѣ: „Ноги, кричитъ, твои буду мыть, да воду эту пить“. Овдотъей звали ее.

V.

Лѣтняя пора.

Но вотъ уже и начало апрѣля, вотъ уже приближается и Святая недѣля. Мало-по-малу начинаются и лѣтнія работы. Солнце съ каждымъ днемъ все теплѣе и ярче; воздухъ пахнетъ весною и раздражительно дѣйствуетъ на организмъ. Наступающіе красные дни волнуютъ и зако-

ваннаго человѣка, рождаютъ и въ немъ какія-то желанія, стремленія, тоску. Кажется, еще сильнѣе грустишь о свободѣ подъ яркимъ солнечнымъ лучомъ, чѣмъ въ ненастный зимній или осенній день, и это замѣтно на всѣхъ арестантахъ. Они какъ будто и рады свѣтлымъ днямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усиливается какая-то нетерпѣливость, порывчатость. Право, я замѣтилъ, что весной какъ будто чаще случались у насъ осторожныя ссоры. Чаще слышался шумъ, крикъ, гамъ, затѣвались исторіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, случалось, подмѣтишь вдругъ гдѣ-нибудь на работѣ чей-нибудь задумчивый и упорный взглядъ на синѣющую даль, куда-нибудь туда, на другой берегъ Иртыша, гдѣ начинается необъятною скатертью, тысячи на полторы верстъ, вольная киргизская степь; подмѣтишь чей-нибудь глубокій вздохъ, всей грудью, какъ будто такъ и тянетъ человѣка дохнуть этимъ далекимъ, свободнымъ воздухомъ и облегчить имъ придавленную, закованную душу.— „Эхма!“ говоритъ, наконецъ, арестантъ, и вдругъ, точно стряхнувъ съ себя мечты и раздумье, нетерпѣливо и угрюмо схватится за заступъ или за кирпичи, которые надо перетащить съ одного мѣста на другое. Черезъ минуту онъ уже и забываетъ свое внезапное ощущеніе и начинаетъ смѣяться или ругаться, судя по характеру; а то вдругъ съ необыкновеннымъ, вовсе несоразмѣрнымъ съ потребностью жаромъ схватится за рабочій урокъ, если онъ заданъ ему, и начинаетъ работать, — работать изо всѣхъ силъ, точно желая задавить въ себѣ тяжестью работы что-то такое, что само его тѣснить и давить изнутри. Все это народъ сильный, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ... Тяжелы кандалы въ эту пору! Я не поэтизирую въ эту минуту и увѣренъ въ правдѣ моей замѣтки. Кромѣ того, что въ теплѣ, среди яркаго солнца, когда слышишь и ощущаешь всей душою, всѣмъ существомъ своимъ воскресающую вокругъ себя съ необъятной силой природу, еще тяжеле становится запертая тюрьма, конвой и чужая воля; — кромѣ того, въ это весеннее время, по всей Сибири и по всей Россіи, съ первымъ жаворонкомъ, начинается бродяжество: бѣгутъ Божьи люди изъ остроговъ и спасаются въ лѣсахъ. Послѣ душевой ямы, послѣ судовъ, кандаловъ и палокъ, бродятъ они по всей своей волѣ, гдѣ захотятъ, гдѣ попригляднѣе и повольготнѣе; пьютъ и ѣдятъ гдѣ что удастся, что Богъ пошлетъ, а по ночамъ мирно засыпаютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ

полѣ, безъ большой заботы, безъ тюремной тоски, какъ лѣсныя птицы, прощаясь на ночь съ однѣми звѣздами небесными, подъ Божьимъ окомя. Кто говоритъ! Иногда и тяжело, и голодно, и изнурительно „служить у генерала Кукушкина“. По цѣлымъ суткамъ иной разъ не приходится видѣть хлѣба; отъ всѣхъ надо прятаться, хорониться, приходится и воровать, и грабить, а иногда и зарѣзать. „Поселенецъ что младенецъ, на что взглянетъ, то и тянетъ“, говорятъ въ Сибири про поселенцевъ. Это при словѣ во всей силѣ и даже съ нѣкоторой прибавкой можетъ быть приложено и къ бродягѣ. Бродяга рѣдко не разбойникъ и всегда почти воръ, разумѣется, больше по необходимости, чѣмъ по призванію. Есть закоренѣлые бродяги. Бѣгутъ иные даже кончивши свои каторжные сроки, уже съ поселенія. Казалось бы и доволенъ онъ на поселеніи, и обезпеченъ, а нѣтъ! все куда-то тянетъ, куда-то отзываетъ его. Жизнь по лѣсамъ, жизнь бѣдная и ужасная, но вольная и полная приключеній, имѣетъ что-то соблазнительное, какую-то таинственную прелесть для тѣхъ, кто уже разъ испыталъ ее, и смотришь — бѣжалъ человѣкъ, иной даже скромный, аккуратный, который уже обѣщаль сдѣлаться хорошимъ осѣдлымъ человѣкомъ и дѣльнымъ хозяиномъ. Иной даже женится, заводитъ дѣтей, лѣтъ пять живетъ на одномъ мѣстѣ, и вдругъ, въ одно прекрасное утро, исчезаетъ куда-нибудь, оставляя въ недоумѣніи жену, дѣтей и всю волость, къ которой приписанъ. У насъ въ острогѣ мнѣ указывали на одного изъ такихъ бѣгуновъ. Онъ никакихъ особенныхъ преступленій не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, не слышать было, чтобъ говорили о немъ въ этомъ родѣ, а все бѣгалъ, всю жизнь свою пробѣгалъ. Бывалъ онъ и на южной русской границѣ за Дунаемъ, и въ Киргизской степи, и въ восточной Сибири, и на Кавказѣ, — вездѣ побывалъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, при другихъ обстоятельствахъ изъ него бы вышелъ какой-нибудь Робинзонъ Крузе съ его страстью путешествовать. Впрочемъ, все это мнѣ о немъ говорили другіе, самъ же онъ мало въ острогѣ разговаривалъ, и то развѣ промолвить что-нибудь самое необходимое. Это былъ очень маленькій мужичонка, лѣтъ уже пятидесяти, чрезвычайно смирный, съ чрезвычайно спокойнымъ и даже тупымъ лицомъ, спокойнымъ до идиотства. Лѣтомъ онъ любилъ сидѣть на солнышкѣ и непрестанно бывало мурлычить про себя какую-нибудь пѣсенку,

но такъ тихо, что за пять шаговъ отъ него уже не слышно. Черты лица его были какія-то одеревенѣлыя; ѣлъ онъ мало, все больше хлѣбушка; никогда-то онъ не купилъ ни одного калача, ни шкалика вина, да врядъ-ли у него и были когда-нибудь деньги, врядъ-ли даже онъ умѣлъ и считать. Ко всему относился совершенно спокойно. Осторожныхъ собачекъ иногда кормилъ изъ своихъ рукъ, а у насъ осторожныхъ собакъ никто не кормилъ. Да русскій человѣкъ вообще не любитъ кормить собакъ. Говорятъ, онъ былъ женатъ и даже раза два, говорили, что у него есть гдѣ-то дѣти... За что онъ попалъ въ острогъ—совершенно не знаю. Наши все ждали, что онъ и отъ насъ улизнетъ, но или время его не пришло, или ужъ года ушли, но онъ жилъ себѣ да поживалъ, какъ-то созерцательно относясь ко всей этой странной средѣ, окружавшей его. Впрочемъ, положиться было нельзя, хотя, казалось бы, и зачѣмъ ему было бѣжать, что за выигрышъ? А, между тѣмъ, все-таки, въ цѣломъ, лѣсная, бродячая жизнь — рай передъ осторожной. Это такъ понятно, да и не можетъ быть никакого сравненія. Хоть и тяжелая доля, да все своя воля. Вотъ почему всякій арестантъ на Руси, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, становится какъ-то безпокоенъ весною, съ первыми привѣтными лучами весенняго солнца. Хоть и далеко не всякій намѣренъ бѣжать: положительно можно сказать, что рѣшается на это, по трудности и по отвѣтственности, изъ сотни одинъ, но за то остальные девяносто девять хоть помечтаютъ о томъ, какъ бы можно было бѣжать и куда бы это бѣжать, хоть душу себѣ отведутъ на одномъ желаніи, на одномъ представленіи возможности. Иной хоть припомнить, какъ онъ прежде когда-то бѣгалъ... Я говорю теперь только о рѣшонныхъ. Но, разумѣется, гораздо чаще и всѣхъ больше рѣшаются на побѣги изъ подсудимыхъ. Рѣшоные же на срокъ только развѣ бѣгаютъ въ началѣ своего арестантства. Отбывъ же два-три года каторги, арестантъ уже начинаетъ цѣнить эти годы, и мало-по-малу соглашается про себя лучше ужъ закончить законнымъ образомъ свой рабочий терминъ и выйти на поселеніе, чѣмъ рѣшиться на такой рискъ и на такую гибель въ случаѣ неудачи. А неудача такъ возможна. Только развѣ десятому удастся *перезынить свою участь*. Изъ рѣшонныхъ рискуютъ тоже чаще другихъ бѣжать осужденные на слишкомъ долгіе сроки. Пятнадцать-двадцать лѣтъ кажутся безконечностью

и рѣшонный на такой срокъ постоянно готовъ помечтать о перемѣнѣ участи, хотя бы десять лѣтъ уже отбылъ въ каторгѣ. Наконецъ, и клеймы отчасти мѣшаютъ рисковать на побѣгъ. *Перемѣнить же участь*—технической терминъ. Такъ и на вопросахъ, если уличать въ побѣгъ, арестантъ отвѣчаетъ, что онъ хотѣлъ перемѣнить свою участь. Это немного книжное выраженіе буквально приложимо къ этому дѣлу. Всякій бѣгунъ имѣетъ въ виду не то что освободиться совсѣмъ,—онъ знаетъ, что это почти невозможно,—но, или попасть въ другое заведеніе, или угодить на поселеніе, или судиться вновь, по новому преступленію,—совершенному уже по бродяжеству,—однимъ словомъ, куда угодно, только бы не на старое, надоѣвшее ему мѣсто, не въ прежній острогъ. Всѣ эти бѣгуны, если не найдутъ себѣ въ продолженіе лѣта какого-нибудь случайнаго, необыкновеннаго мѣста, гдѣ бы перезимовать,—если, напримѣръ, не наткнутся на какого-нибудь укрывателя бѣглыхъ, которому въ этомъ выгода; если, наконецъ, не добудутъ себѣ, иногда черезъ убійство, какого-нибудь паспорта, съ которымъ можно вездѣ прожить,—всѣ они къ осени, если ихъ не изловятъ предварительно, большею частію сами являются густыми толпами въ города и остроги, въ качествѣ бродягъ, и садятся въ тюрьмы зимовать, конечно, не безъ надежды бѣжать опять лѣтомъ.

Весна дѣйствовала и на меня своимъ вліяніемъ. Помню, какъ я съ жадностью смотрѣлъ иногда сквозь щели палъ и подолгу стоялъ, бывало, прислонившись головой къ нашему забору, упорно и ненасытимо всматриваясь, какъ зеленѣетъ трава на нашемъ крѣпостномъ валѣ, какъ все гуще и гуще синѣетъ далекое небо. Безпокойство и тоска мои росли съ каждымъ днемъ и острогъ становился мнѣ все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Ненависть, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ. Въ эти первые годы я часто уходилъ, безо всякой болѣзни, лежать въ госпиталь, единственно для того, чтобъ не быть въ острогѣ, чтобъ только избавиться отъ этой упорной, ничѣмъ не смиримой всеобщей ненависти. „Вы—желѣзные носы, вы насъ заклевали!“ говорили намъ арестанты, и какъ я завидовалъ, бывало, простонародью, приходившему въ острогъ! Тѣ сразу дѣлались со всѣми

товарищами. И потому весна, призракъ свободы, всеобщее веселье въ природѣ, сказывались на мнѣ какъ-то тоже грустно и раздражительно. Въ концѣ поста, кажется, на шестой недѣлѣ, мнѣ пришлось говѣть. Весь острогъ, еще съ первой недѣли, раздѣленъ былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ на семь смѣнъ, по числу недѣль поста, для говѣнія. Въ каждой смѣнѣ оказалось такимъ образомъ человекъ по тридцати. Недѣля говѣнія мнѣ очень понравилась. Говѣвшіе освобождались отъ работъ. Мы ходили въ церковь, которая была неподалеку отъ острога, раза по два и по три въ день. Я давно не былъ въ церкви. Великопостная служба, такъ знакомая еще съ далекаго дѣтства, въ родительскомъ домѣ, торжественныя молитвы, земные поклоны, — все это расшевеливало въ душѣ моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатлѣнія еще дѣтскихъ лѣтъ, и, помню, мнѣ очень пріятно было, когда, бывало, утромъ, по подмерзшей за ночь землѣ, насъ водили подъ конвоемъ съ заряженными ружьями въ Божій домъ. Конвой, впрочемъ, не входилъ въ церковь. Въ церкви мы становились тѣсною кучей у самыхъ дверей, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ что слышно было только развѣ голосистаго дьякона, да изрѣдка изъ-за толпы примѣтишь черную ризу да лысину священника. Я припоминалъ, какъ, бывало, еще въ дѣтствѣ, стоя въ церкви, смотрѣлъ я иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подобострастно разступавшійся передъ густымъ эполетомъ, передъ толстымъ бариномъ или передъ расфуфыренной, но чрезвычайно богомольной барыней, которыя непременно проходили на первыя мѣста и готовы были поминутно ссориться изъ-за перваго мѣста. Такъ у входа, казалось мнѣ тогда, и молились-то не такъ какъ у насъ, молились смиренно, ревностно, земно и съ какимъ-то полнымъ сознаніемъ своей униженности.

Теперь и мнѣ пришлось стоять на этихъ же мѣстахъ, даже и не на этихъ: мы были закованные и опельмованные; отъ насъ всѣ сторонились, насъ всѣ даже какъ будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и, помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось въ этомъ странномъ удовольствіи. „Пусть же коли такъ!“ думалъ я. Арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копейку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ: „Тожѣ вѣдь и я чело-

вѣкъ“, можетъ-быть, думалъ онъ и чувствовалъ, подавая:— передъ Богомъ-то всѣ равны“... Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ рукахъ читалъ слова: „...но яко разбойника мя прѣими“, — почти всѣ повалились въ землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ.

Но вотъ пришла и Святая. Отъ начальства вышло намъ по одному яйцу и по ломтю пшеничнаго сдобнаго хлѣба. Изъ города опять завалили острогъ подаемъ. Опять посѣщеніе съ крестомъ священника, опять посѣщеніе начальства, опять жирныя щи, опять пьянство и шатанье,— все точь-въ-точь какъ и на Рождествѣ, съ тою разницею, что теперь уже можно было гулять на дворѣ острога и грѣться на солнышкѣ. Было какъ-то свѣтлѣе, просторнѣе, чѣмъ зимой, но какъ-то тоскливѣе. Длинный, безконечный лѣтній день становился какъ-то особенно невыносимъ на праздникахъ. Въ будни, по крайней мѣрѣ, сокращался день работою.

Лѣтнія работы дѣйствительно оказались гораздо труднѣе зимнихъ. Работы шли все больше по инженернымъ постройкамъ. Арестанты строили, копали землю, клали кирпичи; другіе изъ нихъ занимались слесарною, столярною или малярною частію при ремонтныхъ исправленіяхъ казенныхъ домовъ. Третьи ходили въ заводъ дѣлать кирпичи. Эта послѣдняя работа считалась у насъ самою тяжелою. Кирпичный заводъ находился отъ крѣпости верстахъ въ трехъ или въ четырехъ. Каждый день въ продолженіе лѣта, утромъ часовъ въ шесть, отправлялась цѣлая партія арестантовъ, человекъ въ пятьдесятъ, для дѣланія кирпичей. На эту работу выбирали чернорабочихъ, то-есть не мастеровыхъ и не принадлежащихъ къ какому-нибудь мастерству. Они брали съ собою хлѣба, потому что за дальностію мѣста невыгодно было приходить домой обѣдать и такимъ образомъ дѣлать версть восемь лишнихъ, и обѣдали уже вечеромъ, возвратясь въ острогъ. Урокъ же задавался на весь день и такой, что развѣ въ цѣлый рабочій день арестантъ могъ съ нимъ справиться. Во-первыхъ, надо было накопать и вывезти глину, наносить самому воду, самому вытоптать глину въ глиномятной ямѣ и, наконецъ-то, сдѣлать изъ нея что-то очень много кирпичей, кажется, сотни двѣ, чуть-ли даже не двѣ съ половиною. Я всего только два раза ходилъ въ заводъ. Возвращались заводскіе уже вечеромъ, уста-

лые, измученные, и постоянно цѣлое лѣто попрекали другихъ тѣмъ, что они дѣлають самую трудную работу. Это, было, кажется, ихъ утѣшеніемъ. Несмотря на то, иные ходили туда даже съ нѣкоторою охотою: во-первыхъ, дѣло было за городомъ, мѣсто было открытое, привольное, на берегу Иртыша. Все-таки поглядѣть кругомъ отраднѣе,—не крѣпостная казенщина! Можно было и покурить свободно, и даже полежать съ полчаса съ большимъ удовольствіемъ. Я же или попрежнему ходилъ въ мастерскую, или на алебастръ или, наконецъ, употреблялся въ качествѣ подносчика кирпичей при постройкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось однажды перетаскивать кирпичи съ берега Иртыша къ строившейся казармѣ саженъ на семьдесятъ разстоянія, черезъ крѣпостной валъ, и работа эта продолжалась мѣсяца два сряду. Мнѣ она даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ видимо развивалась сила. Сначала я могъ таскать только по восьми кирпичей, а въ каждомъ кирпичѣ было до двѣнадцати фунтовъ. Но потомъ я дошелъ до двѣнадцати и до пятнадцати кирпичей, и это меня очень радовало. Физическая сила въ каторгѣ нужна не менѣ нравственной для перенесенія всѣхъ матеріальныхъ неудобствъ этой проклятой жизни.

А я еще хотѣлъ жить и послѣ острога...

Я, впрочемъ, любилъ таскать кирпичи не за то только, что отъ этой работы укрѣпляется тѣло, а за то еще, что работа производилась на берегу Иртыша. Я потому такъ часто говорю объ этомъ берегѣ, что единственно только съ него и былъ виденъ міръ Божій, чистая, ясная даль, незаселенныя вольныя степи, производившія на меня странное впечатлѣніе своею пустынностью. На берегу только и можно было стать къ крѣпости задомъ и не видать ея. Всѣ прочія мѣста нашихъ работъ были въ крѣпости или подлѣ нея. Съ самыхъ первыхъ дней я возненавидѣлъ эту крѣпость и особенно иныя зданія. Домъ нашего плацъ-маіора казался мнѣ какимъ-то проклятымъ, отвратительнымъ мѣстомъ, и я каждый разъ съ ненавистью глядѣлъ на него, когда проходилъ мимо. На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, въ этотъ необъятный, пустынный просторъ, точно заключенный изъ окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тутъ дорого и мило: и яркое горячее солнце

на бездонномъ синемъ небѣ, и далекая пѣсня киргиза, приносившаяся съ киргизскаго берега. Всматриваешься долго и разглядишь, наконецъ, какую-нибудь бѣдную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымокъ у юрты, киргизку, которая о чемъ-то тамъ хлопочетъ со своими двумя баранами. Все это бѣдно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу въ синемъ прозрачномъ воздухѣ, и долго, упорно слѣдишь за ея полетомъ: вонъ она всполоснулась надъ водой, вонъ исчезла въ синевѣ, вонъ опять показалась чуть мелькающей точкой... Даже бѣдный, чахлый цвѣтокъ, который я нашелъ рано весной въ разсѣлинѣ каменистаго берега, и тотъ какъ-то болѣзненно остановилъ мое вниманіе. Тоска всего этого перваго года каторги была нестерпимая и дѣйствовала на меня раздражительно, горько. Въ этотъ первый годъ, отъ этой тоски я многого не замѣчалъ кругомъ себя. Я закрывалъ глаза и не хотѣлъ всматриваться. Среди злыхъ, ненавистныхъ моихъ товарищей-каторжниковъ я не замѣчалъ хорошихъ людей,—людей, способныхъ и мыслить, и чувствовать, не смотря на всю отвратительную кору, покрывавшую ихъ снаружи. Между язвительными словами я иногда не замѣчалъ привѣтливаго и ласковаго слова, которое тѣмъ дороже было, что выговаривалось безъ всякихъ видовъ, а нерѣдко прямо изъ души, можетъ-быть, болѣе меня пострадавшей и вынесшей. Но къ чему распространяться объ этомъ? Я чрезвычайно былъ радъ, если приходилось сильно устать: воротившись домой, авось засну! Потому что спать было у насъ лѣтомъ мученье, чуть-ли еще не хуже чѣмъ зимой. Вечера, правда, были иногда очень хороши. Солнце, цѣлый день не сходявшее съ острожнаго двора, наконецъ, закатывалось. Наступала прохлада, а за ней почти холодная (говоря сравнительно) степная ночь. Арестанты, въ ожиданіи какъ запрутъ ихъ, толпами ходятъ, бывало, по двору. Главная масса толпится, правда, болѣе на кухнѣ. Тамъ всегда подымается какой-нибудь насущный острожный вопросъ, толкуется о томъ, о семъ, разбирается иногда какой-нибудь слухъ, часто нелѣпый, но возбуждающій необыкновенное вниманіе этихъ отрѣшенныхъ отъ міра людей; то, напримѣръ, пришло извѣстіе, что нашего плацъ-маіора сгоняютъ долой. Арестанты легковѣрны какъ дѣти; сами знаютъ, что извѣстіе—вздоръ, что принесъ его извѣстный болтунъ и „не-

лѣпный“ человекъ,—арестантъ Квасовъ, которому уже давно положили не вѣрить и который что ни слово, то вретъ,— а между тѣмъ всѣ схватываются за извѣстіе, судятъ, рядятъ, сами себя тѣшатъ, а кончится тѣмъ, что сами на себя сердятся, самими за себя стыдно станеть, что повѣрили Квасову.

— Да кто же его сгонить! кричить одинъ,—небось, шея толста, сдюжить!

— Да вѣдь и надъ нимъ, чай, старшіе есть! возражаетъ другой, горячій и неглупый малый, выдавшій виды, но спорщикъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

— Воронъ ворону глазъ не выклюеть! угрюмо, словно про себя, замѣчаетъ третій, уже сѣдой человекъ, одиноко дождающій въ углу свои щи.

— А старшіе-то небось тебя придуть спрашиваться— смѣнить его, али нѣтъ? прибавляетъ равнодушно четвертый, слегка тренкая на балалайкѣ.

— А почему-жъ не меня? съ яростью возражаетъ второй,—значить, вся бѣдность просить, всѣ тогда заявляютъ, коли начнутъ опрашивать. А то у насъ небось кричать, а къ дѣлу дойдетъ, такъ и на попятный!

— А ты думалъ какъ? говоритъ балалаечникъ.—На то каторга.

— Анамеднись, продолжаетъ, не слушая и въ горячкѣ, спорщикъ,—мукѣ оставалось. Поскребки собрали, самыя что ни на есть слезы, значить; послали продать. Нѣтъ, узналъ; артельщикъ донесъ; отобрали; экономія, значить. Справедливо, аль нѣтъ?

— Да ты кому хочешь жаловаться?

— Кому? Да самому левизору, что ѣдетъ.

— Какому такому левизору?

— Это правда, братцы, что ѣдетъ левизоръ, говоритъ молодой, разбитной парень, грамотный, изъ писарей и читавшій „Герцогиню Лавальеръ“ или что-то въ этомъ родѣ. Онъ вѣчно веселый и потѣшникъ, но за нѣкоторое знаніе дѣлъ и потертость его уважаютъ. Не обращая вниманія на возбужденное всеобщее любопытство о будущемъ ревизорѣ, онъ прямо идетъ къстрянкѣ, то-есть, къ повару, и спрашиваетъ у него печонки. Нашистрянки часто чѣмъ-нибудь торговали въ этомъ родѣ. Купятъ, наприкладъ, на свои деньги большой кусокъ печонки, жарятъ и продаютъ по мелочи арестантамъ.

— На грошъ, али на два? спрашиваетъстряпка.

— Рѣжь на два: пускай люди завидуютъ! отвѣчаетъ арестантъ.—Генераль, братцы, генераль такой изъ Петербурга ѣдетъ, всю Сибирь осматривать будетъ. Это вѣрно. У комендантскихъ сказывали.

Извѣстiе производитъ необыкновенное волненiе. Съ четверть часа идутъ разспросы: кто именно, какой генераль, какого чину, и старше-ли здѣшнихъ генераловъ? О чинахъ, начальникахъ, кто изъ нихъ старше, кто кого можетъ согнуть и кто самъ изъ нихъ согнется, ужасно любить разговаривать арестанты, даже спорятъ и ругаются за генераловъ, чуть не до драки. Казалось бы, что тутъ за выгода? Но подробнымъ знанiемъ генераловъ и вообще начальства измѣряется и степень познанiй, толковитости и прежняго, до-острожнаго, значенiя человѣка въ обществѣ. Вообще, разговоръ о высшемъ начальствѣ считается самымъ изящнымъ и важнымъ разговоромъ въ острогѣ.

— Значить и взаправду выходитъ, братцы, что маіорато смѣнять ѣдутъ, замѣчаетъ Квасовъ, маленькiй, красненькiй человѣчекъ, горячiй и крайне безтолковый. Онъ-то первый и принесъ извѣстiе о маіорѣ.

— Задарить! отрывисто возражаетъ угрюмый сѣдой арестантъ, уже управившiйся со щами.

— А и то задарить, говоритъ другой.—Мало онъ денегъ-то награбилъ! До насъ еще батальоннымъ былъ. Анамеднись на протопоповской дочери жениться хотѣлъ.

— Да вѣдь не женился: дверь указали; бѣденъ, значить. Какой онъ женихъ! Всталъ со стула — и все съ нимъ. О Святой все на картахъ продулъ. Оедька сказывалъ.

— Да; мальчикъ не мотъ, а деньгамъ переводъ.

— Эхъ, братъ, вотъ и я женатъ былъ. Плохо жениться бѣдному: женись, а и ночь коротка! замѣчаетъ Скуратовъ, подвернувшiйся тутъ же къ разговору.

— Какъ же! Объ тебѣ тутъ и рѣчь, замѣчаетъ развязный парень изъ писарей.—А ты, Квасовъ, скажу я тебѣ, большой дуракъ. Неужели-жъ ты думаешь, что такого генерала маіоръ задарить, и что такой генераль будетъ нарочно изъ Петербурга ѣхать, чтобъ маіора ревизовать? Глупъ же ты, парень, вотъ что скажу.

— А что-жъ? Ужъ коли онъ генераль, такъ и не возьметъ, что-ли? скептически замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Знамо дѣло не возьметъ, а возьметъ, такъ ужъ толсто возьметъ.

— Вѣстимо толсто; по чину.

— Генераль всегда возьметъ, рѣшительно замѣчаетъ Квасовъ.

— Ты, что-ли, давалъ ему? съ презрѣніемъ говоритъ вдругъ вошедшій Баклушинъ.— Да ты и генерала-то врядъ-ли когда видалъ?

— Анъ видалъ!

— Врешь.

— Самъ соври.

— Ребята, коли онъ видалъ, пусть сейчасъ при всѣхъ говоритъ, какого онъ знаетъ генерала? Ну, говори, потому я всѣхъ генераловъ знаю.

— Я генерала Зиберта видѣлъ, какъ-то нерѣшительно отвѣчаетъ Квасовъ.

— Зиберта? Такого и генерала нѣтъ. Знать, въ спину онъ тебѣ заглянулъ, Зибертъ-то, когда, можетъ, еще только подполковникомъ былъ, а тебѣ со страху показалось, что генераль.

— Нѣтъ, вы меня послушайте, кричитъ Скуратовъ,— потому я женатый человекъ. Генераль такой дѣйствительно былъ на Москвѣ, Зибертъ, изъ нѣмцевъ, а русской. У русскаго попа кажинный годъ исповѣдывался о госпожникахъ, и все, братцы, онъ воду пилъ, словно утка. Кажинный день сорокъ стакановъ москворѣцкой воды выпивалъ. Это, сказывали, онъ отъ какой-то болѣзни водой лѣчился; мнѣ самъ его камардинъ сказывалъ.

— Въ брюхѣ-то съ воды-то, небось, караси завелись? замѣчаетъ арестантъ съ балалайкой.

— Ну, полно вамъ! Тутъ о дѣлѣ идетъ, а они... Какой же это левизоръ, братцы? заботливо замѣчаетъ одинъ суетливый арестантъ, Мартыновъ, старикъ изъ военныхъ, бывшій гусарь.

— Вѣдь вотъ вреть народъ! замѣчаетъ одинъ изъ скептиковъ.— И откуда что берутъ и во что кладутъ? А и все-то вздоръ!

— Нѣтъ, не вздоръ, догматически замѣчаетъ Куликовъ, до сихъ поръ величаво молчавшій. Это парень съ вѣсомъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, чрезвычайно благообразнаго лица и съ какой-то презрительно-величавой манерой. Онъ сознаетъ это и этимъ гордится. Онъ отчасти цыганъ, ветеринаръ, добываетъ по городу деньги за лѣченіе лошадей, а у насъ въ острогѣ торгуетъ виномъ. Малый онъ умный

и много видывалъ. Слова роняетъ какъ будто рублемъ дарить.

— Это взаправду, братцы, спокойно продолжаетъ онъ, — я еще на прошлой недѣлѣ слышалъ; ѣдетъ генераль, изъ очень важныхъ, будетъ всю Сибирь ревизовать. Дѣло знаемое, задарятъ и его, да только не нашъ восьмиглазый: онъ и сунуться къ нему не посмѣетъ. Генераль генералу розь, братцы. Всякіе бывають. Только я вамъ говорю, нашъ маіоръ при всякомъ случаѣ на теперешнемъ мѣстѣ останется. Это вѣрно. Мы народъ безъ языка, а изъ начальства свои на своего же доносить не стануть. Ревизоръ поглядитъ въ острогъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ, и донесетъ, что все хорошо нашель...

— То-то, братцы, а маіоръ-то струсилъ: вѣдь съ утра пьянъ.

— А вечеромъ другую фуру везетъ. Оедька сказывалъ.

— Чернаго кобеля не отмоешь до-бѣла. Впервой что-ль онъ пьянъ?

— Нѣтъ, это ужъ что же, если и генераль ничего не сдѣлаетъ! Нѣтъ, ужъ полно ихнимъ дурачествамъ подражать! волнуясь, говорятъ промежь себя арестанты.

Вѣсть о ревизорѣ мигомъ разносится по острогу. По двору бродятъ люди и нетерпѣливо передаютъ другъ другу извѣстіе. Другіе нарочно молчатъ, сохраняя свое хладнокровіе, и тѣмъ видимо стараются придать себѣ больше важности. Третьи остаются равнодушными. На казарменныхъ крылечкахъ разсаживаются арестанты съ балалайками. Иные продолжаютъ болтать. Другіе затягивають пѣсни, но вообще всѣ въ этотъ вечеръ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи.

Часу въ десятомъ насъ всѣхъ сосчитывали, загоняли по казармамъ и запирали на ночь. Ночи были короткія; будили въ пятомъ часу утра, засыпали же всѣ никакъ не раньше одиннадцати. До тѣхъ поръ всегда, бывало, идетъ еще суетня, разговоры, а иногда, какъ и зимой, бывають и майданы. Ночью наступаетъ нестерпимый жаръ и духота. Хоть и обдаетъ ночнымъ холодкомъ изъ окна съ поднятой рамой, но арестанты мечутся на своихъ нарахъ всю ночь, словно въ бреду. Блохи кишатъ міриадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но начиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть и слыхивалъ прежде, но не испытывъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше

къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ это; но все-таки тяжело достается. До того, бывало, измучаютъ, что лежишь, наконецъ, словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь. Наконецъ, когда передъ самымъ утромъ угомонятся, наконецъ, и блохи, словно замрутъ, и когда подъ утреннимъ холодкомъ какъ будто дѣйствительно сладко заснешь,—раздается вдругъ безжалостный трескъ барабана у острожныхъ воротъ и начинается зоря. Съ проклятіемъ слушаешь, закутываясь въ полушубокъ, громкіе, отчетливые звуки, словно считаешь ихъ, а между тѣмъ сквозь сонъ лѣзетъ въ голову нестерпимая мысль, что такъ будетъ и завтра, и послѣзавтра, и нѣсколько лѣтъ сряду, вплоть до самой свободы. Да когда-жъ это, думаешь, эта свобода и гдѣ она? А между тѣмъ, надо просыпаться; начинается обыденная ходьба, толкотня... Люди одѣваются, спѣшатъ на работу. Правда, можно было заснуть съ часъ еще въ полдень.

О ревизорѣ сказали правду. Слухи съ каждымъ днемъ подтверждались все болѣе и болѣе и, наконецъ, всѣ узнали уже навѣрно, что ѣдетъ изъ Петербурга одинъ важный генераль ревизовать всю Сибирь, что онъ ужъ пріѣхалъ, что онъ ужъ въ Тобольскѣ. Каждый день новые слухи приходили въ острогъ. Приходили вѣсти и изъ города: слышно было, что всѣ трусятъ, хлопочуть, хотятъ товаръ лицомъ показать. Толковали, что у высшаго начальства готовятъ приемы, балы, праздники. Арестантовъ высылали цѣлыми кучами ровнять улицы въ крѣпости, срывать кочки, подкрашивать заборы и столбики, подштукатурировать, подмазывать, однимъ словомъ, хотѣли въ одинъ мигъ все исправить, что надо было лицомъ показать. Наши понимали очень хорошо это дѣло и все горячѣй и заборнѣе толковали между собою. Фантазія ихъ доходила до колоссальныхъ размѣровъ. Собирались даже показать *претензію*, когда генераль станетъ спрашивать о довольствѣ. А между тѣмъ, спорили и бранились между собою. Плацъ-маіоръ былъ въ волненіи. Чаше наѣзжалъ въ острогъ, чаще кричалъ, чаще кидался на людей, чаще забиралъ народъ въ кордегардію и усиленно смотрѣлъ за чистотой и благообразіемъ. Въ это время, какъ нарочно, случилась въ острогѣ одна маленькая исторійка, которая, впрочемъ, вовсе не взволновала маіора, какъ бы можно было ожидать, а, напротивъ, даже доставила ему удовольствіе. Одинъ

арестантъ въ дракъ пырнулъ другого шиломъ въ грудь, почти подъ самое сердце.

Арестантъ, совершившій преступленіе, назывался Ломовъ; получившаго рану звали у насъ Гаврилкой; онъ былъ изъ закоренѣлыхъ бродягъ. Не помню, было-ли у него другое прозваніе; звали его у насъ Гаврилкой.

Ломовъ былъ изъ зажиточныхъ т—хъ крестьянъ, к—скаго уѣзда. Всѣ Ломовы жили семьей: старикъ отецъ, три сына и дядя ихъ, Ломовъ. Мужики они были богатые. Говорили по всей губерніи, что у нихъ было до трехсотъ тысячъ ассигнаціями капитала. Они пахали, выдѣлывали кожи, торговали, но болѣе занимались ростовщичествомъ, укрывательствомъ бродягъ и краденаго имущества, и прочими художествами. Крестьяне на поль-уѣзда были у нихъ въ долгахъ, находились у нихъ въ кабалѣ. Мужиками они слыли умными и хитрыми, но, наконецъ, зачванились, особенно когда одно очень важное лицо въ тамошнемъ краѣ стало у нихъ останавливаться по дорогѣ, познакомился съ старикомъ лично и полюбилъ его за смѣтливость и оборотливость. Они вдругъ вздумали, что на нихъ ужъ болѣе нѣтъ управы и стали все сильнѣе и сильнѣе рисковать въ разныхъ незаконныхъ предпріятіяхъ. Всѣ роптали на нихъ; всѣ желали имъ провалиться сквозь землю; но они задирали носъ все выше и выше. Исправники, засѣдатели стали имъ уже ни о чемъ. Наконецъ, они свихнулись и погибли, но не за худое, не за тайныя преступленія свои, а за напраслину. У нихъ былъ верстахъ въ десяти отъ деревни большой хуторъ, по-сибирски—заимка. Тамъ однажды проживало у нихъ подъ осень человекъ шесть работниковъ-киргизовъ, закабаленныхъ съ давняго времени. Въ одну ночь всѣ эти киргизы-работники были перерѣзаны. Началось дѣло. Оно продолжалось долго. При дѣлѣ раскрылось много другихъ нехорошихъ вещей. Ломовы были обвинены въ умерщвленіи своихъ работниковъ. Сами они такъ рассказывали и весь острогъ это зналъ; ихъ заподозрили въ томъ, что они слишкомъ много за-должали работникамъ, а такъ какъ, несмотря на свое большое состояніе, были скупы и жадны, то и перерѣзали киргизовъ, чтобы не платить имъ долгу. Во время слѣдствія и суда все состояніе ихъ пошло прахомъ. Старикъ умеръ. Дѣти были разосланы. Одинъ изъ сыновей и его дядя попали въ нашу каторгу на двѣнадцать лѣтъ. И что же? Они были совершенно невинны въ смерти киргизовъ. Тутъ

же, въ острогѣ, объявился потомъ Гаврилка, извѣстный плутъ и бродяга, малый веселый и бойкій, который бралъ все это дѣло на себя. Не слыхалъ я, впрочемъ, признавался-ль онъ въ этомъ самъ, но весь острогъ былъ убѣжденъ совершенно, что киргизы его рукъ не миновали. Гаврилка съ Ломовыми еще бродягой имѣлъ дѣло. Онъ пришелъ въ острогъ на короткій срокъ, какъ бѣглый солдатъ и бродяга. Киргизовъ онъ зарѣзалъ вмѣстѣ съ тремя другими бродягами; они думали сильно поживиться и пограбить въ заимкѣ.

Ломовыхъ у насъ не любили, не знаю за что. Одинъ изъ нихъ, племянникъ, былъ молодецъ, умный малый и уживчиваго характера; но дядя его, пырнувшій Гаврилку шиломъ, былъ глупый и вздорный мужикъ. Онъ со многими еще допрежъ того ссорился и его порядочно бивали. Гаврилку всѣ любили за веселый и складный характеръ. Хоть Ломовы и знали, что онъ преступникъ и они за его дѣло пришли, но съ нимъ не ссорились; никогда, впрочемъ, и не сходились; да и онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. И вдругъ вышла ссора у него съ дядей Ломовымъ за одну противнѣйшую дѣвку. Гаврилка сталъ хвалиться ея благосклонностью; мужикъ сталъ ревновать, и въ одинъ прекрасный полдень пырнулъ его шиломъ.

Ломовы хоть и разорились подъ судомъ, но жили въ острогѣ богачами. У нихъ видимо были деньги. Они держали самоваръ, пили чай. Нашъ маіоръ зналъ объ этомъ и ненавидѣлъ обоихъ Ломовыхъ до послѣдней крайности. Онъ видимо для всѣхъ придирался къ нимъ и вообще добирался до нихъ. Ломовы объясняли это маіорскимъ желаніемъ взять съ нихъ взятку. Но взятки они не давали.

Конечно, если-бъ Ломовъ хоть немного дальше просунулъ шило, онъ убилъ бы Гаврилку. Но дѣло кончилось рѣшительно только одной царапиной. Доложили маіору. Я помню, какъ онъ прискакалъ запыхавшись и видимо довольный. Онъ удивительно ласково, точно съ роднымъ сыномъ, обошелся съ Гаврилкой.

— Что, дружокъ, можешь въ госпиталь такъ дойти, али нѣтъ? Нѣтъ, ужъ лучше ему лошадь запрячь. Запрячь сейчасъ лошадь! закричалъ онъ впопыхахъ унтеръ-офицеру.

— Да я, ваше высокоблагородіе, ничего не чувствую. Онъ только слегка покололъ, ваше высокоблагородіе.

— Ты не знаешь, ты не знаешь, мой милый; вотъ увидишь... Мѣсто опасное; все отъ мѣста зависитъ; подъ самое сердце угодилъ, разбойникъ! А тебя, тебя, заревѣлъ онъ, обращаясь къ Ломову,—ну, теперь я до тебя доберусь!.. Въ кордегардію!

И дѣйствительно добрался. Ломова судили, и хоть рана оказалась самымъ легкимъ покоемъ, но намѣреніе было очевидно. Преступнику набавили рабочаго сроку и провели сквозь тыслу. Маіоръ былъ совершенно доволенъ.

Наконецъ, прибылъ и ревизоръ.

На второй же день по прибытіи въ городъ, онъ пріѣхалъ и къ намъ въ острогъ. Дѣло было въ праздникъ. Еще за нѣсколько дней у насъ все было вымыто, выглажено, вылизано. Арестанты выбриты заново. Платье на нихъ было бѣлое, чистое. Лѣтомъ всѣ ходили, по положенію, въ полотняныхъ бѣлыхъ курткахъ и панталонахъ. На спинѣ у каждого былъ шитъ черный кругъ, вершка два въ діаметръ. Цѣлый часъ учили арестантовъ, какъ отвѣчать, если на случай высокое лицо поздоровается. Производились репетиціи. Маіоръ суетился какъ угорѣлый. За часъ до появленія генерала всѣ стояли по своимъ мѣстамъ, какъ истуканы, и держали руки по швамъ. Наконецъ, въ часъ пополудни, генералъ пріѣхалъ. Это былъ важный генералъ, такой важный, что, кажется, всѣ начальственныя сердца должны были дрогнуть по всей Западной Сибири съ его прибытіемъ. Онъ вошелъ сурово и величаво; за нимъ ввалилась большая свита сопровождавшаго его мѣстнаго начальства: нѣсколько генераловъ, полковниковъ. Былъ одинъ штатскій, высокій и красивый господинъ во фракѣ и башмакахъ, пріѣхавшій тоже изъ Петербурга и державшій себя чрезвычайно непринужденно и независимо. Генералъ часто обращался къ нему и весьма вѣжливо. Это необыкновенно заинтересовало арестантовъ: штатскій, а такой почетъ, и еще отъ такого генерала! Впоследствии узнали его фамилію и кто онъ такой, по толковъ было множество. Нашъ маіоръ, затянутый, съ оранжевымъ воротникомъ, съ налитыми кровью глазами, съ багровымъ, угреватымъ лицомъ, кажется, не произвелъ на генерала особенно пріятнаго впечатлѣнія. Изъ особеннаго уваженія къ высокому посѣтителю, онъ былъ безъ очковъ. Онъ стоялъ поодаль, вытянутый въ струнку, и всѣмъ существомъ своимъ лихорадочно выжидалъ мгновенія на что-нибудь понадобится, чтобъ летѣть исполнять

желанія его превосходительства. Но онъ ни на что не понадобился. Молча обошелъ генераль казарму, заглянулъ и на кухню, кажется, попробовалъ щей. Ему указали меня: такъ и такъ, дескать, изъ дворянъ.

— А! отвѣчалъ генераль.—А какъ онъ теперь ведетъ себя?

— Покамѣстъ удовлетворительно, ваше превосходительство, отвѣчали ему.

Генераль кивнулъ головою и минуты черезъ двѣ вышелъ изъ острога. Арестанты, конечно, были ослѣплены и озадачены, по все-таки остались въ нѣкоторомъ недоумѣннн. Ни о какой претензїи на маіора, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Да и маіоръ былъ совершенно въ этомъ увѣренъ еще заранѣе.

VI.

Каторжныя животныя.

Покупка Гнѣдка, случившаяся вскорѣ въ острогѣ, заняла и развлекла арестантовъ гораздо прїятнѣе высокаго посѣщенія. Въ острогѣ у насъ полагалась лошадь для привоза воды, для вывоза нечистотъ и проч. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Онъ же съ ней и ѣздилъ, разумѣется, подъ конвоемъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ, и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ уже очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся. Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ Петровымъ днемъ, Гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и издохъ въ нѣсколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили. Бывшіе у насъ отставные кавалеристы, цыгане, ветеринары и проч. выказали при этомъ даже много особенныхъ познаній по лошадиной части, даже поругались между собой, но Гнѣдка не воскресили. Онъ лежалъ мертвый, со вздутымъ брюхомъ, въ которое всѣ считали обязанностью потыкать пальцемъ; доложили маіору о приключившейся волѣ Божіей и онъ рѣшилъ, чтобъ немедленно была куплена новая лошадь. Въ самый Петровъ день, поутру, послѣ обѣдни, когда всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Само собой разумѣется, что препоручить покупку слѣдовало самимъ арестантамъ. У насъ были настоящіе знатоки и надуть двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, только этимъ прежде и занимавшихся, было трудно. Являлись киргизы, барышники, цыгане, мѣ-

щане. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ *своего* кармана покупаютъ *себѣ* лошадей и имѣютъ полное право купить. Три коня было приведено и уведено, пока покончили дѣло на четвертомъ. Входившіе барышники съ нѣкоторымъ изумленіемъ и какъ бы робостью осматривались кругомъ и даже изрѣдка оглядывались на конвойныхъ, вводившихъ ихъ. Двухсотенная ватага такого народу, бритая, проклеяеная, въ цѣляхъ и у себя дома, въ своемъ каторжномъ гнѣздѣ, за порогъ котораго никто не переступаетъ, внушала къ себѣ своего рода уваженіе. Наши же изощрились въ разныхъ хитростяхъ при испытаніи каждаго приводимаго коня. Куда-куда они ему не заглядывали, чего у него не ощупали и вдобавокъ съ такимъ дѣловымъ, съ такимъ серьезнымъ и хлопотливымъ видомъ, какъ будто отъ этого зависѣло благосостояніе острога. Черкесы такъ даже вскакивали на лошадь верхомъ; у нихъ глаза разгорались и бѣгло болтали они на своемъ непонятномъ нарѣчьи, скаля свои бѣлые зубы и кивая своими смуглыми горбоносими лицами. Иной изъ русскихъ такъ и прикуетъ всѣмъ вниманіемъ къ ихъ спору, точно въ глаза къ нимъ вскочить хочетъ. Словъ-то не понимаетъ, такъ хочетъ хоть по выраженію глазъ догадаться, какъ рѣшили: годится-ли конь или нѣтъ? И даже страннымъ показалось бы такое судорожное вниманіе иному постороннему наблюдателю. О чемъ бы, кажется, тутъ такъ особенно хлопотать иному арестанту, и арестанту-то какому-нибудь таеъ себѣ, смиренному, забитому, который даже передъ инымъ изъ своихъ же арестантовъ пикнуть не смѣетъ. Точно онъ самъ для себя покупалъ лошадь, точно и въ самомъ дѣлѣ для него не все равно было, какая ни купится. Кромѣ черкесовъ, наиболѣе отличались бывшіе цыгане и барышники: имъ уступили и первое слово. Тутъ даже произошелъ нѣкотораго рода благородный поединокъ, особенно между двумя, — арестантомъ Куликовымъ, прежнимъ цыганомъ, конокрадомъ и барышникомъ, и самоучкой-ветеринаромъ, хитрымъ сибирскимъ мужичкомъ, недавно пришедшимъ въ острогъ и уже успѣвшимъ отбить у Куликова всю его городскую практику. Дѣло въ томъ, что нашихъ осторожныхъ самоучекъ-ветеринаровъ весьма цѣнили во всемъ городѣ, и не только мѣщане или купцы,

но даже самыя высшія чины обращались въ острогъ, когда у нихъ заболѣвали лошади, несмотря на бывшихъ въ городѣ нѣсколькихъ настоящихъ ветеринарныхъ врачей. Куликовъ, до прибытія Елкина, сибирскаго мужичка, не зналъ себѣ соперника, имѣлъ большую практику и, разумѣется, получалъ денежную благодарность. Онъ сильно цыганилъ и шарлатанилъ и зналъ гораздо менѣе, чѣмъ выказывалъ. По доходамъ, онъ былъ аристократъ между нашими. По бывалости, по уму, по смѣлости и рѣшимости онъ уже давно внушилъ къ себѣ невольное уваженіе всѣмъ арестантамъ въ острогѣ. Его у насъ слушали и слушались. Но говорилъ онъ мало: говорилъ какъ рублемъ дарилъ, и все только въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Былъ онъ рѣшительный фатъ, но было въ немъ много дѣйствительной, неподдѣльной энергіи. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, но очень красивъ, очень уменъ. Съ нами, дворянами, обходился какъ-то утонченно вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Я думаю, если-бъ нарядить его и привезть подъ видомъ какого-нибудь графа въ какой-нибудь столичный клубъ, то онъ бы и тутъ нашелся, сыгралъ бы въ вистъ, отлично бы поговорилъ, не много, но съ вѣсомъ, и въ цѣлый вечеръ, можетъ-быть, не раскусили бы, что онъ не графъ, а бродяга. Я говорю серьезно: такъ онъ былъ уменъ, смѣтливъ и быстръ на соображеніе. Къ тому же манеры его были прекрасныя, щегольскія. Должно-быть, онъ видалъ въ своей жизни виды. Впрочемъ, прошедшее его было покрыто мракомъ неизвѣстности. Жилъ онъ у насъ въ особомъ отдѣленіи. Но съ прибытіемъ Елкина, хотя и мужика, но зато хитрѣйшаго мужика, лѣтъ пятидесяти, изъ раскольниковъ, ветеринарная слава Куликова затмилась. Въ какіе-нибудь два мѣсяца онъ отбилъ у него почти всю его городскую практику. Онъ вылѣчивалъ, и очень легко, такихъ лошадей, отъ которыхъ Куликовъ еще прежде давно отказался. Онъ даже вылѣчивалъ такихъ, отъ которыхъ отказывались городскіе ветеринарные лѣкаря. Этотъ мужичокъ пришелъ вмѣстѣ съ другими за фальшивую монету. Надо было ему ввязаться, на старости лѣтъ, въ такое дѣло компаньономъ! Самъ же онъ, смѣясь надъ собой, рассказывалъ у насъ, что изъ трехъ настоящихъ золотыхъ у нихъ вышелъ всего только одинъ фальшивый. Куликовъ былъ нѣсколько оскорбленъ его ветеринарными успѣхами, даже слава его между арестантами начала было мерк-

нуть. Онъ держалъ любовницу въ форштадтѣ, ходилъ въ плисовой поддевки, носилъ серебряное кольцо, серьгу и собственные сапоги съ оторочкой и вдругъ, за немѣннѣемъ доходовъ, онъ принужденъ былъ сдѣлаться цѣловальникомъ, и потому всѣ ждали, что теперь, при покупкѣ новаго Гнѣдка, враги, чего добраго, пожалуй, еще подерутся. Ждали съ любонитствомъ. У каждаго изъ нихъ была своя партія. Передовые изъ обѣихъ партій уже начинали волноваться и помаленьку уже перекидывались ругательствами. Самъ Елкинъ уже съезжилъ было свое хитрое лицо въ самую саркастическую улыбку. Но оказалось не то: Куликовъ и не подумалъ ругаться, но и безъ ругани поступилъ мастерски. Онъ началъ съ уступки, даже съ уваженіемъ выслушалъ критическія мнѣнія своего соперника, но, поймавъ его на одномъ словѣ, скромно и настойчиво замѣтилъ ему, что онъ ошибается, и прежде чѣмъ Елкинъ успѣлъ опомниться и оговориться, доказалъ, что ошибается онъ вотъ именно въ томъ-то и въ томъ-то. Однимъ словомъ, Елкинъ былъ сбитъ чрезвычайно неожиданно и искусно, и хотя верхъ все-таки остался за нимъ, но и куликовская партія осталась довольна.

— Нѣтъ, ребята, его знать не скоро собьешь, за себя постоитъ; куды! говорили одни.

— Елкинъ больше знаетъ! замѣчали другіе, но какъ-то уступчиво замѣчали. Обѣ партіи заговорили вдругъ въ чрезвычайно уступчивомъ тонѣ.

— Не то что знаетъ, у него только рука полегче. А насчетъ скотины и Куликовъ не сробѣетъ.

— Не сробѣетъ, парень!

— Не сробѣетъ...

Новаго Гнѣдка, наконецъ, выбрали и купили. Это была славная лошадка, молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Ужъ разумѣется, по всѣмъ другимъ статьямъ она оказалась безукоризненною. Стали торговаться: просили тридцать рублей, наши давали двадцать пять. Торговались горячо и долго, сбавляли и уступали. Наконецъ, самимъ смѣшно стало.

— Чтѣ ты изъ своего кошеля, чтѣ-ли, деньги брать будешь? говорили одни,—чего торговаться-то?

— Казну что-ли жалѣть? кричали другіе.

— Да все же, братцы, все-жъ это деньги, артельныя...

— Артельныя! Нѣтъ, видно, нашего брата, дураковъ, не сѣютъ, а сами родимся...

Наконецъ, за двадцать восемь рублей торгъ состоялся. Доложили маіору и покупка была рѣшена. Разумѣется, тотчасъ же вынесли хлѣба съ солью и съ честію ввели новаго Гнѣдка въ острогъ. Кажется не было арестанта, который при этомъ случаѣ не потрепалъ его по шеѣ или не погладилъ по мордѣ. Въ этотъ же день запрягли Гнѣдка возить воду, и всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли, какъ новый Гнѣдко повезетъ свою бочку. Нашъ водовозъ Романъ поглядывалъ на новаго конька съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ. Это былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, молчаливаго и солиднаго характера. Да и всѣ рускіе кучера бываютъ чрезвычайно солиднаго и даже молчаливаго характера, какъ будто дѣйствительно вѣрно, что постоянное обращеніе съ лошадьми придаетъ человѣку какую-то особенную солидность и даже важность. Романъ былъ тихъ, со всѣми ласковъ, несловоохотливъ, нюхалъ изъ рожка табакъ и постоянно, съ незапамятныхъ временъ, возился съ осторожными Гнѣдками. Новокупленный былъ уже третій. У насъ были всѣ увѣрены, что къ острогу идетъ гнѣдая масть, что намъ это будто бы *къ дому*. Такъ подтверждалъ и Романъ. Пѣгаго, напримѣръ, ни за что не кутили бы. Мѣсто водовоза постоянно, по какому-то праву, оставалось навсегда за Романомъ, и у насъ никто никогда и не вздумалъ бы оспаривать у него это право. Когда палъ прежній Гнѣдко, никому и въ голову не пришло, даже и маіору, обвинить въ чемъ-нибудь Романа: воля Божія да и только, а Романъ хорошій кучеръ. Скоро Гнѣдко сдѣлался любимцемъ острога. Арестанты хоть и суровый народъ, но подходили часто ласкать его. Бывало, Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота, отворенныя ему унтеръ-офицеромъ, а Гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бочкой и ждетъ его, косить на него глазами. „Пошелъ одинъ!“ крикнетъ ему Романъ— и Гнѣдко тотчасъ повезетъ одинъ, довезетъ до кухни и остановится, ожидая стряпокъ и парашниковъ съ ведрами, чтобъ брать воду. „Умникъ, Гнѣдко!“ кричатъ ему, — „одинъ привезъ!.. Служается!“

— Ишь въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

— Молодецъ, Гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головой и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-

нибудь непременно тутъ же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣсть и опять закиваетъ головою, точно приговариваетъ: „Знаю я тебя! Знаю! И я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!“

Я тоже любилъ подносить Гнѣдку хлѣба. Какъ-то пріятно было смотрѣть въ его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбравшія подачку.

Вообще наши арестантики могли бы любить животныхъ, и если-бъ имъ это позволили, они съ охотою развели бы въ острогѣ множество домашней скотины и птицы. И, кажется, что бы больше могло смягчить, облагородить суровый и звѣрскій характеръ арестантовъ, какъ не такое, напримѣръ, занятіе? Но этого не позволяли. Ни порядки наши, ни мѣсто этого не допускали.

Въ острогѣ во все мое время перебивало однакоже случайно нѣсколько животныхъ. Кромѣ Гнѣдка, были у насъ собаки, гуси, козелъ Васька, да жилъ еще нѣкоторое время орелъ.

Въ качествѣ постоянной острожной собаки жилъ у насъ, какъ уже было сказано мною прежде, Шарикъ, умная и добрая собака, съ которой я и былъ въ постоянной дружбѣ. Но такъ какъ ужъ сабака вообще у всего простонародья считается животнымъ нечистымъ, на которое и вниманія не слѣдуетъ обращать, то и на Шарика у насъ почти никто не обращалъ вниманія. Жила себѣ собака, спала на дворѣ, ѣла кухонные выброски и никакого особеннаго интереса ни въ комъ не возбуждала, однако всѣхъ знала и всѣхъ въ острогѣ считала своими хозяевами. Когда арестанты возвращались съ работы, она уже по крику у кордегардіи: „ефрейтора!“ бѣжитъ къ воротамъ, ласково встрѣчаетъ каждую партію, вертитъ хвостомъ и привѣтливо засматриваетъ въ глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но въ продолженіе многихъ лѣтъ она не добилаь никакой ласки ни отъ кого, кромѣ развѣ меня. За это-то она и любила меня болѣе всѣхъ. Не помню какимъ образомъ появилась у насъ потомъ въ острогѣ и другая собака, Бѣлка. Третью же, Культяпку, я самъ завелъ, принеся ее какъ-то съ работы, еще щенкомъ. Бѣлка была странное созданіе. Ее кто-то переѣхалъ тѣлгой и спина ея была вогнута внутрь, такъ что когда она, бывало, бѣжитъ, то казалось издали, что бѣгутъ двое какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, сращенныхъ между собою. Кромѣ того,

вся она была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый. Оскорбленная судьбою, она, видимо, рѣшилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше, изъ хлѣба, за казармами; если же увидить, бывало, кого-нибудь изъ нашихъ, то тотчасъ же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія, перекувырнется на спину: „дѣлай, дескать, со мной чтѣ тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивляться“. И каждый арестантъ, передъ которымъ она перекувырнется, пырнетъ ее, бывало, сапогомъ, точно считая это непремѣнною своею обязанностью. „Вишь, подлая!“ говорятъ, бывало, арестанты. Но Бѣлка даже и визжать не смѣла, и если ужъ слишкомъ пронимало ее стѣ боли, то какъ-то заглушенно и жалобно выла. Точно такъ же она перекувыркивалась и передъ Шарикомъ, и передъ всякой другой собакой, когда выбѣгала, по своимъ дѣламъ, за острогъ. Бывало, перекувырнется и лежить смиренно, когда какой-нибудь большой вслухій песь бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. Но собаки любятъ смиреніе и покорность въ себѣ подобныхъ. Свирѣпый песь немедленно укрощался, съ пѣкоторою задумчивостью останавливался надъ лежащей передъ нимъ вверхъ ногами покорной собакой и медленно, съ большимъ любопытствомъ пачиналъ ее обнюхивать во всѣхъ частяхъ тѣла. Чтѣ-то въ это время могла думать вся трепетавшая Бѣлка? „А ну, какъ, разбойникъ, рванетъ?“ вѣроятно приходило ей въ голову. Но, обнюхавъ внимательно, песь, наконецъ, бросалъ ее, не находя въ ней ничего особенно любопытнаго. Бѣлка тотчасъ же вскакивала, и опять, бывало, пускалась, ковыляя, за длинной вереницей собакъ, провожавшихъ какую-нибудь Жучку. И хоть она навѣрно знала, что съ Жучкой ей никогда коротко не познакомиться, а все-таки хотъ издали поковылять—и то было для нея утѣшеніемъ въ ея несчастіяхъ. О чести она уже, видимо, перестала думать. Потерявъ всякую карьеру въ будущемъ, она жила только для одного хлѣба, и вполне сознавала это. И попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся осѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать отъ умиленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завидить издали и визжить, визжить

болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ на валу разорвали собаки.

Совѣмъ другого характера былъ Культяпка. Зачѣмъ я его принесъ изъ мастерской въ острогъ еще слѣпымъ щенкомъ—не знаю. Мнѣ пріятно было кормить и растить его. Шарикъ тотчасъ же принялъ Культяпку подъ свое покровительство и спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда Культяпка сталъ подрастать, то онъ позволялъ ему кусать свои уши, рвать себя за шерсть и играть съ нимъ, какъ обыкновенно играютъ взрослыя собаки со щенками. Странно, что Культяпка почти не росъ въ вышину, а все въ длину и ширину. Шерсть была на немъ лохматая, какого-то свѣтло-мышиннаго цвѣта; одно ухо росло внизъ, а другое вверхъ. Характера онъ былъ пылкаго и восторженнаго, какъ и всякій щенокъ, который отъ радости, что видитъ хозяина, обыкновенно навизжитъ, накричитъ, полѣзеть лизать въ самое лицо, и тутъ же передъ вами готовъ не удержать и всѣхъ остальныхъ чувствъ своихъ: „былъ бы только виденъ восторгъ, а приличія ничего не значать!“ Бывало, гдѣ бы я ни былъ, но по крику: „Культяпка!“ онъ вдругъ являлся изъ-за какого-нибудь угла, какъ изъ-подъ земли, и съ визгливымъ восторгомъ летѣлъ ко мнѣ, катись какъ шарикъ и перекувыркиваясь дорогою. Я ужасно полюбилъ этого маленькаго урода. Казалось, судьба готовила ему въ жизни довольство и однѣ только радости. Но въ одинъ прекрасный день, арестантъ Неустроевъ, занимавшійся шитьемъ женскихъ башмаковъ и выдѣлкой кожъ, обратилъ на него особенное вниманіе. Его вдругъ что-то поразило. Онъ подозвалъ Культяпку къ себѣ, пощупалъ его шерсть и ласково повалялъ его спиной по землѣ. Культяпка, ничего не подозрѣвавшій, визжалъ отъ удовольствія. Но на другое же утро онъ исчезъ. Я долго искалъ его; точно въ воду кануль; и только черезъ двѣ недѣли все объяснилось: Культяпкинъ мѣхъ чрезвычайно понравился Неустроеву. Онъ содралъ его, выдѣлалъ и подложилъ имъ бархатные зимніе полусапожки, которые заказала ему аудиторша. Онъ показывалъ мнѣ и полусапожки, когда они были готовы. Шерсть вышла удивительная. Бѣдный Культяпка!

Въ острогѣ у насъ многіе занимались выдѣлкой кожъ, и часто, бывало, приводили съ собой собакъ съ хорошей шерстью, которая въ тотъ же мигъ исчезала. Иныхъ воровали, а иныхъ даже и покупали. Помню, разъ за

кухнями я увидалъ двухъ арестантовъ. Они о чемъ-то совѣщались и хлопотали. Одинъ изъ нихъ держалъ на веревкѣ великолѣпнѣйшую большую черную собаку, очевидно, дорогой породы. Какой-то негодяй-лакей увелъ ее отъ своего барина и продалъ нашимъ башмачникамъ за тридцать копеекъ серебромъ. Арестанты собирались ее повѣсить. Это очень удобно дѣлалось: кожу сдирали, а трупъ бросали въ большую и глубокую помойную яму, находившуюся въ самомъ заднемъ углу нашего острога, и которая лѣтомъ, въ сильные жары, ужасно воняла. Ее изрѣдка вычищали. Бѣдная собака, казалось, понимала готовившуюся ей участь. Она пытливо и съ безпокойствомъ взглядывала поочередно на насъ троихъ и изрѣдка только осмѣливалась повертѣть своимъ пушистымъ прижатымъ хвостомъ, точно желая смягчить насъ этимъ знакомъ своей къ намъ довѣренности. Я поскорѣй ушелъ, а они, разумѣется, кончили свое дѣло благополучно.

Гуси у насъ завелись какъ-то тоже случайно. Кто ихъ развелъ и кому они собственно принадлежали—не знаю, но нѣкоторое время они очень тѣшили арестантовъ и даже стали извѣстны въ городѣ. Они и вывелись въ острогѣ, и содержались на кухнѣ. Когда выводокъ подросъ, то всѣ они, цѣлымъ кагаломъ, повадились ходить вмѣстѣ съ арестантами на работу. Только, бывало, загремитъ барабанъ и двинется каторга къ выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распутивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ калитки и непременно отправляются на правый флангъ, гдѣ и выстраиваются, ожидая окончанія разводки. Примыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-нибудь неподалеку. Только что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. „Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ!“ говорятъ, бывало, встрѣчающіеся,— „да какъ это вы ихъ обучили?“— „Вотъ вамъ на гусей“, прибавлялъ другой и подавалъ подаяніе. Но, несмотря на всю ихъ преданность, къ какому-то розговѣнью ихъ всѣхъ перерѣзали.

Зато нашего козла Ваську ни за что бы не зарѣзали, если-бъ не случилось особеннаго обстоятельства. Тоже не знаю, откуда онъ у насъ взялся и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій,

прехорошенькій козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Нашли и причину держать его: надо же было въ острогѣ, при конюшнѣ, держать козла. Однакожь онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было преграціозное, прешаловливое созданіе. Онъ бѣжалъ на кличку, вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ. Разъ, когда уже у него прорѣзывались порядочные рожки, однажды вечеромъ, лезгинъ Бабай, сидя на казарменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ нимъ бодаться. Они уже долго стукались лбами, — это была любимая забава арестанта съ козломъ, — какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца и, только что Бабай отворотился въ сторону, мигомъ поднялся на дыбки, прижалъ къ себѣ передніе копытцы и со всего размаху ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ кувыркомъ съ крыльца, къ восторгу всѣхъ присутствующихъ и перваго Бабая. Однимъ словомъ, Ваську всѣ ужасно любили. Когда онъ сталъ подрастать, надъ нимъ, вслѣдствіе общаго и серьезнаго совѣщанія, произведена была извѣстная операція, которую наши ветеринары отлично умѣли дѣлать. „Нето пахнуть козломъ будетъ“, говорили арестанты. Послѣ того Васька сталъ ужасно жирѣть. Да и кормили его точно на убой. Наконецъ, выросъ прекрасный большой козель, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало, идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу, для увеселенія арестантовъ и встрѣчавшейся публики. Всѣ знали острожнаго козла Ваську. Иногда, если работали, напримеръ, на берегу, арестанты нарвутъ, бывало, гибкихъ талиновыхъ вѣтокъ, достанутъ еще какихъ-нибудь листьевъ, наберутъ на валу цвѣтовъ и уберутъ всѣмъ этимъ Ваську: рога оплетутъ вѣтвями и цвѣтами, по всему туловищу пустятъ гирлянды. Возвращается, бывало, Васька въ острогъ, всегда впереди арестантовъ, разубранный и разукрашенный, а они идутъ за нимъ и точно гордятся передъ прохожими. До того дошло это любованье козломъ, что инымъ изъ нашихъ приходила даже въ голову, словно дѣтямъ, мысль: „не вызолотить-ли рога Васькѣ?“ Но только такъ поговорили, а не исполнили. Я, впрочемъ, помню, спросилъ Акимъ Акимыча, лучшаго нашего золо-

тильщика послѣ Исаѣя Ѳомича: можно-ли дѣйствительно вызолотить козлу рога? Онъ сначала внимательно посмотрѣлъ на козла, серьезно сообразилъ и отвѣчалъ, что пожалуй можно, „но будетъ непрочно-съ, и къ тому же совершенно бесполезно“. Тѣмъ дѣло и кончилось. И долго бы прожилъ Васька въ острогѣ, и умеръ бы развѣ отъ одышки, но однажды, возвращаясь во главѣ арестантовъ съ работы, разубранный и разукрашенный, онъ попался навстрѣчу маіору, ѣхавшему въ дрожкахъ.—„Стой! заревѣлъ онъ,—чей козель?“ Ему объяснили.—„Какъ! Въ острогѣ козель, и безъ моего позволенія! Унтеръ-офицера!“ Явился унтеръ-офицеръ и тотчасъ же было повелѣно немедленно зарѣзать козла. Шкуру содрать, продать на базарѣ и вырученныя деньги включить въ казенную, арестантскую сумму, а мясо отдать арестантамъ во щи. Въ острогѣ поговорили, пожалѣли, но однакожь не посмѣли послушаться. Ваську зарѣзали надъ нашей помойной ямой. Мясо купилъ одинъ изъ арестантовъ все цѣликомъ, внеся острогу полтора цѣлковыхъ. На эти деньги купили калачей, а купившій Ваську распродалъ по частямъ, своимъ же, на жаркое. Мясо оказалось дѣйствительно необыкновенно вкуснымъ.

Проживалъ у насъ тоже нѣкоторое время въ острогѣ орель (карагушъ), изъ породы степныхъ небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ, раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, и развѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливали на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростью, но видимо боялся подступить ближе, чтò очень потѣшало арестантовъ. „Звѣрь! говорили они,— не дается!“ Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ, когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орель защищался изо всѣхъ силъ клювомъ, и гордо и

дикю, какъ раненый король, забившись въ свой уголь, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всёмъ онъ наскучилъ; всё его бросили и забыли, и однакожь каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль палъ, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всёхъ силъ, хромяя и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, оцетинившись, тотчасъ же приготавлился къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотреть мнѣ въ глаза своимъ злымъ, провзительнымъ взглядомъ. Одинокю и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и хотъ никто не заботился, никто и не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всёхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла. „Пусть хотъ околѣеть, да не въ острогѣ“, говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то, поддакивали другіе.

— Знать, онъ не такъ, какъ мы, прибавилъ кто-то.

— Вишь, сморозилъ: то птица, а мы, значитъ, человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ... началъ было Скуратовъ, но его на этотъ разъ не стали слушать.

Разъ, послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всё были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получали свободу.

— Ишь, собачье мясо, добро ему творишь, а онъ все кусается! говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпускай его, Микитка!

— Ему, знать, чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, заправскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ вала въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталь въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая большимъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ голова.

— Вишь его! задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется! прибавилъ другой. — Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжить себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится? замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло воля. Волю почуваль.

— Слоббда, значить.

— И не видать ужъ, братцы...

— Чего стоять-то? Маршъ! закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу.

VII.

Претензія.

Начиная эту главу, издатель записокъ покойнаго Александра Петровича Горянчикова считаетъ своею обязанностью сдѣлать читателямъ слѣдующее сообщеніе.

Въ первой главѣ „Записокъ изъ Мертваго дома“ сказано нѣсколько словъ объ одномъ отцеубійцѣ, изъ дворянъ. Между прочимъ, онъ поставленъ былъ въ примѣръ того, съ какой безчувственностью говорятъ иногда арестанты о совершенныхъ ими преступленіяхъ. Сказано было тоже, что убійца не сознавался передъ судомъ въ своемъ преступленіи, но что, судя по рассказамъ людей, знавшихъ всѣ подробности его исторіи, факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить преступленію. Эти же люди рассказывали автору „Записокъ“, что преступникъ поведенія былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги и убилъ своего отца, жаждавая послѣ него наслѣдства. Впрочемъ, весь городъ, въ которомъ прежде служилъ этотъ отцеубійца, рассказывалъ эту исторію одинаково. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ издатель „Записокъ“ имѣетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ, въ „Запискахъ“ сказано, что въ острогѣ убійца былъ постоянно

въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа; что это былъ взбалмошный, легкомысленный, неразсудительный въ высшей степени человѣкъ, хотя отнюдь не глупецъ, и что авторъ „Записокъ“ никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. И тутъ же прибавлены слова: „Разумѣется, я не вѣрилъ этому преступленію“.

На-дняхъ издатель „Записокъ изъ Мертваго дома“ получилъ увѣдомленіе изъ Сибири, что преступникъ былъ дѣйствительно правъ и десять лѣтъ страдалъ въ каторжной работѣ напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящіе преступники нашлись и сознались, и что несчастный уже освобожденъ изъ острога. Издатель никакъ не можетъ сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубинѣ трагическаго въ этомъ фактѣ и загубленной еще съ молодости жизни, подъ такимъ ужаснымъ обвиненіемъ. Фактъ слишкомъ понятенъ, слишкомъ поразителенъ самъ по себѣ.

Мы думаемъ тоже, что если такой фактъ оказался возможнымъ, то уже самая эта возможность прибавляетъ еще новую и чрезвычайно яркую черту къ характеристикѣ и полнотѣ картины Мертваго дома.

А теперь продолжаемъ.

Я уже говорилъ прежде, что я, наконецъ, освоился съ моимъ положеніемъ въ острогѣ. Но это „наконецъ“ совершалось очень туго и мучительно, слишкомъ мало-по-малу. Въ сущности, мнѣ надо было почти годъ времени для этого, и это былъ самый трудный годъ моей жизни. Оттого-то онъ такъ весь, цѣликомъ, и уложился въ моей памяти. Мнѣ кажется, я каждый часъ этого года помню въ послѣдовательности. Говорилъ я тоже, что *привыкнуть* къ этой жизни не могли и другіе арестанты. Помню, какъ въ этотъ первый годъ я часто размышлялъ про себя: „что они, какъ? Неужели спокойны?“ И вопросы эти очень меня занимали. Я уже упоминалъ, что всѣ арестанты жили здѣсь какъ бы не у себя дома, а какъ будто на постояломъ дворѣ, на походѣ, на этапѣ какомъ-то. Люди, присланные на всю жизнь, и тѣ суетились или тосковали, и ужъ непременно каждый изъ нихъ про себя мечталъ о чемъ-нибудь почти невозможномъ. Это всегдашнее без-

покойство, выказывавшееся хоть и молча, но, видимо, эта странная горячность и нетерпѣливость иногда невольно высказанныхъ надеждъ, подчасъ до того неосновательныхъ, что онѣ какъ бы походили на бредъ и, что болѣе всего поражало, уживавшихся нерѣдко въ самыхъ практическихъ, повидимому, умахъ, — все это придавало необыкновенный видъ и характеръ этому мѣсту, до того, что, можетъ-быть, эти-то черты и составляли самое характерное его свойство. Какъ-то чувствовалось, почти съ перваго взгляда, что этого нѣтъ за острогомъ. Тутъ всѣ были мечтатели, и это бросалось въ глаза. Это чувствовалось болѣзненно, именно потому, что мечтательность сообщала большинству острога видъ угрюмый и мрачный, нездоровый какой-то видъ. Огромное большинство было молчаливо и злобно до ненависти, не любило выставлять своихъ надеждъ напоказъ. Простодушіе, откровенность были въ презрѣніи. Чѣмъ несбыточнѣе были надежды и чѣмъ больше чувствовалъ эту несбыточность самъ мечтатель, тѣмъ упорнѣе и цѣломудреннѣе онъ ихъ таилъ про себя, но отказаться отъ нихъ онъ не могъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, иной стыдился ихъ про себя. Въ русскомъ характерѣ столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмѣшки надъ первымъ собою... Можетъ-быть, отъ этого постоянного затаеннаго недовольства собою и было столько нетерпѣливости у этихъ людей въ повседневныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, столько непримиримости и насмѣшки другъ надъ другомъ. И если, напримѣръ, высказивалъ вдругъ, изъ нихъ же, какой-нибудь понаивнѣе и нетерпѣливѣе и высказывалъ иной разъ вслухъ то, что у всѣхъ было про себя на умѣ, пускался въ мечты и надежды, то его тотчасъ же грубо осаживали, обрывали, осмѣивали; но сдается мнѣ, что самые рьяные изъ преслѣдователей были именно тѣ, которые, можетъ-быть, самито еще дальше него пошли въ своихъ мечтахъ и надеждахъ. На наивныхъ и простоватыхъ, я сказалъ уже, смотрѣли у насъ всѣ вообще какъ на самыхъ пошлыхъ дураковъ и относились къ нимъ презрительно. Каждый былъ до того угрюмъ и самолюбивъ, что начиналъ презирать человѣка добраго и безъ самолюбія. Кромѣ этихъ паивныхъ и простоватыхъ болтуновъ, всѣ остальные, то-есть, молчаливые, рѣзко раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на угрюмыхъ и свѣтлыхъ. Угрюмыхъ и злыхъ было несравненно больше; если-жъ изъ нихъ и случались иные ужъ

такъ по природѣ своей говоруны, то всѣ они непремѣнно были безпокойные сплетники и тревожные завистники. До всего чужого имъ было дѣло, хотя своей собственной души, своихъ собственныхъ тайныхъ дѣлъ и они никому не выдавали напоказъ. Это было не въ модѣ, не принято. Добрые—очень маленькая кучка—были тихи, молчаливо таили про себя свои упованія и, разумѣется, болѣе мрачныхъ склонны были къ надеждѣ и вѣрѣ въ нихъ. Впрочемъ, сдается мнѣ, что въ острогѣ былъ еще отдѣлъ вполне отчаявшихся. Таковъ былъ, на примѣръ, и старикъ изъ стародубовскихъ слободъ; во всякомъ случаѣ, такихъ было очень мало. Старикъ былъ съ виду спокоенъ (я уже говорилъ о немъ), но по нѣкоторымъ признакамъ, я полагаю, душевное состояніе его было ужасное. Впрочемъ, у него было свое спасеніе, свой выходъ: молитва и идея о мученичествѣ. Сошедшій съ ума, зачитавшійся въ Библии, арестантъ, о которомъ я уже упоминалъ и который бросился съ кирпичомъ на маіора, вѣроятно, тоже былъ изъ отчаявшихся, изъ тѣхъ, кого покинула послѣдняя надежда, а такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ. Онъ объявилъ, что онъ бросился на маіора безъ злобы, а единственно желая принять мѹки. И кто знаетъ, какой психологическій процессъ совершился тогда въ душѣ его! Безъ какой-нибудь цѣли и стремленія къ ней не живетъ ни одинъ живой человѣкъ. Потерявъ цѣль и надежду, человѣкъ съ тоски обращается нерѣдко въ чудовище... Цѣль у всѣхъ нашихъ была свобода и выходъ изъ каторги.

Впрочемъ, вотъ я теперь силюсь подвести весь нашъ острогъ подъ разряды; но возможно-ли это? Дѣйствительность безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми, даже и самыми хитрѣйшими выводами отвлеченной мысли, и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ различій. Дѣйствительность стремится къ раздробленію. Жизнь своя особенная была и у насъ, хоть кака-я-нибудь, да все же была, и не одна официальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

Но какъ уже и упоминалъ я отчасти, я не могъ и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда

просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель, и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону. Повторяю опять, эта зависть, посѣщавшая меня въ минуту злобы, имѣла свое законное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, положительно неправы тѣ, которые говорятъ, что дворянину, образованному и т. д. совершенно одинаково тяжело въ нашихъ каторгахъ и острогахъ, какъ и всякому мужику. Я знаю, я слышалъ объ этомъ предположеніи, въ послѣднее время я читалъ про это. Основаніе этой идеи вѣрное, гуманное. Всѣ люди, всѣ человѣки. Но идея-то слишкомъ отвлеченная. Упущено изъ виду очень много практическихъ условій, которыя не иначе можно понять, какъ въ самой дѣйствительности. Я говорю это не потому, что дворянинъ и образованный будто бы чувствуютъ утонченіе, больнѣе, что они болѣе развиты. Душу и развитіе ея трудно подводить подъ какой-нибудь уровень. Даже само образованіе въ этомъ случаѣ не мѣрка. Я первый готовъ свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчалъ черты самага утонченнаго развитія душевнаго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ, приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго, и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали. Бываетъ и обратно: образованіе уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзитъ и, какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій.

Не говорю я тоже ничего о перемѣнѣ привычекъ, образа жизни, пищи и проч., что для человѣка изъ высшаго слоя общества, конечно, тяжелѣе, чѣмъ для мужика, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ, по крайней мѣрѣ, сыто наѣдался. Не буду и объ этомъ спорить. По-

ложимъ, что человѣку, хоть немного сильному волей, все это вздоръ сравнительно съ другими неудобствами, хотя, въ сущности, перемѣна привычекъ дѣло вовсе не вздорное и не послѣднее. Но есть неудобства, передъ которыми все это блѣднѣетъ до того, что не обращаешь вниманія ни на грязь содержанія, ни на тиски, ни на тощую, неопрятную пищу. Самый гладенькій бѣлоручка, самый нѣжный нѣженка, поработавъ въ потѣ лица, такъ, какъ онъ никогда не работалъ на свободѣ, будетъ ѣсть и черный хлѣбъ, и щи съ тараканами. Къ этому еще можно привыкнуть, какъ и упомянуто въ юмористической арестантской пѣснѣ о прежнемъ бѣлоручкѣ, попавшемъ въ каторгу:

Дадутъ капусту мнѣ съ водою
И ѣмъ такъ за ушми трещить.

Нѣтъ; важнѣе всего этого то, что всякій изъ новопривыкающихъ въ острогъ, черезъ два часа по прибытіи, становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякій другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, и всѣ считаютъ его за *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его дѣльные годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, дѣлой массой; его не поймутъ, и главное — не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ, наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, бессознательно. Не свой человѣкъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, а черезъ два часа они, пожалуй, заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ одной избѣ или въ одномъ шалашѣ. Не то для благородныхъ. Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездною и это замѣчается *вполнѣ* только тогда, когда *благородный* вдругъ самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Не то хоть всю жизнь свою знайте съ народомъ, хоть

сорокъ лѣтъ сряду каждый день сходитесь съ нимъ, по службѣ, напимѣрь, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ, просто по-дружески, въ видѣ благодѣтеля и въ нѣкоторомъ смыслѣ отца—никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптический обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, читая мое замѣчаніе, скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что оно вѣрно. Я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ дѣйствительности, и имѣлъ очень довольно времени, чтобъ провѣрить мои убѣжденія. Можетъ-быть, въ послѣдствіи всѣ узнаютъ, до какой степени это справедливо.

Событія какъ нарочно съ перваго шагу подтверждали мои наблюденія и перво и болѣзненно дѣйствовали на меня. Въ это первое лѣто я скитался по острогу почти одинъ-одинѣхонекъ. Я сказалъ уже, что былъ въ такомъ состояніи духа, что даже не могъ оцѣнить и отличить тѣхъ изъ каторжныхъ, которые могли бы любить меня въ послѣдствіи, хотъ и никогда не сходились со мною на равную погу. Были товарищи и мнѣ, изъ дворянъ, но не снимало съ души моей всего бремени это товарищество. Не смотрѣлъ бы ни на что, кажется, а бѣжать некуда. И вотъ, напимѣрь, одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые съ перваго разу наиболѣе дали мнѣ понять мою отчужденность и особенность моего положенія въ острогѣ. Однажды, въ это же лѣто, уже къ августу мѣсяцу, въ будній, ясный и жаркій день, въ первомъ часу пополудни, когда по обыкновенію всѣ отдыхали передъ послѣобѣденной работой, вдругъ вся каторга поднялась какъ одинъ человекъ и начала строиться на острожномъ дворѣ. Я ни о чемъ не зналъ до самой этой минуты. Въ это время, подчасъ, я до того бывалъ углубленъ въ самого себя, что почти не замѣчалъ, что вокругъ происходитъ. А между тѣмъ, каторга уже дня три глухо волновалась. Можетъ-быть, и гораздо раньше началось это волненіе, какъ сообразилъ я уже потомъ, невольно припомнивъ кое-что изъ арестантскихъ разговоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленную сварливость арестантовъ, угрюмость и особенно озлобленное состояніе, замѣчавшееся въ нихъ въ послѣднее время. Я приписывалъ это тяжелой работѣ, скучнымъ, длиннымъ, лѣтнимъ днямъ, невольнымъ мечтамъ о лѣсахъ и о вольной волюшкѣ, короткимъ ночамъ, въ которыя трудно было вволю выспаться. Можетъ-быть, все

это и соединилось теперь вмѣстѣ въ одинъ взрывъ, но предлогъ этого взрыва былъ—пища. Уже нѣсколько дней въ послѣднее время громко жаловались, негодовали въ казармахъ и особенно сходясь въ кухнѣ за обѣдомъ и ужиномъ, были недовольны стряпками, даже попробовали смѣнить одного изъ нихъ, но тотчасъ прогнали новаго и воротили стараго. Однимъ словомъ, всѣ были въ какомъ-то безпокойномъ настроеніи духа.

— Работа тяжелая, а насъ брюшиной кормятъ, заворчить, бывало, кто-нибудь на кухнѣ.

— А не нравится, такъ бламанже закажи, подхватить другой.

— Ци съ брюшиной, братцы, я очинно люблю, подхватываетъ третій,—потому вкусно.

— А какъ все время тебя одной брюшиной кормить, будетъ вкусно?

— Оно, конечно, теперь мясная пора, говоритъ четвертый, — мы на заводѣ-то маемся-маемся, послѣ урока-то жрать хочется. А брюшина какая ѣда!

— А не съ брюшиной, такъ съ усердіемъ *).

— Вотъ хоть бы еще взять это усердіе. Брюшина да усердіе, только одно и наладили. Это какая ѣда! Есть тутъ правда, аль нѣтъ?

— Да, кормъ плохой.

— Карманъ-то набиваетъ, небось.

— Не твоего ума это дѣло.

— А чьего же? Брюхо-то мое. А всѣмъ бы міромъ сказать претензію, и было бы дѣло.

— Претензію?

— Да.

— Мало тебя знать за эфту претензію драли. Статуй!

— Оно правда, прибавляетъ ворчливо другой, до тѣхъ поръ молчаливый,—хоть и скоро, да не споро. Чтѣ говорить-то на претензіи будешь, ты вотъ чтѣ сперва скажи, голова съ затылкомъ?

— Ну, и скажу. Коли-бъ всѣ пошли, и я-бъ тогда со всѣми говорилъ. Бѣдность, значить. У насъ кто свое ѣсть, а кто и на одномъ казенномъ сидить.

— Ишь, завидокъ востроглазый! Разгорѣлись глаза на чужое добро.

*) То-есть съ осердіемъ. Арестанты въ насмѣшку выговаривали съ усердіемъ.

— На чужой кусокъ не разѣвай ротокъ, а раньше вставай, да свой затѣвай.

— Затѣвай! Я съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ эфтомъ дѣлѣ торговаться буду. Значить, ты богатый, коли сложа руки сидѣть хочешь?

— Богатъ Ерощка, есть собака да кошка.

— А и вправду, братцы, чего сидѣть! Значить, полно ихнимъ дурачествамъ подражать. Шкуру деруть. Чего нейти?

— Чего? Тебѣ небось разжуй, да въ ротъ положи: привыкъ жеваное ѣсть. Значить, каторга—вотъ отчего!

— Выходить что: поссоръ Боже народъ, накорми воеводъ.

— Оно самое. Растолстѣлъ восьмиглазый. Пару сѣрыхъ купилъ.

— Ну, и не любить выпить.

— Намеднись съ ветеринаромъ за картами подрались. Всю ночь козыряли. Нашъ-то два часа прожилъ на кулакахъ. Оедька сказываль.

— Оттого и щи съ усердіемъ.

— Эхъ, вы, дураки! Да не съ нашимъ мѣстомъ выходить-то.

— А вотъ выйти всѣмъ, такъ посмотримъ, какое онъ оправданіе произнесетъ. На томъ и стоять.

— Оправданіе! Онъ тебя по идоламъ *), да и былъ таковъ.

— Да еще подъ судъ отдадутъ...

Однимъ словомъ, всѣ волновались. Въ это время дѣйствительно у насъ была плохая ѣда. Да ужъ и все одно къ одному привалило. А главное—общій тоскливый настрой, всегдашняя затаенная мука. Каторжный сварливъ и подымчивъ уже по природѣ своей; но поднимаются всѣ вмѣстѣ или большой кучей рѣдко. Причиной тому всегдашнее разногласіе. Это всякій изъ нихъ самъ чувствовалъ: вотъ почему и было у насъ больше руготни, нежели дѣла. И однакожъ въ этотъ разъ волненіе не прошло даромъ. Начали собираться по кучкамъ, толковали по казармамъ, ругались, припоминали со злобой все управление нашего маіора; вывѣдывали всю подноготную. Особенно волновались нѣкоторые. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ всегда являются зачинщики, коноводы. Коноводы въ этихъ случаяхъ, то-есть, въ случаяхъ претензій—вообще презамѣ-

*) По зубамъ.

чательный народъ и не въ одномъ острогѣ, а во всѣхъ артеляхъ, командахъ и проч. Это особенный типъ, повсемѣстно между собою схожій. Это народъ горячій, жаждущій справедливости и самымъ наивнымъ, самымъ честнымъ образомъ увѣренный въ ея непремѣнной, непреложной и, главное, немедленной возможности. Народъ этотъ не глупѣе другихъ, даже бываютъ изъ нихъ и очень умные, но они слишкомъ горячи, чтобъ быть хитрыми и расчетливыми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если и бываютъ люди, которые умѣютъ ловко направить массу и выиграть дѣло, то ужъ эти составляютъ другой типъ народныхъ вожаковъ и естественныхъ предводителей его, типъ чрезвычайно у насъ рѣдкій. Но эти, про которыхъ я теперь говорю, зачинщики и коноводы претензій почти всегда проигрываютъ дѣло и населяютъ за это потомъ остроги и каторги. Черезъ горячку свою они проигрываютъ, но черезъ горячку же и вліяніе имѣютъ на массу. За ними, наконецъ, охотно идутъ. Ихъ жаръ и честное негодованіе дѣйствуетъ на всѣхъ и подъ конецъ самые нерѣшительные къ нимъ примыкаютъ. Ихъ слѣпая увѣренность въ успѣхъ соблазняетъ даже самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ, несмотря на то, что иногда эта увѣренность имѣетъ такія шаткія, такія младенческія основанія, что дивисься вчужѣ, какъ это за ними пошли. А главное то, что они идутъ первые и идутъ ничего не боясь. Они какъ быки бросаются прямо внизъ рогами, часто безъ знанія дѣла, безъ осторожности, безъ того практическаго іезуитизма, съ которымъ нерѣдко даже самый подлый и замаранный человѣкъ выигрываетъ дѣло, достигаетъ цѣли и выходитъ сухъ изъ воды. Они же непремѣнно ломаютъ рога. Въ обыкновенной жизни это народъ желчный, брезгливый, раздражительный и нетерпимый. Чаше же всего ужасно ограниченный, что, впрочемъ, отчасти и составляетъ ихъ силу. Досаднѣе же всего въ нихъ то, что, вмѣсто прямой цѣли, они часто бросаются вкось, вмѣсто главнаго дѣла, на мелочи. Это-то ихъ и губить. Но они понятны массамъ: въ этомъ ихъ сила... Впрочемъ, надо сказать еще два слова о томъ, что такое значить *претензія*? . . .

Въ нашемъ острогѣ было нѣсколько человѣкъ такихъ, которые пришли за претензію. Они-то и волновались наиболѣе. Особенно одинъ, Мартыновъ, служившій прежде въ гусарахъ, горячій, безпокойный и подозрительный чело-

вѣкъ, впрочемъ, честный и правдивый. Другой былъ Василій Антоновъ, человекъ какъ-то хладнокровно раздражавшійся, съ наглымъ взглядомъ, съ высокоумной саркастической улыбкой, чрезвычайно развитой, впрочемъ, тоже честный и правдивый. Но всѣхъ не переберешь; много ихъ было. Петровъ, между прочимъ, такъ и сноваль взадъ и впередъ, прислушивался ко всѣмъ кучкамъ, мало говорилъ, но видимо былъ въ волненіи и первый выскочилъ изъ казармы, когда начали строиться.

Нашъ острожный унтеръ-офицеръ, исправлявшій у насъ должность фельдфебеля, тотчасъ же вышелъ испуганный. Построившись, люди вѣжливо попросили его сказать маіору, что каторга желаетъ съ нимъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ вышли и всѣ инвалиды и построились съ другой стороны, напротивъ каторги. Порученіе, данное унтеръ-офицеру, было чрезвычайное и повергло его въ ужасъ. Но не доложить немедленно маіору онъ не смѣлъ. Во-первыхъ, ужъ если поднялась каторга, то могло выйти и что-нибудь хуже. Все начальство наше насчетъ каторги было какъ-то усиленно-трусливо. Во-вторыхъ, если-бъ даже и ничего не было, такъ что всѣ бы тотчасъ же одумались и разошлись, то и тогда бы унтеръ-офицеръ немедленно долженъ былъ доложить о всемъ происходившемъ начальству. Блѣдный и дрожащій отъ страха, отправился онъ поспѣшно къ маіору, даже и не пробуя самъ опрашивать и увѣщевать арестантовъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ теперь и говорить-то не стануть.

Совершенно не зная ничего, и я вышелъ строиться. Всѣ подробности дѣла я узналъ уже потомъ. Теперь же, я думаю, происходитъ какая-нибудь повѣрка; но не видя караульныхъ, которые производятъ повѣрку, удивился и сталъ осматриваться кругомъ. Лица были взволнованы и раздражены. Иные были даже блѣдны. Всѣ вообще были озабочены и молчаливы въ ожиданіи того, какъ-то придется заговорить передъ маіоромъ. Я замѣтилъ, что многіе посмотрѣли на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, но молча отворотились. Имъ было видимо странно, что я съ ними построился. Они, очевидно, не вѣрили, чтобъ и я тоже показывалъ претензію. Вскорѣ однакожъ почти всѣ бывшіе кругомъ меня стали снова обращаться ко мнѣ. Всѣ глядѣли на меня вопросительно.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грубо и громко спросилъ меня

Василій Антоновъ, стоявшій отъ меня подальше другихъ и до сихъ поръ всегда говорившій мнѣ *вы* и обращавшійся со мной вѣжливо.

Я смотрѣлъ на него въ недоумѣннн, все еще стараясь понять, что это значить, и уже догадываясь, что происходитъ что-то необыкновенное.

— Въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ здѣсь стоять? Ступай въ казарму, проговорилъ одинъ молодой парень, изъ военныхъ, съ которымъ я до сихъ поръ вовсе былъ незнакомъ, малый добрый и тихій.— Не твоего ума это дѣло.

— Да вѣдь строятся, отвѣчалъ я ему,—я думалъ, по-вѣрка.

— Ишь тоже выползь! крикнулъ одинъ.

— Желѣзный носъ, проговорилъ другой.

— Муходавы! проговорилъ третій, съ невыразимымъ презрѣннмъ. Это новое прозвище вызвало всеобщій хохоть.

— При милости на кухнѣ состоить, прибавилъ еще кто-то.

— Имъ вездѣ рай. Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ да поросятъ покупаютъ. Ты вѣдь собственное ѣшь; чего-жъ сюда лѣзешь?

— Здѣсь вамъ не мѣсто, проговорилъ Куликовъ, развязно подходя ко мнѣ; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ рядовъ.

Самъ онъ былъ блѣдень, черные глаза его сверкали и нижняя губа была закусана. Онъ не хладнокровно ожидалъ маіора. Кстати: я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя. Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ. Мнѣ кажется, онъ и на казнь бы пошелъ съ нѣкоторымъ шикомъ, щеголеватостью. Теперь, когда всѣ говорили мнѣ *ты* и ругали меня, онъ видимо нарочно удвоилъ свою вѣжливость со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова его были какъ-то особенно, даже высокомѣрно настойчивы, нетерпѣвшія никакого возраженія.

— Мы здѣсь про свое, Александръ Петровичъ, а вамъ здѣсь нечего дѣлать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вонъ ваши всѣ на кухнѣ, идите туда.

— Подъ девятую сваю, гдѣ Антипка-безпятый живетъ! подхватилъ кто-то.

Сквозь приподнятое окно въ кухнѣ я дѣйствительно разглядѣлъ нашихъ поляговъ; впрочемъ, мнѣ показалось,

что тамъ кромѣ нихъ много народу. Озадаченный, я пошелъ на кухню. Смѣхъ, ругательства и тюканье (замѣнявшее у каторжныхъ свистки) раздались мнѣ вслѣдъ.

— Не понравилось!.. Тю-тю-тю! Бери его...

Никогда еще я не былъ до сихъ поръ такъ оскорбленъ въ острогѣ, и въ этотъ разъ мнѣ было очень тяжело. Но я попалъ въ такую минуту. Въ сѣняхъ, въ кухнѣ, мнѣ встрѣтился Т—вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его.

— Чтò вы, Горянчиковъ, закричалъ онъ мнѣ, — идите сюда!

— Да чтò тамъ такое?

— Они претензію показываютъ, развѣ вы не знаете? Имъ, разумѣется, не удастся: кто повѣритъ каторжнымъ? Станутъ разыскивать зачинщиковъ, и если мы тамъ будемъ, разумѣется, на насъ первыхъ свалятъ обвиненіе въ бунтѣ. Вспомните, за чтò мы пришли сюда. Ихъ просто высѣкутъ, а насъ подъ судъ. Маіоръ насъ всѣхъ ненавидитъ и радъ погубить. Онъ нами самъ оправдается.

— Да и каторжные выдадутъ насъ головою, прибавилъ М—цкій, когда мы вошли въ кухню.

— Не беспокойтесь, не пожалѣютъ! подхватилъ Т—вскій.

Въ кухнѣ, кромѣ дворянъ, было еще много народу, всего человѣкъ тридцать. Всѣ они остались, не желая показывать претензію, — одни изъ трусости, другіе по рѣшительному убѣжденію въ полной бесполезности всякой претензіи. Былъ тутъ и Акимъ Акимычъ, закоренѣлый и естественный врагъ всѣхъ подобныхъ претензій, мѣшающихъ правильному теченію службы и благонравію. Онъ молча и чрезвычайно спокойно выжидалъ окончанія дѣла, нимало не тревожась его исходомъ, напротивъ, совершенно увѣренный въ неминуемомъ торжествѣ порядка и воли начальства. Былъ тутъ и Исай Ѳомичъ, стоявшій въ чрезвычайномъ недоумѣніи, повѣсивъ носъ, жадно и трусливо прислушиваясь къ нашему говору. Онъ былъ въ большемъ безпокойствѣ. Были тутъ всѣ осторожные полячки изъ простыхъ, примкнувшіе тоже къ дворянамъ. Было нѣсколько робкихъ личностей изъ русскихъ, народу всегда молчаливаго и забитаго. Выйти съ прочими они

не осмѣлились и съ грустью ожидали, чѣмъ кончится дѣло. Было, наконецъ, нѣсколько угрюмыхъ и всегда суровыхъ арестантовъ, народу неробкаго. Они остались по упрямству и брезгливому убѣжденію, что все это вздоръ и ничего кромѣ худого изъ этого дѣла не будетъ. Но мнѣ кажется, что они все-таки чувствовали себя теперь какъ-то неловко, смотрѣли не совсѣмъ самоувѣренно. Они хоть и понимали, что совершенно правы насчетъ претензіи, что и подтвердилось въ послѣдствіи, но все-таки сознавали себя какъ бы отщепенцами, оставившими артель, точно выдали товарищей плацъ-маіору. Очутился тутъ и Елкинъ, тотъ самый мужичокъ-сибирякъ, пришедшій за фальшивую монету и отбившій ветеринарную практику у Куликова. Старичокъ изъ стародубскихъ слободъ былъ тоже тутъ. Стряпки рѣшительно всѣ до одинаго остались на кухнѣ, вѣроятно, по убѣжденію, что они тоже составляютъ часть администраціи, а слѣдовательно и неприлично имъ выходить противъ нея.

— Однако, началъ я, нерѣшительно обращаясь къ М—му,—кромѣ этихъ почти всѣ вышли.

— Да намъ-то что? проворчалъ Б.

— Мы во сто разъ больше ихъ рисковали бы, если-бъ вышли, а для чего? Je haïs ces brigands. И неужели вы думаете хоть одну минуту, что ихъ претензія состоится? Что за охота соваться въ нелѣпость?

— Ничего изъ этого не будетъ, подхватилъ одинъ изъ каторжныхъ, упрямый и озлобленный старикъ. Алмазовъ, бывшій тутъ же, поспѣшилъ поддакнуть ему въ отвѣтъ:

— Окромя того, что пересѣкутъ съ полсотни,—ничего изъ этого не будетъ.

— Маіоръ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то, и всѣ жадно бросились къ окошкамъ.

Маіоръ влетѣлъ злой, взбѣсившійся, красный, въ очкахъ. Молча, но рѣшительно, подошелъ онъ къ фронту. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствительно былъ смѣлъ и не терялъ присутствія духа. Впрочемъ, онъ почти всегда былъ вполъпьяна. Даже его засаленная фуражка съ оранжевымъ околышкомъ и грязныя серебряныя эполеты имѣли въ эту минуту что-то зловѣщее. За нимъ шелъ писарь Дятловъ, чрезвычайно важная особа въ нашемъ острогѣ, въ сущности, управлявшій всѣмъ въ острогѣ и даже имѣвшій вліяніе на маіора, малый хитрый, очень себѣ на умѣ, но и не дурной человѣкъ. Арестанты были имъ довольны.

Вслѣдъ за нимъ шелъ нашъ унтеръ-уфицеръ, очевидно, уже успѣвшій получить страшнѣйшую распеканцію и ожидавшій еще вдесятеро больше; за нимъ конвойные, три или четыре человекъ, не болѣе. Арестанты, которые стояли безъ фуражекъ, кажется, еще съ того самаго времени какъ послали за маіоромъ, теперь всѣ выпрямились, подправились; каждый изъ нихъ переступилъ съ ноги на ногу, а затѣмъ всѣ такъ и замерли на мѣстѣ, ожидая перваго слова или, лучше сказать, перваго крика высшаго начальства.

Онъ немедленно послѣдовалъ: со втораго слова маіоръ заоралъ во все горло, даже съ какимъ-то визгомъ на этотъ разъ: очень уже онъ былъ разбѣшенъ. Изъ оконъ намъ видно было, какъ онъ бѣгалъ по фронту, бросался, допрашивалъ. Впрочемъ, вопросовъ его, равно какъ и арестантскихъ отвѣтовъ, намъ, за дальностью мѣста, не было слышно. Только и разслышали мы, какъ онъ визгливо кричалъ:

— Бунтовщики!.. Сквозь строй!.. Зачинщики! Ты зачинщикъ! Ты зачинщикъ! накинулся онъ на кого-то.

Отвѣта не было слышно. Но черезъ минуту мы увидѣли, какъ арестантъ отдѣлился и отправился въ кордегардію. Еще черезъ минуту отправился вслѣдъ за нимъ другой, потомъ третій.

— Всѣхъ подь судъ! Я васъ! Это кто тамъ на кухнѣ? взвизгнулъ онъ, увидя насъ въ отворенныя окошки. — Всѣхъ сюда! Гнать ихъ сейчасъ сюда!

Писарь Дятловъ отправился къ намъ на кухню. Въ кухнѣ сказали ему, что не имѣютъ претензіи. Онъ немедленно воротился и доложилъ маіору.

— А, не имѣютъ! проговорилъ онъ двумя тонами ниже, видимо обрадованный.—Все равно, всѣхъ сюда!

Мы вышли. Я чувствовалъ, что какъ-то совѣстно намъ выходить. Да и всѣ шли точно понутивъ голову.

— А, Прокофьевъ! Елкинъ тоже, это ты, Алмазовъ... Становитесь, становитесь сюда, въ кучку, говорилъ намъ маіоръ какимъ-то утормоленнымъ, но мягкимъ голосомъ, ласково на насъ поглядывая. — М—кій, ты тоже здѣсь... вотъ и переписать. Дятловъ! Сейчасъ же переписать всѣхъ, довольныхъ особо и всѣхъ недовольныхъ особо, всѣхъ до одинаго, и бумагу ко мнѣ. Я всѣхъ васъ представлю... подь судъ! Я васъ, мошенники!

Бумага подѣйствовала.

— Мы довольны! угрюмо крикнулъ вдругъ одинъ голосъ изъ толпы недовольныхъ, но какъ-то не очень рѣшительно.

— А, довольны! Кто доволенъ? Кто доволенъ, тотъ выходи.

— Довольны, довольны! прибавилось нѣсколько голосовъ.

— Довольны! Значить, васъ смущали? Значить, были зачинщики, бунтовщики? Тѣмъ хуже для нихъ!..

— Господи, что-жь это такое! раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Кто, кто это крикнулъ, кто? заревѣлъ маіоръ, бросаясь въ ту сторону, откуда послышался голосъ.— Это ты, Расторгуевъ, ты крикнулъ? Въ кордегардію!

Расторгуевъ, одутловатый и высокій молодой парень, вышелъ и медленно отправился въ кордегардію. Крикнулъ вовсе не онъ, но такъ какъ на него указали, то онъ и не противорѣчилъ.

— Съ жиру бѣситесь! завопилъ ему вслѣдъ маіоръ. — Ишь толстая рожа, въ три дня не... Вотъ я васъ всѣхъ разыщу! Выходите довольные!

— Довольны, ваше высокоблагородіе! мрачно раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ; остальные упорно молчали. Но маіору только того и надо было. Ему, очевидно, самому было выгодно кончить скорѣе дѣло и какъ-нибудь кончить согласіемъ.

— А, теперь *все* довольны! проговорилъ онъ, торопясь.— Я это и видѣлъ... зналъ. Это зачинщики! Между ними, очевидно, есть зачинщики! продолжалъ онъ, обращаясь къ Дятлову.— Это надо подробнѣе разыскать. А теперь... теперь на работу время. Бей въ барабанъ!

Онъ самъ присутствовалъ на разводкѣ. Арестанты молча и грустно расходились по работамъ, довольные, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что поскорѣй съ глазъ долой уходили. Но послѣ разводки маіоръ немедленно навѣдался въ кордегардію и распорядился съ „зачинщиками“, впрочемъ, не очень жестоко. Даже спѣшилъ. Одинъ изъ нихъ, говорили потомъ, попросилъ прощенія, и онъ тотчасъ простилъ его. Видно было, что маіоръ отчасти не въ своей тарелкѣ, и даже, можетъ-быть, струхнулъ. Претензія во всякомъ случаѣ вещь щекотливая, и хотя жалоба арестантовъ, въ сущности, и не могла назваться претензіей, потому что показывали ее не высшему начальству, а самому же маіору, но все-таки было какъ-то неловко, не-

хорошо. Особенно смущало, что всё поголовно возстали. Следовало заглушить дѣло, во что бы то ни стало. „Зачинщиковъ“ скоро выпустили. На завтра же пища улучшилась, хотя, впрочемъ, не надолго. Майоръ въ первые дни сталъ чаще навѣщать острогъ и чаще находилъ безпорядки. Нашъ унтеръ-офицеръ ходилъ озабоченный и сбившійся съ толку, какъ будто все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія. Что же касается арестантовъ, то долго еще послѣ этого они не могли успокоиться, но уже не волновались попрежнему, а были молча растревожены, озадачены какъ-то. Иные даже повѣсили голову. Другіе ворчливо, хоть и несловоохотно отзывались о всемъ этомъ дѣлѣ. Многіе какъ-то озлобленно и вслухъ подсмѣивались сами надъ собою, точно казня себя за претензію.

— Натко, братъ, возьми, закуси! говоритъ, бывало, одинъ.

— Чему посмѣешься, тому и поработаешь! прибавляетъ другой.

— Гдѣ та мышъ, чтобъ коту звонокъ привѣсила? замѣчаетъ третій.

— Нашего брата безъ дубины не увѣришь, извѣстно. Хорошо еще, что не всѣхъ высѣкъ.

— А ты впередъ больше знай, да меньше болтай, крѣпче будетъ! озлобленно замѣчаетъ кто-нибудь.

— Да ты что учишь-то, учитель?

— Знамо дѣло учу.

— Да ты кто таковъ выскочилъ?

— Да я-то, покамѣсть, еще человекъ, а ты-то кто?

— Огрызокъ собачій, вотъ ты кто.

— Это ты самъ.

— Ну, ну, довольно вамъ! Чего загалдѣли! кричатъ со всѣхъ сторонъ на спорящихъ...

Въ тотъ же вечеръ, то-есть въ самый день претензіи, возвратясь съ работы, я встрѣтился за казармами съ Петровымъ. Онъ меня ужъ искалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ что-то пробормоталъ, что-то въ родѣ двухъ-трехъ неопредѣленныхъ восклицаній, но вскорѣ разсѣяннo замолчалъ и машинально пошелъ со мною рядомъ. Все это дѣло еще больно лежало у меня на сердцѣ, и мнѣ показалось, что Петровъ мнѣ кое-что разъяснить.

— Скажите, Петровъ, спросилъ я его, — ваши на насъ не сердятся?

— Кто сердится? спросилъ онъ, какъ бы очнувшись.

— Арестанты на насъ... на дворянъ.

— А за что на васъ сердиться?

— Ну, да за то, что мы не вышли на претензію?

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? спросилъ онъ, какъ бы стараясь понять меня. — Вѣдь вы свое кушаете.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же. Ну, и намъ надо было... изъ товарищества.

— Да... да какой же вы намъ товарищъ? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Я поскорѣй взглянулъ на него: онъ рѣшительно не понималъ меня, не понималъ, чего я добиваюсь. Но зато я понялъ его въ это мгновеніе совершенно. Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно неясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разарестантъ, хоть навѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія. Но особенно остался мнѣ въ памяти видъ Петрова въ эту минуту. Въ его вопросѣ: «какой же вы намъ товарищъ?» слышалась такая неподдѣльная наивность, такое простодушное недоумѣніе. Я думалъ: нѣтъ-ли въ этихъ словахъ какой-нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дѣла, а у насъ свои.

И дѣйствительно, я было думалъ, что послѣ претензіи они просто загрызутъ насъ и намъ житья не будетъ. Ничуть не бывало: ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго намека на упрекъ мы не слышали, никакой особенной злобы не прибавилось. Просто пилили насъ понемногу при случаѣ, какъ и прежде пилили, и больше ничего. Впрочемъ, не сердились тоже нимало и на всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли показывать претензію и оставались на кухнѣ, равно какъ и на тѣхъ, которые изъ первыхъ крикнули, что всѣмъ довольны. Даже и не помянулъ объ этомъ никто. Особенно послѣдняго я не могъ понять.

VIII.

Товарищи.

Меня, конечно, болѣе тянуло къ своимъ, то-есть къ „дворянамъ“, особенно въ первое время. Но изъ троихъ

бывшихъ русскихъ дворянъ, находившихся у насъ въ острогѣ (Акимъ Акимыча, шпіона А—ва и того, котораго у насъ считали отцеубійцею), я знался и говорилъ только съ Акимъ Акимычемъ. Признаться, и подходилъ къ Акиму Акимычу, такъ сказать, съ отчаянія, въ минуты самой сильной скуки и когда уже ни къ кому, кромѣ него, подойти не предвидѣлось. Въ прошлой главѣ я было попробовалъ разсорттировать всѣхъ нашихъ людей на разряды, но теперь, какъ припомнилъ Акима Акимыча, то думаю, что можно еще прибавить одинъ разрядъ. Правда, что онъ одинъ его и составлялъ. Это—разрядъ совершенно равнодушныхъ каторжныхъ. Совершенно равнодушныхъ, то-есть такихъ, которымъ было бы все равно жить, что на волѣ, что въ каторгѣ, у насъ, разумѣется, не было и быть не могло, но Акимъ Акимычъ, кажется, составлялъ исключеніе. Онъ даже и устроился въ острогѣ такъ, какъ будто всю жизнь собирался прожить въ немъ: все вокругъ него, начиная съ тюфяка, подушекъ, утвари, расположилось такъ плотно, такъ устойчиво, такъ надолго. Бивачнаго, временнаго не замѣчалось въ немъ и слѣда. Пробыть въ острогѣ оставалось ему еще много лѣтъ, но врядъ-ли онъ хотъ когда-нибудь подумалъ о выходѣ. Но если онъ и примирился съ дѣйствительностью, то, разумѣется, не по сердцу, а развѣ по субординаціи, чтò, впрочемъ, для него было одно и то же. Онъ былъ добрый человѣкъ и даже помогалъ мнѣ въ началѣ совѣтами и кой-какими услугами, но иногда, каюсь, невольно онъ нагонялъ на меня, особенно въ первое время, тоску безпримѣрную, еще болѣе усиливавшую и безъ того уже тоскливое расположеніе мое. А я отъ тоски-то и заговаривалъ съ нимъ. Каждешъ, бывало, хотъ какого-нибудь живого слова, хотъ желчнаго, хотъ нетерпѣливаго, хотъ злобы какой-нибудь: мы бы ужъ хотъ позлились на судьбу нашу вмѣстѣ; а онъ молчитъ, клеитъ свои фонарики, или расскажетъ о томъ, какой у нихъ смотръ былъ въ такомъ-то году, и кто былъ начальникъ дивизіи, и какъ его звали по имени и отчеству, и доволенъ былъ онъ смотромъ или нѣтъ, и какъ застрѣльщикамъ сигналы были измѣнены и проч. И все такимъ ровнымъ, такимъ чиннымъ голосомъ, точно вода капаетъ по каплѣ. Онъ даже почти совсѣмъ не воодушевлялся, когда рассказывалъ мнѣ, что за участіе въ какомъ-то дѣлѣ на Кавказѣ удостоился получить „святая Анна“ на шпагу. Только

голосъ его становился въ эту минуту какъ-то необыкновенно важенъ и солиденъ; онъ немного понижалъ его даже до какой-то таинственности, когда произносилъ „святыя Анны“, и послѣ этого минуты на три становился какъ-то особенно молчаливъ и солиденъ... Въ этотъ первый годъ у меня бывали глупыя минуты, когда я (и всегда какъ-то вдругъ) начиналъ почти ненавидѣть Акима Акимыча, неизвѣстно за что, и молча проклиналъ судьбу свою за то, что она помѣстила меня съ нимъ на нарахъ голова съ головою. Обыкновенно черезъ часъ я уже укорялъ себя за это. Но это было только въ первый годъ; впослѣдствіи я совершенно примирился въ душѣ съ Акимомъ Акимычемъ и стыдился моихъ прежнихъ глупостей. Наружно же мы, помнится, съ нимъ никогда не ссорились.

Кромѣ этихъ троихъ русскихъ, другихъ въ мое время перебивало у насъ восемь человѣкъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я сходилъ довольно коротко и даже съ удовольствіемъ, но не со всѣми. Лучшіе изъ нихъ были какіе-то болѣзненные, исключительные и нетерпимые въ высшей степени. Съ двумя изъ нихъ я впослѣдствіи просто пересталъ говорить. Образованныхъ изъ нихъ было только трое: Б—кій, М—кій и старикъ Ж—кій, бывший прежде гдѣ-то профессоромъ математики,—старикъ добрый, хороший, большой чудакъ и, несмотря на образованіе, кажется, крайне ограниченный человѣкъ. Совсѣмъ другіе были М—кій и Б—кій. Съ М—кимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недовѣрчивый и озлобленный человѣкъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не правилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и ни передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько іезуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывала его затаенный, глубокій скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ нѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Несмотря однакоже на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непри-

миримой враждѣ съ Б—кимъ и съ другомъ его Т—кимъ. Б—кій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человѣкъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда даже до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и въ послѣдствіи разошелся съ Б—кимъ, но зато никогда не переставалъ любить его; а съ М—кимъ и не ссорился, но никогда его не любилъ. Разойдясь съ Б—кимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—кимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, рассказывая о нашей претензіи. Это было мнѣ очень жаль. Т—кій былъ хоть и необразованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный молодой человѣкъ, однимъ словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ до того любилъ и уважалъ Б—каго, до того благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились съ Б—кимъ, считалъ тотчасъ же почти своими врагами. Онъ и съ М—кимъ, кажется, разошелся въ послѣдствіи за Б—каго, хотя долго крѣпился. Впрочемъ, всѣ они были больные нравственно, желчныя, раздражительныя, недовѣрчивыя. Это понятно—имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а, главное, они съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и, что тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ. Съ черкесами, съ татарами, съ Исаемъ Омичемъ они были ласковы и привѣтливы, но съ отвращеніемъ избѣгали всѣхъ остальныхъ каторжныхъ. Только одинъ стародубскій старовѣръ заслужилъ ихъ полное уваженіе. Замѣчательно, впрочемъ, что никто изъ каторжныхъ, въ продолженіе всего времени, какъ я былъ въ острогѣ, не упрекнулъ ихъ ни въ происхожденіи, ни въ вѣрѣ ихъ, ни въ образѣ мыслей, что встрѣчается въ нашемъ простонародьи относительно иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, хотя, впрочемъ, и очень рѣдко. Впрочемъ, надъ нѣмцами только развѣ смѣются: нѣмецъ представляетъ

собою что-то глубоко-комическое для русскаго просто-народья. Съ нашими же каторжные обращались даже уважительно, гораздо болѣе, чѣмъ съ нами, русскими, и нисколько не *трогали* ихъ. Но тѣ, кажется, никогда этого не хотѣли замѣтить и взять въ соображеніе. Я заговорилъ о Т—комъ. Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста ихъ первой ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б—каго на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги, когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ полъ-этапа. Они присланы были прежде въ У—горскъ. Тамъ, рассказывали они, было имъ хорошо, то-есть, гораздо лучше, чѣмъ въ нашей крѣпости. Но у нихъ завелась какая-то, совершенно, впрочемъ, невинная, переписка съ другими ссылными изъ другого города, и за это ихъ троихъ нашли нужнымъ перевести въ нашу крѣпость, ближе на глаза къ нашему высшему начальству. Третій товарищъ ихъ былъ Ж—кій. До ихъ прибытія М—кій былъ въ острогѣ одинъ. То-то онъ долженъ былъ тосковать въ первый годъ своей ссылки!

Этотъ Ж—кій былъ тотъ самый вѣчно молившійся Богу старикъ, о которомъ я уже упоминалъ. Всѣ наши политическіе преступники были народъ молодой, нѣкоторые даже очень; одинъ Ж—кій былъ лѣтъ уже слишкомъ пятидесяти. Это былъ человѣкъ, конечно, честный, но нѣсколько странный. Товарищи его Б—кій и Т—кій его очень не любили, даже не говорили съ нимъ, отзываясь о немъ, что онъ упрямъ и вздоренъ. Не знаю, насколько они были въ этомъ случаѣ правы. Въ острогѣ, какъ и во всякомъ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди собираются въ кучку не волею, а насильно, мнѣ кажется, скорѣе можно поссориться и даже возненавидѣть другъ друга, чѣмъ на волѣ. Много обстоятельствъ тому способствуетъ. Впрочемъ, Ж—кій былъ дѣйствительно человѣкъ довольно тупой и, можетъ-быть, непріятный. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Я съ нимъ хоть никогда не ссорился, но особенно не сходилъ. Свой предметъ, математику, онъ, кажется, зналъ. Помню, онъ все мнѣ силился растолковать на своемъ полурусскомъ языкѣ какую-то особенную, имъ самимъ выдуманную астрономическую систему. Мнѣ говорили, что онъ это когда-то напечаталъ, но надъ нимъ въ ученомъ мірѣ только посмѣялись. Мнѣ кажется, онъ былъ нѣсколько поврежденъ разсудкомъ. По цѣлымъ днямъ онъ молился на колѣняхъ

Богу, чѣмъ снискалъ себѣ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей. Онъ умеръ въ нашемъ госпиталѣ послѣ тяжкой болѣзни, на моихъ глазахъ. Впрочемъ, уваженіе каторжныхъ онъ приобрѣлъ съ самаго перваго шагу въ острогъ, послѣ своей исторіи съ нашимъ маіоромъ. Въ дорогѣ отъ У—горска до нашей крѣпости ихъ не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ прямо привели къ плацъ-маіору, то онъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ, впрочемъ, они вовсе не были виноваты.

— Въ какомъ они видѣ! заревѣлъ онъ,—это бродяги, разбойники!

Ж—кій, тогда еще плохо понимавшій по-русски и подумавшій, что ихъ спрашиваютъ: кто они такіе?—бродяги или разбойники? отвѣчалъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? Грубить! заревѣлъ маіоръ.— Въ кордегардію! Сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусилъ себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стога, не шевелясь. Б—кій и Т—скій тѣмъ временемъ уже вошли въ острогъ, гдѣ М—скій уже поджидалъ ихъ у воротъ и прямо бросился имъ на шею, хотя до сихъ поръ никогда ихъ и не видывалъ. Взволнованные отъ маіорскаго приѣма, они рассказали ему все о Ж—комъ. Помню, какъ М—кій мнѣ рассказывалъ объ этомъ: „Я былъ внѣ себя, говорилъ онъ,—я не понималъ, что со мною дѣлается, и дрожалъ какъ въ ознобѣ. Я ждалъ Ж—каго у воротъ. Онъ долженъ былъ придти прямо изъ кордегардіи, гдѣ его наказывали. Вдругъ отворилась калитка: Ж—кій, не глядя ни на кого, съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами, пришелъ между собравшихся на дворѣ каторжныхъ, уже узнавшихъ, что наказываютъ дворянина, вошелъ въ казарму, прямо къ своему мѣсту, и, ни слова не говоря, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Каторжные были поражены и даже растроганы. Какъ увидалъ я этого старика, говорилъ М—кій, сѣдого, оставившаго у себя на родинѣ жену, дѣтей, какъ увидалъ я его на колѣняхъ, позорно наказаннаго и молящагося,—я бросился за казармы и цѣлыхъ два часа былъ какъ безъ памяти; я былъ въ изступленіи... Каторжные стали очень уважать Ж—каго

съ этихъ поръ и обходились съ нимъ всегда почтительно. Имъ особенно понравилось, что онъ не кричалъ подъ розгами.

Надобно однакожь сказать всю правду: по этому примѣру отнюдь нельзя судить объ обращеніи начальства въ Сибири съ ссыльными изъ дворянъ, кто бы они ни были эти ссыльные, русскіе или поляки. Этотъ примѣръ только показываетъ, что можно нарваться на лихого человѣка и, конечно, будь этотъ лихой человѣкъ гдѣ-нибудь отдѣльнымъ и старшимъ командиромъ, то участь ссыльнаго, въ случаѣ, если-бъ его особенно не взлюбилъ этотъ лихой командиръ, была бы очень плохо обезпечена. Но нельзя не признаться, что самое высшее начальство въ Сибири, отъ котораго зависитъ тонъ и настрой всѣхъ прочихъ командировъ, насчетъ ссыльныхъ дворянъ очень разборчиво и даже въ иныхъ случаяхъ норовить дать имъ поблажку въ сравненіи съ остальными каторжными, изъ простонародья. Причины тому ясны: эти высшіе начальники, во-первыхъ, сами дворяне, во-вторыхъ, случалось еще прежде, что нѣкоторые изъ дворянъ не ложились подъ розги и бросались на исполнителей, отчего происходили ужасы, а въ-третьихъ, и мнѣ кажется это главное, уже давно, еще лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ Сибирь явилась вдругъ, разомъ, большая масса ссыльныхъ дворянъ, и эти-то ссыльные, въ продолженіе тридцати лѣтъ, умѣли поставить и зарекомендовать себя такъ по всей Сибири, что начальство уже по старинной, преемственной привычкѣ, поневолѣ глядѣло въ мое время на дворянъ-преступниковъ извѣстнаго разряда иными глазами, чѣмъ на всѣхъ другихъ ссыльныхъ. Вслѣдъ за высшимъ начальствомъ, привыкли глядѣть такими же глазами и низшіе командиры, разумѣется, заимствуя этотъ взглядъ и тонъ свыше, повинуюсь, подчиняясь ему. Впрочемъ, многіе изъ этихъ низшихъ командировъ глядѣли тупо, критиковали про себя высшія распоряженія и очень-очень рады бы были, если-бъ имъ только не мѣшали распорядиться по-своему. Но имъ не совѣмъ это позволяли. Я имѣю твердое основаніе такъ думать, и вотъ почему. Второй разрядъ каторги, въ которомъ я находился и состоявшій изъ крѣпостныхъ арестантовъ, подъ военнымъ начальствомъ, былъ несравненно тяжеле остальныхъ двухъ разрядовъ, то-есть третьяго (заводскаго) и перваго (въ рудникахъ). Тяжеле онъ былъ не только для дворянъ, но и

для всѣхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда—все военное, очень похожее на арестантскія роты въ Россіи. Военное начальство строже, порядки тѣснѣе, всегда въ цѣпяхъ, всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ; а этого нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла. Они всѣ съ радостью пошли бы въ первый разрядъ, считающійся въ законахъ тягчайшимъ, и даже много разъ мечтали объ этомъ. Объ арестантскихъ же ротахъ въ Россіи всѣ наши, которые были тамъ, говорили съ ужасомъ и увѣряли, что во всей Россіи нѣтъ тяжеле мѣста, какъ арестантскія роты по крѣпостямъ, и что въ Сибири рай, сравнительно съ тамошней жизнью. Слѣдственно, если при такомъ строгомъ содержаніи, какъ въ нашемъ острогѣ, при военномъ начальствѣ, на глазахъ самого генералъ-губернатора и, наконецъ, въ виду такихъ случаевъ (иногда бывавшихъ), что нѣкоторые посторонніе, но офиціозные люди, по злобѣ или по ревности къ службѣ, готовы были тайкомъ донести куда слѣдуетъ, что такого-то, дескать, разряда преступникамъ такіе-то неблагонамѣренныя командиры даютъ поблажку,—если въ такомъ мѣстѣ, говорю я, на преступниковъ-дворянъ смотрѣли нѣсколько другими глазами, чѣмъ на остальныхъ каторжныхъ, то тѣмъ болѣе смотрѣли на нихъ гораздо льготнѣе въ первомъ и третьемъ разрядѣ. Слѣдственно, по тому мѣсту, гдѣ я былъ, мнѣ кажется, я могу судить въ этомъ отношеніи и о всей Сибири. Всѣ слухи и рассказы, доходившіе до меня на этотъ счетъ отъ ссыльныхъ перваго и третьяго разрядовъ, подтверждали мое заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ насъ, дворянъ, въ нашемъ острогѣ начальство смотрѣло внимательнѣе и осторожнѣе. Поблажки намъ насчетъ работы и содержанія не было рѣшительно никакой: тѣ же работы, тѣ же кандалы, тѣ же замки,—однимъ словомъ, все то же самое, что и у всѣхъ арестантовъ. Да и облегчить-то нельзя было. Я знаю, что въ этомъ городѣ въ то *недавнее давнопрошедшее* время было столько доносчиковъ, столько интригъ, столько рывшихъ другъ другу яму, что начальство естественно боялось доноса. А ужъ чего страшнѣе было въ то время доноса о томъ, что извѣстнаго разряда преступникамъ даютъ поблажку! И такъ всякій побивался, и мы жили наравнѣ со всѣми каторжными, но относительно тѣлеснаго наказанія было нѣкоторое исклю-

ченіе. Правда, насъ бы чрезвычайно удобно высъкли, если бы мы заслужили это, то-есть проступились въ чемъ-нибудь. Этого требоваль долгъ службы и равенства—передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Но такъ, зря, легкомысленно насъ все-таки бы не высъкли; а съ простыми арестантами такого рода легкомысленное обращеніе, разумѣется, случалось, особенно при нѣкоторыхъ субалтерныхъ командирахъ и охотникахъ распорядиться и внушить при всякомъ удобномъ случаѣ. Намъ извѣстно было, что комендантъ, узнавъ объ исторіи съ старикомъ Ж—кимъ, очень вознегодоваль на маіора и внушилъ ему, чтобъ онъ на будущее время изволилъ держать руки покороче. Такъ разсказывали мнѣ всѣ. Знали тоже у насъ, что самъ генераль-губернаторъ, довѣрявшій нашему маіору и отчасти любившій его, какъ исполнителя и человѣка съ нѣкоторыми способностями, узнавъ про эту исторію, тоже выговариваль ему. И маіоръ нашъ принялъ это къ свѣдѣнію. Ужъ какъ, напримѣръ, ему хотѣлось добратъся до М—каго, котораго онъ ненавидѣлъ черезъ наговоры А—ва, но онъ никакъ не могъ его высъчь, хотя и искалъ предлога, гналъ его и подыскивался къ нему. Объ исторіи Ж—каго скоро узналъ весь городъ, и общее мнѣніе было противъ маіора; многіе ему выговаривали, иные даже съ неприятностями. Вспоминаю теперь и мою первую встрѣчу съ плацъ-маіоромъ. Насъ, то-есть меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которымъ я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали еще въ Тобольскѣ разсказами о неприятномъ характерѣ этого человѣка. Бывшіе тамъ въ это время старинные двадцатипятилѣтніе ссыльные изъ дворянъ, встрѣтившіе насъ съ глубокой симпатіей и имѣвшіе съ нами сношенія все время, какъ мы сидѣли на пересыльномъ дворѣ, предостерегали насъ отъ будущаго командира нашего и обѣщались сдѣлать все, что только могутъ, черезъ знакомыхъ людей, чтобъ защитить насъ отъ его преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, три дочери генераль-губернатора, пріѣхавшія изъ Россіи и гостившія въ то время у отца, получили отъ нихъ письма и, кажется, говорили ему въ нашу пользу. Но что онъ могъ сдѣлать. Онъ только сказалъ маіору, чтобъ онъ былъ нѣсколько поразборчивѣе. Часу въ третьемъ пополудни мы, то-есть я и товарищъ мой, прибыли въ этотъ городъ, и конвойные прямо повели насъ къ нашему поводителю. Мы стояли въ передней, ожидая его. Между тѣмъ уже послали за осторожнымъ

унтеръ-офицеромъ. Какъ только явился онъ, вышелъ и плацъ-маіоръ. Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на насъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе: точно злой паукъ выбѣжалъ на бѣдную муху, попавшую въ его паутину.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ моего товарища. Онъ говорилъ скоро, рѣзко, отрывисто и, очевидно, хотѣлъ произвести на насъ впечатлѣніе.

— Такой-то.

— Тебя? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, уставивъ на меня свои очки.

— Такой-то.

— Унтеръ-офицеръ! Сейчасъ ихъ въ острогъ, выбрить въ кордегардіи по гражданскому, немедленно, половину головы; кандалы перековать завтра же. Это какія шинели? Откуда получили? спросилъ онъ вдругъ, обративъ вниманіе на сѣрые капоты, съ желтыми кругами на спинахъ, выданные намъ въ Тобольскѣ, и въ которыхъ мы предстали предъ его свѣтлыя очи.—Это новая форма! Это вѣрно какая-нибудь новая форма... Еще проектируется... изъ Петербурга... говорилъ онъ, повертывая насъ поочередно.—Съ ними нѣтъ ничего? спросилъ онъ вдругъ конвоировавшаго насъ жандарма.

— Собственная одежда есть, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ жандармъ, какъ-то мгновенно вытянувшись, да же съ небольшимъ вздрагиваніемъ. Его всѣ знали, всѣ объ немъ слышали, онъ всѣхъ пугалъ.

— Все отобрать. Отдать имъ только одно бѣлье, и то бѣлое, а цвѣтное, если есть, отобрать. Остальное все продать съ аукціона. Деньги записать въ приходъ. Арестантъ не имѣетъ собственности,—продолжалъ онъ, строго посмотрѣвъ на насъ. Смотрите же, вести себя хорошо! Чтобъ я не слыхалъ! Не то... тѣ-лес-нымъ на-казаніемъ. За малѣйшій проступокъ—р-р-розги!..

Весь этотъ вечеръ я, съ непривычки, былъ почти боленъ отъ этого пріема. Впрочемъ, впечатлѣніе усилилось и тѣмъ, что я увидѣлъ въ острогѣ; но о вступленіи моемъ въ острогъ я уже рассказывалъ.

Я упомянулъ сейчасъ, что намъ не дѣлали и не смѣли дѣлать никакой поблажки, никакого облегченія передъ прочими арестантами въ работѣ. Но одинъ разъ однако пробовали сдѣлать: я и Б—кій цѣлыхъ три мѣсяца ходили въ инженерную канцелярію въ качествѣ писарей.

Но это сдѣлали шито-крыто и сдѣлало инженерное начальство. То-есть прочіе всѣ, пожалуй, кому надо было, знали, но дѣлали видъ, что не знали. Это случилось еще при командирѣ команды Г—вѣ. Подполковникъ Г—ковъ упалъ къ намъ какъ съ неба, пробылъ у насъ очень недолго,—если не ошибаюсь, не болѣе полугода, даже и того меньше,—и уѣхалъ въ Россію, произведя необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ арестантовъ. Его не то что любили арестанты, его они обожали, если только можно употребить здѣсь это слово. Какъ онъ это сдѣлалъ—не знаю, но онъ завоевалъ ихъ съ перваго разу. „Отецъ, отецъ! Отца не надо!“ говорили поминутно арестанты во все время его управленія инженерною частью. Кутила онъ былъ, кажется, ужаснѣйшій. Небольшого роста, съ дерзкимъ, самоувѣреннымъ взглядомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ласковъ съ арестантами, чуть не до нѣжностей, и дѣйствительно буквально любилъ ихъ какъ отца. Отчего онъ такъ любилъ арестантовъ—сказать не могу, но онъ не могъ видѣть арестанта, чтобъ не сказать ему ласковаго, веселаго слова, чтобъ не посмѣяться съ нимъ, не пошутить съ нимъ, и, главное—ни капли въ этомъ не было чего-нибудь начальственнаго, хоть чего-нибудь обозначавашаго неровную или чисто-начальничью ласку. Это былъ свой товарищъ, свой человѣкъ въ высочайшей степени. Но несмотря на весь этотъ инстинктивный демократизмъ его, арестанты ни разу не проступились передъ нимъ въ какой-нибудь непочтительности, фамиллярности. Напротивъ. Только все лицо арестанта расцвѣтало, когда онъ встрѣчался съ командиромъ, и, снявши шапку, онъ уже смотрѣлъ улыбаясь, когда тотъ подходилъ къ нему. А если тотъ заговорить,—какъ рублемъ подарить. Бываютъ же такіе популярныя люди. Смотрѣлъ онъ молодцомъ, ходилъ прямо, браво. „Орель!“ говорятъ, бывало, о немъ арестанты. Облегчить ихъ онъ, конечно, ничѣмъ не могъ: завѣдывалъ онъ только однѣми инженерными работами, которыя и при всѣхъ другихъ командирахъ шли въ своемъ всегдашнемъ, разъ заведенномъ законномъ порядкѣ. Развѣ только, встрѣтивъ случайно партію на работѣ, видя, что дѣло кончено, не держать, бывало, лишняго времени и отпустить до барабана. Но нравилась его довѣренность къ арестанту, отсутствіе мелкой щепетильности и раздражительности, совершенное отсутствіе иныхъ оскорбительныхъ формъ въ начальническихъ отношеніяхъ.

Потеряй онъ тысячу рублей,—я думаю, первый воръ изъ нашихъ, если-бъ нашель ихъ, отнесъ бы къ нему. Да, я увѣренъ, что такъ было бы. Съ какимъ глубокимъ участіемъ узнали арестанты, что ихъ орель-командиръ поссорился на-смерть съ нашимъ ненавистнымъ маіоромъ. Это случилось въ первый же мѣсяцъ по его прибытіи. Нашъ маіоръ былъ когда-то его сослуживцемъ. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки какъ друзья и закутили было вмѣстѣ. Но вдругъ у нихъ порвалось. Они поссорились и Г—въ сдѣлался ему смертельнымъ врагомъ. Слышно было даже, что они подрались при этомъ случаѣ, что съ нашимъ маіоромъ могло случиться: онъ часто дрался. Какъ услышали это арестанты, радости ихъ не было конца. „Осьмиглазому-ли съ такимъ ужиться! Тотъ орель, а нашъ...“, и тутъ обыкновенно прибавлялось слово, неудобное въ печати. Ужасно интересовались у насъ тѣмъ, кто изъ нихъ кого поколотилъ. Если-бъ слухъ объ ихъ дракѣ оказался невѣрнымъ (что, можетъ-быть, такъ и было), то, кажется, нашимъ арестантикамъ было бы это очень досадно. „Нѣтъ, ужъ навѣрно командиръ одолѣлъ, говорили они,—онъ маленькой да удаленькой, а тотъ, слышь, подъ кровать отъ него залѣзъ“. Но скоро Г—ковъ уѣхалъ, и арестанты опять впали въ уныніе. Инженерные командиры были у насъ, правда, всѣ хороши: при мнѣ смѣнилось ихъ трое или четверо; „да все не нажать ужъ такого, говорили арестанты,—орель былъ, орель и заступникъ“. Вотъ этотъ-то Г—ковъ очень любилъ всѣхъ насъ, дворянъ, и подъ конецъ велѣлъ мнѣ и Б—му ходить иногда въ канцелярію. По отъѣздѣ же его это устроилось болѣе правильнымъ образомъ. Изъ инженеровъ были люди (изъ нихъ особенно одинъ) очень намъ симпатизировавшіе. Мы ходили, переписывали бумаги, даже почеркъ нашъ сталъ совершенствоваться, какъ вдругъ отъ высшаго начальства послѣдовало немедленное повелѣніе повернуть насъ на прежнія работы: кто-то ужъ успѣлъ донести! Впрочемъ, это и хорошо было: канцелярія стала намъ обоемъ очень надоѣдать! Потомъ мы года два почти неразлучно ходили съ Б—мъ на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили о нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. Славный былъ онъ человѣкъ; но убѣденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у нѣкотораго разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксаль-

ныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни выстрадано, такую дорогою цѣной они достались, что оторваться отъ нихъ уже слишкомъ больно, почти невозможно. Б—кій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ ѣдкостью отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ, во многомъ, можетъ-быть, онъ былъ и правѣ меня—не знаю; но мы, наконецъ, разстались, и это было мнѣ очень больно: мы уже много раздѣлили вмѣстѣ.

Между тѣмъ М—кій съ годами все какъ-то становился грустнѣе и мрачнѣе. Тоска одолѣвала его. Прежде, въ первое мое время въ острогѣ, онъ былъ сообщительнѣе, душа его все-таки чаще и больше вырывалась наружу. Уже третій годъ онъ жилъ въ каторгѣ, въ то время какъ я поступилъ. Сначала онъ многимъ интересовался изъ того, чтò въ эти два года случилось на свѣтѣ и о чемъ онъ не имѣлъ понятія, сидя въ острогѣ; спрашивалъ меня, слушалъ, волновался. Но подъ конецъ, съ годами, все это какъ-то стало въ немъ сосредоточиваться внутри на сердцѣ. Угли покрывались золою. Озлобленіе росло въ немъ болѣе и болѣе. „Je haïs ces brigands“—повторялъ онъ мнѣ часто, съ ненавистью смотря на каторжныхъ, которыхъ я уже успѣлъ узнать ближе, и никакіе доводы мои въ ихъ пользу на него не дѣйствовали. Онъ не понималъ, чтò я говорю, иногда, впрочемъ, разсѣянно соглашался; но на завтра же опять повторялъ: „Je haïs ces brigands“. Кстати: мы съ нимъ часто говорили по-французски, и за это одинъ приставъ надъ работами, инженерный солдатъ Дранишниковъ, неизвѣстно по какому соображенію, прозвалъ насъ фершелами. М—кій воодушевлялся только, вспоминая про свою мать. „Она стара, она больная,—говорилъ онъ мнѣ,—она любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ, а я здѣсь не знаю, жива она или нѣтъ? Довольно ужъ для нея того, что она знала, какъ меня гоняли сквозь строй“... М—кій былъ не дворянинъ и передъ ссылкой былъ наказанъ тѣлесно. Вспоминая объ этомъ, онъ стискивалъ зубы и старался смотрѣть въ сторону. Въ послѣднее время онъ все чаще и чаще сталъ ходить одинъ. Разъ поутру, въ двѣнадцатомъ часу, его потребовали къ коменданту. Комендантъ вышелъ къ нему съ веселой улыбкой.

— Ну, М—кій, чтò ты сегодня во снѣ видѣлъ? спросилъ онъ его.

„Я такъ и вздрогнулъ, рассказывалъ, воротясь къ намъ, М—кій.—Мнѣ будто сердце пронзило“.

— Видѣль, что письмо отъ матери получилъ, отвѣчалъ онъ.

— Лучше, лучше! возразилъ комендантъ.—Ты свободенъ! Твоя мать просила... просьба ея услышана. Вотъ письмо ея, а вотъ и приказъ о тебѣ. Сейчасъ же выйдешь изъ острога.

Онъ воротился къ намъ блѣдный, еще не очнувшійся отъ извѣстія. Мы его поздравляли. Онъ жалъ намъ руки своими дрожащими, похолодѣвшими руками. Многіе арестанты тоже поздравляли его и рады были его счастью.

Онъ вышелъ на поселенье и остался въ нашемъ же городѣ. Вскорѣ ему дали мѣсто. Сначала онъ часто приходилъ къ нашему острогу, и, когда могъ, сообщалъ намъ разныя новости. Преимущественно политическія очень интересовали его.

Изъ остальныхъ четырехъ, то-есть кромѣ М—го, Т—го, Б—го и Ж—го, двое были еще очень молодые люди, присланные на короткіе сроки, малообразованные, но честные, простые, прямые. Третій, А—чуковский, былъ уже слишкомъ простоватъ и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б—мъ, человѣкъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ прескверное впечатлѣніе. Не знаю, какъ онъ попалъ въ разрядъ такихъ преступниковъ, да и самъ онъ отрицалъ это. Это была грубая, мелкомѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обсчитанныя копейки. Онъ былъ безъ всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный. Скоро начальство узнало объ его способностяхъ и весь городъ сталъ требовать Б—ма для малеванья стѣнъ и потолковъ. Въ два года онъ расписалъ почти всѣ казенныя квартиры. Владѣтели квартиръ платили ему отъ себя и жилъ онъ таки не бѣдно. Но всего лучше было то, что на работу съ нимъ стали посылать и другихъ его товарищей. Изъ ходившихъ съ нимъ постоянно, двое научились у него ремеслу и одинъ изъ нихъ, Т—жевскій, сталъ малевать не хуже его. Нашъ плацъ-маіоръ, занимавшій тоже казенный домъ, въ свою очередь потребовалъ Б—ма и велѣлъ расписать ему всѣ стѣны и потолки. Тутъ уже Б—мъ постарался: у генераль-губернатора не было такъ расписано. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, довольно дряхлый и чрезвычайно шелудивый снаружи; расписано же внутри было

какъ во дворцѣ, и маіоръ былъ въ восторгѣ... Онъ потиралъ руки и поговаривалъ, что теперь непременно женится: „при такой квартирѣ нельзя не жениться“, прибавлялъ онъ очень серьезно. Б—мъ былъ онъ все болѣе и болѣе доволенъ, а черезъ него и другими, работавшими съ нимъ вмѣстѣ. Работа шла цѣлый мѣсяцъ. Въ этомъ мѣсяцѣ маіоръ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о всѣхъ нашихъ и началъ имъ покровительствовать. Дошло до того, что однажды вдругъ онъ потребовалъ къ себѣ изъ острога Ж—го.

— Ж—кій, сказалъ онъ, — я тебя оскорбилъ. Я тебя высѣкъ напрасно, я знаю это. Я раскаиваюсь. Понимаешь ты это? Я, я, я—раскаиваюсь!

Ж—кій отвѣчалъ, что онъ это понимаетъ.

— Понимаешь-ли ты, что я, я, твой начальникъ, призвалъ тебя съ тѣмъ, чтобы просить у тебя прощенія. Чувствуешь-ли ты это? Кто ты передо мной? Червякъ! Меньше червяка: ты арестантъ! А я—Божьею милостью *) маіоръ. Маіоръ! Понимаешь-ли ты это?

Ж—кій отвѣчалъ, что и это понимаетъ.

— Ну, такъ теперь я мирюсь съ тобой. Но чувствуешь-ли, чувствуешь-ли это вполнѣ, во всей полнотѣ? Способенъ-ли ты это понять и почувствовать? Сообрази только: я, я маіоръ!.. и т. д.

Ж—кій самъ мнѣ рассказывалъ всю эту сцену. Стало-быть, было же и въ этомъ пьяномъ, вздорномъ и безпорядочномъ человѣкѣ человѣческое чувство. Взявъ въ соображеніе его понятія и развитіе, такой поступокъ можно было считать почти великодушнымъ. Впрочемъ, пьяный видъ, можетъ-быть, тому много способствовалъ.

Мечта его не осуществилась: онъ не женился, хотя ужъ совершенно было рѣшился, когда кончили отдѣлывать его квартиру. Вмѣсто женитьбы онъ попалъ подъ судъ и ему велѣно было подать въ отставку. Тутъ ужъ и всѣ старые грѣхи ему приплекли. Прежде въ этомъ городѣ онъ былъ, помнится, городничимъ... Ударъ упалъ на него неожиданно. Въ острогѣ непомѣрно обрадовались извѣстію. Это былъ праздникъ, торжество! Маіоръ, говорятъ, ревѣлъ какъ старая баба и обливался слезами. Но дѣлать нечего.

*) Буквальное выраженіе, впрочемъ, въ мое время употреблявшееся не однимъ нашимъ маіоромъ, а и многими мелкими командирами, преимущественно вышедшими изъ нижнихъ чиновъ.

Онъ вышелъ въ отставку, пару сѣрыхъ продалъ, потомъ все имѣніе, и впалъ даже въ бѣдность. Мы встрѣчали его потомъ въ штатскомъ изношенномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ кокардочкой. Онъ злобно смотрѣлъ на арестантовъ. Но все обаяніе его прошло, только что онъ снялъ мундиръ. Въ мундирѣ онъ былъ гроза, богъ. Въ сюртукѣ онъ вдругъ сталъ совершенно ничѣмъ и смахивалъ на лакея. Удивительно, какъ много составляетъ мундиръ у этихъ людей.

IX.

П о б ѣ г њ .

Вскорѣ послѣ смѣны нашего плацъ-маіора случились коренныя измѣненія въ нашемъ острогѣ. Каторгу уничтожили и вмѣсто нея основали арестантскую роту военного вѣдомства, на основаніи російскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльныхъ каторжныхъ второго разряда въ нашъ острогъ больше не приводили. Началь же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военного вѣдомства, стало-быть, людьми не лишенными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои баталіоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ, возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ, впрочемъ, и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военного разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другого мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишенные всѣхъ своихъ правъ, клейменные и бритые вдоль головы, остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ не приходило, а оставшіеся помаленьку отживали сроки и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжного. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военного вѣдомства, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Такимъ образомъ, для насъ жизнь продолжалась, въ сущ-

ности, попрежнему: то же содержаніе, та же работа и почти тѣ же порядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначенъ былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты, и, сверхъ того, четыре оберъ-офицера, дежурившихъ поочередно по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ учреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и каптенармусъ. Завелись раздѣлы по десяткамъ, завелись ефрейтора изъ самихъ арестантовъ, номинально, разумѣется, и ужъ само собою Акимъ Акимычъ тотчасъ же оказался ефрейторомъ. Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами попрежнему остались въ вѣдомствѣ коменданта, какъ высшаго начальника. Вотъ и все, что произошло. Разумѣется, арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ; но когда увидѣли, что въ сущности все осталось попрежнему, тотчасъ же успокоились и жизнь наша пошла по-старому. Но главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго маіора; всѣ какъ бы отдохнули и ободрились. Исчезъ запуганный видъ; всякій зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объясняться съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ, вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться у насъ точно такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большею частью людьми порядочными и смышленными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ, впрочемъ, выказывали вначалѣ поползновеніе куражиться, и, конечно, по неопытности, думали обращаться съ арестантами какъ съ солдатами. Но скоро и эти поняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, слишкомъ долго не понимавшимъ, доказали ужъ сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкія столкновенія: напримѣръ, соблазнить, напоятъ унтеръ-офицера, да послѣ того и доложить ему, по-свойски, разумѣется, что онъ пилъ вмѣстѣ съ ними, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли или, лучше, старались не смотрѣть, какъ проносятъ пузыри и продаютъ водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ калачей, говядину и все прочее, то-есть такое, за что могли взяться безъ большого зазору. Для чего это все такъ перемѣнилось, для чего завели арестантскую роту, этого ужъ я не знаю. Случилось уже

это въ послѣдніе годы моей каторги. Но два года еще суждено мнѣ было прожить при этихъ новыхъ порядкахъ...

Записывать-ли всю эту жизнь, всѣ мои годы въ острогѣ? Не думаю. Если писать по порядку, кряду все, что случилось и что я видѣлъ, и что испыталъ въ эти годы, можно бы, разумѣется, еще написать втрое, вчетверо больше главъ, чѣмъ до сихъ поръ написано. Но такое описаніе поневолѣ станетъ, наконецъ, слишкомъ однообразно. Всѣ приключенія выйдутъ слишкомъ въ одномъ и томъ же тонѣ, особенно если читатель уже успѣлъ, по тѣмъ главамъ, которыя написаны, составить себѣ хоть нѣсколько удовлетворительное понятіе о каторжной жизни второго разряда. Мнѣ хотѣлось представить весь нашъ острогъ и все, что я прожилъ въ эти годы, въ одной наглядной и яркой картинѣ. Достигъ-ли я этой цѣли—не знаю. Да отчасти и не мнѣ судить объ этомъ. Но я убѣжденъ, что на этомъ можно и кончить. Къ тому же, меня самого беретъ иногда тоска при этихъ воспомина- нійхъ. Да врядъ-ли я и могу все припомнить. Дальнѣйшіе годы какъ-то стерлись въ моей памяти. Многія обстоя- тельства, я убѣжденъ въ этомъ, совсѣмъ забыты мною. Я помню, напримѣръ, что всѣ эти годы, въ сущности, одинъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо. Помню, что эти долгіе, скучные дни были такъ однообразны, точно вода послѣ дождя капала съ крыши по каплѣ. Помню, что одно только страстное желаніе воскресенія, обновленія, новой жизни укрѣпило меня ждать и надѣяться. И я, наконецъ, скрѣпился: я ждалъ, я отсчитывалъ каж- дый день и, несмотря на то, что оставалось ихъ тысяча, съ наслажденіемъ отсчитывалъ по одному, провожалъ, хоронилъ его и съ наступленіемъ другого дня радъ былъ, что остается уже не тысяча дней, а девятьсотъ девяносто девять. Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полю- билъ, наконецъ, это уединеніе. Одинокій душевно, я пере- сматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ

въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе... Но мнѣ больно вспоминать теперь о тогдашнемъ настроеніи души моей. Конечно, все это одного только меня касается... Но я оттого и записалъ это, что, мнѣ кажется, всякій это пойметъ, потому что со всякимъ то же самое должно случиться, если онъ попадетъ въ тюрьму, на срокъ, въ цвѣтъ лѣтъ и силъ.

Но чтò объ этомъ!.. Лучше расскажу еще что-нибудь, чтобъ ужъ не кончить слишкомъ рѣзкимъ отрубомъ.

Мнѣ пришло въ голову, что пожалуй кто-нибудь спросить: неужели изъ каторги нельзя было никому убѣжать и во всѣ эти года никто у насъ не бѣжалъ? Я писалъ уже, что арестантъ, пробывшій два-три года въ острогѣ, начинаетъ уже цѣнить эти годы и невольно приходитъ къ расчету, что лучше дожить остальное безъ хлопотъ, безъ опасностей и выйти, наконецъ, законнымъ образомъ на поселеніе. Но такой расчетъ помѣщается только въ головѣ арестанта, присланнаго не на долгій срокъ. Долголѣтній пожалуй бы и готовъ рискнуть... Но у насъ какъ-то этого не дѣлалось. Не знаю, трусили-ль очень, присмотрѣ-ли былъ особенно строгій, военный, мѣстность-ли нашего города во многомъ не благопріятствовала (степная, открытая)?—трудно сказать. Я думаю, всѣ эти причины имѣли свое вліяніе. Дѣйствительно, убѣжать отъ насъ было трудновато. А между тѣмъ и при мнѣ случилось одно такое дѣло: двое рискнули, и даже изъ самыхъ важныхъ преступниковъ...

Послѣ смѣны маіора, А—въ (тотъ, который шпионилъ ему на острогъ) остался совершенно одинъ, безъ протекцій. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, но характеръ его укрѣплялся и устанавливался съ лѣтами. Вообще, это былъ человѣкъ дерзкій, рѣшительный и даже очень смелый. Онъ хотъ бы и продолжалъ шпионить и промышлять разными подземными способами, если-бъ ему дали свободу, но ужъ не попался бы теперь такъ глупо и неразсчетливо, какъ прежде, поплатившись за свою глупость ссылкой. Онъ упражнялся у насъ отчасти и въ фаль-

шивыхъ паспортахъ. Не говорю, впрочемъ, утвердительно. Такъ слышалъ я отъ нашихъ арестантовъ. Говорили, что онъ работалъ въ этомъ родѣ еще когда ходилъ къ плац-майору на кухню и, разумѣется, извлекъ изъ этого powerful доходъ. Однимъ словомъ, онъ, кажется, могъ рѣшиться на все, чтобъ перемѣнить свою участь. Я имѣлъ случай отчасти узнать его душу: цинизмъ его доходилъ до возмутительной дерзости, до самой холодной насмѣшки и возбуждалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ кажется, если-бъ ему очень захотѣлось выпить шкаликъ вина, и если-бъ шкаликъ можно было получить не иначе какъ зарѣзавъ кого-нибудь, то онъ бы непременно зарѣзалъ, если-бъ только это можно было сдѣлать втихомолку, чтобъ никто не узналъ. Въ острогѣ онъ научился расчету. Вотъ на этого-то человѣка и обратилъ свое вниманіе особаго отдѣленія арестантъ Куликовъ.

Я уже говорилъ о Куликовѣ. Человѣкъ онъ былъ не молодой, но страстный, живучій, сильный, съ чрезвычайными и разнообразными способностями. Въ немъ была сила, и ему еще хотѣлось пожить; такимъ людямъ до самой глубокой старости все еще хочется жить. И если-бъ я сталъ дивиться, отчего у насъ не бѣгутъ, то, разумѣется, подивился бы на перваго Куликова. Но Куликовъ рѣшился. Кто на кого изъ нихъ имѣлъ больше вліянія: А—въ-ли на Куликова, или Куликовъ на А—ва?—не знаю, но оба другъ друга стоили и для этого дѣла были люди взаимно подходящіе. Они сдружились. Мнѣ кажется, Куликовъ разсчитывалъ, что А—въ приготовитъ паспорта. А—въ былъ изъ дворянъ, былъ хорошаго общества—это сулило нѣкоторое разнообразіе въ будущихъ приключеніяхъ, только бы добраться до Россіи. Кто знаетъ, какъ они сговорились и какія у нихъ были надежды; но ужъ вѣрно надежды ихъ выходили изъ обыкновенной рутины сибирскаго бродяжничества. Куликовъ былъ отъ природы актеръ, могъ выбирать многія и разнообразныя роли въ жизни; могъ на многое надѣяться, по крайней мѣрѣ, на разнообразіе. Такихъ людей долженъ былъ давить острогъ. Они сговорились бѣжать.

Но безъ конвойнаго бѣжать было невозможно. Надо было подговорить съ собой вмѣстѣ конвойнаго. Въ одномъ изъ батальоновъ, стоявшихъ въ крѣпости, служилъ одинъ полякъ, энергичный человѣкъ и, можетъ-быть, достойный лучшей участи, человѣкъ уже пожилой, молодцоватый,

серьезный. Смолоду, только что придя на службу въ Сибирь, онъ бѣжалъ отъ глубокой тоски по родинѣ. Его поймали, наказали и года два продержали въ арестантскихъ ротахъ. Когда его поворотили опять въ солдаты, онъ одумался и сталъ служить ревностно, изо всѣхъ силъ. За отличіе его сдѣлали ефрейторомъ. Это былъ человѣкъ съ честолюбіемъ, самонадѣянный и знавшій себѣ цѣну. Онъ такъ и смотрѣлъ, такъ и говорилъ, какъ знающій себѣ цѣну. Я нѣсколько разъ въ эти годы встрѣчалъ его между нашими конвойными. Мнѣ кое-что говорили о немъ и поляки. Мнѣ показалось, что прежняя тоска обратилась въ немъ въ ненависть, скрытую, глухую, всегдашнюю. Тотъ человѣкъ могъ рѣшиться на все, и Куликовъ не ошибся, выбравъ его товарищемъ. Фамилія его была Коллеръ. Они сговорились и назначили день. Это было въ іюнь мѣсяцѣ, въ жаркіе дни. Климатъ въ этомъ городѣ довольно ровный; лѣтомъ погода стоитъ постоянная, горячая; а это и на руку бродягѣ. Разумѣется, они никакъ не могли пуститься прямо съ мѣста, изъ крѣпости; весь городъ стоитъ на юру, открытый со всѣхъ сторонъ. Кругомъ на довольно далекое пространство нѣтъ лѣса. Надо было переодѣться въ обывательскій костюмъ, а для этого сначала пробраться на форштадтъ, гдѣ у Куликова издавна былъ притонъ. Не знаю, были-ли форштадтскіе пріятели ихъ въ полномъ секретѣ. Надо полагать, что были, хотя потомъ, при дѣлѣ, это не совсѣмъ объяснилось. Въ этотъ годъ въ одномъ углу форштадта только-что начинала свое поприще одна молодая и весьма пригожая дѣвица, по прозвищу Ванька-Танька, подававшая большія надежды и отчасти осуществившая ихъ впослѣдствіи. Звали ее тоже: огонь. Кажется, и она тутъ принимала нѣкоторое участіе. Куликовъ разорялся на нее уже цѣлый годъ. Наши молодцы вышли утромъ на разводку и ловко устроили такъ, что ихъ отправили съ арестантомъ Шилкинымъ, печникомъ и штукатурикомъ, штукатуричь батальонныя пустыя казармы, изъ которыхъ солдаты давно уже вышли въ лагери. А—въ и Куликовъ отправились съ нимъ въ качествѣ подносчиковъ. Коллеръ подвернулся въ конвойные, а такъ какъ за троими требовалось двухъ конвойныхъ, то Коллеру, какъ старому служивому и ефрейтору, охотно поручили молодого рекрутика, въ видахъ наставленія и обученія его конвойному дѣлу. Стало-быть, имѣли же наши бѣглецы сильнѣйшее вліяніе на Коллера и по-

вѣрилъ же онъ имъ, когда послѣ долголѣтней и удачной въ послѣдніе годы службы, онъ, человѣкъ умный, солидный, разчетливый, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли въ казармы. Было часовъ шесть утра. Кромѣ нихъ никого не было. Поработавъ съ часъ, Куликовъ и А—въ сказали Шилкину, что пойдутъ въ мастерскую, во-первыхъ, чтобъ повидать кого-то, а во-вторыхъ, кстати ужъ и захватить какой-то инструментъ, который оказался въ недостаткѣ. Съ Шилкинымъ надо было вести дѣло хитро, то-есть, какъ можно натуральнѣе. Онъ былъ москвичъ, печникъ по ремеслу, изъ московскихъ мѣщанъ, хитрый, проницательный, умный и малорѣчивый. Наружностью онъ былъ тщедушный и испитой. Ему бы вѣкъ ходить въ жилеткѣ и халатѣ, по-московски, но судьба сдѣлала иначе и послѣ долгихъ странствій, онъ засѣлъ у насъ навсегда въ особомъ отдѣленіи, то-есть въ разрядѣ самыхъ страшныхъ военныхъ преступниковъ. Чѣмъ онъ заслужилъ такую карьеру—не знаю; но особеннаго недовольства въ немъ никогда не замѣчалось; вель онъ себя смиренно и ровно; иногда только напивался какъ сапожникъ, но вель себя и тутъ хорошо. Въ секретѣ, разумѣется, онъ не былъ, а глаза у него были зоркіе. Само собою, что Куликовъ мигнулъ ему, что они идутъ за виномъ, которое припасено въ мастерской еще со вчерашняго дня. Это тронуло Шилкина; онъ расстался съ ними безъ всякихъ подозрѣній и остался съ однимъ рекрутикомъ, а Куликовъ, А—въ и Коллеръ отправились въ форштадтъ.

Прошло полчаса; отсутствующіе не возвращались, и вдругъ, спохватившись, Шилкинъ началъ задумываться. Парень прошелъ сквозь мѣдныя трубы. Началъ онъ припоминать: Куликовъ былъ какъ-то особенно настроенъ, А—въ два раза какъ будто съ нимъ пошептался, по крайней мѣрѣ, Куликовъ мигнулъ ему два раза, онъ это видѣлъ; теперь онъ все это помнить. Въ Коллерѣ тоже что-то замѣчалось; по крайней мѣрѣ, уходя съ ними, онъ началъ читать наставленія рекрутику, какъ вести себя въ его отсутствіе, а это было какъ-то несовсѣмъ естественно, по крайней мѣрѣ, отъ Коллера. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше припоминалъ Шилкинъ, тѣмъ подозрительнѣе онъ становился. Время между тѣмъ шло, они не возвращались и безпокойство его достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ очень хорошо понималъ, сколько онъ рисковалъ въ этомъ дѣлѣ: на него могли обратиться подозрѣнія началь-

ства. Могли подумать, что онъ отпустилъ товарищей за-знамо, по взаимному соглашенію, и если-бъ онъ промед-лилъ объявить объ исчезновеніи Куликова и А—ва, по-дозрѣнія эти получили бы еще болѣе вѣроятія. Времени терять было нечего. Тутъ онъ вспомнилъ, что въ послѣд-нее время Куликовъ и А—въ были какъ-то особенно близки между собою, часто шептались, часто ходили за казармами, вдали отъ всѣхъ глазъ. Вспомнилъ онъ, что и тогда-то ужъ чтѣ-то подумалъ про нихъ... Пытливо по-глядѣлъ онъ на своего конвойнаго; тотъ зѣвалъ, облокот-ясь на ружье, и невиннѣйшимъ образомъ прочищалъ пальцемъ свой носъ, такъ что Шилкинъ и не удостоилъ сообщить ему своихъ мыслей, а просто-за-просто сказалъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ инженерную ма-стерскую. Въ мастерской надо было спросить, не прихо-дили-ль они туда? Но оказалось, что тамъ ихъ никто не видалъ. Всѣ сомнѣнія Шилкина разсѣялись: „Если-бъ они просто пошли попить да погулять въ форштадтъ, что иногда дѣлалъ Куликовъ,—думалъ Шилкинъ, то даже и этого тутъ быть не могло. Они бы сказались ему, по-тому этого не стоило бы отъ него таить“. Шилкинъ бро-силъ работу и, не заходя въ казарму, отправился прямо въ острогъ.

Было уже почти девять часовъ, когда онъ явился къ фельдфебелю и объявилъ ему въ чемъ дѣло. Фельдфебель струхнулъ и даже вѣрить не хотѣлъ сначала. Разумѣется, и Шилкинъ объявилъ ему все это только въ видѣ догад-ки, подозрѣнія. Фельдфебель прямо кинулся къ маіору. Маіоръ немедленно къ коменданту. Черезъ четверть часа уже взяты были всѣ необходимыя мѣры. Доложили са-мому генераль-губернатору. Преступники были важные и за нихъ могъ быть сильный нагоняй изъ Петербурга. Пра-вильно или нѣтъ, но А—въ причислялся къ преступни-камъ политическимъ; Куликовъ былъ „особаго отдѣленія“, то-есть архи-преступникъ, да еще военный вдобавокъ. Примѣра еще не было до сихъ поръ, чтобъ бѣжалъ кто-нибудь изъ „особаго отдѣленія“. Припомнили кстати, что по правиламъ на каждаго арестанта изъ „особаго отдѣ-ленія“ полагалось на работѣ по два конвойныхъ, или, по крайней мѣрѣ, одинъ за каждымъ. Правила этого не было соблюдено. Выходило, стало-быть, непріятное дѣло. Посланы были нарочные по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ окрестнымъ мѣстечкамъ, чтобъ заявить о бѣжавшихъ и

оставить вездѣ ихъ примѣты. Послали казаковъ въ догоню, на ловлю; написали и въ сосѣдніе уѣзды и губерніи... Однимъ словомъ, струхнули очень.

Между тѣмъ у насъ въ острогѣ началось другого рода волненіе. Арестанты, по мѣрѣ того какъ подходили съ работъ, тотчасъ же узнавали въ чемъ дѣло. Вѣсть уже облетѣла всѣхъ. Всѣ принимали извѣстіе съ какою-то необыкновенною, затаенною радостью. У всѣхъ какъ-то вздрогнуло сердце... Кромѣ того, что этотъ случай нарушилъ монотонную жизнь острога и раскопалъ муравейникъ,—побѣгъ, и такой побѣгъ, какъ-то родственно отозвался во всѣхъ душахъ и расшевелилъ въ нихъ давно забытыя струны, что-то въ родѣ надежды, удали, возможности переимѣнить свою участь зашевелилось во всѣхъ сердцахъ. „Вѣжали же вѣдь люди: почему-жь?...“ И каждый при этой мысли пріободрялся и съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на другихъ. По крайней мѣрѣ, всѣ вдругъ стали какіе-то гордые и свысока начали поглядывать на унтеръ-офицеровъ. Разумѣется, въ острогъ тотчасъ же налетѣло начальство. Пріѣхалъ и самъ комендантъ. Наши пріободрились и смотрѣли смѣло, даже нѣсколько презрительно и съ какой-то молчаливой, строгой солидностью: „мы, дескать, умѣемъ дѣла обдѣлывать“. Само собой, что о всеобщемъ посѣщеніи начальства у насъ тотчасъ же предугадали. Предугадали тоже, что непременно будутъ обыски и заранѣе все припрятали. Знали, что начальство въ этихъ случаяхъ всегда крѣпко заднимъ умомъ. Такъ и случилось: была большая суматоха; все перерыли, все переискали и—ничего не нашли, разумѣется. На послѣобѣденную работу отравили арестантовъ подъ конвоемъ усиленнымъ. Къ вечеру караульные навѣдывались въ острогѣ поминутно; пересчитали людей лишній разъ противъ обыкновеннаго. При этомъ обсчитались два раза противъ обыкновеннаго. Отъ этого вышла опять суетня: выгнали всѣхъ на дворъ и сосчитали снова. Потомъ просчитали еще разъ, по казармамъ... Однимъ словомъ, много было хлопотъ.

Но арестанты и въ усъ себѣ не дули. Всѣ они смотрѣли чрезвычайно независимо и, какъ это всегда водится въ такихъ случаяхъ, вели себя необыкновенно чинно во весь этотъ вечеръ: „Ни къ чему, значитъ, придрагаться нельзя“. Само собою, начальство думало: „не остались-ли въ острогѣ соумышленники бѣжавшихъ?“ и велѣло при-

смазывать, прислушиваться къ арестантамъ. Но арестанты только смѣялись. „Таково-ли это дѣло, чтобъ оставлять по себѣ соумышленниковъ!“ „Дѣло это тихими стопами дѣлается, а никакъ не иначе“. „Да и такой-ли человѣкъ Куликовъ, такой-ли человѣкъ А—въ, чтобъ въ этакомъ дѣлѣ концовъ не схоронить? Сдѣлано мастерски, шито-крыто. Народъ сквозь мѣдныя трубы прошелъ; сквозь запертыя двери пройдутъ!“ Однимъ словомъ, Куликовъ и А—въ возросли въ своей славѣ; всѣ гордились ими. Чувствовали, что подвигъ ихъ дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства каторжныхъ, острогъ переживетъ.

— Народъ мастеръ! говорили одни.

— Вотъ, думали, что у насъ не убѣгутъ. Бѣжали же!.. прибавляли другіе.

— Бѣжали! выискался третій, съ нѣкоторою властью озираясь кругомъ.—Да кто бѣжалъ-то!.. Тебѣ, чтѣ-ли, пара?

Въ другое время арестантъ, къ которому относились эти слова, непременно отвѣчалъ бы на вызовъ и защитилъ свою честь. Но теперь онъ скромно промолчалъ. „Въ самомъ дѣлѣ, не всѣ-жъ такіе, какъ Куликовъ и А—въ: покажи себя сначала“...

— И чего это мы, братцы, взаправду живемъ здѣсь? прерываетъ молчаніе четвертый, скромно сидящій у кухоннаго окошка, говоря нѣсколько нараспѣвъ отъ какого-то разслабленнаго, но втайнѣ самодовольнаго чувства и подпирая ладонью щеку.—Чтѣ мы здѣсь? Жили—не люди, померли—не покойники. Э-эхъ!

— Дѣло не башмакъ. Съ ноги не сбросишь. Чего э-эхъ?

— Да вотъ же Куликовъ... ввязался было одинъ изъ горячихъ, молодой и желторотый парепекъ.

— Куликовъ! подхватываетъ тотчасъ же другой, презрительно скосивъ глаза на желторотаго парня.—Куликовъ!

То-есть это значить: много-ли Куликовыхъ-то?

— Ну и А—въ же, братцы, дошлый, ухъ, дошлый!

— Куды! Этотъ и Куликова между пальцами обернетъ. Кольцовъ не найти концовъ!

— А далеко-ль они теперь ушли, братцы, желательно знать...

И тотчасъ же пошли разговоры, далеко-ль они ушли? И въ какую сторону пошли? И гдѣ бы имъ лучше идти? И какая волость ближе? Нашлись люди, знающіе окрестности. Ихъ съ любопытствомъ слушали. Говорили о жителяхъ

сосѣднихъ деревень и рѣшили, что этотъ народъ не подходящій. Близко къ городу—натертый народъ! Арестантамъ не дадутъ потачки, изловятъ и выдадутъ.

— Мужикъ-отъ тутъ, братцы, лихой живетъ. У-у-у, мужикъ!

— Неосновательный мужикъ!

— Сибирякъ соленныя уши. Не попадайся, убьетъ.

— Ну, да наши-то...

— Само собой, тутъ ужъ чья возьметъ. И наши не такой народъ.

— А вотъ не померемъ, такъ услышимъ.

— А ты что думалъ? Изловятъ?

— Я думаю ихъ ни въ жисть не изловятъ! подхватываетъ другой изъ горячихъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Гм! Ну, тутъ ужъ какъ обернется.

— А я вотъ что, братцы, думаю, подхватываетъ Скуратовъ,—будь я бродяга, меня бы ни въ жисть не поймали!

— Тебя-то!

Начинается смѣхъ, другіе дѣлаютъ видъ, что и слушать-то не хотятъ. Но Скуратовъ уже расходился.

— Ни въ жисть не поймаютъ! подхватываетъ онъ съ энергіей,—я, братцы, часто про себя это думаю, и самъ на себя дивлюсь: вотъ кажись сквозь щелку бы пролѣзъ, а не поймали-бъ.

— Небось проголодаешься, къ мужику за хлѣбомъ придешь.

Общій хохотъ.

— За хлѣбомъ? Врешь!

— Да ты что языкомъ-то колотишь? Вы съ дядей Васей коровью смерть убили *), оттого и сюда пришли.

Хохотъ подымается сильнѣе. Серьезные смотрятъ еще съ большимъ негодованіемъ.

— Анъ врешь! кричитъ Скуратовъ,—это Микитка про меня набухвостилъ, да и не про меня, а про Ваську, а меня ужъ такъ заодно приплели. Я москвичъ и сыздѣт-

*) То-есть убили мужика или бабу, подозрѣвая, что они пустили по вѣтру порчу, отъ которой падаетъ скотъ. У насъ былъ одинъ такой убійца.

ства на бродяжествѣ испытанъ. Меня какъ дьячокъ еще грамотѣ учили, тянетъ, бывало, за ухо: тверди „помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей“ и такъ дальше... А я и твержу за нимъ: „повели меня въ полицію по милости твоей“ и такъ дальше... Такъ вотъ я какъ съ самаго сызмалѣтства поступать началъ.

Всѣ опять захохотали. Но Скуратову того и надо было. Онъ не могъ не дурачиться. Скоро его бросили и принялись опять за серьезные разговоры. Судили больше старики и знатоки дѣла. Люди помоложе и помирнѣе только радовались на нихъ глядя и просовывали головы послушать; толпа собралась на кухнѣ большая; разумѣется, унтеръ-офицеровъ тутъ не было. При нихъ бы всего не стали говорить. Изъ особенно радовавшихся я замѣтилъ одного татарина, Маметку, невысокаго роста, скулистаго, чрезвычайно комическую фигуру. Онъ почти ничего не говорилъ по-русски и почти ничего не понималъ, что другіе говорятъ, но туда же просовывалъ голову изъ-за толпы и слушалъ, съ наслажденіемъ слушалъ.

— Что, Маметка, якши? присталъ къ нему отъ нечего дѣлать отвергнутый всѣми Скуратовъ.

— Якши! Ухъ, якши! забормоталъ, весь оживляясь, Маметка, кивая Скуратову своей смѣшной головой:—якши!

— Не поймаютъ ихъ? Іокъ?

— Іокъ, іокъ! И Маметка заболталъ опять, на этотъ разъ уже размахивая руками.

— Значить, твоя врала, моя неразобрала, такъ что-ли?

— Такъ, такъ, якши! подхватилъ Маметка, кивая головою.

— Ну, и якши!

И Скуратовъ, щелкнувъ его по шапкѣ и нахлобучивъ ее ему на глаза, вышелъ изъ кухни въ веселѣйшемъ расположеніи духа, оставивъ въ нѣкоторомъ изумленіи Маметку.

Цѣлую недѣлю продолжались строгости въ острогѣ и усиленные погони и поиски въ окрестностяхъ. Не знаю, какимъ образомъ, но арестанты тотчасъ же и въ точности получали всѣ извѣстія о маневрахъ начальства внѣ острога. Въ первые дни всѣ извѣстія были въ пользу бѣжавшихъ: ни слуху, ни духу, пропали да и только. Наши только посмѣивались. Всякое безпокойство о судьбѣ бѣ-

жавшихъ исчезло. „Ничего не найдуть, никого не поймають!“ говорили у насъ съ самодовольствіемъ.

— Нѣтъ ничего; пуля!

— Прощайте, не стращайте, скоро ворочусь!

Знали у насъ, что всѣхъ окрестныхъ крестьянъ сбили на ноги, сторожили всѣ подозрительныя мѣста, всѣ лѣса, всѣ овраги.

— Вздоръ! говорили наши, подсмѣиваясь, — у нихъ вѣрно есть такой человѣкъ, у котораго они теперь проживають.

— Безпремѣнно есть! говорили другіе, — не такой народъ; все впередъ изготовили.

Пошли еще дальше въ предположеніяхъ: стали говорить, что бѣглецы до сихъ поръ, можетъ, еще въ форштадтѣ сидятъ, гдѣ-нибудь въ погребѣ переживають, пока „трелога“ пройдетъ, да волоса обрастуть. Полгода, годъ проживуть, а тамъ и пойдутъ...

Однимъ словомъ, всѣ были даже въ какомъ-то романическомъ настроеніи духа. Какъ вдругъ, дней восемь спустя послѣ побѣга, пронесся слухъ, что напали на слѣдъ. Разумѣется, нелѣпый слухъ былъ тотчасъ же отвергнуть съ презрѣніемъ. Но въ тотъ же вечеръ слухъ подтвердился. Арестанты начали тревожиться. На другой день поутру стали по городу говорить, что уже изловили, везуть. Послѣ обѣда узнали еще больше подробностей; изловили въ семидесяти верстахъ, въ такой-то деревнѣ. Наконецъ, получилось точное извѣстіе. Фельдфебель, воротясь отъ маіора, объявилъ положительно, что къ вечеру ихъ привезутъ прямо въ кордегардію при острогѣ. Сомнѣваться уже было невозможно. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на арестантовъ. Сначала точно всѣ разсердились, потомъ приуныли. Потомъ проглянуло какое-то поползновение къ насмѣшкѣ. Стали смѣяться, но ужъ не надъ ловившими, а надъ пойманными, сначала немногіе, потомъ почти всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ серьезныхъ и твердыхъ, думавшихъ самостоятельно и которыхъ не могли сбить съ толку насмѣшками. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе массы и молчали про себя.

Однимъ словомъ, въ той же мѣрѣ, какъ прежде возносили Куликова и А—ва, такъ теперь унижали ихъ, даже съ наслажденіемъ унижали. Точно они всѣхъ чѣмъ-то обидѣли. Рассказывали съ презрительнымъ видомъ, что

имъ ѣсть очень захотѣлось, что они не вынесли голоду и пошли въ деревню къ мужикамъ просить хлѣба. Это уже была послѣдняя степень униженія для бродяги. Впрочемъ, эти рассказы были невѣрны. Бѣглецовъ выслѣдили; они скрылись въ лѣсу; окружили лѣсъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Тѣ, видя, что нѣтъ возможности спастись, сдались сами. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать.

Но когда ихъ, по вечеру, дѣйствительно привезли, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ жандармами, вся каторга высыпала къ палямъ смотрѣть, что съ ними будутъ дѣлать. Разумѣется, ничего не увидали, кромѣ маіорскаго и комендантскаго экипажа у кордегардіи. Бѣглецовъ посадили въ секретную, заковали и на завтра же отдали подъ судъ. Насмѣшки и презрѣніе арестантовъ вскорѣ упали сами собою. Узнали дѣло подробнѣе, узнали, что нечего было больше и дѣлать какъ сдать, и всѣ стали сердечно слѣдить за ходомъ дѣла въ судѣ.

— Пробуровятъ тысячу, говорили одни.

— Куда тысячу! говорили другіе, — забьютъ. А—ву, пожалуй, тысячу, а того забьютъ, потому, братецъ ты мой, особаго отдѣленія.

Однакожъ не угадали. А—ву вышло всего пятьсотъ; взяли во вниманіе его удовлетворительное прежнее поведеніе и первый проступокъ. Куликову дали, кажется, полторы тысячи. Наказывали довольно милосердно. Они, какъ люди толковые, никого передъ судомъ не зацутали, говорили ясно, точно, говорили, что прямо бѣжали изъ крѣпости, не заходя никуда. Всѣхъ больше мнѣ было жаль Коллера: онъ все потерялъ, послѣднія надежды свои, прошелъ больше всѣхъ, кажется, двѣ тысячи и отправленъ былъ куда-то арестантомъ, только не въ нашъ острогъ. А—ва наказали слабо, жалѣючи; помогали этому лѣкаря. Но онъ куражился и громко говорилъ въ госпиталѣ, что ужъ теперь онъ на все пошелъ, на все готовъ и не то еще сдѣлаетъ. Куликовъ велъ себя по-всегдашнему, то-есть солидно, прилично, и воротясь послѣ наказанія въ острогъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто никогда изъ него не отлучался. Но не такъ смотрѣли на него арестанты: несмотря на то, что Куликовъ всегда и вездѣ умѣлъ поддерживать себя, арестанты въ душѣ какъ-то перестали уважать его, какъ-то болѣе за панибрата стали съ нимъ обходиться. Однимъ словомъ, съ этого побѣга слава Куликова сильно померкла. Успѣхъ такъ много значитъ между людьми.

X.

Выходъ изъ каторги.

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Во-первыхъ, между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человѣкъ. Многіе изъ нихъ были мнѣ преданы и искренно любили меня. Піонеръ чуть не заплакалъ, провожая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ, еще цѣлый мѣсяць жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казенномъ зданіи, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были однако и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ, кажется, тяжело было сказать со мной слово—Богъ знаетъ отчего. Казалось, между нами стояла какая-то перегородка.

Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я не читалъ ни одной книги и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много-ль я отсталъ отъ этой жизни? Много-ль прожили они тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался на-

ходить таинственный смысл, намеки на прежнее; отыскивалъ слѣды того, что прежде, въ мое время, волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать, до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена: явились новыя дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду, и что такъ трудно добираться до нихъ. Прежде же, при прежнемъ плацъ-маіорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу. Въ случаѣ обыска были бы непременно запросы: „откуда книги? гдѣ взяли? Стало-быть, имѣешь сношенія?..“ А что могъ я отвѣчать на такіе запросы? И потому, живя безъ книгъ, я поневолѣ углублялся въ самого себя, задавалъ себѣ вопросы, старался разрѣшить ихъ, мучился ими иногда... Но вѣдь всего этого такъ не перескажешь!..

Поступилъ я въ острогъ зимой, и потому зимой же должень былъ выйти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листь на деревѣ и блекнетъ трава въ степи. Но вотъ уже и прошло лѣто, завылъ осенній вѣтеръ; вотъ уже началъ порхать первый снѣгъ... Настала, наконецъ, эта зима, давно ожидаемая! Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ. Многіе, встрѣчавшіеся мнѣ на дворѣ въ шабашное время, арестанты заговаривали со мной, поздравляли меня:

— Вотъ выйдете, батюшка, Александръ Петровичъ, на свободу, скоро, скоро. Оставьте насъ однихъ, бобылей.

— А что, Мартыновъ, вамъ-то скоро-ли? отвѣчалъ я.

— Мнѣ-то! Ну, да ужъ что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотритъ разсѣянно, точно заглядывая въ будущее... Да, многіе искренно

и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ будто стали со мной обращаться прिवѣтливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К—чинскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человѣкъ, тоже, какъ и я, любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и навѣрстать весь вредъ душныхъ казарменныхъ ночей.

— Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, встрѣтись однажды со мной на прогулкѣ, — вы выйдете, и *ужь я буду знать тогда*, что мнѣ ровно годъ остается до выхода.

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, то-есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офицерскій денщикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого что онъ ходилъ небритый, безъ кандаловъ и безъ конвоя.

Наканунѣ самаго послѣдняго дня, въ сумерки, я обошелъ *въ послѣдній разъ* около палъ весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошелъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь, за казармами, скитался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню, какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается. Господи, какъ давно это было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ плѣну нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжить и, какъ бы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почернѣлыми бревенчатыми срубамъ нашихъ казармъ. Какъ непривѣтливо поразили они меня *тогда*, въ первое время. Должно-быть, и они теперь постарѣли противъ тогдашняго; но мнѣ это было непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужь все сказать; вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ-быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа

нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, какъ только еще начинало свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ по-товарищески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ равный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвергивались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ, и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ, и изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! Онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандалники и нѣсколько денегъ. „Мнѣ не это, не это! говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы,—мнѣ васъ-то какво потерять, Александръ Петровичъ? На кого безъ васъ-то я здѣсь останусь!“ Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимъ Акимычемъ.

— Вотъ и вамъ скоро! сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею и мы поцѣловались.

Минуть десять спустя послѣ выхода арестантовъ, вышли и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться,— я и мой товарищъ, съ которымъ я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Расковали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ покамѣстъ раскуютъ товарища, а потомъ подошелъ и самъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

— Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-наперво!.. командоваль старшій, — установь ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднялъ ихъ... Мнѣ хотѣлось поддержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что они сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну, съ Богомъ! Съ Богомъ! говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ будто чѣмъ-то довольными голосами.

Да, съ Богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ *).

РАЗСКАЗЪ.

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ, часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъ-этажномъ домѣ на Петербургской сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ, тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти пяти, праздновалъ свое новоселье въ только что купленномъ домѣ, а кстати ужъ и день своего рожденія, который тутъ же пришелся и котораго онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ, празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли, было только двое гостей, оба прежніе сослуживца господина Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Шипуленко и

*) Въ первый разъ напечатанъ въ журналѣ „Время“ 1862, XI.

другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ильичъ Пралинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушать чай, потомъ принялись за вино и знали, что ровно въ половинѣ двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ: началъ онъ свою карьеру мелкимъ необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ пять сряду, очень хорошо зналъ, до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже двѣ, и особенно не любилъ высказывать по какому бы то ни было поводу свое собственное личное мнѣніе. Былъ онъ и честенъ, то-есть ему не пришлось сдѣлать чего-нибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой-то сладкій, лѣнивый комфортъ и систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолоду терпѣть не могъ гостей у себя, а въ последнее время, если не раскладывалъ грандъ-пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремля въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самаго высокаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ-то засѣдалъ и что-то подписывалъ. Однимъ словомъ, его считали превосходнѣйшимъ человѣкомъ. Была у него одна только страсть или, лучше сказать, одно горячее желаніе: это—имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желаніе его, наконецъ, осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на Петербургской сторонѣ, правда, далеко, но домъ съ садомъ и притомъ домъ изящный. Новый хозяинъ разсуждалъ, что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ кому-нибудь или въ должность—на то была у него прекрасная двумѣстная карета шоколаднаго цвѣта, кучеръ Михей и двѣ маленькія, но крѣпкія и красивыя лошади. Все это было благопріобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономіей, такъ что сердце на все это радо-

валось. Вотъ почему, пріобрѣтя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ даже гостей на свое рожденье, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особые виды. Самъ онъ въ домѣ занялъ верхній этажъ, а въ нижній, точно такъ же выстроенный и расположенный, понадобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и рассчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семенъ Ивановичъ на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человѣкъ тоже туго и долговременно пробывавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бакенбардами и съ оттѣнкомъ постоянного разлитія желчи въ физиономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ, до чего онъ дойдетъ и еще лучше до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемъ мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новые порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ желчи, но особенно не тревожился: онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ, всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снизошелъ до господина Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ объ его превосходительствѣ господинѣ Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разсказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался нашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ, былъ генералъ молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока трехъ и никакъ не болѣе, на видъ же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностію въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и, будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глупъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ

изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и бѣлоручка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатѣ и батистѣ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хоть вынесъ изъ него не много познаній, но на службѣ успѣлъ и дотянулъ до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подъ началомъ котораго онъ и началъ, и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣловаго и надеждъ на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣеть состояніе, то-есть большой капитальный домъ съ управителемъ, средни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осанкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Страшное дѣло: подчасъ на него находили припадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянія. Съ горечью и съ тайной занозой въ душѣ создавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ, какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его геморрой, называлъ свою жизнь une existence manquée, переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называя себя парлеромъ, фразеромъ и хотя все это, конечно, приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ заносчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ, таилъ про себя свои неопредѣленные мечты и надежды. Однимъ словомъ, человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы, болѣзненными минуты разочарованія стали было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнителенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорилъ

на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему льстило. Въ этотъ же вечеръ, выпивъ бокала четыре, онъ особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался. Онъ почему-то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горячился и, въ жару воображаемаго спора, чаще чѣмъ бы слѣдовало, пробовалъ изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ же добавлялъ его бокаль, что, неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе, что Семенъ Ивановичъ Шипуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за динизмъ и за злость его, тутъ же сбоку прекovarено молчалъ и чаще чѣмъ бы слѣдовало улыбался. „Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку“, мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, продолжалъ онъ съ азартомъ.— Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, памятуя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ...

— Хи-хи-хи-хи! слышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что же, однакожъ, вы насъ такъ распекаете? возразилъ, наконецъ, Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь.— Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могъ взять въ толкъ, что вы изволили объяснить. Выставляете гуманность. Это, значитъ, челоѣколюбіе, что-ли?

— Да, пожалуй, хоть и челоѣколюбіе. Я...

— Позвольте-съ! Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Челоѣколюбіе всегда слѣдовало. Реформа же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственные, откупные, нравственные и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и все вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить большія, такъ сказать, колебанья. Вотъ мы про что опасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже-съ, замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣтить, Семенъ Ивановичъ, что я отнюдь не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, язвительно и черезчуръ рѣзко замѣтилъ Иванъ Ильичъ,—но, однакожь, все-таки возьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ, Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня вовсе не поняли...

— Не понялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до двороваго слуги, отъ слуги до мужика,—гуманность, говорю я, можетъ послужить, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силлогизмъ: я гуманенъ, слѣдовательно меня любятъ. Меня любятъ, стало-быть, чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало-быть, вѣруютъ; вѣруютъ, стало-быть, любятъ... то-есть нѣтъ, я хочу сказать, если вѣруютъ, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ, такъ сказать, самую суть дѣла, такъ сказать, обнимутся нравственно и рѣшатъ все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣтаетесь, Семенъ Ивановичъ? Непонятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Мнѣ кажется, я немного лишнее выпилъ, замѣтилъ ядовито Семенъ Ивановичъ,—а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затменіе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ, послѣ легкаго раздумья.

— То-есть какъ это не выдержимъ? спросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанію Степана Никифоровича.

— Такъ, не выдержимъ.—Степанъ Никифоровичъ, очевидно, не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужъ не насчетъ-ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? не безъ ироніи возразилъ Иванъ Ильичъ.—Ну, нѣтъ-съ; за себя-то ужъ я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ, сидятъ да и ѣдутъ, сказалъ Семенъ Ивановичъ, приготовляясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ

предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ камина свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какъ же, Семень Ивановичъ, подумайте? сказалъ Степанъ Никифоровичъ, провожая гостей.

— Насчетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? любезно замѣтилъ господинъ Пралинскій съ нѣкоторымъ заискиваніемъ и поигрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ будто забываютъ.

Степанъ Никифоровичъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семень Ивановичъ торопливо откланялся.

„А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности,“ рѣшилъ про себя господинъ Пралинскій, и какъ-то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифоровичу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорогую шубу, старался для чего-то не замѣчать истасканнаго еnota Семена Ивановича, и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ будто обидѣлся, сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

„Холопы!“ подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его сани, съ сѣрымъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой чортъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда-сюда—кареты не было. Человѣкъ Степана Никифоровича не имѣлъ о ней понятія. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! произнесъ господинъ Шипуленко.—Хотите доведу?

— Подлецъ-народъ! съ бѣшенствомъ закричалъ господинъ Пралинскій.—Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на Петербургской, какая-то кума замужъ идетъ, чортъ ее дери. Я настрого запретилъ ему отлучаться. И вотъ бѣсъ объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣйствительно, замѣтилъ Варламъ,—поѣхалъ

туда-съ; да обѣщаль въ одну минуту обернуться, къ самому то-есть времени быть.

— Ну, такъ! Я какъ будто предчувствовалъ! Ужъ я-жь его!

— А вы лучше посѣдите его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять приказанья, сказалъ Семень Ивановичъ, уже закрываясь полстью.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, Семень Ивановичъ!

— Такъ не хотите, доведу.

— Счастливый путь, мерсі.

Семень Ивановичъ уѣхаль, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

— Нѣтъ ужъ, я-жь тебя теперь, мошенникъ! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаеть, что баринъ пѣшкомъ пошелъ... мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ счелъ былъ разбѣшонъ и вдобавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ нешьющій, и потому какіе-нибудь нить-шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была поскитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ, пройдя шаговъ пять-десять, почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Къ тому же люди подъ хмелькомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

„А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошелъ, думалъ олъ про себя,—и Трифону урокъ, да и мнѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Что-жь? На Большомъ проспектѣ я тотчасъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно-быть, мелкота живетъ, чиновники... купцы, можетъ быть... Этотъ Степанъ Никифоровичъ! И какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, c'est le mot. Впрочемъ, онъ умный человѣкъ; есть этотъ bon sens, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но зато старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его!—Ну, да чего-то нѣтъ... Не выдержимъ! Чтò онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ.

Онъ, впрочемъ, меня совсѣмъ не понялъ. А и какъ бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуманность... чело-вѣколюбіе. Возвратить челоуѣка самому себѣ... возродить его собственное достоинство, и тогда... съ готовымъ матеріаломъ приступайте къ дѣлу. Кажется, ясно! Да-съ! Ужъ это позвольте, ваше превосходительство; возьмите силлогизмъ: мы встрѣчаемъ, на примѣръ, чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? Отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; далѣе: какой ты чиновникъ! Отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ. — Служишь? Служу!—Хочешь быть счастливъ? Хочу.—Что надобно для счастья? То-то и то-то.—Почему? Потому... И вотъ челоуѣкъ меня понимаетъ съ двухъ словъ, челоуѣкъ мой, челоуѣкъ уловленъ, такъ сказать, сѣтими, и я дѣлаю съ нимъ все, что хочу, то-есть для его же блага. Скверный челоуѣкъ этотъ Семень Иванычъ! И какая у него скверная рожа... Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Нѣтъ, врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифона словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ и будетъ чувствовать. Насчетъ розогъ, гм!.. вопросъ нерѣшенный, гм!.. А не заѣхать-ли къ Эмерансъ! Фу, ты, чортъ, проклятые мостки! вскрикнулъ онъ, вдругъ остулившись.—И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм!.. Ненавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обнимутся нравственно. Ну, и обнимутся, а тебѣ что за дѣло? Ужъ тебя-то не обниму; скорѣй мужика... Мужикъ встрѣтится, и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ, я былъ пьянъ и, можетъ-быть, не такъ выражался. Я и теперь, можетъ-быть, не такъ выражаюсь... Гм! Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а на завтра раскаиваешься. Что-жъ, я вѣдь не шатаюсь иду... А, впрочемъ, всѣ они мошенники!"

Такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывисто и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и, такъ сказать, раскачалъ его. Минуть черезъ пять онъ бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большого проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрипѣлъ контрбасъ и визгливо залива-

лась флейта на очень веселый кадрильный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салопахъ и въ платкахъ на головѣ; онѣ напрягали всё усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь сквозь щели ставень. Видно весело было. Гулъ отъ топота танцующихъ достигалъ другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ недалеко отъ себя замѣтилъ городского и подошелъ къ нему.

— Чей это, братецъ, домъ? спросилъ онъ, немного распахивая свою дорогую шубу, ровно настолько, чтобы городской могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, регистратора, отвѣчалъ, выпрямившись, городской, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличие.

— Пселдонимова? Ба! Пселдонимова!... Что-жъ онъ? Женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невѣстой ихней идетъ-съ.

— Такъ что теперь ужъ это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова, ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм! Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генералъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служить.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Городовой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ будто задумался. Онъ стоялъ и соображалъ...

Да, дѣйствительно Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припоминалъ это. Это былъ маленькій чиновникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованья. Такъ какъ господинъ Пралинскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и не помнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же полюбопытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человѣка, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ бѣлобрысыми и клочковатыми волосами, худосочнаго и худо выкормленнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприличія невыразимыхъ. Онъ помнилъ, какъ у него

тогда же мелькнула мысль: не опредѣлить-ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне несимпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ-то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своей просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о свадьбѣ рѣшено было слегка, на-скоро. Но все-таки онъ съ точностью припоминалъ, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами. Это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка сострилъ надъ столкновеніемъ фамилій Пселдонимова и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараемся перевести всѣ эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать, то, что было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется, ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

„Что же! мелькало въ его головѣ,—вотъ мы всѣ говоримъ, говоримъ, а коснется до дѣла—и только шишъ выходить. Вотъ примѣръ, хоть бы этотъ самый Пселдонимовъ: онъ пріѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидал вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пиръ—скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что-жь, если-бъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, что бы съ нимъ было? Нѣтъ, что бы съ нимъ было, если-бъ я теперь же, вдругъ, взялъ и во-

шель? Гм!.. разумѣется, сначала онъ испугался бы, онѣмѣлъ бы отъ замѣшательства... Я помѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы, можетъ-быть, все... Да, такъ и было бы, если-бъ вошелъ всякій другой генераль, но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

„Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

„Да-съ. Мы всѣ кричимъ о гуманности, но героизма, подвига мы сдѣлать не въ состояніи.

„Какого героизма? Такого. Разсудите-ка: при теперешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго регистратора, на десяти рубляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращеніе идей, послѣдній день Помпеи, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умретъ — не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: не выдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я вы-дер-жу! Я обращаю послѣдній день Помпеи въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій — въ нормальный, патріархальный, высокій и нравственный. Какъ? Такъ. Извольте прислушаться...

„Ну... вотъ я, положимъ, вхожу: они изумляются, прерываютъ танцы, смотря дико, пятятся. Такъ-съ, но тутъ-то я и высказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ, говорю: „такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю, знаешь, здѣсь, по сосѣдству...“ Ну, тутъ слегка, въ смѣшномъ этакъ видѣ, рассказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошелъ пѣшкомъ... „Ну, слышу музыку, любопытствую у городского и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, найду къ подчиненному; посмотрю, какъ мои чиновники веселятся и... женятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю!“ Прогонишь! Каково словечко для подчиненнаго. Какой ужъ тутъ чортъ прогонишь! Я думаю, онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенья, не сообразится даже на первый разъ!..

„Ну, что можетъ быть проще, изящнѣе такого поступка! Зачѣмъ я вошелъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

„Гм... О чемъ, бишь, я думалъ? Да!

„Ну, ужь, конечно, они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный али родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ... Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описываль. Ну, знакомлюсь, разумѣется, съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Провѣду ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы, острою, смѣюсь; однимъ словомъ—я любезень и милъ. Я всегда любезень и милъ, когда доволенъ собой... Гм!.. то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того, то-есть не пьянь, а такъ...

„...Разумѣется, я, какъ джентльменъ, на равной съ ними ногѣ и отнюдь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно — дѣло другое: они поймутъ и оцѣнятъ... Мой поступокъ воскреситъ въ нихъ благородство... Ну, и сижу полчаса... Даже часъ. Уйду, разумѣется, передъ самымъ ужиномъ, а ужь они-то захопочуть, напекутъ, нажарятъ, въ поясъ кланяться будутъ, но я только выпью бокаль, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу—дѣла. И ужь только что я произнесу: „дѣла“, у всѣхъ тотчасъ же стануть почтительно-строгїя лица. Этимъ я деликатно напомню, что они и я — это разница-съ. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ этимъ внушать, но надо же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужь тамъ ни говори. Впрочемъ, я тотчасъ же улыбнусь, даже посмѣюсь, пожалуй, и потомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой; гм!.. даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ, въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родитъ къ тому времени. Вѣдь они плодятся какъ кролики. Ну, и всѣ захохочуть, молодая покраснѣетъ; съ чувствомъ поцѣлую ее въ лобъ, даже благословлю ее... и на завтра въ канцеляріи мой подвигъ уже извѣстенъ. На завтра я опять строгъ, на завтра я опять взыскателень, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ, кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: „Онъ строгъ какъ начальникъ, но какъ человѣкъ — онъ ангелъ!“ И вотъ я побѣдилъ; я уловилъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ поступкомъ, котораго вамъ и въ голову не придетъ: они ужь мои; я отецъ, они дѣти... Нутка, ваше превосходительство, Степанъ Никифоровичъ, подите-ка сдѣлайте этакъ... „...Да знаете-ли вы, понимаете-ли, что Пселдонимовъ будетъ дѣтиамъ своимъ поминать, какъ самъ генераль провалъ и даже пилъ на его свадьбѣ! Да вѣдь эти дѣти

будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ рассказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду) удостоилъ ихъ и т. д., и т. д. Да вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣстную популярность приобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ, что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то!..“

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ (господа, мало-ли что человекъ говорить иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояннн). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты и, конечно, онъ, можетъ, и ограничился бы этими мечтаньями и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славно бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ, въ это самое мгновение, въ настроенномъ воображеннн его нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! повторялъ Степанъ Никифоровичъ, свысока улыбаясь.

— Хи-хи-хи! вторилъ ему Семень Ивановичъ, своей самой прескверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ какъ не выдержимъ! рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо.

Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Иселдонимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣнннмъ оттолкнулъ ногой маленькую, лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличия, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ дошелъ онъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ, и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ гдѣ-то въ углу сальный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не

помѣшало Ивану Ильичу, такъ, какъ есть, въ калошахъ, попасть лѣвой ногой въ галантирь, выставленный для остуженія. Иванъ Ильичъ нагнулся и, посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы, очевидно, съ бламанже. Раздавленный галантирь его было сконфузилъ и на одно самое маленькое мгновеніе у него промелькнула мысль: не улизнуть-ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и калошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрбасъ, всего четыре человѣка, взятые, разумѣется, съ улицы. Они сидѣли за некрашенымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую допиливали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено-весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали, какъ эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно, чрезвычайно развязнаго и даже разстегнувагося человѣка: „Кавалеры впередъ, шенъ де дамъ, балансе!“ и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ нѣкоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ, онъ ужъ и не разсуждалъ.

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушенный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшій его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то неестественно-визгливымъ голосомъ прокричалъ, пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: „Э-э-эхъ, Пселдонимущка!“ Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно, полъ

навозили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ, не очень малой, было человекъ до тридцати гостей.

Но черезъ минуту кадрили кончилась и почти тотчасъ же произошло то же самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. По гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошелъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шопоть. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро обращаться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали повемногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, усѣянное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папирозъ. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человекъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурными волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобъ дать ей цинка.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ; онъ почувствовалъ тоже, что, можетъ-быть, дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше прево-сходительство!.. пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну, то-то. Я, братъ, къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ, вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить...

Но Пселдонимовъ, очевидно, ничего не могъ представить. Онъ стоялъ, выпучивъ глаза, въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гостя принимай!.. продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій разговоръ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и про-

должалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужъ не помѣшалъ-ли чему... я уйду! едва выговорилъ онъ, и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Пселдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ... Честь... бормоталъ онъ, уторопленно кланяясь, — удостойте присѣсть-съ... И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ...

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятились, а передъ нимъ, скрючившись, стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что дѣйствительно его гарунъ-аль-рашидское нашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почестъся подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акима Петровича Зубикова, съ которымъ отъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генераль торжествовалъ; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ, такъ сказать, не второе, а уже третье лицо. Съ рассказомъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго, и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А рассказъ былъ необходимъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ; онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ домочадцы и чуть не влѣзаютъ другъ на друга, чтобъ его

поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ, по глупости своей, все еще не сѣлся.

— Что же вы! проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванъ.

— Помилуйте-съ... я и здѣсь... и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно оставшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *а* сталъ выговаривать какъ-то на *э*, однимъ словомъ, самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ: дѣйствовала какая-то внѣшняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали, можетъ-быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комиссіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: „Дескать, какъ не слыхать-съ“.

— Онъ теперь твой сосѣдъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ, на одинъ мигъ, для приличія и для непринужденности, обращаясь къ Пселдонимову, но быстро отворотился, увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну, и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже таилъ отъ насъ, отнѣживался по скупости, хе-хе! А теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся. Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоначальникъ, пожалуй, догадывается, что онъ, въ эту минуту, необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семь... о во-просахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ томъ. Прощаюсь съ нимъ, наконецъ, старикъ аккуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... нѣтъ моего Трифона! Тревожусь, спрашиваю: „Куда дѣвалъ Трифонъ карету?“ Открывается, что онъ, понадѣясь, что я засижусь, отправился на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужъ Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на Петербургской. Да и карету ужъ кстати съ собою захватилъ.

Генераль опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ, какъ надобно было генералу. „Сочувствія, сердца нѣтъ“, промелькнуло въ его голову.

— Скажите! проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гуль удивленія прошелъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ). Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ, Думаю, добреду до Большого проспекта, да и найду какого-нибудь Ваньку... хе-хе!

— Хи-хи-хи! почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гуль, но уже на веселый лады прошелъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся и строго посмотрѣлъ на лампу, но генераль даже не обратилъ вниманія, и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топотъ, танцуютъ. Любопытствую у городского: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю Петербургскую сторону балы задаешь? Ха-ха, вдругъ обратился онъ опять къ Пселдонимову.

— Хи-хи-хи! Да-съ... отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глупѣе было то, что Пселдонимовъ хоть и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно онъ былъ деревянный. „Да онъ дуракъ, что-ли!“ подумалъ Иванъ Ильичъ, „тутъ бы и улыбаться ослу, и все бы прошло какъ по маслу“. Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ.

— Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогнать же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуйста, извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду... Я вѣдь только зашелъ посмотрѣть...

Но мало-по-малу уже начиналось всеобщее движеніе.

Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ услащеннымъ видомъ: „Дескать, можете-ли, ваше превосходительство, помѣшать?“ всѣ гости пошевелились и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ истертомъ бархатномъ платьѣ, что-то нарочно громко проговорила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ-было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и два-три студента, переглядывались, какъ бы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались, и тоже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ, никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ понемногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить, какъ твое имя и отчество? спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ, вышуча глаза, точно на смотру.

— Познакомъ же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой... Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ-было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ, молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но только что услышала, что о ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались, давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познаться, произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ,—и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прековарно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ, смотрѣли пристально и даже съ отѣни-

комъ какой-то злости. Очевидно, Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платьѣ на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло пыляче, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не сумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала.

Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожъ, во что бы то ни стало надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

„Однако парочка!“ подумалъ онъ. — „Впрочемъ“...

И онъ снова обратился къ молодой, помѣтившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только „да“ и „нѣтъ“, да и тѣхъ, правда, вполнѣ не получилъ.

„Хоть бы она поконфузилась“, продолжалъ онъ про себя. — „Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное“.

И Акимъ Петровичъ, какъ нарочно, тоже молчалъ, хоть и по глупости, ко все же было неизвинительно.

— Господа! Ужъ я не помѣшалъ-ли вашимъ удовольствіямъ? обратился было онъ ко всѣмъ вообще.

Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ... Не беспокойтесь, ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохлаждаемся-съ, отвѣчалъ офицеръ.

Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшись впередъ, и, казалось, еще болѣе, чѣмъ прежде, выставлялъ свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терялся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всё разступились и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и принарядившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, зашпиленномъ у горла, и въ чепчикѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бокала, ни больше, ни меньше. Бутылка очевидно назначалась только для двухъ гостей.

Пожилая женщина приблизилась къ генералу.

— Ужъ не взыщите, ваше превосходительство, сказала она, кланяясь, — а ужъ коль не погнушались нами, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужъ просимъ милости, поздравьте виномъ молодыхъ. Не гнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пяти или шести—не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы роди-тель-ница вашего сы-на? сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, промямлилъ Пселдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте, ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскочившій Пселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокалъ.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... началъ онъ, — что могу... при семъ засвидѣтельствовать... Однимъ словомъ, какъ начальникъ... желаю вамъ, сударыня (онъ обратился къ новобрачной), и тебѣ, мой другъ, Порфирій, желаю полного, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокалъ, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Пселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ начиналъ мучительно его ненавидѣть.

Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчать. Ну что бы хотъ ему прокричать: ура! И пошло бы, пошло бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и поздравьте, прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человекъ.

„А вѣдь какія славныя эти русскія старухи!“ подумалъ Иванъ Ильичъ. — „Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность“ ...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще поднось. Несладѣвка, въ шумящемъ, еще немытомъ ситцевомъ платѣи въ криволинѣ. Она едва обхватывала поднось руками — такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч., и проч. Поднось стоялъ до сихъ поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ яствомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, повторяла, кланяясь, старуха.

— Помилуйте... сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ взялъ и раздавилъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? спросилъ Иванъ Ильичъ съ улыбкой, обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Костенькинычъ смѣшнѣе, отвѣчала она, потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго юношу, очень недурного собой, спрятавшася на стулѣ съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго т-ше Пселдонимовой. Юноша привсталъ. Онъ, повидимому, былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про „сонникъ“ имъ говорилъ, ваше превосходительство, пробормоталъ онъ, какъ будто извиняясь.

— Про какой же это сонникъ? спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если господина Панаева во снѣ увидѣть-съ, то это значитъ кофеемъ манишку залить-съ.

„Экая невинность“, подумалъ даже со злобою Иванъ Ильичъ.

Молодой человекъ хоть и очень разругался, говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что разсказалъ про господина Панаева.

— Ну, да, да, я слышалъ... отозвался его превосходительство.

— Нѣтъ, вотъ еще лучше есть, проговорилъ другой голосъ подлѣ самого Ивана Ильича, — новый лексиконъ издается, такъ, говорятъ, господинъ Краевскій будетъ писать статьи, Алфераки... и абличительная литература...

Проговорилъ это молодой человекъ, но уже не конфузливый, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцовалъ, смотрѣлъ высокомерно, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала „Головешка“, задавалъ тону и попалъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Пселдонимовыхъ, съ которымъ былъ на *ты* и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки „въ углахъ“. Водку онъ однакожь пилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнатку, куда всѣ знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-съ, съ радостью перебилъ вдругъ бѣлокурый юноша, разсказывавшій про манишку и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ ненавистью, — потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается, будто бы господинъ Краевскій правописанія не знаетъ и думаетъ, что „обличительную литературу“ надобно писать абличительная литература...

Но бѣдный юноша едва dokonчилъ. Онъ по глазамъ увидалъ, что генераль давно уже это знаетъ, потому что самъ генераль тоже какъ будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человеку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе ступешаваться и потомъ все остальное время былъ очень грустенъ. Взамѣнъ того развязный сотрудникъ „Головешки“ подошелъ еще ближе и, казалось, намѣревался гдѣ-нибудь поблизости сѣсть. Такая развязность показала Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! Скажи, пожалуйста, Порфирій, началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить, — почему — я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Пселдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты, навѣрное, Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пселдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу-сь, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшали-сь, такъ что онъ и остался теперь Пселдонимовъ, отозвался Акимъ Петровичъ.—Это бываетъ-сь.

— Не-пре-мѣн-но, съ жаромъ подхватилъ генералъ,—не-пре-мѣн-но, потому, сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происходитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну, а Пселдонимовъ ничего не означаетъ.

— По глупости-сь, прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То-есть собственно что по глупости?

— Русскій народъ-сь, по глупости, измѣняетъ иногда литеры-сь и выговариваетъ иногда по-своему-сь. Напримѣръ, говорятъ невалидъ, а надо бы сказать инвалидъ-сь.

— Ну, да... невалидъ, хе-хе-хе...

— Мумеръ тоже говорятъ, ваше превосходительство, брякнулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-нибудь отличиться.

— То-есть, какъ это мумеръ?

— Мумеръ вмѣсто нумеръ, ваше превосходительство.

— Ахъ, да, мумеръ... вмѣсто нумеръ... Ну, да, да... хе-хе-хе?... Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офицера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нимо, ввязался было сотрудникъ „Головешки“. Но его превосходительство постарался этого ужъ не разслышать. Не для всѣхъ же было хихикать.

— *Нимо* вмѣсто *мимо*, приставалъ „сотрудникъ“, съ видимымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что присталъ? шепнулъ Пселдонимовъ „сотруднику“.

— Да что-жъ это, я разговариваю. Нельзя что-ль и говорить, заспорилъ было тотъ шопотомъ, но однакожъ замолчалъ, и съ тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо пробрался въ привлекательную заднюю комнату, гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще съ начала вечера, поставлена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою скатертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра ломтиками и бутылка крѣпчайшаго хереса

изъ національнаго погребка. Со злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами, первый танцоръ и канканеръ на балѣ Пселдонимова. Онъ съ торопливою жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начать! проговорилъ онъ на-скоро, распоряжаясь.— Приходи смотришь: сдѣлаю соло вверхъ ногами, а послѣ ужина рискну *рыбку*. Это будетъ даже идти къ свадьбѣ-то. Такъ сказать, дружескій намекъ Пселдонимову... Славная эта Клеопатра Семеновна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, мрачно отвѣчалъ сотрудникъ, выпивая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа-то передъ которой пастилу поставили. Ретроградъ!—я тебѣ говорю.

— Ну, ужъ ты! пробормоталъ студентъ, и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ритурнель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ еще себѣ для большаго куражу и независимости, выпилъ, закусилъ, и никогда еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не приобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ пренебреженный имъ сотрудникъ „Головешки“, особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного капитальнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на всѣ дальнѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хоть и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на свадьбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перемѣнилось какъ волшебствомъ, всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно такъ же, какъ если бы неожиданнаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шопотъ, извѣстіе, что гость-то кажется того... подъ-шефе. И хоть дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало-по-малу стало какъ будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадрили, по-

слѣдняя передь ужиномъ, на которую такъ торопился медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новобрачной, пытаясь въ этотъ разъ донять ее какимъ-то каламбуромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ, и съ размаху сталъ на одно колѣно. Она тотчасъ же вскочила съ дивана и упорхнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула, уходя, на генерала, даже какъ будто рада была, что избавилась.

„Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, подумалъ Иванъ Ильичъ,—да и приличій они не знаютъ“.— Гм!.. ты бы, братъ Порфирій, не церемонился, обратился онъ къ Пселдонимову. Можетъ, у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распоряженій... или тамъ что-нибудь... пожалуйста, не стѣсняйся.— „Что онъ сторожить, что-ли, меня?“ прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ, все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство? спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь налить въ бокалъ его превосходительства.

— Я... я, право, не знаю, если...

Но ужъ Акимъ Петровичъ съ благоговѣнно сіяющимъ лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокалъ, онъ какъ будто украдкой, какъ будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась, налилъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣпцый палець не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. О чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорить? А развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужъ онъ имѣлъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было, что тотъ налилъ,—не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

„Старику самому хочется выпить, подумалъ Иванъ

Ильичъ, — а безъ меня не смѣть. Не задерживать же. Да и смѣшно, если бутылка такъ простоятъ между нами.“

Онъ прихлебнулъ, и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, началъ онъ съ разстановками и удавленіями, — я вѣдь здѣсь, такъ сказать, случайно и, конечно, можетъ-быть, иные найдутъ... что мнѣ... такъ сказать, не-прилично быть на такомъ... собраніи.

Акимъ Петровичъ молчалъ и вслушивался съ робкимъ любопытствомъ.

— Но, я надѣюсь, вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не вино же въ самомъ дѣлѣ я пить пришелъ... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осѣкся и опять не отвѣтилъ ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы, такъ сказать, ободрить... показать, такъ сказать, нравственную, такъ сказать, цѣль, продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акима Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генераль въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлил снова.

„А немного-жъ у тебя ресурсов“, подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Петровича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глазъ не подымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ,—двѣ болѣзненные минуты для Акима Петровича.

Два слова объ Акимѣ Петровичѣ. Это былъ человѣкъ смиренный какъ курица, самаго стараго закала, взлелѣянный на подобострастіи и между тѣмъ человѣкъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то-есть и отецъ, и отецъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особенный типъ русскихъ людей. О Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ съуженъ Петербургомъ, и, главное, мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копеечнаго преферанса, лавочки и мѣсячнаго жалованья. Они не знаютъ

ни одного русскаго обычая, ни одной русской пѣсни, кромѣ „лучинушки“, да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ, есть два существенные и незабываемые признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго русскаго. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ: „Петербургскія вѣдомости“, а всегда говорятъ: „Академическія вѣдомости“. Второй, одинаково существенный, признакъ состоитъ въ томъ, что петербургскій русскій никогда не употребляетъ слово: „завтракъ“, а всегда говоритъ „фрыштикъ“, особенно напирая на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличительнымъ признакамъ вы ихъ различите; однимъ словомъ, это типъ смиренный и окончательно выработавшійся въ послѣднія тридцать пять лѣтъ. Впрочемъ, Акимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генераль о чемъ-нибудь подходящемъ къ нему, онъ бы и отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь неприлично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы, хотя Акимъ Петровичъ умиралъ отъ любопытства узнать что-нибудь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его пресвѣтительства...

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье и въ какое-то коловращеніе идей: въ разсѣянности онъ непримѣтно, но поминутно прихлебывалъ изъ бокала. Акимъ Петровичъ тотчасъ же и усерднѣйше ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ было смотрѣть на танцы и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманіе. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцевалось въ простотѣ сердца, чтобъ веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очень немного; но неловкіе такъ сильно притопывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отличался, во-первыхъ, офицеръ: онъ особенно любилъ фигуры, гдѣ оставался одинъ, въ родѣ соло. Тутъ онъ удивительно изгибался, а именно: весь прямой какъ верста, онъ вдругъ склонялся на-бокъ, такъ что вотъ, думаешь, упадетъ; но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцевалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со

второй фигуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ, отплясывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадрилияхъ, которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывалъ все одну и ту же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставалъ отъ своей дамы, подхватывалъ кончикъ ея шарфа, и налету, при переходѣ визави, успѣвалъ влѣпять въ этотъ кончикъ десятка два поцѣлуевъ. Дама же, впереди его, плыла, какъ будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ дѣйствительно сдѣлалъ соло вверхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, топотъ и взвизги удовольствія. Однимъ словомъ, непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало-по-малу какое-то горькое сомнѣнiе начало закрадываться въ его душу: конечно, онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ ее, эту развязность, когда они всѣ пятились, и вотъ теперь эта развязность уже стала выходить изъ границъ. Одна дама, напримѣръ, въ истертомъ синемъ бархатномъ платьѣ, перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ, зашила свое платье булавками, такъ что выходило какъ будто она въ панталонахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженiю ея кавалера, медицинскаго студента. О медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какъ же это? То пятились, а тутъ вдругъ такъ скоро эмансипировались! Кажись бы и ничего, но какъ-то страненъ былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщалъ. Точно совсѣмъ они и забыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется, онъ хохоталъ первый, и даже рискнулъ аплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя, впрочемъ, съ видимымъ удовольствiемъ, и не подозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человекъ, танцуете, принужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, проходившему мимо, только что кончилась кадрили.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу, и, приблизивъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличiя разстоянiе, во все горло

прокричалъ пѣтухомъ. Это уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ-за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залпъ неудержимаго хохота, потому что крикъ пѣтуха былъ удивительно натураленъ, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ въ недоумѣннн, какъ вдругъ явился самъ Пселдонимовъ и, кланяясь, сталъ просить къ ужину. Вслѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, говорила она, кланяясь, — окажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я, право, не знаю... началъ было Иванъ Ильичъ, — я вѣдь не для того... я... хотѣлъ было ужъ идти...

Дѣйствительно, онъ держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ же, въ это самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, во что бы то ни стало уйти и ни за что не оставаться и... и остался. Черезъ минуту онъ открылъ шествіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто и опять непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ будто катится съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно, положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентричнымъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ Богъ знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ, такъ сказать, простиралъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми болями своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Пселдонимова, проклинаетъ его, жену его и свадьбу его. Мало того: онъ по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Пселдонимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ, чуть-чуть не говоря: „А чтобъ ты провалился, проклятый! Навязался на шею!..“ Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно, Иванъ Ильичъ, даже и теперь, садясь за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что

все это дѣйствительно точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балансе. Но сердце, сердце... оно ныло! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдыхъ. Вѣдь слишкомъ ужъ добрый человекъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно бы надо было уйти, и не только уйти, но даже спастись. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

Я вѣдь зачѣмъ пришелъ? Я развѣ затѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь ѣсть и пить? спрашивалъ онъ себя, закусывая селедку. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилась мгновениями иронія на собственный подвигъ. Онъ начиналъ даже самъ не понимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, не докончивъ, было невозможно. Чтѣ скажутъ? Скажутъ, что я по неприличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Чтѣ скажетъ, напри- мѣръ, завтра же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифорычъ, Семенъ Иванычъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти, чтобъ они всѣ позяли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную дѣль обнаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважаютъ меня, продолжалъ онъ. Чему они смѣются? Они такъ развязны, какъ будто безчувственные... Да, я давно подозрѣвалъ все молодое псколѣніе въ безчувственности! Надо остаться, во что бы то ни стало!.. Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ... Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величїи Россїи... я ихъ еще увлеку! Да! Можетъ-быть, еще совершенно ничего не потеряно... Можетъ-быть, такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего бы только съ ними начать, чтобъ ихъ привлечь? Какой бы это такой прїемъ изобрѣсть? Теряюсь, просто теряюсь... И чего имъ надо, чего они требуютъ?.. Я вижу, они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной-ли, Господи Боже! Да чего мнѣ-то надо... я-то чего здѣсь, чего я-то не ухожу, чего добиваюсь?.. Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокой, невыносимый стыдъ все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

Но все ужъ такъ и шло, одно къ другому.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, то-есть не такъ, какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слабѣтъ окончательно. Конечно, куражу прибавилось много, но сознание не оставляло его и кричало ему: „нехорошо, очень нехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!“ Конечно, неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ немъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, желаніе побѣды, ниспроверженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцѣ. „Что скажутъ? Чѣмъ это окончится? Что завтра-то будетъ, завтра, завтра!..“

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. „Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ“, подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣніемъ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннѣйшимъ признакамъ увѣрился теперь, что за столомъ дѣйствительно были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться.

„И за что! За что?“ думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстились всѣ человѣкъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью, кричали, говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шариками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленномъ сюртукѣ, упалъ со стула, какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина. Другой хотѣлъ непременно взлѣзть на столъ и провозгласить тостъ, и только офицеръ, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ былъ совершенно разночинный, хотя и занимался для него поваръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала; былъ галантиръ, былъ языкъ подъ картофелемъ, были котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ, наконецъ, гусь, и подъ конецъ всего бламанже.

Изъ винъ было: пиво, водка и хересь. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственно своей инициативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для гостей же прочимъ гостямъ предназначалось горское, или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ пошелъ даже ломберный. Накрывать онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли попеременно съ дамами. Родительница Пселдонимова сидѣла за столомъ не захотѣла; она хлопотала и распоряжалась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, не показывавшаяся прежде, въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти, наконецъ, изъ задней комнаты къ ужину. До сихъ поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и, очевидно, не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. По крайней мѣрѣ, ему самому такъ казалось, и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича, и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему нашепталъ. Другой, изъ учащихся, былъ, правда, совершенно ужъ пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ также и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ не совсѣмъ благонадеженъ. Но особенно и видимою ненавистью сіялъ сотрудникъ „Головешки“: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть прочіе гости и не обращали никакого вниманія на сотрудника, написавшаго въ „Головешкѣ“ только четыре стишка и сдѣлавшагося оттого либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ

Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, очевидно назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ никто другой, какъ сотрудникъ „Головешки“.

Все это, конечно, дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюдение: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ будто сталъ забываться и, главное, ни съ того, ни съ сего вдругъ фыркнуть и засмѣется, тогда какъ вовсе нечему было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хотя и налилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить, и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувствовалъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника „Головешки“. Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: рассказать имъ все откровенно, все, все, то-есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшить дамскій полъ, и, главное, какой онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ снизойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ, и, наконецъ, въ заключеніе, откровенно рассказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного, явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

„Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, я вижу ясно; они даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорю неотразимо. Они наполнять рюмки и съ крикомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже если-бъ покачать вздумали по-гусарски, я бы и этому не противился, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я поцѣлую въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Пселдонимовъ, конечно, впо-

слѣдствіи исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтскаго лоску... И хотя, конечно, нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого новаго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всё они будутъ любить меня и я выйду со славою!..“

Эти мечты, конечно, были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно—плевать. По крайней мѣрѣ, слюна вдругъ начала выскакивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгалъ щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому до того нелѣпнымъ, до того внѣ всего здраваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и выпилъ, но все-таки сидѣлъ какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ, слушая его, не только какъ будто сконфузился, но даже чего-то боялся. Пселдонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и, наклонивъ на-бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ дѣйствительно какъ будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей, онъ увидалъ, что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышаніе началъ говорить:

— Я сказалъ уже, началъ онъ какъ можно громче,— я сказалъ уже, господа, сейчасъ Акимъ Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ, вы понимаете, что я хочу ска-ка-зать... Россія переживаетъ, по моему глубочайшему убѣжденію, гу-гуманность...

— Гу-гуманность! раздалось въ другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачивалъ головою, какъ бы усовѣ-

щевал гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! упорно продолжалъ онъ, и давеча... и именно давеча я говорилъ Степану Ники-ки-форовичу... да... что... что обновленіе, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! громко раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? отвѣчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть, кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я увлекся, продолжайте! Про-дол-жайте! послышался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей.

— Ваше превосходительство! крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ нарушителю порядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно наклюкавшійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканъ и двѣ тарелки, утверждая, что на свадьбѣ какъ будто бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекать крикуна.

— Что ты, чего орешь? Вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! Продолжайте! кричалъ развеселившійся школьникъ, развалясь на стулѣ,—продолжайте, я слушаю и очень, о-очень, о-очень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! шопотомъ подсказалъ Пселдонимовъ.

— Вижу, что пьяный, но...

— Это я рассказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! началъ офицеръ,—про одного поручика нашей команды, который точно такъ же разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвально, па-хвально! Его еще десять лѣтъ назадъ за это изъ службы выключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! Сошелъ съ ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подъ арестъ... Начальникъ родительскимъ

образомъ усовѣщеваль, а тотъ ему: па-хвально, па-ахвально! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подь судъ отдать, но замѣтили, что помѣшанный.

— Значить... школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго. Я съ своей стороны готовъ простить...

— Медициной свидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ!

— Какъ! Ана-то-мировали?

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! закричалъ онъ, на первое время даже почти не заикаясь,—я очень хорошо въ состояніи различить, что живого не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ въ помѣшательствѣ былъ уже не живой... то-есть умеръ... то-есть я хочу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ... да, и люблю Пор... Порфирія... Я унижаю себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто. Пселдонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человекъ, ваше превосходительство, снова было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унижилъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи, если я пришелъ... да... да, на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчаніе, да еще на такой категорическій вопросъ. „Ну, что бы имъ, что бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!“ мелькнуло въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни

живъ, ни мертвъ, а Пселдонимовъ, нѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся:

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ?

Вдругъ сотрудникъ „Головешки“, уже сильно пьяный, но сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился прямо къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества:

— Да-съ! закричалъ онъ громкимъ голосомъ, — да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Рет-ро-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! Съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами, и, во-вторыхъ, я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это! вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что оставился какъ столбъ и совершенно не зналъ, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали „браво, браво!“

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью:

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы помѣшали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозреваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ женъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кинжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте покоиться! энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ задалъ ему нѣсколько тумаконъ въ спину, и вытолкалъ его въ двери.

— Всѣ вы подлецы! кричалъ сотрудникъ, — я васъ всѣхъ завтра же въ „Головешкѣ“ окарикатурю!..

Всѣ повскакали съ мѣстъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала, — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ генераль, — я уничтоженъ... я пришелъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно, желая уйти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ..

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенія сохраняютъ они сознание и потомъ вдругъ падаютъ какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознание. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали послѣшно расходиться, каждый по-своему толкуя о происшедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покамѣстъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ избранное нами теченіе разсказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріи Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяцъ до своего брака, онъ погибалъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи, гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получилъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Пселдонимовыхъ осталось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ погибали вдвоемъ на морозѣ и питались сомнительными матеріалами. Бывали дни, что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на Фонтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто, онъ кое-

какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинелишку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросомъ: давно-ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ, и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ-ли онъ, созидаль-ли планы и системы, мечталъ-ли о чемъ-нибудь? Но вмѣстѣ того въ немъ вырабатывалась какая-то инстинктивная, кряжевая, бессознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо, и они тотчасъ же вновь начнутъ созидать его, разорите другой разъ, и другой начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На лбу его было видно, что онъ добьется дороги, устроить гнѣздо и, можетъ-быть, даже скопить и про запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы и жили они въ своихъ углахъ, можетъ-быть, еще лѣтъ пять или шесть до перемѣны обстоятельствъ, если-бъ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ назначаемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ со своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то когда-то обязанъ. Деньжонки у него водились, конечно, небольшія, но они были, сколько ихъ дѣйствительно было,—про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того больной человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: „я, дескать, знаю его, отецъ его былъ хорошій человѣкъ и сынъ будетъ хорошій человѣкъ“. Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: сказано—сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большею частію онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему

однакожь пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непрерывно кого-нибудь и непрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея рассказывать ему сказки изъ „тысячи одной ночи“. Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбницами, ругать ихъ поминутно и на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, не исключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли передъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ онѣ чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдствовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ, своимъ мужемъ, и, наконецъ, овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не могъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріаль, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣснилась въ деревянномъ домѣ на Петербургской, не додала, потому что старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ копейками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потому что старикъ страдалъ безсонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ, все это бѣдствовало и проклинали судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и смиреннымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую шule, но изъ нея почти ничего, кромѣ азоровъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ костылемъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетней, шпіонствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маменьки и приживалокъ, зла и сварлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ

сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстину имя записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки чего-нибудь стоившій. Сверхъ того, давали четыреста рублей,—когда-то ихъ самъ-то накопишь! „Я вѣдь къ чему беру въ домъ чело-вѣка? кричалъ пьяный самодуръ.—Во-первыхъ, для того, что всѣ вы бабье, а мнѣ надоѣло одно бабье. Я хочу, чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Во-вторыхъ, потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну, такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Чтѣ сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидитъ. Всѣхъ изгони и клюку наготовлю“.

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужъ рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до свадьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на свадьбу. Старикъ имъ покровительствоваъ, можетъ-быть, именно потому, что все семейство на нихъ злостовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ, самого Пселдонимова заставилъ еще за недѣлю до свадьбы проплясать передъ собой казачка.— „Ну, довольно, я хотѣлъ только видѣть, не забываешься-ли ты передо мной“, сказалъ онъ по окончаніи танца. Денегъ онъ далъ на свадьбу въ обрѣзъ, и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ „Головешки“ и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ, что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужъ такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ. Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ, и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась перемѣнить гнѣвъ на милость и выйти къ балу

и ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться, зачѣмъ ее не предупѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣрили, что онъ пришелъ самъ незванный—она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Пселдонимова нашелся одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копейки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовѣщевали. Она дала, наконецъ, собственныя деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу желчи и потату, что онъ, уже неоднократно вбѣгая въ комнатку, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ, чего стоили двѣ бутылки джаксона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Каковы же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и, можетъ-быть, на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, укору безтолковой невѣстиной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застилали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой, и непременно карету, потому что на ванькѣ въ такомъ видѣ и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева, взбѣшенная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни копейки. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ не было ни копейки. Гдѣ взять? Что дѣлать? Да, было отчего теревить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣстъ перенесли на маленькій кожаный диванъ, стоявшій тутъ же въ столовой. Покамѣстъ убирали со столовъ и разбирали ихъ, Пселдонимовъ бросался во все углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побезпокоить Акима Петровича, оставшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть

и добрый человекъ, услышавъ о деньгахъ, пришелъ въ такое недоумѣнье и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни:

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, бормоталъ онъ, — а теперь... право меня извините...

И, взявъ шапку, поскорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, рассказывавшій про сонникъ, еще пригодился на что-нибудь; да и то некстати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Пселдонимова. Наконецъ, Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покамѣстъ, до кареты, испробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то: смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на Петербургской даже и ванекъ въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извозчикамъ куда-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились, однакожъ, на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибылъ въ нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перемѣнилось рѣшеніе. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой стало совершенно невозможнымъ и даже рискованнымъ. „Еще что изъ этого выйдетъ?“ говорилъ совершенно обезкураженный Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ: если ужъ оставить больного дома, то куда же перенести его и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели, или, лучше сказать, обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушенныхъ, то-есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить больного? Перина-то бы еще, пожалуй, и нашлась, — можно было вытащить изъ-подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ

постлатъ. Оказалось, что постлатъ надо въ залѣ, такъ какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ нѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлатъ? Неужели на стульяхъ? Извѣстно, что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимназистамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было бы очень неуважительно. Чтò сказалъ бы онъ на завтра, увидя себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнаткѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двухспальный, еще необновленный, новокупленный матрацъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ коленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узорами. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ, и гости, почти всѣ перебивавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Пселдонимова, но въ продолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотреть. Каково же было ея негодованіе, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то въ родѣ холерины! Маинька новобрачной вступилась было за нее, бранилась, обѣщалась на завтра же жаловаться мужу; но Пселдонимовъ показалъ себя и настояль: Ивана Ильича перенесли, а новобрачнымъ постлали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была щипаться, но послушаться не посмѣла: у папаша былъ костыль, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непременно завтра потребуетъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже не нужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривенника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявилъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось—подробно не знаю. Кажется, юноша отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую Рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшего у своихъ знакомыхъ, и

попытаться: нѣтъ-ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она пріютилась на полу, на коврикѣ, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потому что принуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однакожь, несчастія этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло десяти минутъ послѣ того, какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздрающій крикъ, не отраднѣй крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ будто паденіе стульевъ, и вмигъ въ комнату, еще темную, наожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ во всевозможныхъ дезабилье. Эти женщины были: мать новобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ больныхъ дѣтей, три ея тетки, приплелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже приживалка-нѣмка, рассказывавшая сказки, изъ-подъ которой вытащили силой для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, приплелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины, уже съ четверть часа какъ пробрались изъ кухни, черезъ коридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемая самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ, кто-то наскоро зажегъ свѣчку и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, не выдержавшіе двойной тяжести и подпиравшіе широкую перину только съ краевъ, развѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Со всѣхъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но маинька новобрачной на этотъ разъ одержала полный

верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тему: „какой ты, батюшка, мужъ послѣ этого? Куда ты, батюшка, годенъ послѣ такого сраму?“ и прочее и, наконецъ, взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя отвѣтственность на завтра передъ грознымъ отцомъ, потребоющимъ отчета. За нею убралась и всѣ, ахая и покивая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его и попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьѣ, такъ, какъ былъ, босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ-то машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣсились танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папиросный дымъ. Окурки папирозъ и конфетныя бумажки все еще валялись на залитомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутые стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжелыя мысли, какъ, напримѣръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? Онъ мучительно сознавалъ, что надо перемѣнить мѣсто службы, во что бы ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего, что случилось въ сей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который, пожалуй, завтра же заставитъ его плясать казачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хоть и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный день, которые ушли до копейки, но четыреста рублей приданыхъ не думалъ еще отдавать, даже и помину о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, ставившемся на одно колѣно передъ его женой. Онъ это уже успѣлъ замѣтить; думалъ онъ о семи бѣсахъ, сидѣвшихъ въ женѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно, онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала, наконецъ, такіе сюрпризы, что можно было, наконецъ, и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ гореваль Пселдонимовъ. Между тѣмъ огарокъ погасаль. Мерцающій свѣтъ его, падавшій прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ, когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогшій и онемѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями, и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, вползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свинцовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ, должно быть, спять приговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться и съ той мучительной ночью, которую провель Иванъ Ильичъ Пранинскій на брачномъ ложѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе непріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше, если бы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ, все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнаваль, напрімѣръ, мать Пселдонимова, слышалъ ея незлобивыя увѣщанія въ родѣ: „потерпи, мой голубчикъ, потерпи, батюшка, стерпится-слюбится“, узнаваль и не могъ, однако, дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему: чаще всѣхъ представлялся ему Семень Ивановъ; но, взглядываясь пристальнѣе, онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семень Ивановъ, а носъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ, и старуха съ подвязанной щечкой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были занавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату, и все добивался мысленно: къ чему служитъ это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? Онъ нѣсколько разъ спрашиваль объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились, и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проспаль около часу и когда проснулся, то былъ уже

почти въ полномъ сознаніи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Опъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшася дня, пробравшись сквозь щели ставень узкою плоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильичъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ все приключенія за ужиномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все, что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ, наконецъ, до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на стулѣ свое платье, въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шапкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомойникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомойникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непременно.

— Какъ же, батюшка, умойся, нельзя же не умывшись-то...

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, которое онъ бы могъ теперь не стыдиться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжелыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызений совѣсти, и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукомойникомъ, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, копеекъ въ пятнадцать цѣною, очевидно купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу, и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Хо-

лодная вода освѣжила его, онъ утерся, и, не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плеча шубу, поданную ему Пселдонимовой, и черезъ коридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ, съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжала на дворъ, на улицу и бросилась къ проѣзжавшему извозчику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще дома и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднялъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно, чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ и, должно-быть, они зачлись ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право, были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣніе, отверстыи гробъ, житье въ уединенной кельѣ, лѣса и пещеры; но, очнувшись, онъ почти тотчасъ же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные припадки, имѣвшіе въ виду его existence manquée. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его, разомъ овладѣвалъ ею и все выжигалъ и растравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шопоть его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже ипогда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью чело-вѣчества. Во всякомъ случаѣ надо было непремѣнно перемѣнить всѣхъ знакомыхъ, и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усиленной строгости

съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободряться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвѣстности и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ, какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непременно услышитъ за собою двусмысленный шопотъ, увидитъ двусмысленныя лица, пожнетъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почтительно; ему кланялись; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ же и пресерьезно занялся дѣломъ, выслушала нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не разсуждалъ и не рѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ, явился и Акимъ Петровичъ, съ какими-то бумагами. При появленіи его что-то какъ будто кольнуло Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся съ Акимомъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему, какъ надо сдѣлать, и разъяснял. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ будто избѣгаетъ слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича или, лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боится глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, началъ онъ какъ можно суше, — чиновника Пселдонимова о переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семень Ивановичъ Шипуленко общали ему мѣсто. Просить вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, сказалъ Иванъ Ильичъ, и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича, и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Что-жь, я съ моей стороны... я употреблю, отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, — я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, — передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю!... Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ осѣкся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то уторопленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пятиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или, лучше сказать, добраться поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все его лицо. Ему стало вдругъ до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — „Не выдержалъ!“ сказалъ онъ про себя, и въ безсиліи опустился на стулъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Ф. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Безплатное приложение къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

Дозволено цензурою. СПБ. 21 апрѣля 1894 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъячская, д. № 1.

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ

О

ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ *).

ГЛАВА I.

Вмѣсто предисловія.

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто втупикъ. Чтò я вамъ напишу? Чтò расскажу новаго, еще не извѣстнаго, не рассказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (т. е. читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Къ тому же, кромѣ сихъ общихъ соображеній, вы специально знаете, что мнѣ-то особенно нечего рассказывать, а ужъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потому что я самъ ничего не видалъ въ порядкѣ, а если чтò и видѣлъ, такъ не успѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза, и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что-нибудь порядочно разглядѣть, проѣхавъ столько дорогъ въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я составилъ себѣ заранее еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу:

*) Въ первый разъ напечатаны въ журналѣ „Время“ 1863 г., II, III.

рвался я туда чуть не съ моего первого дѣтства, еще тогда, когда въ долгіе зимніе вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ, разиня ротъ и замирая отъ восторга и ужаса, какъ родители читали на сонъ грядущій романы Ратклифъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я, наконецъ, за границу сорока лѣтъ отъ роду и, ужъ разумѣется, мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непременно все, несмотря на срокъ. Къ тому же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! „Пусть не разгляжу ничего подробно, думаль я, зато я все видѣлъ, вездѣ побываль, зато изъ всего видѣннаго составится что-нибудь цѣлое, какая-нибудь общая панорама. Вся „страна святыхъ чудесъ“ представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета, какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ, получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе“. Вѣдь я теперь, сидя дома, о чемъ тоскую наиболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ странствованіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побываль, а въ Римѣ, на примѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я бы, можетъ-быть, пропустилъ папу... Однимъ словомъ, на меня напала какая-то неутолимая жажда новаго, переменны мѣстѣ, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну, чего-жъ послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Чтѣ я вамъ расскажу? Чтѣ изобразю? Панораму, перспективу? Чтѣ-нибудь съ птичьяго полета? Но, пожалуй, вы же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того, я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ и мнѣ вовсе не хотѣлось бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ начну изображать и описывать хотя бы только одну панораму, то вѣдь непременно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ, просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, на примѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе, и пробылъ я въ немъ всего одніи сутки. И я знаю теперь, что я виноватъ передъ Берлиномъ, что я не смѣю положительно утверждать, будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужъ, по крайней мѣрѣ, хотъ кислосладкое, а не просто кислое. А отчего произошла пагубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я,

больной человекъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ, до Берлина и, пріѣхавъ въ него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣ же кордонныя улицы, тѣ же запахи, тѣ же... (а, впрочемъ, не пересчитывать же всего того же)! Фу, ты, Богъ мой, думалъ я про себя,—стоило-жъ себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать то же самое, отъ чего ускакалъ? Даже липы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинецъ жертвуетъ всѣмъ изъ самаго дорогого. даже, можетъ-быть, своей конституціей; а ужъ чего дороже берлинцу его конституціи? Къ тому же сами берлинцы, всѣ до единого, смотрѣли такими нѣмцами, что я, не посягнувъ даже и на фрески Каульбаха (о, ужасъ!), поскорѣе улизнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмками провинился; мнѣ вдругъ вообразилось, только что я вышелъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ пѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый развеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно бы здѣсь потерялся и даже, можетъ-быть, усомнился бы въ своемъ призваніи. Я, конечно, въ ту же минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротаясь въ свой номеръ въ гостиницѣ и высунувъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую черную клевету. Языкъ мой былъ желтый, злокачественный... „И неужели, неужели человекъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печенки, подумалъ я,—что за низость!“ Съ этими утѣшительными мыслями я отправился въ Кельнъ. Признаюсь, я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то-есть мѣсяць спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ „на колѣняхъ просить у него прощенія“ за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точь-въ-точь какъ Карамзинъ, съ такою же цѣлью

становившійся на колѣни передъ рейнскимъ водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился, мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево, галаптерейная вещица въ родѣ прессъ-папье на письменный столъ, сажень въ семьдесятъ высоту. „Величественнаго мало“, рѣшалъ я, точно такъ, какъ въ старину наши дѣды рѣшили про Пушкина: „легко, дескать, слишкомъ сочиняетъ, мало високаго“. Я подозрѣваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонъ. Жанъ-Маріа-Фарина находится тутъ же подлѣ собора и въ какомъ бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, какъ бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и отъ Жанъ-Маріа-Фарины въ особенности, его кліенты васъ найдутъ непременно и ужъ тутъ: „одеколонъ ou la vie!“—одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать слишкомъ навѣрное, что такъ и кричатъ именно этими словами: „одеколонъ ou la vie!“ но кто знаетъ—можетъ-быть и такъ. Помню, мнѣ тогда все что-то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ, конечно, превосходный и городъ справедливо гордится имъ, но мнѣ показалось, что ужъ слишкомъ гордится. Разумѣется, я тотчасъ же на это разсердился. Притомъ же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благоразумную пошлину съ такимъ видомъ, какъ будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую-то неизвѣстную мнѣ мою провинность. Я не знаю, но мнѣ показалось, что нѣмецъ куражится. „Вѣрно догадался, что я иностранецъ, и именно русскій“, подумалъ я. По крайней мѣрѣ, его глаза чуть не проговорили: „Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій,—ну, такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всяки нѣмецки человѣкъ, потому что у тебя нѣтъ такого моста“. Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ, конечно, этого вовсе не говорилъ, даже, можетъ, и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хочеть сказать, что вскипѣлъ окончательно. „Чортъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ... у насъ есть журналы... у насъ дѣлають офицерскія вещи... у насъ...“ Однимъ словомъ, я разсердился и, купивъ склянку одеколону (отъ которой ужъ никакъ не могъ отвертѣться),

немедленно усакалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько же, на Кельнѣ положите хоть три дня, ну хоть два, и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянулъ бы на тѣ же предметы другими глазами и составилъ бы о нихъ болѣе приличное понятіе. Даже лучъ солнца, простой какой-нибудь лучъ солнца тутъ много значилъ: сіяй онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой приѣздъ въ городъ Кельнъ, и зданіе навѣрно бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ, какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку узвѣннаго патріотизма. Хотя изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. Итакъ, вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть и я не могу доставить вамъ самыхъ точныхъ свѣдѣній. Я поневолѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому...

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что за нужду вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что, напротивъ, было бы вовсе недурно, если-бъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достигъ онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искренностью; не боялся бы иногда не скрыть иного личнаго своего впечатлѣнія или приключенія, хотя бы оно и не доставляло ему большой славы, и не справлялся бы съ извѣстными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выводы. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! вослищаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ налету. На это согласенъ и тотчасъ же справлюсь съ записной моей книжкой. И простодушнымъ быть постараюсь, насколько могу. Прошу только помнить, что, можетъ-быть, очень многое, что я вамъ напишу теперь, будетъ съ ошибками. Разумѣется, не все же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться, наприимѣръ, въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Баль-Мабиль. Особенно послѣдній фактъ до того засвидѣтельствованъ всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти

нельзя сомнѣваться. Въ этомъ-то, можетъ, и я не ошибусь, а, впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну, такъ посудите же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ же Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно, конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, но все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставляющее мнѣ большой славы (то есть я, пожалуй, и видѣлъ издали, сажень за двѣсти, да торопился въ Пентонвилъ, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете-ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьяго полета (съ птичьяго полета не значитъ *высока*. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяцъ безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну, вотъ я вамъ и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядѣлъ, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

ГЛАВА II.

Въ вагонѣ.

„Разсудка французъ не имѣеть, да и имѣть его почель бы за величайшее для себя несчастье“. Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтїи Фонвизинъ и, Боже мой, какъ, должно-быть, весело она у него написалась. Бьюсь объ закладъ, что у него щекотало отъ удовольствїя на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ, и всѣ-то мы послѣ Фонвизина, три-четыре поколѣнья сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденїя. Всѣ подобныя, отдѣлывающїя иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ русскихъ что-то неотразимо прїятное. Разумѣется, только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ самихъ себя втайнѣ. Тутъ слышится какое-то мщенїе за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я какъ-то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы, разумѣется, бранимся, если насъ въ этомъ подозрѣваютъ, и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ, я думаю, самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню, съ какимъ благоговѣнїемъ,

доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонялся передъ Западомъ, то-есть передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція,— это было въ сорокъ шестомъ году. И не то, что, напримеръ, обожались такія имена, какъ Жоржъ-Зандъ, Прудонъ и проч., или уважались такіе, какъ Луи-Вланъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какіе-нибудь, самыя мизерныя фамилишки, которыя тотчасъ же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шопотомъ благоговѣнія... И что же? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Вѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло, а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и, повидимому, презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ-быть, это слово Фонвизина даже и Вѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то нравится. О, ради Бога, не считайте, что любить родину, значить, ругать инностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не намѣренъ думать, и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то яснѣе мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужъ не думаете-ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ, отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь сижу въ вагонѣ и przygotowляюсь на завтра къ Эйдкунену, то-есть къ первому заграничному впечатлѣнію, и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу, наконецъ, Европу, я, который бесплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и пресерьезно, какъ Вѣлопяткинъ у Некрасова:

„Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію?“

но не бѣжалъ, и вотъ теперь я вѣзжаю, наконецъ, въ „страну святыхъ чудесъ“, въ страну такихъ долгихъ томленій и ожиданій моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣро-

ваній. Господи, да какіе же мы русскіе?—мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ же вагонѣ. Дѣйствительно-ли мы русскіе въ самомъ-то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣніе? То-есть я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну, вотъ про тѣхъ простыхъ русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ милліоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерьезно за никого считаемъ и надъ которыми глубокіе сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они борода не бреютъ. Нѣтъ, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все, что есть въ насъ развитія, науки, искусства, гражданственности, человѣчности, все, все вѣдь оттуда, изъ той же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самага перваго дѣтства сложилась. Неужели же кто-нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились—съ этимъ, я думаю, всѣ согласятся, одни съ радостію, другіе, разумѣется, со злобою за то, что мы *не доспѣли* до перерожденія. Это ужъ другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ, и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки-жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было-бъ Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ, можетъ-быть, и не было-бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ? Неужели же не вздоръ! А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну, что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужъ Пушкинъ-ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣ-

ческаго духа съ родной землей, что оторваться от нея ни за что нельзя, и хоть и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротиться. Вѣдь не съ неба же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство, и хоть оно и сформировалось впоследствии въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и, можетъ-быть, гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то, можетъ-быть, пошире ихъ формулы залегаетъ. Ужъ какъ трудно съ перваго раза даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финалъ выходитъ иногда совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли поневолѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти, впрочемъ, отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно праздно въ вагонѣ сидѣть, ну, вотъ точь-въ-точь такъ же, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хоть и везутъ тебя, хоть и заботятся о тебѣ, хоть подчасъ даже такъ убаюкиваютъ, что, кажется бы, и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска, и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, потому что ужъ слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди, да жди, когда еще доведутъ. Право, иной разъ такъ бы и выскочилъ изъ вагона, да сбоку, подлѣ машины, на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашель и самъ его дѣлаю, зато, если случится, что столкнутся вагоны и полетятъ вверхъ ногами, такъ ужъ не буду сложа руки запертый сидѣть, своими боками за чужую вину отвѣчать...

Богъ знаетъ, что иногда на бездѣльѣ вздумается!

А между тѣмъ ужъ смеркалось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и жена, уже пожилые, помѣщики, и, кажется, хорошие люди. Они спѣшили на выставку въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживавшій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по коммерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли приѣзжавшій теперь по дѣламъ въ Петербургъ, и, кажется, совершенно потеряв-

шій понятіе о тоскѣ по родинѣ. Слѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ приборомъ на головѣ и усиленно серьезный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго маленькаго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читалъ, не отрываясь, какую-то книжку той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно, это такъ заведено у него было всю жизнь и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали; свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думалъ-думалъ, и, ужъ не знаю какъ, додумался до того, что „разсудка французъ не имѣеть“, чѣмъ и началъ эту главу. А знаете-ли вы, что меня что-то подмываетъ, пока мѣстъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну, такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ, другихъ читателей надобно выгородить, а для этого включу-ка я всѣ эти размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *лишней*. Вы-то надъ ней поскучайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣстливо, ну, а съ друзьями можно и покороче. Итакъ:

ГЛАВА III

и совершенно лишняя.

Это, впрочемъ, были не размышленія, а такъ какія-то созерцанія, произвольныя представленія, даже мечтанія „о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ“. Во-первыхъ, я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о чело-вѣкѣ, сотворившемъ вышеприведенный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того, ни съ сего раздумался, именно по поводу афоризма. Этотъ чело-вѣкъ по своему времени былъ большой либераль. Но хоть и такъ скалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади, для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой

ность за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами, и рѣшилъ, что „разсудка французъ не имѣть“, да еще и имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастіе. Кстати, ужъ не думаете-ли вы, что я заговорилъ о шпажонкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ Фонвизину? Ничуть не бывало! Не зипунъ же было ему надѣвать на себя, да еще въ то время, когда и теперь иные господа, чтобы *быть русскими* и слиться съ народомъ, не надѣли таки зипуна, изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ, ужъ, по крайней мѣрѣ, французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: „барина, дескать, видно, не въ зипунѣ-жъ ходить барину“. Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и повадился было въ немъ на сходки ходить; такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ говорятъ промежь себя: „Чего къ намъ этотъ ряженный таскается?“ Да такъ вѣдь и не слился съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ, ужъ я, сказалъ мнѣ другой господинъ, — нѣтъ, ужъ я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракѣ ходить. Дѣло-то я буду дѣлать, а виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и расчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду, если понадобится. Больше уважать будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

„Фу, ты, чортъ! подумалъ я.—Точно на иноплеменниковъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только“.

— Да, сказалъ мнѣ третій, впрочемъ, премилѣйшій господинъ, — я вотъ куда-нибудь припишусь, а меня вдругъ на сходкѣ мірскимъ приговоромъ за что-нибудь высѣчь приговорятъ. Ну, что тогда будетъ?

— А хошь бы и такъ, захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потому что струсиль.—Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ инья наши мысли высказывать?—Хошь бы и такъ, думалось мнѣ про себя, хошь и высѣкли бы, что-жъ? Такіе обороты дѣла называются у профессоровъ эстетики трагическимъ въ жизни и больше ничего. Неужели-жъ изъ-за этого только особнякомъ отъ

всѣхъ жить? Нѣтъ, ужъ коли всѣ, такъ ужъ совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ и ужъ совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жены и дѣти.

— Да, помилуйте, какія тутъ жены и дѣти! закричалъ бы мнѣ мой противникъ, — выдраль бы мѣръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую-нибудь, что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужъ это и общее дѣло.

— Ну, да, оно, конечно, смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, рукъ марать не хочется. Даже и говорить-то о немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мѣрской приговоръ: ни одной-таки розочки не досталось бы моему милѣйшему спорщику, если-бъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мѣрскому приговору. „Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ на то и сидѣнье, чтобъ его стегать“, порѣшили бы мѣръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина...

— Ретроградство! закричалъ кто-нибудь, прочтя это. — За розги стоятъ! (Ей-Богу, кто-нибудь изъ этого выведетъ, что я за розги стою).

— Да помилуйте, про что вы говорите, скажетъ дружкой. — Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ же тутъ Парижъ?

— Да что же это, прибавитъ третій, — обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, отвѣчаю я, — но, позвольте, вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣнiяхъ. Такъ ужъ къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. Притомъ же, подѣзжая къ Эйдкунену, я, помню, особенно раздумался про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню, что инья мечтанія мои были въ этомъ же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отражалась Европа и постоянно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все тутъ какъ бы лиш-

нее. Да я же васъ и предувѣдомилъ, что вся глава лишняя. А, впрочемъ, на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну, такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда „Бригадира“. „Бригадиръ“ былъ по-тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эффектъ. „Умри, Денисъ, лучше ничего не напишешь“, говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ бы съ-пронья зашевелились. Что-жь, неужели-жь и тогда, продолжалъ я свои произвольныя созерцанія, ужъ наскучило людямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ однѣхъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю, и хочу кстати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы, напримѣръ, всѣ безъ дѣла и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло нашлось, вотъ мы такъ всѣ и накинемся и непремѣнно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужъ думаемъ, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха къ тому же. Это у насъ чуть не раньше „Бригадира“ еще началось, конечно, тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ — и неизмѣнно до сихъ поръ продолжается: нашли дѣло и визжимъ отъ восторга. Увизжаться и прорваться отъ восторга—это у насъ самое первое дѣло; смотришь, года черезъ два и расходимся врозь, повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хоть еще сто разъ начинай. Что же касается до другихъ помочей, то въ фонвизинское время въ массѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самыя святыя, самыя европейскія помочи и самая милая опека. Конечно, и теперь мало сомнѣвающихся. Вся наша крайне-прогрессивная партія до ярости стоитъ за чужія помочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно, какъ это мы горы тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это всѣ эти наши алаунскія плоскія возвышенности, парголовскія вершины, валдайскія пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда, упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что:

Ляжетъ на горы, горы трещать

и что

Башни рукою за облака бросаетъ.

Но, кажется, это была только метафора. Кстати, господа:

я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. По ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное вліяніе Европы на наше отечество. То-есть, какія тогда (до „Бригадира“ и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокоумія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полнаго собранія своихъ сочиненій. Ну, такъ вотъ разъ напечаталъ онъ въ смѣси, въ „Современникѣ“, очень давно уже, „Записки моего дѣда“. Вообразите, что могъ записать тогда этотъ дебелый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, выдавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очковымъ, воротившійся въ свою вотчину и принявшійся за свои воспоминанія. То-то должно-быть интересно было записать. Чего-чего не перевидалъ человѣкъ! Ну, такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ:

„Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона. Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона въ присутствіи короля хладнокровно спрашивала: „Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту или хвостъ къ собакѣ?“ На что сей кавалеръ, будучи въ отвѣдахъ весьма искусенъ, нисколько не смитеннымъ, но, напротивъ, постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: „Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову взять невозбранно“. Сей отвѣтъ оному королю большое удовольствіе причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался“.

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣда и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично въ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой я прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда же его затвердилъ наизусть,—такъ онъ приманилъ меня—и съ тѣхъ поръ не забылъ:

„Остроумный отвѣтъ кавалера де-Рогана. Извѣстно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рта пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: „Отстранитесь, кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ“. На что сей кавалеръ немедленно отвѣтствовалъ: „Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только что встаете съ постели“.

То-есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми-Митрофанушками,

ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до само-
забвенія; и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и востор-
женно читаетъ по складамъ подобные анекдоты, да еще
принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не
за обязанность по службѣ. И что за наивная тогдашняя
вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европей-
скихъ извѣстій. „Извѣстно, дескать, что у кавалера де-
Рогана весьма дурно изо рту пахло...“ Кому извѣстно,
зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ Тамбовской гу-
берніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это за-
хочетъ? Но подобные вольнодумные вопросы дѣда не сму-
щаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что
сіе „собранье острыхъ словъ“ при дворѣ извѣстно, и до-
вольно съ него. Да, конечно, тогда намъ легко давалась
Европа, физически, разумѣется. Нравственно-то, конечно,
обходилось не безъ плетей. Напяливали шелковые чулки,
парики, привѣшивали шпажонки — вотъ и европеецъ. И
не только не мѣшало все это, но даже нравилось. На
дѣлѣ же все оставалось попрежнему: такъ же, отложивъ
де-Рогана (о которомъ, впрочемъ, только всего и знали,
что у него весьма дурно изо рту пахло) въ сторону и снявъ
очки, расправлялись съ своей дворней, такъ же патриар-
хально обходились съ семействомъ, такъ же драли на ко-
нюшнѣ мелкопомѣстнаго сосѣда, если сгрубить, такъ же
подличали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику было
понятнѣе: меньше его презирали, меньше его обычаемъ
брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему,
меньше нѣмцами. А что важничали передъ нимъ, такъ
какъ же барину не поважничать, — на то баринъ. Хоть и
до смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то ми-
лѣе теперешнихъ, потому что были больше свои. Однимъ
словомъ, всѣ эти господа были народъ простой, кряже-
вой; до корней не доискивались, брали, драли, крали,
спины гнули съ умилениемъ, и мирно и жирно проживали
свой вѣкъ „въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ“.
Мнѣ даже сдается, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ
и наивны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Монбазоновъ.

Даже, можетъ, и пребольшіе подчасъ были плуты и
себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европей-
скимъ вліяніямъ сверху. Вся эта фантазмагорія, весь этотъ
маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, па-
рики, шпажонки, всѣ эти тяжелыя, неуклюжія ноги, влѣ-
завшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатикъ въ

нѣмецкихъ парикахъ и штиблетахъ, все это, мнѣ кажется, были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно, можно быть и подъячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ, и въ то же время пренаивно и трогательно быть увѣрену, что кавалеръ де-Роганъ и есть самый „субдительный суперфлю“. Но вѣдь это ничему не мѣшало: Гвоздиловы гвоздили попрежнему, нашихъ де-Рогановъ нашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть не сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живого и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шелковыхъ чулкахъ давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагахъ,

Отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ, вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ тогда, начиная съ Петербурга — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земного шара.

Ну, теперь ужъ не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужъ мы вполнѣ европейцы и доросли. Теперь ужъ самъ Гвоздиловъ сноровку держать, когда гвоздить приходится, приличіе наблюдаетъ, французскимъ буржуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и, какъ сѣверо-американецъ южныхъ штатовъ, текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ, защита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходитъ. Вотъ пріѣду туда — самъ своими глазами увижу, думалъ я. Никогда изъ книгъ не научишься тому, что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софья, представительницѣ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ Фонвизинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ „Бригадирѣ“, а дурѣ-бригадиршѣ, которую ужъ онъ до того поддѣлывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя она говорить, точно не она говорить, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой дурой, даже и дурной женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ будто боялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобъ

такая фраза изъ устъ благовоспитанной по оранжерейному Софьи выскочила, и почель какъ бы натуральнѣе, чтобъ ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоить вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ-быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная-изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмельной, такъ вѣришь-ли Богу, мать моя, что гвоздить ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни выпеси за што. Ну, мы наша сторона дѣло, а ино наплачешься на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте рассказывать о томъ, что возмущаетъ челоуѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты и *слушать* объ этомъ не хочешь, каково-жъ было *терять* капитаншѣ?

Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у Фонвизина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздить свою капитаншу, и чуть-ли еще не съ большимъ комфортомъ, чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ, прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того, дескать, и бью. Даже жены, говорятъ, безпокоились, если ихъ не били: не бьетъ, значитъ, не любить. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужъ и это подверглось развитію. Теперь ужъ Гвоздиловъ гвоздить чуть не изъ принципа, да и то потому, что все еще дуракъ, то-есть челоуѣкъ стараго времени, новыхъ порядковъ не знаетъ. По новымъ порядкамъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о немъ до сихъ поръ у насъ пишутъ преглубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надоѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, несмотря на всѣ статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сытъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и, какъ капитанъ Копѣйкинъ, „въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ“. Жена его ужъ давно не „изрядная-

изрядная молодка“, какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и поблѣднѣло, морщины и страданія избороздили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, бессонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горячими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть, пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безгранично-прощающей любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, не правда-ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то-есть порѣже, приличіе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтись не можетъ; онъ расчетливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужъ стоскуется. Ну, а вѣдь какъ хотите, это прогрессъ, все-таки утѣшеніе. Мы же такіе охотники до утѣшеній...

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще не очень красиво; зато сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужъ народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ,—а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Теперь ужъ мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныя, что даже относимся къ нему съ какою-то новою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Рогановъ, а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Зато какъ же мы теперь самоувѣренны въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, народа нѣтъ, національность—это только извѣстная система податей, душа—*tabula rasa*, вощичекъ, изъ котораго можно сейчасъ же вылѣпить настоящаго человѣка, общечеловѣка всемірнаго, гомункула—стоитъ только приложить плоды европейской цивилизаціи, да прочесть двѣ-три книжки. Зато какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потому что ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и

подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствіемъ мы отхлестали, наиримѣръ, Тургенева за то, что онъ осмѣлился не успокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеаль, а искалъ чего-то получше, чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, Господи помилуй! Да что же насъ краше и безошибочнѣе въ подсолнечной? Ну, и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца), несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ напоказъ, да еще прибавили, что онъ идетъ противъ эмансипаціи женщины. А вѣдь это все прогрессъ, какъ хотите. Теперь мы съ такою капральскою самоувѣренностью, такими фельдфебелями цивилизаціи стоимъ надъ народомъ, что любо-дорого посмотрѣть: руки въ боки, взглядъ съ задоромъ, смотримъ фертомъ, — смотримъ да только поплеываемъ: „чему у тебя, сипа-мужикъ, намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности одно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!“ Не спускать же предразсудкамъ, помилуйте! Ахъ, Боже мой, кстати теперь... Господа, положимъ на минутку, что я ужъ кончилъ мое путешествіе и воротился въ Россію. Позвольте рассказать анекдотъ. Разъ, нынѣшней осенью, беру я одну газету изъ прогрессивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: „Еще остатки варварства“ (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только, что теперь газеты передъ глазами нѣтъ). И вотъ рассказывается анекдотъ, какъ однажды, нынѣшней же осенью, въ Москвѣ, поутру, усмотрѣны были дрожки; на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодѣтая въ лентахъ, и пѣла пѣсню. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то пѣсню! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только, пьяна или нѣтъ? Вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла напоказъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно, проведенныхъ счастливую ночь. Въ узелкѣ, разумѣется, заключалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародѣ обыкновенно на другой же день показываютъ родителямъ невѣсты. Народъ смѣялся, смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ фбрсомъ, поплеывая, передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ,

„даже до сихъ поръ сохранившемся, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи!“ Господа, признаюсь вамъ, я расхохотался ужасно. О, пожалуйста, не думайте, что я защищаю первобытное каннибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это скверно, это нецѣломудренно, это дико, это по-славянски, знаю, согласенъ, хотя все это сдѣлалось, конечно, безъ худаго намѣренія, а, напротивъ, съ цѣлью торжества новобрачной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго, высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные магазины наши. Конечно, цивилизованныя дамы уже не отсылаютъ теперь легкіхъ покрововъ къ родителямъ, но когда, на примѣръ, придется заказывать модисткѣ платье, съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ расчетомъ и знаніемъ дѣла они умѣютъ подложить вату въ извѣстныя мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для чего вату? Разумѣется, для изящества, для эстетики, pour рагаître... Мало того: ихъ дочери, эти невинныя, семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ, и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ: и къ чему служитъ вата, и гдѣ именно, въ какихъ частяхъ нужно употребить эту вату, и зачѣмъ, съ какой, то-есть, именно цѣлью все это употребляется... Ну, что-жь, подумалъ я со смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *сознательныя* заботы о ватныхъ приуможеніяхъ,—что же чище, нравственнѣе, цѣломудреннѣе что-ли онѣ несчастной легкой одежды, везомой съ простодушной увѣренностью къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно надобно, такъ именно нравственно!..

Ради Бога, не думайте друзья мои, что я теперь вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивилизація — не развитіе, а, напротивъ, въ послѣднее время въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрьмой надъ всякимъ развитіемъ. Не думайте, что я стану доказывать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и законы нормальнаго, истиннаго развитія, доказывать, что цивилизація уже осуждена давно на самомъ Западѣ и что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ (хотя тамъ всѣ собственники или хотятъ быть собственниками), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человѣческая не *tabula rasa*, не вощичекъ, изъ котораго можно слѣпить общечеловѣчка; что прежде всего нужна натура, потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельная, почвенная, не стѣсненная, и вѣра въ свои собственныя, націо-

нальные силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогрессисты (хотя и далеко не всѣ) все не стоятъ за вату и такъ же точно клеймятъ ее, какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь сказать: въ статьѣ вѣдь не просто охуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали простонародное, національное, стихійное варварство, въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго, благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то, можетъ-быть, въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни предрасудки и мерзости на другіе, еще большіе предрасудки и мерзости. Статья какъ будто не замѣчала этихъ нашихъ-то собственныхъ-то предрасудковъ и мерзостей. Къ чему же, къ чему же такимъ фертномъ стоять надъ народомъ, руки въ боки, да поплеывая... Вѣдь смѣшна, смѣшна уморительно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражь надъ народомъ, или, наконецъ, неразумяющее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшнѣе.

Да что! Вѣдь такихъ фактовъ тысяча каждодневно найдется. Простите за анекдотъ.

А, впрочемъ, что-жь я грѣшу. Вѣдь я грѣшу! Это оттого, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспомните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертномъ стоящій и все порѣшившій. Чацкій— это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, взывающій и къ Россіи, и къ почвѣ, а между тѣмъ все-таки уѣхавшій опять въ Европу, когда надо было сыскать

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

однимъ словомъ, типъ совершенно бесполезный теперь и бывший ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ, и совѣстливо тоскующій о своей бесполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣніи переродился и мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, но уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, кроткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому

времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а, можетъ-быть, подъ посомъ, и найдетъ что дѣлать и станетъ дѣлать. И знаете-ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры; я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже родился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашелъ себѣ дѣла? Они всѣ вѣдь не нашли дѣла, не находили два-три поколѣнія сряду. Это фактъ, противъ факта и говорить бы кажется нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный человѣкъ, когда бы то ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. На то и умъ, чтобъ достигъ того, чего хочешь. Нельзя версты пройти, такъ пройди только сто шаговъ, все-жъ лучше, все ближе къ цѣли, если къ цѣли идешь. И если хочешь непременно однимъ шагомъ до цѣли дойти, такъ вѣдь это, по-моему, вовсе не умъ. Это даже называется бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо однимъ шагомъ перелетѣть до цѣли или попасть въ Регулы. Ну, вотъ это-то и есть бѣлоручничанье. Однакожъ, Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что улизнулъ тогда опять за границу: промѣшкалъ бы маленько и отправился бы на Востокъ, а не на Западъ. Любятъ у насъ Западъ, любятъ, и въ крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда ѣдутъ. Ну, вотъ и я туда ѣду. „Mais moi c'est autre chose“. Я видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, то-есть очень многихъ, а всѣхъ и не пересчитаешь, и всѣ-то они, кажется, ищутъ уголка для оскорбленнаго чувства. По крайней мѣрѣ, чего-то ищутъ. Поколѣніе Чацкихъ обоюга пола послѣ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножилось тамъ, подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они всѣ поѣхали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитріевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надоѣла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома,

онъ одинъ только и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ сказать, родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пустить: „деревенскіе, дескать, сосѣди: въ городѣ съ нами не кланяются“. Онъ при дѣлахъ и нашелъ себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. „Онъ знаетъ Русь, и Русь его знаетъ“. Да, ужъ его-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ, только онъ и говоритъ. Ему и книги въ руки... Но что о немъ. Я заговорилъ о нихъ обо всѣхъ, что ищутъ отраднаго уголка въ Европѣ, и, право, я думалъ, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ, на ихъ лицахъ такая тоска... Бѣдненькіе! И что за всегдашнее въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тоскливая подвижность! Всѣ они ходятъ съ гидами и жадно бросаются въ каждомъ городѣ смотрѣть рѣдкости, и, право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропускаютъ ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ; глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три граціи, потому что такъ велико вѣрить по гиду; бросаются на Сикстинскую Мадонну и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто-нибудь выльзетъ изъ-подъ пола и разсѣветъ ихъ безпредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодовольное и совершенно машинальное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ, чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ, ни новаго, ни удивительнаго, и провѣряющихъ только: такъ-ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, нервное, крѣпко жаждущее, а про себя заранѣе убѣжденное, что ничего никогда не случится, разумѣется, до первой мухи: пролетѣла муха, — значить, опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранить. И не про тѣхъ тоже, которые окончательно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ, про всю массу можно только вотъ что сказать: какъ только всѣ мы переваливаемъ за Эйдкуненъ, тотчасъ же становимся рази-

тельно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгають, потерявши своего хозяина. Да вы что думаете, что я съ насмѣшкой пишу, виню кого-нибудь, что вотъ-де „въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! Крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей!“ и т. д., и т. д. О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтобъ винить? За что винить, кого винить? „И рады дѣлу, да дѣла нѣтъ, а что есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, ваканси не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ“. Вотъ и отговорка, и вся недолга. Отговорку-то мы наизусть знаемъ. Но что это? Куда я заѣхалъ? Гдѣ-жъ это я успѣлъ перевидать за границую русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдкунену подъѣзжаемъ... Аль ужъ проѣхали. И вправду, и Берлинъ, и Дрезденъ, и Кельнъ, все проѣхали. Я, правда, все еще въ вагонѣ, но ужъ передъ нами не Эйдкунень, а Аркелинъ и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я о немъ хотѣлъ говорить да и забылъ! Ужъ очень про нашу русскую Европу раздумался; простительное дѣло, когда самъ въ европейскую Европу въ гости ѣдешь. А, впрочемъ, что-жъ ужъ очень-то прощенія просить. Вѣдь моя глава лишняя.

ГЛАВА IV

и не лишняя для путешественниковъ.

Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно-ли „разсудка французъ имѣть не имѣть?“

Но нѣтъ, однако, почему же разсудка французъ не имѣть, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пассажировъ, французовъ, только что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркелинѣ, откуда мы только что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро, и я вошелъ въ вагонъ, очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Францію. До Аркелина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи нашемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два проболтали безъ умолку. Теперь же насъ было шестеро, и, къ удивленію моему, мой швейцарецъ,

при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ, вдругъ сдѣ-
лся чрезвычайно несловоохотливъ. Я было обратился
къ нему съ продолженіемъ прежняго разговора, но онъ
видимо поспѣшилъ замять его, отвѣчалъ что-то уклончиво,
сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ
разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣ-
мецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ
же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спут-
никами. Это былъ какой-то странный народъ. Ъхали они
на-легкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни
узелка, ни даже платья, которое бы сколько-нибудь напо-
минало человѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то
легонькихъ скортучкахъ, страшно потертыхъ и изношен-
ныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицер-
скіе денщики или дворовые люди въ деревняхъ у сред-
няго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное,
галстуки очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязные;
на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шелкового
платка изъ такихъ, которые вѣчно носятъ и пропиты-
ваются цѣлымъ фунтомъ жира послѣ пятнадцатилѣтняго
соприкосновенія съ шеей носителя. У этого же носителя
были еще какія-то запонки съ фальшивыми брильянтами
въ орѣхъ величиною. Впрочемъ, держали они себя съ
какимъ-то шикомъ, даже молодцовато. Всѣ четверо каза-
лись однихъ и тѣхъ же лѣтъ, тридцати пяти или около,
и не будучи сходны лицомъ, были чрезвычайно похожи
одинъ на другого. Лица ихъ были помятыя, съ казенными
французскими бородками, тоже очень похожими одна на
другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозь
разныя трубы и усвоившій себѣ навѣки хоть и кислое,
но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ
тоже, что они были знакомы другъ съ другомъ, но не
помню, сказали-ль хоть одно слово между собою. На насъ,
то-есть на меня и швейцарца, они какъ-то видимо не хо-
тѣли смотрѣть и, небрежно посвистывая, небрежно раз-
сѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядыва-
ли въ окна кареты. Я закурилъ папиросу и отъ нечего
дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня, правда, мелькалъ во-
просъ: что-жъ это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники
не работники, буржуа не буржуа. Неужели-жъ отставные
военные! что-нибудь à la demi-solde или въ этомъ родѣ?
Впрочемъ, я какъ-то не очень ими заботился. Черезъ де-
сять минутъ, только что мы подѣхали къ слѣдующей

станціи, они всё четверо одинъ за другимъ тотчасъ же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждуть на станціяхъ: минуты двѣ, много три, и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, то-есть чрезвычайно быстро.

Только что мы остались одни, швейцарецъ мигомъ захлопнулъ свой гидъ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа не долго посидѣли, началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и садились.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ?.. Но вѣдь это полицейскіе...

— Какъ? Какіе полицейскіе? спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то... я вѣдь тотчасъ же замѣтилъ давеча, что вы не догадываетесь.

— И... неужель шпионы? (я все еще не хотѣлъ вѣрить).

— Ну, да; для насъ и садились.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это безъ сомнѣнія! Я ужъ нѣсколько разъ здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможенѣ, когда читали наши паспорта, сообщили имъ наши имена и проч. Ну, вотъ они и сѣли, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ же, однакожъ, провожать, коль они насъ ужъ видѣли? Вѣдь вы говорите, имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну, да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, сакъ-воляжъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ вы смотрите. Запонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете, всякія мелочи, особенности, то-есть какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли бы потеряться, имя переимѣнить (то-есть если вы подозрительный). Ну, такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той же станціи сейчасъ же и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Къ тому же содержатели отелей должны сообщать всё подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо, продолжалъ я спрашивать, все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно, на этотъ разъ мало иностранцевъ, а если-бъ больше было, они бы разбились по вагонамъ.

— Да помилуйте, они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не беспокойтесь, все разсмотрѣли... Для насъ и сѣлились.

„Ну-ну“, подумалъ я, вотъ-те и „разсудка французъ не имѣть“, и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво накосился на швейцарца: „Да ужъ и ты, братъ, не того-ли, а только такъ прикидываешься“, мелькнуло у меня въ головѣ, но только на мигъ, увѣряю васъ. Нелѣпо, но что-жъ будешь дѣлать; невольно подумается...

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ которомъ я остановился, немедленно описали всѣ малѣйшія примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся дальнѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ сказать, всѣ ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочемъ, на первый разъ въ отелѣ меня лично не много беспокоили и описали меня втихомолку, кромѣ, разумѣется, тѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ и въ нее же вы вписываете показанія ваши: кто, какъ, откуда, съ какими помыслами? и проч. Но во второмъ отелѣ, въ которомъ я остановился, не найдя мѣста въ прежнемъ Hôtel des Coquillière, послѣ восьмидневной моей отлучки въ Лондонъ, со мной обошлись гораздо откровеннѣе. Этотъ второй Hôtel des Empereurs смотрѣлъ вообще какъ-то патріархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги, необыкновенно внимательные къ своимъ постояльцамъ. Въ тотъ же день, какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вечеромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату, гдѣ была контора. Тутъ же находился и мужъ, но хозяйка, очевидно, заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, начала она очень вѣжливо, — намъ надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но *vosre état*?

Это: *vosre état*?—чрезвычайно сбивчивая вещь и нигдѣ мнѣ не нравилась. Ну, что тутъ написать? Путешествен-

нигъ—слишкомъ отвлеченно. Homme de lettres—никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишимте лучше propriétaire, какъ вы думаете? спросила меня хозяйка.—Это будетъ лучше всего.

— О, да, это будетъ лучше всего, поддакнулъ супругъ.

— Написали. Ну, теперъ: причина вашего приѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм... да, roue voir Paris. Позвольте мсье: вашъ ростъ?

— То-есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите,—средняго.

— Это такъ, мсье... Но желалось бы знать подробнѣе... Я думаю, я думаю... продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то*, рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это нужно? спросилъ я.

— Охъ, это необ-хо-димо, отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и все-таки записывая въ книгу мой ростъ.—Теперь, мсье, ваши волосы? Блондинъ, гм!.. довольно свѣтлаго оттѣнка... прямые...

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ,—вотъ сюда, два шага къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм!.. свѣтлые...

И она опять посовѣтовалась глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, замѣтилъ мужъ съ особенно дѣловымъ, даже озабоченнымъ видомъ.—Voilà, мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень хорошо понялъ, на что онъ указывалъ. У меня маленькій шрамъ на лбу и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте-жъ теперъ спросить, сказалъ я хозяйкѣ, когда кончился весь экзамень,—неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! поддакнулъ мужъ съ какимъ-то особенно внушительнымъ видомъ.

— Но въ Hôtel Coquillière меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, живо подхватила хозяйка.— Они

за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно, они оглядѣли васъ молча, но только непремѣнно, непремѣнно оглядѣли. Мы же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите...

— О, мсье!.. скрѣпилъ мужъ съ торжественностью и даже умиленіе изобразилось на лицѣ его.

И это были пречестные, прелюбезные супруги, насколько, по крайней мѣрѣ, я ихъ узналъ потомъ. Но слово: необходимо произносилось вовсе не въ какомъ-нибудь извинительномъ или уменьшительномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть-ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

И такъ я въ Парижѣ.

ГЛАВА V.

Ваальъ.

И такъ я въ Парижѣ... Но не думайте, однако, что я вамъ много расскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю, вы столько уже перечитали о немъ по-русски, что, наконецъ, ужъ и надоѣло читать. Къ тому же вы сами въ немъ были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по закону, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ иныхъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу, что именно просмотрѣлъ, но за то вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибралъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно: это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленные и прочно установившіяся отношенія; какъ все обезпечено и разлиневано; какъ всѣ довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ, наконецъ, до того достарались, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и, н... остановились на этомъ. Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная патріотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но, друзья мои: вѣдь предувѣдомилъ же я васъ еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что, можетъ-быть, ужасно

навру. Ну, и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру, будучи убѣжденъ, что не вру. А, по-моему, этого ужъ слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой порядокъ, какое, такъ сказать, *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку. Право, еще немного и полутора-милліонный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьи и порядкѣ профессорскій нѣмецкій городокъ, въ родѣ, на-примѣръ, какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ? И какая регламентація! Поймите меня: не столько внѣшняя регламентація, которая ничтожна (сравнительно, разумѣется), а колоссальная, внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно съ любовью умалется, съ умиленіемъ ежится. Куда въ этомъ отношеніи, на-примѣръ, Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и, по крайней мѣрѣ, наружно, — какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами отгушевался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко въ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и, повидимому, никакъ не исключая другъ друга. Все это, кажется, упорно стоитъ за себя и живетъ по-своему и, повидимому, не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ та же упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на-смерть всеобща-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужитья вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникѣ обратиться, да только устроиться, не поѣдая другъ друга — не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается то же, что и въ Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія обновиться на *statu quo*, вырвать съ мясомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, проклясть свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры, можетъ-быть, у самихъ предводителей прогресса, и поклониться Ваалу. Пожалуйста, однакожь,

не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается сознательно только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да бессознательно инстинктивно въ жизненныхъ отправленияхъ всей массы. Но буржуа, напримѣръ, въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибѣтъ даже васъ, если вы усомнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибѣтъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побаивается, несмотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хотъ и такъ же, но за то какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугузки, проложенныя по верху домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предприимчивости, этотъ кажущійся беспорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ, Сити со своими милліонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра, въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чувствуете что тутъ что-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Ужъ не это-ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ-ли тутъ? Не это-ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ „едино стадо“. Не придется-ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмать окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара, — людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, во-очію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться,

не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то-есть не принять существующаго за свой идеаль...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеаль. Къ тому же голодь и рабство не свой братъ, и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые дилетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно, могутъ создавать картины изъ Апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, отвѣчаю я,—положимъ, что я былъ увлеченъ декорацией, это все такъ. Но если бъ вы видѣли, какъ гордъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацию, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джизнѣ и развратѣ и начинаетъ вѣрять, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давить, масса деревенѣть и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ-нибудь въ родѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее наяву не увидите. Говорили мнѣ, напримѣръ, что ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, то-есть наѣдаются и напиваются, какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ негровъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя лавки разубраны какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело, и все какъ-то

странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавые потасовки нарушают эту подозрительную и грустно дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія... Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго толкался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, спрашивая почти знаками дорогу, потому что по-англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того, что я видѣлъ, мучило меня три дня послѣ этого. Народъ—вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощущали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ Престолу Всевышняго: „доколѣ, Господи“. И они сами знаютъ это, и покамѣстъ отмщаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трясучки и странники, и не догадываемся, что тутъ—отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное; инстинктивное отдѣленіе во что бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тѣмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какіи-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть по-своему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами...

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорація въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся

публичныя женщины. Улицы освѣщены пучками газа, о которомъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого красиваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаешь всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды, и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругательства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шопотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню, разъ я зашелъ въ одно „Casino“. Тамъ гремѣла музыка, шли танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая на и какъ будто по обязанности. Наверху, въ галереѣ, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, кажется, богатымъ джентльменомъ и, по всему видно, непривычнымъ посетителемъ казино. Онъ, можетъ-быть, отыскивалъ ее и, наконецъ, они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были нѣжны, тонки, что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Мнѣ кажется, у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе что же значитъ лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ, онъ всталъ, пожалъ ей руку, и они разстались. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ

водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она пла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ, зачѣмъ паталась въ толпѣ; можетъ-быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей исключенной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги.— Вообще предметы игрыше...

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ, остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ шляпкѣ, почти закрывавшей ей лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то, что я не могъ разобрать, ломанымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку бумажку и быстро пошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я разсмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: „Crois-tu cela?“ На другой сторонѣ, по-французски же: „Азъ есмь воскресеніе и животъ“... и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ

изъ Евангелія и Библии. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагандаторовъ бездна, и мужчинъ, и женщинъ. Это пропаганда тонкая и расчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдеть онъ, на примѣръ, больного, лежащаго въ отрепьи на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лѣчить больного, покупаетъ лѣкарство, дѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ, уже послѣ излѣченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда выталкиваютъ; онъ все снесетъ, но ужъ кого-нибудь да уловитъ. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконны, потому что дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ женъ, уродуютъ ихъ на-смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваются въ каминѣ угля. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. По крайней мѣрѣ, въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подъ конецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ свое тупо-правственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоувѣренную мораль, жирѣть и жить тутъ для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужъ безъ маски. По крайней мѣрѣ—раціонально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до отупѣнія профессоровъ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго, и забываютъ милліонъ дикихъ въ Лондонѣ за то, что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ воспѣвать кра-

соту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, осѣненныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ женъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый, мрачный духъ снова царственно проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя днемъ. Вааль царить и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно. Вааль не прячетъ отъ себя, какъ дѣлають, напримѣръ, въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, на-яву. Онъ не старается, трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ, какъ птица страусъ, любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужъ и не видать настигающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но, однако, что-жъ это я. Я опять не въ Парижѣ!.. Да когда-жъ это, Господи, я пріучусь къ порядку...

ГЛАВА VI.

Опытъ о буржуа.

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочеть размѣняться на мелкую монету, стѣсниться, ступеваться; „нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ; я спрятался, проходите, пожалуйста, мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ, какъ будто вы меня не видите, проходите, проходите!“

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, *le tiers état c'est tout*, а вы—ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ импера-

тора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ ничего вспомнить и руками машеть, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, что было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь вдругъ пожелаетъ, то тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ отрещиваться: „Господи! Да что это я, наконецъ!“ и долго еще послѣ того совѣстливо старается загладить свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: „Вотъ поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра оиять поторгую, можетъ, и послѣзавтра, если будетъ великая милость Гоподня... Ну, а тамъ, тамъ, только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошечку, и — *après moi le déluge*“. Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпіоновъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужа выступаютъ въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, приказчики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпюзы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, *rot-au-feu* варится на добродѣтельнѣйшемъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ представить? Насчетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ уже условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными сторами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпюзъ даже и весьма часто дороже, чѣмъ можно бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какъ же-съ: если не такъ, такъ вѣдь, пожалуй, подумаютъ, что идеаль не достигнуть, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно, пожалуй, чего-нибудь еще пожелать, что, стало-быть, бур-

жуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязываетъ; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя надо чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только бы, Боже сохрани, чего не замѣтили! А эпюзы кушаютъ конфетки, гантируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и преграціозно приподымаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ, какъ на примѣръ, „Жена, мужъ и любовникъ“, уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ такъ же много, какъ песку морского (а ихъ тамъ, можетъ, и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блеститъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестѣло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Пале-Роялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется непременно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются съ своими безчисленными эпюзами подъ-руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благовранныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ то же самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь французъ серьезень, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю *gloire militaire*, процвѣтающую во Франціи и за которую Jacques Bonhomme такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но, кажется, и торгуя, и облупливая васъ какъ липку въ своемъ магазинѣ, онъ облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить фортуны и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственности, въ катехизмъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то, такъ сказать, священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-

нибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человѣкъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ расчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно расчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе расчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ, если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстливо, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяютъ удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ, и уважается только развѣ на театрѣ, потому что буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Странный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самага подлаго французика, который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ то же время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продаетъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній приказчикъ раздавить, просто раздавить васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые приказчики, которые служатъ моделью самага субдительнаго суперфлю для нашего Михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ приказчикомъ. Вы пришли, напримѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девоншира. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, и только такъ себѣ, скромный путешественникъ, а вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потому что ужъ до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и, какъ подумаешь тутъ же, сколько ему, бѣд-

ненькому, придется послѣ васъ опять завертывать, ему, Грандисону, Алкивіаду, Монморанси, да еще послѣ кого? Послѣ васъ, имѣвшаго дерзость съ вашей незавидной на-ружностью, съ вашими пороками и недостатками, съ вашими отвратительными десятью франками придти безпокоить такого маркиза,—какъ подумаешь все это, то по-неволѣ мигомъ, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаиваетесь и проклинаете судьбу, зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магази-нѣ, и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе ступешаваться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хотѣли истра-тить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громаднхъ магазиновъ съ галантерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы напустить сюда русскихъ барынь и... но о томъ, чтò слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ приказчики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскимъ вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится же на свѣтѣ такое без-стыдство, какъ, напримѣръ, въ англичанкахъ, кото-рыхъ не только не смущаются, что какой-нибудь Адо-нисъ, Вильгельмъ Телль забросалъ для нихъ весь при-лавокъ товарами и переворотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ,—о, ужасъ!—торговаться изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Телль не промахъ: ужъ онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слухить съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но, несмотря на то, буржуа до страсти любить неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непременно без-сребренниковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ бла-городствомъ и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пя-тисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ взялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло,—за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не проститъ воровства, хотя бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если

вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы, стало-быть, хотите faire fortune и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и человѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воровства изъ низкой дѣли, т. е. изъ-за какого-нибудь куска хлѣба, и воровство изъ высокой добродѣтели. Послѣднее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему же, наконецъ,—опять-таки я все на прежнее,—почему же, наконецъ, буржуа до сихъ поръ какъ будто чего-то трусить, какъ будто не въ своей тарелкѣ сидить? Чего ему беспокоиться? Парлеровъ, фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ однимъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ чорту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвлеченная логика неприложима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Гюставовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало; что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого же бояться? Работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеаль ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая ужъ натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками взращено и вѣками воспитано. Національность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучший и самый полный идеаль собственника, какой только можно себѣ представить. Коммунистовъ? Соціалистовъ, наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершилился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да, вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы, кажется, бояться? Вѣдь предрекъ же аббать Сійесь въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа—это *все*. „*Что такое tiers-état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ*“. Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣрять, несмотря на то, что все, что было сказано

послѣ словъ Сійеса, сбрендило и лопнуло, какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласили вскорѣ послѣ него: *liberté, égalité, fraternité*. Очень хорошо-съ. Что такое *liberté*? Свобода. Какая свобода?—Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все что угодно въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все что угодно? Когда имѣешь милліонъ. Даетъ-ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все что угодно. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что-жъ остается изъ формулы? Братство. Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткновенія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ, какъ о великой движущей силѣ человѣчества, и не догадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братство нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской, да и вообще западной, его въ личности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленного самосохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я*, сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я*, должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ*, а все-то это *остальное* должно бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному *Я* и само, безъ его просьбы, должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному, что есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *Я*, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его об-

ществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: онъ требуетъ съ бою, она требуетъ права, онъ хочетъ *дѣлаться*—ну и не выходитъ братства. Конечно, можно переродиться! Но перерожденіе это совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобы стать дѣйствительностью. Что-жъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ, есть, по-моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности.

Сильно развитая личность, вполне увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то-есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормально человѣка. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который, если попадетъ подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну, вотъ и надобно, чтобъ я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно, безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не думая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже желать, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ на тебя никто ни въ чемъ не изубыточился.

Какъ же это сдѣлать? Вѣдь это все равно, что не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣломъ медвѣдѣ, и увидите, что онъ,

проклятый, будетъ поминутно припоминаться. Какъ же сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, а надо, чтобъ оно *само собою сдѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ*, безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было братское, любящее начало—надо любить. Надо, чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую грубость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествія иноплеменниковъ, однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ челоуѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, если-бъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: „мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю и пожалуйте располагайте мною. Это высшее счастье мое—вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уничтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось“... А братство, напротивъ, должно сказать: „ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоуправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны, будь же вполне спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ“.

Послѣ этого, разумѣется, ужъ нечего дѣлиться, тутъ ужъ все само собою раздѣлится. Любите другъ друга и все сіе вамъ приложится.

Экая вѣдь въ самомъ дѣлѣ утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это

даже какъ будто униженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но опять-таки что же дѣлать социалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а, напротивъ, начало единичное, личное, непрерывно обособляющееся, требующее съ мечомъ въ рукѣ своихъ правъ. Социалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобы сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, то-есть не имѣется природы, способной къ братству, природы, вѣрующей въ братство, которую само собою тянетъ на братство! Въ отчаяніи социалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, рассчитываетъ на вѣсь и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, рассказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ; опредѣляетъ, чѣмъ каждая личность смотреть, насколько тяготѣть, и опредѣляетъ заранѣе расчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужить и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужъ какое тутъ братство, когда заранѣе дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ, провозглашена была формула: „каждый для всѣхъ и всѣ для каждого“. Ужъ лучше этого, разумѣется, ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе, что вся формула цѣликомъ взята изъ одной всѣмъ извѣстной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу, и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно, есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, то-есть хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется, ужъ совершенно гарантируютъ человѣка, общаются кормить, поить его, работу ему доставить, и за это требуютъ съ него только самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ

лучше, потому—полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки кажется чу-даку, что своя воля лучше. Разумѣется, социалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не до-рость, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной вы-годы; что муравей какой-нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умнѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разлиновано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника.

Другими словами: хотъ и возможенъ социализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи социалистъ про-возглашаетъ, наконецъ: *liberté, égalité, fraternité ou la mort.* Ну, ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

— А если буржуа торжествуетъ, такъ, стало-быть, и сбылась формула Сіееса, буквально и въ послѣдней точ-ности. И такъ буржуа все, отчего-жъ онъ конфузится, отчего ежится, чего боится? Всѣ сбрендили, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Фи-липпѣ, напримѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царилъ. Да, онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги, и послѣд-ній разъ раздѣлался съ ними на іюньскихъ баррикадахъ ружьемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше его и нѣтъ ничего, что онъ идеаль, и что ему осталось теперь не то, чтобъ какъ прежде увѣрять весь свѣтъ, что онъ идеаль, а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣческихъ. Положеніе, какъ хотите, конфузное. Вы-ручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ един-ственная тогдашняя возможность. Съ тѣхъ самыхъ поръ буржуа благоденствуетъ, за благоденствіе свое платитъ ужасно и всего боится, именно потому, что всего достигъ. Когда всего достигаешь, тяжело становится *все* потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наибол-ѣе всего боится, значить, тотъ наиболѣе благоденствуетъ. Не смѣйтесь, пожалуйста. Вѣдь что же такое теперь буржуа?

ГЛАВА VII.

Продолженіе предыдущаго.

И почему между буржуа столько лакеевъ, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста, не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клеветчу, что во мнѣ говорить ненависть. Къ чему? Къ кому? Зачѣмъ ненависть? Просто много лакеевъ, и это такъ. Лакейство въѣдается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное—натура помогаетъ. Я ужъ не говорю, напримѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпионства. Мое мнѣніе именно въ томъ состоитъ, что необычайное развитіе шпионства во Франціи, и не простого, а мастерского шпионства, шпионства по призванію, дошедшаго до искусства, имѣющаго свои научныя приемы, происходитъ у нихъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально-благородный Гюставъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не предоставитъ сейчасъ же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можетъ, я и преувеличиваю это, но, можетъ-быть, я говорю, основываясь на какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любитъ ужасно забѣгать впередъ какъ-нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчасней награды, въ долгъ, на книжку. Вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣсть, напримѣръ, при частой перемѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните, какія штучки и колѣнца они выдѣлывали и въ чемъ сами признавались. Вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3-го іюля. Смотрю: письма изъ Виши. Въ Виши гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ, разумѣется, были кавалькады, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинаетъ:

„У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумѣется, въ тотчасъ же угадали самаго блестящаго изъ всѣхъ. Его величество прогуливается каждый день въ сопровожденіи своей свиты, и т. д.“

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ,

разсчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. „Мое убѣжденіе—и кончено“, отвѣтитъ онъ вамъ, ни дать ни взять какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что вамъ отвѣчать, чтобъ зажать вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и главная свобода въ мірѣ. Но тутъ, въ этомъ случаѣ, что можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужъ онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, попираетъ всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего бы, кажется, это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Самъ наѣздникъ, навѣрно, этого не прочтетъ, а если и прочтетъ, то неужели французикъ, писавшій *correspondance*, газета, ее помѣстившая у себя, и редакция газеты, неужели-жъ всѣ они до того глупы, чтобъ не разобратъ, что владыкѣ вовсе не нужна слава перваго наѣздника во Франціи, что онъ подъ старость вовсе и не рассчитываетъ на эту славу и, конечно, не повѣритъ, если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій наѣздникъ изъ всей Франціи: говорятъ, онъ человѣкъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ: пусть неправдоподобно, смѣшно, пусть самъ владыка посмотритъ на это съ отвращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но зато увидитъ слѣпую покорность, увидитъ безграничное падамъ до ногъ, рабское, глупое, неправдоподобное, но зато *падамъ до ногъ*, а это главное. Теперь разсудите: если-бъ это было не въ духѣ націи, если-бъ такая пошлая лесть не считалась совершенно возможной, обыкновенной, совершенно въ порядкѣ вещей, и даже приличной—возможно-ли было бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лесть, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ націи, что не одна газета такъ толкуетъ, а почти всѣ такія же въ такомъ же точно родѣ, кромѣ двухъ-трехъ несовсѣмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльд'отомъ,—это ужъ было не во Франціи, а въ Италіи, но за табльд'отомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется, говорили загадочно: иные молчали и не хотѣли совсѣмъ высказываться; другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Га-

рибальди затѣялъ дѣло рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнѣніе съ недоговорками, потому что Гарибальди—человѣкъ до того всѣмъ не въ уровень, что у него, пожалуй, и выйдетъ благоразумно даже и то, что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходитъ слишкомъ рискованнымъ. Мало-по-малу перешли собственно къ личности Гарибальди. Стали перечислять его качества,—приговоръ былъ довольно благопріятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, громко проговорилъ одинъ французъ, пріятной и внушительной наружности, лѣтъ тридцати и съ отпечаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до нахальства бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французахъ.— Одно только обстоятельство меня въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется, всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, долженствовало быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время, въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самою безконтрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать милліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы и никто бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати милліонахъ франковъ.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать все, что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди съ халтурками изъ казеннаго мѣшка, это, разумѣется, могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе, разумѣется, все прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и заигравшее при воспоминаніи о двадцати милліонахъ, я совершенно нечаянно подумалъ:

„А что, братъ, если-бъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣстѣ!“

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это

только частные случаи, что и у насъ точно такъ же происходить и что не могъ же я ручаться за всѣхъ французовъ. Конечно, такъ, я и не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть неизъяснимое благородство, а у насъ, можетъ-быть, даже и гораздо хуже бывало. Но въ добродѣтель-то, въ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что? Можно быть даже и подлецомъ, да чутья о чести не потерять; а тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, но за то чутье чести совершенно потеряли и потому подличаютъ, не вѣдая что творять изъ добродѣтели. Первое, разумѣется, порочнѣе, но послѣднее, какъ хотите, презрительнѣе. Такой катехизисъ о добродѣтеляхъ составляетъ худой симптомъ въ жизни націи. Ну, а насчетъ частныхъ случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ вѣдь изъ однихъ только частныхъ случаевъ, не правда-ли!

Даже я вотъ что думаю: я, можетъ-быть, ошибся и въ томъ, что буржуа ежится, что онъ все еще чего-то боится. Ежится-то онъ дѣйствительно ежится, и побаивается, но если подвести итогъ, то буржуа совершенно благоденствуетъ. Хоть онъ и самъ обманываетъ себя, хоть и докладываетъ себѣ поминутно, что все обстоитъ благополучно, но однакожъ это нисколько не мѣшаетъ наружной его самоувѣренности. Мало того: даже и внутри онъ ужасно самоувѣренъ, когда разыграется. Какъ все это въ немъ уживается вмѣстѣ, — дѣйствительно задача, но это такъ. Вообще буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькій, какъ будто отрывками. У него ужасно много запасено готовыхъ понятій, точно дровъ на зиму, и онъ серьезно намѣревается прожить съ ними хоть тысячу лѣтъ. Впрочемъ, что же тысячу лѣтъ; про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ когда впадаетъ въ краснорѣчіе. „Après moi le déluge“ гораздо употребительнѣе и чаще прилагается къ дѣлу. И какое ко всему равнодушіе, какіе мимолетные, пустые интересы. Мнѣ случалось въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время перебивало множество людей. Точно всѣ они какъ будто боятся и заговорить о чемъ-нибудь необыденномъ, о чемъ-нибудь не такъ мелочномъ, о какихъ-нибудь всеобщихъ интересахъ, ну, тамъ, о какихъ-нибудь то ни было общественныхъ интересахъ. Тутъ не могъ, мнѣ кажется, быть страхъ шпионовъ, тутъ просто всѣ разучились о чемъ-нибудь мыслить и говорить посерьезнѣе. Впрочемъ, встрѣчались тутъ люди, которые ужасно инте-

ресовались, какое впечатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, насколько я благоговѣю, насколько я удивленъ, раздавленъ, уничтоженъ. Французъ до сихъ поръ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давить и уничтожать. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню одного премилаго, прелюбезнаго, предобрѣйшаго старичка, котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза, выпрашивая мое мнѣніе о Парижѣ, и ужасно огорчался, когда я не изъявлялъ особеннаго восторга. Даже страданіе изображалось на добромъ лицѣ его,— буквально страданіе, я не преувеличиваю. О, милый m-g Le M—re! Француза, то-есть парижанина (потому что вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) никогда не разувѣришь въ томъ, что онъ не первый человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ. Впрочемъ, о всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Парижа, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то не хочетъ. Это ужъ національное свойство и даже самое характеристичное. Но самое характеристичное свойство француза—это краснорѣчіе. Любовь къ краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами разгорается все больше и больше. Мнѣ бы ужасно хотѣлось узнать, когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется, главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все началось съ Людовика XIV, право такъ. Но всего замѣчательнѣе, что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ взялъ этотъ король,— понять не могу! Вѣдь не особенно же онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ тѣмъ, что первый сказалъ: l'état — c'est moi. Это ужасно понравилось, это всю Европу тогда облетѣло. Я думаю, однимъ этимъ-то словомъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало извѣстно. Національнѣйшій государь былъ этотъ Людовикъ XIV, вполне во французскомъ духѣ, такъ что я даже и не понимаю, какъ это во Франціи могли случиться всѣ эти маленькія шалости... ну, вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пошалили и воротились къ прежнему духу; на то идетъ; но краснорѣчіе, краснорѣчіе, о — это камень преткновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть изъ прежняго, все, все, готовъ вести самые благоразумные разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краснорѣчія, одного только краснорѣчія, онъ до сихъ поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краснорѣчію; припоминаетъ Тьера, Гизо, Одилона Барро.

То-то краснорѣчія-то было тогда, говорить онъ иногда про себя и начинаетъ задумываться. Наполеонъ III это понялъ, тотчасъ же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не долженъ задумываться и мало-по-малу завелъ краснорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, настоящихъ либеральныхъ депутатовъ, то-есть такихъ, что, можетъ-быть, ихъ и не подкупишь, если начать подкупать, и однакожь ихъ все-таки только шесть,—шесть было, шесть есть и шесть только и останется. Больше не прибудеть, будьте покойны, да и не убудеть тоже. И это прехитрая штука, на первый взглядъ. Дѣло-то однакожь гораздо проще въ дѣйствительности, и обходится при помощи suffrage universel. Разумѣется, чтобъ они очень-то не заговаривались, приняты всѣ надлежащія мѣры. Но поболтать позволяется. Ежегодно въ нужное время обсуживаются важнѣйшіе государственные вопросы и парижанинъ сладко волнуется. Онъ знаетъ, что будетъ краснорѣчіе, и радъ. Разумѣется, онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краснорѣчіе и больше ничего, что будутъ слова, слова и слова и что изъ словъ этихъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ и этимъ очень, очень доволенъ. И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благоразумнымъ. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: вѣдь и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, маскарадъ, а между тѣмъ говорить, нѣсколько лѣтъ сряду говорить, и прекрасно говорить, даже съ большимъ удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слушаютъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія. „Хорошо говорить человѣкъ!“— и у президента, и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и губернёръ сихъ милыхъ и благонаправныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: „Восходъ солнца“ было отлично развито и обработано почтеннымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говорить онъ, его мыслямъ и благонаправному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣ, всѣ... Но, хотя почтенный членъ и

вполнѣ заслужилъ въ награду книжку съ надписью: „за благонравіе и успѣхи въ наукахъ“, несмотря на то, господя, рѣчь почтеннаго представителя по нѣкоторымъ вышшимъ соображеніямъ никуда не годится. Надѣюсь, господя, что вы совершенно со мною согласны. — Тутъ онъ обращается ко всѣмъ представителямъ и взглядъ его начинается сверкать строгостью. Представители, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ восторгомъ рукоплещутъ гувернеру, а между тѣмъ, тутъ же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позволенія гувернера и къ слѣдующему разу. Гувернеръ благосклонно позволяетъ; сочинитель описанія на „Восходъ солнца“ удаляется гордый своимъ успѣхомъ; представители удаляются, облизываясь, въ нѣдра своихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ эпузами въ Пале-Рояль, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а гувернеръ, отрапортовавъ кому слѣдуетъ обо всемъ, объявляетъ всей Франціи, что все обстоитъ благополучно.

Иногда, впрочемъ, когда начинаются дѣла поважнѣе, заводятъ и игру поважнѣе. Въ одно изъ собраній приводятъ самого принца Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію, къ совершенному испугу всѣхъ этихъ учащихся юношей. Въ классѣ торжественная тишина. Принцъ Наполеонъ либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, по его мнѣнію, надѣ то-то и то-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ, говорится то самое, что (предполагается) могли бы высказать эти же самыя милыя дѣти, если бъ гувернеръ хоть на минуточку вышелъ изъ класса. Разумѣется, и тутъ въ мѣру; да и предположеніе нелѣпое, потому что всѣ эти милыя дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевеливаются, если бъ гувернеръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ, когда принцъ Наполеонъ кончаетъ, встаетъ гувернеръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: „Восходъ солнца“ было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, краснорѣчивымъ мыслямъ и благонравію всемилостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, но... и т. д., то-есть все, что было сказано прежде; разу-

мѣется, весь классъ аплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до неистовства, принца уводятъ домой, благонравные ученики расходятся изъ класса, какъ настоящіе благонравные пайныки, а вечеромъ гуляютъ съ эпугами въ Пале-Рояль, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д., и т. д., и т. д., однимъ словомъ, порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія, гдѣ судятся уголовные процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантии и въ шапкѣ говорилъ рѣчь и сыпалъ перлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели плавали въ восторгѣ. Была благоговѣйная тишина: мы вошли на цыпочкахъ. Дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-пустынники. Отцы-пустынники поминутно замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выводятся наружу; но публика молчитъ и очень мало скандализируется, потому что отцы-пустынники имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благонравенъ. Отцы все болѣе и болѣе останавливаются на томъ мнѣніи, что капиталчикъ лучше всего, всѣхъ этихъ мечтаній и прочаго, и что какъ поприкопишь деньжонокъ, такъ и силу можно имѣть, а то что краснорѣчіе-то! Краснорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но они въ послѣднемъ случаѣ, на мой взглядъ, немного ошибаются. Конечно, капиталчикъ всеблагое дѣло, но и краснорѣчіемъ много можно сдѣлать съ французомъ. Эпуги по преимуществу поддаются отцамъ-пустынникамъ, даже теперь гораздо болѣе, чѣмъ замѣчалось прежде. Есть надежда, что и буржуа на это поворотить. Въ процессѣ изъяснялось, какъ пустынники долготѣнимъ, хитрымъ, даже ученымъ (у нихъ есть для этого наука) тяготѣняемъ отяготѣли надъ душой одной прекрасной и весьма денежной дамы, какъ они соблазнили ее идти жить къ себѣ въ монастырь, какъ тамъ пугали ее до болѣзни, до истерики разными страхами и все съ расчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ, наконецъ, довели ее до болѣзни, до идиотства, представили ей, наконецъ, что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ Богомъ и мало-по-малу удалили совершенно родственниковъ. „Даже ея племянница, эта дѣвственная, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и

невинности, даже и она не смѣла войти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ; и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызать ея *front virginal*, гдѣ возсѣдалъ бѣлый ангелъ невинности“... Однимъ словомъ, все въ этомъ родѣ; было удивительно хорошо. Говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таялъ президентъ, таяла публика. Отцы-пустынники проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе краснорѣчія. Они, конечно, не унываютъ. Проиграли одно, выиграютъ пятнадцать.

— Кто адвокатъ? спросилъ я одного молодого студента, бывшаго въ числѣ благоговѣвшихъ слушателей. Студентовъ тутъ было множество и все такіе благонравные. Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! отвѣтилъ онъ, наконецъ, съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ, что я, конечно, сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ цвѣтами французскаго краснорѣчія, такъ сказать, въ самомъ главномъ его источникѣ.

Но источниковъ этихъ бездна. Буржуа проѣденъ до конца ногтей краснорѣчіемъ. Однажды мы вошли въ Пантеонъ поглядѣть на великихъ людей. Время было не урочное и съ насъ спросили два франка. Затѣмъ дряхлый и почтенный инвалидъ взялъ ключи и повелъ насъ въ церковные склепы. Дорогой онъ говорилъ все еще какъ челоуѣкъ, немного только шамкал, за недостаткомъ зубовъ. Но сойдя въ склепы, немедленно запѣлъ, только что подвель насъ къ первой гробницѣ.

— *Ci-gît Voltaire*, — Вольтеръ, сей великій геній прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предрасудки, уничтожалъ невѣжество, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ свѣтильникъ просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнеля.

Онъ говорилъ, очевидно, по заученному. Кто-нибудь когда-нибудь написалъ ему на бумажкѣ радею и онъ ее вытвердилъ на всю жизнь: даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать свой высокій слогъ.

— *Ci-gît Jean Jacques Rousseau*, продолжалъ онъ, подходя къ другой гробницѣ. — *Jean Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!*

Мнѣ стало вдругъ смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно

опошлить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря о nature и vérité, рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Странно! сказалъ я ему. — Изъ этихъ двухъ великихъ людей одинъ всю жизнь называлъ другого лгуномъ и дурнымъ человѣкомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И вотъ они сошлись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! замѣтилъ было инвалидъ, желая что-то возразить, но однакожъ не возразилъ и поскорѣй повелъ насъ еще къ гробницѣ.

— *Ci-gît Lannes*, маршалъ Ланнъ, заплѣлъ онъ еще разъ, — одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, искуснѣйшій предводитель войскъ, исключая великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну, да, это былъ другъ Наполеона, сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! Позвольте говорить мнѣ, прервалъ инвалидъ какъ будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человѣка. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество...

— Ну, да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! Позвольте же мнѣ самому говорить, вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ. — Вы, можетъ-быть, и знаете это все... Но позвольте и мнѣ разсказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому разсказать, хотя бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, подхватилъ онъ снова, — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю...

— Пришелъ къ нему проститься, дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! сказалъ старикъ, съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой, — мсье! Я

знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете, можетъ-быть, лучше меня. Но вѣдь вы сами взяли меня вамъ показывать: позвольте-жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось...

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (увы! бесполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчилъ жестокія страданія умершаго почти на глазахъ его полководца. — *C'est fini, monsieur*, прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошелъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница: ну, это... *quelques sénateurs*, прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ неподалеку. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Ланна. Это уже былъ непосредственный, такъ сказать, народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели-жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія, конвента и клубовъ, въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ—любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

ГЛАВА VIII.

Брибри и мабишь.

А что-жъ эзузы. Эзузы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эзузы вмѣсто жены? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа, если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: *mon épouse*. И хоть въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ, *ma femme* — моя жена, но ужъ лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Къ тому же есть и другія наименованія. Когда буржуа расчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: *ma biche*. И обратно, любящая жена, въ припадкѣ граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: *bribri*, чѣмъ буржуа со своей стороны очень доволенъ. Брибри и мабишь постоянно процвѣтаютъ, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ ужъ условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣ-

тели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпныхъ бродягъ-коммунистовъ, кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устраивай, а мабишь нельзя удержать, что парижанка создана для любовника, что мужу почти невозможно обойтись безъ прически, онъ и умолчить, разумѣется, покамѣстъ у него еще мало приколплено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потому что начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ уже и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ, и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньжонками, желая жениться, и выбираетъ невѣсту съ деньжонками. Мало того: предварительно сосчитываются и, если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и сокупаются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужъ въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если, напримѣръ, у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужъ и не отдадутъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри получше. Кромѣ того, браки по любви становятся все болѣе и болѣе невозможными и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и, я думаю, гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе жениными денежками буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похождения своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потому что тогда, то-есть при размолвкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Къ тому же, если мабишь и защеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтившій, про себя примиряется; меньше съ него спросить жена на наряды. Мабишь тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше, и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь,

раздается между супругами всего чаще и чаще. А, наконец, если все сказать, так вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій комиссаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужъ такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ en flagrant délit, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похваливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не ропщетъ, и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться, на примѣръ, въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и, такъ сказать, канареечномъ состояніи. Ее рядятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу, и мужчина передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. Однимъ словомъ, рыцарскія отношенія соблюдены, и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д., и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталистка и копеечница, какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, то-есть дойдетъ до того, что ужъ никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительно нелѣпостью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда мабишь вдругъ быстро и скверно перерождается. Куда дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копить съ мужемъ деньги и какой-то цинизмъ проглянетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже неряхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется, не все такъ, разумѣется, бываютъ и другія, болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется, и вездѣ есть такія же социальныя отношенія, но... тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной общественной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь — царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная, доходитъ подчасъ до такой маниловщины, что иная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно... Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплутовать, чѣмъ идти честно напрямикъ: и вѣрнѣе, по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига — въ этомъ все для мабиши; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ одѣваются, какъ ходятъ по улицѣ. Мабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазированныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штукекъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею, какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего; это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ, можетъ-быть, и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процессъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина болѣею частью все равно, что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ любовь. Даже поддѣлка, можетъ-быть, болѣе нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется въ Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. „Возьми деньги, да обмани хорошенько, то-есть поддѣлай любовь“, — вотъ чего требуютъ отъ камеліи. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпужы, по крайней мѣрѣ, довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяетъ. Къ тому же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ, правая рука, старшій приказчикъ. Какъ не простить тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ пей разступаются, не

такъ, какъ у насъ, гдѣ женщина, мало-мальски не старая, двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ безъ того, чтобъ какая-нибудь воинственная или потаскливая физиономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила познакомиться.

Впрочемъ, несмотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношений между брибри и мабишь довольно мила и даже часто наивна. Вообще, заграничные люди, — это мнѣ въ глаза бросилось, — почти всѣ несравненно наивнѣе русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе: пужно самому замѣтить. *Le Russe est sceptique et moqueur*, говорятъ про насъ французы, и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, по крайней мѣрѣ, не уважаемъ его въ высшей степени, не понимая въ чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы, не принадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относимся ко всему холодно, какъ бы по обязанности и во всякомъ случаѣ отвлеченнѣе. Впрочемъ, и я отвлекся отъ предмета. Брибри подчасъ чрезвычайно наивенъ. Гуляя, напримѣръ, вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мабишь, отчего бьютъ фонтаны кверху; объясняетъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотой Булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ *les grandes eaux*, успѣхами императора Наполеона и *gloire militaire*, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мабишь тоже довольно нѣжно относится къ супругу, то-есть не то, что поддѣлкой какой-нибудь, а безкорыстно нѣжно, несмотря даже на прическу супруга. Разумѣется, я не претендую, какъ Лесажевъ бѣсъ, снимать крыши съ домовъ. Я рассказываю только, что мнѣ въ глаза бросилось, что миѣ показалось. „*Mon mari n'a pas encore vu la mer*“, говоритъ вамъ иная мабишь, и голосъ ея изображаетъ искреннее, наивное соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотреть на море. Нужно знать, что у буржуа есть нѣкоторыя пре-наивныя и пресерьезныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа, напримѣръ, кромѣ потребности накопить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ законнѣйшія потребности, освященные всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически.

Первая потребность это—*voir la mer*, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не видитъ моря. Для чего ему видѣть море? Онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ, и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще, тутъ даже много чувствительнаго, и я уважаю это. Наконецъ, ему удастся улучшить время и средства; онъ собирается и на нѣсколько дней ѣдетъ „видѣть море“. Возвратясь, онъ рассказываетъ напыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣнїяхъ женѣ, роднѣ, прїятелямъ и сладко воспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа, и особенно парижскаго буржуа, это—*se rouler dans l'herbe*. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ *avec la nature*, и особенно любитъ, если на него кто-нибудь въ это время смотритъ. Вообще, парижанинъ за городомъ считаетъ немедленную своею обязанностью стать тотчасъ же развязнѣе, игривѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ, смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ *nature* человѣкомъ. *L'homme de la nature et de la vérité!* Ужъ не съ Жанъ-Жака-ли и проявилось въ буржуа это усиленное почтеніе къ *la nature*? Впрочемъ, обѣ эти потребности: *voir la mer* и *se rouler dans l'herbe*.— парижанинъ позволяетъ себѣ болѣею частью только тогда, когда уже накопить себѣ состояніе, однимъ словомъ, когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя, какъ на человѣка. *Se rouler dans l'herbe* бываетъ даже вдвое, вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣ-нибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроскопическомъ размѣрѣ, все равно—буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: „*mon arbre, mon mur*“, твердитъ онъ себѣ и всѣмъ, кого зазоветъ къ себѣ, поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего *se rouler dans l'herbe*. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непременно лужокъ передъ домомъ. Кто-то

разсказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ растилъ, поливалъ, накладывалъ срѣзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ,—ничего на пескѣ не выходило и не принималось. Такое ужь мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланный газонъ; нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки, величиною въ сажень въ діаметрѣ, и разстилалъ этотъ коверчикъ съ длинной травой каждые послѣобѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и поваляться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своею благопріобрѣтенной собственностью, пожалуй, это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ, конечно, то же самое, что и буржуа, то-есть привазчикъ, купецъ, чиновникъ, *homme de lettres*, офицеръ. Гюставъ—это не женатый, но тотъ же самый брибри. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что рядится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какія на немъ теперь перья. Идеаль Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевилъ, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скромный и веселый водевилъ,—единственное произведеніе искусства, которое почти не пересадимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ,—водевилъ хотъ и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполне. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ, покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевилъ теперь перерождается. Онъ хотъ и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ попрежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ—нравоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишъ наставленія. Къ тому же, буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила; а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь

торжествуетъ, даже выставленный въ смѣшномъ видѣ, и подь конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобныя доклады серьезно успокаиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго чловѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ успѣхъ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокаивать. Онъ даже начинаетъ вѣрить въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того, что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. По Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ гениемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтесса, втайнѣ по немъ страдающая, но въ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его со своей воспитанницей Сесиль, не имѣвшей ни копейки, но у которой вдругъ оказывались безчисленныя деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ же врываются три смѣшныя милорда и предлагаютъ ему по сто тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искусства, святого искусства, на профанацію пигмеямъ, до сихъ поръ не замѣтившимъ, какъ онъ великъ. Но врывается виконтесса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтесса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется, Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея миллионъ,

прощает виконтессу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье, и, совокупившись законнымъ бракомъ, начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, bonnet de coton и прогуливаться съ мабишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй, разумѣтся, напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земного счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не приказчикъ, а какой-нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются милліоны. Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ милліоны. Зачѣмъ? Ужъ такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шелъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ милліоны и, обругавъ всѣхъ самыми скверными словами за то, что во всемъ родѣ человѣческомъ нѣтъ такого же неизъяснимаго благородства, какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему, и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непременно съ ленточкой Почетнаго Легиона, „купленной своею кровью“. Кстати, эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только что не плюетъ па васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ, наконецъ, начинаетъ тошнить, у васъ разливается желчь и вы принуждены посылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосье Бопре, по крайней мѣрѣ, болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре, разумѣтся, накопилъ

много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, немного смѣшонъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизъяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему невѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказывается, разумѣется, что она чиста, какъ голубь, что она только пошалаила, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушiемъ, ей дороже всего. Сесиль, разумѣется, попрежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ; впоследствии же у ней оказывается миллионъ. Гюставъ гордъ и презрительно благороденъ, какъ и всегда, только куражу больше, потому что военная косточка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью, и „l'ère de mon père“. Объ этой шпагѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло: онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и аплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется, у него ни гроша, это *sine qua non*. Мадамъ Бопре, разумѣется, влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кряхтитъ отъ любви въ продолженіе пяти актовъ. Идетъ, наконецъ, снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаются: Гюставъ, блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его скюртукѣ. Клеветникъ и оболъститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ, наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это штуки мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная, и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя отъ отчаянія. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ; мабишь его никогда не забудетъ. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль миллионъ, и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться. Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непременно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на миллионъ, иначе буржуа не проститъ ему; неизъяснимаго благородства будетъ мало, пожалуйста, не

думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не безпокойтесь: милліонъ не минуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подѣ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подѣ конецъ милліонъ, Сесиль и затѣмъ начинаются неизбѣжныя фонтанчики, котоновыя колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ и чувствительности выходитъ много, и неизяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями, и, главное, главное—милліонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе, и т. д., и т. д. Врибри и мабишь выходятъ изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и, подсаживая чужую мабишь въ фіакръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку... Все идетъ какъ слѣдуетъ.

ЗАПИСКИ

ИЗЪ

ПОДПОЛЬЯ *).

ПОВѢСТЬ.

I.

Подполье **).

I.

Я человекъ больной... Я злой человекъ. Непривлекательный я человекъ. Я думаю, что у меня болитъ печень. Впрочемъ, я ни шиша не смыслю въ моей болѣзни и не знаю навѣрно, что у меня болитъ. Я не лѣчусь и никогда не лѣчился, хотя медицину и докторовъ уважаю. Къ тому же я еще и суевѣренъ до крайности, ну хоть настолько, чтобъ уважать медицину. (Я достаточно образованъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ, но я суевѣренъ). Нѣтъ-съ, я не хочу лѣчиться со злости. Вотъ вы этого, навѣрно,

*) Въ первый разъ напечатаны въ журналѣ „Время“ 1816 г., I, II, IV.

***) И авторъ записокъ, и самая „Записки“, разумѣется, вымышлены. Тѣмъ не менѣе такія лица, какъ сочинитель такихъ записокъ, не только могутъ, но даже должны существовать въ нашемъ обществѣ, взявъ въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ вообще складывалось наше общество. Я хотѣлъ вывести передъ лицо публики, повиднѣ обыкновеннаго, одинъ изъ характеровъ протекшаго недавняго времени. Это—одинъ изъ представителей еще доживающаго поколѣнія. Въ этомъ отрывкѣ, озаглавленномъ „Подполье“, это лицо рекомендуетъ самого себя, свой взглядъ, и какъ бы хочетъ выяснитъ тѣ причины, по которымъ оно явилось и должно было явиться въ нашей средѣ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ придутъ уже настоящія „Записки“ этого лица о нѣкоторыхъ событіяхъ его жизни.

Федоръ Достоевскій.

не изволите понимать. Ну-съ, а я понимаю. Я, разумеется, не сумѣю вамъ объяснить, кому именно я насолю въ этомъ случаѣ моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторамъ я никакъ не смогу „нагадить“ тѣмъ, что у нихъ не лѣчусь; я лучше всякаго знаю, что всѣмъ этимъ я единственно только себѣ поврежу, и никому больше. Но все-таки, если я не лѣчусь, такъ это со злости. Печенка болитъ, такъ вотъ пускай же ее еще крѣпче болитъ!

Я ужъ давно такъ живу,—лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало-быть, долженъ же былъ себя хоть этимъ вознаградить. (Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая, что выйдетъ очень остро; а теперь, какъ увидалъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить,—нарочно не вычеркну!). Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили, бывало, просители за справками,—я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось кого-нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкій: извѣстно—просители. Но изъ фертвовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ не хотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я, наконецъ, одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ, это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости? Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуту самой сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человекъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какую-нибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь. Даже душой умилюсь, хоть ужъ, навѣрно, потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько мѣсяцевъ страдать бессонницей. Таковъ ужъ мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто баловствомъ занимался и съ просителями, и съ офицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣлаться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ много-премного самыхъ противоположныхъ тому

элементовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и кишать во мнѣ, эти противоположные элементы. Я зналъ, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ меня вонъ наружу просились, но я ихъ не пускалъ, не пускалъ, нарочно не пускалъ наружу. Они мучили меня до стыда; до конвульсій меня доводили и—надоѣли мнѣ, наконецъ, какъ надоѣли! Ужъ не кажется-ли вамъ, господа, что я теперь въ чемъ-то передъ вами раскаяваюсь, что я въ чемъ-то у васъ прощенья прошу?.. Я увѣренъ, что вамъ это кажется... А, впрочемъ, увѣряю васъ, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не сумѣлъ сдѣлаться: ни злымъ, ни добрымъ, ни подлецомъ, ни честнымъ, ни героемъ, ни насѣкомымъ. Теперь же доживаю въ своемъ углу, дразня себя злобнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ, что умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ-нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только дуракъ. Да-съ, человѣкъ девятнадцатаго столѣтія долженъ и нравственно обязанъ быть существомъ по преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ же съ характеромъ, дѣятель,—существомъ по преимуществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое убѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь сорокъ лѣтъ—это вся жизнь; вѣдь это самая глубокая старость. Долше сорока лѣтъ жить неприлично, пошло, безнравственно. Кто живетъ долше сорока лѣтъ?—отвѣчайте искренно, честно. Я вамъ скажу, кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я всѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребровласымъ и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу!.. Пойдите! Дайте духъ перевести...

Навѣрно, вы думаете, господа, что я васъ смѣшить хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, или какъ вамъ, можетъ-быть, кажется; впрочемъ, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто-жъ я таковъ именно?—то я вамъ отвѣчу: я одинъ коллежскій ассессоръ. Я служилъ, чтобъ было что-нибудь ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по ду-

ховному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя—деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея къ тому же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выѣду изъ Петербурга! Я потому не выѣду.. Эхъ! Да вѣдь это совершенно все равно выѣду я иль не выѣду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человекъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну, такъ и я буду говорить о себѣ.

II.

Мнѣ теперь хочется рассказать вамъ, господа, желается или не желается вамъ это слышать, почему я даже и насѣкомымъ не сумѣлъ сдѣлаться. Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ сознавать—это болѣзнь, настоящая, полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было бы достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то-есть въ половину, въ четверть меньше той порціи, которая дается на долю развитого человѣка нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія и, сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастіе обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города бываютъ умышленные и неумышленные). Совершенно было бы довольно, напримѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ-называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ, вы думаете, что я ишу все это изъ форсу, чтобъ поострить насчетъ дѣятелей, да еще изъ форсу дурного тона, гремлю саблей, какъ мой офицеръ. Но, господа, кто же можетъ своими же болѣзнями тщеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ, что-жь я?—Всѣ это дѣлають; болѣзнями-то и тщеславятся, а я, пожалуй, и больше всѣхъ. Не будемъ спорить: мое возраженіе нелѣпо. Но все-таки я

крѣпко убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе—болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, что, какъ нарочно, въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ которыя я наиболѣе способенъ былъ сознать всѣ тонкости „всего прекраснаго и высокаго“, какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ случалось уже не сознать, а дѣлать такія неприглядныя дѣянья, такія, которыя... ну да, однимъ словомъ, которыя хоть и всѣ, пожалуй, дѣлаютъ, но которыя, какъ нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознатель, что ихъ совсѣмъ бы не надо дѣлать? Чѣмъ больше я сознатель о добрѣ и о всемъ этомъ „прекрасномъ и высокомъ“, тѣмъ глубже я и опускался въ мою тину и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ ней. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не болѣзнь и не порча, такъ что, наконецъ, у меня и охота прошла бороться съ этой порчей. Кончилось тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ (а, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ), что это, пожалуй, и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ-то, сколько я мѣки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я не вѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потомъ всю жизнь тайлъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился (даже, можетъ-быть, и теперь стыжусь); до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденіе возвращаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголь и усиленно сознать, что вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротить, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконецъ, въ какую-то позорную, проклятую сладость и, наконецъ,—въ рѣшительное, серьезное наслажденіе! Да, въ наслажденіе, въ наслажденіе! Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что мнѣ все хочется навѣрно узнать: бываютъ-ли и у другихъ такія наслажденія? Я вамъ объясню; наслажденіе было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго сознанія своего униженія; оттого, что ужъ самъ чувствуешь, что до послѣдней стѣны дошелъ; что и скверно это, но что и нельзя тому иначе быть; что ужъ нѣтъ тебѣ выхода, что ужъ никогда не сдѣлаешься дру-

гимъ человѣкомъ; что если бѣ даже и оставалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться во что-нибудь другое, то навѣрно самъ бы не захотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ бы, такъ и тутъ бы ничего не сдѣлалъ, потому что, на самомъ-то дѣлѣ, и передѣлываться-то, можетъ-быть, не во чтѣ. А главное, и конецъ концовъ, что все это происходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ усиленнаго сознанія и по инерціи, прямо вытекающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ не только не передѣлаешься, да и просто ничего не подѣлаешь. Выходить, напримѣръ, вслѣдствіе усиленнаго сознанія: правъ, что подлець, какъ будто это подлецу утѣшеніе, коль онъ уже самъ ощущаетъ, что онъ дѣйствительно подлень. Но довольно... Эхъ, нагородилъ-то, а чтѣ объяснилъ? Чѣмъ объясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь. Я таки доведу до конца! Я и перо затѣмъ въ руки взялъ...

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителекъ и обидчивъ, какъ горбунъ или карликъ, но, право, бывали со мною такія минуты, что если-бѣ случилось, что мнѣ бы дали пощечину, то, можетъ-быть, я былъ бы даже и этому радъ. Говорю серьезно: навѣрно я бы сумѣлъ отыскать и тутъ своего рода наслажденіе, разумѣется, наслажденіе отчаянія, но въ отчаяніи-то и бываютъ самыя жгучія наслажденія, особенно когда ужъ очень сильно сознаешь безвыходность своего положенія. А тутъ, при пощечинѣ-то,—да тутъ такъ и придавить сознаніе о томъ, въ какую мазь тебя растерли. Главное же, какъ ни раскидывай, а все-таки выходить, что всегда я первый во всемъ виновать выхожу и, что всего обиднѣе, безъ вины виновать, и, такъ сказать, по законамъ природы. Потому, во-первыхъ, виновать, что я умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ. (Я постоянно считалъ себя умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ, и иногда, повѣрите-ли, даже этого совѣстился. По крайней мѣрѣ, я всю жизнь смотрѣлъ какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза). Потому, наконецъ, виновать, что если-бѣ и было во мнѣ великодушіе, то было бы только мнѣ же мѣшки больше отъ сознанія всей его бесполезности. Я вѣдь навѣрно ничего бы не сумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія; ни простить, потому что обидчикъ, можетъ, ударилъ меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ, если-бѣ даже я

захотѣлъ бытъ вовсе не великодушнымъ, а, напротивъ, пожелалъ бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что-нибудь сдѣлать, если-бъ даже и могъ. Отчего не рѣшился бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать два слова особо.

III.

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отмстить и вообще за себя постоять,—какъ это, на примѣръ, дѣлается? Вѣдь ихъ какъ обхватить, положимъ, чувство мести, такъ ужъ ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется, кромѣ этого чувства. Такой господинъ такъ и претъ прямо къ дѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, наклонивъ внизъ рога, и только развѣ стѣна его останавливаетъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, то-есть непосредственные люди и дѣятели, искренно пасуютъ. Для нихъ стѣна—не отводъ, какъ, на примѣръ, для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно ничего не дѣлающихъ; не предлогъ воротиться съ дороги, предлогъ, въ который нашъ братъ обыкновенно и самъ не вѣрится, но которому всегда очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искренностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокоеительное, нравственно-разрѣшающее и окончательное, пожалуй, даже что-то мистическое... Но объ стѣнѣ послѣ). Ну-съ, такогото вотъ непосредственнаго человѣка я и считаю настоящимъ, нормальнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть сама нѣжная мать-природа, любезно зарождая его на землѣ. Я такому человѣку до крайней желчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами не спорю, но, можетъ-быть, нормальный человѣкъ и долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ-быть, это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ, такъ сказать, подозрѣвнѣи, что если, на примѣръ, взять антитезу нормальнаго человѣка, то-есть человѣка усиленно-сознающаго, вышедшаго, конечно, не изъ лона природы, а изъ реторты (это уже почти мистицизмъ, господа, но я подозрѣваю и это), то этотъ реторный человѣкъ до того иногда пасуетъ передъ своимъ антитезомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усиленнымъ сознаниемъ, добросовѣстно считаетъ за мышъ, а не за человѣка. Пусть это и усиленно сознающая мышъ, но все-таки мышъ, а тутъ человѣкъ, а слѣдственно и проч. И, главное, онъ самъ, самъ вѣдь считаетъ себя за мышъ;

его объ этомъ никто не просить; а это важный пунктъ. Взглянемъ же теперь на эту мышь въ дѣйствии. Положимъ, наприимѣръ, она тоже обижена (а она почти всегда бываетъ обижена) и тоже желаетъ отмстить. Злости-то въ ней, можетъ, еще и больше накопится, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желанье воздать обидчику тѣмъ же зломъ, можетъ, еще и гаже скребется въ ней, чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считаетъ свое мщенье просто-запросто справедливостью; а мышь, вслѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходить, наконецъ, до самаго дѣла, до самаго акта отмщенія. Несчастливая мышь, кромѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже нагородить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и сомнѣній, столько другихъ гадостей, къ одному вопросу подвела столько неразрѣшенныхъ вопросовъ, что поневолѣ кругомъ ея набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и, наконецъ, изъ плевковъ, сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣятелей, предстоящихъ торжественно кругомъ въ видѣ судей и диктаторовъ и хочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется, ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой напускного презрѣнья, которому и сама она не вѣритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подпольѣ, наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышь немедленно погружается въ холодную, ядовитую и, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ постыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробности еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ стыдиться своей фантазіи, но все-таки все припомнить, все переборетъ, навдумаетъ на себя небывальщины, подъ предлогомъ, что она тоже могла случиться, и ничего не простить. Пожалуй, и мстить начнетъ, но какъ-нибудь урывками, мелочами, изъ-за печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни успѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отмстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того, кому мстить, а тотъ, пожалуй, и не почешется. На смертномъ одрѣ опять-таки все припомнить, съ накопив-

шимися за все время процентами и... Но именно вот въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя заживо съ горя въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно-созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ навѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній—и заключается собѣ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть-чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ крѣпкими нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. „Можетъ, еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя, осклабясь, которые никогда не получали пощечинъ“,— и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь, можетъ-быть, тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно, какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я, можетъ-быть, еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роздалъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ, напримѣръ, хотя и ревуть, какъ быки, во все горло, хотъ это, положимъ, и приносятъ имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность—значить, каменная стѣна! Какая каменная стѣна? Ну, разумѣется, законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, напримѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужъ какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственного жиру тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшаются подъ конецъ всѣ такъ-называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предрасудки, такъ ужъ такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды два—математика. Попробуйте возразить.

„Помилюйте, закричать вамъ, возставать нельзя: это

дважды два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній и до того, нравятся-ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ, какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна, значить, и есть стѣна.., и т. д., и т. д.". Господи Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему-нибудь эти законы и дважды два четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробыю такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна и у меня силъ не хватило.

Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое-нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды два четыре. О, нелѣпость нелѣпостей! То-ли дѣло все понимать, все сознать, всѣ невозможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзить примиряться; дойти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ будто чѣмъ-то самъ виновать, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виновать, и вслѣдствіе этого, молча и бессильно скрежеща зубами, сладострастно замереть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а, можетъ быть, и никогда не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда,—неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но, несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки, у васъ все-таки болитъ, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болитъ!

IV.

„Ха-ха-ха! Да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслажденіе!“ вскрикнете вы со смѣхомъ.

— А что-жь? И въ зубной боли есть наслажденіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяцъ болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно, не молча злятся, а стонуть; но это стопы не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стонахъ и выражается наслажденіе страдающаго; не ощущалъ бы онъ въ нихъ наслажденія,—онъ бы и стонать не сталъ. Это

хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ этихъ стонахъ выражается, во-первыхъ, вся для вашего сознанія унижительная безцѣльность вашей боли; вся законность природы, на которую вамъ, разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-таки страдаете, а она-то нѣтъ. Выражается сознаніе, что врага у васъ не находится, а что боль есть; сознаніе, что вы, со всевозможными Вагенгеймами, вполнѣ въ рабствѣ у вашихъ зубовъ; что захочетъ кто-то, и перестанутъ болѣть ваши зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца проболеть; и что, наконецъ, если вы все еще не согласны и все-таки протестуете, то вамъ остается для собственнаго утѣшенія только самого себя высѣчь, или прибить побольше кулакомъ вашу стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ, вотъ отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ, и начинается, наконецъ, наслажденіе, доходящее иногда до высшаго сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь къ стонамъ образованнаго человѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами, этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ первый день стоналъ, то-есть не просто оттого, что зубы болятъ; не такъ, какъ какой-нибудь грубый мужикъ, а такъ, какъ человѣкъ тронутый развитіемъ и европейской цивилизаціей, стонетъ какъ человѣкъ „отрѣшившійся отъ почвы и народныхъ началъ“, какъ теперь выражаются. Стоны его становятся какіе-то скверные, пакостно-злые и продолжаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ стопами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ, что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзѣніемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства балуется. Ну, такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ сознаніяхъ и позорахъ и заключается сладострастіе. „Дескать, я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домъ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужъ теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гаденькой человѣкъ, шенапанъ.

Ну, такъ пусть же! Я очень радъ, что вы меня раскусили. Вамъ скверно слушать мои подленькіе стоны? Ну, такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй ругаду сдѣлаю“... Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастія. Вы смѣтаетесь? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно, дурного тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣрчивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько-нибудь себя уважать?

V.

Ну, развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-нибудь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженія посягнулъ отыскать наслажденіе? Я не отъ приторнаго какого-нибудь раскаянья такъ теперь говорю. Да и вообще терпѣть я не могъ говорить: „Простите, папаша, впередъ не буду“, — не потому, чтобъ я неспособенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ-быть, именно потому, что ужъ слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь, бывало, въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виноватъ. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаивался, слезы проливалъ и, конечно, самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся, сердце ужъ тутъ какъ-то гадило... Тутъ ужъ даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь я уже со злобою соображаю, бывало, что все это ложь, ложь отвратительная, напускная ложь, то-есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужъ очень было сложа руки сидѣть, вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте лучше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ-нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось—ну, хоть, на примѣръ, обижаться, такъ, не изъ-за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь, бывало, что не изъ-за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ конецъ, право, и въ самомъ

дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужъ я сталъ подѣ конецъ и въ себѣ не властенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣрю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣрится, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ; ревную, изъ себя выхожу... И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія—это инерція, то-есть сознательное сложаруки-сидѣнье. Я ужъ объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограниченны. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокаиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать, нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужъ никакихъ не оставалось. Ну, а какъ я, напри-мѣръ, себя успокою? Гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму. Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять, стало-быть, законы природы. Что-же, наконецъ, въ результатѣ? Да то же самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человекъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ, онъ первоначальную причину нашель, а именно: справедливость. Стало-быть, онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мстить, то развѣ только изъ злости. Злость, конечно, могла бы все пересилить, всѣ мои сомнѣнія, и, стало-быть, могла бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому, что она не причина. Но что же дѣлать, если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ).

Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь,—предметъ улетучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ-то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый выходъ, то-есть стѣну побольше прибить. Ну, и рукой махнешь, потому что не нашель первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣзавтра, это ужъ самый поздній срокъ, самого себя презирать начнешь, за то, что самого себя зазнамо надулъ. Въ результатѣ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я, можетъ, потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать, ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всѣ мы. Но что же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня, то-есть умышенное пересыпанье изъ пустою въ порожнее.

VI.

О, если бъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ, кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это неприятно было бы слышать о себѣ. Значить, положительно опредѣленъ, значить, есть что сказать обо мнѣ. „Лѣнтяй!“—да вѣдь это званье и назначенье, это карьера-съ. Не шутите, это такъ. Я тогда членъ самаго первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что непрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ бы лѣнтяй и обжора, но не простой, а, напримѣръ, сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ

это нравится? Мнѣ это давно мерещилось. Это „прекрасное и высокое“ сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ; а тогда— о, тогда было бы иначе! Я бы тотчасъ же отыскалъ себѣ и соответствующую дѣятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокалъ слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ, какъ мокрая губка. Художникъ, на примѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ „какъ кому угодно“; тотчасъ же пью за здоровье „кого угодно“, потому что люблю все „прекрасное и высокое“. — Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно, — да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отрастилъ бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой бы сандачный носъ себѣ выработалъ, что всякій встрѣчный сказалъ бы, смотря на меня: „Вотъ такъ плюсъ! Вотъ такъ ужъ настоящее положительное!“ А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы преприятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII.

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что, если-бъ его просвѣтитъ, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ же пересталъ бы дѣлать пакости, тотчасъ же сталъ бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать, зазнамо, противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно, такъ сказать, по необходимости сталъ бы дѣлать добро? О, младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда же, во-первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной

выгоды? Что же дѣлать съ миллионами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди *знамо*, то-есть вполне понимая свои настоящія выгоды, отставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ не принуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь, значить, имъ дѣйствительно это упрямство и своеволие было пріятнѣе всякой выгоды... Выгода! Что такое выгода? Да и беретели вы на себя совершенно точно опредѣлить, въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что, если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худого пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете, бываетъ ли такой случай? Вы смѣтаете; смѣйте, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую классификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это—благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну, и такъ далѣе, и такъ далѣе, такъ что человѣкъ, который бы, напримѣръ, явно и *знамо* прошелъ противъ всего этого реестра, былъ бы по-вашему, ну, да и, конечно, по-моему, обскурантъ или свѣтъ сумасшедшій, такъ-ли? Но, вѣдь, вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь расчетъ зависитъ. Бѣда бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую классификацію не попадаетъ и ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напримѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа, да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ же изложить вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему

послушать по законамъ разсудка и истины. Мало того, съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укоритъ близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели, и—ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно по чему-то такому внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ, — выкинетъ совершенно другое колѣно, то-есть явно пойдетъ противъ того, о чемъ самъ и говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну, однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель—лицо собирательное и потому только его одного винить—какъ-то трудно. То-то и есть, господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или (чтобъ ужъ логики не нарушать) — есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ о которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, то-есть противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія, — однимъ словомъ, противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну, такъ все-таки выгоды же! перебиваете вы меня.— Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши классификаціи разрушаетъ и всѣ системы, поставленные любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ, всему мѣшаетъ. Но, прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человѣчеству настоящихъ нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало бы тотчасъ же добрымъ и благороднымъ,—покаместъ, по моему мнѣнію, одна логистика! Да-съ, логистика. Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по-моему, почти то же... ну, хоть утверждать, наиримѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи че-

ловѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то, кажется, у него и такъ выходить. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видоизменить и слыхомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркій примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ—и великій, и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка—вѣковѣчный союзъ. Вотъ вамъ, наконецъ, карикатурный Шлезвигъ-Гольштейнъ... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще, пожалуй, дойдетъ до того, что отыщеть въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случалось съ нимъ. Замѣчали-ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза, какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По крайней мѣрѣ, отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ, если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ спокойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше, чѣмъ прежде. Что хуже?—Сами рѣшите. Говорятъ, Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *приучился* поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены,

что онъ непременно пріучится, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполне перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и, такъ сказать, поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка (хоть это ужъ и роскошь, по-моему), что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ фортепیانной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того — на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно, эти законы природы стоитъ только открыть, и ужъ за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то,—это все вы говорите,—настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужъ готовые и тоже вычисленныя съ математическою точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворецъ. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать (это ужъ я теперь говорю), что тогда не будетъ, на примѣръ, ужасно скучно (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), зато все будетъ чрезвычайно благо-разумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скверно то (это опять-таки я говорю), что, чего добраго, пожалуй, и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То-есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужъ зато неблагодаренъ такъ, что поискать другого, такъ не найти. Вѣдь я, на-

примѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того; ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возликнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагогородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою физиономіей, упреть руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логариѣмы отправились къ чорту и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователь найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пущѣйшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужъ моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризъ, своя фантазія, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествія, — вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела. Ну, и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ...

VIII.

„Ха-ха-ха. Да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите, и нѣтъ!“ прерываете вы съ хохотомъ. — „Наука даже о сю пору до того успѣла разанатомировать человѣка, что ужъ и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ-называемая свободная воля есть не что иное, какъ...“

— Пойдите, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я, признаюсь, даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависить и что это, пожалуй, и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и... осѣлся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ

самомъ дѣлѣ, ну, если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, то-есть отъ чего они зависятъ, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч., то-есть настоящую математическую формулу,—такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ же, пожалуй, и перестанетъ хотѣть, да еще, пожалуй, и навѣрное перестанетъ. Ну, что за охота хотѣть по табличкѣ? Мало того: тотчасъ же обратится онъ изъ человѣка въ органичный штифтикъ, или въ родъ того; потому, что же такое человѣкъ безъ желаній, безъ воли и безъ хотѣній, какъ не штифтикъ въ органичномъ валѣ? Какъ вы думаете? Сосчитаемъ вѣроятности,—можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм!.. рѣшаете вы,—наши хотѣнья бо́льшею частію бывають ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣе предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно же и бессмысленно заранѣе вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаетъ), то тогда, разумѣется, не будетъ такъ-называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье стакнется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужъ мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя же, напримѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* бессмыслицы и, такимъ образомъ, зазнамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго... А такъ какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потому что когда-нибудь откроютъ же законы такъ-называемой нашей свободной воли, то, стало-быть, и, кромѣ шутокъ, можетъ устроиться что-нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и, дѣйствительно, хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда-нибудь расчислятъ и докажутъ, что если я показалъ такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непременно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что же тогда во мнѣ *свободнаго-то* остается, особенно если я ученый и гдѣ-нибудь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ расчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ

вѣдь намъ ужъ нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ понять. Да и вообще мы должны, не уставая, повторять себѣ, что непременно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ, какъ она есть, а не такъ, какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... хоть бы даже и къ ретортѣ, то что же дѣлать, надо принять и реторту! Не то она сама, безъ васъ примется...

Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и запятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! Позвольте пофантазировать. Видите-ли-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, то-есть всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ, и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи, выходитъ зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, напимѣрь, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, то-есть какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ: это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ, всѣмъ что въ ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть вретъ, да живетъ. Я подозреваю, господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ, такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, зазнамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ, есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, а именно: чтобы *имѣть право* пожелать себѣ даже и глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризь и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего,

что есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приносить намъ явный вредъ и противорѣчить самымъ здоровымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ,—потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое, то-есть нашу личность и нашу индивидуальность. Иные вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье, конечно, можетъ, если захотеть, и сходиться съ разсудкомъ, особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно, и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже болѣею частію совершенно и упрямо разногласить съ разсудкомъ и... и... и знаете-ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хотъ бы по тому одному, что если ужъ онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ умнѣ?). Но если и не глупъ, то все-таки—чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его—это постоянное неблагоправіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-Гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагоправіе, а слѣдственно и неблагоприятіе; ибо давно извѣстно, что неблагоприятіе не иначе происходитъ, какъ отъ неблагоправія. Попробуйте же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества: ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хотъ и величественно; ужъ одинъ колоссъ Родосскій, напримѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Анаевскій свидѣтельствуетъ о немъ, что одни говорятъ, будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ; другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою.—Пестро? Пожалуй хотъ и пестро: разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ,—ужъ одно это чего стоитъ, а съ вицмундирами и совѣмъ можно ногу сломать, ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну, пожалуй, и однообразно: дерутся да дерутся, и теперъ дерутся, и прежде дрались, и послѣ дрались,—согласитесь, что это даже ужъ слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ, все можно сказать о всемірной исторіи, все что только са-

тому разстроенному воображенію въ голову можетъ придти. Одного только нельзя сказать,—что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благодѣтели и благоразумные люди, такіе мудрецы и любители рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ пѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благодѣтельно и благоразумно, такъ сказать, свѣтить собой ближнимъ, собственно для того, чтобъ доказать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ прожить и благодѣтельно и благоразумно. И что-жь? Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей, рано-ли, поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ, произведя какой-нибудь анекдотъ, иногда даже изъ самыхъ неприличнѣйшихъ. Теперь васъ спрошу: чего же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ существа, одареннаго такими странными качествами? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастіи совѣмъ съ головой, такъ, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастія, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совѣмъ ужъ ничего больше не оставалось дѣлать, кромѣ какъ спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращеніи всемірной исторіи,—такъ онъ вамъ и тутъ, человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаетъ. Рискнетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самаго пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумію примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Именно свои фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость пожелаетъ удержать за собой, единственно для того, чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ ужъ очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепіанныя клавиши, на которыхъ хоть и играютъ сами законы природы, собственноручно, но грозятъ до того доиграться, что ужъ мимо календаря и захотѣтъ ничего нельзя будетъ. Да вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно бы оказался фортепіанной клавишей, если бѣ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ не образумится, а нарочно, напротивъ, что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно, чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ, если средствъ у него не окажется, выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія

и настоить-таки на своемъ! Проклятiе пустить по свѣту, а такъ какъ проклинать можетъ только одинъ человекъ (это ужъ его привилегiя, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ), такъ вѣдь онъ, пожалуй, однимъ проклятiемъ достигнетъ своего, то-есть дѣйствительно убѣдится, что онъ человекъ, а не фортепiанная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно рассчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятiе, такъ что ужъ одна возможность предварительнаго расчета все остановить и разсудокъ возьметъ свое,—такъ человекъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоить на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое, кажется, и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человекъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человекъ, а не штифтикъ! Хоть своими боками, да доказывалъ; хоть троглодитствомъ, да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить, не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависить.

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопочутъ какъ-нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ ариѳметикой.

— Эхъ, господа, какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходить до таблички и до ариѳметики, когда будетъ одно только дважды два четыре въ ходу? Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX.

Господа, я, конечно, шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя же все принимать за шутку. Я, можетъ-быть, скрипя зубами шучу. Господа, меня мучать вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человекъ отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить,сообразно съ требованiями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человекъ не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? Изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человѣческому такъ необхо-

димо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправленіе дѣйствительно принесеть человѣку выгоду? И, если уже все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариеметикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества. Вѣдь это покажѣтъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но, можетъ-быть, вовсе не чело-вѣчества. Вы, можетъ-быть, думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное по преимуществу созидающее, присужденное стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, то-есть вѣчно и непрерывно дорогу себѣ прокладывать, хотя *куда бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ-быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще, пожалуй, потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ, куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благонравное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любитъ тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ-быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить созидаемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ-быть, онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не вблизи; можетъ-быть, онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ аих *animaux domestiques*, какъ-то: муравьямъ, баранамъ и проч., и проч. Вотъ муравьи совершенно другого вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ же родѣ, навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что приносить большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ

существо легкомысленное и неблаговидное и, можетъ-быть, подобно шахматному игроку, любить только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ (поручиться нельзя), можетъ-быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человечество стремится, только и заключается въ одной этой безпрерывности процесса достиженія, иначе сказать—въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное что, какъ дважды два четыре, то-есть формула, а вѣдь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ, человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ, человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти, — ей-Богу какъ-то боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать. Работники, кончивъ работу, по крайней мѣрѣ, деньги получаютъ, въ кабачокъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ, — ну, вотъ и занятія на недѣлю. А человѣкъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужъ и не совсѣмъ, и это, конечно, ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ комически; во всемъ этомъ, очевидно, заключается каламбуръ. Но дважды два четыре — все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре, вѣдь это, по моему мнѣнію, только нахальство-съ. Дважды два четыре смотритъ фертонъ, стоитъ поперекъ вашей дороги руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды два четыре превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещьца.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное, — однимъ словомъ, — только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ-быть, человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ-быть, онъ ровно настолько же любить страданіе? Можетъ-быть, страданіе-то ему ровно настолько же и выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужъ и со всемирной исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько-нибудь жили.

Что касается до моего личного мнѣнія, то любить только одно благоденствіе даже какъ-то и неприлично. Хорошо-ли, дурно-ли, — но разломать иногда что-нибудь тоже очень приятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризь и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, напимѣрь, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и немислимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворець, въ которомъ можно усомниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, то-есть отъ разрушенія и хаоса никогда не откажется. Страданіе,—да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе, по моему, есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что человѣкъ его любить и не промѣняетъ ни на какія удовлетворенія. Сознаніе, напимѣрь, безконечно выше чѣмъ дважды два. Послѣ дважды двухъ ужъ, разумѣется, ничего не остается не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ, это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи хоть и тотъ же результатъ выходитъ, то-есть тоже будетъ нечего дѣлать, но, по крайней мѣрѣ, самого себя иногда можно посѣчь, а это все-таки подживляетъ. Хоть и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

X.

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, то-есть въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я, можетъ-быть, потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите-ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я, можетъ-быть, и влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все-таки курятника не приму за дворець, изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вы смѣтаетесь, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю я, если бъ надо было жить только для того, чтобъ не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ голову, что

жить и не для одного этого, и что если уж жить, так уж жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желанія мои. Вы его выскоблите изъ меня только тогда, когда перемѣните желаніе мое. Ну, перемѣните, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеаль. А покамѣстъ я ужъ не приму курятника за дворецъ. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пуфъ, что по законамъ природы его и не полагается, и что я выдумалъ его только вслѣдствіе моей собственной глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ, старинныхъ нераціональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все-ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ, пока существуютъ мои желанія? Можетъ-быть, вы опять смѣетесь? Извольте смѣяться; я всё насмѣшки приму и все-таки не скажу, что я сытъ, когда я ѣсть хочу, все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на безпрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ — капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякій случай, съ зубнымъ врачомъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что-нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоитъ и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполье.

А покамѣстъ я еще живу и желаю,—да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорю вовсе не потому, что ужъ такъ люблю мой языкъ выставлать. И, можетъ-быть, на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было и не выставлать языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ, я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ изъ одной благодарности, если бъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высовывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квар-

тирами. Зачѣмъ же я устроенъ съ такими желаніями? Неужели-жь я для того только и устроенъ, чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А, впрочемъ, знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хотъ и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужъ коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужъ говорить, говорить, говорить...

XI.

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего не дѣлать! Лучше созерцательная инерція! И такъ, да здравствуетъ подполье! Я хотъ и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ, въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе!). Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно... Эхъ! Да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это — если бъ я вѣрилъ самъ хотъ чему-нибудь изъ всего того, что теперь написалъ. Клянусь же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не вѣрю изъ того, что теперь настроилъ! То-есть я и вѣрю, пожалуй, но въ то же самое время, неизвѣстно почему, чувствую и подозреваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего же писали все это? говорите вы мнѣ.

— А вотъ посадилъ бы я васъ лѣтъ на сорокъ безо всякаго занятія, да и пришелъ бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться, до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

— „И это не стыдно, и это не унизительно!“ можетъ-быть, скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки, и въ то же время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами безпрерывно боитесь за нихъ и просите

извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь, и въ то же время въ нашемъ мнѣннн заискиваете. Вы увѣряете, что скрежете зубами, и въ то же время острите, чтобъ насъ размѣшить. Вы знаете, что остроты ваши не острымы, но вы, очевидно, очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ, можетъ-быть, дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрїя; вы изъ самаго мелкаго тщеславія несете вашу правду напоказъ, на позоръ, на рынокъ.. Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потому что у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаниемъ, но вы только колеблетесь, потому что хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помрачено, а безъ чистаго сердца—полнаго, правильнаго сознанія не будетъ. И сколько въ васъ назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!“

Разумѣется, всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло..

Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ „господами“, для чего обращаюсь къ вамъ, какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ, я настолько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите-ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло:

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такія вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія вещи, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія, которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится, и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно-таки накопится. То-

есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ, я самъ только недавно рѣшился припомнить инья мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ-то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я именно хочу испытать: можно-ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не побояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны, и человѣкъ самъ о себѣ навѣрно налжетъ. По его мнѣнію, Руссо, на примѣръ, непременно налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю, какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю, какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я пишу, какъ бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну, вотъ, на примѣръ, могли бы придратъся къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не разсчитываете на читателей, то для чего же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, то-есть, что порядка и системы заводить не будете, что запишете то, что припомнится, и т. д., и т. д.? Къ чему вы объясняетесь? Къ чему извиняетесь?

А вотъ подите же, отвѣчаю я.

Тутъ, впрочемъ, цѣлая психологія. Можетъ-быть, и то, что я просто трусь. А можетъ-быть, и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику, чтобы вести себя приличнѣе, въ то время, когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно бы и такъ, мысленно все припомнить, не переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ-то торже-

ственноѣ. Въ этомъ есть что-то внушающее, суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ-быть, я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, напримѣръ, меня особенно давить одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на-дняхъ. и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но, по временамъ, изъ сотни выдается одно какое-нибудь и давить. Я почему-то вѣрю, что если я его запишу, то оно и отвязется. Отчего-жь не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничего не дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ будто работа. Говорять, отъ работы человекъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну, вотъ шансъ, по крайней мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шелъ тоже, на-дняхъ тоже шелъ. Мнѣ кажется, я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперь отъ меня отвязаться. Итакъ пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

II.

По поводу монраго снѣга.

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена...
И т. д., и т. д., и т. д.

Изъ поэзіи Н. А. Некрасова.

I.

Въ то время мнѣ было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была ужъ и тогда угрюмая, беспорядочная и до одичалости одинокая. Я ни съ кѣмъ не водился и даже избѣгалъ говорить и все болѣе и болѣе забивался въ свой уголь. Въ должности, въ канцеляріи, я даже старался не глядѣть ни на кого, и я очень хорошо замѣчаль, что сослуживцы мои не только считали меня чудачкомъ, но—все казалось мнѣ и это—будто бы смотрѣли на меня съ какимъ-то омерзѣніемъ. Мнѣ приходило въ голову: отчего это никому кромѣ меня не кажется, что смотрятъ на него съ омерзѣніемъ? У одного изъ нашихъ канцелярскихъ было отвратительное и прерябое лицо, и даже какъ будто разбойничье. Я бы, кажется, и взглянуть ни на кого не посмѣлъ съ такимъ неприличнымъ лицомъ. У другого видмундиръ былъ до того заношенный, что близъ него уже дурно пахло. А между тѣмъ ни одинъ

изъ этихъ господъ не конфузился,—ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни какъ-нибудь тамъ нравственно. Ни тотъ, ни другой не воображали, что смотрятъ на нихъ съ омерзѣиёмъ; да если-бъ и воображали, такъ имъ было бы все равно, только бы не начальство взирать изволило. Теперь мнѣ совершенно ясно, что я самъ, вслѣдствіе неограниченнаго моего тщеславія, а, стало-быть, и требовательности къ самому себѣ, глядѣлъ на себя весьма часто съ бѣшеннымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзѣнія, а оттого мысленно и приписывалъ мой взглядъ каждому.— Я, напримѣръ, ненавидѣлъ свое лицо, находилъ, что оно гнусно, и даже подозрѣвалъ, что въ немъ есть какое-то подлое выраженіе, и потому каждый разъ, являясь въ должность, мучительно старался держать себя какъ можно независимѣе, чтобъ не заподозрѣли меня въ подлости, а лицомъ выражать какъ можно болѣе благородства. „Пусть ужъ будетъ и некрасивое лицо, думалъ я, но зато пусть будетъ оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное“. Но я навѣрно и страдальчески зналъ, что всѣхъ этихъ совершенствъ мнѣ никогда моимъ лицомъ не выразить. Но чтò всего ужаснѣе, я находилъ его положительно глупымъ. А я бы вполне помирился на умъ. Даже такъ, что согласился бы даже и на подлое выраженіе, съ тѣмъ только, чтобъ лицо мое находили въ то же время ужасно умнымъ.

Всѣхъ нашихъ канцелярскихъ я, разумѣется, ненавидѣлъ съ перваго до послѣдняго, и всѣхъ презиралъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто ихъ и боялся. Случалось, что я вдругъ даже ставилъ ихъ выше себя. У меня какъ-то это вдругъ тогда дѣлалось: то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человѣкъ не можетъ быть тщеславенъ безъ неограниченной требовательности къ себѣ самому и не презирая себя въ инныя минуты до ненависти. Но презирая-ли, ставя-ли выше, я чуть не передъ каждымъ встрѣчнымъ опускалъ глаза. Я даже опыты дѣлалъ: стерплю-ли я взглядъ вотъ хоть такого-то на себѣ, и всегда опускалъ я первый. Это меня мучило до бѣшенства. До болѣзни тоже боялся я быть смѣшнымъ и потому рабски обожалъ рутину во всемъ, что касалось наружнаго; съ любовію вдавался въ общую колею и всей душою пугался въ себѣ всякой эксцентричности. Но гдѣ мнѣ было выдержать? Я былъ болѣзненно развитъ, какъ и слѣдуетъ быть развитымъ человѣку нашего времени.

Они же всё были тупы и одинъ на другого похожи какъ бараны въ стадѣ. Можетъ-быть, только мнѣ одному во всей канцеляріи постоянно казалось, что я былъ трусъ и рабъ, именно потому и казалось, что я былъ развитъ. Но оно не только казалось, а дѣйствительно такъ было въ самомъ дѣлѣ: я былъ трусъ и рабъ. Говорю это безъ всякаго конфуза. Всякій порядочный человѣкъ нашего времени есть и долженъ быть трусъ и рабъ. Это—нормальное его состояніе. Въ этомъ я убѣжденъ глубоко. Онъ такъ сдѣланъ и на то устроенъ. И не въ настоящее время, отъ какихъ-нибудь тамъ случайныхъ обстоятельствъ, а вообще во всё времена порядочный человѣкъ долженъ быть трусъ и рабъ. Это законъ природы всёхъ порядочныхъ людей на землѣ. Если и случится кому изъ нихъ похрабриться надъ чѣмъ-нибудь, то пусть этимъ не утѣшается и не увлекается; все равно передъ другимъ сбрендить. Таковъ единственный и вѣковѣчный выходъ. Храбрятся только ослы и ихъ ублюдки, но вѣдь и тѣ до извѣстной стѣны. На нихъ и вниманія обращать не стоитъ, потому что они ровно ничего не означаютъ.

Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно, что на меня никто не похожъ и я ни на кого не похожъ. „Я-то одинъ, а они-то *всѣ*“, думалъ я, и—задумывался.

Изъ этого видно, что я былъ еще совсѣмъ мальчишка. Случались и противоположности. Вѣдь ужъ какъ иногда гадко становилось ходить въ канцелярію; доходило до того, что я много разъ со службы возвращался больной. Но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, наступаетъ полоса скептицизма и равнодушія (у меня все было полосами), и вотъ я же самъ смѣюсь надъ моею нетерпимостью и брезгливостью, самъ себя въ *романтизмъ* упрекаю. То и говорить ни съ кѣмъ не хочу, а то до того дойду, что не только разговарюсь, но еще вздумаю съ ними сойтись попріятельски. Вся брезгливость вдругъ разомъ, ни съ того, ни съ сего, исчезала. Кто знаетъ, можетъ-быть, ея у меня никогда и не было, а была она напускная, изъ книжекъ? Я до сихъ поръ этого вопроса еще не разрѣшилъ. Разъ даже совсѣмъ подружился съ ними, сталъ ихъ дома посѣщать, въ преферансъ играть, водку пить, о производствѣ толковать... Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе.

У насъ, русскнхъ, вообще говоря, никогда не бывало

глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и особенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франція на баррикадахъ,—они все тѣ же, даже для приличія не измѣняются и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ сказать, по гробъ своей жизни, потому что они дураки. У насъ же, въ Русской землѣ, нѣтъ дураковъ; это извѣстно: тѣмъ-то мы и отличаемся отъ прочихъ нѣмецкихъ земель. Слѣдственно и надзвѣздныхъ натуръ не водится у насъ въ чистомъ ихъ состояніи. Это все наши „положительные“ тогдашніе публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжоглами, да за дядюшками Петрами Ивановичами и сдуру принявъ ихъ за нашъ идеаль, навдумали на нашихъ романтиковъ, сочтя ихъ за такихъ же надзвѣздныхъ, какъ въ Германіи или во Франціи. Напротивъ, свойства нашего романтика совершенно и прямо противоположны надзвѣздо-европейскому, и ни одна европейская мѣрочка сюда не подходитъ. (Ужъ позвольте мнѣ употреблять это слово: „романтикъ“—словечко старинное, почтенное, заслуженное и всѣмъ знакомое). Свойства нашего романтика, это—все понимать, *все видѣть и видѣть часто несравненно яснѣе, чѣмъ видѣть самые положительнѣйшіе наши умы*; ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не примиряться, но въ то же время ничѣмъ и не брезгать; все обойти, всему уступить политично; постоянно не терять изъ виду полезную, практическую цѣль (какія-нибудь тамъ казенныя квартирки, пенсіончики, звѣздочки), усматривать эту цѣль черезъ всѣ энтузіазмы и томики лирическихъ стихковъ, и въ то же время „и прекрасное и высокое“ по гробъ своей жизни въ себѣ сохранить нерушимо, да и себя уже кстати вполне сохранить, такъ-таки въ хлопочкахъ, какъ ювелирскую вещицу какую-нибудь, хотя бы, на примѣръ, для пользы того же „прекраснаго и высокаго“. Широкой человѣкъ нашъ романтикъ и первѣйшій плутъ изъ всѣхъ нашихъ плутовъ, увѣряю васъ въ томъ... даже по опыту. Разумѣется, все это если романтикъ уменьъ. То-есть, что-жъ это я! Романтикъ и всегда уменьъ, я хотѣлъ только замѣтить, что хоть и бывали у насъ дураки-романтики, но это не въ счетъ и единственно потому, что они еще въ цвѣтѣ силъ окончательно въ нѣмцевъ перерождались и, чтобъ удобнѣе сохранить свою ювелирскую вещицу, поселялись тамъ гдѣ-нибудь, больше въ Веймарѣ или въ Шварцвальдѣ.—Я, на примѣръ, искрен-

но презиралъ свою служебную дѣятельность и не плевался только по необходимости, потому что самъ тамъ сидѣлъ и деньги за то получалъ. Въ результатѣ же, — замѣтите, все-таки не плевался. Нашъ романтикъ скорѣй сойдетъ съ ума (что, впрочемъ, очень рѣдко бываетъ), а плеваться не станетъ, если другой карьеры у него въ виду не имѣется, и въ толчки его никогда не выгонять, а развѣ свезуть въ сумасшедшій домъ въ видѣ „испанскаго короля“, да и то если ужъ онъ очень съ ума сойдетъ. Но вѣдь сходятъ у насъ съ ума только жиденскіе и бѣлокурскіе. Неисчетное же число романтиковъ—значительные чины въ послѣдствіи происходятъ. Многосторонность необыкновенная! И какая способность къ самымъ противорѣчивѣйшимъ опущеніямъ! Я и тогда былъ этимъ увѣренъ, да и теперь тѣхъ же мыслей. Оттого-то у насъ такъ и много „широкихъ натуръ“, которые даже при самомъ послѣднемъ паденіи никогда не теряютъ своего идеала; и хоть и пальцемъ не пошевелить для идеала-то, хоть разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слезъ свой первоначальный идеалъ уважаютъ и необыкновенно въ душѣ честны. Да-съ, только между нами самый отъявленный подлецъ можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ то же время нисколько не переставая быть подлецомъ. Повторяю, вѣдь сплошь да рядомъ изъ нашихъ романтиковъ выходятъ иногда такіа дѣловыя шельмы (слово „шельмы“ я употребляю любя), такое чутье дѣйствительности и знаніе положительнаго вдругъ оказываютъ, что изумленное начальство и публика только языкомъ на нихъ въ остолбенѣніи пощелкиваютъ.

Многосторонность поистинѣ изумительная и, Богъ знаетъ, во что обратится она и выработается при послѣдующихъ обстоятельствахъ, и что сулитъ намъ въ нашемъ дальнѣйшемъ? А не дуренъ матеріаль-съ! Не изъ патриотизма какого-нибудь, смѣшного или квасного, я такъ говорю. Впрочемъ, я увѣренъ, вы опять думаете, что я смѣюсь. А кто знаетъ, можетъ-быть, и обратно, то-есть увѣрены, что я и въ самомъ дѣлѣ такъ думаю. Во всякомъ случаѣ, господа, оба мнѣнія ваши я буду считать себѣ за честь и за особенное удовольствіе. А отступленіе мое мнѣ простите.

Съ товарищами моими я, разумѣется, дружба не выдерживалъ и очень скоро расплевывался, и, вслѣдствіе еще юной тогдашней неопытности, даже и кланяться имъ

переставалъ, точно отрѣзывалъ. Это, впрочемъ, со мной всего одинъ только разъ и случилось. Вообще же я всегда былъ одинъ.

Дома я, во-первыхъ, всего больше читалъ. Хотѣлось заглушить внѣшними ощущеніями все непрерывно внутри меня накипавшее. А изъ внѣшнихъ ощущеній было для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе, конечно, много помогало,—волновало, усаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все-таки хотѣлось двигаться, и я вдругъ погружался въ темный, подземный, гадкій—не развратъ, а развратишко. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями. Кромѣ чтенія идти было некуда,—то-есть не было ничего, что бы могъ я тогда уважать въ моемъ окружающемъ и къ чему бы потянуло меня. Накипала сверхъ того тоска; являлась истерическая жажда противорѣчій, контрастовъ, и вотъ я и пускался развратничать. Я вѣдь вовсе не для оправданія моего сейчасъ столько наговорилъ... А, впрочемъ, нѣтъ! Совралъ! Я именно себя оправдать хотѣлъ. Это я для себя, господа, замѣточку дѣлаю. Не хочу лгать. Слово даль.

Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, не оставлявшимъ меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходившимъ въ такія минуты до проклятія. Я ужъ и тогда носилъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобъ меня какъ-нибудь не увидали, не встрѣтили, не узнали. Ходилъ же я по разнымъ весьма темнымъ мѣстамъ.

Разъ, проходя ночью мимо одного трактиришка, я увидѣлъ въ освѣщенное окно, какъ господа кіями подрались у бильярда и какъ одного изъ нихъ въ окно спустили. Въ другое время мнѣ бы очень мерзко стало; но тогда такая вдругъ минута нашла, что я этому спущенному господину позавидовалъ, и до того позавидовалъ, что даже въ трактиръ вошелъ, въ бильярдную: „авось, дескать, и я подерусь и меня тоже изъ окна спустятъ“.

Я не былъ пьянъ, но что прикажите дѣлать,—до такой вѣдь истерики можетъ тоска заѣсть! Но ничѣмъ обошлось. Оказалось, что я и въ окно-то прыгнуть не способенъ, и я ушелъ не подравшись.

Осадилъ меня тамъ съ перваго же шагу одинъ офицеръ.

Я стоялъ у бильярда и по невѣдѣнію заслонялъ дорогу, а тому надо было пройти; онъ взялъ меня за плечи и молча,—не предупѣдомивъ и не объяснившись,—переставилъ меня съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другое, а самъ прошелъ какъ будто и не замѣтивъ. Я бы даже побой простилъ, но никакъ не могъ простить того, что онъ меня переставилъ и такъ окончательно не замѣтилъ.

Чортъ знаетъ, что бы далъ я тогда за настоящую, болѣе правильную ссору, болѣе приличную, болѣе, такъ сказать, *литературную*! Со мной постушили какъ съ мухой. Былъ этотъ офицеръ вершковъ десяти росту; я же человекъ низенькій и истощенный. Ссора, впрочемъ, была въ моихъ рукахъ: стоило попротестовать, и, конечно, меня бы спустили въ окно. Но я раздумалъ и предпочелъ... озлобленно стусеваться.

Вышелъ я изъ трактира смущенный и взволнованный, прямо домой, а на другой день продолжалъ мой развратикъ еще робче, забитѣе и грустнѣе чѣмъ прежде, какъ будто со слезой на глазахъ,—а все-таки продолжалъ. Не думайте, впрочемъ, что я струсилъ офицера отъ трусости: я никогда не былъ трусомъ въ душѣ, хотя непрерывно трусилъ на дѣлѣ, но — подождите смѣяться, на это есть объясненіе; у меня на все есть объясненіе, будьте увѣрены.

О, если-бъ этотъ офицеръ былъ изъ тѣхъ, которые сошались выходить на дуэль! Но нѣтъ,—это былъ именно изъ тѣхъ господъ (увы! давно исчезнувшихъ), которые предпочитали дѣйствовать кіями или, какъ поручикъ Пироговъ у Гоголя—по начальству. На дуэль же не выходили, а съ нашимъ братомъ, съ штафиркой, считали бы дуэль во всякомъ случаѣ неприличною, — да и вообще считали дуэль чѣмъ-то немислимымъ, вольнодумнымъ, французскимъ, а сами обижали довольно, особенно въ случаѣ десяти вершковъ росту.

Струсилъ я тутъ не изъ трусости, а изъ безграничнѣйшаго тщеславія. Я испугался не десяти вершковъ росту и не того, что меня больно прибьютъ и въ окно спустятъ; физической храбрости право хватило бы; но нравственной храбрости не достало. Я испугался того, что меня всѣ присутствующіе, начиная съ нахала-маркера, до послѣдняго протухлаго и угреватаго чиновничкиши, тутъ же увивавшагося, съ воротникомъ изъ сала, — не поймутъ и осмѣютъ, когда я буду протестовать и заговорю съ ними языкомъ литературнымъ. Потому что о пунктѣ чести, —

то-есть не о чести, а о пунктѣ чести (point d'honneur) у насъ до сихъ поръ иначе вѣдь и разговаривать нельзя, какъ языкомъ литературнымъ. На обыкновенномъ языкѣ о „пунктѣ чести“ не упоминается. Я вполнѣ былъ увѣренъ (чутье-то дѣйствительности, несмотря на весь романтизмъ!), что всѣ они просто лопнуть со смѣха, а офицеръ не просто, то-есть не безобидно прибѣдетъ меня, а непременно колѣнкомъ меня напинаетъ, обведя такимъ манеромъ вокругъ бильярда, и потомъ ужъ развѣ смилуется и въ окно спуститъ. Разумѣется, эта мизерная исторія только этимъ однимъ со мной не могла окончиться. Я часто потомъ встрѣчалъ этого офицера на улицѣ и хорошо его запримѣтилъ. Не знаю только, узнавалъ-ли онъ меня. Должно-быть, нѣтъ; заключаю по нѣкоторымъ признакамъ. Но я-то, я смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью, и такъ продолжалось... нѣсколько лѣтъ-съ! Злоба моя даже укрѣплялась и разрасталась съ годами. Сначала я, потихоньку, началъ раз-узнавать объ этомъ офицерѣ. Трудно мнѣ это было, потому что я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Но однажды кто-то окликнулъ его по фамилии на улицѣ, когда я издали шелъ за нимъ, точно привязанный къ нему, и вотъ я фамилію узналъ. Другой разъ я прослѣдилъ его до самой его квартиры и за гривенникъ узналъ у дворника, гдѣ онъ живетъ, въ какомъ этажѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь и т. д.,— однимъ словомъ, все, что можно узнать отъ дворника. Разъ поутру, хоть и никогда не литературствовалъ, мнѣ вдругъ пришла мысль описать этого офицера въ абличительномъ видѣ, въ карикатурѣ, въ видѣ повѣсти. Я съ наслажденіемъ писалъ эту повѣсть. Я абличилъ, даже поклеветалъ; фамилію я такъ поддѣлалъ сначала, что можно было тотчасъ узнать, но потомъ, по зрѣломъ разсужденіи, измѣнилъ, и отослалъ въ „Отечественныя Записки“. Но тогда еще не было абличеній, и мою повѣсть не напечатали. Мнѣ это было очень досадно.— Иногда злоба меня просто душила. Наконецъ, я рѣшился вызвать противника моего на дуэль. Я сочинилъ къ нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; въ случаѣ же отказа, довольно твердо намекалъ на дуэль. Письмо было такъ сочинено, что если бѣ офицеръ чуть-чуть понималъ „прекрасное и высокое“, то непременно бы прибѣжалъ ко мнѣ, чтобъ броситься мнѣ на шею и предложить свою дружбу. И какъ

бы это было хорошо! Мы бы такъ зажили, такъ зажили! „Онъ бы защищалъ меня своей сановитостью; я бы облагораживалъ его своею развитостью, ну и... идеями, и много кой-чего бы могло быть!“ Вообразите, что тогда прошло уже два года, какъ онъ меня обидѣлъ, и вызовъ мой былъ безобразнѣйшимъ анахронизмомъ, несмотря на всю ловкость письма моего, объяснявшаго и прикрывавшаго анахронизмъ. Но, слава Богу (до сихъ поръ благодарю Всевышняго со слезами), я письма моего не послалъ. Морозъ по кожѣ пробираетъ, какъ вспомню, что бы могло выйти, если бъ я послалъ. И вдругъ... и вдругъ я отместилъ самымъ простѣйшимъ, самымъ геніальнѣйшимъ образомъ! Меня вдругъ осѣнила пресвѣтлая мысль. Иногда, по праздникамъ, я хаживалъ въ четвертомъ часу на Невскій и гулялъ по солнечной сторонѣ. То-есть я тамъ вовсе не гулялъ, а испытывалъ безчисленныя мученія, униженія и разлитія желчи; но того-то мнѣ вѣрно и надобно было. Я шмыгалъ какъ вьюнъ, самымъ некрасивымъ образомъ, между прохожими, уступая непрерывно дорогу то генераламъ, то кавалергардскимъ и гусарскимъ офицерамъ, то барынямъ; я чувствовалъ въ эти минуты конвульсивныя боли въ сердцѣ и жаръ въ спинѣ при одномъ представленіи о мизерѣ моего костюма, о мизерѣ и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, непрерывное, невыносимое униженіе отъ мысли, переходившей въ непрерывное и непосредственное ощущеніе того, что я муха передъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, гадкая, непотребная муха, — всѣхъ умнѣе, всѣхъ развитѣе, всѣхъ благороднѣе, это ужъ само собою, — но непрерывно всѣмъ уступающая муха, всѣми униженная и всѣми оскорбленная. Для чего я набиралъ на себя эту муку, для чего я ходилъ на Невскій — не знаю? Но меня просто *тянуло* туда при каждой возможности.

Тогда уже я началъ испытывать приливы тѣхъ наслажденій, о которыхъ я уже говорилъ въ первой главѣ. Послѣ же исторіи съ офицеромъ, меня еще сильнѣе туда стало тянуть: на Невскомъ-то я его и встрѣчалъ наиболѣе, тамъ-то я и любовался имъ. Онъ тоже ходилъ туда болѣе въ праздники. Онъ хотъ тоже сворачивалъ съ дороги передъ генералами и передъ особами сановитыми и тоже вилялъ какъ вьюнъ между ними, но такихъ, какъ нашъ братъ, или даже и почище нашего брата, онъ просто давилъ; шелъ прямо на нихъ, какъ будто передъ

нимъ было пустое пространство, и ни въ какомъ случаѣ дороги не уступалъ. Я упивался моею злобой на него глядя, и... озлобленно передъ нимъ каждый разъ сворачивалъ. Меня мучило, что я даже и на улицѣ никакъ не могу быть съ нимъ на равной ногѣ. „Отчего ты непременно первый сворачиваешь?“ приставалъ я самъ къ себѣ въ бѣшеной истерикѣ, проснувшись иногда часу въ третьемъ ночи. „Отчего именно ты, а не онъ? Вѣдь для этого закона нѣтъ, вѣдь это нигдѣ не написано? Ну, пусть будетъ поровну, какъ обыкновенно бываетъ, когда деликатные люди встрѣчаются: онъ уступить половину и ты половину, вы и пройдетъ, взаимно уважая другъ друга“. Но такъ не было, и все-таки сворачивалъ я, а онъ даже и не замѣчалъ, что я ему уступаю. — И вотъ удивительнѣйшая мысль вдругъ осѣнила меня. „А чтò, вздумалъ я, что если встрѣтиться съ нимъ, и... не посторониться? Нарочно не посторониться, хоть бы даже пришлось толкнуть его; а, каково это будетъ?“ Дерзкая мысль эта мало-помалу до того овладѣла мною, что не давала мнѣ покоя. Мечталъ я объ этомъ непрерывно, ужасно, и нарочно чаще ходилъ на Невскій, чтобъ еще яснѣе себѣ представить, какъ я это сдѣлаю, когда буду дѣлать. Я былъ въ восторгѣ. Все болѣе и болѣе мнѣ казалось это намѣреніе и вѣроятнымъ, и возможнымъ. „Разумѣется, не со всѣмъ толкнуть“, думалъ я, уже заранѣе добрѣя отъ радости, „а такъ, просто не посторониться, состукнуться съ нимъ, не такъ, чтобы очень больно, а такъ, плечо о плечо, ровно настолько, сколько опредѣлено приличіемъ; такъ что насколько онъ меня стукнетъ, настолько и я его стукну“. Я рѣшился, наконецъ, совершенно. Но приготовления взяли очень много времени. Первое то, что во время исполненія нужно было быть въ болѣе приличнѣйшемъ видѣ и позаботиться о костюмѣ. „На всякій случай, если, напримѣръ, завяжется публичная исторія (а публика-то тутъ суперфлю: графиня ходитъ, князь Д. ходитъ, вся литература ходитъ), нужно быть хорошо одѣтымъ; это внушаетъ и прямо поставить насъ нѣкоторымъ образомъ на равную ногу въ глазахъ высшаго общества“. Съ этою цѣлью я выпросилъ впередъ жалованья и купилъ черныя перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черныя перчатки казались мнѣ и солиднѣе, и бонтоннѣе, чѣмъ лимонныя, на которыя я посягалъ сначала. „Цвѣтъ слишкомъ рѣзкій, слишкомъ какъ будто хотеть выста-

виться человѣкъ“, и я не взялъ лимонныхъ. Хорошую рубашку, съ бѣлыми, костяными запонками, я ужъ давно приготовилъ; но задержала очень шинель. Сама-то по себѣ шинель моя очень была не дурна, грѣла; но она была на ватѣ, а воротникъ былъ енотовый, что составляло уже верхъ лакейства. Надо было перемѣнить воротникъ во что бы то ни стало и завести бобрикъ, въ родѣ какъ у офицеровъ. Для этого я сталъ ходить по Гостиному двору и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, нацѣлился на одинъ дешевый нѣмецкій бобрикъ. Эти нѣмецкіе бобрики хоть и очень скоро занашиваются и принимаютъ мизернѣйшій видъ, но сначала, съ обновки, смотрятъ даже и очень прилично; а вѣдь мнѣ только для одного разу и надо было. Спросилъ я цѣну: все-таки было дорого. По основательномъ разсужденіи я рѣшился продать мой енотовый воротникъ. Недостающую же и весьма для меня значительную сумму рѣшился выпросить займы у Антона Антоныча Сѣточкина, моего столоначальника, человѣка смиреннаго, но серьезнаго и положительнаго, никому не дававшего займы денегъ, но которому я былъ когда-то, при вступленіи въ должность, особенно рекомендованъ опредѣлившимъ меня на службу значительнымъ лицомъ. Мучился я ужасно. Попросить денегъ у Антона Антоныча мнѣ казалось чудовищнымъ и постыднымъ. Я даже двѣ-три ночи не спалъ, да и вообще я тогда мало спалъ, былъ въ лихорадкѣ; сердце у меня какъ-то смутно замирало, или вдругъ начинало прыгать, прыгать, прыгать!.. Антонъ Антоновичъ сначала удивился, потомъ поморщился, потомъ разсудилъ и все-таки далъ займы, взявъ съ меня расписку на право полученія данныхъ заимообразно денегъ, черезъ двѣ недѣли, изъ жалованья. Такимъ образомъ все было, наконецъ, готово; красивый бобрикъ воцарился на мѣстѣ паскуднаго енота, и я началъ помаленьку приступать къ дѣлу. Нельзя же было рѣшиться съ перваго разу, зря; надо было это дѣло обдѣлать умѣючи, именно помаленьку. Но, признаюсь, что послѣ многократныхъ попытокъ, я даже было началъ отчанваться: не состукиваемся никакъ да и только! Ужъ я-ль не приготовлялся, я-ль не намѣревался, — кажется вотъ-вотъ сейчасъ состукнемся, смотрю — и опять я уступилъ дорогу, а онъ и прошелъ не замѣтивъ меня. Я даже молитвы читалъ, подходя къ нему, чтобъ Богъ вселилъ въ меня рѣшимость. Одинъ разъ я было и совсѣмъ ужъ рѣшился, но кончилось тѣмъ, что

только попалъ ему подъ ноги, потому что въ самое послѣднее мгновеніе, на двухвершковомъ какомъ-нибудь разстояніи, не хватило духу. Онъ преспокойно прошелъ по мнѣ и я, какъ мячикъ, отлетѣлъ въ сторону. Въ эту ночь я опять былъ боленъ въ лихорадкѣ и бредилъ. И вдругъ все закончилось какъ нельзя лучше. Наканунѣ ночью я окончательно положилъ не исполнять моего пагубнаго намѣренія и все оставилъ втунѣ, и съ этою цѣлью въ послѣдній разъ вышелъ на Невскій, чтобы такъ посмотреть, — какъ это я оставляю все это втунѣ? Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ врага моего, я неожиданно рѣшился, зажмурилъ глаза и, — мы плотно столкнулись плечо о плечо! Я не уступилъ ни вершка и прошелъ мимо совершенно на равной ногѣ! Онъ даже и не оглянулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ; но онъ только видъ сдѣлалъ, я увѣренъ въ этомъ. Я до сихъ поръ въ этомъ увѣренъ! Разумѣется, мнѣ досталось больше; онъ былъ сильнѣе, но не въ томъ было дѣло. Дѣло въ томъ, что я достигъ цѣли, поддержалъ достоинство, не уступилъ ни на шагъ и публично поставилъ себя съ нимъ на равной соціальной ногѣ. Воротился я домой совершенно отмщенный за все. Я былъ въ восторгѣ Я торжествовалъ и пѣлъ итальянскія арии. Разумѣется, я вамъ не буду описывать того, что произошло со мной черезъ три дня; если читали мою первую главу, „подполье“, то можете сами догадаться. — Офицера потомъ куда-то перевели; лѣтъ уже четырнадцать я его теперь не видалъ. Что-то онъ теперь, мой голубчикъ? Кого давить?

II.

Но кончалась полоса моего развратика и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало раскаяніе, я его гналъ: слишкомъ ужъ тошнило. Мало-по-малу я однакоже и къ этому привыкалъ. Я ко всему привыкалъ, то-есть не то что привыкалъ, а какъ-то добровольно соглашался переносить. Но у меня былъ выходъ все примирявшій, это — спастись во „все прекрасное и высокое“, конечно, въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду, забившись въ свой уголъ, и ужъ повѣрьте, что въ эти мгновенія я не похожъ былъ на того господина, который, въ смятеніи куринаго сердца, пришивалъ къ воротнику своей шинели нѣмецкій бобрикъ. Я дѣлался вдругъ героемъ. Моего десятивершковаго поручика я бы даже и

съ визитомъ къ себѣ тогда не пустилъ. Я даже и представить его себѣ не могъ тогда. Чтò такое были мои мечты и какъ могъ я ими довольствоваться—объ этомъ трудно сказать теперь, но тогда я этимъ довольствовался. Впрочемъ, я вѣдь и теперь этимъ отчасти довольствуюсь. Мечты особенно слаще и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратика, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятіями и восторгами. Бывали мгновенія такого положительнаго упоенія, такого счастья, что даже малѣйшей насмѣшки внутри меня не ощущалось, ей-Богу. Была вѣра, надежда, любовь. То-то и есть, что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ-нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной и, главное, *совсѣмъ готовой* (какой именно — я никогда не зналъ, но главное — *совсѣмъ готовой*), и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ, и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному, дескать, человѣку стыдно грязниться, а герой слишкомъ высокъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно можно грязниться. Замѣчательно, что эти приливы „всего прекраснаго и высокаго“ приходили ко мнѣ и во время развратика, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными вспысочками, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляли, однакожь, развратика своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто подживляли его контрастомъ, и приходили ровно настолько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противорѣчія и страданія, изъ мучительнаго внутренняго анализа, и всѣ эти мученья и мученьица и придавали какую-то пикантность, даже смыслъ моему развратіку,—однимъ словомъ, исполняли вполнѣ должность хорошаго соуса. Все это даже было не безъ нѣкоторой глубины. Да и могъ-ли бы я согласиться на простой, пошлый, непосредственный писарскій развратишко и вынести на себѣ всю эту грязь! Что-жь бы могло тогда въ ней прельстить меня и выма-

пить ночью на улицу? Нѣтъ-съ, у меня была благородная лазейка на все...

Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ „спасеньяхъ во все прекрасное и высокое“; хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того-ли было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ, ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишняя-бъ ужъ это роскошь была. Все, впрочемъ, прелюбополучно всегда оканчивалось лѣнивымъ и упоительнымъ переходомъ къ искусству; то-есть къ прекраснымъ формамъ бытія, совсѣмъ готовымъ, сильно украденнымъ у поэтовъ и романистовъ, и приспособленнымъ ко всевозможнымъ услугамъ и требованіямъ. Я, напримѣръ, надъ всѣми торжествую; всѣ, разумѣется, во прахѣ и принуждены добровольно признать всѣ мои совершенства, а я всѣхъ ихъ прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитымъ поэтомъ и камергеромъ; получаю несмѣтные милліоны и тотчасъ же жертвую ихъ на родъ человѣчскій, и тутъ же исповѣдываюсь передъ всѣмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые, разумѣется, не просто позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много „прекраснаго и высокаго“, чего-то манфредовскаго. Всѣ плачутъ и цѣлуютъ меня (иначе что же бы они были за болваны), а я иду босой и голодый проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играется маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на виллѣ Боргезе, чтò на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ; затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д., и т. д.— будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынокъ, послѣ столькихъ упоеній и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего же подло-съ? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупѣе, хотя чего бы то ни было, въ вашей, господа, жизни! И къ тому же, повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе не дурно составлено... Не все же происходило на озерѣ Комо. А, впрочемъ, вы правы; дѣйствительно и пошло, и подло. А подлѣе всего то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно, впрочемъ, а

то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другого подлѣе...

Больше трехъ мѣсяцевъ я никакъ не въ состояніи былъ сряду мечтать и начинать ощущать непреодолимую потребность ринуться въ общество. Ринуться въ общество означало у меня сходить въ гости къ моему столоначальнику, Антону Антонычу Сѣточкину. Это былъ единственный мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже самъ удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и къ нему я ходилъ развѣ только тогда, когда ужъ наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастья, что надо было непременно и немедленно обняться съ людьми и со всѣмъ человѣчествомъ; а для этого надо было имѣть хоть одного человѣка въ наличности, дѣйствительно существующаго. Къ Антону Антонычу надо было, впрочемъ, являться по вторникамъ (его день), слѣдственно и подгонять потребность обняться со всѣмъ человѣчествомъ надо было всегда ко вторнику. Помѣщался этотъ Антонъ Антонычъ у Пяти Угловъ, въ четвертомъ этажѣ и въ четырехъ комнаткахъ, низенькихъ и малъ-мала-меньше, имѣвшихъ самый экономическій и желтый видъ. Были у него двѣ дочки и ихъ тетка, разливавшая чай. Дочкамъ—одной было тринадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, обѣ были курносенькія и я ихъ ужасно конфузился, потому что онѣ все шептались про себя и хихикали. Хозяинъ сидѣлъ обыкновенно въ кабинетѣ, на кожаномъ диванѣ, передъ столомъ, вмѣстѣ съ какимъ-нибудь сѣдымъ гостемъ, чиновникомъ изъ нашего или даже изъ посторонняго вѣдомства. Больше двухъ-трехъ гостей, и все тѣхъ же самыхъ, я никогда тамъ не видывалъ. Толковали про акцизы, про торги въ Сенатѣ, о жалованьѣ, о производствѣ, объ его превосходительствѣ, о средствѣ нравиться и проч., и проч. Я имѣлъ терпѣніе высиживать подлѣ этихъ людей дуракомъ часа по четыре и ихъ слушать, самъ не смѣя и не умѣя ни о чемъ съ ними заговорить. Я тупѣлъ, по нѣскольку разъ принимался потѣть, надо мной носился параличъ; но это было хорошо и полезно. Возвратясь домой, я на нѣкоторое время откладывалъ мое желаніе обняться со всѣмъ человѣчествомъ.

Былъ, впрочемъ, у меня и еще какъ будто одинъ знакомый, Симоновъ, бывший мой школьный товарищъ. Школьныхъ товарищей у меня было, пожалуй, и много въ Пе-

тербургѣ, но я съ ними не водился и даже пересталъ на улицѣ кланяться. Я, можетъ-быть, и на службу-то въ другое вѣдомство перешелъ для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ ними и разомъ отрѣзать со всѣмъ ненавистнымъ моимъ дѣтствомъ. Проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы! Однимъ словомъ, съ товарищами я тотчасъ же разошелся какъ вышелъ на волю. Оставались два-три человѣка, съ которыми я еще кланялся, встрѣчался. Въ томъ числѣ былъ и Симоновъ, который въ школѣ у насъ ничѣмъ не отличался, былъ ровень и тихъ, но въ немъ я отличилъ нѣкоторую независимость характера и даже честность. Даже не думаю, что онъ былъ очень ужъ ограниченъ. У меня съ нимъ бывали когда-то довольно свѣтлыя минуты, но не долго продолжались и какъ-то вдругъ задержались туманомъ. Онъ, видимо, тяготился этими воспоминаніями и, кажется, все боялся, что я впаду въ прежній тонъ. Я подозрѣвалъ, что я былъ ему очень противень, но все-таки ходилъ къ нему, неувѣренный въ томъ навѣрно.

Вотъ однажды, въ четвергъ, не выдержавъ моего одиночества, и зная, что въ четвергъ у Антона Антонича дверь заперта, я вспомнилъ о Симоновѣ. Подымаясь къ нему въ четвертый этажъ, я именно думалъ о томъ, что этотъ господинъ тяготится мною и что напрасно я это иду. Но такъ какъ кончалось всегда тѣмъ, что подобныя соображенія, какъ нарочно, еще болѣе подбивали меня лѣзть въ двусмысленное положеніе, то я и вошелъ. Былъ почти годъ, какъ я послѣдній разъ передъ тѣмъ видѣлъ Симонова.

III.

Я засталъ у него еще двухъ моихъ школьныхъ товарищей. Они толковали, повидимому, объ одномъ важномъ дѣлѣ. На приходъ мой ни одинъ изъ нихъ не обратилъ почти никакого вниманія, что было даже странно, потому что я не видался съ ними ужъ годы. Очевидно, меня считали чѣмъ-то въ родѣ самой обыкновенной мухи. Такъ не третировали меня даже въ школѣ, хотя всѣ меня тамъ ненавидѣли. Я, конечно, понималъ, что они должны были презирать меня теперь за неуспѣхъ моей служебной карьеры и за то, что я ужъ очень опустился, ходилъ въ дурномъ платьѣ и проч., что въ ихъ глазахъ составляло вывѣску моей неспособности и мелкаго значе-

нія. Но я все-таки не ожидалъ до такой степени презрѣнія. Симоновъ даже удивился моему приходу. Онъ и прежде всегда какъ будто удивлялся моему приходу. Все это меня озадачило; я сѣлъ въ пѣкоторой тоскѣ и началъ слушать, о чемъ они толковали.

Шла рѣчь серьезная и даже горячая о прощальномъ обѣдѣ, который хотѣли устроить эти господа завтра же, сообщая, отъѣзжавшему далеко въ губернію ихъ товарищу Звѣркову, служившему офицеромъ. Мосье Звѣрковъ былъ все время и моимъ школьнымъ товарищемъ. Я особенно сталъ его ненавидѣть съ высшихъ классовъ. Въ низшихъ классахъ онъ былъ только хорошенькій, рѣзвый мальчикъ, котораго всѣ любили. Я, впрочемъ, ненавидѣлъ его и въ низшихъ классахъ, и именно за то, что онъ былъ хорошенькій и рѣзвый мальчикъ. Учился онъ всегда постоянно плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; однакожь вышелъ изъ школы удачно, потому что имѣлъ покровительство. Въ послѣдній годъ его въ нашей школѣ ему досталось наслѣдство, двѣсти душъ, а такъ какъ у насъ всѣ почти были бѣдные, то онъ даже передъ нами сталъ фанфаронить. Это былъ пошлякъ въ высшей степени, но однакожь добрый малый, даже и тогда, когда фанфаронилъ. У насъ же, несмотря на наружныя, фантастическія и фразерскія формы чести и гонора, всѣ, кромѣ очень немногихъ, даже увивались передъ Звѣрковымъ, чѣмъ болѣе онъ фанфаронилъ. И не изъ выгоды какой-нибудь увивались, а такъ, изъ-за того, что онъ фаворизированный дарами природы человекъ. Притомъ же, какъ-то принято было у насъ считать Звѣркова специалистомъ по части ловкости и хорошихъ манеръ. Последнее меня особенно бѣсило. Я ненавидѣлъ рѣзкій, не сомнѣвающейся въ себѣ звукъ его голоса, обожаніе собственныхъ своихъ остротъ, которыя у него выходили ужасно глупы, хотя онъ былъ и смѣлъ на языкъ; я ненавидѣлъ его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы, впрочемъ, промѣнялъ съ охотою свое умное) и развязно-офицерскіе приемы сороковыхъ годовъ. Я ненавидѣлъ то, что онъ рассказывалъ о своихъ будущихъ успѣхахъ съ женщинами (онъ не рѣшался начинать съ женщинами, не имѣя еще офицерскихъ эполетъ, и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ) и о томъ, какъ онъ поминутно будетъ выходить на дуэли. Помню, какъ я, всегда молчаливый, вдругъ сѣбился съ Звѣрковымъ, когда онъ, толкуя разъ въ свободное время съ товарищами о будущей клуб-

пичкѣ и разыгравшись, наконецъ, какъ молодой щенокъ на солнцѣ, вдругъ объявилъ, что ни одной деревенской дѣвы въ своей деревнѣ не оставитъ безъ вниманія, что это—*droit de seigneur*, а мужиковъ, если осмѣлятся протестовать, всѣхъ пересѣчетъ и всѣмъ имъ, бородатымъ канальямъ, вдвое наложить оброку. Наши хамы аплодировали, я же сѣпился, и вовсе не изъ жалости къ дѣвамъ и ихъ отцамъ, а просто за то, что такой козявкѣ такъ аплодировали. Я тогда одолѣлъ, но Звѣрковъ, хоть и глупъ былъ, но былъ веселъ и дерзокъ, а потому отсмѣялся, и даже такъ, что я, по правдѣ, не совсѣмъ и одолѣлъ: смѣхъ остался на его сторонѣ. Онъ потомъ еще нѣсколько разъ одолѣвалъ меня, но безъ злобы, а какъ-то такъ, шутя, мимоходомъ, смѣясь. Я злобно и презрительно не отвѣчалъ ему. По выпускѣ онъ было сдѣлалъ ко мнѣ шагъ; я не очень противился, потому что мнѣ это польстило; но мы скоро и естественно разошлись. Потомъ я слышалъ объ его казарменно-поручичьихъ успѣхахъ, о томъ, какъ онъ *кутитъ*. Потомъ пошли другіе слухи,—о томъ, какъ онъ *устываетъ* по службѣ. На улицѣ онъ мнѣ уже не кланялся, и я подозрѣвалъ, что онъ боится компрометировать себя, раскланывался съ такой незначительной, какъ я, личностью. Видѣлъ я его тоже одинъ разъ въ театрѣ, въ третьемъ ярусѣ, уже въ аксельбантахъ. Онъ увивался и изгибался передъ дочками одного древняго генерала. Года въ три онъ очень опустился, хотя былъ попрежнему довольно красивъ и ловокъ; какъ-то отекъ, сталъ жирѣть; видно было, что къ тридцати годамъ онъ совершенно обрюзгнетъ. Вотъ этому-то уѣзжавшему, наконецъ, Звѣркову и хотѣли дать обѣдъ наши товарищи. Они постоянно всѣ три года водились съ нимъ, хотя сами, внутренно, не считали себя съ нимъ на равной ногѣ, я увѣренъ въ этомъ.

Изъ двухъ гостей Симонова одинъ былъ Ферфичкинъ, изъ русскихъ нѣмцевъ,—маленькій ростомъ, съ обезьяньимъ лицомъ, всѣхъ пересмѣивающій глунецъ, злѣйшій врагъ мой еще съ низшихъ классовъ,—подлый, дерзкій, фанфарониска и игравшій въ самую щекотливую амбиціозность, хотя, разумѣется, трусишка въ душѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ почитателей Звѣркова, которые заигрывали съ нимъ изъ видовъ и часто занимали у него деньги. Другой гость Симонова, Трудолюбовъ, была личность не замѣчательная, военный паренъ, высокаго роста, съ холодною физионо-

міей, довольно честный, но преклонявшійся передъ всякимъ успѣхомъ и способный разсуждать только объ одномъ производствѣ. Звѣркову онъ доводился какимъ-то дальнимъ родственникомъ, и это, глупо сказать, придавало ему между нами нѣкоторое значеніе. Меня онъ постоянно считалъ ни во что; обращался же хоть и не со всѣмъ вѣжливо, но сносно.

— Что-жь, коль по семи рублей, заговорилъ Трудолюбовъ,—насъ трое, двадцать одинъ *рунь*,—можно хорошо пообѣдать. Звѣрковъ, конечно, не платить.

— Ужь разумѣется, коль мы же его приглашаемъ, рѣшилъ Симоновъ.

— Неужели-жь вы думаете, заносчиво и съ пылкостью ввязался Ферфичкинъ, точно нахаль-лакей, хвастающій звѣздами своего генерала барина,—неужели вы думаете, что Звѣрковъ насъ пустить однихъ платить? Изъ деликатности приметъ, но зато отъ себя *полдюжины* выставить.

— Ну, куда намъ четверымъ полдюжины, замѣтилъ Трудолюбовъ, обративъ вниманіе только на полдюжину.

— Такъ трое, съ Звѣрковымъ четверо, двадцать одинъ рубль въ *Hôtel de Paris*, завтра въ пять часовъ, окончательно заключилъ Симоновъ, котораго выбрали распорядителемъ.

— Какъ же двадцать одинъ? сказалъ я въ нѣкоторомъ волненіи, даже, повидимому, обидѣвшись,—если считать со мной, такъ будетъ не двадцать одинъ, а двадцать восемь рублей.

Мнѣ показалось, что вдругъ и такъ неожиданно предложить себя будетъ даже очень красиво и они всѣ будутъ разомъ побѣждены и посмотрятъ на меня съ уваженіемъ.

— Развѣ вы тоже хотите? съ неудовольствіемъ замѣтилъ Симоновъ, какъ-то избѣгая глядѣть на меня. Онъ зналъ меня наизусть.

Меня взбѣсило, что онъ знаетъ меня наизусть.

— Почему-же-съ? Я, вѣдь, кажется, тоже товарищъ и, признаюсь, мнѣ даже обидно, что меня обошли, заклокоталъ было я опять.

— А гдѣ васъ было искать? грубо ввязался Ферфичкинъ.

— Вы всегда были не въ ладахъ съ Звѣрковымъ, прибавилъ Трудолюбовъ, нахмурившись. Но я ужъ ухватился и не выпускалъ.

— Мнѣ кажется, объ этомъ никто не въ правѣ судить,

возразилъ я съ дрожью въ голосѣ, точно и Богъ знаетъ, что случилось. — Именно потому-то я, можетъ-быть, теперь и хочу, что прежде былъ не въ ладахъ.

— Ну, кто васъ пойметъ... возвышенности-то эти... усмѣхнулся Трудолюбовъ.

— Васъ запишутъ, рѣшилъ, обращаясь ко мнѣ, Симоновъ, — завтра въ пять часовъ, въ Hôtel de Paris; не ошибитесь.

— Деньги-то! началъ было Ферфичкинъ вполголоса, кивая на меня Симонову, но осѣкся, потому что даже Симоновъ сконфузился.

— Довольно, сказалъ Трудолюбовъ, вставая. — Если ему такъ ужъ очень захотѣлось, пусть придетъ.

— Да вѣдь у насъ кружокъ свой, пріятельскій, злился Ферфичкинъ, тоже берясь за шляпу. — Это не официальное собраніе.

— Мы васъ, можетъ-быть, и совсѣмъ не хотимъ...

Они ушли; Ферфичкинъ, уходя, мнѣ совсѣмъ не поклонился, Трудолюбовъ едва кивнулъ, не глядя. Симоновъ, съ которымъ я остался съ глазу на глазъ, былъ въ какомъ-то досадливомъ недоумѣніи и странно посмотрѣлъ на меня. Онъ не садился и меня не приглашалъ.

— Гм!.. да... такъ завтра. Деньги-то вы отдадите теперь? Я это чтобъ вѣрно знать, пробормоталъ онъ, сконфузившись.

Я вспыхнулъ, но, вспыхивая, вспомнилъ, что съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ Симонову пятнадцать рублей, чего, впрочемъ, и не забывалъ никогда, но и не отдавалъ никогда.

— Согласитесь сами, Симоновъ, что я не могъ знать, входя сюда... и мнѣ очень досадно, что я забылъ...

— Хорошо, хорошо, все равно. Расплатитесь завтра за обѣдомъ. Я вѣдь только чтобъ знать... Вы пожалуйста...

Онъ осѣкся и сталъ шагать по комнатѣ съ еще болѣе досадой. Шагая, онъ началъ становиться на каблучки и при этомъ сильнѣе топать.

— Я васъ не задерживаю-ли? спросилъ я, послѣ двухминутнаго молчанія.

— О, нѣтъ! встрепенулся онъ вдругъ, — то-есть по правдѣ, — да. Видите-ли, мнѣ еще бы надо зайти... Тутъ не далеко... прибавилъ онъ какимъ-то извиняющимся голосомъ и отчасти стыдясь.

— Ахъ, Боже мой! Что же вы не скажете! вскрикнулъ

я, схвативъ фуражку, съ удивительно, впрочемъ, развязнымъ видомъ, Богъ знаетъ откуда налетѣвшимъ.

— Это вѣдь не далеко... Тутъ два шага... повторялъ Симоновъ, провожая меня до передней съ суетливымъ видомъ, который ему вовсе не шель.—Такъ завтра въ пять часовъ ровно! крикнулъ онъ мнѣ па лѣстницу; очень ужъ онъ былъ доволенъ, что я ухожу. Я же былъ въ бѣшенствѣ.

— Вѣдь дернуло же, дернуло же выскочить! скрежеталъ я зубами, шагая по улицѣ, — и этакому подлецу, поросенку, Звѣркову. Разумѣется, не надо ѣхать; разумѣется, наплевать: что я, связанъ, что-ли? Завтра же увѣдомлю Симонова по городской почтѣ...

Но потому-то я и бѣсился, что навѣрно зналъ, что поѣду, что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактиѣе, чѣмъ неприличнѣе будетъ мнѣ ѣхать, тѣмъ скорѣе и поѣду.

И даже препятствіе положительное было не ѣхать: денегъ не было. Всего-на-все лежало у меня девять рублей. Но изъ нихъ семь надо было отдать завтра же мѣсячнаго жалованья Аполлону, моему слугѣ, который жилъ у меня за семь рублей на своихъ харчахъ.

Не выдать же было невозможно, судя по характеру Аполлона. Но объ этой канальѣ, объ этой язвѣ моей я когда-нибудь послѣ поговорю.

Впрочемъ, я вѣдь зналъ, что все-таки не выдамъ, а непременно поѣду.

Въ эту ночь снились мнѣ безобразнѣйшіе сны. Не мудро: весь вечеръ давили меня воспоминанія о каторжныхъ дняхъ моей школьной жизни, и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, отъ которыхъ я зависѣлъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія,—сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго и дико на все озирающагося. Товарищи встрѣтили меня злыми и безжалостными насмѣшками за то, что я ни на кого изъ нихъ не былъ похожъ. Но я не могъ насмѣшекъ переносить; я не могъ такъ дешево уживаться, какъ они уживались другъ съ другомъ. Я возненавидѣлъ ихъ тотчасъ и заключился отъ всѣхъ въ пугливую, уязвленную и непомѣрную гордость. Грубость ихъ меня возмущала. Они цинически смѣялись надъ моимъ лицомъ, надъ моей мѣшковатой фигурой; а между тѣмъ, какія глупыя у нихъ самихъ были лица! Въ нашей школѣ

выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей поступало къ намъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился; меня ужъ и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игръ, разговоровъ. Они такихъ необходимыхъ вещей не понимали, такими внушающими, поражающими предметами не интересовались, что поневолѣ я сталъ считать ихъ ниже себя. Не оскорбленное тщеславіе подбивало меня къ тому, и, ради Бога, не вылъзайте ко мнѣ съ пріѣвшимися до тошноты казенными возраженіями: „что я только мечталъ, а они ужъ и тогда дѣйствительную жизнь понимали“. Ничего они не понимали, никакой дѣйствительной жизни и, клянусь, это-то и возмущало меня въ нихъ наиболѣе. Напротивъ, самую очевидную, рѣзкую глаза дѣйствительность они принимали фантастически глупо, и уже тогда привыкли поклоняться одному успѣху. Все, что было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестокосердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ. Конечно, много тутъ было отъ глупости, отъ дурного примѣра, безпрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости. Разумѣется, и тутъ было больше внѣшности, больше напускной циничности, разумѣется, юность и нѣкоторая свѣжесть мелькали и въ нихъ даже изъ-за разврата; но непривлекательна была въ нихъ даже и свѣжесть и проявлялась въ какомъ-то ѣрничествѣ. Я ненавидѣлъ ихъ ужасно, хотя, пожалуй, былъ ихъ же хуже. Они мнѣ тѣмъ же платили и не скрывали своего ко мнѣ омерзѣнія. Но я уже не желалъ ихъ любви; напротивъ, я постоянно жаждалъ ихъ униженія. Чтобы избавить себя отъ ихъ насмѣшекъ, я нарочно началъ какъ можно лучше учиться и пробился въ число самыхъ первыхъ. Это имъ внушило. Къ тому же всѣ они начали помаленьку понимать, что я уже читалъ такія книги, которыхъ они не могли читать, и понималъ такія вещи (не входившія въ составъ нашего спеціальнаго курса), о которыхъ они и не слыхивали. Дико и насмѣшливо смотрѣли они на это, но нравственно подчинялись, тѣмъ болѣе, что даже учителя обращали на меня вниманіе по этому поводу. Насмѣшки прекратились, но осталась неприязнь и установились холодныя, натянутыя отноше-

нія. Подъ конецъ я самъ не выдержалъ: съ лѣтами развилась потребность въ людяхъ, въ друзьяхъ. Я попробовалъ было начать сближаться съ иными; но всегда это сближеніе выходило неестественно и такъ само собой и оканчивалось. Былъ у меня разъ какъ-то и другъ. Но я уже былъ деспотъ въ душѣ; я хотѣлъ неограниченно властвовать надъ его душой, я хотѣлъ вселить въ него презрѣніе къ окружавшей его средѣ; я потребовалъ отъ него высокомернаго и окончательнаго разрыва съ этой средой. Я испугалъ его моей страстной дружбой; я доводилъ его до слезъ, до судорогъ; онъ былъ наивная и отдающаяся душа; но когда онъ отдался мнѣ весь, я тотчасъ же возненавидѣлъ его и оттолкнулъ отъ себя, — точно онъ и нуженъ былъ мнѣ только для одержанія надъ нимъ побѣды, для одного его подчиненія. Но всѣхъ я не могъ побѣдить; мой другъ былъ тоже ни на одного изъ нихъ не похожъ и составлялъ самое рѣдкое исключеніе. Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы было оставить ту специальную службу, къ которой я предназначался, чтобы всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать... И чортъ знаетъ, зачѣмъ послѣ того я потащился къ этому Симонову!..

Утромъ я рано схватился съ постели, вскочилъ съ волненіемъ, точно все это сейчасъ же и начнетъ совершаться. Но я вѣрилъ, что наступаетъ и непременно наступитъ сегодня же какой-то радикальный переломъ въ моей жизни. Съ непривычки что-ли, но мнѣ всю жизнь, при всякомъ внѣшнемъ, хотя бы мельчайшемъ событіи, все казалось, что вотъ сейчасъ же и наступитъ какой-нибудь радикальный переломъ въ моей жизни. Я, впрочемъ, отправился въ должность по-обыкновенному, но улизнулъ домой двумя часами раньше, чтобъ приготовиться. Главное, думалъ я, надо пріѣхать не первымъ, а то подумаютъ, что я ужъ очень обрадовался. Но такихъ главныхъ вещей были тысячи и всѣ онѣ волновали меня до безсилія. Я собственно еще разъ вычистилъ мои сапоги; Аполлонъ ни за что на свѣтѣ не сталъ бы чистить ихъ два раза въ день, находя, что это не порядокъ. Чистилъ же я, укравъ щетки изъ передней, чтобъ онъ какъ-нибудь не замѣтилъ и не сталъ потомъ презирать меня. Затѣмъ я подробно осмотрѣлъ мое платье и нашелъ, что все старо, потерто, заношено. Слишкомъ я ужъ обнеряшился. Вицмундиръ, пожалуй, былъ исправенъ, но не въ вицмундирѣ же было

ѣхать обѣдать. А главное на панталонахъ, на самой ко-
лѣнкѣ, было огромное желтое пятно. Я предчувствовалъ,
что одно уже это пятно отниметъ у меня девять десятыхъ
собственнаго достоинства. Зналъ тоже я, что очень низко
такъ думать. „Но теперь не до думанья: теперь насту-
паетъ дѣйствительность“, думалъ я и падалъ духомъ.
Зналъ я тоже отлично, тогда же, что всѣ эти факты чу-
довищно увеличиваю; но что же было дѣлать, совладать
я съ собой ужъ не могъ и меня трясла лихорадка. Съ
отчаяніемъ представлялъ я себѣ, какъ свысока и холодно
встрѣтитъ меня этотъ „подлецъ“ Звѣрковъ; съ какимъ
тупымъ, ничѣмъ неотразимымъ презрѣніемъ будетъ смо-
трѣть на меня тупица Трудолобовъ; какъ скверно и
дерзко будетъ подхихикивать на мой счетъ козьявка Фер-
фичкинъ, чтобъ подслужиться Звѣркову; какъ отлично
пойметъ про себя все это Симоновъ, и какъ будетъ пре-
зирать меня за низость моего тщеславія и малодушія, и,
главное,—какъ все это будетъ мизерно, не *литературно*,
обыденно. Конечно, всего бы лучше совсѣмъ не ѣхать.
Но это-то ужъ было больше всего невозможно: ужъ когда
меня начинало тянуть, такъ ужъ я такъ и втягивался
весь съ головой. Я бы всю жизнь дразнилъ себя потомъ:
„а, что, струсилъ, струсилъ *дѣйствительности*, струсилъ!“
Напротивъ, мнѣ страстно хотѣлось доказать всей этой
„шушерѣ“, что я вовсе не такой трусъ, какъ я самъ себѣ
представляю. Мало того, въ самомъ сильнѣйшемъ парок-
сизмѣ трусливой лихорадки мнѣ мечталось одержать
верхъ, побѣдить, увлечь, заставить ихъ полюбить себя—
ну, хоть „за возвышенность мыслей и несомнѣнное остро-
уміе“. Они бросятъ Звѣркова, онъ будетъ сидѣть въ сто-
ронѣ, молчать и стыдиться, а я раздавлю Звѣркова. По-
томъ, пожалуй, помирюсь съ нимъ и выпью на *ты*, но
что всего было злѣе и обиднѣе для меня, это, что я тогда
же зналъ, зналъ вполне и навѣрно, что ничего мнѣ этого
въ сущности не надо, что, въ сущности, я вовсе не желаю
ихъ раздавливать, покорять, привлекать, и что за весь-то
результатъ, если-бъ только я и достигъ его, я самъ, пер-
вый, гроша бы не далъ. О, какъ я молилъ Бога, чтобъ
ужъ прошелъ поскорѣе этотъ день! Въ невыразимой тоскѣ
я подходилъ къ окну, отворялъ форточку и вглядывался
въ мутную мглу густо падающаго мокраго снѣга...

Наконецъ, на моихъ дрянныхъ стѣнныхъ часишкахъ
прошипѣло пять. Я схватилъ шапку и, стараясь не взгля-

путь на Аполлона, который еще съ утра все ждалъ отъ меня выдачи жалованья, но, по глупости своей, не хотѣлъ заговорить первый,—скользнулъ мимо него изъ дверей, и на лихачѣ, котораго нарочно нанялъ, за послѣдній полтинникъ, подкатилъ бариномъ къ Hôtel de Paris.

IV.

Я еще наканунѣ зналъ, что приѣду первый. Но ужъ дѣло было не въ первенствѣ.

Ихъ не только никого не было, но я даже едва отыскалъ нашу комнату. На столѣ было еще не совсѣмъ накрыто. Чтѣ же это значило? Послѣ многихъ разспросовъ, я добился, наконецъ, отъ слугъ, что обѣдъ заказанъ къ шести часамъ, а не къ пяти. Это подтвердили и въ буфетѣ. Даже стыдно стало разспрашивать. Было еще только двадцать пять минутъ шестого. Если они перемѣнили часъ, то во всякомъ случаѣ должны же были извѣстить, на то городская почта, а не подвергать меня „позору“ и передъ собой и... и хоть передъ слугами. Я сѣлъ; слуга сталъ накрывать; при немъ стало какъ-то еще обиднѣе. Къ шести часамъ, кромѣ горѣвшихъ лампъ, въ комнату внесены были свѣчи. Слуга не подумалъ однакожъ внести ихъ тотчасъ же, какъ я приѣхалъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали, на разныхъ столахъ, два какихъ-то мрачныхъ посѣтителя, сердитые съ виду и молчавшіе. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ было очень шумно, даже кричали; слышенъ былъ хохотъ цѣлой ватаги людей; слышались какіе-то скверные французскіе взвизги: обѣдъ былъ съ дамами. Однимъ словомъ, было очень тошно. Рѣдко я проводилъ болѣе скверную минуту, такъ что, когда они, ровно въ шесть часовъ, явились всѣ разомъ, я, на первый мигъ, обрадовался имъ, какъ какимъ-то освободителямъ, и чуть не забылъ, что обязанъ смотрѣть обиженнымъ.

Звѣрковъ вошелъ впереди всѣхъ, видимо предводительствуя. И онъ, и всѣ они смѣялись; но, увидя меня, Звѣрковъ пріосанился, подошелъ неторопливо, нѣсколько перегибаясь въ талѣ, точно кокетничая, и подаль мнѣ руку, ласково, но не очень, съ какой-то осторожной, чуть не генеральской вѣжливостію, точно, подавая руку, оберегалъ себя отъ чего-то. Я воображалъ, напротивъ, что онъ тотчасъ же, какъ войдетъ, захохочетъ своимъ прежнимъ хохотомъ, тоненькимъ и со взвизгами, и съ первыхъ же словъ пойдутъ плоскія его шутки и остроты. Къ

нимъ-то я и готовился еще съ вечера, но никакъ ужъ не ожидалъ я такого свысока, такой превосходительной ласки. Стало-быть, онъ ужъ вполне считалъ себя теперь неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ? Если-бъ онъ только обидѣть меня хотѣлъ этимъ генеральствомъ, то ничего еще, думалъ я; я бы какъ-нибудь тамъ отплевался. Но что если и въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго желанія обидѣть, въ его баранью башку серьезно заползла идея, что онъ неизмѣримо выше меня и можетъ на меня смотрѣть не иначе, какъ только съ покровительствомъ? Отъ одного этого предположенія я уже сталъ задыхаться.

— Я съ удивленіемъ узналъ о вашемъ желаніи участвовать съ нами, началъ онъ сюсюкая и пришепетывая, и растягивая слова, чего прежде съ нимъ не бывало.— Мы съ вами какъ-то все не встрѣчались. Вы насъ дичитесь. Напрасно. Мы не такъ страшны, какъ вамъ кажется. Ну-съ, во всякомъ случаѣ, радъ во-зоб-но-вить...

И онъ небрежно повернулся положить на окно шляпу.

— Давно ждете? спросилъ Трудолобовъ.

— Я приѣхалъ ровно въ пять часовъ, какъ мнѣ вчера назначили, отвѣчалъ я громко и съ раздраженіемъ, обѣщавшимъ близкій взрывъ.

— Развѣ ты не далъ ему знать, что перемѣнили часы? оборотился Трудолобовъ къ Симонову.

— Не далъ. Забылъ, отвѣчалъ тотъ, но безъ всякаго раскаянія, и, даже не извинившись передо мной, пошелъ распорядиться закуской.

— Такъ вы здѣсь ужъ часъ, ахъ, бѣдный! вскрикнулъ насмѣшливо Звѣрковъ, потому что, по его понятіямъ, это дѣйствительно должно было быть ужасно смѣшно. За нимъ, подлецкимъ, звонкимъ, какъ у собачонки, голоскомъ, закатился подлець Ферфичкинъ. Очень ужъ и ему показалось смѣшно и конфузно мое положеніе.

— Это вовсе не смѣшно! закричалъ я Ферфичкину, раздражаясь все болѣе и болѣе.— Виноваты другіе, а не я. Мнѣ пренебрегли дать знать. Это... это... это... просто нелѣпо.

— Не только нелѣпо, а и еще что-нибудь, проворчалъ Трудолобовъ, наивно за меня заступаясь.— Вы ужъ слишкомъ мягки. Просто невѣжливость. Конечно, не умышленная. И какъ это Симоновъ... Гм!

— Если-бъ со мной этакъ сыграли, замѣтилъ Ферфичкинъ,—я бы...

— Да, вы бы велѣли себѣ чего-нибудь подать, перебилъ Звѣрковъ,—или просто спросили бы обѣдать, не дожидаясь.

— Согласитесь, что я бы могъ это сдѣлать безъ всякаго позволенія, отрѣзалъ я.—Если я ждалъ, то...

— Садимся, господа! закричалъ вошедшій Симоновъ,—все готово; за шампанское отвѣчаю, отлично заморожено... Вѣдь я вашей квартиры не зналъ, гдѣ-жъ васъ отыскивать? оборотился онъ вдругъ ко мнѣ, но опять какъ-то не глядя на меня. Очевидно, онъ имѣлъ что-то противъ. Знать послѣ вчерашняго надумался.

Всѣ сѣли; сѣлъ и я. Столъ былъ круглый. По лѣвую руку отъ меня пришелся Трудюлюбовъ, по правую Симоновъ. Звѣрковъ сѣлъ напротивъ; Ферфичкинъ подлѣ него, между нимъ и Трудюлюбовымъ.

— Ска-а-ажите, вы... въ департаментѣ? продолжалъ заниматься мною Звѣрковъ. Видя, что я сконфуженъ, онъ серьезно вообразилъ, что меня надо обласкать и, такъ сказать, ободрить. „Что-жъ онъ, хочетъ, что-ли, чтобъ я въ него бутылкой пустилъ“, подумалъ я въ бѣшенствѣ. Раздражался я, съ непривычки, какъ-то неестественно скоро.

— Въ ...й канцеляріи, отвѣтилъ я отрывисто, глядя въ тарелку.

— И!.. ввамъ ввыгодно? Ска-ажите, что васъ па-анудило оставить прежнюю службу?

— То и па-анудило, что захотѣлось оставить прежнюю службу, протянулъ я втрое больше, уже почти не владѣя собою. Ферфичкинъ фыркнулъ. Симоновъ иронически посмотрѣлъ на меня; Трудюлюбовъ остановился ѣсть и сталъ меня разсматривать съ любопытствомъ.

Звѣркова покорило, но онъ не хотѣлъ замѣтить.

— Н-у-у, а какъ ваше содержаніе?

— Какое это содержаніе?

— То-есть, ж-жалованье?

— Да что вы меня экзаменуете!

Вирочемъ, я тутъ же и назвалъ, сколько получаю жалованья. Я ужасно краснѣлъ.

— Небогато, важно замѣтилъ Звѣрковъ.

— Да-съ, нельзя въ кафе-ресторанахъ обѣдать! нагло прибавилъ Ферфичкинъ.

— По-моему, такъ даже просто бѣдно, серьезно замѣ- тиль Трудолобовъ.

— И какъ вы похудѣли, какъ перемѣнились... съ тѣхъ поръ... прибавилъ Звѣрковъ, уже не безъ яду, съ какимъ- то нахальнымъ сожалѣніемъ, разсматривая меня и мой костюмъ.

— Да полно конфузить-то, хихикая, вскрикнулъ Фер- фичкинъ.

— Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь, прорвался я, наконецъ, — слышите-съ! Я обѣдаю здѣсь, „въ кафе-ресторанѣ“, на свои деньги, на свои, а не на чужія, замѣтите это, м-г Ферфичкинъ.

— Ка-акъ! Кто-жъ это здѣсь не на свои обѣдаетъ? Вы какъ будто... вцѣпился Ферфичкинъ, покраснѣвъ какъ ракъ и съ остервенѣніемъ смотря мнѣ въ глаза.

— Та-акъ, отвѣчалъ я, чувствуя, что далеко зашелъ, — и полагаю, что лучше бы намъ заняться разговоромъ по- умнѣй.

— Вы, кажется, намѣреваетесь вашъ умъ показывать?

— Не беспокойтесь, это было бы совершенно здѣсь лишнее.

— Да вы это что, сударь вы мой, раскудахтались—а? Вы не съ ума-ли ужъ спятили, въ вашемъ *лепартаментъ*?

— Довольно, господа, довольно! закричалъ всевластно Звѣрковъ.

— Какъ это глупо! проворчалъ Симоновъ.

— Дѣйствительно, глупо, мы собрались въ дружеской компаніи, чтобъ проводить въ вояжъ добраго пріятели, а вы считаетесь, заговорилъ Трудолобовъ, грубо обращаясь ко мнѣ одному.—Вы къ намъ сами вчера напросились, не разстраивайте же общей гармоніи...

— Довольно, довольно! кричалъ Звѣрковъ. — Пере- станьте, господа, это нейдетъ. А вотъ я вамъ лучше раз- скажу, какъ я третьяго дня чуть не женился...

И вотъ начался какой-то пашквиль о томъ, какъ этотъ господинъ третьяго дня чуть не женился. О женитьбѣ, впрочемъ, не было ни слова, но въ разсказѣ все мель- кали генералы, полковники и даже камеръ-юнкеры, а Звѣрковъ между ними чуть не въ главѣ. Начался одо- брительный смѣхъ; Ферфичкинъ даже взвизгивалъ.

Всѣ меня бросили, и я сидѣлъ раздавленный и уни- женный.

„Господи, мое-ли это общество! думаль я.—И какимъ дуракомъ я выставилъ себя самъ передъ ними! Я одна-кожъ много позволилъ Ферфичкину. Думаютъ, балбесы, что честь мнѣ сдѣлали, давъ мѣсто за своимъ столомъ, тогда какъ не понимаютъ, что это я, я имъ дѣлаю честь, а не мнѣ они! „Похудѣль! Костюмъ!“ О, проклятые панталоны! Звѣрковъ еще давеча замѣтилъ желтое пятно на колѣнкѣ... Да чего тутъ! Сейчасъ же, сію минуту встать изъ-за стола, взять шляпу и просто уйти, не говоря ни слова... Изъ презрѣнья! А завтра хоть на дуэль. Подлецы. Вѣдь не семи же рублей мнѣ жалѣть. Пожалуй, подумаютъ... Чортъ возьми! Не жаль мнѣ семи рублей! Сію минуту ухожу!..“

Разумѣется, я остался.

Я пилъ съ горя лафитъ и хересь стаканами. Съ привычки быстро хмелѣлъ, а съ хмелемъ росла и досада. Мнѣ вдругъ захотѣлось оскорбить ихъ всѣхъ самымъ дерзкимъ образомъ и потомъ ужъ уйти. Улучить минуту и показать себя: пусть же скажутъ: хоть и смѣшонъ, да уменьъ... и... и... однимъ словомъ, чортъ съ ними!

Я нагло обвелъ ихъ всѣхъ осоловѣлыми глазами. Но они точно ужъ меня позабыли совсѣмъ. У *нихъ* было шумно, крикливо, весело. Говорилъ все Звѣрковъ. Я началъ прислушиваться. Звѣрковъ рассказывалъ о какой-то пышной дамѣ, которую онъ довелъ-таки, наконецъ, до признанья (разумѣется, лгалъ какъ лошадь) и что въ этомъ дѣлѣ особенно помогалъ ему его интимный другъ, какой-то князекъ, гусаръ Коля, у котораго три тысячи душъ.

— А между тѣмъ, этого Коли, у котораго три тысячи душъ, здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ, проводить-то васъ, ввязался я вдругъ въ разговоръ.

На минуту всѣ замолчали.

— Вы ужъ о сію пору пьяны, согласился, наконецъ, замѣтить меня Трудолюбовъ, презрительно накосясь въ мою сторону. Звѣрковъ молча разсматривалъ меня какъ букашку. Я опустилъ глаза. Симоновъ поскорѣй началъ разливать шампанское.

Трудолюбовъ поднялъ бокалъ, за нимъ всѣ, кромѣ меня.

— Твое здоровье и счастливаго пути! крикнулъ онъ Звѣркову,—за старые годы, господа, за наше будущее, ура!

Всѣ выпили и полѣзли цѣловаться съ Звѣрковымъ. Я

не трогался; полный бокаль стояль передо мной непечатый.

— А вы развѣ не станете пить? заревѣль, потерявшій терпѣніе, Трудолюбовъ, грозно обращаясь ко мнѣ.

— Я хочу сказать спичь со своей стороны, особо... х тогда выпью, господинъ Трудолюбовъ.

— Противная злючка! проворчалъ Симоновъ.

Я выпрямился на стулѣ и взялъ бокаль въ лихорадкѣ, готовясь къ чему-то необыкновенному, и самъ еще не зная, что именно я скажу.

— Silence! крикнулъ Ферфичкинъ. — То-то ума-то будеть!

Звѣрковъ ждалъ очень серьезно, понимая въ чемъ дѣло.

— Господинъ поручикъ Звѣрковъ, началъ я, — знайте, что я ненавижу фразу, фразеровъ и тальи съ перехватами... Это первый пунктъ, а за симъ послѣдуетъ второй.

Всѣ сильно пошевелились.

— Второй пунктъ: ненавижу клубничку и клубничниковъ. И особенно клубничниковъ! Третій пунктъ: люблю правду, искренность и честность, продолжалъ я почти машинально, потому что самъ начиналъ ужъ леденѣть отъ ужаса, не понимая, какъ это я такъ говорю. — Я люблю мысль, мсье Звѣрковъ; я люблю настоящее товарищество, на равной ногѣ, не... гм... Я люблю... А, впрочемъ, отчего-жь? И я выпью за ваше здоровье, мсье Звѣрковъ. Прельщайте черкешенокъ, стрѣляйте враговъ отечества и... и... За ваше здоровье, мсье Звѣрковъ!

Звѣрковъ всталъ со стула, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

Онъ былъ ужасно обиженъ и даже поблѣднѣлъ.

— Чортъ возьми! заревѣль Трудолюбовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ-съ, за это по рожѣ бьютъ! взвизгнулъ Ферфичкинъ.

— Выгнать его надо! проворчалъ Симоновъ.

— Ни слова, господа, ни жеста! торжественно крикнулъ Звѣрковъ, останавливая общее негодованіе. — Благодарю васъ всѣхъ, но я самъ сумѣю доказать ему, насколько цѣню его слова.

— Господинъ Ферфичкинъ, завтра же вы мнѣ дадите удовлетвореніе за ваши сейчаснія слова! громко сказалъ я, важно обращаясь къ Ферфичкину.

— То-есть дуэль-съ? Извольте-съ, отвѣчалъ тотъ, но вѣрно я былъ такъ смѣшонъ, вызывая, и такъ это не шло къ моей фигурѣ, что всё, а за всѣми и Ферфичкинъ, такъ и легли со смѣху.

— Да, конечно, бросить его! Вѣдь совсѣмъ ужъ пьянь! съ омерзѣніемъ проговорилъ Трудолобовъ.

— Никогда не прощу себѣ, что его записалъ! проворчалъ опять Симоновъ.

„Вотъ теперь бы и пустить бутылкой во всѣхъ“, подумалъ я, взявъ бутылку и... налилъ себѣ полный стаканъ.

„Нѣтъ, лучше досижу до конца!“ продолжалъ я думать, — „вы были бы рады, господа, чтобъ я ушелъ. Ни за что. Нарочно буду сидѣть и пить до конца, въ знакъ того, что не придаю вамъ ни малѣйшей важности. Буду сидѣть и пить, потому что здѣсь кабакъ, а я деньги за входъ заплатилъ. Буду сидѣть и пить, потому что васъ за пѣшекъ считаю, за пѣшекъ несуществующихъ. Буду сидѣть и пить... и пѣть, если захочу, да-съ, и пѣть, потому что право такое имѣю... чтобъ пѣть... гм!“

Но я не пѣлъ. Я старался только ни на кого изъ нихъ не глядѣть; принималъ независимѣйшія позы и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда со мной они сами, *первые*, заговорятъ. Но, увы, они не заговорили. И какъ бы, какъ бы я желалъ въ эту минуту съ ними помириться! Пробыло восемь часовъ, наконецъ, девять. Они перешли со стола на диванъ. Звѣрковъ разлегся на кушеткѣ, положивъ одну ногу на круглый столикъ. Туда перенесли и вино. Онъ дѣйствительно выставилъ имъ три бутылки своихъ. Меня, разумѣется, не пригласилъ. Всѣ обсѣли его на диванѣ. Они слушали его чуть не съ благоговѣніемъ. Видно было, что его любили. „За что? За что?“ думалъ я про себя. Изрѣдка они приходили въ пьяный восторгъ и цѣловались. Они говорили о Кавказѣ, о томъ, что такое истинная страсть, о гальбикѣ, о выгодныхъ мѣстахъ по службѣ, о томъ, сколько дохода у гусара Подхаржевскаго, котораго никто изъ нихъ не зналъ лично, и радовались, что у него много дохода; о необыкновенной красотѣ и граціи княгини Д—й, которую тоже никто изъ нихъ никогда не видалъ; наконецъ, дошло до того, что Шекспиръ безсмертенъ.

Я презрительно улыбался и ходилъ по другую сторону комнаты, прямо противъ дивана, вдоль стѣны, отъ стола до печки и обратно. Всѣми силами я хотѣлъ показать,

что могу и безъ нихъ обойтись; а между тѣмъ нарочно стучалъ сапогами, становясь на каблуки. Но все было напрасно. *Они-то* и не обращали вниманія. Я имѣлъ терпѣніе проходить такъ, прямо передъ ними, съ восьми до одиннадцати часовъ, все по одному и тому же мѣсту, отъ стола до печки и отъ печки обратно къ столу. „Такъ, хожу себѣ и никто не можетъ мнѣ запретить“. Входящій въ комнату слуга нѣсколько разъ останавливался смотрѣть на меня: отъ частыхъ оборотовъ у меня кружилась голова; минутами мнѣ казалось, что я въ бреду. Въ эти три часа я три раза вспотѣлъ и просохъ. Порой съ глубочайшею, съ ядовитою болью вонзалась въ мое сердце мысль, что пройдетъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я все-таки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и съ униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстнѣе и добровольнѣе унижать себя самому было ужъ невозможно, и я вполне, вполне понималъ это и все-таки продолжалъ ходить отъ стола до печки и обратно. „О, если бъ вы только знали, на какія чувства и мысли способенъ я, и какъ я развить!“ думалъ я минутами, мысленно обращаясь къ дивану, гдѣ сидѣли враги мои. Но враги мои вели себя такъ, какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Разъ, одинъ только разъ, они обернулись ко мнѣ, именно, когда Звѣрковъ заговорилъ о Шекспирѣ, а я вдругъ презрительно захохоталъ. Я такъ выдѣланно и гадко фыркнулъ, что они всѣ разомъ прервали разговоръ и молча наблюдали минуты двѣ, серьезно, не смѣясь, какъ я хожу по стѣнкѣ, отъ стола до печки, и какъ *не обращаю на нихъ никакого вниманія*. Но ничего не вышло: они не заговорили и черезъ двѣ минуты опять меня бросили. Пробыло одиннадцать.

— Господа! закричалъ Звѣрковъ, подымаясь съ дивана. — Теперь всѣ *туда*.

— Конечно, конечно! заговорили другіе.

Я круто поворотилъ къ Звѣркову. Я былъ до того измученъ, до того изломанъ, что хоть зарѣзаться, а покончить. У меня была лихорадка; смоченные потомъ волосы присохли ко лбу и вискамъ.

— Звѣрковъ! Я прошу у васъ прощенья, сказалъ я рѣзко и рѣшительно. — Ферфичкинъ, и у васъ тоже, у всѣхъ, у всѣхъ, я обидѣлъ всѣхъ!

— Ага! Дуэль-то не свой братъ! ядовито прошипѣлъ Ферфичкинъ.

Меня больно рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ, я не дуэли боюсь, Ферфичкинъ! Я готовъ съ вами завтра же драться, уже послѣ примиренія. Я даже настаиваю на этомъ, и вы не можете мнѣ отказать. Я хочу доказать вамъ, что я не боюсь дуэли. Вы будете стрѣлять первый, а я выстрѣлю на воздухъ.

— Самъ себя тѣшитъ, замѣтилъ Симоновъ.

— Просто сбрендилъ! отозвался Трудолобовъ.

— Да позвольте пройти, что вы поперекъ дороги стали!.. Ну, чего вамъ надобно? презрительно отвѣчала Звѣрковъ.

Всѣ они были красные; глаза у нихъ блистали: много нили.

— Я прошу вашей дружбы, Звѣрковъ, я васъ обидѣлъ, но..

— Обидѣли? В-вы! Ме-ня! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не можете *меня* обидѣть.

— И довольно съ васъ, прочь! скрѣпилъ Трудолобовъ. — Тѣдемъ.

— Олимпія моя, господа, уговоръ! крикнулъ Звѣрковъ.

— Не оспариваемъ! Не оспариваемъ! отвѣчали ему, смѣясь.

Я стоялъ оплеванный. Ватага шумно выходила изъ комнаты, Трудолобовъ затянулъ какую-то глупую пѣсню. Симоновъ остался на крошечную минутку, чтобъ дать на чай слугамъ. Я вдругъ подошелъ къ нему.

— Симоновъ! Дайте мнѣ шесть рублей! сказалъ я рѣшительно и отчаянно.

Онъ поглядѣлъ на меня въ чрезвычайномъ изумленіи какими-то тупыми глазами. Онъ тоже былъ пьянъ.

— Да развѣ вы и *туда* съ нами!

— Да!

— У меня денегъ нѣтъ! отрѣзалъ онъ, презрительно усмѣхнулся и пошелъ изъ комнаты.

Я схватилъ его за шинель. Это былъ кошмаръ.

— Симоновъ! я видѣлъ у васъ деньги, зачѣмъ вы мнѣ отказываете? Развѣ я подлецъ? Берегитесь мнѣ отказать: если бъ вы знали, если бъ вы знали, для чего я прошу! Отъ этого зависитъ все, все мое будущее, всѣ мои планы...

Симоновъ вынулъ деньги и чуть не бросилъ ихъ мнѣ.

— Возьмите, если вы такъ безсовѣстны! безжалостно проговорилъ онъ и побѣжалъ догонять ихъ.

Я остался на минуту одинъ. Безпорядокъ, объѣдки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино, окурки папирозъ, хмель и бредъ въ головѣ, мучительная тоска въ сердцѣ, и, наконецъ, лакей, все видѣвшій и все слышавшій и любопытно заглядывавшій мнѣ въ глаза.

— *Туда!* вскрикнулъ я. „Или они всѣ на колѣняхъ, обнимаемая ноги мои, будутъ вымаливать дружбы, или... или я дамъ Звѣркову пощечину!“

V.

— Такъ вотъ оно, такъ вотъ оно, наконецъ, столепо-венье-то съ дѣйствительностью! бормоталъ я, сбѣгая стремглавъ съ лѣстницы.—Это знать ужъ не папа, оставляющій Римъ и уѣзжающій въ Бразилію; это знать ужъ не балъ на озерѣ Комо!

„Подлецъ ты!“ пронеслось въ моей головѣ, „коли надъ этимъ теперь смѣешься“.

— Пусть! крикнулъ я, отвѣчая себѣ.—Теперь вѣдь ужъ все погибло!

Ихъ ужъ и слѣдъ простылъ; но все равно: я зналъ, куда они поѣхали.

У крыльца стоялъ одинокій ванька, ночникъ, въ сермяжѣ, весь запорошенный все еще валившимся мокрымъ и какъ будто теплымъ снѣгомъ. Было парно и душно. Маленькая лохматая, пѣгая лошаденка его была тоже вся запорошена и кашляла, я это очень помню. Я бросился въ лубочныя санки; но только было я занесъ ногу, чтобы сѣсть, воспоминаніе о томъ, какъ Симоновъ сейчасъ давалъ мнѣ шесть рублей, такъ и подкосило меня, и я какъ мѣшокъ повалился въ санки.

— Нѣтъ, надо много сдѣлать, чтобъ все это выкупить! прокричалъ я.—Но я выкуплю, или въ эту же ночь погибну на мѣстѣ. Пошелъ!

Мы тронулись. Цѣлый вихрь кружился въ моей головѣ.

— На колѣняхъ умолять о моей дружбѣ они не станутъ. Это миражъ, пошлый миражъ, отвратительный, романтическій и фантастическій—тотъ же балъ на озерѣ Комо. И потому я *долженъ* дать Звѣркову пощечину! Я обязанъ дать. Итакъ рѣшено: я лечу теперь дать ему пощечину. Погоняй!

Ванька задергалъ возжами.

— Какъ войду, такъ и дамъ. Надобно-ли сказать передъ пощечиной нѣсколько словъ, въ видѣ предисловія? Нѣтъ. Просто войду и дамъ. Они всѣ будутъ сидѣть въ залѣ, а онъ на диванѣ съ Олимпіей. Проклятая Олимпія! Она смѣялась разъ надъ моимъ лицомъ и отказалась отъ меня. Я оттаскаю Олимпію за волосы, а Звѣркова за уши! Нѣтъ, лучше за одно ухо и за ухо проведу его по всей комнатѣ. Они, можетъ-быть, всѣ начнутъ меня бить и вытолкають. Это даже навѣрно. Пусть! Все же я первый дамъ пощечину; моя инициатива; а по законамъ чести это все: онъ уже заклеименъ и никакими побоями ужъ не смоетъ съ себя пощечины, кромѣ какъ дуэлью. Онъ долженъ будетъ драться. Да и пусть они теперь бьютъ меня. Пусть, благодарные! Особенно будетъ бить Трудябобовъ: онъ такой сильный; Ферфичкинъ прицѣпится сбоку и непременно за волосы, навѣрно. Но пусть, пусть! Я на то пошелъ. Ихъ бараньи башки принуждены же будутъ раскусить, наконецъ, во всемъ этомъ трагическое! Когда они будутъ тащить меня къ дверямъ, я крикну имъ, что въ сущности они не стоятъ моего одного мизинца. Погоняй, извозчикъ, погоняй! кричалъ я на ваньку. Онъ даже вздрогнулъ и взмахнулъ кнутомъ. Очень ужъ дико я крикнулъ.

— На разсвѣтѣ деремся, это ужъ рѣшено. Съ департаментомъ кончено. Ферфичкинъ сказалъ давеча вмѣсто департамента—лепартаментъ. Но гдѣ взять пистолетовъ? Вздоръ! Я возьму впередъ жалованья и куплю. А пороху, а пулю? Это дѣло секунданта. И какъ успѣть все это къ разсвѣту? И гдѣ я возьму секунданта? У меня нѣтъ знакомыхъ. Вздоръ! крикнулъ я, взвихриваясь еще больше,—вздоръ! Первый встрѣчный на улицѣ, къ которому я обращусь, обязанъ быть моимъ секундантомъ, точно такъ же, какъ вытащить изъ воды утопающаго. Самые эксцентрическіе случаи должны быть допущены. Да если-бъ я самого даже директора завтра попросилъ въ секунданты, то и тотъ долженъ бы былъ согласиться, изъ одного рыцарскаго чувства, и сохранить тайну!—Антонъ Антонычъ...

Дѣло въ томъ, что въ ту же самую минуту мнѣ яснѣе и ярче, чѣмъ кому бы то ни было во всемъ мірѣ, представилась вся гнуснѣйшая нелѣпность моихъ предположеній и весь оборотъ медали, но...

— Погоняй, извозчикъ, погоняй, шельмецъ, погоняй!

— Эхъ, баринъ! проговорила земская сила.

Холодъ вдругъ обдалъ меня.

— А не лучше-ли... а не лучше-ли... прямо теперь же домой? О, Боже мой! Зачѣмъ, зачѣмъ вчера я вызвался на этотъ обѣдъ! Но нѣтъ, невозможно! А прогулка-то три часа отъ стола до печки? Нѣтъ, они, они, а не кто другой должны расплатиться со мяю за эту прогулку! Они должны смѣть это безчестіе! Погоняй!

— А что если они меня въ часть отдадутъ! Не по-смѣютъ! Скандала побоятся. А что, если Звѣрковъ изъ презрѣнья откажется отъ дуэли? Это даже навѣрно; но я докажу имъ тогда... Я брошусь тогда на почтовый дворъ, когда онъ будетъ завтра уѣзжать, схвачу его за ногу, сорву съ него шинель, когда онъ будетъ въ повозку влѣзать. Я зубами вцѣплюсь ему въ руку, я укушу его. „Смотрите всѣ, до чего можно довести отчаяннаго человѣка!“ Пусть онъ бьетъ меня въ голову, а всѣ они сзади. Я всей публикѣ кричу: „смотрите, вотъ молодой щенокъ, который ѣдетъ плѣнять черкешенокъ съ моимъ плевромъ на лицѣ!“

Разумѣется, послѣ этого все уже кончено! Департаментъ исчезъ съ лица земли. Меня схватятъ, меня будутъ судить, меня выгонятъ изъ службы, посадятъ въ острогъ, пошлютъ въ Сибирь на поселеніе. Нужды нѣтъ! Черезъ пятнадцать лѣтъ я потащусь за нимъ въ рублищѣ, нищимъ, когда меня выпустятъ изъ острога. Я отыщу его гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ. Онъ будетъ женатъ и счастливъ. У него будетъ взрослая дочь... Я скажу: смотри, извергъ, смотри на мои ввалившіяся щеки и на мое рублище! Я потерялъ все: карьеру, счастье, искусство, науку, любимую женщину, и все изъ-за тебя. Вотъ пистолеты. Я пришелъ разрядить свой пистолетъ и... и прощаю тебя. Тутъ я выстрѣлю на воздухъ и обо мнѣ ни слуху, ни духу...

Я было даже заплакалъ, хотя совершенно точно зналъ, въ это же самое мгновеніе, что все это изъ „Сильвіо“ и изъ „Маскарада“ Лермонтова. И вдругъ мнѣ стало ужасно стыдно, до того стыдно, что я остановилъ лошадь, вылѣзъ изъ саней и сталъ въ снѣгъ среди улицы. Ванька съ изумленіемъ и вздыхая смотрѣлъ на меня.

Что было дѣлать? И туда было нельзя—выходилъ вздоръ, и оставить дѣла нельзя, потому что уль тутъ выйдетъ... Господи! Какъ же это можно оставить! И послѣ такихъ

обиды! Нѣтъ! вскрикнулъ я, снова кидаясь въ сани; это предназначено—это рокъ! Погоняй, погоняй, туда!

И въ нетерпѣніи я ударилъ кулакомъ извозчика въ шею.

— Да что ты, чего дерешься? закричалъ мужичонка, стегая, однакожь, клачу, такъ что та начала лягаться задними ногами.

Мокрый снѣгъ валилъ хлопьями; я раскрылся, мнѣ было не до него. Я забылъ все прочее, потому что окончательно рѣшился на пощечину, и съ ужасомъ ощущалъ, что это вѣдь ужъ *непремѣнно, сейчасъ*, теперь случится, и *ужъ никакими силами остановить нельзя*. Пустынные фонари угрюмо мелькали въ снѣжной мглѣ, какъ факелы на похоронахъ. Снѣгъ набился мнѣ подъ шинель, подъ сюртукъ, подъ галстукъ и тамъ таялъ; я не закрывался: вѣдь ужъ и безъ того все было потеряно! Наконецъ, мы подѣхали. Я выскочилъ почти безъ памяти, взбѣжалъ по ступенькамъ и началъ стучать въ дверь руками и ногами. Особенно ноги, въ колѣнкахъ, у меня ужасно слабѣли. Какъ-то скоро отворили; точно знали о моемъ приѣздѣ. (Дѣйствительно, Симоновъ предувѣдомилъ, что, можетъ-быть, еще будетъ одинъ, а здѣсь надо было предувѣдомлять и вообще брать предосторожности. Это былъ одинъ изъ тѣхъ тогдашнихъ „модныхъ магазиновъ“, которые давно уже теперь истреблены полиціей. Днемъ и въ самомъ дѣлѣ это былъ магазинъ; а по вечерамъ, имѣющимъ рекомендацію, можно было приѣзжать въ гости). Я прошелъ скорыми шагами черезъ темную лавку въ знакомый мнѣ залъ, гдѣ горѣла всего одна свѣчка, и остановился въ недоумѣніи: никого не было.

— Гдѣ же они? спросилъ я кого-то.

Но они, разумѣется, уже успѣли разойтись.

Передо мной стояла одна личность, съ глупой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Черезъ минуту отворилась дверь и вошла другая личность.

Не обращая ни на что вниманія, я шагаль по комнатѣ и, кажется, говорилъ самъ съ собой. Я былъ точно отъ смерти спасенъ, и всѣмъ существомъ своимъ радостно это предчувствовалъ: вѣдь я бы далъ пощечину, я бы непремѣнно, непремѣнно далъ пощечину! Но теперь ихъ нѣтъ и... все исчезло, все перемѣнилось! Я оглядывался. Я еще не могъ сообразить. Машинально я взглянулъ на вошедшую дѣвушку: передо мной мелькнуло свѣжее, молодое, нѣсколько блѣдное лицо, съ прямыми темными бровями,

съ серьезнымъ и какъ бы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Мнѣ это тотчасъ же понравилось; я бы возненавидѣлъ ее, если-бъ она улыбалась. Я сталъ вглядываться пристальнѣе и какъ бы съ усиленіемъ: мысли еще не всё собрались. Что-то простодушное и доброе было въ этомъ лицѣ, но какъ-то до странности серьезное. Я увѣренъ, что она этимъ здѣсь проигрывала и изъ тѣхъ дураковъ ее никто не замѣтилъ. Впрочемъ, она не могла назваться красавицей, хоть и была высокаго роста, сильна, хорошо сложена. Одѣта чрезвычайно просто. Что-то гадкое укусило меня; я подошелъ прямо къ ней.

Я случайно поглядѣлся въ зеркало. Вздуродраженное лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратительнымъ: блѣдное, злое, подлое, съ лохматыми волосами. „Это пусть, этому я радъ, подумалъ я; я именно радъ, что покажусь ей отвратительнымъ; мнѣ это пріятно“...

VI.

... Гдѣ-то за перегородкой, какъ будто отъ какого-то сильнаго давленія, какъ будто кто-то душилъ ихъ — захрипѣли часы. Послѣ неестественно долгаго хрипѣнья послѣдовалъ тоненькій, гаденькій и какъ-то неожиданно частый звонъ, — точно кто-то вдругъ впередъ выскочилъ. Пробыло два. Я очнулся, хоть и не спалъ, а только лежалъ въ полузабытьи.

Въ комнатѣ, узкой, тѣсной и низкой, загроможденной огромнымъ платинымъ шкапомъ и забросанной картонками, тряпьемъ и всяческимъ одежнымъ хламомъ, было почти совсѣмъ темно. Огарокъ, свѣтившій на столѣ въ концѣ комнаты, совсѣмъ потухалъ, изрѣдка чуть-чуть вспыхивалъ. Черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить совершенная тьма.

Я приходилъ въ себя недолго; все разомъ, безъ усилий, тотчасъ же мнѣ вспомнилось, какъ будто такъ и сторожило меня, чтобъ опять накинуться. Да и въ самомъ забытьи все-таки въ памяти постоянно оставалась какъ будто какая-то точка, никакъ не забывавшаяся, около которой тяжело ходили мои сонныя грѣзы. Но странно было: все, что случилось со мной въ этотъ день, показалось мнѣ теперь, по пробужденіи, уже давнымъ-давно прошедшимъ, какъ будто я уже давно-давно выжилъ изъ всего этого.

Въ головѣ былъ угаръ. Что-то какъ будто носилось надо мной и меня задѣвало, возбуждало и беспокоило. Тоска и желчь снова накали и искали исхода. Вдругъ, рядомъ со мной, я увидѣлъ два открытые глаза, любопытно и упорно меня разсматривавшіе. Взглядъ былъ холодно-безучастный, угрюмый, точно совсѣмъ чужой, тяжело отъ него было.

Угрюмая мысль зародилась въ моемъ мозгу и прошла по всему тѣлу какимъ-то сквернымъ ощущеніемъ, похожимъ на то, когдаходишь въ подполье, сырое и затхлое. Какъ-то неестественно было, что именно только теперь эти два глаза вздумали меня начать разсматривать. Вспомнилось мнѣ тоже, что въ продолженіе двухъ часовъ я не сказала съ этимъ существомъ ни одного слова и совершенно не счелъ этого нужнымъ; даже это мнѣ давеча почему-то нравилось. Теперь же мнѣ вдругъ ярко представилась нелѣпая, отвратительная, какъ паукъ, идея разврата, который безъ любви, грубо и безстыже, начинается прямо съ того, чѣмъ настоящая любовь вѣнчается. Мы долго смотрѣли такъ другъ на друга, но глазъ своихъ она передъ моими не опускала и взгляда своего не мѣняла, такъ что мнѣ стало, наконецъ, отчего-то жутко.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я отрывисто, чтобъ поскорѣй кончить.

— Лизой, отвѣтила она почти шопотомъ, но какъ-то совсѣмъ непривѣтливо, и отвела глаза.

Я помолчалъ.

— Сегодня погода... снѣгъ... гадко! проговорилъ я почти про себя, тоскливо заложивъ руку за голову и смотря въ потолокъ.

Она не отвѣчала. Безобразно все это было.

— Ты здѣшняя? спросилъ я черезъ минуту, почти въ сердцахъ, слегка поворачивъ къ ней голову.

— Нѣтъ.

— Откуда?

— Изъ Риги, проговорила она нехотя.

— Нѣмка?

— Русская.

— Давно здѣсь?

— Гдѣ?

— Въ домѣ?

— Двѣ недѣли.

Она говорила все отрывистѣе и отрывистѣе. Свѣчка совершенно погухла; я не могъ уже различить ея лица.

— Отецъ и мать есть?

— Да... нѣтъ... есть.

— Гдѣ они?

— Тамъ... въ Ригѣ.

— Кто они?

— Такъ...

— Какъ, такъ? Кто, какого званія?

— Мѣщане.

— Ты все съ ними жила?

— Да.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать.

— Зачѣмъ же ты отъ нихъ ушла?

— Такъ...

Это такъ означало: отвяжись, тошно. Мы замолчали.

Богъ знаетъ почему я не уходилъ. Мнѣ самому становилось все тошнѣе и тоскливѣе. Образы всего прошедшаго дня какъ-то сами собой, безъ моей воли, беспорядочно стали проходить въ моей памяти. Я вдругъ вспомнилъ одну сцену, которую видѣлъ утромъ на улицѣ, когда озабоченно трусилъ въ должность.

— Сегодня гробъ выносили и чуть не уронили, вдругъ проговорилъ я вслухъ, совсѣмъ не желая начинать разговора, а такъ, почти нечаянно.

— Гробъ?

— Да, на Сѣнной; выносили изъ подвала.

— Изъ подвала?

— Не изъ подвала, а изъ подвального этажа... Ну, знаешь... тамъ, внизу... изъ дурного дома... Грязь такая была кругомъ... Скорлупа, соръ... пахло, мерзко было.

Молчаніе.

— Скверно сегодня хоронить! началъ я опять, чтобы только не молчать.

— Чѣмъ скверно?

— Снѣгъ, мокредь... (Я зѣвнулъ).

— Все равно, вдругъ сказала она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ, гадко... (я опять зѣвнулъ). Могильщики, вѣрно, ругались, оттого что снѣгъ мочилъ. А въ могилѣ, вѣрно, была вода.

— Отчего въ могилѣ вода? спросила она съ какимъ-то любопытствомъ, но выговаривая еще грубѣе и отрывочнѣе, чѣмъ прежде. Меня вдругъ что-то начало подзадоривать.

— Какъ же, вода, на днѣ, вершковъ на шесть. Тутъ ни одной могилы, на Волковомъ, сухой не выраешь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Мѣсто водяное такое. Здѣсь вездѣ болото. Такъ въ воду и кладутъ. Я видѣлъ самъ... много разъ...

(Ни одного разу я не видалъ, да и на Волковомъ никогда не былъ, а только слышалъ, какъ рассказывали).

— Неужели тебѣ все равно, умирать-то?

— Да зачѣмъ я помру? отвѣчала она, какъ бы защищаясь.

— Когда-нибудь да умрешь же, и такъ же точно умрешь, какъ давешная покойница. Это была... тоже дѣвушка одна... Въ чахоткѣ померла.

— Дѣвка въ больницѣ бы померла...

(Она ужъ объ этомъ знаетъ, подумалъ я, и сказала: дѣвка, а не дѣвушка).

— Она хозяйкѣ должна была, возразилъ я, все болѣе и болѣе подзадориваясь споромъ, — и до самаго почти конца ей служила, хоть и въ чахоткѣ была. Извозчики кругомъ говорили съ солдатами, рассказывали это. Вѣрно, ея знакомые бывшіе. Смѣялись. Еще въ кабакѣ ее помянуть собирались. (Я и тутъ много привралъ).

Молчаніе, глубокое молчаніе. Она даже не шевелилась.

— А въ больницѣ-то, лучше, что-ль, помирать?

— Не все-ль одно?.. Да съ чего мнѣ помирать? прибавила она раздражительно.

— Не теперь, такъ потомъ?

— Ну, и потомъ...

— Какъ бы не такъ! Ты вотъ теперь молода, хороша, свѣжа — тебя во столько и цѣнять. А черезъ годъ этой жизни ты не то ужъ будешь, увянешь.

— Черезъ годъ?

— Во всякомъ случаѣ черезъ годъ тебѣ будетъ меньше цѣна, продолжалъ я съ злорадствомъ. — Ты и перейдешь отсюда куда-нибудь ниже, въ другой домъ. Еще черезъ годъ — въ третій домъ, все ниже и ниже, а лѣтъ черезъ семь и дойдешь на Сѣнной до подвала. Это еще хорошо бы. А вотъ бѣда, коль у тебя, кромѣ того, объявится какая болѣзнь, ну, тамъ слабость груди... аль сама про-

студишься, али что-нибудь. Въ такой жизни болѣзнь туго проходитъ. Привязется, такъ, пожалуй, и не отвѣжется. Вотъ и помрешь.

— Ну, и помру! отвѣтила она совсѣмъ ужъ злобно и быстро пошевельнулась.

— Да вѣдь жалко.

— Кого?

— Жизни жалко.

Молчаніе.

— У тебя былъ женихъ? А?

— Вамъ на что?

— Да я тебя не допытываю. Мнѣ что. Чего ты сердишься? У тебя, конечно, могли быть свои непріятности. Чего мнѣ? А такъ, жаль.

— Кого?

— Тебя жаль.

— Нечего... шепнула она чуть слышно, и опять шевельнулась.

Меня это тотчасъ же подозлило. Какъ! Я такъ былъ кротко съ ней, а она...

— Да ты что думаешь? На хорошей ты дорогѣ, а?

— Ничего я не думаю.

— То и худо, что не думаешь. Очпись, пока время есть. А время-то есть. Ты еще молода, собой хороша; могла бы полюбить, замужъ пойти, счастливой быть...

— Не всѣ замужемъ-то счастливыя, отрѣзала она прежней грубой скороговоркой.

— Не всѣ, конечно, а все-таки лучше гораздо, чѣмъ здѣсь. Не въ примѣръ лучше. А съ любовью и безъ счастья можно прожить. И въ горѣ жизнь хороша, хорошо жить на свѣтѣ, даже какъ бы ни жить. А здѣсь что, кромѣ... смрада. Фуй!

Я повернулся съ омерзѣніемъ; я уже не холодно резонерствовалъ. Я самъ начиналъ чувствовать что говорю и горячился. Я уже свои завѣтныя *идейки*, въ углу выжитыя, жаждалъ изложить. Что-то вдругъ во мнѣ загорѣлось, какая-то цѣль „явилась“.

— Ты не смотри на меня, что я здѣсь, я тебѣ не примѣръ. Я, можетъ, еще тебя хуже. Я, впрочемъ, пьяный

сюда зашелъ, поспѣшилъ я все-таки оправдать себя.— Къ тому-жъ мужчина женщинѣ совсѣмъ не примѣръ. Дѣло розное; я хоть и гажу себя и мараю, да зато ничей я не рабъ; былъ да пошелъ и нѣтъ меня. Страхнулъ съ себя и опять не тотъ. А взять то, что ты съ перваго начала—раба. Да, раба! Ты все отдаешь, всю волю. И порвать потомъ эти цѣпи захочешь, да ужъ нѣтъ: все крѣпче и крѣпче тебя будетъ опутывать. Это ужъ такая цѣпь проклятая. Я ее знаю. Ужъ о другомъ я и не говорю, ты и не поймешь, пожалуй, а вотъ скажи-ка: вѣдь ты навѣрно ужъ хозяйкѣ должна? Ну, вотъ видишь! прибавилъ я, хотя она мнѣ не отвѣтила, а только молча, всѣмъ существомъ своимъ слушала,—вотъ тебѣ и цѣпь! Ужъ никогда не откупишься. Такъ сдѣлають. Все равно что чорту душу...

...И къ тому-жъ я... можетъ-быть, тоже такой же несчастный, почему ты знаешь, и нарочно въ грязь лѣзу, тоже съ тоски. Вѣдь пьютъ же съ горя: ну, а я вотъ здѣсь—съ горя. Ну, скажи, ну что тутъ хорошаго: вотъ мы съ тобой... сошлись... давеча, и слова мы во все время другъ съ дружкой не молвили, и ты меня, какъ дикая, ужъ потомъ разсматривать стала; и я тебя также. Развѣ такъ любятъ? Развѣ такъ человѣкъ съ человѣкомъ сходиться должны? Это безобразіе одно, вотъ что!

— Да! рѣзко и поспѣшно она мнѣ поддакнула. Меня даже удивила поспѣшность этого *да*. Значить, и у ней, можетъ-быть, та же самая мысль бродила въ головѣ, когда она давеча меня разсматривала? Значить, и она уже способна къ нѣкоторымъ мыслямъ?.. Чортъ возьми, это любопытно, это—*сродни*, думалъ я, чуть не потирая себѣ руки. Да и какъ съ молодой такой душой не справиться!..

Болѣе всего меня игра увлекала.

Она повернула свою голову ближе ко мнѣ и, показалось мнѣ въ темнотѣ, поднерлась рукой. Можетъ-быть, меня разсматривала. Какъ жалѣлъ я, что не могъ разглядѣть ея глазъ. Я слышалъ ея глубокое дыханіе.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхала? началъ я уже съ нѣкоторою властью.

— Такъ.

— А вѣдь какъ хорошо въ отцовскомъ-то бы домѣ жить! Тепло, привольно; гнѣздо свое.

— А коль того хуже?

„Въ тонъ надо попасть“, мелькнуло во мнѣ,—„сентиментальностью-то, пожалуй, немного возьмешь“.

Впрочемъ, это такъ только мелькнуло. Клянусь, она и въ самомъ дѣлѣ меня интересовала. Къ тому же я былъ какъ-то разслабленъ и настроенъ. Да и плутовство вѣдь такъ легко уживается съ чувствомъ.

— Кто говорить! поспѣшили я отвѣтить,—все бываетъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что тебя кто-нибудь обидѣлъ и скорѣй передъ тобой виноваты, чѣмъ ты передъ *ними*. Я вѣдь ничего изъ твоей исторіи не знаю, но такая дѣвушка, какъ ты, вѣрно не съ охоты своей сюда падеть...

— Какая такая я дѣвушка? прошептала она едва слышно; но я разсмѣшалъ.

Чортъ возьми, да я лъщу. Это гадко. А можетъ и хорошо... Она молчала.

— Видишь, Лиза, я про себя скажу! Была бы у меня семья съ дѣтства, не такой бы я былъ, какъ теперь. Я объ этомъ часто думаю. Вѣдь какъ бы ни было въ семьѣ худо—все отецъ съ матерью, а не враги, не чужіе. Хоть въ годъ разъ любовь тебѣ выкажутъ. Все-таки ты знаешь, что ты у себя. Я вотъ безъ семьи выросъ; оттого вѣрно такой и вышелъ... безчувственный.

Я выждалъ опять.

„Пожалуй, и не понимаетъ“, думалъ я,—„да и смѣшно:—мораль“.

— Если бъ я былъ отецъ и была бы у меня своя дочь, я бы, кажется, дочь больше чѣмъ сыновей любилъ, право, началъ я сбоку, точно не о томъ, чтобъ развлечь ее. Признаюсь, я краснѣлъ.

— Это зачѣмъ? спросила она.

А, стало-быть, слушаетъ!

— Такъ, не знаю, Лиза. Видишь: я зналъ одного отца, который былъ строгій, суровый человекъ, а передъ дочерью на колѣнкахъ простаивалъ, руки, ноги ей цѣловалъ, налюбоваться не могъ, право. Она танцуетъ на вечерѣ, а онъ стоитъ пять часовъ на одномъ мѣстѣ, съ нея глазъ не спускаетъ. Помѣшался на ней: я это понимаю! Она ночью устанетъ—заснетъ; а онъ проснется и пойдетъ сонную ее цѣловать и крестить. Самъ въ сертучишкѣ за-

саленномъ ходить, для всѣхъ скупой, а ей изъ послѣд-
няго покупаетъ, подарки даритъ богатые, и ужъ ра-
дость ему, коль подарокъ понравится. Отецъ всегда
дочерей больше любитъ, чѣмъ мать. Весело иной дѣ-
вушка дома жить! А я бы, кажется, свою дочь замужъ
не выдавалъ.

— Да какъ же? спросила она, чуть-чуть усмѣхнувшись.

— Ревновалъ бы, ей-Богу. Ну, какъ это другого она
стапетъ цѣловать? Чужого больше отца любить? Тяжело
это и вообразить. Конечно, все это вздоръ; конечно, вся-
кій подъ конецъ образумится. Но я-бъ, кажется, прежде
чѣмъ отдать, ужъ одной заботой себя замучилъ: всѣхъ бы
жениховъ перебраковалъ. А кончилъ бы все-таки тѣмъ,
что выдалъ бы за того, кого она сама любитъ. Вѣдь
тотъ, кого дочь сама полюбитъ, всегда всѣхъ хуже отцу
кажется. Это ужъ такъ. Много изъ-за этого въ семьяхъ
худа бываетъ.

— Другіе-то продать рады дочь, не то что съ честью
отдать, проговорила она вдругъ.

А! вояъ оно что!

— Это, Лиза, въ тѣхъ семьяхъ проклятыхъ, гдѣ ни
Бога, ни любви не бываетъ, съ жаромъ подхватилъ я,—
а гдѣ любви не бываетъ, тамъ и разсудка не бываетъ.
Такія есть семьи, правда, да я не о нихъ говорю. Ты,
видно, въ своей семьѣ не видала добра, что такъ гово-
ришь. Подлинно несчастная ты какая-нибудь. Гм!.. Больше
по бѣдности все это бываетъ.

— А у господъ-то лучше что-ль? И по бѣдности честные
люди хорошо живутъ.

— Гм... да. Можетъ-быть. Опять и то, Лиза: человекъ
только свое горе любить считать, а счастья своего не
считаетъ. А счелъ бы какъ должно, такъ и увидѣлъ бы,
что на всякую долю его запасено. Ну, а что коли въ
семьѣ все удастся, Богъ благословитъ, мужъ выйдетъ хо-
рошій, любить тебя, лелѣть тебя, не отходить отъ тебя!
Хорошо въ той семьѣ! Даже, иной разъ, и съ горемъ по-
поламъ хорошо; да и гдѣ горя нѣтъ? Выйдешь, можетъ,
замужъ, *сама узнаешь*. Зато взять хоть первое-то время
замужемъ за тѣмъ, кого любишь: счастья-то, счастья-то
сколько иной разъ придетъ! Да и силовъ да рядомъ. Въ
первое-то время даже и ссоры съ мужемъ хорошо кон-
чаются. Иная сама чѣмъ больше любить, тѣмъ больше

ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право, я зналъ такую: „такъ вотъ, люблю, дескать, очень, и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствууй“. Знаешь-ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить? Все больше женщины. А сама про себя думаетъ: „Зато ужъ такъ буду потомъ любить, такъ заласкаю, что не грѣхъ теперь и помучить“. И въ домѣ-то всѣ на васъ радуются, и хорошо, и весело, и мирно, и честно... Вотъ другія тоже ревнивы бывають. Уйдетъ онъ куда,—я зналъ одну,—не стерпитъ, да въ самую ночь и выскочитъ, да и бѣжитъ потихоньку смотрѣть: не тамъ-ли, не въ томъ-ли домѣ, не съ той-ли? Это ужъ худо. И сама знаетъ, что худо, и сердце у ней замираетъ и казнится, да вѣдь любить; все отъ любви. А какъ хорошо послѣ ссоры помириться, самой передъ нимъ повиниться, али простить! И такъ хорошо обоммъ, такъ хорошо вдругъ станеть,—точно вновь они встрѣтились, вновь повѣнчались, вновь любовь у нихъ началась. И никто-то, никто-то не долженъ знать, что между мужемъ и женой происходитъ, коль они любятъ другъ друга. И какая бы ни вышла у нихъ ссора,—мать родную, и ту не должны себѣ въ судьи звать и одинъ про другаго рассказывать. Сами они себѣ судьи. Любовь—тайна Божія и отъ всѣхъ глазъ чужихъ должна быть закрыта, что бы тамъ ни произошло. Святѣе отъ этого, лучше. Другъ друга больше уважають, а на уваженіи много основано. И коль разъ ужъ была любовь, коль по любви вѣнчались, зачѣмъ любви проходить! Неужто нельзя ее поддержать? Рѣдко такой случай, что нельзя поддержать. Ну, а какъ мужъ человѣкъ добрый и честный удасться, такъ какъ тутъ любовь пройдетъ? Первая брачная любовь пройдетъ, правда, а тамъ придетъ любовь еще лучше. Тамъ душой сойдутся, всѣ дѣла свои сообща положуть; тайны другъ отъ друга не будетъ. А дѣти пойдуть, такъ тутъ каждое, хоть и самое трудное время счастьемъ покажется; только бы любить, да быть мужественнымъ. Тутъ и работа весела, тутъ и въ хлѣбѣ себѣ иной разъ отказываешь для дѣтей, и то весело. Вѣдь они-жъ тебя будутъ за это потомъ любить; себѣ же, значить, копишь:—дѣти растутъ,—чувствуешь, что ты имъ примѣръ, что ты имъ поддержка; что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будутъ носить на себѣ, такъ какъ отъ тебя получили, твой образъ и подобіе примуть. Значить, это великій долгъ. Какъ тутъ не сойтись тѣснѣе отцу съ ма-

терью? Говорятъ, вотъ, дѣтей имѣть тяжело? Кто это говоритъ? Это счастье небесное! Любишь ты маленькихъ дѣтей, Лиза? Я ужасно люблю. Знаешь,—розовенькій та-кой мальчикъ, грудь тебѣ сосеть, да у какого мужа сердце повернется на жену, глядя, какъ она съ его ребенкомъ сидитъ! Ребеночекъ розовенькій, пухленькій, раскинется, нѣжится; ножки, ручки наливныя, ноготочки чистенькіе, маленькіе, такіе маленькіе, что глядѣть смѣшно; глазки, точно ужъ онъ все понимаетъ. А сосеть—грудь тебѣ ручонкой теревитъ, играетъ. Отецъ подойдетъ,—оторвется отъ груди, перегнется весь назадъ, посмотритъ на отца, засмѣется,—точно ужъ и Богъ знаетъ какъ смѣшно,—и опять, опять сосать примется. А то возьметъ, да и прикуситъ матери грудь, коль ужъ зубки прорѣзываются, а самъ глазенками-то косить на нее: „видишь, прикусилъ!“ Да развѣ не все тутъ счастье, когда они трое, мужъ, жена и ребенокъ вмѣстѣ? За эти минуты много можно простить. Нѣтъ, Лиза, знать самому сначала нужно жить выучиться, а потомъ ужъ другихъ обвинять!

„Картинками, вотъ этими-то картинками тебя надо!“ подумалъ я про себя, хотя, ей-Богу, съ чувствомъ говорилъ, и вдругъ покраснѣлъ: „А ну, если она вдругъ расхохочется, куда я тогда полѣзу?“—Эта идея меня привела въ бѣшенство. Къ концу-то рѣчи я дѣйствительно разгорячился и теперь самолюбіе какъ-то страдало. Молчаніе длилось. Я даже хотѣлъ толкнуть ее.

— Чтой-то вы... начала она вдругъ, и остановилась.

Но я уже все понялъ: въ ея голосѣ уже что-то другое дрожало, не рѣзкое, не грубое и не сдающееся, какъ недавно, а что-то мягкое и стыдливое, до того стыдливое, что мнѣ самому какъ-то вдругъ передъ ней стыдно стало, виновато стало.

— Что? спросилъ я съ нѣжнымъ любопытствомъ.

— Да вы...

— Что?

— Что-то вы... точно какъ по книгѣ, сказала она, и что-то какъ будто насмѣшливое вдругъ опять слышалось въ ея голосѣ.

Больно ущипнуло меня это замѣчанье. Я не того ожидалъ.

Я и не понялъ, что она нарочно маскировалась въ на-

смѣшку, что это обыкновенная послѣдняя уловка стыдливыхъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которымъ грубо и навязчиво лѣзутъ въ душу и которые до послѣдней минуты не сдаются отъ гордости и боятся передъ вами высказать свое чувство. Уже по робости, съ которой она приступала, въ нѣсколько приемовъ, къ своей насмѣлкѣ и, наконецъ, только рѣшилась высказать, я бы долженъ былъ догадаться. Но я не догадался, и злое чувство охватило меня.

„Постой же“, подумалъ я.

VII.

— Э, полно, Лиза, какая ужъ тутъ книга, когда мнѣ самому гадко вчужѣ. Да и не вчужѣ. У меня все это теперь въ душѣ проснулось... Неужели, неужели тебѣ самой не гадко здѣсь? Нѣтъ, видно много значить привычка! Чортъ знаетъ, что привычка можетъ изъ чело-вѣка сдѣлать. Да неужели-жъ ты серьезно думаешь, что никогда не состарѣешься, вѣчно хороша будешь и что тебя здѣсь вѣки-вѣчные держать будутъ? Я не говорю ужъ про то, что и здѣсь пакость... А, впрочемъ, я вотъ что тебѣ про это скажу, про теперешнее-то твое житье: вотъ ты теперь хоть и молодая, пригожая, хорошая, съ душой, съ чувствомъ; ну, а знаешь-ли ты, что вотъ я какъ только давеча очнулся, мнѣ тотчасъ и гадко стало быть здѣсь съ тобой! Только въ пьяномъ видѣ вѣдь и можно сюда попасть. А будь ты въ другомъ мѣстѣ, живи какъ добрые люди живутъ, такъ я, можетъ-быть, не то что волочился-бъ за тобой, а просто влюбился-бъ въ тебя, радъ бы взгляду былъ твоему, не то что слову; у воротъ бы тебя подстерегалъ, на колѣнкахъ бы передъ тобой выстаивалъ; какъ на невѣсту-бъ свою на тебя смотрѣлъ, да еще за честь почиталъ. Подумать про тебя что-нибудь нечистое не осмѣлился бы. А здѣсь я вѣдь знаю, что я только свисни и ты, хочешь не хочешь, иди за мной и ужъ не я съ твоей волей спрашиваюсь, а ты съ моей. Послѣдній мужикъ наймется въ работники,—все-таки не всего себя закабалить, да и знаетъ, что ему срокъ есть. А гдѣ твой срокъ? Подумай только: что ты здѣсь отдаешь? Что кабашишь? Душу, душу, въ которой ты не властна, кабашишь вмѣстѣ съ тѣломъ! Любовь свою на поруганіе всякому пьяницѣ отдаешь! Любовь! Да вѣдь это все.

да вѣдь это алмазь, дѣвичье сокровище, любовь-то. Вѣдь чтобъ заслужить эту любовь, иной готовъ душу положить, на смерть пойти. А во что твоя любовь теперь цѣнится? Ты вся куплена, вся цѣликомъ, и зачѣмъ ужъ тутъ любви добиваться, когда и безъ любви все возможно. Да вѣдь обиды сильнѣе для дѣвушки нѣтъ, понимаешь-ли ты? Вотъ слышалъ я, тѣшутъ васъ, дурь,—позволяютъ вамъ любовниковъ здѣсь имѣть. Да вѣдь это одно баловство, одинъ обманъ, одинъ смѣхъ надъ вами, а вы вѣрите! Что онъ въ самомъ дѣлѣ, любить что-ли тебя, любовникъ-то? Не вѣрю. Какъ онъ будетъ любить, коли знаетъ, что тебя отъ него сейчасъ кликнутъ. Пакостникъ онъ послѣ этого! Уважаетъ-ли онъ тебя хоть на каплю? Что у тебя съ нимъ общаго? Смѣется онъ надъ тобой, да тебя же обкрадываетъ,—вотъ и вся его любовь! Хорошо еще, что не бьетъ. А можетъ и бьетъ. Спроси-ка его, коли есть такой у тебя: женится-ли онъ на тебѣ? Да онъ тебѣ въ глаза расхохочется, если только не наплюетъ или не прибьетъ,—а ему самому, можетъ, всей-то цѣны—два сломанныхъ гроша. И за что, подумаешь, ты здѣсь жизнь свою погубила? Что тебя кофеемъ поять, да кормить сытно? Да вѣдь для чего кормить-то? У другой бы, честной, въ горло такой кусокъ не пошелъ, потому что знаетъ, для чего кормить. Ты здѣсь должна, ну и все будешь должна, и до конца концовъ должна будешь, до тѣхъ самыхъ поръ, что тобой гости брезгать начнутъ. А это скоро придетъ, не надѣйся на молодость. Тутъ вѣдь это все на почтовыхъ летитъ. Тебя и вытолкаютъ. Да и не просто вытолкаютъ, а задолго сначала придираются начнутъ, попрекать начнутъ, ругать начнутъ,—какъ будто не ты ей здоровье свое отдала, молодость и душу даромъ для нея загубила, а какъ будто ты-то ее и разорила, по-міру пустила, обокрала. И не жди поддержки: другія, подруги-то твои, тоже на тебя нападуть, чтобъ ей подслужиться, потому что здѣсь всѣ въ рабствѣ, совѣсть и жалость давно потеряли. Исподлились и ужъ гаже, подлѣе, обиднѣе этихъ ругательствъ и на землѣ не бываетъ. И все-то ты здѣсь положишь, все, безъ завѣта,—и здоровье, и молодость, и красоту, и надежды, и въ двадцать два года будешь смотрѣть какъ тридцатипятилѣтняя, и хорошо еще, коль не больная, моли Бога за это. Вѣдь ты теперь небось думаешь, что тебѣ и работы нѣтъ, гульба! Да тяжеле и каторжнѣе работы на свѣтѣ нѣтъ и

никогда не бывало. Одно сердце, кажется, все бы слезами изошло. И ни слова не посмѣешь сказать, ни полслова, когда тебя погонять отсюда, пойдешь, какъ виноватая. Перейдешь ты въ другое мѣсто, потомъ въ третье, потомъ еще куда-нибудь, и доберешься, наконецъ, до Сѣнной. А тамъ ужъ походя бить начнутъ; это любезность тамошняя; тамъ гость и приласкать, не прибивъ, не умѣетъ. Ты не вѣришь, что тамъ такъ противно? Ступай, посмотри когда-нибудь, можетъ, своими глазами увидишь. Я вонъ разъ видѣлъ тамъ въ Новый годъ одну, у дверей. Ее вытолкали въ насмѣшку свои же, проморозить маленько, за то, что ужъ очень ревѣла, а дверь за ней притворили. Въ девять-то часовъ утра она ужъ была совсѣмъ пьяная, растрепанная, полунагая, вся избитая. Сама набѣлена, а глаза въ черныякахъ; изъ носа и изъ зубовъ кровь течетъ; извозчикъ какой-то только что починилъ. Сѣла она на каменной лѣсенкѣ, въ рукахъ у ней какая-то соленая рыба была; она ревѣла, что-то причитала про свою „участь“, а рыбой колотила по лѣстничнымъ ступенямъ. А у крыльца столпились извозчики, да пьяные солдаты и дразнили ее. Ты не вѣришь, что и ты такая же будешь? И я бы не хотѣлъ вѣрить, а почему ты знаешь, можетъ-быть, лѣтъ десять, восемь назадъ, эта же самая, съ соленой-то рыбой—пріѣхала сюда откуда-нибудь свѣженькая, какъ херувимчикъ, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждомъ словѣ краснѣла. Можетъ-быть, такая же какъ ты была, гордая, обидчивая, на другихъ не похожая, королевой смотрѣла и сама знала, что цѣлое счастье того ожидаетъ, кто бы ее полюбилъ и кого бы она полюбила. Видишь, чѣмъ кончилось? И что если въ ту самую минуту, когда она колотила этой рыбой о грязныя ступени, пьяная да растрепанная, что если въ ту минуту ей припомнились всѣ ея прежніе, чистые годы въ отцовскомъ домѣ, когда еще она въ школу ходила, а сосѣдскій сынъ ее на дорогѣ подстерегалъ, увѣрялъ, что всю жизнь ее любить будетъ, что судьбу свою ей положить, и когда они вмѣстѣ положили любить друга друга навѣки и обвѣнчаться, только что вырастутъ большіе! Нѣтъ, Лиза, счастье, счастье тебѣ, если гдѣ-нибудь тамъ, въ углу, въ подвалѣ, какъ давешняя, въ чахоткѣ поскорѣ помрешь. Въ больницу, говоришь ты? Хорошо сvezутъ, а если ты еще хозяйкѣ нужна? Чахотка такая болѣзнь; это не горячка. Тутъ до послѣдней минуты человекъ надѣется и гово-

рить, что здоровъ. Самъ себя тѣшить. А хозяйкѣ то и выгодно. Не безпокойся, это такъ; душу, значить, продала, а къ тому же деньги должна, значить, и пикнуть не смѣешь. А умирать будешь, всѣ тебя бросять, всѣ отвернутся,—потому, что съ тебя тогда взять? Еще тебя же попрекнуть, что даромъ мѣсто занимаешь, не скоро помираешь. Пить не допросишься, съ ругательствомъ подадутъ: „когда, дескать, ты, подлячка, издохнешь; спать мѣшаешь—стонешь, гости брезгають“. Это вѣрно; я самъ подслушалъ такія слова. Сунуть тебя, издыхающую, въ самый смрадный уголь въ подвалѣ,—темень, сырость; что ты, лежа-то одна, тогда передумаешь? Помрешь,—соберутъ наскоро, чужой рукой, съ ворчаніемъ, съ нетерпѣніемъ,—никто-то не благословить тебя, никто-то не вздохнетъ по тебѣ, только бы поскорѣй тебя съ плечъ долой. Купятъ колodu, вынесутъ, какъ сегодня ту, бѣдную, выносили, въ кабакъ поминать пойдутъ. Въ могилѣ слякоть, мразь, снѣгъ мокрый,—не для тебя же церемониться?—„Спускайка ее, Ванюха; ишь вѣдь „учась“—и тутъ верхъ ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то, пострѣль“.—Ладно и такъ.—„Чего ладно? Ишь на боку лежитъ. Человѣкъ тоже былъ, али нѣтъ? Ну, да ладно, засыпай“. И ругаться-то изъ-за тебя долго не захотятъ. Засыплютъ поскорѣй мокрой, синей глиной и уйдутъ въ кабакъ... Тутъ и конецъ твоей памяти на землѣ; къ другимъ дѣти на могилу ходятъ, отцы, мужья, а у тебя—ни слезы, ни вдоха, ни поминанія, и никто-то, никто-то никогда въ цѣломъ мірѣ не придетъ къ тебѣ: имя твое исчезнетъ съ лица земли—такъ какъ бы совсѣмъ тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хоть стучи себѣ тамъ по ночамъ, когда мертвецы встають, въ гробовую крышу: „Пустите, добрые люди, на свѣтъ пожить! Я жила—жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее въ кабакъ на Сѣнной пропили; пустите, добрые люди, еще разъ на свѣтъ пожить!“

И пошелъ въ паѳосъ, до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась и... вдругъ, я остановился, приподнялся въ испугѣ и, наклонивъ боязливо голову, съ бьющимся сердцемъ началъ прислушиваться. Было отчего и смутиться.

Давно уже предчувствовалъ я, что перевернуль всю ея душу и разбилъ ея сердце и, чѣмъ больше я удостовѣрялся въ томъ, тѣмъ больше желалъ поскорѣе и какъ

можно сильнѣе достигнуть цѣли. Игра, игра увлекала меня; впрочемъ, не одна игра...

Я зналъ, что говорю туго, выдѣланно, даже книжно, однимъ словомъ, я иначе и не умѣлъ, какъ „точно по книжкѣ“. Но это не смущало меня: я вѣдь зналъ, почувствовалъ, что меня поймутъ и что самая эта книжность можетъ еще больше подспорить дѣлу. Но теперь, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсиль. Нѣтъ, никогда, никогда еще я не былъ свидѣтелемъ такого отчаянія! Она лежала ничкомъ, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало, какъ въ судорогахъ. Спершіяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнѣе приникала она къ подушкѣ: ей не хотѣлось, чтобы кто-нибудь здѣсь, хоть одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою въ кровь (я видѣлъ это потомъ), или, вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усиліи, сдерживая дыханіе и стискивая зубы. Я было началъ что-то говорить ей, просилъ ее успокоиться, но почувствовалъ, что не смѣю и, вдругъ самъ, весь въ какомъ-то ознобѣ, почти въ ужасѣ, бросился ощупью, кое-какъ наскоро сбираться въ дорогу. Было темно: какъ ни старался я, но не могъ кончить скоро. Вдругъ я ощупалъ коробку спичекъ и подсвѣчникъ съ цѣльной непочатой свѣчкой. Только лишь свѣтъ озарилъ комнату, Лиза вдругъ вскочила, сѣла и съ какимъ-то искривленнымъ лицомъ, съ полусумасшедшей улыбкой, почти бессмысленно посмотрѣла на меня. Я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея руки; она опомнилась, бросилась ко мнѣ, хотѣла было обхватить меня, но не помѣла и тихо наклонила передо мной голову.

— Лиза, другъ мой, я напрасно... ты прости меня, началъ было я, но она сжала въ своихъ пальцахъ мои руки съ такою силою, что я догадался, что не то говорю, и пересталъ.

— Вотъ мой адресъ, Лиза, приходи ко мнѣ.

— Приду... прошептала она рѣшительно, все еще не подымая своей головы.

— А теперь я уйду, прощай... до свиданья.

Я всталъ, встала и она и вдругъ вся покраснѣлась, вздрогнула, схватила лежавшій на стулѣ платокъ и на-

бросила себѣ на плечи до самаго подбородка. Сдѣлавъ это, она опять какъ-то болѣзненно улыбнулась, покраснѣла и странно поглядѣла на меня. Мнѣ было больно; я спѣшилъ уйти, стушеваться.

— Подождите, сказала она вдругъ, уже въ снѣгахъ у самыхъ дверей, останавливая меня рукою за шинель, поставила впопыхахъ свѣчу и убѣжала, — видимо вспомнила про что-то или хотѣла мнѣ принести показать. Убѣгая, она вся покраснѣла, глаза ея блестѣли, на губахъ показалась улыбка, — что бы такое? Я поневолѣ дождался: она воротилась черезъ минуту, со взглядомъ, какъ будто просившимъ прощенія за что-то. Вообще уже это было не то лицо, не тотъ взглядъ, какъ давеча, — угрюмый, недовѣрчивый и упорный. Взглядъ ея теперь былъ просящій, мягкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивый, ласковый, робкій. Такъ смотрять дѣти на тѣхъ, кого очень любить и у кого чего-нибудь просить. Глаза у ней были свѣтло-каріе, прекрасные глаза, живые, умѣвшіе отразить въ себѣ любовь и угрюмую ненависть.

Не объясняя мнѣ ничего, какъ будто я, какъ какое-нибудь высшее существо, долженъ былъ знать все безъ объясненій, она протянула мнѣ бумажку. Все лицо ея такъ и просіяло въ это мгновеніе самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ торжествомъ. Я развернулъ. Это было письмо къ ней отъ какого-то медицинскаго студента или въ этомъ родѣ, — очень высокопарное, цвѣтистое, но чрезвычайно почтительное объясненіе въ любви. Не припомню теперь выраженій, но помню очень хорошо, что сквозь высокій слогъ проглядывало истинное чувство, котораго не поддѣлаешь. Когда я дочиталъ, то встрѣтилъ горячій, любопытный и дѣтски-нетерпѣливый взглядъ ея на себѣ. Она приковалась глазами къ моему лицу и въ нетерпѣннѣйшій ждала, что я скажу? Въ нѣсколькихъ словахъ, наскоро, но какъ-то радостно и какъ будто гордясь, она объяснила мнѣ, что была гдѣ-то на танцевальномъ вечерѣ, въ семейномъ домѣ, у однихъ „очень, очень хорошихъ людей, *семейныхъ людей* и гдѣ *ничего еще не знаютъ, совсѣмъ ничего*“, — потому что она и здѣсь-то еще только вновѣ и только такъ... а вовсе еще не рѣшилась остаться и непременно уйдетъ, какъ только долгъ заплатитъ... — Ну, и тамъ былъ этотъ студентъ, весь вечеръ танцевалъ, говорилъ съ ней и оказалось, что онъ еще въ Ригѣ, еще ребенкомъ былъ съ ней знакомъ, вмѣстѣ играли, только

ужь очень давно—и родителей ея знаетъ, но что *объ этомъ* онъ ничего, ничего, ничего не знаетъ и не подозреваетъ! И вотъ на другой день послѣ танцевъ (три дня назадъ) онъ и прислалъ черезъ пріятельницу, съ которой она на вечеръ ѣздила, это письмо... и... ну, вотъ и все“.

Она какъ-то стыдливо опустила свои сверкавшіе глаза, когда кончила рассказывать.

Бѣдненькая, она хранила письмо этого студента, какъ драгоценность, и сбѣгала за этой единственной своей драгоценностью, не желая, чтобъ я ушелъ, не узнавъ о томъ, что и ее любить честно и искренно, что и съ ней говорятъ почтительно. Наверно, этому письму такъ и суждено было пролежать въ шкапулкѣ безъ послѣдствій. Но все равно; я увѣренъ, что она всю жизнь его хранила бы какъ драгоценность, какъ гордость свою и свое оправданіе, и вотъ теперь сама въ такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтобъ наивно погордиться передо мной, возстановить себя въ моихъ глазахъ, чтобъ я видѣлъ, чтобъ и я похвалилъ. Я ничего не сказалъ, пожалъ ей руку и вышелъ. Мнѣ такъ хотѣлось уйти... Я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ, несмотря на то, что мокрый снѣгъ все еще валилъ хлопьями. Я былъ измученъ, раздавленъ, въ недоумѣніи. Но истина уже сверкала изъ-за недоумѣнія. Гадкая истина!

VIII.

Я, впрочемъ, не скоро согласился признать эту истину. Проснувшись на утро, послѣ нѣсколькихъ часовъ глубокаго, свинцоваго сна, и тотчасъ же сообразивъ весь вчерашній день, я даже изумился моей вчерашней *сентиментальности* съ Лизой, всѣмъ этимъ „вчерашнимъ ужасамъ и жалостямъ“. „Вѣдь нападеть же такое бабье разстройство нервовъ, тьфу!“ порѣшилъ я.—„И на чтѣ это мой адресъ всучилъ я ей? Чтѣ, если она придетъ? А, впрочемъ, пожалуй, пусть и придетъ; ничего“... Но, очевидно, главное и самое важное дѣло теперь было не въ этомъ: надо было спѣшить и во что бы ни стало, скорѣе спасти мою репутацію въ глазахъ Звѣргова и Симонова. Вотъ въ чемъ было главное дѣло. А про Лизу я даже совсѣмъ и забылъ въ это утро, захлопотавшись.

Прежде всего надо было немедленно отдать вчерашній долгъ Симонову. Я рѣшился на отчаянное средство: за-

нять цѣлыхъ пятнадцать рублей у Антона Антоновича. Какъ нарочно, онъ былъ въ это утро въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же выдалъ, по первой просьбѣ. Я такъ этому обрадовался, что, подписывая расписку, съ какимъ-то ухарскимъ видомъ, *небрежно* сообщилъ ему, что вчера „покутили съ друзьями, въ *Nôtel de Paris*; провожали товарища, даже можно сказать, друга дѣтства, и, знаете,—кутила онъ большой, избалованъ,—ну, разумѣется, | хорошей фамиліи, значительное состояніе, блестящая карьера, остроумень, милъ, интригуешь съ этими дамами, понимаете; выпили лишнихъ „полдюжины“ и “... И вѣдь ничего: произносилось все это очень легко, развязно и самодовольно.

Придя домой, я немедленно написалъ Симонову.

До сихъ поръ люблюсь, вспоминая истинно джентльменскій, добродушный, открытый тонъ моего письма. Ловко и благородно, а, главное, совершенно безъ лишнихъ словъ,—я обвинялъ себя во всемъ. Оправдывался я, „если только позволительно мнѣ еще оправдываться“, тѣмъ, что, по совершенной непривычкѣ къ вину, опьянѣлъ съ первой рюмки, которую (будто бы) выпилъ еще до нихъ, когда дожидалъ ихъ въ *Nôtel de Paris*, съ пяти до шести часовъ. Извиненія просилъ я преимущественно у Симонова; его же просилъ передать мои объясненія и всѣмъ другимъ, особенно Звѣркову, котораго, „помнится мнѣ какъ сквозь сонъ“, я, кажется, оскорбилъ. Я прибавлялъ, что и самъ бы ко всѣмъ поѣхалъ, да голова болитъ, а пуще всего—совѣстно. Особенно доволенъ остался я этой „нѣкоторой легкостью“, даже чуть не небрежностью (впрочемъ, совершенно приличною), которая вдругъ отразилась въ моемъ перѣ и лучше всѣхъ возможныхъ резонансовъ сразу давала имъ понять, что я смотрю „на всю эту вечерашнюю гадость“ довольно независимо; совсѣмъ-таки, вовсе-таки не убить наповалъ, какъ вы, господа, вѣроятно, думаете, а, напротивъ, смотрю такъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на это спокойно уважающему себя джентльмену. „Былъ, дескать, молодцу, не укоръ“.

— Даже вѣдь какая-то игривость маркизская? любовался я, перечитывая записку.—А все оттого, что развитой и образованный человѣкъ! Другіе бы на моемъ мѣстѣ не знали, какъ и выпутаться, а я вотъ вывернулся и кучу себѣ вновь и все потому, что „образованный и развитой человѣкъ нашего времени“.—Да и впрямь, пожалуй,

это все отъ вина вчера произошло. Гм!.. ну, нѣтъ, не отъ вина. Водки-то я вовсе не пилъ, отъ пяти-то до шести часовъ, когда ихъ поджидалъ. Солгалъ Симонову; солгать безсовѣстно; да и теперь не совѣстно...

А, впрочемъ, наплевать!—Главное то, что отдѣлался.

Я вложилъ въ письмо шесть рублей, занечаталъ и упротсилъ Аполлона снести къ Симонову. Узнавъ, что въ письмѣ деньги, Аполлонъ сталъ почтительнѣе и согласился сходить. Къ вечеру я вышелъ пройтись. Голова у меня еще болѣла и кружилась со вчерашняго. Но чѣмъ болѣе наступалъ вечеръ и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ болѣе мѣнялись и путались мои впечатлѣнiя, а за ними и мысли. Что-то не умирало во мнѣ внутри, въ глубинѣ сердца и совѣсти, не хотѣло умереть и сказывалось жгучей тоской. Толкался я больше по самымъ люднымъ, промышленнымъ улицамъ, по Мѣщанскимъ, по Садовой, у Юсупова сада. Особенно любилъ я всегда прохаживаться по этимъ улицамъ въ сумерки, именно когда тамъ густѣетъ толпа всякаго прохожаго, промышленнаго и ремесленнаго люда, съ озабоченными до злости лицами, расходящагося по домамъ съ дневныхъ заработковъ. Нравилась мнѣ именно эта грошова суетня, эта наглая прозаичность. Въ этотъ разъ вся эта уличная толкотня еще больше меня раздражала. Я никакъ не могъ съ собой справиться, концовъ найти. Что-то подымалось, подымалось въ душѣ непрерывно, съ болью, и не хотѣло утомиться. Совсѣмъ разстроенный, я воротился домой. Точно какъ будто на душѣ моей лежало какое-то преступленiе.

Мучила меня постоянно мысль, что придетъ Лиза. Странно мнѣ было то, что изъ всѣхъ этихъ вчерашнихъ воспоминанiй, воспоминанiе о ней какъ-то особенно, какъ-то совсѣмъ отдѣльно меня мучило. Обо всемъ другомъ я къ вечеру уже совсѣмъ успѣлъ забыть, рукой махнулъ и все еще совершенно оставался доволенъ моимъ письмомъ къ Симонову. Но тутъ я какъ-то ужъ не былъ доволенъ. Точно какъ будто я одной Лизой и мучился. „Что, если она придетъ? думалъ я непрерывно.—Ну, что-жъ, ничего, пусть и придетъ! Гм! Скверно ужъ одно то, что она увидитъ, напримѣръ, какъ я живу. Вчера я такимъ передъ ней показался героемъ... а теперь, гм! Это, впрочемъ, скверно, что я такъ опустился. Просто нищета въ квартирѣ. И я рѣшился вчера ѣхать въ такомъ платьѣ обѣдать! А клеенчатый диванъ-то мой, изъ котораго мочалка торчитъ!

А халатъ-то мой, которымъ нельзя закрыться! Какіе ключья... И она это все увидитъ; и Аполлона увидитъ. Эта скотина навѣрно ее оскорбитъ. Онъ придерется къ ней, чтобъ мнѣ сдѣлать грубость. А я ужъ, разумѣется, по обычаю, струшу, сѣменить передъ ней начну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не въ этомъ главная-то скверность! Тутъ есть что-то главнѣе, гаже, подлѣе! Да, подлѣе! И опять, опять надѣвать эту безчестную, лживую маску!..“

Дойдя до этой мысли я такъ и вспыхнулъ:

— Для чего безчестную? Какую безчестную? Я говорилъ вчера искренно. Я помню, во мнѣ тоже было настоящее чувство. Я именно хотѣлъ вызвать въ ней благородныя чувства... Если она поплакала, то это хорошо, это благотворно подѣйствуетъ...

Но все-таки я никакъ не могъ успокоиться.

Весь этотъ вечеръ, уже когда я и домой воротился, уже послѣ девяти часовъ, когда по расчету никакъ не могла придти Лиза, мнѣ все-таки она мерещилась, и, главное, вспоминалась все въ одномъ и томъ же положеніи. Именно одинъ моментъ изъ всего вчерашняго мнѣ особенно ярко представлялся; это когда я освѣтилъ спичкой комнату и увидалъ ея блѣдное, искривленное лицо, съ мученическимъ взглядомъ. И какая жалкая, какая неестественная, какая искривленная улыбка у ней была въ ту минуту! Но я еще не зналъ тогда, что и черезъ пятнадцать лѣтъ я все-таки буду представлять себѣ Лизу именно съ этой жалкой, искривленной, ненужной улыбкой, которая у ней была въ ту минуту.

На другой день я уже опять готовъ былъ считать все это вздоромъ, развозившимися нервами, а главное — *преувеличеніемъ*. Я всегда сознавалъ эту мою слабую струнку и иногда очень боялся ея: „все-то я преувеличиваю, тѣмъ и хромаю“, повторялъ я себѣ ежечасно. Но, впрочемъ, „впрочемъ, все-таки Лиза, пожалуй, придетъ“ — вотъ прицѣвъ, которымъ заключались всѣ мои тогдашнія разсужденія. До того я безпокоился, что приходилъ иногда въ бѣшенство: „Придетъ! Непремѣнно придетъ!“ восклицалъ я, бѣгая по комнатѣ, — „не сегодня, такъ завтра придетъ, а ужъ отыщеть! И таковъ проклятый романтизмъ всѣхъ этихъ *чистыхъ сердець*! О, мерзость, о, глупость, о, ограниченность этихъ „поганныхъ сентиментальныхъ душъ!“

Ну, какъ не понять, какъ бы, кажется, не понять?..“ Но тутъ я самъ останавливался и даже въ большомъ смущеніи.

„И какъ мало, мало, думаль я мимоходомъ, — нужно было словъ, какъ мало нужно было идилліи (да и идилліи-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтобъ тотчасъ же и повернуть всю человѣческую жизнь по-своему. То-то дѣвственность-то! То-то свѣжесть-то почвы!“

Иногда мнѣ приходила мысль самому съѣздить къ ней, „разсказать ей все“ и упросить ее не приходиться ко мнѣ. Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ подымалась такая злоба, что, кажется, я бы такъ и раздавилъ эту „проклятую“ Лизу, если-бъ она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ бы ее, оплевалъ бы, выгналъ бы, ударилъ бы!

Прошелъ однакожь день, другой, третій—она не приходила, и я началъ успокоиваться. Особенно ободрялся и разгуливался я послѣ девяти часовъ, даже начиналъ иногда мечтать и довольно сладко: „Я, напримѣръ, спасаю Лизу именно тѣмъ, что она ко мнѣ ходитъ, а я ей говорю... Я ее развиваю, образовываю. Я, наконецъ, замѣчаю, что она меня любитъ, страстно любитъ. Я прикидываюсь, что не понимаю (не знаю, впрочемъ, для чего прикидываюсь, такъ, для красоты, вѣроятно). Наконецъ, она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается къ ногамъ моимъ и говорить, что я ея спаситель и что она меня любитъ больше всего на свѣтѣ. Я изумляюсь, но...—Лиза, говорю я, неужели-жь ты думаешь, что я не замѣтилъ твоей любви? Я видѣлъ все, я угадалъ, но я не смѣлъ посягать на твое сердце первый, потому что имѣлъ на тебя вліяніе и боялся, что ты, изъ благодарности, нарочно заставишь себя отвѣчать на любовь мою, сама насильно вызовешь въ себѣ чувство, котораго, можетъ-быть, нѣтъ, а я этого не хотѣлъ, потому что это... деспотизмъ... Это не деликатно (ну, однимъ словомъ, я тутъ зарпортовывался въ какой-нибудь этакой европейской, Жоржъ-Зандовской, неизъяснимо благородной тонкости...)“ „Но теперь, теперь—ты моя, ты мое созданье, ты чиста, прекрасна, ты—прекрасная жена моя“.

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Затѣмъ мы начинаемъ жить-поживать, ѣдемъ за границу и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, самому подло

становилось и я кончилъ тѣмъ, что дразнилъ себя языкомъ.

— Да и не пустять ее, „мерзавку“! думалъ я. Ихъ вѣдь, кажется, гулять-то не очень пускаютъ, тѣмъ болѣе вечеромъ (мнѣ почему-то непременно казалось, что она должна придти вечеромъ, и именно въ семь часовъ). А, впрочемъ, она сказала, что еще не совсѣмъ тамъ закабалилась, на особыхъ правахъ состоитъ; значить, гм! Чортъ возьми, придетъ, непременно придетъ!

Хорошо еще, что развлекалъ меня въ это время Аполлонъ своими грубостями. Изъ терпѣнья послѣдняго выводилъ! Это была язва моя, бичъ, посланный на меня Провидѣнемъ. Мы съ нимъ пикировались постоянно нѣсколько лѣтъ сряду и я его ненавидѣлъ. Богъ мой, какъ я его ненавидѣлъ! Никого въ жизни я еще, кажется, такъ не ненавидѣлъ, какъ его, особенно въ инныя минуты. Человѣкъ онъ былъ пожилой, важный, занимавшійся отчасти портняжествомъ. Но, неизвѣстно почему, онъ презиралъ меня, даже сверхъ всякой мѣры, и смотрѣлъ на меня нестерпимо свысока. Впрочемъ, онъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Взглянуть только на эту бѣлобрысую, гладко причесанную голову, на этотъ кокъ, который онъ взбивалъ себѣ на лбу и подмасливалъ постнымъ масломъ, на этотъ солидный ротъ, всегда сложенный ижицей,—и вы уже чувствовали передъ собой существо, не сомнѣвавшееся въ себѣ никогда. Это былъ педантъ въ высочайшей степени, и самый огромный педантъ изъ всѣхъ, какихъ я только встрѣчалъ на землѣ, и при этомъ съ самолюбіемъ, приличнымъ развѣ только Алексапдру Македонскому. Онъ былъ влюбленъ въ каждую пуговицу свою, въ каждый свой палецъ—непременно влюбленъ, онъ тѣмъ смотрѣлъ! Относился онъ ко мнѣ вполне деспотически, чрезвычайно мало говорилъ со мной, а если и случалось ему на меня взглядывать, то смотрѣлъ твердымъ, величаво-самоувѣреннымъ и постоянно насмѣшливымъ взглядомъ, приводившимъ меня иногда въ бѣшенство. Исполнялъ онъ свою должность съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ высочайшую милость. Впрочемъ, онъ почти ровно ничего для меня не дѣлалъ и даже вовсе не считалъ себя обязаннымъ что-нибудь дѣлать. Сомнѣнія быть не могло, что онъ считалъ меня за самага послѣдняго дурака на всемъ свѣтѣ и если „держалъ меня при себѣ“, то единственно потому только, что отъ меня можно было

получать баждый мѣсяць жалованье. Онъ соглашался „ничего не дѣлать“ у меня за семь рублей въ мѣсяць. Мнѣ за него много простится грѣховъ. Доходило иногда до такой ненависти, что меня бросало чуть не въ судороги отъ одной его походки. Но особенно гадко было мнѣ его пришепетываніе. У него былъ языкъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или что-то въ родѣ этого, оттого онъ постоянно шепелявилъ и сюсюкалъ и, кажется, этимъ ужасно гордился, воображая, что это придаетъ ему чрезвычайно много достоинства. Говорилъ онъ тихо, размѣренно, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю. Особенно бѣсилъ онъ меня, когда, бывало, начнетъ читать у себя за перегородкой псалтырь. Много битвъ вынесъ я изъ-за этого чтенія. Но онъ ужасно любилъ читать по вечерамъ, тихимъ, ровнымъ голосомъ, нараспѣвъ, точно какъ по мертвомъ. Любопытно, что онъ тѣмъ и кончилъ: онъ теперь занимается читать псалтырь по покойникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляетъ крысъ и дѣлаетъ ваксу. Но тогда я не могъ прогнать его, точно онъ былъ слитъ съ существованіемъ моимъ химически. Къ тому же онъ бы и самъ не согласился отъ меня уйти ни за что. Мнѣ нельзя было жить въ шамбръ-гарни: моя квартира была мой особнякъ, моя скорлупа, мой футляръ, въ который я прятался отъ всего человѣчества, а Аполлонъ, чортъ знаетъ почему, казался мнѣ принадлежащимъ къ этой квартирѣ, и я цѣлыхъ семь лѣтъ не могъ согнать его.

Задержать, напримѣръ, его жалованье хоть два, хоть три дня было невозможно. Онъ бы такую завелъ исторію, что я бы не зналъ, куда и дѣваться. Но въ эти дни я до того былъ на всѣхъ озлобленъ, что рѣшился, почему-то и для чего-то, *наказать* Аполлона и не выдавать ему еще двѣ недѣли жалованья. Я давно ужъ, года два, собирался это сдѣлать, — единственно, чтобъ доказать ему, что онъ не смѣетъ такъ ужъ важничать надо мной и что если я захочу, то всегда могу не выдать ему жалованья. Я положилъ не говорить ему объ этомъ и даже нарочно молчать, чтобъ побѣдить его гордость и заставить его самого, перваго, заговорить о жалованьи. Тогда я выну всѣ семь рублей изъ ящика, покажу ему, что они у меня есть и нарочно отложены, но что я „не хочу, не хочу, просто не хочу выдать ему жалованье, не хочу, потому что *такъ хочу*“, потому что на это „моя воля господ-

ская", потому что онъ непочтителенъ, потому что онъ грубиянъ; но что если онъ попроситъ почтительно, то я, пожалуй, смягчусь и дамъ; не те еще двѣ недѣли прождетъ, три прождетъ, цѣлый мѣсяцъ прождетъ...

Но какъ я ни былъ золъ, а все-таки онъ побѣдилъ. Я и четырехъ дней не выдержалъ. Онъ началъ съ того, съ чего всегда начиналъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что подобные случаи уже бывали, пробовались (и, замѣчу, я зналъ все это заранѣе, я зналъ наизусть его подлую тактику); именно: онъ начиналъ съ того, что устремить, бывало, на меня чрезвычайно строгій взглядъ, не спускаетъ его нѣсколько минутъ сряду, особенно встрѣчая меня или провожая изъ дому. Если, наиримѣрь, я выдерживалъ и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю этихъ взглядовъ, онъ, попрежнему молча, приступалъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ. Вдругъ, бывало, ни съ того, ни съ сего, войдетъ тихо и плавно въ мою комнату, когда я хожу или читаю, остановится у дверей, заложить одну руку за спину, отставить ногу и устремить на меня свой взглядъ, ужъ не то что строгій, а совсѣмъ презрительный. Если я вдругъ спрошу его, что ему надо?—онъ не отвѣтитъ ничего, продолжаетъ смотрѣть на меня въ упоръ еще нѣсколько секундъ, потомъ, какъ-то особенно сжавъ губы, съ многозначительнымъ видомъ, медленно повернется на мѣстѣ и медленно уйдетъ въ свою комнату. Часа черезъ два вдругъ опять выйдетъ и опять такъ же передо мной появится. Случалось, что я, въ бѣшенствѣ, ужъ и не спрашивалъ эго: чего ему надо? А просто самъ, рѣзко и повелительно, подымалъ голову и тоже начиналъ смотрѣть на него въ упоръ. Такъ смотримъ мы, бывало, другъ на друга минуты двѣ; наконецъ, онъ повернется, медленно и важно, и уйдетъ опять на два часа.

Если я и этимъ все еще не вразумлялся и продолжалъ бунтоваться, то онъ вдругъ начнетъ вздыхать, на меня глядя, вздыхать долго, глубоко, точно измѣряя однимъ этимъ вздохомъ всю глубину моего нравственнаго паденія, и, разумѣется, кончалось, наконецъ, тѣмъ, что онъ одолѣвалъ вполне: я бѣсился, кричалъ, но то, о чемъ дѣло шло, все-таки принуждаемъ былъ исполнить.

Въ этотъ же разъ едва только начались обыкновенные маневры „строгихъ взглядовъ“, какъ тотчасъ же вышелъ изъ себя и въ бѣшенствѣ на него накинулся. Слишкомъ ужъ я былъ и безъ того раздраженъ.

— Стой! закричалъ я въ изступленіи, когда онъ медленно и молча повертывался, съ одной рукой за спиной, чтобъ уйти въ свою комнату,—стой! Воротись, воротись, говорю я тебѣ! И, должно-быть, я такъ неестественно рывнулъ, что онъ повернулся и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ меня разглядывать. Впрочемъ, продолжалъ не говорить ни слова, а это-то меня и бѣсило.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ безъ спросу и такъ глядѣть на меня, отвѣчай!

Но посмотрѣвъ на меня спокойно съ полминуты, онъ снова началъ повертываться.

— Стой! заревѣлъ я, подбѣгая къ нему,—ни съ мѣста! Такъ. Отвѣчай теперъ: чего ты входилъ смотрѣть?

— Если таперича вамъ есть что мнѣ приказать, то мое дѣло исполнить, отвѣчалъ онъ, опять-таки помолчавъ, тихо и размѣренно сюсюкая, поднявъ брови и спокойно перегнувъ голову съ одного плеча на другое,—и все это съ ужающимъ спокойствіемъ.

— Не объ этомъ, не объ этомъ я тебя спрашиваю, палачъ! закричалъ я, трясясь отъ злобы.—Я скажу тебѣ, палачъ, самъ, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебѣ жалованья, самъ не хочешь, по гордости, поклониться, попросить, и для того приходишь съ своими глупыми взглядами меня наказывать, мучить, и не подозр-р-рѣваешь ты, палачъ, какъ это глупо, глупо, глупо, глупо, глупо, глупо!

Онъ было молча опять сталъ повертываться, но я ухватилъ его.

— Слушай! кричалъ я ему.—Вотъ деньги, видишь, вотъ онѣ! (я вынулъ ихъ изъ столика) всѣ семь рублей, но ты ихъ не получишь, не па-алучишь, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не придешь, почтительно, съ повинной головой, просить у меня прощенія. Слышалъ!

— Быть того не можетъ! отвѣчалъ онъ съ какою-то неестественною самоувѣренностью.

— Будеть! кричалъ я,—даю тебѣ честное слово мое, будетъ!

— И не въ чемъ мнѣ у васъ прощенія просить, продолжалъ онъ, какъ бы совсѣмъ не замѣчая моихъ криковъ,—потому, вы же обозвали меня „палачомъ“, на чемъ я съ васъ могу въ кварталѣ всегда за обиду просить.

— Иди! Проси! заревѣль я,—иди сейчасъ, сію минуту, сію секунду! А ты все-таки палачь! Палачь! Палачь!—Но онъ только посмотрѣль на меня, затѣмъ повернулся и, уже не слушая призывныхъ криковъ моихъ, плавно пошелъ къ себѣ, не оборачиваясь.

„Если-бъ не Лиза, не было-бъ ничего этого!“ рѣшилъ я про себя. Затѣмъ, постоявъ съ минуту, важно и торжественно, но съ медленно и сильно бьющимся сердцемъ, я отправился самъ къ нему за ширмы.

— Аполлонъ! сказалъ я тихо и съ разстановкой, но задыхаясь,—сходи тотчасъ же и ни мало не медля за квартальнымъ надзирателемъ!

Онъ было ужъ усѣлся тѣмъ временемъ за своимъ столомъ, надѣль очки и взялъ что-то шить. Но, услышавъ мое приказанье, вдругъ фыркнулъ со смѣху.

— Сейчасъ, сію минуту иди! Иди, или ты и не воображаешь что будетъ.

— Подлинно вы не въ своемъ умѣ, замѣтилъ онъ, да же не поднявъ головы, такъ же медленно сюсюкая и продолжая вдѣвать нитку.—И гдѣ это видано, чтобъ чело-вѣкъ самъ противъ себя за начальствомъ ходилъ? А касательно страху,—напрасно только надсажаетесь, потому—ничего не будетъ.

— Иди! визжалъ я, хватая его за плечо. Я чувствовалъ, что сейчасъ ударю его.

Но я и не слыхалъ, какъ въ это мгновеніе вдругъ дверь изъ сѣней тихо и медленно отворилась и какая-то фигура вошла, остановилась и съ недоумѣніемъ начала насъ разглядывать. Я взглянулъ, обмеръ отъ стыда и бросился въ свою комнату. Тамъ, схвативъ себя обѣими руками за волосы, я прислонился головой къ стѣнѣ и замеръ въ этомъ положеніи.

Минуты черезъ двѣ послышались медленные шаги Аполлона.

— Тамъ *какая-то* васъ спрашиваетъ, сказалъ онъ, особенно строго смотря на меня, потомъ посторонился и пропустилъ Лизу. Онъ не хотѣль уходить и насмѣшливо насъ разсматривалъ.

— Ступай! Ступай! командовалъ я ему, потерявшись. Въ эту минуту мои часы принатужились, прошипѣли и пробили семь.

IX.

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди.

(Изъ той же поэзіи).

Я стоялъ передъ ней убитый, ошельмованный, омерзительно сконфуженный и, кажется, улыбался, всѣми силами стараясь запахнуться полами моего лохматого, ватнаго халатишки,—ну точь-въ-точь какъ еще недавно, въ упадкѣ духа, представлялъ себѣ. Аполлонъ, постоявъ надъ нами минуты двѣ, ушелъ, но мнѣ было не легче. Хуже всего, что и она тоже вдругъ сконфузилась, до того, что я даже и не ожидалъ. На меня глядя, разумѣется.

— Садись, сказалъ я машинально и придвинулъ ей стулъ возлѣ стола, самъ же сѣлъ на диванъ. Она тотчасъ же и послушно усѣлась, смотря на меня во всѣ глаза и очевидно чего-то сейчасъ отъ меня ожидая. Эта-то наивность ожиданія и привела меня въ бѣшенство, но я сдержалъ себя.

Тутъ-то бы и стараться ничего не замѣчать, какъ будто все по обыкновенному, а она...—И я смутно почувствовалъ, что она дорого мнѣ *за все это* заплатитъ.

— Ты меня застала въ странномъ положеніи, Лиза, началъ я, заикаясь и зная, что именно такъ-то и не надо начинать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай чего-нибудь! вскричалъ я, увидѣвъ, что она вдругъ покраснѣла,—я не стыжусь моей бѣдности... Напротивъ, я гордо смотрю на мою бѣдность. Я бѣденъ, но благороденъ... Можно быть бѣднымъ и благороднымъ, бормоталъ я.—Впрочемъ... Хочешь чаю?

— Нѣтъ... начала было она.

— Подожди!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ Аполлону. Надо-же было куда-нибудь провалиться.

— Аполлонъ, зашепталь я лихорадочной скороговоркой, бросая передъ нимъ семь рублей, оставшіеся все время въ моемъ кулакѣ,—вотъ твое жалованье, видишь, я выдаю; но за то ты долженъ спасти меня: немедленно принеси мнѣ изъ трактира чаю и десять сухарей. Если ты не захочешь пойти, то ты сдѣлаешь несчастнымъ

человѣка! Ты не знаешь, какая это женщина... Это—все! Ты, можетъ-быть, что-нибудь думаешь... Но ты не знаешь, какая это женщина!..

Аполлонъ, уже усѣвшійся за работу и уже надѣвшій опять очки, сначала, не покидая иглы, молча накосился на деньги; потомъ, не обращая на меня никакого вниманія и не отвѣчая мнѣ ничего, продолжалъ возиться съ ниткой, которую все еще вдѣвалъ. Я ждалъ минуты три, стоя передъ нимъ съ сложенными à la Napoléon руками. Виски мои были смочены потомъ; самъ я былъ блѣдень, я чувствовалъ это. Но, слава Богу, вѣрно ему стало жалко, смотря на меня. Кончивъ съ своей ниткой, онъ медленно привсталъ съ мѣста, медленно отодвинулъ стулъ, медленно снялъ очки, медленно пересчиталъ деньги и, наконецъ, спросивъ меня черезъ плечо: взять-ли полную порцію? медленно вышелъ изъ комнаты. Когда я возвращался къ Лизѣ, мнѣ пришлось на умъ дорогой: не убѣжать-ли такъ, какъ есть, въ халатишкѣ, куда глаза глядятъ, а тамъ будь что будетъ.

Я усѣлся опять. Она смотрѣла на меня съ безпокойствомъ. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я убью его! вскричалъ я вдругъ, крѣпко хлопнувъ по столу кулакомъ, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы.

— Ахъ, что вы это! вскричала она, вздрогнувъ.

— Я убью его, убью его! визжалъ я, стуча по столу, совершенно въ изступленіи и совершенно понимая, въ то же время, какъ это глупо быть въ такомъ изступленіи.

— Ты не знаешь, Лиза, что такое этотъ палачь для меня. Онъ мой палачь... Онъ пошелъ теперь за сухарями; онъ...

И вдругъ я разразился слезами. Это былъ припадокъ. Какъ мнѣ стыдно-то было между всхлипываній; но я ужъ ихъ не могъ удержать.

Она испугалась.

— Что съ вами! Что это съ вами! вскрикивала она, суется около меня.

— Воды, подай мнѣ воды, вонъ тамъ! бормоталъ я слабымъ голосомъ, сознавая, впрочемъ, про себя, что я очень бы могъ обойтись безъ воды и не бормотать слабымъ голосомъ. Но я, что называется, представлялся,

чтобъ спасти приличія, хотя припадокъ былъ и дѣйствительный.

Она подала мнѣ воды, смотря на меня какъ потерянная. Въ эту минуту Аполлонъ внесъ чай. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ обыкновенный и прозаическій чай ужасно неприличенъ и мизеренъ послѣ всего что было, и я покраснѣлъ. Лиза смотрѣла на Аполлона даже съ испугомъ. Онъ вышелъ, не взглянувъ на насъ.

— Лиза, ты презираешь меня? сказалъ я, смотря на нее въ упоръ, дрожа отъ нетерпѣнія узнать, что она думаетъ.

Она сконфузилась и не сумѣла ничего отвѣтить.

— Пей чай! проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но, разумѣется, достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нея закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ бы и убилъ ее, кажется. Чтобъ отмстить ей, я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. „Она же всему причину“, думалъ я.

Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ; мы до него не дотрогивались: я до того дошелъ, что нарочно не хотѣлъ начинать пить, чтобъ этимъ отяготить ее еще больше; ей-же самой начинать было неловко. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ, конечно, я самъ, потому что вполне сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости, и въ то же время никакъ не могъ удержать себя.

— Я оттуда... хочу... совсѣмъ выйти, начала было она, чтобы какъ-нибудь прервать молчаніе, но, бѣдная! Именно объ этомъ-то и не надо было начинать говорить въ такую и безъ того глупую минуту, такому и безъ того глупому какъ я человѣку. Даже мое сердце заняло отъ жалости на ея неумѣлость и ненужную прямоу. Но что-то безобразное подавило во мнѣ тотчасъ же всю жалость; даже еще подзадорило меня еще болѣе; пропадай все на свѣтъ! Прошло еще пять минутъ.

— Не помѣшала-ли я вамъ? начала она робко, чуть слышно, и стала вставать.

Но какъ только я увидалъ эту первую вспышку оскорбленнаго достоинства, я такъ и задрожалъ отъ злости и тотчасъ же прорвался.

— Для чего ты ко мнѣ пришла, скажи ты мнѣ, пожадуйста? началъ я, задыхаясь, и даже не соображаясь съ логическимъ порядкомъ въ моихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось все разомъ высказать, залпомъ; я даже не заботился съ чего начинать.

— Зачѣмъ ты пришла? Отвѣчай! Отвѣчай! вскрикнулъ я, едва помня себя.—Я тебѣ скажу, матушка, зачѣмъ ты пришла. Ты пришла потому, что я тебѣ тогда *жалкія слова* говорилъ. Ну, вотъ ты и разнѣжилась и опять тебѣ „жалкихъ словъ“ захотѣлось. Такъ знай же, знай, что я тогда смѣялся надъ тобой. И теперь смѣюсь. Чего ты дрожишь? Да, смѣялся! Меня передъ тѣмъ оскорбили, за обѣдомъ, вотъ тѣ, которые тогда передо мной пріѣхали. Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ исколотить одного изъ нихъ, офицера; но не удалось, не засталъ; надо же было обиду на-комъ нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я надъ тобой и вылилъ зло и на-смѣялся. Меня унизили, такъ и я хотѣлъ унижить; меня въ тряпку растерли, такъ и я власть захотѣлъ показать... Вотъ что было, а ты ужъ думала, что я тебя спасать нарочно тогда пріѣзжалъ, да? Ты это думала? Ты это думала?

Я зналъ, что она, можетъ-быть, запутается и не пойметъ подробностей, но я зналъ тоже, что она отлично хорошо пойметъ сущность. Такъ и случилось. Она поблѣднѣла, какъ платокъ, хотѣла что-то проговорить, губы ея болѣзненно искривились; но какъ будто ее топоромъ подѣкли, упала на стулъ. И все время потомъ она слушала меня, раскрывъ ротъ, открывъ глаза и дрожа отъ ужаснаго страха. Цинизмъ, цинизмъ моихъ словъ придавилъ ее...

— Спасать! продолжалъ я, вскочивъ со стула и бѣгая передъ ней взадъ и впередъ по комнатѣ,—отъ чего спасать! Да я, можетъ, самъ тебя хуже. Что ты мнѣ тогда же не кинула въ рожу, когда я тебѣ рацеи-то читалъ: „А ты, молъ, самъ зачѣмъ къ намъ зашелъ? Мораль что-ли читать?“—Власти, власти мнѣ надо было тогда, игры было надо, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей—вотъ чего надо мнѣ было тогда! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потому что я дрянъ, перепугался и чертъ знаетъ для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, ужъ тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужъ ненавидѣлъ

тебя, потому что я тебѣ тогда лгалъ. Потому что я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо знаешь чего: чтобъ вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту-ли провалиться, или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить. Знала-ль ты это, или нѣтъ? Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлецъ, себялюбецъ, лѣнтяй. Я вотъ дрожалъ эти три дня отъ страха, что ты придешь. А знаешь, что всѣ эти три дня меня особенно беспокоило? А то, что вотъ я тогда героемъ такимъ предъ тобой представился, а тутъ вотъ ты вдругъ увидишь меня въ моемъ рваномъ халатишкѣ, нищаго, гадкаго. Я тебѣ сказаль давеча, что я не стыжусь своей бѣдности; такъ знай же, что стыжусь, больше всего стыжусь, пуще всего боюсь, пуще того, если-бъ я вороваль, потому что я тщеславень такъ, какъ будто съ меня кожу содрали и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно. Да неужели-жъ ты даже и теперь еще не догадалась, что я тебѣ никогда не прощу того, что ты застала меня въ этомъ халатишкѣ, когда я бросился, какъ злая собачонка, на Аполлона. Воскреситель-то, бывший-то герой, бросается какъ шаршивая, лохматая шавка на своего лакея, а тотъ смѣется надъ нимъ! И слезъ давешнихъ, которыхъ передъ тобой я, какъ пристыженная баба, не могъ удержать, никогда тебѣ не прощу! И того, въ чемъ теперь тебѣ признаюсь, тоже никогда *тебѣ* не прощу! Да,—ты, одна ты за все это отвѣтить должна, потому что ты такъ подвернулась, потому что я мерзавецъ, потому что я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ, которые вовсе не лучше меня, но которые, чортъ знаетъ отъ чего, никогда не конфузятся; а вотъ я такъ всю жизнь отъ всякой гниды буду щелчки получать, и это моя черта! Да какое мнѣ дѣло до того, что ты этого ничего не поймешь! И какое, ну, какое, какое дѣло мнѣ до тебя и до того, погибаешь ты тамъ, или нѣтъ? Да понимаешь-ли ты, какъ я теперь, высказавъ тебѣ это, тебя ненавидѣть буду за то, что ты тутъ была и слушала? Вѣдь чловѣкъ разъ въ жизни только такъ высказывается, да и то въ истерикѣ!.. Чего-жъ тебѣ еще? Чего-жъ ты еще, послѣ всего этого, торчишь передо мной, мучаешь меня, не уходишь?

Но тутъ случилось вдругъ странное обстоятельство.

Я до того привыкъ думать и воображать все по бнижнѣ и представлять себѣ все на свѣтѣ такъ, какъ самъ еще прежде въ мечтахъ сочинилъ, что даже сразу и не понялъ тогда этого страннаго обстоятельства. А случилось вотъ что: Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чѣмъ я воображалъ себѣ. Она поняла изъ всего этого то, что женщина всегда прежде всего пойметъ, если искренно любить, а именно: что я самъ несчастливъ.

Испуганное и оскорбленное чувство смѣнилось на лицѣ ея сначала горестнымъ изумленіемъ. Когда же я сталъ называть себя подлецомъ и мерзавцемъ и полились мои слезы (я проговорилъ всю эту тираду со слезами), все лицо ея передернулось какой-то судорогой. Она хотѣла было встать, остановить меня; когда же я кончилъ, она не на крики мои обратила вниманіе: „Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ не уходишь!“ — а на то, что мнѣ, должно-быть, очень тяжело самому было все это выговорить. Да и забитая она была такая, бѣдная; она считала себя безконечно ниже меня; гдѣ-жъ ей было озлиться, обидѣться? Она вдругъ вскочила со стула въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, и, вся стремясь ко мнѣ, но все еще робѣя и не смѣя сойти съ мѣста, протянула ко мнѣ руки... Тутъ сердце и во мнѣ перевернулось. Тогда она вдругъ бросилась ко мнѣ, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержалъ и зарыдалъ такъ, какъ никогда еще со мной не бывало...

— Мнѣ не даютъ... Я не могу быть... добрымъ! едва проговорилъ я, затѣмъ дошелъ до дивана, упалъ на него ничкомъ и четверть часа рыдалъ въ настоящей истерикѣ. Она припала ко мнѣ, обняла меня и какъ бы замерла въ этомъ объятіи.

Но все-таки штука была въ томъ, что истерика должна же была пройти. И вотъ (я вѣдь омерзительную правду пишу), лежа ничкомъ на диванѣ, накрѣпко и уткнувъ лицо въ дрянную кожаную подушку мою, я началъ помаленьку, издалека, невольно, но неудержимо ощущать, что вѣдь мнѣ теперь неловко будетъ поднять голову и посмотреть Лизѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ было стыдно? — Не знаю, но мнѣ было стыдно. Пришло мнѣ тоже въ взбудораженную мою голову, что роли вѣдь теперь окончательно перемѣнились, что героиня теперь она, а я точно

такое же униженное и раздавленное созданіе, какимъ она была передо мной въ ту ночь, — четыре дня назадъ... И все это ко мнѣ пришло еще въ тѣ минуты, когда я лежалъ ничкомъ на диванѣ!

Боже мой! Да неужели-жъ я тогда ей позавидоваль?

Не знаю, до сихъ поръ еще не могу рѣшить, а тогда, конечно, еще меньше могъ это понять, чѣмъ теперь. Безъ власти и тиранства надъ кѣмъ-нибудь я вѣдь не могу прожить... Но... но вѣдь разсужденіями ничего не объяснишь, а слѣдственно и разсуждать нечего.

Я однакожъ преодолѣлъ себя и приподнялъ голову; надобно-жъ было когда-нибудь поднять... И вотъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что именно потому, что мнѣ было стыдно смотрѣть на нее, въ сердцѣ моемъ вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладанія. Глаза мои блеснули страстью и я крѣпко стиснулъ ей руки. Какъ я ненавидѣлъ ее и какъ меня влекло къ ней въ эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщеніе!.. На лицѣ ея изобразилось сначала какъ будто недоумѣніе, какъ будто даже страхъ, но только на мгновеніе. Она восторженно и горячо обняла меня.

Х.

Черезъ четверть часа я бѣгалъ назадъ и впередъ въ бѣшеномъ нетерпѣніи по комнатѣ, поминутно подходилъ къ ширмамъ и въ щелочку поглядывалъ на Лизу. Она сидѣла на полу, склонивъ на кровать голову и, должно-быть, плакала. Но она не уходила, а это-то и раздражало меня. Въ этотъ разъ она уже все знала. Я оскорбилъ ее окончательно, но... нечего рассказывать. Она догадалась, что порывъ моей страсти былъ именно мщеніемъ, новымъ ей униженіемъ, и что къ давешней моей, почти безпредметной ненависти, прибавилась теперь уже *личная, завистливая* къ ней ненависть... А, впрочемъ, не утверждаю, чтобъ она это все поняла отчетливо; но зато она вполне поняла, что я человѣкъ мерзкій и, главное, не въ состояніи любить ее.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это невѣроятно, — невѣроятно быть такимъ злымъ, глупымъ, какъ я; пожалуй, еще прибавятъ, что невѣроятно было не полюбить ее или, по

крайней мѣрѣ, не оцѣнить этой любви. Отчего же невѣроятно? Во-первыхъ, я и полюбить уже не могъ, потому что, повторяю, любить у меня—значило тиранствовать и нравственно превосходить. Я всю жизнь не могъ даже представить себѣ иной любви, и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно-дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненавистью и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ, что дѣлать съ покореннымъ предметомъ. Да и что тутъ невѣроятно, когда я ужъ до того успѣлъ растлить себя нравственно, до того отъ „живой жизни“ отвыкъ, что давеча вздумалъ попрекать и стыдить ее тѣмъ, что она пришла ко мнѣ „жалкія слова“ слушать; а и не догадался самъ, что она пришла вовсе не для того, чтобъ жалкія слова слушать, а чтобъ любить меня, потому что для женщины въ любви-то и заключается все воскресеніе, все спасеніе отъ какой бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, какъ въ этомъ. Впрочемъ, я не очень ужъ такъ ее ненавидѣлъ, когда бѣгалъ по комнатѣ и въ щелочку заглядывалъ за ширмы. Мнѣ только невыносимо тяжело было, что она здѣсь. Я хотѣлъ, чтобъ она исчезла. „Спокойствія“ я желалъ, остаться одинъ въ подпольѣ желалъ. „Живая жизнь“ съ непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно.

Но прошло еще нѣсколько минутъ, а она все еще не подымалась, какъ будто въ забытіи была. Я имѣлъ безсовѣстность тихонько постучать въ ширмы, чтобъ напомнить ей... Она вдругъ встрепенулась, схватилась съ мѣста и бросилась искать свой платокъ, свою шляпку, шубу, точно спасаясь отъ меня куда-то... Черезъ двѣ минуты она медленно вышла изъ-за ширмъ и тяжело на меня поглядѣла. Я злобно усмѣхнулся, впрочемъ, насильно, *для примѣія*, и отворотился отъ ея взгляда.

— Прощайте, проговорила она, направляясь къ двери. Я вдругъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку, разжалъ ее, вложилъ... и потомъ опять зажалъ. Затѣмъ тотчасъ же отвернулся и отскочилъ поскорѣй въ другой уголъ, чтобъ не видѣть, по крайней мѣрѣ...

Я хотѣлъ было сію минуту солгать, — написать, что я

сдѣлать это нечаянно, не помня себя, потерявшись, сдуру. Но я не хочу лгать и потому говорю прямо, что я разжалъ ей руку и положилъ въ нее... со злости. Мнѣ это пришло въ голову сдѣлать, когда я бѣгалъ назадъ и впередъ по комнатѣ, а она сидѣла за ширмами. Но вотъ что я навѣрно могу сказать: я сдѣлалъ эту жестокость, хоть и нарочно, но не отъ сердца, а отъ дурной моей головы. Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, *кмижная*, что я самъ не выдержалъ даже минуты,—сначала отскочилъ въ уголь, чтобъ не видѣть, а потомъ, со стыдомъ и отчаяніемъ, бросился вслѣдъ за Лизой. Я отворилъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться,

— Лиза! Лиза! крикнулъ я на лѣстницу, но не смѣло, вполголоса.

Отвѣта не было, мнѣ показалось, что я слышу ея шаги на нижнихъ ступеняхъ.

— Лиза! крикнулъ я громче.

Нѣтъ отвѣта. Но въ ту же минуту я услышалъ снизу, какъ тяжело, съ визгомъ отворилась тугая наружная стеклянная дверь на улицу и туго захлопнулась. Гулъ поднялся по лѣстницѣ,

Она ушла. Я воротился въ комнату въ раздумьи. Ужасно тяжело мнѣ было.

Я остановился у стола возлѣ стула, на которомъ она сидѣла, и бессмысленно смотрѣлъ передъ собой. Прошло съ минуту, вдругъ я весь вздрогнулъ: прямо передъ собой, на столѣ, я увидалъ... однимъ словомъ, я увидалъ смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назадъ зажалъ въ ея руку. Это была *та* бумажка; другой и быть не могло, другой и въ домѣ не было. Она, стало-быть, успѣла выбросить ее изъ руки на столъ въ ту минуту, когда я отскочилъ въ другой уголь.

Что-жь? Я могъ ожидать, что она это сдѣлаетъ. Могъ ожидать? Нѣтъ. Я до того былъ эгоистъ, до того не уважалъ людей на самомъ дѣлѣ, что даже и вообразить не могъ, что и она это сдѣлаетъ. Этого я не вынесъ. Мгновеніе спустя я, какъ безумный, бросился одѣваться, накинувъ на себя что успѣлъ впопыхахъ, и стремглавъ выбѣжалъ за ней. Она и двухсотъ шаговъ еще не успѣла уйти, когда я выбѣжалъ на улицу.

Было тихо, валилъ снѣгъ и падалъ почти перпендику-

лярно, настилая подушку на тротуаръ и на пустынную улицу. Никого не было прохожихъ, никакого звука не слышалось. Уныло и бесполезно мерцали фонари. Я отбѣжалъ шаговъ двѣсти, до перекрестка и остановился.— Куда пошла она? И зачѣмъ я бѣгу за ней?

Зачѣмъ? Упасть передъ ней, зарыдать отъ раскаянія, цѣловать ея ноги, молить о прощениі! Я и хотѣлъ этого, вся грудь моя разрывалась на части, и никогда, никогда не вспомяну я равнодушно эту минуту. Но, — зачѣмъ? подумалось мнѣ. Развѣ я не возненавижу ее, можетъ-быть, завтра же, именно за то, что сегодня цѣловаль ея ноги? Развѣ дамъ я ей счастье? Развѣ я не узналъ сегодня опять, въ сотый разъ, цѣнимъ себѣ? Развѣ я не замучу ее!

Я стоялъ на свѣгу, всматриваясь въ мутную мглу, и думалъ объ этомъ.

— И не лучше-ль, не лучше-ль будетъ, фантазироваль я уже дома, послѣ, заглушая фантазіями живую сердечную боль, — не лучше-ль будетъ, если она навѣки унесетъ теперь съ собой оскорбленіе? Оскорбленіе,—да вѣдь это очищеніе; это самое ѣдкое и больное сознаниі! Завтра же я бы загрязнилъ собой ея душу и утомилъ ея сердце. А оскорбленіе не замретъ въ ней теперь никогда, и какъ бы ни была гадка грязь, которая ее ожидаетъ, — оскорбленіе возвыситъ и очиститъ ее... ненавистью... гм!.. можетъ, и прощениемъ... А, впрочемъ, легче-ль ей отъ всего этого будетъ?

А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужъ отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: чтѣ лучше,—дешевое-ли счастье, или возмущенныя страданія? Ну-ка, чтѣ лучше?

Такъ мнѣ мерещилось, когда я сидѣлъ въ тотъ вечеръ у себя дома, едва живой отъ душевной боли. Никогда я не выносилъ еще столько страданія и раскаянія; но развѣ могло быть хоть какое-либо сомнѣніе, когда я выбѣгалъ изъ квартиры, что я не возвращусь съ полдороги домой? Никогда больше я не встрѣчалъ Лизу и ничего не слыхаль о ней. Прибавлю то же, что я надолго остался доволенъ *фразой* о пользѣ отъ оскорбленія и ненависти, несмотря на то, что самъ чуть не заболѣлъ тогда отъ тоски.

Даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, все это какъ-то слишкомъ *нехорошо* мнѣ припоминается. Многое мнѣ те-

перь нехорошо припоминается, но... не кончить-ли уж тутъ „Записки“? Мнѣ кажется, я сдѣлалъ ошибку, начавъ ихъ писать. По крайней мѣрѣ, мнѣ было стыдно во все время какъ я писалъ эту *повѣсть*: стало-быть, это ужъ не литература, а исправительное наказаніе. Вѣдь рассказывать, наприимѣръ, длинныя повѣсти о томъ, какъ я манкировалъ свою жизнь нравственнымъ растлѣніемъ въ углу, недостаткомъ среды, отвычкой отъ живого и тщательной злобой въ подпольѣ,—ей-Богу не интересно; въ романѣ надо героя, а тутъ *нарочно* собраны всѣ черты для анти-героя, а главное все это произведетъ пренепріятное впечатлѣніе, потому что мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякій болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подчасъ къ настоящей „живой жизни“ какое-то омерзѣніе, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую „живую жизнь“ чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажимъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы исполнять. Ну, попробуйте, ну, дайте намъ, наприимѣръ, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... да увѣряю же васъ: мы тотчасъ же попросимся обратно въ опеку. Знаю, что вы, можетъ-быть, на меня за это разсердитесь, закричите, ногами затопаете: „говорите, дескать, про себя одного и про ваши мизеры въ подпольѣ, а не смѣйте говорить: „*всѣ мы*“. Позвольте, господа, вѣдь не оправдываюсь же я этимъ *всѣмствомъ*. Что же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ, въ моей жизни, до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя. Такъ что я, пожалуй, еще живѣе васъ выхожу. Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже не знаемъ, гдѣ и живое-то живетъ теперь, и что оно такое, какъ называется? Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся, — не будемъ знать, куда примкнуть, чего придерживаться, что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся, — человѣками съ настоящимъ, *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся

этого, за позоръ считаемъ и норовимъ быть какими-то небывалыми обще-человѣками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то, давно ужъ, не отъ живыхъ отцовъ, и это намъ все болѣе и болѣе нравится. Во вкусъ входимъ. Скоро выдумаемъ родиться какъ-нибудь отъ идеи. Но довольно;—не хочу я больше писать „изъ Подполья“.

Впрочемъ, здѣсь еще не кончаются „записки“ этого парадоксалиста. Онъ не выдержалъ и продолжалъ далѣе. Но намъ тоже кажется, что здѣсь можно и остановиться.

КРОКОДИЛЬ, *)

НЕОБЫКНОВЕННОЕ СОБЫТІЕ

или

ПАССАЖЪ ВЪ ПАССАЖЪ,

справедливая повѣсть о томъ, какъ одинъ господинъ извѣстныхъ лѣтъ и павѣстной наружности пассажнымъ крокодиломъ былъ проглоченъ живьемъ, весь безъ остатка, и что изъ этого вышло.

Ohé Lambert! Oû est Lambert?
As tu vu Lambert?

I.

Сего тринадцатаго января текущаго шестьдесятъ пятаго года, въ половинѣ перваго пополудни, Елена Ивановна, супруга Ивана Матвѣича, образованнаго друга моего, сослуживца и отчасти отдаленнаго родственника, пожелала посмотрѣть крокодила, показываемаго за извѣстную плату въ Пассаждѣ. Имѣя уже въ карманѣ свой билетъ для выѣзда (не столько по болѣзни, сколько изъ любознательности) за границу, а слѣдственно уже считается по службѣ въ отпуску и, стало-быть, будучи совершенно въ то утро свободенъ, Иванъ Матвѣичъ не только не воспрепятствовалъ непреодолимому желанію своей супруги, но даже самъ возгорѣлся любопытствомъ. „Прекрасная идея, сказалъ онъ вседовольно,—осмотримъ крокодила! Собираясь въ Европу, не худо познакомиться еще на мѣстѣ съ населяющими ее туземцами“, — и съ сими словами, принявъ подъ ручку свою супругу, тотчасъ же отправился съ нею въ Пассаждѣ. Я же, по обыкновенію моему, увязался съ ними рядомъ, — въ видѣ домашняго друга. Никогда еще я не видалъ Ивана Матвѣича въ

*) Въ первый разъ напечатана въ журналѣ „Эпоха“ 1865 г., II.

болѣе пріятномъ расположеніи духа, какъ въ то памятное для меня утро, — подлинно, что мы не знаемъ заранѣе судьбы своей! Войдя въ Пассаждъ, онъ немедленно сталъ восхищаться великолѣпіемъ зданія, а подойдя къ магазину, въ которомъ показывалось вновь привезенное въ столицу чудовище, самъ пожелалъ заплатить за меня четвертакъ крокодильщику, — чего прежде съ нимъ никогда не случалось. Вступивъ въ небольшую комнату, мы замѣтили, что въ ней, кромѣ крокодила, заключаются еще паугаи, изъ иностранной породы какаду и, сверхъ того, группа обезьянъ въ особомъ шкафу въ углубленіи. У самаго же входа, у лѣвой стѣны, стоялъ большой жестяной ящикъ въ видѣ какъ бы ванны, накрытый крѣпкою желѣзною сѣткою, а на днѣ его было на вершокъ воды. Въ этой-то мелководной лужѣ сохранялся огромнѣйшій крокодилъ, лежавшій какъ бревно, совершенно безъ движенія и видимо лишившійся всѣхъ своихъ способностей отъ нашего сырого и негостепріимнаго для иностранцевъ климата. Сіе чудовище ни въ комъ изъ насъ сначала не возбудило особаго любопытства.

— Такъ это-то крокодилъ! сказала Елена Ивановна голосомъ сожалѣнія и нараспѣвъ, — а я думала, что онъ... какой-нибудь другой.

Вѣроятно же всего, она думала, что онъ брильянтовый. Вышедшій къ намъ нѣмецъ, хозяинъ-собственникъ крокодила, съ чрезвычайно гордымъ видомъ смотрѣлъ на насъ.

— Онъ правъ, шепнулъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ, — ибо сознаеть, что онъ одинъ во всей Россіи показываетъ теперь крокодила.

Это совершенно вздорное замѣчаніе я тоже отношу къ чрезмѣрно благодушному настроенію, овладѣвшему Иваномъ Матвѣичемъ, въ другихъ случаяхъ весьма завистливымъ.

— Мнѣ кажется, вашъ крокодилъ не живой, проговорила опять Елена Ивановна, пикированная неподатливостью хозяина и съ граціозной улыбкой обращаясь къ нему, чтобы преклонить сего грубіяна, — маневръ столь свойственный женщинамъ.

— О, нѣтъ, мадамъ, отвѣчалъ тотъ ломанымъ русскимъ языкомъ, и тотчасъ же, приподнявъ до половины сѣтку ящика, сталъ палочкой тыкать крокодила въ голову.

Тогда коварное чудовище, чтобъ показать свои признаки жизни, слегка пошевелило лапами и хвостомъ при-

подняло рыло и испустило нѣчто подобное продолжительному сопѣнію.

— Ну, не сердись, Карльхенъ! ласкательно сказалъ нѣмецъ, удовлетворенный въ своемъ самолюбіи.

— Какой противный этотъ крокодилъ! Я даже испугалась, еще кокетливѣе пролепетала Елена Ивановна,—теперь онъ мнѣ будетъ сниться во снѣ.

— Но онъ васъ не укуситъ во снѣ, мадамъ, галантерейно подхватилъ нѣмецъ и прежде всѣхъ засмѣялся остроумію словъ своихъ, но никто изъ насъ не отвѣчалъ ему.

— Пойдемте, Семень Семенычъ, продолжала Елена Ивановна, обращаясь исключительно ко мнѣ,—посмотримъ лучше обезьянъ. Я ужасно люблю обезьянъ; изъ нихъ такія душки... а крокодилъ ужасенъ.

— О, не бойся, другъ мой! прокричалъ намъ вслѣдъ Иванъ Матвѣичъ, пріятно храбрясь передъ своею супругою.—Этотъ сонливый обитатель фараонова царства ничего намъ не сдѣлаетъ,—и остался у ящика. Мало того, взявъ свою перчатку, онъ началъ щекотать ею носъ крокодила, желая, какъ признался онъ послѣ, заставить его вновь сопѣть. Хозяинъ же послѣдовалъ за Еленой Ивановной, какъ за дамою, къ шкафу съ обезьянами.

Такимъ образомъ все шло прекрасно и ничего нельзя было предвидѣть. Елена Ивановна даже до рѣзвости развлекалась обезьянами и, казалось, вся отдалась имъ. Она вскрикивала отъ удовольствія, непрерывно обращаясь ко мнѣ, какъ будто не желая и вниманія обращать на хозяина, и хохотала отъ замѣчаемаго ею сходства сихъ мартышекъ съ ея короткими знакомыми и друзьями. Развеселился и я, ибо сходство было несомнѣнное. Нѣмецъ-собственникъ не зналъ, смѣяться ему или нѣтъ, и потому подъ конецъ совсѣмъ нахмурился. И вотъ, въ это-то самое мгновеніе, вдругъ страшный, могу даже сказать, неестественный крикъ потрясъ комнату. Не зная, что подумать, я сначала оледенѣлъ на мѣстѣ; но замѣчая, что кричить уже и Елена Ивановна, быстро оборотился и—что же увидѣлъ я! Я увидѣлъ, о, Боже!—я увидѣлъ несчастнаго Ивана Матвѣича въ ужасныхъ челюстяхъ крокодиловыхъ, перехваченнаго ими поперекъ туловища, уже поднятаго горизонтально на воздухъ и отчаянно болтавшаго въ немъ ногами. Затѣмъ—мигъ, и его не стало. Но опишу въ подробности, потому что я все время стоялъ

неподвижно и успѣлъ разглядѣть весь происходившій передо мной процессъ съ такимъ вниманьемъ и любопытствомъ, какого никогда не запомню.—Ибо, думалъ я въ ту роковую минуту,—что, если бѣ, вмѣсто Ивана Матвѣича, случилось все это со мной, — какова была бы тогда мнѣ непріятность! Но къ дѣлу. Крокодилъ началъ съ того, что, повернувъ бѣднаго Ивана Матвѣича въ своихъ ужасныхъ челюстяхъ къ себѣ ногами, сперва проглотилъ самыя ноги; потомъ, отрыгнувъ немного Ивана Матвѣича, старавшагося выскочить и дѣплявшагося руками за ящикъ, вновь втянулъ его въ себя уже выше поясицы. Потомъ, отрыгнувъ еще, глотнулъ еще и еще разъ. Такимъ образомъ, Иванъ Матвѣичъ видимо исчезалъ въ глазахъ нашихъ. Наконецъ, глотнувъ окончательно, крокодилъ во-бралъ въ себя всего моего образованнаго друга и на этотъ разъ ужъ безъ остатка. На поверхности крокодила можно было замѣтить, какъ проходилъ по его внутренности Иванъ Матвѣичъ со всѣми своими формами. Я было уже готовился закричать вновь, какъ вдругъ судьба еще разъ захотѣла вѣроломно подшутить надъ нами: крокодилъ понатужился, вѣроятно, давясь отъ огромности проглоченнаго имъ предмета, снова раскрылъ всю ужасную пасть свою и изъ нея, въ видѣ послѣдней отрыжки, вдругъ на одну секунду выскочила голова Ивана Матвѣича, съ отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ, при чемъ очки его мгновенно свалились съ его носу на дно ящика. Казалось, эта отчаянная голова для того только и выскочила, чтобъ еще разъ бросить послѣдній взглядъ на всѣ предметы и мысленно проститься со всѣми свѣтскими удовольствіями. Но она не успѣла въ своемъ намѣреніи: крокодилъ вновь собрался съ силами, глотнулъ и вмигъ она снова исчезла, и въ этотъ разъ навѣки. Это появленіе и исчезновеніе еще живой человѣческой головы было такъ ужасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ,—отъ быстроты-ли и неожиданности дѣйствія, или вслѣдствіе паденія съ носу очковъ,—заклѣчало въ себѣ что-то до того смѣшное, что я вдругъ, и совсѣмъ неожиданно, фыркнулъ; но, спохватившись, что смѣяться въ такую минуту мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, неприлично, — обратился тотчасъ же къ Еленѣ Ивановнѣ и съ симпатическимъ видомъ сказалъ ей:

— Теперь капутъ нашему Ивану Матвѣичу!

Не могу даже и подумать выразить, до какой степени было сильно волненіе Елены Ивановны въ продолженіе всего

процесса. Сначала, послѣ перваго крика, она какъ бы замерла на мѣстѣ и смотрѣла на представлявшуюся ей кутерьму, повидимому, равнодушно, но съ чрезвычайно выкатившимися глазами; потомъ вдругъ залилась раздражающимъ воплемъ, но я схватилъ ее за руки. Въ это мгновеніе и хозяинъ, сначала тоже отупѣвшій отъ ужаса, вдругъ всплеснулъ руками и кричалъ, глядя на небо:

— О, мой крокодилъ, о, мейнъ аллерлибстеръ Карльхенъ! Муттеръ, муттеръ, муттеръ!

На этотъ крикъ отворилась задняя дверь и показалась муттеръ, въ чепцѣ, румяная, пожилая, но растрепанная, и съ визгомъ бросилась къ своему нѣмцу.

Тутъ-то начался содомъ: Елена Ивановна выкрикивала какъ изступленная одно только слово: „вспороть! вспороть!“ и бросалась къ хозяину и къ муттеръ, повидимому, упрасивая ихъ—вѣроятно, въ самозабвеніи—кого-то и за что-то вспороть. Хозяинъ же и муттеръ ни на кого изъ насъ не обращали вниманія: они оба были какъ телята около ящика.

— Онъ пропалъ, онъ сейчасъ будетъ лопаль, потому что онъ проглатилъ ганць чиновникъ! кричалъ хозяинъ.

— Унзеръ Карльхенъ, унзеръ аллерлибстеръ Карльхенъ вирдъ штербенъ! выла хозяйка.

— Мы сиротъ и безъ клѣбъ! подхватывалъ хозяинъ.

— Вспороть, вспороть, вспороть! заливалась Елена Ивановна, вдѣпившись въ сюртукъ нѣмца.

— Онъ дразнилъ крокодилъ,—зачѣмъ вашъ мужъ дразнилъ крокодилъ! кричалъ, отбиваясь, нѣмецъ,—ви заплатить, если Карльхенъ вирдъ лопаль,—дасъ варъ мейнъ зонъ, дасъ варъ мейнъ айнцигеръ зонъ!

Признаюсь, я былъ въ страшномъ негодованіи, видя такой эгоизмъ заѣзжаго нѣмца и сухость сердца въ его растрепанной муттеръ; тѣмъ не менѣе, безпрерывно повторяемые крики Елены Ивановны: „вспороть, вспороть!“ еще болѣе возбуждали мое безпокойство и увлекли, наконецъ, все мое вниманіе, такъ что я даже испугался... Скажу заранѣе—странныя сіи восклицанія были поняты мною совершенно превратно: мнѣ показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновеніе рассудокъ, но тѣмъ не менѣе, желая отмстить за гибель любезнаго ей Ивана Матвѣича, предлагала, въ видѣ слѣдуемаго ей удовлетворенія, наказатъ крокодила розгами. А между тѣмъ она разумѣла совсѣмъ другое. Не безъ смущенія озиралась на

дверь, началъ я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять щекотливаго слова: „вспороть“. Ибо такое ретроградное желаніе, здѣсь, въ самомъ сердцѣ Пассажа и образованнаго общества, въ двухъ шагахъ отъ той самой залы, гдѣ, можетъ-быть, въ эту самую минуту господинъ Лавровъ читалъ публичную лекцію,—не только было невозможно, но даже невысказуемо и съ минуты на минуту могло привлечь на насъ свистки образованности и карикатуры г. Степанова. Къ ужасу моему, я немедленно оказался правъ въ пугливыхъ подозрѣніяхъ моихъ: вдругъ раздвинулась занавѣсь, отдѣлявшая крокодильную отъ входной каморки, въ которой собирали четвертаки, и на порогѣ показалась фигура съ усами, съ бородой и съ фуражкой въ рукахъ, весьма сильно нагибавшаяся верхнею частью тѣла впередъ и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогомъ крокодильной, чтобъ сохранить за собой право не заплатить за входъ.

— Такое ретроградное желаніе, сударыня, сказалъ незнакомецъ, стараясь не перевалиться какъ-нибудь къ намъ и устоять за порогомъ,—не дѣлаетъ чести вашему развитію и обусловливается недостаткомъ фосфору въ вашихъ мозгахъ. Вы немедленно будете освистаны въ хроникѣ прогресса и въ сатирическихъ листкахъ нашихъ...

Но онъ не докончилъ: опомнившійся хозяинъ, съ ужасомъ увидѣвъ челоуѣка, говорящаго въ крокодильной и ничего за это не заплатившаго, съ яростію бросился на прогрессивнаго незнакомца и обоими кулаками вытолкалъ его въ шею. На минуту оба скрылись изъ глазъ нашихъ за занавѣсью, и тутъ только я, наконецъ, догадался, что вся кутерьма вышла изъ ничего; Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала,—какъ уже замѣтилъ я выше,—подвергать крокодила ретроградному и унижительному наказанію розгами, а просто-на-просто пожелала, чтобъ ему только вспороли ножомъ брюхо и такимъ образомъ освободили изъ его внутренности Ивана Матвѣича.

— Какъ! Ви хатить, чтобъ мой крокодилъ пропадиль! завопилъ вбѣжавшій опять хозяинъ,—нѣтъ, пускай вашъ мужъ сперва пропадиль, а потомъ крокодилъ!... Мейнъ фатеръ показаль крокодилъ, мейнъ гросфатеръ показаль крокодилъ, мейнъ зонъ будетъ показать крокодилъ, и я будетъ показать крокодилъ! Всѣ будутъ показать кроко-

диль. Я ганць Европа извѣстенъ, а ви не извѣстенъ ганць Европа и мнѣ платить штрафъ.

— Я, я! подхватила злобная нѣмка,—ми васъ не пускайтъ, штрафъ когда Карлъхенъ лопаль!

— Да и бесполезно вспарывать, спокойно прибавилъ я, желая отвлечь Елену Ивановну поскорѣй домой,—ибо нашъ милый Иванъ Матвѣичъ, по всей вѣроятности, парить теперъ гдѣ-нибудь въ эмпиреяхъ.

— Другъ мой, раздался въ эту минуту совершенно неожиданно голосъ Ивана Матвѣича, изумившій насъ до крайности,—другъ мой, мое мнѣніе—дѣйствовать прямо черезъ контору надзирателя, ибо нѣмецъ безъ помощи полиціи не пойметъ истины.

Эти слова, высказанныя твердо, съ вѣсомъ и выражавшія присутствіе духа необыкновенное, сначала до того изумили насъ, что мы всѣ отказались было вѣрить ушамъ нашимъ. Но, разумѣется, тотчасъ же подбѣжали къ крокодильному ящику и столько же съ благоговѣніемъ, сколько и съ недовѣрчивостью слушали несчастнаго узника. Голосъ его былъ заглушенный, тоненькій и даже крикливый, какъ будто выходившій изъ значительнаго отъ насъ отдаленія. Похоже было на то, когда какой-либо шутникъ, уходя въ другую комнату и закрывъ ротъ обыкновенной спальной подушкой, начинаетъ кричать, желая представить оставшейся въ другой комнатѣ публикѣ, какъ перекликаются два мужика въ пустынь или будучи раздѣлены между собою глубокимъ оврагомъ,—что я имѣлъ удовольствіе слышать однажды у моихъ знакомыхъ на святкахъ.

— Иванъ Матвѣичъ, другъ мой, и такъ ты живъ! лепетала Елена Ивановна.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ Иванъ Матвѣичъ,—и благодаря Всевышняго, проглоченъ безъ всякаго поврежденія. Безпокоюсь же единственно о томъ, какъ взглянетъ на сей эпизодъ начальство; ибо, получивъ билетъ за границу, угодилъ въ крокодила, что даже и неостроумно.

— Но, другъ мой, не заботься объ остроуміи; прежде всего надобно тебя отсюда какъ-нибудь выковырять, прервала Елена Ивановна.

— Ковыряйтъ! вскричалъ хозяинъ,—я не дамъ ковырять крокодилъ. Теперъ публикумъ будетъ очень больше ходиль, а я буду фүфцигъ копеекъ просиль, и Карлъхенъ перестанетъ лопаль.

— Готъ зей данкъ! подхватила хозяйка.

— Они правы, спокойно замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ,—экономическій принципъ прежде всего.

— Другъ мой! закричалъ я,—сейчасъ же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо предчувствую, что намъ однимъ этой каши не сварить.

— И я то же думаю, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ,—но безъ экономическаго вознагражденія трудно въ нашъ вѣкъ торговаго кризиса даромъ вспороть брюхо крокодилово, а между тѣмъ представляется неизбѣжный вопросъ: что возьметъ хозяинъ за своего крокодила? А съ нимъ и другой: кто заплатитъ? Ибо ты знаешь, я средствъ не имѣю...

— Развѣ въ счетъ жалованья, робко замѣтилъ я, но хозяинъ тотчасъ же меня прервалъ:

— Я не продавайть крокодилъ, я три тысячи продавайть крокодилъ, я четыре тысячи продавайть крокодилъ! Теперь публикумъ будетъ много ходилъ. Я пять тысячъ продавайть крокодилъ!

Однимъ словомъ—онъ куражился нестерпимо; корыстолюбіе и гнусная алчность радостно сіяли въ глазахъ его.

— Ёду! закричалъ я въ негодованіи.

— И я! И я тоже! Я поѣду къ самому Андрею Осипичу, я смягчу его моими слезами, заныла Елена Иванна.

— Не дѣлай этого, другъ мой, поспѣшно прервалъ ее Иванъ Матвѣичъ, ибо давно уже ревновалъ свою супругу къ Андрею Осипичу и зналъ, что она рада съѣздить поплакать передъ образованнымъ человѣкомъ, потому что слезы къ ней очень шли.—Да и тебѣ, мой другъ, не совѣтую, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—нечего ѣхать прямо съ бухты-барахты; еще что изъ этого выйдетъ. А заѣзжай-ка ты лучше сегодня, такъ, въ видѣ частнаго посѣщенія, къ Тимоѣею Семенычу, человѣкъ онъ старомодный и недалекій, но солидный и, главное—прямой. Поклонись ему отъ меня и опиши обстоятельства дѣла. Такъ какъ я долженъ ему за послѣдній ералашъ семь рублей, то передай ихъ ему при этомъ удобномъ случаѣ: это смягчитъ суроваго старика. Во всякомъ случаѣ, его совѣтъ можетъ послужить для насъ руководствомъ. А теперь уведи пока Елену Ивановну... Успокойся, другъ мой, продолжалъ онъ ей,—я усталъ отъ всѣхъ этихъ криковъ и бабихъ дразгъ и желаю немного соснуть. Здѣсь же тепло и мягко, хотя я и не успѣлъ еще осмотрѣться въ этомъ неожиданномъ для меня убѣжищѣ...

— Осмотрѣться! Развѣ тебѣ тамъ свѣтло? вскрикнула обрадованная Елена Ивановна.

— Меня окружаетъ непробудная ночь, отвѣчала бѣдный узникъ,—но я могу шупать, и, такъ сказать, осматриваться руками... Прощай же, будь спокойна и не отгазывай себѣ въ развлеченіяхъ. До завтра! Ты же, Семенъ Семенычъ, побывай ко мнѣ вечеромъ и такъ какъ ты разсѣянъ и можешь забыть, то завяжи узелокъ...

Признаюсь, я и радъ былъ уйти, потому что слишкомъ усталъ, да отчасти и наскучило. Взявъ поспѣшно подъ ручку унылую, но похорошѣвшую отъ волненія Елену Ивановну, я поскорѣе вывелъ ее изъ крокодильной.

— Вечеромъ за входъ опять четвертакъ! крикнулъ намъ вслѣдъ хозяинъ.

— О, Боже, какъ они жадны! проговорила Елена Ивановна, глядя въ каждое зеркало въ простѣнкахъ Пассажа и видимо сознавая, что она похорошѣла.

— Экономическій принципъ, отвѣчалъ я съ легкимъ волненіемъ и гордясь моею дамою передъ прохожими.

— Экономическій принципъ... протянула она симпатическимъ голоскомъ,—я ничего не поняла, что говорилъ сейчасъ Иванъ Матвѣичъ объ этомъ противномъ экономическомъ принципѣ.

— Я объясню вамъ, отвѣчалъ я, и немедленно началъ рассказывать о благодѣтельныхъ результатахъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ въ наше отечество, о чемъ прочелъ еще утромъ въ „Петербургскихъ Извѣстіяхъ“ и въ „Волосѣ“.

— Какъ это все странно! прервала она, прослушавъ нѣкоторое время,—да перестаньте же, противный; какой вы вздоръ говорите... Скажите—я очень красна?

— Вы прекрасны, а не красны! замѣтилъ я, пользуясь случаемъ сказать комплиментъ.

— Шалунъ! пролепетала она самодовольно.— Бѣдный Иванъ Матвѣичъ, прибавила она черезъ минуту, кокетливо склонивъ на плечо головку,—мнѣ, право, его жаль. Ахъ, Боже мой! вдругъ вскрикнула она,—скажите, какъ же онъ будетъ сегодня тамъ кушать и... и... какъ же онъ будетъ... если ему чего-нибудь будетъ надобно?

— Вопросъ непредвидѣнный, отвѣчалъ я, тоже озадаченный. Мнѣ по правдѣ это не приходило и въ голову, до того женщины практичнѣе насъ мужчинъ при рѣшеніи житейскихъ задачъ!

— Бѣдняжка, какъ это онъ такъ втюрился... и никакихъ развлеченій, и темно... какъ досадно, что у меня не осталось его фотографической карточки... И такъ, я теперь въ родѣ вдовы, прибавила она съ оболстительной улыбкой, очевидно, интересуясь новымъ своимъ положеніемъ,—гм!.. все-таки мнѣ его жаль!..

Однимъ словомъ—выражалась весьма понятная и естественная тоска молодой и истересной жены о погибшемъ мужѣ. Я привелъ ее, наконецъ, домой, успокоилъ и, побѣдавъ вмѣстѣ съ нею, послѣ чашки ароматнаго кофе отправился въ шесть часовъ къ Тимоѳею Семенычу, считывая, что въ этотъ часъ всѣ семейные люди опредѣленныхъ занятій сидятъ или лежатъ по домамъ.

Написавъ сію первую главу слогомъ, приличнымъ сказанному событію, я намѣренъ далѣе употреблять слогъ, хотя и не столь возвышенный, но за то болѣе натуральный, о чемъ извѣщаю заранѣе читателя.

II.

Почтенный Тимоѳей Семенычъ встрѣтилъ меня какъ-то торопливо и какъ будто немного смѣшавшись. Онъ провелъ меня въ свой тѣсный кабинетъ и плотно притворилъ дверь: „чтобы дѣти не мѣшали“, проговорилъ онъ съ видимымъ безпокойствомъ. Затѣмъ посадилъ меня на стулъ у письменнаго стола, самъ сѣлъ въ кресла, запахнулъ полы своего стараго ватнаго халата и принялъ, на всякій случай, какой-то офиціальныи, даже почти строгій видъ, хотя вовсе не былъ моимъ или Ивана Матвѣича начальникомъ, а считался до сихъ поръ обыкновеннымъ сослуживцемъ и даже знакомымъ.

— Прежде всего, началъ онъ,—возьмите во вниманіе, что я не начальство, а такой же точно подначальныи человекъ, какъ и вы, какъ и Иванъ Матвѣичъ... Я сторона и ввязываться ни во что не намѣренъ.

Я удивился, что, повидимому, онъ уже все это знаетъ. Несмотря на то, рассказалъ ему вновь всю исторію съ подробностями. Говорилъ я даже съ волненіемъ, ибо исполнялъ въ эту минуту обязанность истиннаго друга. Онъ выслушалъ безъ особаго удивленія, но съ явнымъ признакомъ подозрительности.

— Представьте, сказалъ онъ, выслушавъ,—я всегда полагалъ, что съ нимъ непремѣнно это случится.

— Почему же-съ, Тимошей Семенычъ, случай самъ по себѣ весьма необыкновенный-съ...

— Согласенъ. Но Иванъ Матвѣичъ во все теченіе службы своей именно клонилъ къ такому результату. Притокъ-съ, заносчивъ даже. Все „прогрессъ“ да разныя идеи-съ, а вотъ куда прогрессъ-то приводитъ!

— Но вѣдь это случай самый необыкновенный, и общимъ правиломъ для всѣхъ прогрессистовъ его никакъ нельзя положить...

— Нѣтъ, ужъ это такъ-съ. Это, видите-ли, отъ излишней образованности происходитъ, повѣрьте мнѣ-съ. Ибо люди излишне образованные лѣзутъ во всякое мѣсто-съ и преимущественно туда, гдѣ ихъ вовсе не спрашиваютъ. Впрочемъ, можетъ, вы больше знаете, прибавилъ онъ, какъ бы обижаясь.—Я человекъ не столь образованный и старый; съ солдатскихъ дѣтей началъ и службѣ моей пятидесятилѣтній юбилей сего года пошелъ-съ.

— О, нѣтъ, Тимошей Семенычъ, помилуйте. Напротивъ, Иванъ Матвѣичъ жаждетъ вашего совѣта, руководства вашего жаждетъ. Даже, такъ сказать, со слезами-съ.

— „Такъ сказать, со слезами-съ“. Гм! Ну, это слезы крокодиловы и имъ не совсѣмъ можно вѣрить. Ну, зачѣмъ, скажите, потянуло его за границу? Да и на какія деньги? Вѣдь онъ и средствъ не имѣетъ.

— На скопленное, Тимошей Семенычъ, изъ послѣднихъ наградныхъ, отвѣчалъ я жалобно.—Всего на три мѣсяца хотѣлъ съѣздить,—въ Швейцарію... на родину Вильгельма Теля.

— Вильгельма Теля? Гм!

— Въ Неаполѣ встрѣтитъ весну хотѣлъ-съ. Осмотрѣть музей, нравы, животныхъ...

— Гм! Животныхъ? А по-моему такъ просто изъ гордости. Какихъ животныхъ? Животныхъ! Развѣ у насъ мало животныхъ? Есть звѣринцы, музеи, верблюды. Медвѣди подъ самымъ Петербургомъ живутъ. Да вотъ онъ и самъ засѣлъ въ крокодилъ...

— Тимошей Семенычъ, помилуйте, человекъ въ несчастіи, человекъ прибѣгаетъ какъ къ другу, какъ къ старшему родственнику, совѣта жаждетъ, а вы—укоряете... Пожалѣйте хоть несчастную Елену Ивановну!

— Это вы про супругу-съ? Интересная дамочка, проговорилъ Тимошей Семенычъ, видимо смягчаясь и съ аппетитомъ нюхнувъ табаку.— Особа сублильная. И какъ

полна, и головку все такъ на бочокъ, на бочокъ... Очень приятно-сь. Андрей Осипычъ еще третьяго дня упоминаль.

— Упоминаль?

— Упоминаль-сь, и въ выраженіяхъ весьма лестныхъ. Бюсть, говоритъ, взглядъ, прическа... Конфетка, говоритъ, а не дамочка, и тутъ же засмѣялись. Молодые они еще люди.—Тимоѳей Семенычъ съ трескомъ высморкался.— А между тѣмъ вотъ и молодой человѣкъ, а какую карьеру себѣ составляютъ-сь...

— Да вѣдь тутъ совсѣмъ другое, Тимоѳей Семенычъ!

— Конечно, конечно-сь.

— Такъ какъ же, Тимоѳей Семенычъ?

— Да что же я-то могу сдѣлать?

— Посовѣтуйте-сь, руководите, какъ опытный человѣкъ, какъ родственникъ! Чтò предпринять? Идти-ли по начальству или...

— По начальству? Отнюдь нѣтъ-сь, торопливо произнесъ Тимоѳей Семенычъ.—Если хотите совѣта, то прежде всего надо это дѣло замять и дѣйствовать, такъ сказать, въ видѣ частнаго лица. Случай подозрительный-сь, да и небывалый. Главное, несывалый, примѣра не было-сь, да и плохо рекомендующій... Поэтому осторожность прежде всего... Пусть ужъ тамъ себѣ полежитъ. Надо выждать, выждать...

— Да какъ же выждать, Тимоѳей Семенычъ? Ну, чтò если онъ тамъ задохнется?

— Да почему же-сь? Вѣдь вы, кажется, говорили, что онъ даже съ довольнымъ комфортомъ устроился?

Я рассказалъ все опять. Тимоѳей Семенычъ задумался.

— Гм! проговорилъ онъ, вертя табакерку въ рукахъ,— по-моему даже и хорошо, что онъ тамъ на время полежитъ, вмѣсто заграницы-то-сь. Пусть на досугѣ подумаетъ; разумѣется, задохаться не надо, и потому надо взять надлежащія мѣры для сохраненія здоровья: ну, тамъ, остерегаться кашля и прочаго... А что касается нѣмца, то, по моему личному мнѣнію, онъ въ своемъ правѣ, и даже болѣе другой стороны, потому что въ *его* крокодила влѣзли безъ спросу, а не *онъ* влѣзъ безъ спросу въ крокодила Ивана Матвѣичева, у котораго, впрочемъ, сколько я запомню, и не было своего крокодила. Ну-сь, а крокодилъ составляетъ собственность, стало-быть, безъ вознагражденія его взрѣзать нельзя-сь.

— Для спасенія челоуѣчества, Тимоѳеѣ Семенычъ.

— Ну, ужъ, это дѣло полици-сь. Туда и слѣдуетъ от-
несть.

— Да вѣдь Иванъ Матвѣичъ можетъ и у насъ пона-
добиться. Его могутъ потребовать-сь.

— Иванъ-то Матвѣичъ понадобится? Хе-хе! Къ тому же
вѣдь онъ считается въ отпуску, стало-быть, мы можемъ
и игнорировать, а онъ пусть осматриваетъ тамъ европей-
скія земли. Другое дѣло, если онъ послѣ срока не явится,
ну, тогда и спросимъ, справки наведемъ...

— Три-то мѣсяца! Тимоѳеѣ Семенычъ, помилуйте!

— Самъ виновать-сь. Ну, кто его туда соваль? Этакъ,
пожалуй, придется ему казенную няньку нанять-сь, а
этого и по штату не полагается. А главное — крокодилъ
есть собственность, стало-быть, тутъ уже такъ-называе-
мый экономическій принципъ въ дѣйстви. А экономиче-
скій принципъ прежде всего-сь. Еще третьяго дня у
Луки Андреича на вечерѣ Игнатій Прокофѣичъ говорилъ.
Игнатія Прокофѣича знаете? Капиталистъ, при дѣлахъ-сь,
и, знаете, складно такъ говоритъ: „Намъ нужна, говоритъ,
промышленность, промышленности у насъ мало. Надо ее
родить. Надо капиталы родить, значить, среднее сословіе,
такъ-называемую буржуазію надо родить. А такъ какъ
нѣтъ у насъ капиталовъ, значить, надо ихъ изъ-за гра-
ницы привлечь. Надо, во-первыхъ, дать ходъ иностран-
нымъ компаніямъ для скупки по участкамъ нашихъ зе-
мель, какъ вездѣ утверждено теперь за границей. Общин-
ная собственность — ядъ, говоритъ, гибель!“ И, знаете, съ
жаромъ такъ говоритъ; ну, имъ прилично: люди капиталъ-
ные... да и не служащіе. „Съ общиной, говоритъ, ни про-
мышленность, ни земледѣліе не возвысятъ. Надо, говоритъ,
чтобъ иностранныя компаніи скупили по возможности всю
нашу землю по частямъ, а потомъ дробить, дробить, дро-
бить какъ можно въ мелкіе участки, и, знаете, — рѣши-
тельно такъ произносить: др-р-р-обить, говоритъ, а по-
томъ и продавать въ личную собственность. Да и не про-
давать, а просто арендовать. Когда, говоритъ, вся земля
будетъ у привлеченныхъ иностранныхъ компаній въ ру-
кахъ, тогда, значить, можно какую угодно цѣну на аренду
назначить. Стало-быть, мужикъ будетъ работать уже втрое,
изъ одного насущнаго хлѣба, и его можно когда угодно
согнать. Значить, онъ будетъ чувствовать, будетъ поко-
рень, прилежень и втрое за ту же цѣну выработаетъ. А

теперь въ общинѣ что ему! Знаеть, что съ голоду не помереть, ну, и лѣнится, и пьянствуетъ. А межъ тѣмъ къ намъ и деньги привлекутся, и капиталы заведутся, и буржуазія пойдетъ. Вонъ и англійская политическая и литературная газета Теймсъ, разбирая наши финансы, отзывалась намеренно, что потому и не растутъ наши финансы, что средняго сословія нѣтъ у насъ, кошель большихъ нѣтъ, пролетаріевъ услужливыхъ нѣтъ...“ Хорошо говоритъ Игнатій Прокофьичъ. Ораторъ-съ. Самъ по начальству отзывъ хочетъ подать и потомъ въ „Извѣстіяхъ“ напечатать. Это ужъ не стихки, подобно Ивану Матвѣичу...

— Такъ какъ же Иванъ-то Матвѣичъ? ввернулъ я, да въ поболтать старику.

Тимоей Семенычъ любилъ иногда поболтать и тѣмъ показать, что и онъ не отсталъ, и все это знаетъ.

— Иванъ-то Матвѣичъ какъ-съ? Такъ вѣдь я къ тому и клоню-съ. Сами же мы вотъ хлопочемъ о привлеченіи иностранныхъ капиталовъ въ отечество, а вотъ посудите, едва только капиталъ привлеченнаго крокодилщика удвоился черезъ Ивана Матвѣича, а мы, чѣмъ бы протезировать иностраннаго собственника, напротивъ, стараемся самому-то основному капиталу брюхо вспоротъ. Ну, подобно-ли это? По-моему, Иванъ Матвѣичъ, какъ истинный сынъ отечества, долженъ еще радоваться и гордиться тѣмъ, что собою цѣнность иностраннаго крокодила удвоилъ, а, пожалуй, еще и утроилъ. Это для привлеченія надобно-съ. Удастся одному, смотришь, и другой съ крокодиломъ пріѣдетъ, а третій ужъ двухъ и трехъ за-разъ привезетъ, а около нихъ капиталы группируются. Вотъ и буржуазія. Надобно поощрять-съ.

— Помилуйте, Тимоей Семенычъ! вскричалъ я, — да вы требуете почти неестественнаго самоотверженія отъ бѣднаго Ивана Матвѣича!

— Ничего я не требую-съ, и прежде всего прошу васъ, — какъ уже и прежде просилъ, — сообразить, что я не начальство и, стало-быть, требовать ни отъ кого и ничего не могу. Какъ сынъ отечества говорю, то-есть говорю не какъ „Сынъ Отечества“, а просто какъ сынъ отечества говорю. Опять-таки кто-жъ велѣлъ ему лѣзть въ крокодила? Человѣкъ солидный, человѣкъ извѣстнаго чина, состоящій въ законномъ бракѣ, и вдругъ — такой шагъ! Сообразно-ли это?

— Но вѣдь этотъ шагъ случился нечаянно-съ.

— А кто его знаетъ? И притомъ изъ какихъ суммъ заплатить крокодилщику, скажите-ка?

— Развѣ въ счетъ жалованья, Тимоѳеѣ Семенычъ?

— Достанетъ-ли-съ?

— Недостанетъ, Тимоѳеѣ Семенычъ, отвѣчалъ я съ грустію.—Крокодилщикъ сначала испугался, что лопнетъ крокодилъ, а потомъ, какъ убѣдился, что все благополучно, заважничалъ и обрадовался, что можетъ цѣну удвоить.

— Утроить, учетверить развѣ! Публика теперь прихлынетъ, а крокодилщики ловкій народъ. Къ тому же и мясоѣдъ, склонность къ увеселеніямъ и потому, — повторяю,—прежде всего пусть Иванъ Матвѣичъ наблюдаетъ инкогнито, пусть не торопится. Пусть всѣ, пожалуй, знаютъ, что онъ въ крокодилѣ, но не знаютъ официально. Въ этомъ отношеніи Иванъ Матвѣичъ находится даже въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что числится за границей. Скажутъ, что въ крокодилѣ, а мы и не повѣримъ. Это можно такъ подвести. Главное — пусть выжидаетъ; да и куда ему спѣшить?

— Ну, а если..

— Не безпокойтесь, сложенія плотнаго-съ...

— Ну, а потомъ, когда выждетъ?

— Ну-съ, не скрою отъ васъ, что случай до крайности казусный. Сообразиться нельзя-съ, и, главное, то вредить, что не было до сихъ поръ примѣра подобнаго. Будь у насъ примѣръ, еще можно бы какъ-нибудь руководствоваться. А то какъ тутъ рѣшить? Станешь соображать, а дѣло затянется.

Счастливая мысль блеснула у меня въ головѣ.

— Нельзя-ли устроить такъ-съ, сказалъ я, — что ужъ если суждено ему оставаться въ нѣдрахъ чудовища и, волею Провидѣнія, сохранится его животь, нельзя-ли подать ему прошеніе о томъ, чтобы числиться по службѣ?

— Гм!.. развѣ въ видѣ отпуска и безъ жалованья...

— Нѣтъ-съ, нельзя-ли съ жалованьемъ-съ?

— На какомъ же основаніи?

— Въ видѣ командировки...

— Какой и куда?

— Да въ нѣдра же, въ крокодиловы нѣдра... Такъ сказать, для справокъ, для изученія фактовъ на мѣстѣ. Конечно, это будетъ ново, но вѣдь это прогрессивно и въ то же время покажетъ заботливость о просвѣщеніи-съ...

Тимоѳеѣ Семенычъ задумался.

— Командировать особаго чиновника, сказали онъ, наконецъ, — въ нѣдра крокодила, для особыхъ порученій, по моему личному мнѣнію, — нелѣпо-сь. По штату не полагается. Да и какія могутъ быть туда порученія?

— Да для естественнаго, такъ сказать, изученія природы на мѣстѣ, въ живьѣ-сь. Нынче все пошли естественныя науки-сь, ботаника... Онъ бы тамъ жилъ и общалъ-сь... Ну, тамъ о пищевареніи или просто о нравахъ. Для скопленія фактовъ-сь.

— То-есть это по части статистики. Ну, въ этомъ я не силенъ, да и не философъ. Вы говорите: факты,—мы и безъ того завалены фактами и не знаемъ, что съ ними дѣлать. Притомъ же эта статистика опасна...

— Чѣмъ же-сь?

— Опасна-сь. И къ тому-жь, согласитесь, онъ будетъ сообщать факты, такъ сказать, лежа на боку. А развѣ можно служить, лежа на боку? Это ужъ опять нововведеніе, и притомъ опасное-сь; и опять-таки примѣра такого не было. Вотъ если бъ намъ хоть какой-нибудь примѣрчикъ, такъ, по моему мнѣнію, пожалуй, и можно бы командировать.

— Но вѣдь и крокодиловъ живыхъ не привозили до сихъ поръ, Тимошей Семенычъ.

— Гм! Да... Онъ опять задумался.—Если хотите, это возраженіе ваше справедливо и даже могло бы служить основаніемъ къ дальнѣйшему производству дѣла. Но опять возьмите и то, что если съ появленіемъ живыхъ крокодиловъ начнутъ исчезать служащіе и потомъ, на основаніи того, что тамъ тепло и мягко, будутъ требовать туда командировокъ, а потомъ лежать на боку... согласитесь сами—дурной примѣръ-сь. Вѣдь такъ, пожалуй, всякій туда полѣзетъ даромъ деньги-то брать.

— Порадѣйте, Тимошей Семенычъ! Кстати-сь: Иванъ Матвѣичъ просилъ передать вамъ карточный должокъ, семь рублей, въ ералашъ-сь.

— Ахъ, это онъ проигралъ намедни, у Никифору Никифору! Помню-сь. И какъ онъ тогда былъ веселъ, смѣшиль, и вотъ!..

Старикъ былъ искренно тронутъ.

— Порадѣйте, Тимошей Семенычъ.

— Похлопочу-сь. Отъ своего лица поговорю, частнымъ образомъ, въ видѣ справки. А, впрочемъ, разузнайте-ка

такъ, неофициально, со стороны, какую именно цѣну согласился бы взять хозяинъ за своего крокодила?

Тимоѳей Семенычъ видимо подобрѣлъ.

— Непремѣнно-съ, отвѣчалъ я,—и тотчасъ же явлюсь къ вамъ съ отчетомъ.

— Супруга-то... одна теперь? Скучаетъ?

— Вы бы навѣстили, Тимоѳей Семенычъ.

— Навѣщу-съ, я еще давеча подумалъ, да и случай удобный... И зачѣмъ, зачѣмъ это его дергало смотрѣть крокодила! А, впрочемъ, я бы и самъ желалъ посмотреть.

— Навѣстите-ка бѣднаго, Тимоѳей Семенычъ.

— Навѣщу-съ. Конечно, я этимъ шагомъ моимъ не хочу обнадеживать. Я прибуду какъ частное лицо... Ну-съ, до свиданія, я вѣдь опять къ Никифоръ Никифорычу; будете?

— Нѣтъ-съ, я къ узнику.

— Да-съ, вотъ теперь и къ узнику!.. Э-эхъ, легкомыслие!

Я распростился со старикомъ. Разнообразныя мысли ходили въ моей головѣ. Добрый и честнѣйшій человекъ Тимоѳей Семенычъ, а, выходя отъ него, я, однако, порадовался, что ему былъ уже пятидесятилѣтній юбилей и что Тимоѳеи Семенычи у насъ теперь рѣдкость. Разумѣется, я тотчасъ полетѣлъ въ Пассаждъ обо всемъ сообщить бѣдняжкѣ Ивану Матвѣичу. Да и любопытство разбирало меня: какъ онъ тамъ устроился въ крокодилѣ и какъ это можно жить въ крокодилѣ? Да и можно-ли дѣйствительно жить въ крокодилѣ? Порой мнѣ, право, казалось, что все это какой-то чудовищный сонъ, тѣмъ болѣе, что и дѣло-то шло о чудовищѣ...

III.

И, однакожь, это былъ не сонъ, а настоящая, несомнѣнная дѣйствительность. Иначе,—сталь-ли бы я и рассказывать! Но продолжаю...

Въ Пассаждъ я попалъ уже поздно, около девяти часовъ, и въ крокодильную принужденъ былъ войти съ задняго хода, потому что нѣмецъ заперъ магазинъ на этотъ разъ ранѣе обыкновеннаго. Онъ расхаживалъ по-домашнему въ какомъ-то засалепномъ старомъ сюртучишкѣ, но самъ еще втрое довольнѣе, чѣмъ давеча утромъ. Видно было, что онъ уже ничего не боится и что „публикумъ много ходилъ“. Муттеръ вышла уже потомъ, очевидно, затѣмъ,

чтобы слѣдить за мной. Нѣмецъ съ муттеръ часто перешептывались. Несмотря на то, что магазинъ былъ уже запертъ, онъ все-таки взялъ съ меня четвертакъ. И что за ненужная аккуратность!

— Ви каждый разъ будетъ платиль; публикумъ будетъ рубль платиль, а ви одинъ четвертакъ, ибо ви добры друкъ вашего добры друкъ, а я почитаю друкъ...

— Живъ-ли, живъ-ли образованный другъ мой! громко вскричалъ я, подходя къ крокодилу и надѣясь, что слова мои еще издали достигнутъ Ивана Матвѣича и польстятъ его самолюбію.

— Живъ и здоровъ, отвѣчалъ онъ, какъ будто издали или какъ бы изъ-подъ кровати, хотя я стоялъ подлѣ него,—живъ и здоровъ, но объ этомъ послѣ... Какъ дѣла?

Какъ бы нарочно не разслышавъ вопроса, я было началъ съ участіемъ и поспѣшностью самъ его распрашивать: какъ онъ, что онъ, и каково въ крокодилѣ, и что такое вообще внутри крокодила? Это требовалось и дружествомъ, и обыкновенною вѣжливостью. Но онъ капризно и съ досадою перебилъ меня.

— Какъ дѣла? прокричалъ онъ, по обыкновенію мною командуя, своимъ визгливымъ голосомъ, чрезвычайно на этотъ разъ отвратительнымъ.

Я рассказалъ всю мою бесѣду съ Тимооеемъ Семенычемъ до послѣдней подробности. Рассказывая, я старался выказать нѣсколько обиженный тонъ.

— Старикъ правъ, рѣшилъ Иванъ Матвѣичъ такъ же рѣзко, какъ и по всегдашнему обыкновенію своему въ разговорахъ со мной.—Практическихъ людей люблю и не терплю сладкихъ мямлей. Готовъ, однако, сознаться, что и твоя идея насчетъ командировки не совершенно нелѣпа. Дѣйствительно, многое могу сообщить и въ научномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Но теперь это все принимаетъ новый и неожиданный видъ и не стоить хлопотать изъ одного только жалованья. Слушай внимательно. Ты сидишь?

— Нѣтъ, стою.

— Садись на что-нибудь, ну, хоть на полъ, и слушай внимательно.

Со злобою взялъ я стулъ и въ сердцахъ, устанавливая, стукнулъ имъ объ полъ.

— Слушай, началъ онъ повелительно,—публики сего-

дня приходило цѣлая бездна. Къ вечеру не хватило мѣста и для порядка явилась полиція. Въ восемь часовъ, т. е. ранѣе обыкновеннаго, хозяинъ нашель даже нужнымъ запереть магазинъ и прекратить представленіе, чтобъ сосчитать привлеченныя деньги и удобнѣе приготовиться къ завтраму. Знаю, что завтра соберется цѣлая ярмарка. Такимъ образомъ, надо полагать, что всѣ образованнѣйшіе люди столицы, дамы высшаго общества, иноземные посланники, юристы и проч. здѣсь перебиваются. Мало того: стануть набѣзжать изъ многостороннихъ провинцій нашей обширной и любопытной имперіи. Въ результатѣ—я у всѣхъ на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Стану поучать праздную толпу. Наученный опытомъ, представлю изъ себя примѣръ величія и смиренія передъ судьбою! Буду, такъ сказать, каедрой, съ которой начну поучать человѣчество. Даже одни естественно-научныя свѣдѣнія, которыя могу сообщить объ обитаемомъ мною чудовищѣ,—драгоцѣнны. И потому не только не ропщу на давешній случай, но твердо надѣюсь на блистательнѣйшую изъ карьеръ.

— Не наскучило бы? замѣтилъ я ядовито.

Всего болѣе обозлило меня то, что онъ почти уже совсѣмъ пересталъ употреблять личныя мѣстоименія,—до того заважничалъ. Тѣмъ не менѣе, все это меня сбило съ толку. „Съ чего, съ чего эта легкомысленная башка куражится!“ скрежеталъ я шопотомъ про себя. „Тутъ надо плакать, а не куражиться“.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ рѣзко на мое замѣчаніе,—ибо весь проникнуть великими идеями, только теперь могу на досугѣ мечтать объ улучшеніи судьбы всего человѣчества. Изъ крокодила выйдетъ теперь правда и свѣтъ. Несомнѣнно изобрѣту новую собственную теорію новыхъ экономическихъ отношеній и буду гордиться ею—чего доселѣ не могъ за недосугомъ по службѣ и въ пошлыхъ развлеченияхъ свѣта. Опровергну все и буду новый Фурье. Кстати: отдалъ семь рублей Тимоѣю Семенычу?

— Изъ своихъ, отвѣтилъ я, стараясь выразить голосомъ, что заплатилъ изъ своихъ.

— Сочтемся, отвѣтилъ онъ высокомерно.—Прибавки оклада жду всенепремѣнно, ибо кому же и прибавлять, какъ не мнѣ? Польза отъ меня теперь безконечная. Но къ дѣлу. Жена?

— Ты вѣроятно спрашиваешь объ Еленѣ Ивановнѣ?

— Жена?! закричалъ онъ даже съ какимъ-то на этотъ разъ визгомъ.

Нечего было дѣлать! Смиренно, но опять-таки скрежеща зубами, рассказалъ я, какъ оставилъ Елену Ивановну. Онъ даже и не дослушалъ.

— Имѣю на нее особые виды, началъ онъ нетерпѣливо. — Если буду знаменитъ *здѣсь*, то хочу, чтобъ она была знаменита *тамъ*. Ученые, поэты, философы, заѣзжіе минералоги, государственные мужи, послѣ утренней бесѣды со мной, будутъ посѣщать по вечерамъ ея салонъ. Съ будущей недѣли у нея должны начаться каждый вечеръ салоны. Удвоенный окладъ будетъ давать средства къ приѣму, а такъ какъ приѣмъ долженъ ограничиваться однимъ чаемъ и нанятыми лакеями, то и дѣлу конецъ. И здѣсь, и тамъ будутъ говорить обо мнѣ. Давно жаждалъ случая, чтобъ всѣ говорили обо мнѣ, но не могъ достигнуть, скованный малымъ значеніемъ и недостаточнымъ чиномъ. Теперь же все это достигнуто какимъ-нибудь самымъ обыкновеннымъ глоткомъ крокодила. Каждое слово мое будетъ выслушиваться, каждое изреченіе обдумываться, передаваться, печататься. И я задамъ себя знать! Поймутъ, наконецъ, какимъ способностямъ дали исчезнуть въ нѣдрахъ чудовища. „Этотъ человѣкъ могъ быть иностраннымъ министромъ и управлять королевствомъ“, скажутъ одни. „И этотъ человѣкъ не управлялъ иностраннымъ королевствомъ“, скажутъ другіе. Ну, чѣмъ, ну, чѣмъ я хуже какого-нибудь Гарнье-Пажесишки или какъ ихъ тамъ?.. Жена должна составлять мнѣ пандавъ — у меня умъ, у нея красота и любезность. „Она прекрасна, потому и жена его“, скажутъ одни. „Она прекрасна, потому что жена его“, поправятъ другіе. На всякій случай пусть Елена Ивановна завтра же купить энциклопедическій словарь, издававшійся подъ редакціей Андрея Краевского, чтобъ умѣть говорить обо всѣхъ предметахъ. Чаще же всего пусть читаетъ преміер-политикъ „С.-Петербургскихъ Извѣстій“, свѣряя каждодневно съ „Волосомъ“. Полагаю, что хозяинъ согласится иногда приносить и меня, вмѣстѣ съ крокодилкомъ, въ блестящій салонъ жены моей. Я буду стоять въ ящикѣ среди великолѣпной гостиной и буду сыпать островами, которыя подберу еще съ утра. Государственному мужу сообщу мои проекты; съ поэтомъ буду говорить въ приѣму; съ дамами буду забавень и нравственно милъ, — такъ какъ вполне безопасень для ихъ

супруговъ. Всѣмъ остальнымъ буду служить примѣромъ покорности судьбѣ и волѣ Провидѣнія. Жену сдѣлаю блестящею литературною дамою; я ее выдвину впередъ и объясню ее публикѣ; какъ жена моя, она должна быть полна величайшихъ достоинствъ, и если справедливо называютъ Андрея Александровича нашимъ русскимъ Альфредомъ де-Мюссе, то еще справедливѣе будетъ, когда назовутъ ее нашей русской Евгеніей Туръ.

Признаюсь, хотя вся эта дичь и походила нѣсколько на всегдашняго Ивана Матвѣича, но мнѣ все-таки пришло въ голову, что онъ теперь въ горячкѣ и бредитъ. Это былъ все тотъ же обыкновенный и ежедневный Иванъ Матвѣичъ, но наблюдаемый въ стекло въ двадцать разъ увеличивающее.

— Другъ мой, спросилъ я его, — надѣнешься-ли ты на долговѣчность? И, вообще, скажи: здоровъ-ли ты? Какъ ты ѣшь, какъ ты спишь, какъ ты дышишь? Я другъ тебѣ, и согласись, что случай слишкомъ сверхъестественный, а слѣдственно любопытство мое слишкомъ естественно.

— Праздное любопытство и больше ничего, отвѣчалъ онъ сентенціозно, — но ты будешь удовлетворенъ. Спрашиваешь, какъ устроился я въ нѣдрахъ чудовища? Во-первыхъ, крокодилъ, къ удивленію моему, оказался совершенно пустой. Внутренность его состоитъ какъ бы изъ огромнаго пустого мѣшка, сдѣланнаго изъ резинки, въ родѣ тѣхъ резиновыхъ издѣлій, которыя распространены у насъ въ Гороховой, въ Морской и, если не ошибаюсь, на Вознесенскомъ проспектѣ. Иначе, сообрази, могъ-ли бы я въ немъ помѣститься?

— Возможно-ли! вскричалъ я въ понятномъ изумленіи. — Неужели крокодилъ совершенно пустой?

— Совершенно, строго и внушительно подтвердилъ Иванъ Матвѣичъ. — И по всей вѣроятности, онъ устроенъ такъ по законамъ самой природы. Крокодилъ обладаетъ только пастью, снабженною острыми зубами, и добавокъ къ пасти — значительно длиннымъ хвостомъ, — вотъ и все, по-настоящему. Въ серединѣ же между сими двумя его оконечностями находится пустое пространство, обнесенное чѣмъ-то въ родѣ каучука, вѣроятнѣе же всего, дѣйствительно каучукомъ.

— А ребра, а желудокъ, а кишки, а печень, а сердце? прервалъ я даже со злобою.

— Н-ничего, совершенно ничего этого нѣтъ и вѣро-

ятно никогда не бывало. Все это—праздная фантазія легкомысленныхъ путешественниковъ. Подобно тому, какъ надувають геморoidalную подушку, такъ и я надуваю теперь собой крокодила. Онъ растяжимъ до невѣроятности. Даже ты, въ качествѣ домашняго друга, могъ бы помѣститься со мной рядомъ, если-бъ обладалъ великодушіемъ,—и даже съ тобой еще достало бы мѣста. Я даже думаю, въ крайнемъ случаѣ, выписать сюда Елену Ивановну. Впрочемъ, подобное пустопорожнее устройство крокодила совершенно согласно съ естественными науками. Ибо, положимъ, напримѣръ, тебѣ дано устроить новаго крокодила,—тебѣ естественно представляется вопросъ: какое основное свойство крокодилово? Отвѣтъ ясенъ: глотать людей. — Какъ же достигнуть устройствомъ крокодила, чтобъ онъ глоталъ людей? Отвѣтъ еще яснѣе: устроивъ его пустымъ. Давно уже рѣшено физикой, что природа не терпитъ пустоты. Подобно сему и внутренность крокодилова должна именно быть пустою, чтобъ не терпѣть пустоты, а слѣдственно глотать и наполняться всѣмъ, что только есть подъ рукою. И вотъ единственная разумная причина, почему всѣ крокодилы глотають нашего брата. Не такъ въ устройствѣ человѣческомъ: чѣмъ пустѣе, напримѣръ, голова человѣческая, тѣмъ менѣе она ощущаетъ жажды наполниться, и это единственно исключеніе изъ общаго правила. Все это мнѣ теперь ясно какъ день, все это я постигъ собственнымъ умомъ и опытомъ, находясь, такъ сказать, въ нѣдрахъ природы, въ ея репортѣ, прислушиваясь къ біенію пульса ея. Даже этимологія согласна со мною, ибо самое названіе крокодилъ означаетъ прескорливость. Крокодилъ, *Crocodylus*, — есть слово очевидно итальянское, современное, можетъ-быть, древнимъ фараонамъ египетскимъ, и очевидно происходящее отъ французскаго корня *croquer*, что означаетъ съѣсть, скушать и вообще употребить въ пищу. Все это я намѣренъ прочесть въ видѣ первой лекціи публикѣ, собравшейся въ салонѣ Елены Ивановны, когда меня принесутъ туда въ ящикѣ.

— Другъ мой, не принять-ли тебѣ теперь хоть слабительнаго! вскричалъ я невольно.

„У него жаръ, жаръ, онъ въ жару!“ повторялъ я про себя въ ужасѣ.

— Вздоръ! отвѣчалъ онъ презрительно,—и къ тому же въ теперешнемъ положеніи моемъ это совсѣмъ неудобно.

Впрочемъ, я отчасти зналъ, что ты заговоришь о слабительномъ.

— Но, другъ мой, а какъ... какъ же ты теперь употребляешь пищу? Обѣдалъ ты сегодня или нѣтъ?

— Нѣтъ, но сытъ и, вѣроятно все, теперь уже никогда не буду употреблять пищи. И это тоже совершенно понятно: наполняя собою всю внутренность крокодилову, я дѣлаю его навсегда сытымъ. Теперь его можно не кормить нѣсколько лѣтъ. Съ другой стороны,—сытый мною, онъ естественно сообщитъ и мнѣ всѣ жизненные соки изъ своего тѣла; это въ родѣ того, какъ нѣкоторыя утонченныя кокетки обкладываютъ себя и всѣ свои формы на ночь сырыми котлетами и потомъ, принявъ утреннюю ванну, становятся свѣжими, упругими, сочными и обольстительными. Такимъ образомъ, питаю собою крокодила, я, обратно, получаю и отъ него питаніе; слѣдовательно—мы взаимно кормимъ другъ друга. Но такъ какъ трудно, даже и крокодилу, переваривать такого человѣка, какъ я, то ужъ, разумѣется, онъ долженъ при этомъ ощущать нѣкоторую тяжесть въ желудкѣ, — котораго, впрочемъ, у него нѣтъ,—и вотъ почему, чтобъ не доставить излишней боли чудовищу, я рѣдко ворочаюсь съ бока на бокъ, и хотя бы и могъ ворочаться, но не дѣлаю сего изъ гуманности. Это единственный недостатокъ теперешняго моего положенія, и въ аллегорическомъ смыслѣ Тимоѣей Семеновичъ справедливъ, называя меня лежебокой. Но я докажу, что и лежа на боку,—мало того,—что только лежа на боку и можно перевернуть судьбу человѣчества. Всѣ великія идеи и направленія нашихъ газетъ и журналовъ очевидно произведены лежебоками; вотъ почему и называютъ ихъ идеями кабинетными, но наплевать, что такъ называютъ! Я изобрѣту теперь цѣлую специальную систему и—ты не повѣришь—какъ это легко! Стоитъ только уединиться куда-нибудь подальше въ уголъ или хоть поцастъ въ крокодила, закрыть глаза и тотчасъ же изобрѣтешь цѣлый рай для всего человѣчества. Давеча, какъ вы ушли, я тотчасъ же принялся изобрѣтать и изобрѣлъ уже три системы, теперь изготавляю четвертую. Правда, сначала надо все опровергнуть; но изъ крокодила такъ легко опровергать; мало того, изъ крокодила какъ будто все это виднѣе становится... Впрочемъ, въ моемъ положеніи существуютъ и еще недостатки, хотя и мелкіе: внутри крокодила нѣсколько сыро и какъ будто покрыто

слизью, да сверхъ того еще нѣсколько пахнетъ резинкой, точь-въ-точь какъ отъ моихъ прошлогоднихъ калошъ. Вотъ и все, болѣе нѣтъ никакихъ недостатковъ.

— Иванъ Матвѣичъ, прервалъ я,—все это чудеса, которыми я едва могу вѣрить. И неужели, неужели ты всю жизнь не намѣренъ обѣдать?

— О какомъ вздорѣ заботишься ты, безпечная, праздная голова! Я тебѣ о великихъ идеяхъ рассказываю, а ты... Знай же, что я сытъ уже однѣми великими идеями, озарившими ночь, меня окружившую. Впрочемъ, добродушный хозяинъ чудовища, сговорившись съ добрѣйшею муттеръ, рѣшили давеча промежь себя, что будутъ каждое утро просовывать въ пасть крокодила изогнутую металлическую трубочку, въ родѣ дудочки, черезъ которую я бы могъ втягивать въ себя кофе или бульонъ съ размоченнымъ въ немъ бѣлымъ хлѣбомъ. Дудочка уже заказана по сосѣдству, но полагаю, что это излишняя роскошь. Прожить же надѣюсь, по крайней мѣрѣ, тысячу лѣтъ, если справедливо, что по столько лѣтъ живутъ крокодилы, о чемъ, благо напомнилъ, справься завтра же въ какой-нибудь естественной исторіи и сообщи мнѣ, ибо я могъ ошибиться, смѣшавъ крокодила съ какимъ-нибудь другимъ ископаемымъ. Одно только соображеніе нѣсколько смущаетъ меня: такъ какъ я одѣтъ въ сукно и на ногахъ у меня сапоги, то крокодилъ, очевидно, меня не можетъ переварить. Сверхъ того—я живой и потому сопротивляюсь переваренію меня всею моею волею, ибо понятно, что не хочу обратиться въ то, во что обращается всякая пища, такъ какъ это было бы слишкомъ для меня унижительно. Но боюсь одного: въ тысячелѣтній срокъ сукно сюртука моего, къ несчастью русскаго издѣлія, можетъ истлѣть и тогда я, оставшись безъ одежды, несмотря на все мое негодованіе, начну, пожалуй, и перевариваться, и хоть днемъ я этого ни за что не допущу и не позволю, но по ночамъ, во снѣ, когда воля отлетаетъ отъ чловѣка, меня можетъ постичь самая унижительная участь какого-нибудь картофеля, блиновъ или телятины. Такая идея приводитъ меня въ бѣшенство. Уже по одной этой причинѣ надо бы измѣнить тарифъ и поощрять привозъ суконъ англійскихъ, которыя крѣпче, а слѣдственно и дольше будутъ сопротивляться природѣ, въ случаѣ, если попадешь въ крокодила. При первомъ случаѣ сообщу мысль мою кому-либо изъ людей государственныхъ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и политическимъ обозрѣвателямъ нашихъ ежедневныхъ петербургскихъ газетъ. Пусть прокричатъ. Надѣюсь, что не одно это они теперь отъ меня позаимствуютъ. Предвижу, что каждое утро цѣлая толпа ихъ, вооруженная редакционными четвертаками, будетъ тѣсниться кругомъ меня, чтобъ уловить мои мысли насчетъ вчерашнихъ телеграммъ. Короче — будущность представляется мнѣ въ самомъ розовомъ свѣтѣ.

„Горячка, горячка!“ шепталъ я про себя.

— Другъ мой, а свобода? проговорилъ я, желая вполнѣ узнать его мнѣніе. — Вѣдь ты, такъ сказать, въ темницѣ, тогда какъ человѣкъ долженъ наслаждаться свободою.

— Ты глупъ, отвѣчалъ онъ, — люди дикіе любятъ независимость, люди мудрые любятъ порядокъ, а нѣтъ порядка...

— Иванъ Матвѣичъ, пощади и помилуй!

— Молчи и слушай! взвизгнулъ онъ въ досадѣ, что я перебилъ его. — Никогда не воспарялъ я духомъ такъ, какъ теперь. Въ моемъ тѣсномъ убѣжищѣ одного боюсь — литературной критики толстыхъ журналовъ и свиста сатирическихъ газетъ нашихъ. Боюсь, чтобъ легкомысленные посѣтители, глупцы и завистники и вообще нигилисты, не подняли меня на смѣхъ. Но я приму мѣры. Съ нетерпѣніемъ жду завтрашнихъ отзывовъ публики, а главное — мнѣнія газетъ. О газетахъ сообщи завтра же.

— Хорошо; завтра же принесу сюда цѣлый ворохъ газетъ.

— Завтра еще рано ждать газетныхъ отзывовъ, ибо объявленія печатаются только на четвертый день. Но отнынѣ каждый вечеръ приходи черезъ внутренній ходъ со двора. Я намѣренъ употреблять тебя какъ моего секретаря. Ты будешь мнѣ читать газеты и журналы, а я буду диктовать тебѣ мои мысли и давать порученія. Въ особенности не забывай телеграммъ. Каждый день чтобъ были здѣсь всѣ европейскія телеграммы. Но, довольно: вѣроятно, ты теперь хочешь спать. Ступай домой и не думай о томъ, что я сейчасъ говорилъ о критикѣ: я не боюсь ея, ибо сама она находится въ критическомъ положеніи. Стоитъ только быть мудрымъ и добродѣтельнымъ и непременно станешь на пьедесталь. Если не Сократъ, то Діогенъ, или то и другое вмѣстѣ, и вотъ будущая роль моя въ человѣчествѣ.

Такъ легкомысленно и навязчиво (правда, въ горячкѣ)

торопился высказаться передо мною Иванъ Матвѣичъ, подобно тѣмъ слабохарактернымъ бабамъ, про которыхъ говоритъ пословица, что онѣ не могутъ удержать секрета. Да и все то, что сообщилъ онъ мнѣ о крокодилѣ, показалось мнѣ весьма подозрительнымъ. Ну, какъ можно, чтобъ крокодилъ былъ совершенно пустой? Бьюсь объ закладъ, что въ этомъ онъ прихвастнулъ изъ тщеславія и отчасти, чтобъ меня унижить. Правда, онъ былъ больной, а больному надо уважить; но признаюсь откровенно, я всегда терпѣть не могъ Ивана Матвѣича. Всю жизнь, начиная съ самаго дѣтства, я желалъ и не могъ избавиться отъ его опеки. Тысячу разъ хотѣлъ я было съ нимъ совсѣмъ расплеваться, и каждый разъ меня опять тянуло къ нему, какъ будто я все еще надѣялся ему что-то доказать и за что-то отомстить. Странная вещь эта дружба! Положительно могу сказать, что я на девять десятыхъ былъ съ нимъ друженъ изъ злобы. На этотъ разъ мы простились, однакоже, съ чувствомъ.

— Вашъ друкъ очень умна шеловѣкъ! сказалъ мнѣ вполголоса нѣмецъ, собираясь меня провожать; онъ все время прилежно слушалъ нашъ разговоръ.

— А прогос, сказалъ я, — чтобъ не забыть, — сколько бы взяли вы за вашего крокодила, на случай, если-бъ вздумали у васъ его покупать?

Иванъ Матвѣичъ, слышавшій вопросъ, съ любопытствомъ выжидалъ отвѣта. Видимо было, что ему не хотѣлось, чтобъ нѣмецъ взялъ мало; по крайней мѣрѣ, онъ какъ-то особенно крикнулъ при моемъ вопросѣ.

Сначала нѣмецъ и слушать не хотѣлъ, даже разсердился.

— Никто не смѣйтъ покупать мой собственный крокодилъ! вскричалъ онъ яростно и покраснѣлъ какъ вареный ракъ. — Я не хатитъ продавайтъ крокодилъ. Я миллионъ талеръ не стану брать за крокодилъ. Я сто тридцать талеръ сегодня съ публикумъ брать, а завтра десять тысячь талеръ собралъ, а потомъ сто тысячь талеръ каждый день собиралъ. Не хочю продавалъ.

Иванъ Матвѣичъ даже захихикалъ отъ удовольствія.

Скрѣпя сердце, хладнокровно и рассудительно, — ибо исполнялъ обязанность истиннаго друга, — намекнулъ я сумасбродному нѣмцу, что расчеты его не совсѣмъ вѣрны, что если онъ каждый день будетъ собирать по сту тысячь, то въ четыре дня у него перебываетъ весь Петер-

бургъ и потомъ уже не съ кого будетъ собирать, что въ животѣ и смерти воленъ Богъ, что крокодилъ можетъ какъ-нибудь лопнуть, а Иванъ Матвѣичъ заболѣть и помереть и проч., и проч.

Нѣмецъ задумался.

— Я будетъ ему капли изъ аптеки давалъ, сказалъ онъ, надумавшись,—и вашъ друкъ не будетъ умираль.

— Капли каплями, сказалъ я,—но возьмите и то, что можетъ затѣяться судебный процессъ. Супруга Ивана Матвѣича можетъ потребовать своего законнаго супруга. Вы вотъ намѣрены богатѣть, а намѣрепы-ли вы назначить хоть какую-нибудь пенсію Еленѣ Ивановнѣ?

— Нѣтъ, не мѣревалъ! рѣшительно и строго отвѣчалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, не мѣревалъ! подхватила, даже со злобою, муттеръ.

— Итакъ, не лучше-ли вамъ взять что-нибудь теперь, разомъ, хоть и умѣренное, но вѣрное и солидное, чѣмъ предаваться неизвѣстности? Долгомъ считаю присовокупить, что спрашиваю васъ изъ одного только празднаго любопытства.

Нѣмецъ взялъ муттеръ и удалился съ нею для совѣщаній въ уголъ, гдѣ стоялъ шкафъ съ самой большой и безобразнѣйшей изъ всей коллекціи обезьяной.

— Вотъ увидишь! сказалъ мнѣ Иванъ Матвѣичъ.

Что до меня касается, я въ эту минуту сгоралъ желаніемъ, во-первыхъ, избить больно нѣмца, во-вторыхъ, еще болѣе избить муттеръ, а въ-третьихъ—всѣхъ больше и больнѣе избить Ивана Матвѣича за безграничность его самолюбія. Но все это ничего не значило въ сравненіи съ отвѣтомъ жаднаго нѣмца.

Посовѣтовавшись съ своей муттеръ, онъ потребовалъ за своего крокодила пятьдесятъ тысячъ рублей билетами послѣдняго внутренняго займа съ лотереєю, каменный домъ въ Гороховой и при немъ собственную аптеку и, вдобавокъ, чинъ русскаго полковника.

— Видишь, торжествуя прокричалъ Иванъ Матвѣичъ,—я говорилъ тебѣ! Кромѣ послѣдняго безумнаго желанія производства въ полковники—онъ совершенно правъ, ибо вполне понимаетъ теперешнюю цѣнность показываемаго имъ чудовища. Экономическій принципъ прежде всего!

— Помилуйте! я ростоно закричалъ я нѣмцу,—да за что же вамъ полковника-то? Какой вы подвигъ совершили,

какую службу заслужили, какой военной славы добились? Ну, не безумецъ-ли вы послѣ этого?

— Безумны! вскричалъ нѣмецъ обидѣвшись. — Нѣтъ, ошень умна шеловѣкъ, а ви ошень глупъ! Я заслужилъ польковникъ, потому што показаль крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидилъ, а русскій не можетъ показаль крокодилъ, а въ немъ живой гоф-ратъ сидилъ! Я чрезвычайно умны шеловѣкъ и ошинь хочу былъ польковникъ!

— Такъ прощай же, Иванъ Матвѣичъ! вскричалъ я, дрожа отъ бѣшенства, и почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ крокодильной.

Я чувствовалъ, что еще минута, и я уже не могъ бы отвѣчать за себя. Неестественныя надежды этихъ двухъ болвановъ были невыносимы. Холодный воздухъ, освѣживъ меня, нѣсколько умѣрилъ мое негодование. Наконецъ, энергически плюнувъ разъ до пятнадцати въ обѣ стороны, я взялъ извозчика, приѣхаль домой, раздѣлся и бросилъ на постель. Всего досаднѣе было то, что я попалъ къ нему въ секретари. Теперь умирай тамъ отъ скуки каждый вечеръ, исполняя обязанность истиннаго друга! Я готовъ былъ прибить себя за это и, дѣйствительно, уже потушивъ свѣчку и закрывшись одѣяломъ, ударилъ себя нѣсколько разъ кулакомъ по головѣ и по другимъ частямъ тѣла. Это нѣсколько облегчило меня и я, наконецъ, заснулъ даже довольно крѣпко, потому что очень усталъ. Всю ночь спились мнѣ только однѣ обезьяны, но подъ самое утро приснилась Елена Ивановна...

IV.

Обезьяны, какъ догадываюсь, приснились потому, что заключались въ шкафу у крокодилщика; но Елена Ивановна составляла статью особенную.

Скажу заранѣе: я любилъ эту даму; но спѣшу—и спѣшу на курьерскихъ—оговориться: я любилъ ее какъ отецъ, ни болѣе, ни менѣе. Заключаю такъ потому, что много разъ случалось со мною неудержимое желаніе поцѣловать ее въ головку или въ румяную щечку. И хотя я никогда не приводилъ сего въ исполненіе, но, каюсь, не отказался бы поцѣловать ее даже и въ губки. И не то что въ губки, а въ зубки, которые такъ прелестно всегда выставлялись, точно рядъ хорошенькихъ, подобранныхъ жемчужинокъ, когда она смѣялась. Она же удивительно часто смѣялась. Иванъ Матвѣичъ называлъ ее, въ ласка-

тельныхъ случаяхъ, своей „милой нелѣпостью“—названіе въ высшей степени справедливое и характеристичное. Это была дама-конфетка и болѣе ничего. Посему совершенно не понимаю, зачѣмъ вздумалось теперь тому же самому Ивану Матвѣичу воображать въ своей супругѣ нашу русскую Евгению Туръ? Во всякомъ случаѣ, мой сонъ, если не брать въ расчетъ обезьянъ, произвелъ на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе, и, перебирая въ головѣ, за утренней чашкой чаю, всѣ происшествія вчерашняго дня, я рѣшилъ немедленно зайти къ Еленѣ Ивановнѣ, по дорогѣ на службу, что, впрочемъ, обязанъ былъ сдѣлать въ качествѣ домашняго друга.

Въ крошечной комнаткѣ передъ спальней, въ такъ-называемой у нихъ маленькой гостиной, хотя и большая гостиная была у нихъ тоже маленькая, на маленькомъ нарядномъ диванчикѣ, за маленькимъ чайнымъ столикомъ, въ какой-то полувоздушной утренней распашеночкѣ, сидѣла Елена Ивановна и изъ маленькой чашечки, въ которую макала крошечный сухарикъ, кушала кофе. Была она обольстительно хороша, но показалась мнѣ тоже и какъ будто задумчивою.

— Ахъ, это вы, шалунъ! встрѣтила она меня съ разсѣянной улыбкой. — Садитесь, вѣтренникъ, пейте кофе. Ну, что вы вчера дѣлали? Были въ маскарадѣ?

— А развѣ вы были?.. Я вѣдь не ѣзжу... къ тому же посѣщала вчера нашего узника...

Я вздохнулъ и, принимая кофе, сдѣлалъ благочестивую мину.

— Кого?.. Какого это узника?.. Ахъ, да!.. Бѣдняжка. Ну, что онъ—скучаетъ? А знаете... я хотѣла васъ спросить... Я вѣдь могу теперь просить развода?

— Развода! вскрикнулъ я въ негодованіи и чуть не пролил кофе.—„Это черномазенькій!“ подумалъ я про себя съ яростью.

Существовалъ нѣкто черномазенькій, съ усиками, служившій по строительной части, который слишкомъ ужъ часто похаживалъ къ нимъ и чрезвычайно умѣлъ смѣшнить Елену Ивановну. Признаюсь, я его ненавидѣлъ, и сомнѣнія не было, что онъ успѣлъ вчера видѣться съ Еленой Ивановной или въ маскарадѣ, или, пожалуй, и здѣсь, и наговорилъ ей всякаго вздору!

— Да что-жъ, заторопилась вдругъ Елена Ивановна, точно полученная,—что-жъ онъ тамъ будетъ сидѣть въ

крокодилъ и, пожалуй, всю жизнь не придетъ, а я здѣсь его дожидайся! Мужъ долженъ дома жить, а въ крокодилъ...

— Но вѣдь это непредвидѣнный случай, началъ было я въ весьма понятномъ волненіи.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите, не хочу, не хочу! закричала она, вдругъ совсѣмъ разсердившись.—Вы вѣчно мнѣ напротивъ, такой негодный! Съ вами ничего не сдѣлаешь, ничего не посоветуете! Мнѣ ужъ чужіе говорятъ, что мнѣ разводъ дадутъ, потому что Иванъ Матвѣичъ теперь уже не будетъ получать жалованья.

— Елена Ивабовна! Васъ-ли я слышу! закричала я патетически.—Какой злодѣй могъ вамъ это натолковать! Да и разводъ по такой неосновательной причинѣ, какъ жалованье, совершенно невозможенъ. А бѣдный, бѣдный Иванъ Матвѣичъ къ вамъ, такъ сказать, весь пылаетъ любовью, даже и въ нѣдрахъ чудовища. Мало того—таетъ отъ любви, какъ кусочекъ сахару. Еще вчера ввечеру, когда вы веселились въ маскарадѣ, онъ упоминалъ, что въ крайнемъ случаѣ, можетъ-быть, рѣшится выписать васъ, въ качествѣ законной супруги, къ себѣ, въ нѣдра, тѣмъ болѣе, что крокодилъ оказывается весьма помѣстительнымъ не только для двухъ, но даже и для трехъ особъ...

И тутъ я немедленно рассказалъ ей всю эту интересную часть моего вчерашняго разговора съ Иваномъ Матвѣичемъ.

— Какъ, какъ! вскричала она въ удивленіи.—Вы хотите, чтобъ и я также полѣзла туда, къ Ивану Матвѣвичу? Вотъ выдумки! Да и какъ я полѣзу, такъ, въ шляпкѣ и въ кринолинѣ? Господи, какая глупость! Да и какую фигуру я буду дѣлать, когда буду туда лѣзть, а на меня еще кто-нибудь, пожалуй, будетъ смотрѣть... Это смѣшно! И чтѣ я тамъ буду кушать?.. И... и какъ я тамъ буду, когда... Ахъ, Боже мой, чтѣ они выдумали!.. И какія тамъ развлечения?.. Вы говорите, что тамъ гумиластикомъ пахнетъ? И какъ же я буду, если мы тамъ съ нимъ поссоримся, — все-таки рядомъ лежать? Фу, какъ это противно!

— Согласенъ, согласенъ со всѣми этими доводами, милѣйшая Елена Ивановна, прервалъ я, стремясь высказаться съ тѣмъ понятнымъ увлеченіемъ, которое всегда овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ чувствуетъ, что правда на его сторонѣ,—но вы не оцѣнили одного во всемъ этомъ,

вы не оцѣнили того, что онъ, стало-быть, безъ васъ жить не можетъ, коли зоветь туда; значить, тутъ любовь, любовь страстная, вѣрная, стремящаяся... Вы любви не оцѣнили, милая Елена Ивановна, любви!

— Не хочу, не хочу, и слышать ничего не хочу! отмахивалась она своей маленькой, хорошенькой ручкой, на которой блистали только что вымытые и вычищенные щеточкой розовые ноготки. — Противный! Вы доведете меня до слезъ. Полѣзайте сами, если это вамъ пріятно. Вѣдь вы другъ, ну, и ложитесь тамъ съ нимъ рядомъ изъ дружбы, и спорьте всю жизнь о какихъ-нибудь скучныхъ наукахъ...

— Напрасно вы такъ смѣтаетесь надъ симъ предположеніемъ, съ важностью остановилъ я легкомысленную женщину, — Иванъ Матвѣичъ и безъ того меня звалъ туда. Конечно, васъ привлекаетъ туда долгъ, меня же только одно великодушіе; но, рассказывая мнѣ вчера о необыкновенной растяжимости крокодиловой, Иванъ Матвѣичъ сдѣлалъ весьма ясный намекъ, что не только вамъ обоемъ, но даже и мнѣ, въ качествѣ домашняго друга, можно бы помѣститься съ вами вмѣстѣ, втроемъ, особенно, если-бъ я захотѣлъ того, а потому...

— Какъ такъ, втроемъ! вскричала Елена Ивановна, съ удивленіемъ смотря на меня.—Такъ какъ же мы... такъ всѣ трое и будемъ тамъ вмѣстѣ? Ха-ха-ха! Какіе вы оба глупые! Ха-ха-ха! Я васъ непременно буду тамъ все время щипать, негодный вы этакой, ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

И она, откинувшись на спинку дивана, расхохоталась до слезинокъ. Все это, и слезы, и смѣхъ, было до того оболстнительно, что я не вытерпѣлъ и съ увлеченіемъ бросился цѣловать у ней ручку, чему она не противилась, хотя и выдрала меня легонько, въ знакъ примиренія, за уши.

Затѣмъ мы оба развеселились, и я подробно рассказалъ ей всѣ вчерашніе планы Ивана Матвѣича. Мысль о пріемныхъ вечерахъ и объ открытомъ салонѣ ей очень понравилась.

— Но только надо будетъ очень много новыхъ платьевъ, замѣтила она, — и поэтому надо, чтобъ Иванъ Матвѣичъ присылалъ какъ можно скорѣе и какъ можно больше жадованья... Только... только какъ же это, прибавила она въ раздумьи, — какъ же это его будутъ приносить ко мнѣ въ ящикѣ? Это очень смѣшно. Я не хочу, чтобъ моего

мужа носили въ ящикѣ. Мнѣ будетъ очень стыдно предъ гостями... Я не хочу, нѣтъ, не хочу...

— Кстати, чтобъ не забыть, былъ у васъ вчера вечеромъ Тимошей Семенычъ?

— Ахъ, былъ; пріѣхалъ утѣшать и, вообразите, мы съ нимъ все въ свои козыри играли. Онъ на конфеты, а коль я проиграю—онъ мнѣ ручки цѣлуетъ. Такой негодный, и, вообразите, чуть было въ маскарадъ со мной не поѣхалъ. Право!

— Увлечение! замѣтилъ я, — да и кто не увлечется вами, обольстительница!

— Ну, ужъ вы, поѣхали съ вашими комплиментами! Пойдите, я васъ ущипну на дорогу. Я ужасно хорошо выучилась теперь щипаться. Ну, что, какво! Да, кстати, вы говорите, Иванъ Матвѣичъ часто обо мнѣ вчера говорилъ?

— Н-н-нѣтъ, не то, чтобы очень... Признаюсь вамъ, онъ болѣе думаетъ теперь о судьбахъ всего человѣчества и хочетъ...

— Ну, и пусть его! Не договаривайте! Вѣрно, скука ужасная. Я какъ-нибудь его навѣщу. Завтра непременно поѣду. Только не сегодня: голова болить, а къ тому же тамъ будетъ такъ много публики... Скажутъ: это жена его, пристыдятъ... Прощайте. Вечеромъ вы вѣдь... тамъ?

— У него, у него. Велѣлъ пріѣзжать и газетъ привезти.

— Ну, вотъ и славно. И ступайте къ нему, и читайте. А ко мнѣ сегодня не заѣзжайте. Я нездорова, а, можетъ, и въ гости поѣду. Ну, прощайте, шалунъ.

„Это черномазенькій у ней будетъ вечеромъ“, подумалъ я про себя.

Въ канцеляріи я, разумѣется, не подалъ и виду, что меня псжираютъ такія заботы и хлопоты. Но вскорѣ замѣтилъ я, что нѣкоторые изъ прогрессивнѣйшихъ газетъ нашихъ какъ-то особенно скоро переходили въ это утро изъ рукъ въ руки моихъ сослуживцевъ и прочитывались съ чрезвычайно серьезными выраженіями лицъ. Первая попавшаяся мнѣ была—„Листокъ“, газетка безъ всякаго особаго направленія, а такъ только вообще гуманная,—за что ее преимущественно у насъ презирали, хотя и прочитывали. Не безъ удивленія прочелъ я въ ней слѣдующее:

„Вчера въ нашей обширной и украшенной великолѣпными зданіями столицѣ распространились чрезвычайные слухи. Имято М, извѣстный гастрономъ изъ высшего об-

щества, вѣроятно, наскучивъ кухню Бореля и —скаго клуба, вошелъ въ зданіе Пассажа, въ то мѣсто, гдѣ показывается огромный, только что привезенный въ столицу крокодилъ, и потребовалъ, чтобъ ему изготовили его на обѣдъ. Сторговавшись съ хозяиномъ, онъ тутъ же принялся пожирать его (т. е. не хозяина, весьма смирнаго и склоннаго къ аккуратности нѣмца, а его крокодила)—еще живьемъ, отрѣзая сочные куски перочиннымъ ножичкомъ и глотая ихъ съ чрезвычайною поспѣшностью. Мало-по-малу весь крокодилъ исчезъ въ его тучныхъ нѣдрахъ, такъ что онъ собирался даже приняться за ихневмона, постоянного спутника крокодилова, вѣроятно, полагая, что и тотъ будетъ такъ же вкусенъ. Мы вовсе не противъ сего новаго продукта, давно уже извѣстнаго иностраннымъ гастрономамъ. Мы даже предсказывали это напередъ. Англійскіе лорды и путешественники ловятъ въ Египтѣ крокодиловъ пѣлыми партіями и употребляютъ хребетъ чудовища, въ видѣ бифштекса, съ горчицей, лукомъ и картофелемъ. Французы, наѣхавшіе съ Лессепсомъ, предпочитаютъ лапы, испеченныя въ горячей золѣ, что дѣлаютъ, впрочемъ, въ пику англичанамъ, которые надъ ними смѣются. Вѣроятно, у насъ оцѣнятъ и то, и другое. Со своей стороны, мы рады новой отрасли промышленности, которой по преимуществу недостаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Вслѣдъ за симъ первымъ крокодиломъ, исчезнувшимъ въ нѣдрахъ петербургскаго гастронома, вѣроятно, не пройдетъ и года, какъ навезутъ ихъ къ намъ сотнями. И почему бы не акклиматизировать крокодила у насъ въ Россіи? Если невская вода слишкомъ холодна для сихъ интересныхъ чужестранцевъ, то въ столицѣ имѣются пруды, а за городомъ рѣчки и озера. Почему бы, напримѣръ, не развести крокодиловъ въ Парголовѣ или въ Павловскѣ, въ Москвѣ же въ Прѣсенскихъ прудахъ и въ Самотекѣ? Доставляя пріятную и здоровую пищу нашимъ утонченнымъ гастрономамъ, они въ то же время могли бы увеселять гуляющихъ на сихъ прудахъ дамъ и поучать собою дѣтей естественной исторіи. Изъ крокодиловой кожи можно бы было готовить футляры, чемоданы, папиросницы и бумажники, и, можетъ-быть, не одна русская купеческая тысяча въ засаленныхъ кредиткахъ, преимущественно предпочитаемыхъ купцами, улеглась бы, въ крокодиловой кожѣ. Надѣмся еще не разъ возвратиться къ этому интересному предмету“.

Я хоть и предчувствовалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, тѣмъ не менѣе, опрометчивость извѣстія смутила меня. Не находя съ кѣмъ подѣлиться впечатлѣніями, я обратился къ сидѣвшему напротивъ меня Прохору Савичу и замѣтилъ, что тотъ уже давно слѣдилъ за мною глазами, а въ рукахъ держалъ „Волосъ“, какъ бы готовясь мнѣ передать его. Молча принялъ онъ отъ меня „Листокъ“ и, передавая мнѣ „Волосъ“, крѣпко отчеркнулъ ногтемъ статью, на которую, вѣроятно, хотѣлъ обратить мое вниманіе. Этотъ Прохоръ Савичъ былъ у насъ престранный человѣкъ: молчаливый старій холостякъ, онъ ни съ кѣмъ изъ насъ не вступалъ ни въ какія сношенія, почти ни съ кѣмъ не говорилъ въ канцеляріи, всегда и обо всемъ имѣлъ свое собственное мнѣніе, но терпѣть не могъ кому-нибудь сообщать его. Жилъ онъ одиноко. Въ квартирѣ его почти никто изъ насъ не былъ.

Вотъ что я прочелъ въ показанномъ мѣстѣ „Волоса“: „Всѣмъ извѣстно, что мы прогрессивны и гуманны и хотимъ угоняться въ этомъ за Европой. Но несмотря на всѣ наши старанія и на усилія нашей газеты, мы еще далеко не „созрѣли“, какъ о томъ свидѣтельствуетъ возмутительный фактъ, случившійся вчера въ Пассажѣ, и о которомъ мы заранѣе предсказывали. Приѣзжаетъ въ столицу иностранецъ-собственникъ и привозитъ съ собой крокодила, котораго и начинаетъ показывать въ Пассажѣ публикѣ. Мы тотчасъ же успѣли привѣтствовать новую отрасль полезной промышленности, которой вообще недостаетъ нашему сильному и разнообразному отечеству. Какъ вдругъ вчера, въ половинѣ пятого пополудни, въ магазинъ иностранца-собственника является вѣкто необычайной толщины и въ нетрезвомъ видѣ, платитъ за входъ и тотчасъ же, безъ всякаго предувѣдомленія, лѣзетъ въ пасть крокодила, который, разумѣется, принужденъ былъ проглотить его, хотя бы изъ чувства самосохраненія, чтобъ не подавиться. Ввалившись во внутренность крокодила, незнакомецъ тотчасъ же засыпаетъ. Ни крики иностранца-собственника, ни вопли его испуганнаго семейства, ни угрозы обратиться къ полиціи не оказываютъ никакого впечатлѣнія. Изнутри крокодила слышенъ лишь хохотъ и обѣщаніе расправиться розгами (sic), а бѣдное млекопитающее, принужденное проглотить такую массу, тщетно проливаетъ слезы. Незванный гость хуже татарина, но, несмотря на пословицу, нахальный посѣти-

тель выходить не хочет. Не знаемъ, какъ и объяснить подобные варварскіе факты, свидѣтельствующіе о нашей незрѣлости и марающіе насъ въ глазахъ иностранцевъ. Размахистость русской природы нашла себѣ достойное примѣненіе. Спрашивается, чего хотѣлось непрошенному посябителю? Теплаго и комфортаго помѣщенія? Но въ столицѣ существуетъ много прекрасныхъ домовъ, съ дешевыми и весьма комфортами квартирами, съ проведенной невской водой и съ освѣщенной газомъ лѣстницей, при которой заводится перѣдко отъ хозяевъ швейцарь. Обращаемъ еще вниманіе нашихъ читателей и на самое варварство обращенія съ домашними животными: заѣзjemu крокодилу, разумѣется, трудно переварить подобную массу разомъ и теперь онъ лежитъ, раздутый горой, и въ нестерпимыхъ страданіяхъ ожидаетъ смерти. Въ Европѣ давно уже преслѣдуютъ судомъ обращающихся негуманно съ домашними животными. Но несмотря на европейское освѣщеніе, на европейскіе тротуары, на европейскую постройку домовъ, намъ еще долго не отстать отъ завѣтныхъ нашихъ предразсудковъ.

Дома новы, но предразсудки стары —

и даже дома-то не новы, по крайней мѣрѣ, лѣстницы. Мы уже не разъ упоминали въ нашей газетѣ, что на Петербургской сторонѣ, въ домѣ купца Лукьянова, забѣжанныя ступеньки деревянной лѣстницы сгнили, провалились и давно уже представляютъ опасность для находящейся у него въ услуженіи солдатки Афимьи Скапидаровой, принужденной часто всходить на лѣстницу съ водою или съ охапкою дровъ. Наконецъ, предсказанія наши оправдались: вчера вечеромъ, въ половинѣ девятаго пополудни, солдатка Афимья Скапидарова провалилась съ суповой чашкой и сломала-таки себѣ ногу. Не знаемъ, починить-ли теперь Лукьяновъ свою лѣстницу; русскій человекъ заднимъ умомъ крѣпокъ, но жертва русскаго авось уже свезена въ больницу. Точно такъ же не устанемъ мы утверждать, что дворники, счищающіе на Выборгской съ деревянныхъ тротуаровъ грязь, не должны пачкать ноги прохожихъ, а должны складывать грязь въ кучки, подобно тому, какъ въ Европѣ при очищеніи сапоговъ, и т. д., и т. д.“

— Что же это, сказалъ я, смотря въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Прохора Савича, — что же это такое?

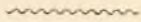
— А что-съ?

— Да помилуйте, чѣмъ бы объ Иванѣ Матвѣичѣ пожалѣть, жалѣють о крокодилѣ.

— А что же-съ? Звѣря даже, *млекопитающаго*, и того пожалѣли. Чѣмъ же не Европа-съ? Тамъ тоже крокодиловъ очень жалѣють. Хи-хи-хи!

Сказавъ это, чудакъ Прохоръ Савичъ уткнулся въ свои бумаги и уже не промолвилъ болѣе ни слова.

„Волось“ и „Листокъ“ я спряталъ въ карманъ, да кромѣ того набралъ для вечерняго развлеченія Ивану Матвѣичу старыхъ „Извѣстій“ и „Волосовъ“ сколько могъ найти, и хотя до вечера было еще далеко, но на этотъ разъ я пораньше улизнулъ изъ канцеляріи, чтобъ побывать въ Пассажѣ и хоть издали посмотрѣть, что тамъ дѣлается, подслушать разныя мнѣнія и направленія. Предчувствовалъ я, что тамъ дѣлая давка и на всякій случай поплотнѣе завернулъ лицо въ воротникъ шинели, потому что мнѣ было чего-то немного стыдно—до того мы не привыкли къ публичности. Но чувствую, что я не въ правѣ передавать собственныя, прозаическія мои ощущенія въ виду такого замѣчательнаго и оригинальнаго событія.

ИГРОКЪ *).

РОМАНЪ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЛОДОГО ЧЕЛОВѢКА).

ГЛАВА I.

Наконецъ, я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаетъ какъ ждутъ меня, однакожь ошибся. Генераль смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ-нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совѣстно глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однакожь приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина; какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званый обѣдъ; по-московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? И не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однакожь надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу къ *свитѣ генерала*. По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣ-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ Полномъ Собраніи Сочиненій О. М. Достоевскаго, изданіе О. Стелловскаго, 1867 г.

нить. Я размѣнялъ ихъ въ конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на миллионеровъ, по крайней мѣрѣ, цѣлюю недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойти съ ними гулять; но съ лѣстницы меня позвали къ генералу; ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, то-есть непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, насаживая одну фразу на другую и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ далъ мнѣ понять, чтобъ я гулялъ съ дѣтьми гдѣ-нибудь подалеже отъ вокзала, въ паркѣ. Наконецъ, онъ разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ: „А то вы, пожалуй, ихъ въ вокзалъ, на рулетку, поведете. Вы меня извините, прибавилъ онъ,—но я знаю, вы еще довольно легкомысленны и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не менторъ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не скомпрометировали...

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣтъ, отвѣчалъ я спокойно,—чтобы проигратъся, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, отвѣтилъ генералъ, покраснѣвъ немного, порывся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

— Какъ же мы сосчитаемся, заговорилъ онъ,—надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ,—остальное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и, ужъ, конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ѣздили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! Mademoiselle Blanche въ одной коляскѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генералъ верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли; эффектъ былъ произведенъ; только генералу не сдобровать. Я рассчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ,

которыя я привезъ, да прибавилъ сюда то, что они, очевидно, успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысячъ франковъ; этого слишкомъ мало для m-lle Blanche.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его „M-r le comte“, мать m-lle Blanche называется „m-me la comtesse“; что-жъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ они comte et comtesse.

Я такъ и зналъ, что m-r le comte меня не узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генераль, конечно, и не подумалъ бы насъ знакомить или хоть меня ему отрекомендовать; а m-r le comte самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ не велика птица то, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошеннымъ; кажется, генераль позабылъ распорядиться, а то бы навѣрно послалъ меня обѣдать за *table d'hôt*'омъ. Я явился самъ, такъ что генераль посмотрѣлъ на меня съ удовольствіемъ. Добрая Марья Филипповна тотчасъ же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила и я, поневолѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого страннаго англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ въѣзжая во Францію, наконецъ, въ Швейцаріи; въ теченіе этихъ двухъ недѣль два раза,—и вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ, конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ, онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговориться при первой встрѣчѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Нордъ-Капѣ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и, кажется, уже считаетъ меня своимъ за-кадычнымъ другомъ.

За столомъ французикъ тонировалъ необыкновенно; онъ со всѣми небрежень и важень. А въ Москвѣ, я помню,

пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генераль иногда осмѣливался противорѣчить,—но скромно, единственно настолько, чтобъ не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ странномъ настроеніи духа; разумѣется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: „зачѣмъ я валандаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ-давно не отхожу отъ нихъ?“ Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну; она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу ввязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французикомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо, и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табльд'отами. Генераль устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человекъ себя уважающій, пустился я далѣе,—то непременно напроситесь на ругательства и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табльд'отами такъ много полячишекъ и имъ сочувствующихъ французиковъ, что нѣтъ возможности вымолвить слова, если вы только русский.

Я проговорилъ это по-французски. Генераль смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердился-ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значить, васъ кто-нибудь и гдѣ-нибудь проучилъ, сказалъ французикъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ полякомъ, отвѣтилъ я,—потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужъ часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ рассказала, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсиньора.

— Плюнуть? спросилъ генераль съ важнымъ недоумѣніемъ и даже осматриваясь. Французикъ оглядывалъ меня недовѣрчиво.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я.—Такъ какъ я цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ-быть, отправиться по нашему дѣлу на минутку въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Па-

рижѣ, чтобъ визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатикъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ физиономіи, и, выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хоть и спѣшилъ, но, конечно, сълзъ ждать, вынулъ „*Opinion nationale*“ и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ, я слышалъ, какъ черезъ сосѣдную комнату кто-то прошелъ къ монсиньору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суше попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ,—какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ же проводили наверхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсиньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычнымъ удивленіемъ. Ему просто непонятно стало, какимъ это образомъ смѣетъ ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсиньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ:—„Такъ неужели-жъ вы думаете, что монсиньоръ броситъ для васъ свой кофе?“ Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его:—„такъ знайте-жъ, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсиньора! Если вы сію же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому“.

— „Какъ! Въ то время, когда у него сидитъ кардиналъ!“ закричалъ аббатикъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ дверямъ и разставилъ крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропуститъ.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, *que je suis hérétique et barbare*, и что мнѣ всѣ эти архіепископы, кардиналы, монсиньоры и проч. и проч.—все равно. Однимъ словомъ, я показалъ видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его наверхъ. Черезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно-ли посмотреть?—Я вынулъ паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однакоже... началъ было генераль.

— Васъ спасло, что вы объявили себя варваромъ и еретикомъ, замѣтилъ, усмѣхаясь, французикъ. „*Cela n'était pas si bête*“.

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они

сидять здѣсь—пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они русскіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ, со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всеѣмъ разсказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человекъ за табльдотомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я разсказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человека, въ котораго французскій егеръ, въ двѣнадцатомъ году, выстрѣлилъ—единственно только для того, чтобъ разрядить ружье. Этотъ человекъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, вскипѣлъ французикъ,— французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, отвѣчалъ я. Это мнѣ разсказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генераль сталъ было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть хоть, напримѣръ, отрывки изъ „Записокъ“ генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ, Марья Филипповна о чемъ-то заговорила, чтобъ перебить разговоръ. Генераль былъ очень недоволенъ мною, потому что мы съ французомъ уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился, вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Все пошли въ паркъ къ вокзалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана, а Наденьку пустила играть недалеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались, наконецъ, одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея брильянтовъ, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во что бы то ни стало, нужны деньги, сказала она,—и ихъ надо добыть; иначе я просто погибла.

— Я сталъ спрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствіе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстія: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстіе отъ Тимоѣея Петровича, прибавила Полина,—а онъ человекъ точный. Ждемъ послѣдняго окончательнаго извѣстія.

— Итакъ, здѣсь всѣ въ ожиданіи? спросилъ я.

— Конечно, всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.

— И вы надѣетесь? спросилъ я.

— Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнить въ завѣщаніи.

— Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, сказали я утвердительно.

— Да, она меня любила; но почему *вамъ* это кажется?

— Скажите, отвѣчалъ я вопросомъ,—нашъ маркизь, кажется, тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны.

— А вы сами къ чему объ этомъ интересуетесь? спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.

— Еще бы; если не ошибаюсь, генераль успѣлъ уже занять у него денегъ.

— Вы очень вѣрно угадываете.

— Ну, такъ даль-ли бы онъ денегъ, если бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили-ли вы за столомъ, онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, назвалъ ее бабуленькой „la baboulenka“. Какія короткія и какія дружественныя отношенія.

— Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что-нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ же ко мнѣ и посватается. Это, что-ли, вамъ хотѣлось узнать.

— Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.

— Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! съ сердцемъ сказала Полина.—Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.

Я рассказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ.

— Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ и ужъ, конечно, влюбленъ въ васъ?

— Да, онъ влюбленъ въ меня, отвѣчала Полина.

— И ужъ, конечно, онъ въ десять разъ богаче фран-

пуза. Чтò, у француза дѣйствительно есть что-нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?

— Не подвержено. У него есть какой-то château. Мнѣ еще вчера генераль говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну, чтò, довольно съ васъ?

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непременно вышла замужъ за англичанина.

— Почему? спросила Полина.

— Французъ красивѣе, но онъ подлѣе; а англичанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, отрѣзалъ я.

— Да; но зато французъ—маркизь и умнѣе, отвѣтила она наиспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно-ли? продолжалъ я попрежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы, и я видѣлъ, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостію своего отвѣта; я объ этомъ ей тотчасъ же сказалъ.

— Что-жъ, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣситесь. Ужъ за одно тò, что я позволяю вамъ дѣлать такіе вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякіе вопросы, отвѣчалъ я спокойно,—именно потому, что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во чтò.

Полина захохотала.

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когда-нибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете расплачиваться, и ужъ будете увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны,—именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣстъ вы мнѣ нужны—мнѣ надо васъ беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ съ злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте васъ спросить, чтò такое m-lle Blanche? спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, чтò такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей,—разумѣется, если слухъ о

кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизь—всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генераль влюбленъ окончательно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше; мнѣ деньги, во что бы ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ вокзалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чемъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ ощущеній моихъ чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти двѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался какъ угорѣлый, и даже во снѣ минутно видѣлъ ее передъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я, кажется, заговорилъ вслухъ съ Полиной, чѣмъ раземѣшилъ всѣхъ сидѣвшихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю-ли я ее? И еще разъ не сумѣлъ на него отвѣтить, то-есть, лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ бы полжизни, чтобъ задушить ее! Клянусь, если-бъ возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святого, если бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пуантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: „бросьтесь внизъ“, то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или такъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполнѣ вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій,—эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе, иначе могла-ли бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня, какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ не-

вольникѣ, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка.

Однакожъ у меня было ея порученіе—выиграть на рулеткѣ, во чтѣ бы то ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать; для чего и какъ скоро надо выиграть, и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно разсчитывающей головѣ? Къ тому же въ эти двѣ недѣли, очевидно, прибавилась бездна новыхъ фактовъ, о которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

ГЛАВА II.

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаднымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ перваго взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейщины въ фельетонахъ цѣлаго свѣта и преимущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты рассказываютъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпнн и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ городахъ на Рейнѣ, а во-вторыхъ, — о грудахъ золота, которыя, будто бы, лежатъ на столахъ. Вѣдь не платятъ же имъ за это; это такъ, просто, рассказывается, изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣтъ въ этихъ дрянныхъ залахъ, а золота не только нѣтъ грудами на столахъ, но и чуть-чуть-то едва-ли бываетъ. Конечно, кой-когда, въ продолженіе сезона, появится вдругъ какой-нибудь чудакъ, или англичанинъ или азіатъ какой-нибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные же всѣ играютъ на мелкіе гильдены и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежитъ очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому же тѣснила толпа. Но если бъ я былъ и одинъ, то и тогда бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стучало сердце и я былъ не хладнокровенъ; я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду, что-нибудь непременно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо и

такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего-нибудь отъ игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добыванія денегъ, напримеръ, хотъ торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но—какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала присмотрѣться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, если бъ что и случилось, то случилось бы нечаянно и слегка, — и я такъ положилъ. Къ тому же, надо было и самую игру изучить; потому что, несмотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во-первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно,—какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и безпокойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше; мнѣ всегда казалась очень глупою мысль одного отѣвшагося и обезпеченнаго моралиста, который на чье-то оправданіе: что „вѣдь играютъ по маленькой“, отвѣчалъ—тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно мелкая корысть и крупная корысть — не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для меня очень богато, а не счетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлаютъ, что другъ у друга что-нибудь отбиваютъ или выигрываютъ. Гадки-ли вообще нажива и барышъ,—это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ желаніемъ выигрыша, то вся эта корысть и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и на-распашку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и неразсчетливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи было то уваженіе къ занятію, та серьезность и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какал игра называется *mauvais genre*’омъ и какаая

позволительная порядочному человѣку. Есть двѣ игры, одна—джентльменская, а другая—плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и—какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, напри-мѣръ, можетъ поставить пять или десять луидоровъ, рѣдко болѣе, впрочемъ, можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотре-ть на процессъ выигрыша или проигрыша; но отнюдь не долженъ интересоваться самымъ выигрышемъ. Выигравъ, онъ можетъ, напри-мѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣ-лать кому-нибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но един-ственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейскаго желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы, рулетки и trente et quarante онъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ, устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозрѣвать. Очень и очень не дурно было бы даже, если бъ ему, на-при-мѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянъ, дрожащая надъ гульденомъ,—совершенно такіе же богачи и джентльмены, какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и не-винный взглядъ на людей были бы, конечно, чрезвычайно аристократичными. Я видѣлъ, какъ многія маменьки вы-двигали впередъ невинныхъ и изящныхъ, пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ миссъ, своихъ дочекъ, и, давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Ба-рышня выигрывала или проигрывала, непремѣнно улыба-лась и отходила очень довольная. Нашъ генераль солидно и важно подошелъ къ столу; лакей бросился было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея; очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ изъ кошелька триста франковъ золотомъ, поставилъ ихъ на черную и выигралъ. Онъ не взялъ выигрыша и оставилъ его на столѣ. Вышла опять черная; онъ и на этотъ разъ не взялъ, и когда въ третій разъ вышла красная, то потерялъ раз-зомъ тысячу двѣсти франковъ. Онъ отошелъ съ улыбкою и выдержалъ характеръ. Я убѣжденъ, что кошки у него скребли на сердцѣ, и будь ставка вдвое или втрое боль-

ше, — онъ не выдержалъ бы характера и выказалъ бы волненіе. Впрочемъ, при мнѣ одинъ французъ выигралъ, и потомъ проигралъ, тысячъ до тридцати франковъ, весело и безъ всякаго волненія. Настоящій джентльменъ, если бы проигралъ и все свое состояніе, не долженъ волноваться. Деньги до того должны быть ниже джентльменства, что почти не стоитъ о нихъ заботиться. Конечно, весьма аристократично совсѣмъ бы не замѣчать всю эту грязь всей этой сволочи и всей обстановки. Однакоже иногда не менѣе аристократиченъ и обратный пріемъ, замѣчать, то-есть присматриваться, даже разсматривать, наприимѣръ, хоть въ лорнетъ, всю эту сволочь; но не иначе, какъ принимая всю эту толпу и всю эту грязь за своего рода развлеченіе, какъ бы за представленіе, устроенное для джентльменской забавы. Можно самому тѣсниться въ этой толпѣ, но смотрѣть кругомъ съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что собственно вы сами наблюдатель, и ужъ нисколько не принадлежите къ ея составу. Впрочемъ, и очень пристально наблюдать опять-таки не слѣдуетъ: опять уже это будетъ не по-джентльменски, потому что это во всякомъ случаѣ зрѣлище не стоитъ большаго и слишкомъ пристальнаго наблюденія. Да и вообще мало зрѣлищъ, достойныхъ слишкомъ пристальнаго наблюденія для джентльмена. А между тѣмъ мнѣ лично показалось, что все это и очень стоить весьма пристальнаго наблюденія, особенно для того, кто пришелъ не для одного наблюденія, а самъ искренно и добросовѣстно причисляетъ себя ко всей этой сволочи. Что же касается до моихъ сокровеннѣйшихъ нравственныхъ убѣждений, то въ настоящихъ разсужденіяхъ моихъ имъ, конечно, нѣтъ мѣста. Пусть ужъ это будетъ такъ; говорю для очистки совѣсти. Но вотъ что я замѣчу: что во все послѣднее время мнѣ какъ-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои къ какой бы то ни было нравственной мѣркѣ. Другое управляло мною...

Сволочь дѣйствительно играетъ очень грязно. Я даже не прочь отъ мысли, что тутъ у стола происходитъ много самаго обыкновеннаго воровства. Крупѣрамъ, которые сидятъ по концамъ стола, смотрятъ за ставками и рассчитываются, ужасно много работы. Вотъ еще сволочь-то! Это большею частью французы. Впрочемъ, я здѣсь наблюдаю и замѣчаю вовсе не для того, чтобы описывать рулетку; я приноравливаюсь для себя, чтобы знать, какъ себя ве-

сти на будущее время. Я замѣтилъ, напримѣръ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, когда изъ-за стола протягивается вдругъ чья-нибудь рука и беретъ себѣ то, что вы выиграли. Начинается споръ, нерѣдко крикъ, и — прошу покорно доказать, сыскать свидѣтелей, что ставка ваша!

Сначала вся эта штука была для меня тарабарскою грамотою; я только догадывался и различалъ кое-какъ, что ставки были на числа, на четъ и нечетъ и на цвѣта. Изъ денегъ Полины Александровны я въ этотъ вечеръ рѣшился попытать сто гульденовъ. Мысль, что я приступаю къ игрѣ не для себя, какъ-то сбивала меня съ толку. Ощущеніе было чрезвычайно неприятное, и мнѣ захотѣлось поскорѣе развязаться съ нимъ. Мнѣ все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться къ игорному столу, чтобы тотчасъ же не заразиться суетвѣриемъ? Я началъ съ того, что вынулъ пять фридрихсдоровъ, то-есть пятьдесятъ гульденовъ, и поставилъ ихъ на четку. Колесо обернулось и вышло тринадцать, — я проигралъ. Съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ, единственно, чтобы какъ-нибудь развязаться и уйти, я поставилъ еще пять фридрихсдоровъ на красную. Вышла красная. Я поставилъ всѣ десять фридрихсдоровъ — вышла опять красная. Я поставилъ опять все за разъ, вышла опять красная. Получивъ сорокъ фридрихсдоровъ, я поставилъ двадцать на двѣнадцать среднихъ цифръ, не зная, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ заплатили втрое. Такимъ образомъ, изъ десяти фридрихсдоровъ у меня появилось вдругъ восемьдесятъ. Мнѣ стало до того невыносимо отъ какого-то необыкновеннаго и страннаго ощущенія, что я рѣшился уйти. Мнѣ показалось, что я вовсе бы не такъ игралъ, если-бъ игралъ для себя. Я однакожъ поставилъ всѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ еще разъ на четку. На этотъ разъ вышло четыре; мнѣ отсыпали еще восемьдесятъ фридрихсдоровъ, и, захвативъ всю кучу въ сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, я отправился отыскивать Полину Александровну.

Они всѣ гдѣ-то гуляли въ паркѣ, и я успѣлъ увидѣться съ нею только заужиномъ. На этотъ разъ француза не было, и генераль развернулся: между прочимъ, онъ почелъ нужнымъ опять мнѣ замѣтить, что онъ бы не желалъ меня видѣть за игорнымъ столомъ. По его мнѣнію, его очень скомпрометтируетъ, если я какъ-нибудь

слишкомъ проиграюсь:— „но если-бъ даже вы и выиграли очень много, то и тогда я буду тоже скомпрометтированъ“, прибавилъ онъ значительно.— „Конечно, я не имѣю права располагать вашими поступками, но согласитесь сами...“ Тутъ онъ, по обыкновенію своему, не докончилъ. Я сухо отвѣтилъ ему, что у меня очень мало денегъ и что, слѣдовательно, я не могу слишкомъ примѣтно проигратъся, если-бъ даже и сталъ играть. Придя къ себѣ наверхъ, я успѣлъ передать Полинѣ ея выигрышъ и объявилъ ей, что въ другой разъ уже не буду играть для нея.

— Почему же? спросила она тревожно.

— Потому что хочу играть для себя, отвѣчала я, разсматривая ее съ удивленіемъ,—а это мѣшаетъ.

— Такъ вы рѣшительно продолжаете быть убѣждены, что рулетка вашъ единственный исходъ и спасеніе? спросила она насмѣшливо.

Я отвѣчалъ очень серьезно, что да; чтѣ же касается до моей увѣренности непремѣнно выиграть, то пускай это будетъ смѣшно, я согласенъ, „но чтобъ оставили меня въ покоѣ“.

Полина Александровна настаивала, чтобъ я непремѣнно раздѣлилъ съ нею сегодняшній выигрышъ пополамъ и отдавала мнѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ, предлагая и впредь продолжать игру на этомъ условіи. Я отказался отъ половины рѣшительно и окончательно и объявилъ, что для другихъ не могу играть не потому, чтобъ не желалъ, а потому, что навѣрное проиграю.

— И, однакожъ, я сама, какъ ни глупо это, почти тоже надѣюсь на одну рулетку, сказала она, задумываясь. — А потому вы непремѣнно должны продолжать игру, со мною вмѣстѣ пополамъ, и—разумѣется—будете.

Тутъ она ушла отъ меня, не слушая дальнѣйшихъ моихъ возраженій.

ГЛАВА III.

И однакожъ вчера цѣлый день она не говорила со мной объ игрѣ ни слова. Да и вообще она избѣгала со мной говорить вчера. Прежняя манера ея со мною не измѣнилась. Та же совершенная небрежность въ обращеніи, при встрѣчахъ, и даже что-то презрительное и ненавистное. Вообще, она не желаетъ скрывать своего ко мнѣ отвращенія; а это вижу. Несмотря на это, она не скры-

ваеть тоже отъ меня, что я ей для чего-то нуженъ и что она для чего-то меня бережетъ. Между нами установились какія-то странныя отношенія, во многомъ для меня непонятныя,—взявъ въ соображеніе ея гордость и надменность со всѣми. Она знаетъ, напримѣръ, что я люблю ее до безумія, допускаетъ меня даже говорить о моей страсти—и ужъ, конечно, ничѣмъ она не выразила бы мнѣ болѣе своего презрѣнія, какъ этимъ позволеніемъ говорить ей безпрепятственно и безцензурно о моей любви. „Значить, дескать, до того считаю ни во что твои чувства, что мнѣ рѣшительно все равно, о чемъ бы ты ни говорилъ со мною и что бы ко мнѣ ни чувствовалъ“. Про свои собственные дѣла она разговаривала со мною много и прежде, но никогда не была вполне откровенна. Мало того, въ пренебреженіи ея ко мнѣ были, напримѣръ, вотъ какія утонченности: она знаетъ, положимъ, что мнѣ извѣстно какое-нибудь обстоятельство ея жизни, или что-нибудь о томъ, что сильно ее тревожитъ; она даже сама расскажетъ мнѣ что-нибудь изъ ея обстоятельствъ, если надо употребить меня какъ-нибудь для своихъ цѣлей, въ родѣ раба, или на побѣгушки; но расскажетъ всегда ровно столько, сколько надо знать человѣку, употребляющемуся на побѣгушки, и—если мнѣ еще неизвѣстна цѣлая связь событій, если она и сама видитъ, какъ я мучусь и тревожусь ея же мученіями и тревогами, то никогда не удостоитъ меня успокоить вполне своей дружеской откровенностью, хотя, употребляя меня нерѣдко по порученіямъ не только хлопотливымъ, но даже опаснымъ, она, по моему мнѣнію, обязана быть со мной откровенною. Да и стоитъ-ли заботиться о моихъ чувствахъ, о томъ, что я тоже тревожусь и, можетъ-быть, втрое больше забочусь и мучусь ея же заботами и неудачами, чѣмъ она сама!

Я недѣли за три еще зналъ объ ея намѣреніи играть на рулеткѣ. Она меня даже предувѣдомила, что я долженъ буду играть вмѣсто нея, потому что ей самой играть неприлично. По тону ея словъ я тогда же замѣтилъ, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желаніе выиграть деньги. Чтѣ ей деньги сами по себѣ! Тутъ есть цѣль, тутъ какія-то обстоятельства, которыя я могу угадывать, но которыхъ я до сихъ поръ не знаю. Разумѣется, то униженіе и рабство, въ которыхъ она меня держитъ, могли бы мнѣ дать (весьма часто даютъ) возможность грубо и прямо самому ее разспрашивать. Такъ какъ я

для нея рабъ и слишкомъ ничтоженъ въ ея глазахъ, то нечего ей и обижаться грубымъ моимъ любопытствомъ. Но дѣло въ томъ, что она, позволяя мнѣ дѣлать вопросы, на нихъ не отвѣчаетъ. Иной разъ и вовсе ихъ не замѣчаетъ. Вотъ какъ у насъ!

Вчерашній день у насъ много говорилось о телеграммѣ, пущенной еще четыре дня назадъ въ Петербургъ и на которую не было отвѣта. Генераль видимо волнуется и задумчивъ. Дѣло идетъ, конечно, о бабушкѣ. Волнуется и французъ. Вчера, напримѣръ, послѣ обѣда они долго и серьезно разговаривали. Тонъ француза со всѣми нами необыкновенно высокомерный и небрежный. Тутъ именно по пословицѣ: посади за столъ и ноги на столъ. Онъ даже съ Полиной небреженъ до грубости; впрочемъ, съ удовольствіемъ участвуетъ въ общихъ прогулкахъ въ вокзалѣ или въ кавалькадахъ и поѣздкахъ за городъ. Мнѣ извѣстны давно кой-какія изъ обстоятельствъ, связавшихъ француза съ генераломъ: въ Россіи они затѣвали вмѣстѣ заводъ; я не знаю, лопнулъ-ли ихъ проектъ, или все еще о немъ у нихъ говорится. Кромѣ того, мнѣ случайно извѣстна часть семейной тайны: французъ дѣйствительно выручилъ прошлаго года генерала и далъ ему тридцать тысячъ для пополненія недостающаго въ казенной суммѣ, при сдачѣ должности. И ужъ, разумѣется, генераль у него въ тискахъ; но теперь, собственно теперь, главную роль во всемъ этомъ играетъ все-таки m-lle Blanche, и я увѣренъ, что и тутъ не ошибаюсь.

Кто такая m-lle Blanche? Здѣсь у насъ говорятъ, что она знатная французенка, имѣющая съ собой свою мать и колоссальное состояніе. Извѣстно тоже, что она какая-то родственница нашему маркизу, только очень дальняя, какая-то кузина или троюродная сестра. Говорятъ, что до моей поѣздки въ Парижъ, французъ и m-lle Blanche сносились между собою какъ-то гораздо церемоннѣе, были какъ будто на болѣе тонкой и деликатной ногѣ; теперь же знакомство ихъ, дружба и родственность выглядятъ какъ-то грубѣе, какъ-то короче. Можетъ-быть, наши дѣла кажутся имъ до того уже плохими, что они не считаютъ нужнымъ слишкомъ съ нами церемониться и скрываться. Я еще третьяго дня замѣтилъ, какъ мистеръ Астлей разглядывалъ m-lle Blanche и ея матушку. Мнѣ показалось, что онъ ихъ знаетъ. Мнѣ показалось даже, что и нашъ французъ встрѣчался прежде съ мисте-

ромъ Астлеемъ. Впрочемъ, мистеръ Астлей до того застѣчивъ, стыдливъ и молчаливъ, что на него почти можно понадѣяться,—изъ избы сора не вынесетъ. По крайней мѣрѣ, французъ едва ему кланяется и почти не глядитъ на него, а, стало-быть, не боится. Это еще понятно, но почему m-lle Blanche тоже почти не глядитъ на него? Гѣмъ болѣе, что маркизь вчера проговорился: онъ вдругъ сказалъ въ общемъ разговорѣ, не помню по какому поводу, что мистеръ Астлей колоссально богатъ, и что онъ про это знаетъ; тутъ-то бы и глядѣть m-lle Blanche на мистера Астлея! Вообще, генераль находится въ безпокойствѣ. Понятно, что можетъ значить для него теперь телеграмма о смерти тетки!

Мнѣ хоть и доказалось навѣрное, что Полина избѣгаетъ разговора со мною, какъ бы съ цѣлью, но я и самъ принялъ на себя видъ холодный и равнодушный: все думалъ, что она, нѣтъ-нѣтъ, да и подойдетъ ко мнѣ. Зато вчера и сегодня я обратилъ все мое вниманіе преимущественно на m-lle Blanche. Бѣдный генераль, онъ погибъ окончательно! Влюбиться въ пятьдесятъ пять лѣтъ, съ такою силою страсти, — конечно, несчастіе. Прибавьте къ тому его вдовство, его дѣтей, совершенно разоренное имѣніе, долги и, наконецъ, женщину, въ которую ему пришлось влюбиться. M-lle Blanche красива собой. Но, я не знаю, поймутъ-ли меня, если я выражусь, что у ней одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно испугаться. По крайней мѣрѣ, я всегда боялся такихъ женщинъ. Ей навѣрно лѣтъ двадцать пять. Она рослая и широкоплечая, съ круглыми плечами; шея и грудь у нея роскошны; цвѣтъ кожи смугло-желтый, цвѣтъ волосъ черный, какъ тушь, и волосъ ужасно много, достало бы на двѣ куафюры. Глаза черные, бѣлки глазъ желтоватые, взглядъ нахальный, зубы бѣлѣйшіе, губы всегда напомажены; отъ нея пахнетъ мускусомъ. Одѣвается она эффектно, богато, съ шикомъ, но съ большимъ вкусомъ. Ноги и руки удивительныя. Голосъ ея — сильный контральто. Она иногда расхохочется и при этомъ покажетъ всѣ свои зубы, но обыкновенно смотритъ молчаливо и нахально, — по крайней мѣрѣ, при Полинѣ и при Марьѣ Филипповнѣ. (Странный слухъ: Марья Филипповна уѣзжаетъ въ Россію). Мнѣ кажется, m-lle Blanche безо всякаго образованія, можетъ-быть, даже и не умна, но зато подозрительна и хитра. Мнѣ кажется, ея жизнь была-таки не безъ приключеній. Если ужъ говорить все,

то, можетъ-быть, что маркизъ вовсе ей не родственникъ, а мать совсѣмъ не мать. Но есть свѣдѣнія, что въ Берлинѣ, гдѣ мы съ ними съѣхались, она и мать ея имѣли нѣсколько порядочныхъ знакомствъ. Что касается до самого маркиза, то хоть я и до сихъ поръ сомнѣваюсь, что онъ маркизъ, но принадлежность его къ порядочному обществу, какъ у насъ, напримѣръ, въ Москвѣ и кое-гдѣ и въ Германіи, кажется, не подвержена сомнѣнію. Не знаю, что онъ такое во Франціи? Говорятъ, у него есть шато. Я думалъ, что въ эти двѣ недѣли много воды уйдетъ, и однакожь я все еще не знаю навѣрно, сказано-ли у *м-ле Blanche* съ генераломъ что-нибудь рѣшительное? Вообще, все зависитъ теперь отъ нашего состоянія, то-есть отъ того, много-ли можетъ генераль показать имъ денегъ. Если бы, напримѣръ, пришло извѣстіе, что бабушка не умерла, то, я увѣренъ, *м-ле Blanche* тотчасъ бы исчезла. Удивительно и смѣшно мнѣ самому, какой я однакожь сталъ сплетникъ. О, какъ мнѣ все это противно! Съ какимъ наслажденіемъ я бросилъ бы всѣхъ и все! Но развѣ я могу уѣзжать отъ Полины, развѣ я могу не шпионить кругомъ нея? Шпионство, конечно, подло, но—какое мнѣ до этого дѣло?

Любопытень мнѣ тоже былъ вчера и сегодня мистеръ Астлей. Да, я убѣжденъ, что онъ влюбленъ въ Полину! Любопытно и смѣшно, сколько иногда можетъ выразить взглядъ стыдливаго и болѣзненно-цѣломудреннаго чловѣка, тронутаго любовью, и именно въ то время, когда чловѣкъ ужъ, конечно, радъ бы скорѣе сквозь землю провалиться, чѣмъ что-нибудь высказать или выразить словомъ или взглядомъ. Мистеръ Астлей весьма часто встрѣчается съ нами на прогулкахъ. Онъ снимаетъ шляпу и проходитъ мимо, умирая, разумѣется, отъ желанія къ намъ присоединиться. Если же его приглашаютъ, то онъ тотчасъ отказывается. На мѣстахъ отдыха, въ вокзалѣ, на музыкѣ, или предъ фонтаномъ, онъ уже непременно останавливается гдѣ-нибудь недалеко отъ нашей скамейки, и гдѣ бы мы ни были, въ паркѣ-ли, въ лѣсу-ли, или на Шлангенбергѣ,—стоитъ только вскинуть глазами, посмотрѣть кругомъ, и непременно гдѣ-нибудь, или на ближайшей тропинкѣ, или изъ-за куста, покажется уголокъ мистера Астлея. Мнѣ кажется, онъ ищетъ случая со мною говорить особенно. Сегодня утромъ мы встрѣтились и перекинули два слова. Онъ говоритъ иной разъ какъ-то

чрезвычайно отрывисто. Еще не сказавъ „здравствуйте“, онъ началъ съ того, что проговорилъ:

— A, m-lle Blanche!. Я много видѣлъ такихъ женщинъ, какъ m-lle Blanche!

Онъ замолчалъ, знаменательно смотря на меня. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, не знаю, потому что на вопросъ мой: что это значитъ? онъ съ хитрою улыбкою кивнулъ головою и прибавилъ „ужь это такъ“. — M-lle Pauline очень любить цвѣты?

— Не знаю, совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ я.

— Какъ? Вы и этого не знаете! вскричалъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не знаю, совсѣмъ не замѣтилъ, повторилъ я, смѣясь.

— Гм! это даетъ мнѣ одну особую мысль.

Тутъ онъ кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Онъ, впрочемъ, имѣлъ довольный видъ. Говоримъ мы съ нимъ на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ.

ГЛАВА IV.

Сегодня былъ день смѣшной, безобразный, нелѣпый. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Я сижу въ своей каморкѣ и припоминаю. Началось съ того, что утромъ принужденъ-таки былъ идти на рулетку, чтобъ играть для Полины Александровны. Я взялъ всѣ ея сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, но подъ двумя условіями: первое — что я не хочу играть въ половинѣ, то-есть, если выиграю, то ничего не возьму себѣ, и второе, что вечеромъ Полина разяснить мнѣ: для чего именно ей такъ нужно выиграть и сколько именно денегъ. Я все-таки никакъ не могу предположить, чтобы это было просто для денегъ. Тутъ видимо деньги необходимы, и какъ можно скорѣе, для какой-то особенной цѣли. Она общалась разяснить, и я отправился. Въ игорныхъ залахъ толпа была ужасная. Какъ нахальны они и какъ всѣ они жадны! Я протѣснился къ серединѣ и сталъ возлѣ самаго крупѣра; затѣмъ сталъ робко пробовать игру, ставя по двѣ и по три монеты. Между тѣмъ я наблюдалъ и замѣчалъ; мнѣ показалось, что собственно расчетъ довольно мало значить и вовсе не имѣетъ той важности, которую ему придаютъ многіе игроки. Они сидятъ съ разграфленными бумажками, замѣчаютъ удары, считаютъ, выводятъ шансы, разсчитываютъ, наконецъ, ставятъ и — проигрываютъ точно такъ же, какъ и мы, простые смертные, играющіе безъ рас-

чету. Но зато я вывелъ одно заключеніе, которое, кажется, вѣрно: дѣйствительно въ теченіе случайныхъ шансовъ бываетъ, хоть и не система, но какъ будто какой-то порядокъ,—что, конечно, очень странно. Напримѣръ, бываетъ, что послѣ двѣнадцати среднихъ цифръ наступаютъ двѣнадцать послѣднихъ; два раза, положимъ, ударъ ложится на эти двѣнадцать послѣднихъ и переходитъ на двѣнадцать первыхъ. Упавъ на двѣнадцать первыхъ, переходитъ опять на двѣнадцать среднихъ, ударяетъ сряду три-четыре раза по среднимъ, и опять переходитъ на двѣнадцать послѣднихъ, гдѣ, опять послѣ двухъ разъ, переходитъ къ первымъ, на первыхъ опять бьетъ одинъ разъ, и опять переходитъ на три удара среднихъ, и такимъ образомъ продолжается въ теченіе полутора или двухъ часовъ. Одинъ, три и два; одинъ, три и два. Это очень забавно. Иной день или иное утро идетъ, напримѣръ, такъ, что красная смѣняется черною и обратно, почти безъ всякаго порядка, поминутно, такъ что больше двухъ-трехъ ударовъ сряду на красную или на черную не ложится. На другой же день, или на другой вечеръ бываетъ сряду одна красная, доходитъ, напримѣръ, больше, чѣмъ до двадцати двухъ разъ сряду и такъ идетъ непремѣнно въ продолженіе нѣкотораго времени, напримѣръ, въ продолженіе цѣлаго дня. Мнѣ много въ этомъ объяснилъ мистеръ Астлей, который цѣлое утро простоялъ у игорныхъ столовъ, но самъ не поставилъ ни разу. Что же касается до меня, то я весь проигрался до тла и очень скоро. Я прямо, сразу поставилъ на чѣтку двадцать фридрихсдоровъ и выигралъ, поставилъ опять и опять выигралъ, и такимъ образомъ еще два или три. Я думаю, у меня сошло въ рукахъ около четырехсотъ фридрихсдоровъ въ какія-нибудь пять минутъ. Тутъ бы мнѣ и отойти, но во мнѣ родилось какое-то странное ощущеніе, какой-то вызовъ судьбѣ, какое-то желаніе дать ей щелчокъ, выставить ей языкъ. Я поставилъ самую большую позволенную ставку въ четыре тысячи гульденовъ, и проигралъ. Затѣмъ, разгорячившись, вынулъ все, что у меня оставалось, поставилъ на ту же ставку, и проигралъ опять, послѣ чего отошелъ отъ стола, какъ оглушенный. Я даже не понималъ, что это со мною было, и объявилъ о моемъ проигрышѣ Полинѣ Александровнѣ только передъ самымъ обѣдомъ. До того времени я все шатался въ паркѣ.

За обѣдомъ я былъ опять въ возбужденномъ состояніи, такъ же, какъ и три дня тому назадъ. Французъ и m-lle Blanche опять обѣдали съ нами. Оказалось, что m-lle Blanche была утромъ въ игорныхъ залахъ и видѣла мои подвиги. Въ этотъ разъ она заговорила со мною какъ-то внимательнѣе. Французъ пошелъ прямѣе и просто спросилъ меня: — неужели я проигралъ свои собственныя деньги? Мнѣ кажется, онъ подозрѣваетъ Полину. Однимъ словомъ, тутъ что-то есть. Я тотчасъ же солгалъ и сказалъ, что свои.

Генералъ былъ чрезвычайно удивленъ: откуда я взялъ такія деньги? Я объяснилъ, что началъ съ десяти фридрихсдоровъ, что шесть или семь ударовъ сряду, на-двое, довели меня до пяти или до шести тысячъ гульденовъ и что потомъ я все спустилъ съ двухъ ударовъ.

Все это, конечно, было вѣроятно. Объясняя это, я посмотрѣлъ на Полину, но ничего не могъ разобрать въ ея лицѣ. Однакожь, она мнѣ дала солгать и не поправляла меня; изъ этого я заключилъ, что мнѣ и надо было солгать и скрыть, что я игралъ за нее. Во всякомъ случаѣ, думалъ я про себя, она обязана мнѣ объясненіемъ и давеча обѣщала мнѣ кое-что открыть.

Я думалъ, что генералъ сдѣлаетъ мнѣ какое-нибудь замѣчаніе, но онъ промолчалъ; зато я замѣтилъ въ лицѣ его волненіе и безпокойство. Можетъ-быть, при крутыхъ его обстоятельствахъ, ему просто тяжело было выслушать, что такая значительная груда золота пришла и ушла въ четверть часа у такого неразсчитливаго дурака, какъ я.

Я подозрѣваю, что у него вчера вечеромъ вышла съ французомъ какая-то жаркая контра. Они долго и съ жаромъ говорили о чемъ-то, запершись. Французъ ушелъ, какъ будто чѣмъ-то раздраженный, а сегодня рано утромъ опять приходилъ къ генералу — и, вѣроятно, чтобъ продолжать вчерашній разговоръ.

Выслушавъ о моемъ проигрышѣ, французъ ѣдко и даже злобно замѣтилъ мнѣ, что надо было быть благоразумнѣе. Не знаю, для чего онъ прибавилъ, что хоть русскихъ и много играетъ, но, по его мнѣнію, русскіе даже и играть не способны.

— А по моему мнѣнію, рулетка только и создана для русскихъ, сказалъ я.

И когда французъ на мой отзывъ презрительно усмѣх-

нулся, я замѣтилъ ему, что ужъ, конечно, правда на моей сторонѣ, потому что, говоря о русскихъ, какъ объ игрокахъ, я гораздо болѣе ругаю ихъ, чѣмъ хвалю, и что мнѣ, стало-быть, можно вѣрить.

— На чемъ же вы основываете ваше мнѣніе? спросилъ французъ.

— На томъ, что въ катехизисъ добродѣтелей и достоинствъ цивилизованнаго западнаго человѣка вошла исторически, и чуть-ли не въ видѣ главнаго пункта, способность пріобрѣтенія капиталовъ. А русскій не только не способенъ пріобрѣтать капиталы, но даже и расточаетъ ихъ какъ-то зря и безобразно. Тѣмъ не менѣе, намъ, русскимъ, деньги тоже нужны, прибавилъ я, — а слѣдственно мы очень рады и очень падки на такіе способы, какъ, на примѣръ, рулетки, гдѣ можно разбогатѣть вдругъ, въ два часа, не трудясь. Это насъ очень прельщаетъ; а такъ какъ мы и играемъ зря, безъ труда, то и проигрываемся!

— Это отчасти справедливо, замѣтилъ самодовольно французъ.

— Нѣтъ, это не справедливо, и вамъ стыдно такъ отзываться о своемъ отечествѣ, строго и внушительно замѣтилъ генераль.

— Помилуйте, отвѣчалъ я ему, — вѣдь, право, неизвѣстно еще, что гаже: русское-ли безобразіе, или нѣмецкій способъ накопленія честнымъ трудомъ?

— Какая безобразная мысль! воскликнулъ генераль.

— Какая русская мысль! воскликнулъ французъ.

Я смѣялся, мнѣ ужасно хотѣлось ихъ раззадорить.

— А я лучше захочу всю жизнь прокочевать въ киргизской палаткѣ, вскричалъ я, — чѣмъ поклоняться нѣмецкому идолу.

— Какому идолу? вскричалъ генераль, уже начиная серьезно сердиться.

— Нѣмецкому способу накопленія богатствъ. Я здѣсь не долго, но однакожъ все-таки, что я здѣсь успѣлъ подмѣтить и провѣрить, возмущаетъ мою татарскую породу. Ей-Богу, не хочу такихъ добродѣтелей! Я здѣсь успѣлъ уже вчера обойти верстъ на десять кругомъ. Ну, точь-въ-точь то же самое, какъ въ правоучительныхъ нѣмецкихъ книжечкахъ съ картинками: есть здѣсь вездѣ у нихъ, въ каждомъ домѣ, свой фатеръ, ужасно добродѣтельный и необыкновенно честный. Ужъ такой честный, что подойти

къ нему страшно. Терпѣть не могу честныхъ людей, къ которымъ подходить страшно. У каждаго этакого фатера есть семья, и по вечерамъ всѣ они вслухъ поучительныя книги читаютъ. Надъ домикомъ шумять вязы и каштаны. Закатъ солнца, на крышѣ аистъ, и все необыкновенно поэтическое и трогательное... Ужъ вы не сердитесь, генераль, позвольте мнѣ рассказать потрогательнѣе. Я самъ помню, какъ мой отецъ, покойникъ, тоже подъ липками, въ палисадникѣ, по вечерамъ вслухъ читалъ мнѣ и матери подобныя книжки... Я вѣдь самъ могу судить объ этомъ, какъ слѣдуетъ. Ну, такъ, всякая этакая здѣшняя семья въ полнѣйшемъ рабствѣ и повиновеніи у фатера. Всѣ работаютъ, какъ волю, и всѣ копятъ деньги, какъ жида. Положимъ, фатерь скопиль уже столько-то гульденовъ и рассчитываетъ на старшаго сына, чтобы ему ремесло аль землишку передать; для этого дочери приданого не даютъ и она остается въ дѣвкахъ. Для этого же младшаго сына продаютъ въ кабалу, аль въ солдаты и деньги приобщаютъ къ домашнему капиталу. Право, это здѣсь дѣлается; я спрашивалъ. Все это дѣлается не иначе, какъ отъ честности, отъ усиленной честности, до того, что и младшій проданный сынъ вѣруеть, что его не иначе, какъ отъ честности продали, а ужъ это идеаль, когда сама жертва радуется, что ее на закланіе ведутъ. Чтѣ же дальше? Дальше то, что и старшему тоже не легче: есть тамъ у него такая Амальхень, съ которою онъ сердцемъ соединился, но жениться нельзя, потому что гульденовъ еще столько не накоплено. Тоже ждуть благонравно и искренно, и съ улыбкой на закланіе идутъ. У Амальхень ужъ щеки ввалились, сохнуть. Наконецъ, лѣтъ черезъ двадцать благосостояніе умножилось; гульдены честно и добродѣтельно скоплены. Фатерь благословляетъ сорокалѣтняго старшаго сына и тридцатипятилѣтнюю Амальхень, съ изсохшей грудью и краснымъ носомъ... При этомъ плачетъ, мораль читаетъ и умираетъ. Старшій превращается самъ въ добродѣтельнаго фатера, и начинается опять та же исторія. Лѣтъ такъ чрезъ пятьдесятъ или черезъ семьдесятъ, внукъ перваго фатера дѣйствительно уже осуществляетъ значительный капиталъ и передаетъ своему сыну, тотъ своему, тотъ своему, и поколѣній черезъ пять или шесть выходитъ самъ баронъ Ротшильдъ или Гоппе и Комп., или тамъ чортъ знаетъ кто. Ну-съ, какъ же не величественное зрѣлище: столѣт-

ній или двухсотлѣтній преемственный трудъ, терпѣніе, умъ, честность, характеръ, твердость, расчетъ, аистъ на крышѣ! Чего же вамъ еще, вѣдь ужъ выше этого нѣтъ ничего и съ этой точки они сами начинаютъ весь міръ судить и виновныхъ, то-есть чуть-чуть на нихъ не похожихъ, тотчасъ же казнить. Ну-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: я ужъ лучше хочу дебоширить по-русски или разживаться на рулеткѣ. Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрезъ пять поколѣній. Мнѣ деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чѣмъ-то необходимымъ и придаточнымъ къ капиталу. Я знаю, что я ужасно навралъ, но пусть оно такъ и будетъ. Таковы мои убѣжденія.

— Не знаю, много-ли правды въ томъ, что вы говорили, задумчиво замѣтилъ генераль, — но знаю навѣрное, что вы нестерпимо начинаете форсить, чуть лишь вамъ капельку позволять забыться...

По обыкновенію своему, онъ не договорилъ. Если нашъ генераль начиналъ о чемъ-нибудь говорить хоть капельку позначительнѣе обыкновеннаго обыденнаго разговора, то никогда не договаривалъ. Французъ небрежно слушалъ, немного выпучивъ глаза. Онъ почти ничего не понималъ изъ того, что я говорилъ. Полина смотрѣла съ какимъ-то высокоумѣреннымъ равнодушіемъ. Казалось, она не только меня, но и ничего не слыхала изъ сказаннаго въ этотъ разъ за столомъ.

ГЛАВА V.

Она была въ необыкновенной задумчивости, но тотчасъ по выходѣ изъ-за стола велѣла мнѣ сопровождать себя на прогулку. Мы взяли дѣтей и отправились въ паркъ къ фонтану.

Такъ какъ я былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, то и брякнулъ глупо и грубо вопросъ: „почему нашъ маркизь Де-Гріе, французикъ, не только не сопровождаетъ ее теперь, когда она выходитъ куда-нибудь, но даже и не говоритъ съ нею по цѣлымъ днямъ?“

— Потому что онъ подлецъ, странно отвѣтила она мнѣ. Я никогда еще не слышалъ отъ нея такого отзыва о Де-Гріе и замолчалъ, побоявшись понять эту раздражительность.

— А замѣтили-ли вы, что онъ сегодня не въ ладахъ съ генераломъ?

— Вамъ хочется знать въ чемъ дѣло, сухо и раздражительно отвѣчала она. — Вы знаете, что генераль весь у него въ закладѣ, все имѣніе—его, и если бабушка не умретъ, то французъ немедленно войдетъ во владѣніе всѣмъ, чтò у него въ закладѣ.

— А, такъ это дѣйствительно правда, что все въ закладѣ? Я слышалъ, но не зналъ, что рѣшительно все.

— А то какъ же?

— И при этомъ прощай m-lle Blanche, замѣтилъ я. — Не будетъ она тогда генеральшей! Знаете-ли чтò: мнѣ кажется, генераль такъ влюбился, что, пожалуй, застрѣлится, если m-lle Blanche его броситъ. Въ его лѣта такъ влюбляться опасно.

— Мнѣ самой кажется, что съ нимъ что-нибудь будетъ, задумчиво замѣтила Полина Александровна.

— И какъ это великолѣпно, вскричалъ я,—грубѣ нельзя показать, что она согласилась выйти только за деньги! Тутъ даже приличій не соблюдалось, совсѣмъ безъ церемоніи происходило. Чудо! А насчетъ бабушки, чтò комичнѣе и грязнѣе, какъ посылать телеграмму за телеграммою и спрашивать: умерла-ли, умерла-ли? А? Какъ вамъ это нравится, Полина Александровна?

— Это все вздоръ, сказала она съ отвращеніемъ, перебивая меня. — Я, напротивъ того, удивляюсь, что вы въ такомъ развеселомъ расположеніи духа. Чему вы рады? Неужели тому, что мои деньги проиграли?

— Зачѣмъ вы давали ихъ мнѣ проигрывать? Я вамъ сказалъ, что не могу играть для другихъ, тѣмъ болѣе для васъ! Я послушаюсь, чтò бы вы мнѣ ни приказали, но результатъ не отъ меня зависитъ. Я вѣдь предупредилъ, что ничего не выйдетъ. Скажите, вы очень убиты, что потеряли столько денегъ? Для чего вамъ столько?

— Къ чему эти вопросы?

— Но вѣдь вы сами обѣщали мнѣ объяснить... Слушайте: я совершенно убѣжденъ, что когда начну играть для себя (а у меня есть двѣнадцать фридрихсдоровъ), то я выиграю. Тогда, сколько вамъ надо, берите у меня.

Она сдѣлала презрительную мину.

— Вы не сердитесь на меня, продолжалъ я,—за такое предложеніе. Я до того проникнуть сознаниемъ того, что я нуль предъ вами, то-есть въ вашихъ глазахъ, что вамъ можно даже принять отъ меня и деньги. Подаркомъ отъ меня вамъ нельзя обижаться. Притомъ же я проигралъ ваши.

Она быстро поглядѣла на меня и, замѣтивъ, что я говорю раздражительно и саркастически, опять перебила разговоръ.

— Вамъ нѣтъ ничего интереснаго въ моихъ обстоятельствахъ. Если хотите знать, я просто должна. Деньги взяты мною займы и я хотѣла бы ихъ отдать. У меня была безумная и странная мысль, что я непременно выиграю, здѣсь, на игорномъ столѣ. Почему была эта мысль у меня — не понимаю, но я въ нее вѣрила. Кто знаетъ, можетъ-быть, потому и вѣрила, что у меня никакого другого шанса при выборѣ не оставалось.

— Или потому, что ужъ слишкомъ *надо* было выиграть. Это точь-въ-точь, какъ утопающій, который хватается за соломинку. Согласитесь сами, что если бъ онъ не утопалъ, то онъ не считалъ бы соломинку за древесный сукъ.

Полина удивилась.

— Какъ же, спросила она,—вы сами-то на то же самое надѣетесь? Двѣ недѣли назадъ, вы сами мнѣ говорили однажды, много и долго, о томъ, что вы вполне увѣрены въ выигрышъ здѣсь на рулеткѣ, и убѣждали меня, чтобъ я не смотрѣла на васъ, какъ на безумнаго; или вы тогда шутили? Но я помню, вы говорили такъ серьезно, что никакъ нельзя было принять за шутку.

— Это правда, отвѣчалъ я задумчиво,—я до сихъ поръ увѣренъ вполне, что выиграю. Я даже вамъ признаюсь, что вы меня теперь навели на вопросъ: почему именно мой сегодняшній безтолковый и безобразный проигрышъ не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія? Я все-таки вполне увѣренъ, что чуть только я начну играть для себя, то выиграю непременно.

— Почему же вы такъ навѣрно убѣждены?

— Если хотите,—не знаю. Я знаю только, что мнѣ *надо* выиграть, что это тоже единственный мой исходъ. Ну, вотъ потому, можетъ-быть, мнѣ и кажется, что я непременно долженъ выиграть.

— Стало-быть, вамъ тоже слишкомъ *надо*, если вы фанатически увѣрены?

— Бьюсь объ закладъ, что вы сомнѣваетесь, что я въ состояннн ощущать серьезную надобность?

— Это мнѣ все равно, тихо и равнодушно отвѣтила Полина.—Если хотите—*да*, я сомнѣваюсь, чтобъ васъ мучило что-нибудь серьезное. Вы можете мучиться, но не серьезно. Вы человекъ безпорядочный и неустановившійся.

Для чего вамъ деньги? Во всѣхъ резонахъ, которые вы мнѣ тогда представили, я ничего не нашла серьезнаго.

— Кстати, перебилъ я,—вы говорили, что вамъ долгъ нужно отдать. Хорошо, значить, долгъ! Не французу-ли?

— Что за вопросы? Вы сегодня особенно рѣзки. Ужъ не пьяны-ли?

— Вы знаете, что я все себѣ позволяю говорить и спрашиваю иногда очень откровенно. Повторяю, я вашъ рабъ, а рабовъ не стыдятся и рабъ оскорбить не можетъ.

— Все это вздоръ! И терпѣть я не могу этой вашей „рабской теоріи“.

— Замѣтьте себѣ, что я не потому говорю про мое рабство, чтобъ желалъ быть вашимъ рабомъ, а просто — говорю какъ о фактѣ, совсѣмъ не отъ меня зависящемъ.

— Говорите прямо: зачѣмъ вамъ деньги?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Какъ хотите, отвѣтила она, и гордо повела головой.

— Рабской теоріи не терпите, а рабства требуете: „отвѣчать и не разсуждать!“ Хорошо, пусть такъ. Зачѣмъ деньги, вы спрашиваете? Какъ зачѣмъ? Деньги — все!

— Понимаю, но не впадать же въ такое сумасшествіе, ихъ желая! Вы вѣдь тоже доходите до изступленія, до фатализма. Тутъ есть что-нибудь, кака-то особая цѣль. Говорите безъ извилинъ, я такъ хочу.

Она какъ будто начинала сердиться, и мнѣ ужасно понравилось, что она такъ съ сердцемъ допрашивала.

— Разумѣется, есть цѣль, сказалъ я,—но я не сумѣю объяснить — кака-я. Больше ничего, что съ деньгами я стану и для васъ другимъ человѣкомъ, а не рабомъ.

— Какъ? Какъ вы этого достигнете?

— Какъ достигну? Какъ, вы даже не понимаете, какъ могу я достигнуть, чтобъ вы взглянули на меня иначе, какъ на раба! Ну, вотъ этого-то я и не хочу, такихъ удивленій и недоумѣній!

— Вы говорили, что вамъ это рабство — наслажденіе. Я такъ и сама думала.

— Вы такъ думали! вскричалъ я съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ. — Ахъ, какъ этакая наивность отъ васъ хороша! Ну, да, да, мнѣ отъ васъ рабство — наслажденіе. Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени приниженности и ничтожества! продолжалъ я бредить. — Чортъ знаетъ, можетъ-быть, оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину и рветъ въ клочки мясо... Но я хочу,

можетъ-быть, попытать и другихъ наслажденій. Мнѣ давеча генераль при васъ за столомъ наставленіе читаль за семьсотъ рублей въ годъ, которыхъ я, можетъ-быть, еще и не получу отъ него. Меня маркизь Де-Гріе, поднявши брови, разсматриваетъ и въ то же время не замѣчаетъ. А я, съ своей стороны, можетъ-быть, желаю страстно взять маркиза Де-Гріе при васъ за носъ!

— Рѣчи молокососа. При всякомъ положеніи можно поставить себя съ достоинствомъ. Если тутъ борьба, то она еще возвыситъ, а не унизитъ.

— Прямо изъ прописи! Вы только предположите, что я, можетъ-быть, не умѣю поставить себя съ достоинствомъ. То-есть я, пожалуй, и достойный человѣкъ, а поставить себя съ достоинствомъ не умѣю. Вы понимаете, что такъ можетъ быть? Да всѣ русскіе таковы, и знаете почему: потому что русскіе слишкомъ богато и многосторонне одарены, чтобъ скоро пріискать себѣ приличную форму. Тутъ дѣло въ формѣ. Большею частью мы, русскіе, такъ богато одарены, что для приличной формы намъ нужна геніальность. Ну, а геніальности-то всего чаще и не бываетъ, потому что она и вообще рѣдко бываетъ. Это только у французовъ и, пожалуй, у нѣкоторыхъ другихъ европейцевъ такъ хорошо опредѣлилась форма, что можно глядѣть съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и быть самымъ недостойнымъ человѣкомъ. Оттого такъ много форма у нихъ и значить. Французъ перенесетъ оскорбленіе, настоящее, сердечное оскорбленіе, и не поморщится, но щелчка въ носъ ни за что не перенесетъ, потому что это есть нарушеніе принятой и увѣковѣченной формы приличій. Оттого-то такъ и падки наши барышни до французовъ, что форма у нихъ хороша. По-моему, впрочемъ, никакой формы и нѣтъ, а одинъ только пѣтухъ, le coq gaulois. Впрочемъ, этого я понимать не могу, я не женщина. Можетъ-быть, пѣтухи и хороши. Да и вообще я заврался, а вы меня не останавливаете. Останавливайте меня чаще, когда я съ вами говорю, мнѣ хочется высказать все, все, все. Я теряю всякую форму. Я даже согласенъ, что я не только формы, но и достоинствъ никакихъ не имѣю. Объявляю вамъ объ этомъ. Даже не забочусь ни о какихъ достоинствахъ. Теперь все во мнѣ остановилось. Вы сами знаете отчего. У меня ни одной человѣческой мысли нѣтъ въ головѣ. Я давно ужъ не знаю, что на свѣтѣ дѣлается, ни въ Россіи, ни здѣсь. Я, вотъ, Дрез-

день проѣхалъ и не помню, какой такой Дрезденъ. Вы сами знаете, что меня поглотило. Такъ какъ я не имѣю никакой надежды и въ глазахъ вашихъ нуль, то и говорю прямо: я только васъ вездѣ вижу, а остальное мнѣ все равно. За что, и какъ я васъ люблю — не знаю. Знаете-ли, что, можетъ-быть, вы вовсе не хороши? Представьте себѣ, я даже не знаю, хороши-ли вы, или нѣтъ, даже лицомъ? Сердце, навѣрное, у васъ нехорошее; умъ неблагородный, это очень можетъ быть.

— Можетъ-быть, вы потому и разсчитываете закупить меня деньгами, сказала она,—что не вѣрите въ мое благодѣтельство?

— Когда я разсчитывалъ купить васъ деньгами? вскричалъ я.

— Вы зарпортовались и потеряли вашу нитку. Если не меня купить, то мое уваженіе вы думаете купить деньгами.

— Ну, нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Я вамъ сказалъ, что мнѣ трудно объясняться. Вы подавляете меня. Не сердитесь на мою болтовню. Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: я просто сумасшедшій. А, впрочемъ, мнѣ все равно, хоть и сердитесь. Мнѣ у себя наверху, въ каморкѣ, стбитъ вспомнить и вообразить только шумъ вашего платья, и я руки себѣ искушать готовъ. И за что вы на меня сердитесь? За то, что я называю себя рабомъ? Пользуйтесь, пользуйтесь моимъ рабствомъ, пользуйтесь! Знаете-ли вы, что я когда-нибудь васъ убью? Не потому убью, что разлюблю или приревную, а такъ, просто убью, потому что меня иногда тянетъ васъ съѣсть. Вы смѣетесь...

— Совсѣмъ не смѣюсь, сказала она съ гнѣвомъ. — Я приказываю вамъ молчать.

Она остановилась, едва переводя духъ отъ гнѣва. Ей-Богу, я не знаю, хороша-ли она была собой, но я всегда любилъ смотрѣть, когда она такъ предо мною останавливалась, а потому и любилъ часто вызывать ея гнѣвъ. Можетъ-быть, она замѣтила это и нарочно сердилась. Я ей это высказалъ.

— Какая грязь! воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Мнѣ все равно, продолжалъ я. — Знаете-ли еще, что намъ вдвоемъ ходить опасно: меня много разъ непреодолимо тянуло прибить васъ, изуродовать, задушить. И что вы думаете, до этого не дойдетъ? Вы доведете

меня до горячки. Ужъ не скандала-ли я побоюсь? Гнѣва вашего? Да что мнѣ вашъ гнѣвъ? Я люблю безъ надежды и знаю, что послѣ этого въ тысячу разъ больше буду любить васъ. Если я васъ когда-нибудь убью, то надо вѣдь и себя убить будетъ; ну, такъ—я себя какъ можно дольше буду не убивать, чтобъ эту нестерпимую боль безъ васъ ощутить. Знаете-ли вы невѣроятную вещь: я васъ съ каждымъ днемъ люблю *больше*, а вѣдь это почти невозможно. И послѣ этого мнѣ не быть фаталистомъ? Помните, третьяго дня, на Шлангенбергѣ, я прошепталъ вамъ, вызванный вами: скажите слово, и я соскочу въ эту бездну. Если бъ вы сказали это слово, я бы тогда соскочилъ. Неужели вы не вѣрите, что я бы соскочилъ?

— Какая глупая болтовня! вскричала она.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, глупа-ли она, или умна! вскричалъ я.—Я знаю, что при васъ мнѣ надо говорить, говорить, говорить—и я говорю. Я все самолюбие при васъ теряю, и мнѣ все равно.

— Къ чему мнѣ заставлять васъ прыгать съ Шлангенберга? сказала она сухо и какъ-то особенно обидно.— Это совершенно для меня бесполезно.

— Великолѣпно! вскричалъ я,—вы нарочно сказали это великолѣпное „бесполезно“, чтобъ меня придавить. Я васъ насквозь вижу. Бесполезно, говорите вы? Но вѣдь удовольствие всегда полезно, а дикая, безпредѣльная власть—хоть надъ мухой—вѣдь это тоже своего рода наслаждение. Человѣкъ деспотъ отъ природы и любить быть мучителемъ. Вы ужасно любите.

Помню, она разсматривала меня съ какимъ-то особенно пристальнымъ вниманіемъ. Должно-быть, лицо мое выражало тогда всѣ мои безтолковыя и нелѣпыя ощущенія. Я припоминаю теперь, что и дѣйствительно у насъ, почти слово въ слово, такъ шелъ тогда разговоръ, какъ я здѣсь описалъ. Глаза мои налились кровью. На окраинахъ губъ запекалась пѣна. А что касается Шлангенберга, то, клянусь честью, даже и теперь: если-бъ она тогда приказала мнѣ броситься внизъ, я бы бросился! Если-бъ для шутки одной сказала, если-бъ съ презрѣніемъ, съ плевкомъ на меня сказала,—я бы и тогда соскочилъ!

— Нѣтъ, почему-жъ, я вамъ вѣрю, произнесла она, но такъ, какъ она только умѣетъ иногда выговаривать, съ такимъ презрѣніемъ и ехидствомъ, съ такимъ высокомеріемъ, что, ей-Богу, я могъ убить ее въ эту минуту.

Она рисковала. Про это я тоже не солгалъ, говоря ей.

— Вы не трусь? спросила она меня вдругъ.

— Не знаю, можетъ-быть, и трусь. Не знаю... я объ этомъ давно не думалъ.

— Если-бъ я сказала вамъ: убейте этого человѣка, вы бы убили его?

— Кого?

— Кого я захочу.

— Француза?

— Не спрашивайте, а отвѣчайте. Кого я укажу. Я хочу знать, серьезно-ли вы сейчасъ говорили?

Она такъ серьезно и нетерпѣливо ждала отвѣта, что мнѣ какъ-то странно стало.

— Да скажете-ли вы мнѣ, наконецъ, что такое здѣсь происходитъ! вскричалъ я.—Что вы, боитесь, что-ли, меня? Я самъ вижу всѣ здѣшніе безпорядки. Вы падчерица разорившагося и сумасшедшаго человѣка, зараженнаго страстью къ этому дьяволу—Blanche; потомъ, тутъ—этотъ французъ, съ своимъ таинственнымъ вліяніемъ на васъ и,—вотъ теперь вы мнѣ такъ серьезно задаете... такой вопросъ. По крайней мѣрѣ, чтобъ я зналъ; иначе я здѣсь помѣшаюсь и что-нибудь сдѣлаю. Или вы стыдитесь удостоить меня откровенности? Да развѣ вамъ можно стыдиться меня?

— Я съ вами вовсе не о томъ говорю. Я васъ спросила, и жду отвѣта.

— Разумѣется, убью, вскричалъ я, — кого вы мнѣ только прикажете! Но развѣ вы можете... развѣ вы это прикажете?

— А что вы думаете, васъ пожалѣю? Прикажу, а сама въ сторонѣ останусь. Перенесете вы это? Да нѣтъ, гдѣ вамъ! Вы, пожалуй, и убьете по приказу, а потомъ и меня придете убить, за то, что я смѣла васъ посылать.

Мнѣ какъ бы что-то въ голову ударило при этихъ словахъ. Конечно, я и тогда считалъ ея вопросъ наполовину за шутку, за вызовъ; но все-таки она слишкомъ серьезно проговорила. Я все-таки былъ пораженъ, что она такъ высказалась, что она удерживаетъ такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мною и такъ прямо говорить: „иди на погибель, а я въ сторонѣ останусь“. Въ этихъ словахъ было что-то такое циничское и откровенное, что, по-моему, было ужъ слишкомъ много. Такъ, стало-быть, какъ же смотреть она на

меня послѣ этого? Это ужъ перешло за черту рабства и ничтожества. Послѣ такого взгляда, человѣка возносятъ до себя. И какъ ни нелѣпъ, какъ ни невѣроятенъ былъ весь нашъ разговоръ, но сердце у меня дрогнуло.

Вдругъ она захохотала. Мы сидѣли тогда на скамьѣ, предъ игравшими дѣтьми, противъ самаго того мѣста, гдѣ останавливались экипажи и высаживали публику въ аллею передъ вокзаломъ.

— Видите вы эту толстую баронессу? вскричала она.— Это баронесса Вурмергельмъ. Она только три дня какъ приѣхала. Видите ея мужа: длинный сухой пруссакъ, съ палкой въ рукѣ. Помните, какъ онъ третьяго дня насъ оглядывалъ? Ступайте сейчасъ, подойдите къ баронессѣ, снимите шляпу и скажите ей что-нибудь по-французски.

— Зачѣмъ?

— Вы клялись, что соскочили бы съ Шлангенберга, вы клянетесь, что готовы убить, если я прикажу. Въмѣсто всѣхъ этихъ убійствъ и трагедій, я хочу только посмѣяться. Ступайте безъ отговорокъ. Я хочу посмотреть, какъ баронъ васъ прибьетъ палкой.

— Вы вызываете меня; вы думаете, что я не сдѣлаю?

— Да, вызываю, ступайте, я такъ хочу!

— Извольте, иду, хоть это и дикая фантазія. Только вотъ что: чтобы не было непріятности генералу, а отъ него вамъ? Ей-Богу я не о себѣ хлопочу, а о васъ, ну — и о генералѣ. И что за фантазія идти оскорблять женщину?

— Нѣтъ, вы только болтунъ, какъ я вижу, сказала она презрительно.— У васъ только глаза кровью налились давеча, — впрочемъ, можетъ-быть, оттого, что вы вина много выпили за обѣдомъ. Да развѣ я не понимаю сама, что это и глупо и пошло, и что генераль разсердится? Я просто смѣяться хочу. Ну, хочу, да и только! И зачѣмъ вамъ оскорблять женщину? Скорѣе васъ прибьютъ палкой.

Я повернулся и молча пошелъ исполнять ея порученіе. Конечно, это было глупо и, конечно, я не сумѣлъ вернуться, но когда я сталъ подходить къ баронессѣ, помню, меня самого какъ будто что-то подзадорило, именно школьничество подзадорило. Да и раздраженъ я былъ ужасно, точно пьянъ.

ГЛАВА VI.

Вотъ уже два дня прошло послѣ того глупаго дня. И сколько крику, шуму, толку, стуку! И какая все это безпорядица, неурядица, глупость и пошлость, и я всему причиною. А, впрочемъ, иногда бываетъ смѣшно,—мнѣ, по крайней мѣрѣ. Я не умѣю себѣ дать отчета, что со мною сдѣлалось, въ изступленномъ-ли я состояніи нахожусь, въ самомъ дѣлѣ, или просто съ дороги соскочилъ и безобразничаю, пока не свяжутъ. Порой мнѣ кажется, что у меня умъ мѣшается. А порой кажется, что я еще недалеко отъ дѣтства, отъ школьной скамейки, и просто грубо школьничаю.

Это Полина, это все Полина! Можетъ-быть, не было бы и школьничества, если бы не она. Кто знаетъ, можетъ-быть, я это все съ отчаянія (какъ ни глупо, впрочемъ, такъ разсуждать). И не понимаю, не понимаю, что въ ней хорошаго! Хороша-то она, впрочемъ, хороша; кажется, хороша. Вѣдь она и другихъ съ ума сводить. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мнѣ кажется, ее можно всю въ узелъ завязать или перегнуть на-двое. Слѣдокъ ноги у ней узенькій и длинный,—мучительный. Именно мучительный. Волосы съ рыжимъ оттѣнкомъ. Глаза—настоящіе кошачьи, но какъ она гордо и высокомерно умѣетъ ими смотрѣть. Мѣсяца четыре тому назадъ, когда я только что поступилъ, она, разъ вечеромъ, въ залѣ съ Де-Гріе долго и горячо разговаривала. И такъ на него смотрѣла... что потомъ я, когда къ себѣ пришелъ ложиться спать, вообразилъ, что она дала ему пощечину, только что дала, стоитъ передъ нимъ и на него смотреть... Вотъ съ этого-то вечера я ее и полюбилъ.

Впрочемъ, къ дѣлу.

Я спустился по дорожкѣ въ аллею, сталъ посрединѣ аллеи и выжидалъ баронессу и барона. Въ пяти шагахъ разстоянія я снялъ шляпу и поклонился.

Помню, баронесса была въ шелковомъ необъятной окружности платьѣ, свѣтлосѣраго цвѣта, съ оборками, въ кринолинѣ и съ хвостомъ. Она мала собой и толстоты необычайной, съ ужасно толстымъ и отвислымъ подбородкомъ, такъ что совсѣмъ не видно шеи. Лицо багровое. Глаза маленькіе, злые и наглые. Идетъ—точно всѣхъ чествоуетъ. Баронъ сухъ, высокъ. Лицо, по нѣмецкому обыкновенію, кривое и въ тысячѣ мелкихъ морщинокъ;

въ очкахъ; сорока пяти лѣтъ. Ноги у него начинаются чуть-ли не съ самой груди; это, значить, порода. Гордъ, какъ павлинь. Мѣшковать немного. Что-то баранье въ выраженіи лица, по-своему замѣняющее глубокомысліе.

Все это мелькнуло мнѣ въ глаза въ три секунды.

Мой поклонъ и моя шляпа въ рукахъ сначала едва-едва остановили ихъ вниманіе. Только баронъ слегка насупилъ брови. Баронесса такъ и плыла прямо на меня.

— *Madame la baronne*, проговорилъ я отчетливо вслухъ, отчеканивая каждое слово, — *j'ai l'honneur d'être votre esclave*.

Затѣмъ поклонился, надѣлъ шляпу и прошелъ мимо барона, вѣжливо обращая къ нему лицо и улыбаясь.

Шляпу снятъ велѣла мнѣ она, но поклонился и школьничалъ я ужъ самъ отъ себя. Чортъ знаетъ, что меня подтолкнуло! Я точно съ горы летѣлъ.

— Гейнъ! крикнулъ или, лучше сказать, крикнулъ баронъ, оборачиваясь ко мнѣ съ сердитымъ удивленіемъ.

Я обернулся и остановился въ почтительномъ ожиданіи, продолжая на него смотрѣть и улыбаться. Онъ видимо недоумѣвалъ и подтянулъ брови до *nes plus ultra*. Лицо его все болѣе и болѣе омрачалось. Баронесса тоже повернулась въ мою сторону и тоже посмотрѣла въ гнѣвномъ недоумѣніи. Изъ прохожихъ стали засматриваться. Иные даже приостанавливались.

— Гейнъ! крикнулъ опять баронъ съ удвоеннымъ крикомъ и съ удвоеннымъ гнѣвомъ.

— *Ja wohl!* протянулъ я, продолжая смотрѣть ему прямо въ глаза.

— *Sind sie rasend?* крикнулъ онъ, махнувъ своей палкой и, кажется, немного начиная трусить. Его, можетъ-быть, смущалъ мой костюмъ. Я былъ очень прилично, даже щегольски одѣтъ, какъ человѣкъ, вполне принадлежащій къ самой порядочной публикѣ.

— *Ja wo-o-ohl!* крикнулъ я вдругъ изо всей силы, протянувъ *o*, какъ протягиваютъ берлинцы, поминутно употребляющіе въ разговорѣ фразу: „*ja wohl*“ и при этомъ протягивающіе букву *o* болѣе или менѣе, для выраженія различныхъ оттѣнковъ мыслей и ощущеній.

Баронъ и баронесса быстро повернулись и почти побѣжали отъ меня въ испугъ. Изъ публики иные заговорили, другіе смотрѣли на меня въ недоумѣніи. Впрочемъ, не помню хорошо.

Я оборотился и пошелъ обмыновеннымъ шагомъ къ Полинѣ Александровнѣ. Но еще не доходя шаговъ сотни до ея скамейки, я увидѣлъ, что она встала и отправилась съ дѣтьми къ отелю.

Я настигъ ее у крыльца.

— Исполнилъ... дурачество, сказалъ я, поровнявшись съ нею.

— Ну такъ что-жь! Теперь и раздѣлывайтесь, отвѣтила она, даже и не взглянувъ на меня, и пошла по лѣстницѣ.

Весь этотъ вечеръ я проходилъ въ паркѣ. Черезъ паркъ, и потомъ черезъ лѣсъ, я прошелъ даже въ другое княжество. Въ одной избушкѣ ѣлъ яичницу и пилъ вино; за эту идиллію съ меня содрали цѣлыхъ полтора талера.

Только въ одиннадцатъ часовъ я воротился домой. Тотчасъ же за мною прислали отъ генерала.

Наши въ отелѣ занимаютъ два номера; у нихъ четыре комнаты. Первая—большая—салонъ, съ роялемъ. Рядомъ съ нею тоже большая комната—кабинетъ генерала. Здѣсь ждалъ онъ меня, стоя среди кабинета въ чрезвычайно величественномъ положеніи. Де-Гріе сидѣлъ, развалился, на диванѣ.

— Милостивый государь, позвольте спросить, что вы надѣлали? началъ генераль, обращаясь ко мнѣ.

— Я бы желалъ, генераль, чтобы вы приступили прямо къ дѣлу, сказалъ я.—Вы, вѣроятно, хотите говорить о моей встрѣчѣ сегодня съ однимъ нѣмцемъ?

— Съ однимъ нѣмцемъ?! Этотъ нѣмецъ—баронъ Вурмергельмъ и важное лицо-съ! Вы надѣлали ему и баронессѣ грубостей.

— Никакихъ.

— Вы испугали ихъ, милостивый государь! крикнулъ генераль.

— Да совсѣмъ же нѣтъ. Мнѣ еще въ Берлинѣ запало въ ухо непрерывно повторяемое ко всякому слову: *Ja wohl*, которое они такъ отвратительно протягиваютъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ аллеѣ, мнѣ вдругъ это „*ja wohl*“, не знаю почему, вскопало на память, ну и подѣйствовало на меня раздражительно... Да къ тому же баронесса, вотъ ужъ три раза, встрѣчаясь со мною, имѣетъ обыкновеніе идти прямо на меня, какъ будто бы я былъ червякъ, котораго можно ногою давить. Согласитесь, я тоже могу имѣть свое самолюбіе. Я снялъ шляпу и вѣжливо

(увѣряю васъ, что вѣжливо) сказалъ: „Madame j'ai l'honneur d'être votre esclave“. Когда баронъ обернулся и сказалъ „гейнт!“—меня вдругъ такъ и подтолкнуло тоже закричать: „ja wohl!“ Я и крикнулъ два раза: первый разъ обыкновенно, а второй—протянувъ изо всей силы. Вотъ и все.

Признаюсь, я ужасно былъ радъ этому въ высшей степени мальчишескому объясненію. Мнѣ удивительно хотѣлось размазывать всю эту исторію какъ можно нелѣпѣе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ я болѣе во вкусъ входилъ.

— Вы смѣтаете, что-ли, надо мною, крикнулъ генералъ. Онъ обернулся къ французу и по-французски изложилъ ему, что я рѣшительно напрашиваюсь на исторію. Де-Гріе презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— О, не имѣйте этой мысли, ничуть не бывало! вскричалъ я генералу,—мой поступокъ, конечно, не хорошъ, я въ высшей степени откровенно вамъ сознаюсь въ этомъ. Мой поступокъ можно назвать даже глупымъ и неприличнымъ школьничествомъ, но—не болѣе. И знаете, генералъ, я въ высшей степени раскаяваюсь. Но тутъ есть одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ почти избавляетъ меня даже и отъ раскаянія. Въ послѣднее время, этихъ недѣли двѣ, даже три, я чувствую себя нехорошо: больнымъ, нервнымъ, раздражительнымъ, фантастическимъ и, въ иныхъ случаяхъ, теряю совсѣмъ надъ собою волю. Право, мнѣ иногда ужасно хотѣлось нѣсколько разъ вдругъ обратиться къ маркизу Де-Гріе и... А, впрочемъ, нечего договаривать, можетъ, ему будетъ обидно. Однимъ словомъ, это признаки болѣзни. Не знаю, приметъ-ли баронесса Вурмергельмъ во вниманіе это обстоятельство, когда я буду просить у нея извиненія (потому что я намѣренъ просить у нея извиненія). Я полагаю, не приметъ, тѣмъ болѣе, что, сколько извѣстно мнѣ, этимъ обстоятельствомъ начали въ послѣднее время злоупотреблять въ юридическомъ мірѣ: адвокаты при уголовныхъ процессахъ стали весьма часто оправдывать своихъ кліентовъ—преступниковъ тѣмъ, что они въ моментъ преступленія ничего не помнили и что это, будто бы, такая болѣзнь. „Прибилъ, дескать, и ничего не помнить“. И представьте себѣ, генералъ, медицина имъ поддакиваетъ,—дѣйствительно подтверждаетъ, что бываетъ такая болѣзнь, такое временное помѣшательство, когда человѣкъ почти ничего не помнить, или полупомнить, или четверть помнить. Но баронъ и баронессы—люди поколѣнія стараго, притомъ прусскіе

юнкеры и помѣщики. Имъ, должно-быть, этотъ прогрессъ въ юридическо-медицинскомъ мѣрѣ еще неизвѣстенъ, а потому они и не примутъ моихъ объясненій. Какъ вы думаете, генераль?

— Довольно, сударь! рѣзко и съ сдержаннымъ негодованіемъ произнесъ генераль, — довольно! Я постараюсь, разъ навсегда, избавить себя отъ вашего школьничества. Извиняться передъ баронессою и барономъ вы не будете. Всякія сношенія съ вами, даже хотя бы они состояли единственно въ вашей просьбѣ о прощеніи, будутъ для нихъ слишкомъ унижительно. Баронъ, узнавъ, что вы принадлежите къ моему дому, объяснился ужъ со мною въ вокзалѣ и, признаюсь вамъ, еще немного и онъ потребовалъ бы у меня удовлетворенія. Понимаете-ли вы, чему подвергали вы меня, — меня, милостивый государь! Я, я принужденъ былъ просить у барона извиненія и далъ ему слово, что немедленно, сегодня же, вы не будете принадлежать къ моему дому.

— Позвольте, позвольте, генераль, такъ это онъ самъ непремѣнно потребовалъ, чтобъ я не принадлежалъ къ вашему дому, какъ вы изволите выразаться?

— Нѣтъ; но я самъ почелъ себя обязаннымъ дать ему это удовлетвореніе и, разумѣется, баронъ остался доволенъ. Мы расстаемся, милостивый государь. Вамъ слѣдуетъ дополучить съ меня эти четыре фридрихсдора и три флорина на здѣшній расчетъ. Вотъ деньги, а вотъ и бумажка съ расчетомъ; можете это провѣрить. Прощайте. Съ этихъ поръ мы чужіе. Кромѣ хлопотъ и непріятностей, я не видалъ отъ васъ ничего. Я позову сейчасъ кельнера и объявлю ему, что съ завтрашняго дня не отвѣчаю за ваши расходы въ отелѣ. Честь имѣю пребыть вашимъ слугою.

Я взялъ деньги, бумажку, на которой былъ карандашомъ написанъ расчетъ, поклонился генералу и весьма серьезно сказалъ ему:

— Генераль, дѣло такъ окончиться не можетъ. Мнѣ очень жаль, что вы подвергались непріятностямъ отъ барона, но — извините меня — виною этому вы сами. Какимъ образомъ взяли вы на себя отвѣчать за меня барону? Что значитъ выраженіе, что я принадлежу къ вашему дому? Я просто учитель въ вашемъ домѣ, и только. Я не сынъ родной, не подъ опекой у васъ, а за поступки мои вы не можете отвѣчать. Я самъ лицо юридически-компетентное. Мнѣ двадцать пять лѣтъ, я кандидатъ университета, я

дворянинъ, я вамъ совершенно чужой. Только одно мое безграничное уваженіе къ вашимъ достоинствамъ останавливаетъ меня потребовать отъ васъ теперь же удовлетворенія и дальнѣйшаго отчета въ томъ, что вы взяли на себя право за меня отвѣчать.

Генераль былъ до того пораженъ, что руки разставилъ, потомъ вдругъ оборотился къ французу и торопливо передалъ ему, что я чуть не вызвалъ его сейчасъ на дуэль. Французъ громко захохоталъ.

— Но барону я спустить не намѣренъ, продолжалъ я съ полнымъ хладнокровіемъ, нимало не смущаясь смѣхомъ m-r Де-Гріе,—и такъ какъ вы, генераль, согласившись сегодня выслушать жалобы барона и войдя въ его интересъ, поставили сами себя какъ бы участникомъ во всемъ этомъ дѣлѣ, то я честь имѣю вамъ доложить, что не позже какъ завтра поутру потребую у барона, отъ своего имени, формальнаго объясненія причинъ, по которымъ онъ, имѣя дѣло со мною, обратился мимо меня къ другому лицу,—точно я не могъ или былъ недостойнъ отвѣчать ему самъ за себя.

Что я предчувствовалъ, то и случилось. Генераль, услышавъ эту новую глупость, струсилъ ужасно.

— Какъ, неужели вы намѣрены еще продолжать это проклятое дѣло! вскричалъ онъ,—но что-жъ со мной-то вы дѣлаете, о, Господи! Не смѣйте, не смѣйте, милостивый государь, или, клянусь вамъ!.. Здѣсь есть тоже начальство, и я... я... однимъ словомъ, по моему чину... и баронъ тоже... однимъ словомъ, васъ заарестуютъ и вышлютъ отсюда съ полиціей, чтобъ вы не буйнили. Понимаете это-съ! И хоть ему захватило духъ отъ гнѣва, но все-таки онъ струсилъ ужасно.

— Генераль, отвѣчалъ я, съ нестерпимымъ для него спокойствіемъ,—заарестовать нельзя за буйство прежде совершенія буйства. Я еще не начиналъ моихъ объясненій съ барономъ, а вамъ еще совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ я намѣренъ приступить къ этому дѣлу. Я желаю только разъяснить обидное для меня предположеніе, что я нахожусь подъ опекой у лица, будто бы имѣющаго власть надъ моей свободной волею. Напрасно вы такъ себя тревожите и беспокоите.

— Ради Бога, ради Бога, Алексѣй Ивановичъ, оставьте это бессмысленное намѣреніе! бормоталъ генераль, вдругъ измѣняя свой разгнѣванный тонъ на умоляющій,

и даже схвативъ меня за руки.—Ну, представьте, что изъ этого выйдетъ? Опять непріятность! Согласитесь сами, я долженъ здѣсь держать себя особеннымъ образомъ, особенно теперь! Особенно теперь!.. О, вы не знаете, не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ!.. Когда мы отсюда поѣдемъ, я готовъ опять принять васъ къ себѣ. Я теперь только такъ, ну, однимъ словомъ,—вѣдь вы понимаете же причины! вскричалъ онъ отчаянно.—Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ!..

Ретируясь къ дверямъ, я еще разъ усиленно просилъ его не беспокоиться; обѣщалъ, что все пройдетъ хорошо и прилично, и поспѣшилъ выйти.

Иногда русскіе за границей бываютъ слишкомъ трусливы и ужасно боятся того, что скажутъ, и какъ на нихъ поглядятъ, и будетъ-ли прилично вотъ то-то и то-то? Однимъ словомъ, держать себя точно въ корсетѣ, особенно претендующіе на значеніе. Самое любое для нихъ—какая-нибудь предвзятая, разъ установленная форма, которой они рабски слѣдуютъ—въ отеляхъ, на гуляньяхъ, въ собраніяхъ, въ дорогѣ... Но генераль проговорился, что у него сверхъ того были какія-то особыя обстоятельства, что ему надо какъ-то „особенно держаться“. Оттого-то онъ такъ вдругъ малодушно и струсилъ, и перемѣнилъ со мной тонъ. Я это принялъ къ свѣдѣнію и замѣтилъ. И, конечно, онъ могъ сдуру обратиться завтра къ какимъ-нибудь властямъ, такъ что мнѣ надо было въ самомъ дѣлѣ быть осторожнымъ.

Мнѣ, впрочемъ, вовсе не хотѣлось сердить собственно генерала; но мнѣ захотѣлось теперь посердить Полину. Полина обошла со мною такъ жестоко и сама толкнула меня въ такую глупую дорогу, что мнѣ очень хотѣлось довести ее до того, чтобы она сама попросила меня остановиться. Мое школьничество, могло, наконецъ, и ее компрометтировать. Кромѣ того, во мнѣ сформировались кой-какія другія ощущенія и желанія; если я, напримѣръ, исчезаю передъ нею самовольно въ ничто, то это вовсе вѣдь не значитъ, что предъ людьми я мокрая курица и ужъ, конечно, не барону „бить меня палкой“. Мнѣ хотѣлось надъ всѣми ними насмѣяться, а самому выйти молодцомъ. Пусть посмотрятъ. Небось! она испугается скандала и кликнетъ меня опять. А и не кликнетъ, такъ все-таки увидитъ, что я не мокрая курица.

(Удивительное извѣстiе: сейчасъ только услышалъ отъ нашей няни, которую встрѣтилъ на лѣстницѣ, что Марья Филипповна отправилась сегодня, одна-одинѣшенька, въ Карлсбадъ, съ вечернимъ поѣздомъ, къ двоюродной сестрѣ. Это что за извѣстiе? Няня говорить, что она давно собиралась; но какъ же этого никто не зналъ? Впрочемъ, можетъ, я только не зналъ. Няня проговорилась мнѣ, что Марья Филипповна съ генераломъ еще третьяго дня крупно поговорила. Понимаю-сь. Это навѣрно — m-lle Blanche. Да, у насъ наступаетъ что-то рѣшительное).

ГЛАВА VII.

На утро я позвалъ кельнера и объявилъ, чтобы счетъ мнѣ писали особенно. Номеръ мой былъ не такъ еще дорогъ, чтобы очень пугаться и совсѣмъ выѣхать изъ отеля. У меня было шестнадцать фридрихсдоровъ, а тамъ... тамъ, можетъ-быть, богатство! Странное дѣло, я еще не выигралъ, но поступаю, чувствую и мыслю, какъ богачъ, и не могу представлять себя иначе.

Я располагалъ, несмотря на раннiй часъ, тотчасъ же отправиться къ мистеру Астлею въ отель d'Angleterre, очень недалеко отъ насъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ Де-Гриѣ. Этого никогда еще не случалось, да сверхъ того съ этимъ господиномъ, во все послѣднее время, мы были въ самыхъ чуждыхъ и въ самыхъ натянутыхъ отношенiяхъ. Онъ явно не скрывалъ своего ко мнѣ пренебреженiя, даже старался не скрывать; а я—я имѣлъ свои особыя причины его не жаловать. Однимъ словомъ, я его ненавидѣлъ. Приходъ его меня очень удивилъ. Я тотчасъ же смекнулъ, что тутъ что-нибудь особенное заварилось.

Вошелъ онъ очень любезно и сказалъ мнѣ комплиментъ насчетъ моей комнаты. Видя, что я со шляпой въ рукахъ, онъ освѣдомился, неужели я такъ рано выхожу гулять. Когда же услышалъ, что я иду къ мистеру Астлею по дѣлу, подумалъ, сообразилъ, и лицо его приняло чрезвычайно озабоченный видъ.

Де-Гриѣ былъ какъ всѣ французы, то-есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселымъ и любезнымъ переставала необходимость. Французъ рѣдко натурально любезенъ; онъ любезенъ всегда какъ бы по приказу, изъ расчета. Если, напримѣръ, видитъ необходимость быть фантастичнымъ,

оригинальнымъ, понеобыденнѣе, то фантазія его самая глупая и неестественная, слагается изъ заранѣе принятыхъ и давно уже опошлившихся формъ. Натуральный же французъ состоитъ изъ самой мѣщанской, мелкой, обыденной положительности,—однимъ словомъ, скучнѣйшее существо въ мірѣ. По-моему, только новички и особенно русскія барышни прельщаются французами. Всякому же порядочному существу тотчасъ же замѣтна и нестерпима эта казенщина разъ установившихся формъ салонной любезности, развязности и веселости.

— Я къ вамъ по дѣлу, началъ онъ чрезвычайно независимо, хотя, впрочемъ, вѣжливо,—и не скрою, что къ вамъ посломъ или, лучше сказать, посредникомъ отъ генерала. Очень плохо зная русскій языкъ, я ничего почти вчера не понималъ; но генераль мнѣ подробно объяснилъ и, признаюсь...

— Но, послушайте, m-r Де-Гріе, перебилъ я его,—вы вотъ и въ этомъ дѣлѣ взяли быть посредникомъ. Я, конечно, „un outchitel“ и никогда не претендовалъ на честь быть близкимъ другомъ этого дома или на какія-нибудь особенно интимныя отношенія, а потому и не знаю всѣхъ обстоятельствъ; но разъясните мнѣ: неужели вы ужъ теперь совсѣмъ принадлежите къ членамъ этого семейства? Потому что вы, наконецъ, во всемъ берете такое участіе, непременно, сейчасъ же во всемъ посредникомъ...

Вопросъ мой ему не понравился. Для него онъ былъ слишкомъ прозраченъ, а проговариваться онъ не хотѣлъ.

— Меня связываютъ съ генераломъ отчасти дѣла, отчасти *нѣкоторыя особенныя* обстоятельства, сказалъ онъ сухо.—Генераль прислалъ меня просить васъ оставить ваши вчерашнія намѣренія. Все, что вы выдумали, конечно, очень остроумно; но онъ именно просилъ меня представить вамъ, что вамъ совершенно не удастся; мало того—васъ баронъ не приметъ и, наконецъ, во всякомъ случаѣ, онъ вѣдь имѣетъ всѣ средства избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей съ вашей стороны. Согласитесь сами. Къ чему же, скажите, продолжать? Генераль же вамъ обѣщаетъ, навѣрное, принять васъ опять въ свой домъ, при первыхъ удобныхъ обстоятельствахъ, а до того времени зачестъ ваше жалованье, vos appointements. Вѣдь это довольно выгодно, не правда-ли?

Я возразилъ ему весьма спокойно, что онъ нѣсколько ошибается; что, можетъ-быть, меня отъ барона и не про-

гонять, а, напротивъ, выслушаютъ, и попросилъ его признаться, что вѣроятно онъ затѣмъ и пришелъ, чтобъ выпытать: какъ именно я примусь за все это дѣло.

— О, Боже, если генераль такъ заинтересованъ, то, разумѣется, ему пріятно будетъ узнать, что и какъ вы будете дѣлать? Это такъ естественно!

Я принялся объяснять, а онъ началъ слушать, развѣлся, нѣсколько склонивъ ко мнѣ на-бокъ голову, съ явнымъ, нескрываемымъ ироническимъ отгѣнкомъ въ лицѣ. Вообще, онъ держалъ себя чрезвычайно свысока. Я старался всѣми силами притвориться, что смотрю на дѣло съ самой серьезной точки зрѣнія. Я объяснилъ, что такъ какъ баронъ обратился къ генералу съ жалобою на меня, точно на генеральскаго слугу, то, во-первыхъ, лишилъ меня этимъ мѣста, а, во-вторыхъ, третировалъ меня, какъ лицо, которое не въ состояніи за себя отвѣтить и съ которымъ не стоить и говорить. Конечно, я чувствую себя справедливо обиженнымъ; однако, понимая разницу лѣтъ, положенія въ обществѣ и прочее, и прочее (я едва удерживался отъ смѣха въ этомъ мѣстѣ), не хочу брать на себя еще новаго легкомыслія, то-есть прямо потребовать отъ барона, или даже только предложить ему, объ удовлетвореніи. Тѣмъ не менѣе, я считаю себя совершенно въ правѣ предложить ему, и особенно баронессѣ, мои извиненія, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, въ послѣднее время я чувствую себя нездоровымъ, разстроеннымъ и, такъ сказать, фантастическимъ, и прочее, и прочее. Однакъжъ, самъ баронъ вчерашнимъ обиднымъ для меня обращеніемъ къ генералу и настояніемъ, чтобы генераль лишилъ меня мѣста, поставилъ меня въ такое положеніе, что теперь я уже не могу представить ему и баронессѣ мои извиненія, потому что и онъ, и баронесса, и весь свѣтъ, навѣрно подумаютъ, что я пришелъ съ извиненіями со страха, чтобъ получить назадъ свое мѣсто. Изъ всего этого слѣдуетъ, что я нахожусь теперь вынужденнымъ просить барона, чтобы онъ первоначально извинился предо мною самъ, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ,—напримѣръ, сказалъ бы, что онъ вовсе не желалъ меня обидѣть. И когда баронъ это выскажетъ, тогда я уже съ развязанными руками, чистосердечно и искренно принесу ему и мои извиненія. Однимъ словомъ, заключилъ я,—я прошу только, чтобы баронъ развязалъ мнѣ руки.

— Фи, какая щепетильность и какія утонченности! И

чего вамъ извиняться? Ну, согласитесь, м-г... м-г... что вы затѣваете все это нарочно, чтобы досадить генералу... а, можетъ-быть, имѣете какія-нибудь особыя цѣли... *mon cher monsieur... pardon, j'ai oublié votre nom, m-r Alexis?.. N'est ce pas?*

— Но позвольте, *mon cher marquis*, да вамъ что за дѣло?

— *Mais le général...*

— А генералу что? Онъ вчера что-то говорилъ, что держать себя на какой-то ногѣ долженъ... и такъ тревожился... но я ничего не понималъ.

— Тутъ есть, тутъ именно существуетъ особое обстоятельство, подхватилъ Де-Гриэ просящимъ тономъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалась досада.—Вы знаете *m-lle de Cominges?*..

— То-есть *m-lle Blanche?*

— Ну, да, *m-lle Blanche de Cominges...* et madame sa mère... согласитесь сами, генераль... однимъ словомъ, генераль влюбленъ и даже... даже, можетъ-быть, здѣсь совершится бракъ. И представьте при этомъ разные скандалы, исторіи...

— Я не вижу тутъ ни скандаловъ, ни исторій, касающихся брака.

— Но *le baron est si irascible, un caractère prussien, vous savez, enfin il fera une querelle d'Allemand.*

— Такъ мнѣ же, а не вамъ, потому что я уже не принадлежу къ дому... (Я нарочно старался быть какъ можно безтолковѣе). Но позвольте, такъ это рѣшено, что *m-lle Blanche* выходитъ за генерала? Чего же ждутъ? Я хочу сказать, что скрывать объ этомъ, по крайней мѣрѣ отъ насъ, отъ домашнихъ?

— Я вамъ не могу... впрочемъ, это еще не совѣмъ... однако... вы знаете, ждутъ изъ Россіи извѣстія; генералу надо устроить дѣла...

— А, а! *La baboulinka!*

Де-Гриэ съ ненавистью посмотрѣлъ на меня.

— Однимъ словомъ, перебилъ онъ, — я вполне надѣюсь на вашу врожденную любезность, на вашъ умъ, на тактъ... вы, конечно, сдѣлаете это для того семейства, въ которомъ вы были приняты какъ родной, были любимы, уважаемы...

— Помилуйте, я былъ выгнанъ! Вы, вотъ, утверждаете теперь, что это для виду; но согласитесь, если вамъ скажутъ: „я, конечно, не хочу тебя выдрать за уши, но для

виду позволъ себя выдрать за уши“... Такъ вѣдь это почти все равно!

— Если такъ, если никакія просьбы не имѣютъ на васъ вліянія, началъ онъ строго и заносчиво,—то позволите васъ увѣрить, что будутъ приняты мѣры. Тутъ есть начальство, васъ вышлютъ сегодня же,—*que diable! Un blanc-bec comme vous*, хочеть вызвать на дуэль такое лицо, какъ баронъ! И вы думаете, что васъ оставятъ въ покоѣ? И, повѣрьте, васъ никто здѣсь не боится! Если я просилъ, то болѣе отъ себя, потому что вы безпокоили генерала. И неужели, неужели вы думаете, что баронъ не велитъ васъ просто выгнать лакею?

— Да вѣдь я не самъ пойду, отвѣчалъ я съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ,—вы ошибаетесь, *m-r Де-Гріе*, все это обойдется гораздо приличнѣе, чѣмъ вы думаете. Я вотъ сейчасъ же отправлюсь къ мистеру Астлею и попрошу его быть моимъ посредникомъ, однимъ словомъ, быть моимъ *second*. Этотъ человѣкъ меня любитъ и, навѣрное, не откажетъ. Онъ пойдетъ къ барону и баронъ его приметъ. Если самъ я *un outchitel* и кажусь чѣмъ-то *subalterne*, ну и, наконецъ, безъ защиты, то мистеръ Астлей — племянникъ лорда, настоящаго лорда, это извѣстно всѣмъ, лорда Циброка, и лордъ этотъ здѣсь. Повѣрьте, что баронъ будетъ вѣжливъ съ мистеромъ Астлеемъ и выслушаетъ его. А если не выслушаетъ, то мистеръ Астлей почтетъ это себѣ за личную обиду (вы знаете, какъ англичане настойчивы) и пошлетъ къ барону отъ себя пріятеля, а у него пріятели хорошіе. Разочтите теперь, что выйдетъ, можетъ-быть, и не такъ, какъ вы полагаете.

Французъ рѣшительно струсилъ; дѣйствительно, все это было очень похоже на правду, а стало-быть, выходило, что я и въ самомъ дѣлѣ былъ въ силахъ затѣять исторію.

— Но прошу же васъ, началъ онъ совершенно умоляющимъ голосомъ, — оставьте все это! Вамъ точно пріятно, что выйдетъ исторія! Вамъ не удовлетворенія надобно, а исторіи! Я сказалъ, что все это выйдетъ забавно и даже остроумно—чего, можетъ-быть, вы и добиваетесь, но, однимъ словомъ, заключилъ онъ, видя, что я всталъ и беру шляпу, — я пришелъ вамъ передать эти два слова отъ одной особы,—прочтите, мнѣ поручено ждаль отвѣта.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ маленькую, сложенную и запечатанную облаткою записочку.

Рукою Полины было написано:

„Мнѣ показалось, что вы намѣрены продолжать эту исторію. Вы разсердились и начинаете школьничать. Но тутъ есть особыя обстоятельства, и я вамъ ихъ потому, можетъ-быть, объясню; а вы, пожалуйста, перестаньте и уймитесь. Какія все это глупости! Вы мнѣ нужны и сами общались слушаться. Вспомните Шлангенбергъ. Прошу васъ быть послушнымъ и, если надо, приказываю. Ваша П. Р. S. Если на меня за вчерашнее сердитесь, то простите меня“.

У меня какъ бы все перевернулось въ глазахъ, когда я прочелъ эти строчки. Губы у меня побѣлѣли и я сталъ дрожать. Проклятый французъ смотрѣлъ съ усиленно скромнымъ видомъ и отводя отъ меня глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть моего смущенія. Лучше бы онъ захохоталъ надо мною.

— Хорошо, отвѣтилъ я,—скажите, чтобы m-lle была спокойна. Позвольте же однако васъ спросить, прибавилъ я рѣзко,—почему вы такъ долго не передавали мнѣ эту записку? Въмѣсто того, чтобы болтать о пустякахъ, мнѣ кажется, вы должны были начать съ этого... если вы именно и пришли съ этимъ порученіемъ.

— О, я хотѣлъ... вообще все это такъ странно, что вы извините мое натуральное нетерпѣніе. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать самому лично, отъ васъ самихъ, ваши намѣренія. Я, впрочемъ, не знаю, что въ этой запискѣ, и думалъ, что всегда успѣю передать.

— Понимаю, вамъ просто-за-просто велѣно передать это только въ крайнемъ случаѣ, а если уладите на словахъ, то и не передавать. Такъ-ли? Говорите прямо, m-g Де-Гріе!

— Peut-être, сказалъ онъ, принимая видъ какой-то особенной сдержанности и смотря на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

Я взялъ шляпу; онъ кивнулъ головой и вышелъ. Мнѣ показалось, что на губахъ его насмѣшливая улыбка. Да и какъ могло быть иначе?

— Мы съ тобой еще сочтемся, французиска, помѣримся! бормоталъ я, сходя съ лѣстницы. Я еще ничего не могъ сообразить, точно что мнѣ въ голову ударило. Воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня.

Минуты черезъ двѣ, чуть-чуть только я сталъ ясно соображать, мнѣ ярко представились двѣ мысли: первая,—

что изъ такихъ пустяковъ, изъ нѣсколькихъ школьническихъ невѣроятныхъ угрозъ мальчишки, высказанныхъ вчера на-лету, поднялась такая *всеобщая* тревога! и *вторая* мысль—каково же, однако, вліяніе этого француза на Полину? Одно его слово—и она дѣлаетъ все, что ему нужно, пишетъ записку и даже *проситъ* меня. Конечно, ихъ отношенія и всегда для меня были загадкою съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знать началъ, однакожъ въ эти послѣдніе дни—я замѣтилъ въ ней рѣшительное отвращеніе и даже презрѣніе къ нему, а онъ даже и не смотрѣлъ на нее, даже просто бывалъ съ ней невѣжливъ. Я это замѣтилъ. Полина сама мнѣ говорила объ отвращеніи; у ней уже прорывались чрезвычайно значительныя признанія... Значитъ, онъ просто владѣетъ ею, она у него въ какихъ-то цѣпяхъ...

ГЛАВА VIII.

На променадѣ, какъ здѣсь называютъ, то-есть въ каштановой аллеѣ, я встрѣтилъ моего англичанина.

— О, о! началъ онъ, завидя меня,—я къ вамъ, а вы ко мнѣ. Такъ вы ужъ разстались съ вашими?

— Скажите, во-первыхъ, почему все это вы знаете, спросилъ я въ удивленіи,—неужели все это всѣмъ извѣстно?

— О, нѣтъ, всѣмъ не извѣстно; да и не стоить, чтобъ было извѣстно. Никто не говоритъ.

— Такъ почему вы это знаете?

— Я знаю, то-есть имѣлъ случай узнать. Теперь куда вы отсюда уѣдете? Я люблю васъ и потому къ вамъ пришелъ.

— Славный вы человекъ, мистеръ Астлей, сказалъ я (меня, впрочемъ, ужасно поразило: откуда онъ знаетъ?), и такъ какъ я еще не пилъ кофе, да и вы, вѣроятно, его плохо пили, то пойдете къ вокзалу въ кафѣ, тамъ сядемъ, закуримъ, и я вамъ все расскажу, и... вы тоже мнѣ расскажете...

Кафѣ было во ста шагахъ. Намъ принесли кофе, мы усѣлись, я закурилъ папиросу, мистеръ Астлей ничего не закурилъ и, уставившись на меня, приготовился слушать.

— Я никуда не ѣду, я здѣсь остаюсь, началъ я

— И я былъ увѣренъ, что вы останетесь, одобрительно произнесъ мистеръ Астлей.

Идя къ мистеру Астлею, я вовсе не имѣлъ намѣренія

и даже нарочно не хотѣлъ рассказывать ему что-нибудь о моей любви къ Полинь. Во всѣ эти дни я не сказалъ съ нимъ объ этомъ почти ни одного слова. Къ тому же онъ былъ очень застѣнчивъ. Я съ перваго раза замѣтилъ, что Полина произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе, но онъ никогда не упоминалъ ея имени. Но странно, вдругъ теперь, только что онъ усѣлся и уставился на меня своимъ пристальнымъ оловяннымъ взглядомъ, во мнѣ, неизвѣстно почему, явилась охота рассказать ему все, то-есть всю мою любовь и со всѣми ея оттѣнками. Я рассказывалъ цѣлые полчаса и мнѣ было это чрезвычайно пріятно, въ первый разъ я объ этомъ рассказывалъ! Замѣтивъ же, что въ нѣкоторыхъ, особенно пылкихъ мѣстахъ онъ смущается, я нарочно усиливалъ пылкость моего рассказа. Въ одномъ раскаиваюсь: я, можетъ-быть, сказалъ кое-что лишнее про француза...

Мистеръ Астлей слушалъ, сидя противъ меня неподвижно, не издавая ни слова, ни звука и глядя мнѣ въ глаза; но когда я заговорилъ про француза, онъ вдругъ осадилъ меня и строго спросилъ: имѣю-ли я право упомянуть объ этомъ постороннемъ обстоятельстве? Мистеръ Астлей всегда очень странно задавалъ вопросы.

— Вы правы: боюсь, что нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Объ этомъ маркизъ и о миссъ Полинь вы ничего не можете сказать точнаго, кромѣ однихъ предположеній?

Я опять удивился такому категорическому вопросу отъ такого застѣнчиваго человѣка, какъ мистеръ Астлей.

— Нѣтъ, точнаго ничего, отвѣтилъ я,—конечно, ничего.

— Если такъ, то вы сдѣлали дурное дѣло, не только тѣмъ, что заговорили объ этомъ со мною, но даже и тѣмъ, что про себя это подумали.

— Хорошо, хорошо! Сознаюсь; но теперь не въ томъ дѣло, перебилъ я, про себя удивляясь. Тутъ я ему рассказалъ всю вчерашнюю исторію, во всѣхъ подробностяхъ, выходку Полины, мое приключеніе съ барономъ, мою отставку, необыкновенную трусость генерала и, наконецъ, въ подробности изложилъ сегодняшнее посѣщеніе Де-Гріе, со всѣми оттѣнками; въ заключеніе показалъ ему записку.

— Что вы изъ этого выводите? спросилъ я.—Я именно пришелъ узнать ваши мысли. Что же до меня касается, то я, кажется, убилъ бы этого французишку, и, можетъ-быть, это сдѣлаю.

— И я, сказала мистеръ Астлей.—Что же касается до миссъ Полины, то... вы знаете, мы вступаемъ въ сношенія даже съ людьми намъ ненавистными, если насъ вызываетъ къ тому необходимость. Тутъ могутъ быть сношенія вамъ неизвѣстныя, зависящія отъ обстоятельствъ постороннихъ. Я думаю, что вы можете успокоиться—отчасти, разумѣтся. Что же касается до вчерашняго поступка ея, то онъ, конечно, страненъ,—не потому, что она пожелала отъ васъ отвязаться и послала васъ подъ дубину барона (которую, я не понимаю почему, онъ не употребилъ, имѣя въ рукахъ), а потому, что такая выходка для такой... для такой превосходной миссъ—неприлична. Разумѣтся, она не могла предугадать, что вы буквально исполните ея насмѣшливое желаніе...

— Знаете-ли что? вскричалъ я вдругъ, пристально всматриваясь въ мистера Астлея,—миѣ сдается, что вы уже о всемъ объ этомъ слышали, знаете отъ кого?—Отъ самой миссъ Полины!

Мистеръ Астлей посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— У васъ глаза сверкаютъ и я читаю въ нихъ подозрѣніе, проговорилъ онъ, тотчасъ же возвративъ себѣ прежнее спокойствіе,—но вы не имѣете ни малѣйшихъ правъ обнаруживать ваши подозрѣнія. Я не могу признать этого права и вполне отказываюсь отвѣчать на вашу вопросъ.

— Ну, довольно! И не надо! закричалъ я, странно волнуясь и не понимая, почему вскочило это миѣ въ мысль! И когда, гдѣ, какимъ образомъ, мистеръ Астлей могъ бы быть выбранъ Полиною въ повѣренныя? Въ послѣднее время, впрочемъ, я отчасти упустилъ изъ виду мистера Астлея, а Полина и всегда была для меня загадкой,—до того загадкой, что, напримѣръ, теперь, пустившись рассказывать всю исторію моей любви мистеру Астлею, я вдругъ, во время самаго рассказа, былъ пораженъ тѣмъ, что почти ничего не могъ сказать о моихъ отношеніяхъ съ нею точнаго и положительнаго. Напротивъ того, все было фантастическое, странное, неосновательное и даже ни на что непохожее.

— Ну, хорошо, хорошо; я сбить съ толку и теперь еще многого не могу сообразить, отвѣчалъ я, точно захыхавшись.—Впрочемъ, вы хорошій человекъ. Теперь друге дѣло, и я прошу вашего не совѣта, а миѣнія.

Я помолчалъ и началъ:

— Какъ вы думаете, почему такъ струсилъ генераль? Почему изъ моего глупѣйшаго шалопайничества они всё вывели такую исторію? Такую исторію, что даже самъ Де-Гріе нашелъ необходимымъ вмѣшаться (а онъ вмѣшивается только въ самыхъ важныхъ случаяхъ), посѣтилъ меня (каково!), просилъ, умолялъ меня — онъ, Де-Гріе, меня! Наконецъ, замѣйте себѣ, онъ пришелъ въ девять часовъ, въ концѣ девятаго, и ужъ записка миссъ Полины была въ его рукахъ. Когда же, спрашивается, она была написана? Можетъ-быть, миссъ Полину разбудили для этого! Кромѣ того, что изъ этого я вижу, что миссъ Полина его раба (потому что даже у меня просить прощенія!), — кромѣ этого, — ей-то что во всемъ этомъ, ей лично? Она для чего такъ интересуется? Чего они испугались какого-то барона? И что-жъ такое, что генераль женится на *m-lle Blanche de Cominges*? Они говорятъ, что имъ какъ-то особенно держать себя вслѣдствіе этого обстоятельства надо, — но вѣдь это ужъ слишкомъ особенно, согласитесь сами! Какъ вы думаете? Я по глазамъ вашимъ убѣжденъ, что вы и тутъ болѣе меня знаете!

Мистеръ Астлей усмѣхнулся и кивнулъ головой.

— Дѣйствительно, я, кажется, и въ этомъ гораздо больше вашего знаю, сказалъ онъ. — Тутъ все дѣло касается одной *m-lle Blanche*, и я увѣренъ, что это совершенная истина.

— Ну, что-жъ *m-lle Blanche*? вскричалъ я съ нетерпѣніемъ (у меня вдругъ явилась надежда, что теперь что-нибудь откроется о *m-lle Полинѣ*).

— Мнѣ кажется, что *m-lle Blanche* имѣетъ въ настоящую минуту особый интересъ всячески избѣгать встрѣчи съ барономъ и баронессой, — тѣмъ болѣе встрѣчи неприятной, еще хуже — скандальной.

— Ну! Ну!

— *M-lle Blanche*, третьяго года, во время сезона, уже была здѣсь, въ Рюлетенбургѣ. И я тоже здѣсь находился. *M-lle Blanche* тогда не называлась *m-lle de Cominges*, равномѣрно и мать ея, *m-me veuve Cominges* тогда не существовала. По крайней мѣрѣ, о ней не было и помину. Де-Гріе — Де-Гріе — тоже не было. Я питаю глубокое убѣжденіе, что они не только не родня между собою, но даже и знакомы весьма недавно. Маркизь Де-Гріе сталъ тоже весьма недавно, — и въ этомъ увѣренъ, по одному обстоятельству. Даже можно предположить, что онъ и Де-

Грие сталъ называться недавно. Я знаю здѣсь одного чело-
вѣка, встрѣчавшаго его и подъ другимъ именемъ.

— Но вѣдь онъ имѣеть дѣйствительно солидный кругъ
знакомства.

— О, это можетъ быть. Даже m-lle Blanche его можетъ
имѣть. Но третьяго года m-lle Blanche, по жалобѣ этой
самой баронессы, получила приглашеніе отъ здѣшней по-
лиціи покинуть городъ и покинула его.

— Какъ такъ?

— Она появилась тогда здѣсь — сперва съ однимъ
итальянцемъ, какимъ-то княземъ, съ историческимъ име-
немъ, что-то въ родѣ *Барберини* или что-то похожее. Че-
ловѣкъ, весь въ перстняхъ и брилльянтахъ, и даже не
фальшивыхъ. Они ѣздили въ удивительномъ экипажѣ.
M-lle Blanche играла въ *trente et quarante* сначала хо-
рошо, потомъ ей стало сильно измѣнять счастье; такъ я
припоминаю. Я помню, въ одинъ вечеръ она проиграла
чрезвычайную сумму. Но всего хуже, что *un beau matin*,
ея князь исчезъ неизвѣстно куда; исчезли и лошади, и
экипажъ, все исчезло. Долгъ въ отелѣ ужасный. M-lle
Зельма (вмѣсто Барберини она вдругъ обратилась въ m-lle
Зельму) была въ послѣдней степени отчаянія. Она выла
и визжала на весь отель, и разорвала въ бѣшенствѣ свое
платье. Тутъ же въ отелѣ стоялъ одинъ польскій графъ
(все путешествующіе поляки—графы) и m-lle Зельма, раз-
рывавшая свои платья и царапавшая, какъ кошка, свое
лицо своими прекрасными, вымытыми въ духахъ, руками,
произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Они перегово-
рили, и къ обѣду она утѣшилась. Вечеромъ, онъ появился
съ нею подъ-руку въ вокзалѣ. M-lle Зельма смѣялась, по
своему обыкновенію, весьма громко и въ манерахъ ея ока-
залось нѣсколько болѣе развязности. Она поступила прямо
въ тотъ разрядъ играющихъ на рулетѣ дамъ, которыя,
подходя къ столу, изо всей силы отталкиваютъ плечомъ
игрока, чтобы очистить себѣ мѣсто. Это особенный здѣсь
шикъ у этихъ дамъ. Вы ихъ, конечно, замѣтили?

— О, да.

— Не стоитъ и замѣчать. Къ досадѣ порядочной пу-
блики онѣ здѣсь не переводятся, по крайней мѣрѣ, тѣ
изъ нихъ, которыя мѣняютъ каждый день у стола тыся-
чефранковые билеты. Впрочемъ, какъ только онѣ пере-
стають мѣнять билеты, ихъ тотчасъ просятъ удалиться.
M-lle Зельма еще продолжала мѣнять билеты; но игра ея

шла еще несчастливѣе. Замѣтите себѣ, что эти дамы весьма часто играютъ счастливо; у нихъ удивительное владѣніе собою. Впрочемъ, исторія моя кончена. Однажды, точно такъ же какъ и князь, исчезъ и графъ. М-ле Зельма явилась вечеромъ играть уже одна; на этотъ разъ никто не явился предложить ей руку. Въ два дня она проигралась окончательно. Поставивъ послѣдній луидоръ и проигравъ его, она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла подлѣ себя барона Вурмергельма, который очень внимательно и съ глубокимъ негодованіемъ ее разсматривалъ. Но м-ле Зельма не разглядѣла негодованія и, обратившись къ барону съ извѣстной улыбкой, попросила поставить за нее на красную десять луидоровъ. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ баронессы, она къ вечеру получила приглашеніе не показываться болѣе въ вокзалѣ. Если вы удивляетесь, что мнѣ извѣстны всѣ эти мелкія и совершенно неприличныя подробности, то это потому, что слышалъ я ихъ окончательно отъ мистера Фидера, одного моего родственника, который въ тотъ же вечеръ увезъ въ своей коляскѣ м-ле Зельму изъ Рулетенбурга въ Спа. Теперь поймите: м-ле Blanche хочетъ быть генеральшей, вѣроятно для того, чтобы впредь не получать такихъ приглашеній, какъ третьяго года отъ полиціи вокзала. Теперь она уже не играетъ; но это потому, что теперь у ней, по всѣмъ признакамъ, есть капиталъ, который она ссужаетъ здѣшнимъ игрокамъ на проценты. Это гораздо разсчетливѣе. Я даже подозреваю, что ей долженъ и несчастный генераль. Можетъ-быть, долженъ и Де-Гріе. Можетъ-быть, Де-Гріе съ ней въ компаніи. Согласитесь сами, что, по крайней мѣрѣ, до свадьбы она бы не желала почему-либо обратить на себя вниманіе баронессы и барона. Однимъ словомъ, въ ея положеніи, ей всего менѣе выгоденъ скандалъ. Вы же связаны съ ихъ домомъ и ваши поступки могли возбудить скандалъ, тѣмъ болѣе, что она каждодневно является въ публикѣ подъ-руку съ генераломъ или съ миссъ Полиною. Теперь понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю! вскричалъ я, изо всей силы стукнувъ по столу такъ, что garçon прибѣжалъ въ испугѣ.

— Скажите, мистеръ Астлей, повторилъ я въ изступленіи,—если вы уже знали всю эту исторію, а слѣдственно знаете наизусть что такое м-ле Blanche de Cominges,—то какимъ образомъ не предупредили вы хоть меня,—самого генерала, наконецъ, а главное, главное миссъ Полину,

которая показывалась здѣсь въ вокзалѣ, въ публикѣ, съ m-lle Blanche подъ-руку? Развѣ это возможно?

— Васъ предупреждать мнѣ было нечего, потому что вы ничего не могли сдѣлать, спокойно отвѣчалъ мистеръ Астлей. — А, впрочемъ, и о чемъ предупреждать? Генераль, можетъ-быть, знаетъ о m-lle Blanche еще болѣе, чѣмъ я, и все-таки прогуливается съ нею и съ миссъ Полиной. Генераль — несчастный человѣкъ. Я видѣлъ вчера, какъ m-lle Blanche скакала на прекрасной лошади съ м-г Де-Гриэ и съ этимъ маленькимъ русскимъ княземъ, а генераль скакалъ за ними на рыжей лошади. Онъ утромъ говорилъ, что у него болятъ ноги, но посадка его была хороша. И вотъ въ это-то мгновеніе мнѣ вдругъ пришло на мысль, что это совершенно погибшій человѣкъ. Къ тому же все это не мое дѣло и я только недавно имѣлъ честь узнать миссъ Полину. А, впрочемъ (спохватился вдругъ мистеръ Астлей), я уже сказалъ вамъ, что не могу признать ваши права на нѣкоторые вопросы, не смотря на то, что искренно васъ люблю...

— Довольно, сказалъ я, вставая. — Теперь мнѣ ясно какъ день, что и миссъ Полинѣ все извѣстно о m-lle Blanche, но что она не можетъ разстаться со своимъ французомъ, а потому и рѣшается гулять съ m-lle Blanche. Повѣрьте, что никакія другія вліянія не заставляли бы ее гулять съ m-lle Blanche и умолять меня въ запискѣ не трогать барона. Тутъ именно должно быть это вліяніе, предъ которымъ все склоняется! И однако, вѣдь, она же меня и напустила на барона! Чортъ возьми, тутъ ничего не разберешь!

— Вы забываете, во-первыхъ, что эта m-lle de Cominges — невѣста генерала, а во-вторыхъ, что у миссъ Полины, падчерицы генерала, есть маленькій братъ и маленькая сестра, родныя дѣти генерала, ужъ совершенно брошенные этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, а, кажется, и ограбленныя.

— Да, да! Это такъ! Уйти отъ дѣтей — значитъ, ужъ совершенно ихъ бросить, остаться — значитъ, защитить ихъ интересы, а, можетъ-быть, и спасти клочки имѣнія. Да, да, все это правда! Но все-таки, все-таки! О, я понимаю, почему всѣ они такъ теперь интересуются бабуленькой!

— О комъ? спросилъ мистеръ Астлей.

— О той старой вѣдьмѣ въ Москвѣ, которая не уми-

раетъ и о которой ждуть телеграммы, что она умретъ.

— Ну, да, конечно, весь интересъ въ ней соединился.— Все дѣло въ наслѣдствѣ! Объявится наслѣдство и генераль женится; миссъ Полина будетъ тоже развязана, а Де-Гріе...

— Ну, а Де-Гріе?

— А Де-Гріе будутъ заплачены деньги; онъ того только здѣсь и ждетъ.

— Только! Вы думаете, только этого и ждетъ?

— Болѣе я ничего не знаю, упорно замолчалъ мистеръ Астлей.

— А я знаю, я знаю! повторилъ я въ ярости.— Онъ тоже ждетъ наслѣдства, потому что Полина получить приданое, а, получивъ деньги—тотчасъ кинется ему на шею. Всѣ женщины таковы! И самая гордая изъ нихъ—самыми-то пошлыми рабами и выходятъ! Полина способна только страстно любить и больше ничего! Вотъ мое мнѣніе о ней! Поглядите на нее, особенно, когда она сидитъ одна, задумавшись: это—что-то предназначенное, приговоренное, проклятое! Она способна на всѣ ужасы жизни и страсти... она... она... но кто это зоветъ меня? воскликнулъ я вдругъ.— Кто кричитъ? Я слышалъ, закричали по-русски: Алексѣй Ивановичъ! Женскій голосъ, слышите, слышите!

Въ это время мы подходили къ нашему отелю. Мы давно уже, почти не замѣчая того, оставили кафѣ.

— Я слышалъ женскіе крики, но не знаю, кого зовутъ; это по-русски; теперь я вижу, откуда крики, указывалъ мистеръ Астлей,—это кричитъ та женщина, которая сидитъ въ большомъ креслѣ и которую внесли сейчасъ на крыльцо столько лакеевъ. Сзади несутъ чемоданы, значить, только что пріѣхалъ поѣздъ.

— Но почему она зоветъ меня? Она опять кричитъ; смотрите, она намъ машетъ.

— Я вижу, что она машетъ, сказалъ мистеръ Астлей.

— Алексѣй Ивановичъ! Алексѣй Ивановичъ! Ахъ, Господи, что это за олухъ! раздавались отчаянные крики съ крыльца отеля.

Мы почти побѣжали къ подъѣзду. Я вступилъ на площадку и... руки мои опустились отъ изумленія, а ноги такъ и приросли къ камню.

ГЛАВА IX.

На верхней площадке широкаго крыльца отеля, внесенная по ступенямъ въ креслахъ и окруженная слугами, служанками и многочисленною подобострастною челядью отеля, въ присутствіи самого оберъ-кельнера, вышедшаго встрѣтить высокую поспѣтельную, пріѣхавшую съ такимъ трескомъ и шумомъ, съ собственною прислугою и съ столькими баулами и чемоданами, возсѣдала—бабушка! Да, это была она сама, грозная и богатая, семидесятипятилѣтняя, Антонида Васильевна Тарасевичева, помѣщица и московская барыня, la babouinka, о которой пу-скались и получались телеграммы, умиравшая и не умершая, и которая вдругъ сама, собственноручно, явилась къ намъ, какъ спѣгъ на голову. Она явилась, хотя и безъ ногъ, носимая какъ и всегда, во всѣ послѣднія пять лѣтъ, въ креслахъ, но, по обыкновенію своему, бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая, громко и повелительно кричащая, всѣхъ бранящая,—ну, точь-въ-точь такая, какъ я имѣлъ честь видѣть ее раза два, съ того времени, какъ опредѣлился въ генеральскій домъ учителемъ. Естественно, что я стоялъ предъ нею истуканомъ отъ удивленія. Она же разглядѣла меня своимъ рысьимъ взглядомъ еще за сто шаговъ, когда ее вносили въ креслахъ, узнала и кликнула меня по имени и отчеству,—что, по обыкновенію своему, разъ навсегда запомнила. „И этакую-то ждали видѣть въ гробу, схороненную и оставившую наслѣдство“, пролетѣло у меня въ мысляхъ,—„да она всѣхъ насъ и весь отель переживетъ! Но, Боже, что-жъ это будетъ теперь съ нашими, что будетъ теперь съ генераломъ! Она весь отель теперь перевернетъ на сторону!“

— Ну, что-жъ ты, батюшка, сталъ предо мною, глаза выпучилъ! продолжала кричать на меня бабушка.—Поклониться—поздороваться не умѣешь, что-ли? Аль загордился, не хочешь? Аль, можетъ, не узналъ? Слышишь, Потапычъ, обратилась она къ сѣдому старичку, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ розовой лысиной, своему дворецкому, сопровождавшему ее въ вояжѣ,—слышишь, не узнаетъ! Схоронили! Телеграмму за телеграммою посылали: умерла, аль не умерла! Вѣдь, я все знаю! А я, вотъ видишь, и живѣхонька.

— Помилуйте, Антонида Васильевна, съ чего мнѣ-то вамъ худого желать? весело отвѣчалъ я, очнувшись,—я

только былъ удивленъ... Да и какъ же не подивиться, такъ неожиданно...

— А чтѣ тебѣ удивительнаго? Сѣла, да поѣхала. Въ вагонѣ покойно, толчковъ нѣтъ. Ты гулять ходилъ, что-ли?

— Да, прошелся къ вокзалу.

— Здѣсь хорошо, сказала бабушка, озираясь,—тепло и деревья богатые. Это я люблю! Наши дома? Генераль?

— О! дома, въ этотъ часъ навѣрно всѣ дома.

— А у нихъ и здѣсь часы заведены, и всѣ церемоніи? Тону задаютъ. Экипажъ, я слышала, держатъ, *les seigneurs russes!* Просвистались, такъ и за границу! И Прасковья съ ними?

— И Полина Александровна тоже.

— И французишка? Ну, да сама всѣхъ увижу. Алексѣй Ивановичъ, показывай дорогу прямо къ нему. Тебѣ - то здѣсь хорошо-ли?

— Такъ себѣ, Антонида Васильевна.

— А ты, Потапычъ, скажи этому олуху, кельнеру, чтобъ мнѣ удобную квартиру отвели, хорошую, не высово; туда и вещи сейчасъ перенеси. Да чего всѣмъ - то соваться меня нести? Чего они лѣзутъ? Экіе рабы! Это кто съ тобой? обратилась она опять ко мнѣ.

— Это мистеръ Астлей, отвѣчалъ я.

— Какой такой мистеръ Астлей?

— Путешественникъ, мой добрый знакомый; знакомъ и съ генераломъ.

— Англичанинъ. То-то онъ уставился на меня и зубовъ не разжимаетъ. Я, впрочемъ, люблю англичанъ. Ну, тащите наверхъ, прямо къ нимъ на квартиру; гдѣ они тамъ?

Бабушку понесли; я шель впереди по широкой лѣстницѣ отеля. Шествіе наше было очень эффектное. Всѣ, кто попадались, останавливались и смотрѣли во всѣ глаза. Нашъ отель считается самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ и самымъ аристократическимъ на водахъ. На лѣстницѣ и въ коридорахъ всегда встрѣчаются великолѣпныя дамы и важные англичане. Многіе освѣдомлялись внизу у оберъ-кельнера, который, съ своей стороны, былъ глубоко пораженъ. Онъ, конечно, отвѣчалъ всѣмъ спрашивавшимъ, что это важная иностранка, *une russe, une comtesse, grande dame*, и что она займетъ то самое помѣщеніе, которое за недѣлю тому назадъ занимала *la grande duchesse de N.* Повелительная и властительная наружность ба-

бушки, возносимой въ креслахъ, была причиною главнаго эффекта. При встрѣчѣ со всякимъ новымъ лицомъ, она тотчасъ обмѣривала его любопытнымъ взглядомъ и о всѣхъ громко меня спрашивала. Бабушка была изъ крупной породы, и хотя и не вставала съ кресель, но предчувствовалось, глядя на нее, что она весьма высокаго роста. Спина ея держалась прямо, какъ доска, и не опиралась на кресло. Съдая, большая ея голова, съ крупными и рѣзкими чертами лица, держалась вверхъ; глядѣла она какъ-то даже заносчиво и съ вызовомъ; и видно было, что взглядъ и жесты ея совершенно натуральны. Несмотря на семьдесятъ пять лѣтъ, лицо ея было довольно свѣжо и даже зубы не совсѣмъ пострадали. Одѣта она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ.

— Она чрезвычайно интересуется меня, шепнулъ мнѣ, подымаясь рядомъ со мною, мистеръ Астлей.

„О телеграммахъ она знаетъ“, подумалъ я, „Де-Гриѣ ей тоже извѣстенъ, но m-lle Blanche еще, кажется, мало извѣстна“. Я тотчасъ же сообщилъ объ этомъ мистеру Астлею.

Грѣшный человекъ! Только что прошло мое первое удивленіе, я ужасно обрадовался громовому удару, который мы произведемъ сейчасъ у генерала. Меня точно что подзадоривало, и я шелъ впереди чрезвычайно весело.

Наши квартировали въ третьемъ этажѣ; я не докладывалъ и даже не постучалъ въ дверь, а просто растворилъ ее пастежь, и бабушку внесли съ триумфомъ. Всѣ они были, какъ нарочно, въ сборѣ, въ кабинетѣ генерала. Было двѣнадцать часовъ и, кажется, проектировалась какая-то поѣздка,—одни собирались въ коляскахъ, другіе верхами, всей компаніей; кромѣ того, были еще приглашенные изъ знакомыхъ. Кромѣ генерала, Полины съ дѣтьми, ихъ нянюшки, находились въ кабинетѣ: Де-Гриѣ, m-lle Blanche, опять въ амазонкѣ, ея мать, m-me veuve Cominges, маленькій князь и еще какой-то ученый путешественникъ, нѣмецъ, котораго я видѣлъ у нихъ еще въ первый разъ. Кресла съ бабушкой прямо опустили посрединѣ кабинета, въ трехъ шагахъ отъ генерала. Боже, никогда не забуду этого впечатлѣнія! Предъ нашимъ входомъ генераль что-то рассказывалъ, а Де-Гриѣ его поправлялъ. Надо замѣтить, что m-lle Blanche и Де-Гриѣ вотъ уже два-три дня почему-то очень ухаживали за малень-

кимъ княземъ—à la barbe du raucge général, и компанія, хоть, можетъ-быть, и искусственно, но была настроена на самый веселый и радушно-семейный тонъ. При видѣ бабушки, генераль вдругъ остолбенѣлъ, разинулъ ротъ и остановился на полсловѣ. Онъ смотрѣлъ на нее, выпучивъ глаза, какъ будто околованный взглядомъ василиска. Бабушка смотрѣла на него тоже молча, неподвижно,— но что это былъ за торжествующій, вызывающій и насмѣшливый взглядъ! Они просмотрѣли такъ другъ на друга секундъ десять битыхъ, при глубокомъ молчаніи всѣхъ окружающихъ. Де-Грие сначала оцѣпенѣлъ, но скоро необыкновенное безпокойство замелькало въ его лицѣ. M-lle Blanche подняла брови, раскрыла ротъ и дико разглядывала бабушку. Князь и ученый въ глубокомъ недоумѣніи созерцали всю эту картину. Во взглядѣ Полины выразилось чрезвычайное удивленіе и недоумѣніе, но вдругъ она поблѣднѣла, какъ платокъ; чрезъ минуту кровь быстро ударила ей въ лицо и залила ея щеки. Да, это была катастрофа для всѣхъ! Я только и дѣлалъ, что переводилъ мои взгляды отъ бабушки на всѣхъ окружающихъ и обратно. Мистеръ Астлей стоялъ въ сторонѣ, по своему обыкновенію, спокойно и чинно.

— Ну, вотъ и я! Въмѣсто телеграммы - то! разразилась, наконецъ, бабушка, прерывая молчаніе. — Что, не ожидали?

— Антонида Васильевна... Тетушка... Но какимъ же образомъ... пробормоталъ несчастный генераль.

Если бы бабушка не заговорила еще нѣсколько секундъ, то, можетъ-быть, съ нимъ былъ бы ударъ.

— Какъ, какимъ образомъ? Сѣла, да поѣхала. А желѣзная-то дорога на что? А вы всѣ думали: я ужъ ноги протянула и вамъ наслѣдство оставила? Я, вѣдь, знаю, какъ ты отсюда телеграммы-то посылалъ. Денегъ-то что за нихъ переплатилъ, я думаю. Отсюда не дешево. А я ноги на плечи, да и сюда. Это тотъ французъ? М-г Де-Грие, кажется?

— Oui, madame, подхватилъ Де-Грие,—et croyez, je suis si enchanté... vorte santé... c'est un miracle... vous voir ici... une surprise charmante...

— То-то charmante; знаю я тебя, фигляръ ты этакой, да я-то тебѣ вотъ настолечко не вѣрю! и она указала ему на свой мизинецъ. — Это кто такаа, обратилась она, указывая на m-lle Blanche. Эффектная французенка, въ

амазонкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, видимо ее поразила.— Здѣшняя, что-ли?

— Это m-lle Blanche de Cominges, а вотъ и маменька ея, m-me de Cominges; онѣ квартируютъ въ здѣшнемъ отелѣ, доложилъ я.

— Замужемъ дочь - то? не церемонясь, расспрашивала бабушка.

— M-lle de Cominges дѣвица, отвѣчалъ я, какъ можно почтительно и нарочно вполголоса.

— Веселая?

Я было не понялъ вопроса.

— Не скучно съ нею? По-русски понимаетъ? Вотъ Де-Гриё у насъ въ Москвѣ намастачился по-нашему - то, съ питаго въ десятое.

Я объяснилъ ей, что m-lle de Cominges никогда не была въ Россіи.

— Bonjour! сказала бабушка, вдругъ рѣзко обращаясь къ m-lle Blanche.

— Bonjour, madame, церемонно и изящно присѣла m-lle Blanche, поспѣшивъ, подъ покровомъ необыкновенной скромности и вѣжливости, выказать всѣмъ выраженіемъ лица и фигуры чрезвычайное удивленіе къ такому странному вопросу и обращенію.

— О, глаза опустила, манерничаетъ и церемонничаетъ; сейчасъ видна птица; актриса какая-нибудь. Я здѣсь въ отелѣ внизу остановилась, обратилась она вдругъ къ генералу.— Сосѣдка тебѣ буду; радъ или не радъ?

— О, тетушка! Повѣрьте искреннимъ чувствамъ... моего удовольствія, подхватилъ генералъ. Онъ уже отчасти опомнился, а такъ какъ, при случаѣ, онъ умѣлъ говорить удачно, важно и съ претензіей на нѣкоторый эффектъ, то принялся распространяться и теперь.— Мы были такъ встревожены и поражены извѣстіями о вашемъ нездоровьѣ... Мы получали такія безнадежныя телеграммы, и вдругъ...

— Ну, врешь, врешь! перебила тотчасъ бабушка.

— Но какимъ образомъ, тоже поскорѣй перебилъ и возвысилъ голосъ генералъ, постаравшись не замѣтить этого: „врешь“, — какимъ образомъ вы, однако, рѣшились на такую поѣздку? Согласитесь сами, что въ вашихъ лѣтахъ и при вашемъ здоровьѣ... по крайней мѣрѣ, все это такъ неожиданно, что понятно наше удивленіе. Но я такъ радъ... и мы всѣ (онъ началъ умильно и восторженно

улыбаться) постараемся изо всѣхъ силъ сдѣлать вамъ здѣшній сезонъ наиприятнѣйшимъ препровожденіемъ...

— Ну, довольно; болтовня пустая; нагородилъ по обыкновенію; я сама сумѣю прожить. Впрочемъ, и отъ васъ не прочь; зла не помню. Какимъ образомъ, ты спрашиваешь? Да что тутъ удивительнаго? Самымъ простѣйшимъ образомъ. И чего они всѣ удивляются? Здравствуй, Прасковья. Ты здѣсь что дѣлаешь?

— Здравствуйте, бабушка, сказала Полина, приближаясь къ ней.—Давно-ли въ дорогѣ?

— Ну, вотъ эта умнѣе всѣхъ спросила, а то: ахъ, да ахъ! Вотъ видишь ты: лежала-лежала, лѣчили-лѣчили, я докторовъ прогнала и позвала понамаря отъ Николы. Онъ отъ такой же болѣзни сѣнной трухой одну бабу вылѣчилъ. Ну, и мнѣ помогъ; на третій день вся вспотѣла и поднялась. Потомъ опять собрались мои нѣмцы, надѣли очки и стали рядить: „Если бы теперь, говорятъ, за границу на воды и курсъ взять, то совсѣмъ бы завалы прошли“. А почему же нѣтъ, думаю? Дурь-Зажигины разахались: „куда вамъ, говорятъ, доѣхать!“ Ну, вотъ-те на! Въ одинъ день собралась и на прошлой недѣлѣ, въ пятницу, взяла дѣвушку, да Потапыча, да Федора лакея, да этого Федора изъ Берлина и прогнала, потому: вижу совсѣмъ его не надо, и одна-одинѣшенька доѣхала бы. Багонъ беру особенный, а носильщики на всѣхъ станціяхъ есть, за двугривенный куда хочешь донесутъ. Ишь, вы квартиру нанимаете какую! заключила она, осматриваясь.—Изъ какихъ это ты денегъ, батюшка? Вѣдь, все у тебя въ залогѣ. Одному этому французишкѣ что долженъ деньжищъ-то! Я вѣдь все знаю, все знаю!

— Я, тетушка... началъ генераль, весь сконфузившись,—я удивляюсь, тетушка... я, кажется, могу и безъ чьего-либо контроля... притомъ же мои расходы не превышаютъ моихъ средствъ, и мы здѣсь...

— У тебя-то не превышаютъ? Сказаль! У дѣтей-то, должно-быть, послѣднее ужъ заграбилъ, опекунтъ!

— Послѣ этого, послѣ такихъ словъ... началъ генераль въ негодованіи,—я уже не знаю...

— То-то не знаешь! Небось, здѣсь отъ рулетки не отходишь? Весь просвистался?

Генераль былъ такъ пораженъ, что чуть не захлебнулся отъ прилива взволнованныхъ чувствъ своихъ.

— На рулетѣ! Я? При моемъ значеніи... Я? Опомнитесь, тетушка, вы еще, должно-быть, нездоровы...

— Ну, врешь, врешь, небось, оттащить не могутъ; все врешь! Я вотъ посмотрю, что это за рулетка такая, сегодня же. Ты, Прасковья, мнѣ расскажи, гдѣ что здѣсь осматриваютъ, да вотъ и Алексѣй Ивановичъ покажетъ, а ты, Потапычъ, записывай всѣ мѣста, куда ѣхать? Что здѣсь осматриваютъ? обратилась вдругъ она опять къ Полинѣ.

— Здѣсь есть близко развалины замка, потому Шлангенбергъ.

— Что это: Шлангенбергъ? Роща, что-ли?

— Нѣтъ не роща, это гора: тамъ пуантъ...

— Какой табой пуантъ?

— Самая высшая точка на горѣ, огороженное мѣсто. Оттуда видъ безподобный.

— Это на гору-то кресла тащить? Всташутъ аль нѣтъ?

— О, носильщиковъ сыскать можно, отвѣчалъ я.

Въ это время подошла здороваться къ бабушкѣ Федосья, нянюшка, и подвела генеральскихъ дѣтей.

— Ну, нечего лобызаться! Не люблю цѣловаться съ дѣтьми, всѣ дѣти сопливыя. Ну, ты какъ здѣсь, Федосья?

— Здѣсь очинно, очинно хорошо, матушка Антониды Васильевна, отвѣтила Федосья.—Какъ вамъ-то было, матушка? Ужъ мы такъ про васъ изболѣзновались.

— Знаю, ты-то простая душа. Это что у васъ, все гости, что-ли? обратилась она опять къ Полинѣ.—Это кто плюгавенькій-то, въ очкахъ?

— Князь Нильскій, бабушка, прошептала ей Полина.

— А, русскій? А я думала не пойметъ! Не слыхалъ, можетъ-быть! Мистера Астлея я уже видѣла. Да вотъ онъ опять, увидала его бабушка,—здравствуйте! обратилась она вдругъ къ нему.

Мистеръ Астлей молча ей поклонился.

— Ну, что вы мнѣ скажете хорошаго? Скажите что-нибудь! Переведи ему это, Полина.

Полина перевела.

— То, что я гляжу на васъ съ большимъ удовольствіемъ и радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ, серьезно, но съ чрезвычайною готовностью отвѣтилъ мистеръ Астлей. Бабушкѣ перевели и ей видимо это понравилось.

— Какъ англичане всегда хорошо отвѣчаютъ, замѣтила она.—Я почему-то всегда любила англичанъ, сравненія

нѣтъ съ французишками! Заходите ко мнѣ, обратилась она опять къ мистеру Астлею.—Постараюсь васъ не очень обезпokoить. Переведи это ему, да скажи ему, что я здѣсь внизу,—здѣсь внизу—слышите, внизу, внизу, повторила она мистеру Астлею, указывая пальцемъ внизъ.

Мистеръ Астлей былъ чрезвычайно доволенъ приглашеніемъ.

Бабушка внимательнымъ и довольнымъ взглядомъ оглядѣла съ ногъ до головы Полину.

— Я бы тебя, Прасковья, любила, вдругъ сказала она,—дѣвка ты славная, лучше ихъ всѣхъ, да характеришко у тебя—ухъ! Ну, да и у меня характеръ; повернись-ка; это у тебя не накладка въ волосахъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, свои.

— То-то, не люблю теперешней глупой моды. Хороша ты очень. Я бы въ тебя влюбилась, если-бъ была кавалеромъ. Чего замужь-то не выходишь? Но, однако, пора мнѣ. И погулять хочется, а то все вагонъ, да вагонъ... Ну, что ты, все еще сердисься? обратилась она къ генералу.

— Помилуйте, тетушка, полноте! спохватился обрадованный генералъ,—я понимаю, въ ваши лѣта...

— *Cette vieille est tombée en enfance*, шепнулъ мнѣ Де-Грие.

— Я вотъ все хочу здѣсь разсмотрѣть. Ты мнѣ Алексѣя Ивановича-то уступишь? продолжала бабушка генералу.

— О, сколько угодно, но я и самъ... и Полина, ш-г Де-Грие... мы всѣ, всѣ сочтемъ за удовольствіе вамъ со-путствовать.

— *Mais, madame, cela sera un plaisir...* подвернулся Де-Грие съ обворожительной улыбкой.

— То-то *plaisir*. Смѣшонъ ты мнѣ, батюшка. Денегъ-то я тебѣ, впрочемъ, не дамъ, прибавила она вдругъ генералу.—Ну, теперь въ мой номеръ: осмотрѣть надо, а потомъ и отправимся по всѣмъ мѣстамъ. Ну, подымайте.

Бабушку опять подняли и всѣ отправились гурьбой вслѣдъ за креслами, внизъ по лѣстницѣ. Генералъ шелъ, какъ будто ошеломленный ударомъ дубины по головѣ. Де-Грие что-то соображалъ. *M-lle Blanche* хотѣла было остаться, но почему-то разсудила тоже пойти со всѣми. За нею тотчасъ же отправился и князь, и наверху, въ квартирѣ генерала, остались только нѣмецъ и *madame veuve Cominges*.

ГЛАВА X.

На водахъ, — да, кажется, и во всей Европѣ, — управляющіе отелями и оберъ-кельнеры, при отведеніи квартиръ посѣтителямъ, руководствуются не столько требованіями и желаніями ихъ, сколько собственнымъ личнымъ на нихъ взглядомъ, и, надо замѣтить, рѣдко ошибаются. Но бабушкѣ, ужъ неизвѣстно почему, отвели такое богатое помѣщеніе, что даже пересолили: четыре великолѣпно убранныя комнаты, съ ванной, помѣщеніями для прислуги, особой комнатки для камеристки, и прочее, и прочее. Дѣйствительно, въ этихъ комнатахъ, недѣлю тому назадъ, останавливалась какая-то *grande duchesse*, о чемъ, конечно, тотчасъ же и объявлялось новымъ посѣтителемъ, для приданія еще большей цѣны квартирѣ. Бабушку пронесли или, лучше сказать, прокатили по всѣмъ комнатамъ, и она внимательно и строго оглядывала ихъ. Оберъ-кельнеръ, уже пожилой человекъ, съ плѣшивой головой, почтительно сопровождалъ ее при этомъ первомъ осмотрѣ.

Не знаю, за кого они всѣ приняли бабушку, но, кажется, за чрезвычайно важную и, главное, богатѣйшую особу. Въ книгу внесли тотчасъ: *Madame la générale princesse de Tarassevitcheva*, хотя бабушка никогда не была княгиней. Своя прислуга, особое помѣщеніе въ вагонѣ, бездна ненужныхъ бауловъ, чемодановъ и даже сундуковъ, прибывшихъ съ бабушкой, вѣроятно, послужили началомъ престижа; а кресла, рѣзкій тонъ и голосъ бабушки, ея эксцентрическіе вопросы, дѣлаемые съ самымъ не стѣсняющимся и не терпящимъ никакихъ возраженій видомъ, однимъ словомъ, вся фигура бабушки — прямая, рѣзкая, повелительная, — довершали всеобщее къ ней благоговѣніе. При осмотрѣ, бабушка вдругъ иногда приказывала останавливать кресла, указывала на какую-нибудь вещь въ мебелировкѣ и обращалась съ неожиданными вопросами къ почтительно улыбавшемуся, но уже начинавшему трусить оберъ-кельнеру. Бабушка предлагала вопросы на французскомъ языкѣ, на которомъ говорила, впрочемъ, довольно плохо, такъ что я обыкновенно переводилъ. Отвѣты оберъ-кельнера большею частію ей не нравились и казались неудовлетворительными. Да и она-то спрашивала все какъ будто не о дѣлѣ, а Богъ знаетъ о чемъ. Вдругъ, напримѣръ, остановилась передъ картиною, — до-

вольно слабой копией съ какого-то известнаго оригинала, съ мнѳологическимъ сюжетомъ.

— Чей портретъ?

Оберъ-кельнеръ объявилъ, что, вѳроятнѳо, какой-нибудь графини.

— Какъ же ты не знаешь? Здѳсь живешь, а не знаешь. Почему онъ здѳсь? Зачѳмъ глаза косые?

На всѳ эти вопросы оберъ-кельнеръ удовлетворительно отвѳчать не могъ и даже потерялся.

— Вотъ болванъ-то, отозвалась бабушка по-русски.

Ее понесли далѳе. Та же исторія повторилась съ одной саксонской статуэткой, которую бабушка долго разсматривала и потомъ велѳла вынести, неизвѳстно за что. Наконецъ, пристала къ оберъ-кельнеру: что стояли ковры въ спальнѳ, и гдѳ ихъ ткнуть? Оберъ-кельнеръ обѳщалъ справиться.

— Вотъ ослы-то! ворчала бабушка, и обратила все свое вниманіе на кровать.

— Этакѳй пышный балдахинъ! Разверните его.

Постель развернули.

— Еще, еще, все разверните. Снимите подушки, наволочки, подымите перину.

Все перевернули. Бабушка осмотрѳла внимательно.

— Хорошо, что у нихъ клоповъ нѳтъ. Все бѳлье долой! Постлатъ мое бѳлье и мои подушки. Однако, все это слишкомъ пышно, куда мнѳ, старухѳ, такую квартиру: одной скучно. Алексѳй Ивановичъ, ты бывай ко мнѳ чаще, когда дѳтей перестанешь учить.

— Я, со вчерашняго дня, не служу болѳе у генерала, отвѳтилъ я,—и живу въ отелѳ совершенно самъ по себѳ.

— Это почему такъ?

— На-дняхъ пріѳхалъ сюда одинъ знатный нѳмецкій баронъ съ баронессой, супругой, изъ Берлина. Я вчера, на гуляньѳ, заговорилъ съ нимъ по-нѳмецки, не придерживаясь берлинскаго произношенія.

— Ну, такъ что же?

— Онъ счелъ это дерзостью и пожаловался генералу, а генераль вчера же уволилъ меня въ отставку.

— Да что-жъ ты обругалъ, что-ли, его, барона-то? (Хоть бы и обругалъ, такъ ничего!)

— О, нѳтъ. Напротивъ, баронъ на меня палку поднялъ.

— И ты, сдюняй, позволилъ такъ обращаться съ своимъ учителемъ, обратилась она вдругъ къ генералу,—да

еще его съ мѣста прогналъ! Колпаки вы, — всѣ колпаки, какъ я вижу.

— Не безпокойтесь, тетушка, отвѣчалъ генераль съ нѣкоторымъ высокомѣрно-фамиллярнымъ отгнкомъ, — я самъ умѣю вести мои дѣла. Къ тому же, Алексѣй Ивановичъ не совѣмъ вамъ вѣрно передалъ.

— А ты такъ и снесъ? обратилась она ко мнѣ.

— Я хотѣлъ было на дуэль вызвать барона, отвѣчалъ я какъ можно скромнѣе и спокойнѣе, — да генераль воспротивился.

— Это зачѣмъ ты воспротивился? опять обратилась бабушка къ генералу. (А ты, батюшка, ступай, придешь, когда позовутъ, обратилась она тоже и къ оберъ-кельнеру, — нечего, разиня-то ротъ, стоять. Терпѣть не могу эту харю нюрнбергскую!). — Тотъ отеланялся и вышелъ, конечно, не понявъ комплимента бабушки.

— Помилуйте, тетушка, развѣ дуэли возможны? отвѣчалъ съ усмѣшкой генераль.

— А почему невозможны? Мужчины всѣ пѣтухи; вотъ бы и дрались. Колпаки вы всѣ, какъ я вижу, не умѣете отечества своего поддержать. Ну, подымите! Потопычъ, распорядись, чтобъ всегда были готовы два посильщика, найми и уговорись. Больше двухъ не надо. Носить приходится только по лѣстницамъ, а по гладкому, по улицѣ — катить, такъ и расскажи; да заплати еще имъ впередъ, почтительнѣе будутъ. Ты же самъ будешь всегда при мнѣ, а ты, Алексѣй Ивановичъ, мнѣ этого барона покажи на гуляньѣ: какой такой фонъ-баронъ, хоть бы поглядѣть на него. Ну, гдѣ же эта рулетка?

Я объяснилъ, что рулетки расположены въ вокзалѣ, въ залахъ. Затѣмъ послѣдовали вопросы: Много-ли ихъ? Много-ль играютъ? Цѣлый-ли день играютъ? Какъ устроены? Я отвѣчалъ, наконецъ, что всего лучше осмотрѣть это собственными глазами, а что такъ описывать довольно трудно.

— Ну, такъ и нести прямо туда! Иди впередъ, Алексѣй Ивановичъ!

— Какъ, неужели, тетушка, вы даже и не отдохнете съ дороги? заботливо спросилъ генераль. Онъ немного какъ бы засуетился, да и всѣ они какъ-то замѣшались и стали переглядываться. Вѣроятно, имъ было нѣсколько щекотливо, даже стыдно сопровождать бабушку прямо въ вокзалъ, гдѣ она, разумѣется, могла надѣлать какихъ-ни-

будь эксцентричностей, по уже публично; между тѣмъ всѣ они сами вызвались сопровождать ее.

— А чего мнѣ отдыхать? Не устала; и безъ того пять дней сидѣла. А потомъ осмотримъ какіе тутъ ключи и воды цѣлебныя, и гдѣ они. А потомъ... какъ этотъ,—ты сказала, Прасковья,—пуантъ, что-ли?

— Пуантъ, бабушка.

— Ну, пуантъ, такъ пуантъ. А еще что здѣсь есть?

— Тутъ много предметовъ, бабушка, затруднилась было Полина.

— Ну, сама не знаешь! Марѳа, ты тоже со мной пой-дешь, сказала она свсей камеристкѣ.

— Но зачѣмъ же ей-то, тетушка? захопоталъ вдругъ генераль,—и, наконецъ, это нельзя, и Потапыча врядъ-ли въ самый вокзалъ пустять.

— Ну, вздоръ! Что она слуга, такъ и бросить ее! Тоже вѣдь живой человѣкъ; вотъ ужъ недѣлю по дорогамъ рыщемъ, тоже и ей посмотрѣть хочется. Съ кѣмъ же ей, кромѣ меня? Одна-то и носъ на улицу показать не посмѣетъ.

— Но, бабушка...

— Да тебѣ стыдно, что-ли, со мной? Такъ оставайся дома, не спрашиваютъ. Ишь, какой генераль; я и сама генеральша. Да и чего васъ такой хвостъ за мной, въ самомъ дѣлѣ, потащится? Я и съ Алексѣемъ Ивановичемъ все осмотрю...

Но Де-Гріе рѣшительно настоялъ, чтобы всѣмъ сопутствовать, и пустился въ самыя любезныя фразы насчетъ удовольствія ее сопровождать, и прочее. Всѣ тронулись.

— Elle est tombée en enfance, повторялъ Де-Гріе генералу,—seule, elle fera des bêtises... далѣе я не разлышалъ, но у него, очевидно, были какія-то намѣренія, а, можетъ-быть, даже возвратились и надежды.

До вокзала было съ полверсты. Путь нашъ шелъ по каштановой аллеѣ, до сквера, обойдя который вступали прямо въ вокзалъ. Генераль нѣсколько успокоился, потому что шествіе наше, хотя и было довольно эксцентрично, но тѣмъ не менѣе было чинно и прилично. Да и ничего удивительнаго не было въ томъ фактѣ, что на водахъ явился больной и разслабленный человѣкъ, безъ ногъ. Но, очевидно, генераль боялся вокзала: зачѣмъ больной человѣкъ безъ ногъ, да еще старушка, пойдетъ на рюлетку? Полина и m-lle Blanche шли обѣ по сторо-

памъ, рядомъ съ катившимся кресломъ. Mlle Blanche смѣялась, была скромно весела и даже весьма любезно заигрывала иногда съ бабушкой, такъ что та ее, наконецъ, похвалила. Полина, съ другой стороны, обязана была отвѣчать на поминутные и безчисленные вопросы бабушки, въ родѣ того: „Кто это прошелъ? Какая это проѣхала? Великъ-ли городъ? Великъ-ли садъ? Это какія деревья? Это какія горы? Летають-ли тутъ орлы? Какая это смѣшная крыша?“ Мистеръ Астлей шелъ рядомъ со мной и шепнулъ мнѣ, что многого ожидаетъ въ это утро. Потанычъ и Марѳа шли сзади, сейчасъ за креслами, — Потанычъ въ своемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, но въ картузѣ, а Марѳа, — сорокалѣтняя, румяная, но начинавшая уже сѣдѣть дѣвушка — въ ченчикѣ, въ ситцевомъ платьѣ и въ скрипучихъ козловыхъ башмакахъ. Бабушка весьма часто къ нимъ оборачивалась и съ ними заговаривала. Де-Гріе говорилъ съ видомъ рѣшительнымъ. Можетъ-быть, онъ генерала ободрялъ; очевидно, что-то совѣтовалъ. Но бабушка уже произнесла давеча роковую фразу: „денегъ я тебѣ не дамъ“. Можетъ-быть, для Де-Гріе это извѣстіе казалось невѣроятнымъ, но генераль зналъ свою тетюшку. Я замѣтилъ, что Де-Гріе и mlle Blanche продолжали перемигиваться. — Князя и нѣмца-путешественника я разглядѣлъ въ самомъ концѣ аллеи; они отстали и куда-то ушли отъ насъ.

Въ вокзалъ мы прибыли съ триумфомъ. Въ швейцарѣ и въ лакеяхъ обнаружилась та же почтительность, какъ и въ прислугѣ отеля. Смотрѣли они, однако, съ любопытствомъ. Бабушка сначала велѣла обнести себя по всѣмъ заламъ, иное похвалила, къ другому осталась совсѣмъ равнодушна; обо всемъ разспрашивала. Наконецъ, дошли и до игорныхъ залъ. Лакей, стоявшій у запертыхъ дверей часовымъ, какъ бы пораженный, вдругъ отворилъ двери настезь.

Появленіе бабушки у рулетки произвело глубокое впечатлѣніе на публику. За игорными рулеточными столами и на другомъ концѣ залы, гдѣ помѣщался столъ съ trente et quarante, толпилось, можетъ-быть, полтора или двѣсти игроковъ, въ нѣсколько рядовъ. Тѣ, которые успѣвали протѣсниться къ самому столу, по обыкновенію, стояли крѣпко и не упускали своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока не проигрывались; ибо такъ стоять простыми зрителями и даромъ занимать игорное мѣсто не позволено. Хо-

тя кругомъ стола и уставлены стулья, но немногіе изъ игроковъ садятся, особенно при большомъ стеченіи публики,—потому что стоя можно установиться тѣснѣе, и, слѣдовательно, выгадать мѣсто, да и ловчѣе ставить. Второй и третій ряды тѣснились за первыми, ожидая и наблюдая свою очередь; но въ нетерпѣвнн просовывали иногда чрезъ первый рядъ руку, чтобъ поставить свои куши. Даже изъ третьяго ряда изловчались такимъ образомъ просовывать ставки; отъ этого не проходило десяти и даже пяти минутъ, чтобъ на какомъ-нибудь концѣ стола не начиналась „исторія“ за спорныя ставки. Полиція вокзала, впрочемъ, довольно хороша. Тѣсноты, конечно, избѣжать нельзя; напротивъ, наплыву публики рады, потому что это выгодно; но восемь крупѣровъ, сидящихъ кругомъ стола, смотрятъ во всѣ глаза за ставками: они же и рассчитываются, а при возникающихъ спорахъ они же ихъ и разрѣшаютъ. Въ крайнихъ же случаяхъ зовутъ полицію и дѣло кончается въ минуту. Полицейскіе помѣщаются тутъ же въ залѣ, въ партикулярныхъ платьяхъ, между зрителями, такъ что ихъ и узнать нельзя. Они особенно смотрятъ за воришками и промышленниками, которыхъ на рулеткахъ особенно много, по необыкновенному удобству промысла. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ воровать приходится изъ кармановъ и изъ подъ замковъ,—а это, въ случаѣ неудачи, очень хлопотливо оканчивается. Тутъ же, просто-за-просто, стоитъ только къ рулеткѣ псдойти, начать играть и вдругъ, явно и гласно, взять чужой выигрышъ и положить въ свой карманъ, если же затѣется споръ, то мошенникъ вслухъ и громко настаиваетъ, что ставка—его собственная. Если дѣло сдѣлано ловко и свидѣтели колеблются, то воръ очень часто успѣваетъ оттягать деньги себѣ, разумѣется, если сумма не очень значительна. Въ послѣднемъ случаѣ она навѣрно бываетъ замѣчена крупѣрами, или кѣмъ-нибудь изъ другихъ игроковъ еще прежде. Но если сумма не такъ значительна, то настоящій хозяинъ даже иногда отказывается продолжать споръ, совѣстясь скандала, и уходитъ. Но если успѣютъ вора изболочить, то тотчасъ же выводятъ со скандаломъ.

На все это бабушка смотрѣла издали, съ дикимъ любопытствомъ. Ей очень понравилось, что воришекъ выводятъ. Trente et quarante мало возбудило ея любопытство; ей больше понравилась рулетка и что катается шарикъ. Она

пожелала, наконецъ, разглядѣть игру поближе. Не понимаю, какъ это случилось, но лакеи и нѣкоторые другіе суемящіеся агенты (преимущественно проигравшіеся полячки, навязывающіе свои услуги счастливымъ игрокамъ и всѣмъ иностранцамъ) тотчасъ нашли и очистили бабушкѣ мѣсто, несмотря на всю эту тѣсоту, у самой середины стола, подлѣ главнаго крупѣра, и подкатили туда ея кресло. Множество посѣтителей, не играющихъ, но со стороны наблюдающихъ игру (преимущественно англичане съ ихъ семействами), тотчасъ же затѣснились къ ихъ столу, чтобы изъ-за игроковъ поглядѣть на бабушку. Множество лорнетовъ обратилось въ ея сторону. У крупѣровъ родились надежды: такой эксцентрической игрокъ дѣйствительно какъ будто общалъ что-нибудь необыкновенное. Семидесятипяти-лѣтняя женщина, безъ погъ, и желающая играть—конечно, былъ случай не обыденный. Я протѣснился тоже къ столу и устроился подлѣ бабушки. Потапычъ и Марѳа остались гдѣ-то далеко въ сторонѣ, между народомъ. Генераль, Полина, Де-Грие и m-lle Blanche тоже помѣстились въ сторонѣ, между зрителями.

Бабушка сначала стала осматривать игроковъ. Она задавала мнѣ рѣзкіе, отрывистые вопросы полушопотомъ: кто это такой? Это кто такая? Ей особенно понравился въ концѣ стола одинъ очень молодой человекъ, игравшій въ очень большую игру, ставившій тысячами и наигравшій, какъ шептали кругомъ, уже тысячь до сорока франковъ, лежавшихъ предъ нимъ въ кучѣ, золотомъ и въ банковыхъ билетахъ. Онъ былъ блѣденъ; у него сверкали глаза и тряслись руки; онъ ставилъ уже безъ всякаго расчета, сколько рука захватить, а между тѣмъ все выигрывалъ, да выигрывалъ, все загребалъ, да загребалъ. Лакеи суегились кругомъ него, подставляли ему сзади кресла, очищали вокругъ него мѣсто, чтобъ ему было просторнѣе, чтобъ его не тѣснили,—все это въ ожиданіи богатой благодарности. Иные игроки съ выигрыша даютъ имъ иногда не считая, а такъ, съ радости, тоже сколько рука изъ кармана захватить. Подлѣ молодого человека уже устроился одинъ полячокъ, суевшійся изо всѣхъ силъ, и почтительно, но непрерывно что-то шепталъ ему, вѣроятно, указывая, какъ ставить, совѣтуя и направляя игру,—разумѣется, тоже ожидая впослѣдствіи подачки! Но игрокъ почти и не смотрѣлъ на него, ставилъ зря и все загребалъ. Онъ видимо терялся.

Бабушка наблюдала его нѣсколько минутъ.

— Скажи ему, вдругъ засуетилась бабушка, толкая меня,—скажи ему, чтобъ бросилъ, чтобъ бралъ поскорѣе деньги и уходилъ. Проиграетъ, сейчасъ все проиграетъ! захлопотала она, чуть не задыхаясь отъ волненія.—Гдѣ Потапычъ? Послать къ нему Потапыча! Да скажи же, скажи же, толкала она меня,—да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Потапычъ! *Sortez! Sortez!* начала было она сама кричать молодому человѣку. Я нагнулся къ ней и рѣшительно прошептала, что здѣсь такъ кричать нельзя, и даже разговаривать чуть-чуть громко не позволено, потому что это мѣшаетъ счету, и что насъ сейчасъ прогонять.

— Экая досада! Пропалъ человѣкъ! Значить, самъ хочеть... смотрѣть на него не могу, всю ворочаетъ. Экой олухъ! и бабушка поскорѣй оборотилась въ другую сторону.

Тамъ, налѣво, на другой половинѣ стола, между игроками, замѣтна была одна молодая дама и подлѣ нея какой-то карликъ. Кто былъ этотъ карликъ—не знаю: родственникъ-ли ея, или такъ она брала его для эффекта. Эту барыню я замѣчалъ и прежде; она являлась къ игорному столу каждый день, въ часъ пополудни, и уходила ровно въ два; каждый день играла по одному часу. Ее уже знали и тотчасъ подставляли ей кресла. Она вынимала изъ кармана нѣсколько золота, нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ и начинала ставить тихо, хладнокровно, съ расчетомъ, отмѣчая на бумажкѣ карандашомъ цифры и стараясь отыскать систему, по которой въ данный моментъ группировались шансы. Ставила она значительными кушами. Выигрывала каждый день одну, двѣ, много три тысячи франковъ—не болѣе и, выигравъ, тотчасъ же уходила. Бабушка долго ее разсматривала.

— Ну, эта не проиграетъ! Эта вотъ не проиграетъ!—Изъ какихъ! Не знаешь? Кто такая?

— Француженка, должно-быть, изъ этакихъ, шепнулъ я.

— А, видна птица по полету. Видно, что ноготокъ востеръ. Растолкуй ты мнѣ теперь, что каждый поворотъ значить и какъ надо ставить?

Я, по возможности, растолковалъ бабушкѣ, что значать эти многочисленныя комбинаціи ставокъ, *rouge et noir*, *pair et impair*, *manque et passe* и, наконецъ, разные отѣнки въ системѣ чиселъ. Бабушка слушала внимательно, запоминала, переспрашивала и заучивала. На каждую си-

стему ставокъ можно было тотчасъ же привести и при-
мѣръ, такъ что многое заучивалось и запоминалось очень
легко и скоро. Бабушка осталась весьма довольна.

— А что такое зѣго? Вотъ этотъ крупѣръ, курчавый,
главный-то, крикнулъ сейчасъ зѣго! И почему онъ все
загрѣбъ, что ни было на столѣ? Этакую кучу, все себѣ
взялъ! Это что такое?

— А зѣго, бабушка, выгода банка. Если шарикъ упа-
детъ на зѣго, то все, что ни поставлено на столѣ, при-
надлежитъ банку безъ расчета. Правда, дается еще ударъ
на розыгрышъ, но зато банкъ ничего не платитъ.

— Вотъ-те на! А я пичего не получаю?

— Нѣтъ, бабушка, если вы предъ этимъ ставили на
зѣго, то когда выйдетъ зѣго, вамъ платятъ въ тридцать
пять разъ больше.

— Какъ, въ тридцать пять разъ, и часто выходить?
Что-жь они, дураки, не ставятъ?

— Тридцать шесть шансовъ противъ, бабушка.

— Вотъ вздоръ! Потанычъ, Потанычъ! Пстой, и со
мною есть деньги,—вотъ! Она вынула изъ кармана туго
набитый кошелекъ, и взяла изъ него фридрихсдоръ.—На,
поставь сейчасъ на зѣго.

— Бабушка, зѣго только что вышелъ, сказалъ я,—стало-
быть, теперь долго не выйдетъ. Вы много проставите;
подождите хоть немного.

— Ну, врешь, ставь!

— Извольте, но онъ до вечера, можетъ-быть, не вый-
детъ, вы до тысячи проставите, это случалось.

— Ну, вздоръ, вздоръ! Волка бояться—въ лѣсъ не хо-
дить. Что? Проигралъ? Ставь еще!

Проиграли и второй фридрихсдоръ: поставили третій.
Бабушка едва сидѣла на мѣстѣ, она такъ и впиалась го-
рящими глазами въ прыгающій по зазубринамъ вертяща-
гося колеса шарикъ. Проиграли и третій. Бабушка изъ
себя выходила, на мѣстѣ ей не сидѣлось, даже кулакомъ
стукнула по столу, когда крупѣръ провозгласилъ „trente
six“, вмѣсто ожидаемаго зѣго.

— Экъ вѣдь его! сердилась бабушка, — да скоро-ли
этотъ зеришка проклятый выйдетъ? Жива не хочу быть,
а ужъ досижу до зѣго! Это тотъ проклятый курчавый
крупѣришка дѣлаетъ, у него никогда не выходитъ! Але-
ксѣй Ивановичъ, ставь два золотыхъ за разъ! Это столько
проставишь, что и выйдетъ зѣго, такъ ничего не возьмешь.

— Бабушка!

— Ставь, ставь! Не твои.

Я поставилъ два фридрихсдора. Шарикъ долго леталъ по колесу, наконецъ, сталъ прыгать по зазубринамъ. Бабушка замерла и стиснула мою руку, и вдругъ хлопъ!

— Зéго! провозгласилъ крупёръ.

— Видишь, видишь! быстро обернулась ко мнѣ бабушка, вся сіяющая и довольная. Я вѣдь сказала тебѣ! И надоумилъ меня Самъ Господь поставить два золотыхъ! Ну, сколько же я теперь получу? Что-жъ не выдаютъ. Потапычъ, Марѳа, гдѣ же они? Наши всѣ куда же ушли? Потапычъ, Потапычъ!

— Бабушка, послѣ, шепталъ я, — Потапычъ у дверей, его сюда не пускаютъ. Смотрите, бабушка, вамъ деньги выдаютъ, получайте! Бабушкѣ выкинули запечатанный въ синей бумажкѣ, тяжеловѣсный свертокъ съ пятидесятью фридрихсдорами и отсчитали незапечатанныхъ еще двадцать фридрихсдоровъ. Все это я пригребъ къ бабушкѣ лопаткой.

— *Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs!* Rien ne va plus? возглашала крупёръ, приглашая ставить и готовясь вертѣть рулетку.

— Господи! Опоздали! Сейчас завертять! Ставь, ставь! захлопотала бабушка, — да не мѣшкой, скорѣе! выходила она изъ себя, толкая меня изъ всѣхъ силъ.

— Да куда ставить-то, бабушка?

— На зéго, на зéго! Опять на зéго! Ставь какъ можно больше! Сколько у насъ всего? Семьдесятъ фридрихсдоровъ? Нечего ихъ жалѣть, ставь по двадцати фридрихсдоровъ разомъ.

— Опомнитесь, бабушка! Онъ иногда по двѣсти разъ не выходитъ! Увѣряю васъ, вы весь капиталъ проставите.

— Ну, врешь, врешь! Ставь! Вотъ языкъ-то звенить! Знаю, что дѣлаю, даже затряслась въ изступленіи бабушка.

— По уставу, разомъ болѣе двѣнадцати фридрихсдоровъ на зéго ставить не позволено, бабушка, — ну, вотъ, я поставилъ.

— Какъ не позволено? Да ты не врешь-ли? Мусье! Мусье! затолкала она крупёра, сидѣвшаго тутъ же подлѣ нея слѣва и приготовившагося вертѣть: — *combien zégo? Douze? Douze?*

Я поскорѣе растолковалъ вопросъ по-французски.

— Oui, madame, вѣжливо подтвердилъ крупёръ, — равно какъ всякая единичная ставка не должна превышать разомъ четырехъ тысячъ флориновъ, по уставу, прибавилъ онъ въ поясненіе.

— Ну, нечего дѣлать, ставъ двѣнадцать.

— Le jeu est fait! крикнулъ крупёръ. Колесо завертѣлось и вышло тридцать. Проиграли!

— Еще! Еще! Еще! Ставь еще! кричала бабушка. Я уже не противорѣчилъ и, пожимая плечами, поставилъ еще двѣнадцать фридрихсдоровъ. Колесо вертѣлось долго. Бабушка просто дрожала, слѣдя за колесомъ. „Да неужто она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ опять зѣго выиграть?“ подумалъ я, смотря на нее съ удивленіемъ. Рѣшительное убѣжденіе въ выигрышѣ сіяло на лицѣ ея, — непремѣнное ожиданіе, что вотъ-вотъ сейчасъ крикнуть зѣго. Шарикъ вскочилъ на клѣтку.

— Зѣго! крикнулъ крупёръ.

— Чтò!!! съ неистовымъ торжествомъ обратилась ко мнѣ бабушка.

Я самъ былъ игрокъ; я почувствовалъ это въ ту самую минуту. У меня руки-ноги дрожали, въ голову ударило. Конечно, это былъ рѣдкій случай, что на какихъ-нибудь десяти ударахъ три раза выскочилъ зѣго; но особенно удивительнаго тутъ не было ничего. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ третьяго дня вышло три зѣго *сряду* и при этомъ одинъ изъ игроковъ, ревностно отмѣчавшій на бумажкѣ удары, громко замѣтилъ, что не даѣе, какъ вчера, этотъ же самый зѣго упалъ въ цѣлыя сутки одинъ разъ.

Съ бабушкой, какъ съ выигравшей самый значительный выигрышъ, особенно внимательно и почтительно рассчитались. Ей приходилось получить ровно четыреста двадцать фридрихсдоровъ, то-есть четыре тысячи флориновъ и двадцать фридрихсдоровъ. Двадцать фридрихсдоровъ ей выдали золотомъ, а четыре тысячи банковыми билетами.

На этотъ разъ бабушка уже не звала Потапыча; она была занята не тѣмъ. Она даже не толкалась и не дрожала снаружи! Она, если можно такъ выразиться, дрожала изнутри. Вся на чемъ-то сосредоточилась, такъ и прицѣлилась:

— Алексѣй Ивановичъ! Онъ сказалъ, за разъ можно только четыре тысячи флориновъ поставить? На, бери, ставъ эти всѣ четыре на красную, рѣшила бабушка.

Было бесполезно отговаривать. Колесо завертѣлось.

— Rouge! провозгласилъ крупёръ.

Опять выигрышь въ четыре тысячи флориновъ, всего, стало-быть, восемь.

— Четыре сюда мнѣ давай, а четыре ставь опять на красную! командовала бабушка.

Я поставилъ опять четыре тысячи.

— Rouge! провозгласилъ снова крупёръ.

— Итого двѣнадцать! Давай ихъ всё сюда. Золото ссыпай сюда, въ кошелёкъ, а билеты спрячь. Довольно! Домой! Откатите кресла!

ГЛАВА XI.

Кресла откатали къ дверямъ, на другой конецъ залы. Бабушка сіяла. Всѣ наши стѣснились тотчасъ же кругомъ нея съ поздравленіями. Какъ ни эксцентрично было поведеніе бабушки, но ея триумфъ покрывалъ многое и генералъ ужъ не боялся скомпрометтировать себя въ публикѣ родственными отношеніями съ такой странной женщиной. Съ снисходительною и фамиллярно-веселою улыбкою, какъ бы тѣша ребенка, поздравилъ онъ бабушку. Впрочемъ, онъ было видимо пораженъ, равно какъ и всѣ зрители. Кругомъ говорили и указывали на бабушку. Многіе проходили мимо нея, чтобы ближе ее разсмотрѣть. Мистеръ Астлей толковалъ о ней въ сторонѣ съ двумя своими знакомыми англичанами. Нѣсколько величавыхъ зрительницъ, дамъ, съ величавымъ недоумѣніемъ разсматривали ее, какъ какое-то чудо... Де-Гріе такъ и рассыпался въ поздравленіяхъ и улыбкахъ.

— *Quelle victoire!* говорилъ онъ.

— *Mais, madame, c'était du feu!* прибавила съ заигрывающей улыбкой *m-lle Blanche*.

— Да-съ, вотъ взяла, да и выиграла двѣнадцать тысячъ флориновъ! Какое двѣнадцать, а золото-то! Съ золотомъ почти что тринадцать выйдетъ. Это сколько по-нашему? Тысячъ шесть, что-ли, будетъ?

Я доложилъ, что и за семь перевалило, а по теперешнему курсу, пожалуй, и до восьми дойдетъ.

— Шутка, восемь тысячъ! А вы-то сидите здѣсь, колпаки, ничего не дѣлаете! Потапычъ, Марѳа, видѣли?

— Матушка, да какъ это вы? Восемь тысячъ рублей! восклицала, извиваясь, Марѳа.

— На-те, вотъ вамъ отъ меня по пяти золотыхъ, вотъ!

Потапычъ и Марѳа бросились цѣловать ручки.

— И носильщикамъ дать по фридрихсдору. Дай имъ по золотому, Алексѣй Ивановичъ. Что это лакей кланяется, и другой тоже? Поздравляютъ? Дай имъ тоже по фридрихсдору.

— *Madame la princesse... un pauvre expatrié... malheur continuel... les princes russes sont si généreux...* увивалась около кресель одна личность, въ истасканномъ сюртукѣ, пестромъ жилетѣ, въ усахъ, держа картузь на отлетѣ и съ подобострастною улыбкой.

— Дай ему тоже фридрихсдоръ... Нѣтъ, дай два; ну, довольно, а то конца съ ними не будетъ. Подымите, везите. Прасковья, обратилась она къ Полинѣ Александровнѣ,—я тебѣ завтра на платьѣ куплю, и той куплю, *m-me...* какъ ее, *m-lle Blanche*, что-ли, ей тоже на платьѣ куплю. Переведи ей, Прасковья!

— *Merci, madame*, умильно присѣла *m-lle Blanche*, искрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, которою обмѣнялась съ Де-Гриѣ и генераломъ. Генераль отчасти конфузился и ужасно былъ радъ, когда мы добрались до аллеи.

— Оедосья, Оедосья-то, думаю, какъ удивится теперь, говорила бабушка, вспоминая о знакомой генеральской нянюшкѣ.—И ей нужно на платьѣ подарить. Эй, Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, подай этому нищему.

По дорогѣ проходилъ какой-то оборванецъ, съ скрюченною спиной, и глядѣлъ на насъ.

— Да это, можетъ-быть, и не нищій, а какой-нибудь прощальга, бабушка.

— Дай! Дай! Дай ему гульденъ!

Я подошелъ и подаль. Онъ посмотрѣлъ на меня съ дикимъ недоумѣніемъ, однако, молча, взялъ гульденъ. Отъ него пахло виномъ.

— А ты, Алексѣй Ивановичъ, не пробоваль еще счастія?

— Нѣтъ, бабушка.

— А у самого глаза горѣли, я видѣла.

— Я еще попробую, бабушка, непременно, потомъ.

— И прямо ставъ на зѣго! Вотъ увидишь! Сколько у тебя капитала?

— Всего только двадцать фридрихсдоровъ, бабушка.

— Немного. Пятьдесятъ фридрихсдоровъ я тебѣ дамъ займы, если хочешь. Вотъ этотъ самый свертокъ и бери,

а ты, батюшка, все-таки не жди, тебѣ не дамъ! вдругъ обратилась она къ генералу.

Того точно перевернуло, но онъ промолчалъ. Де-Грие нахмурился.

— *Que diable, c'est une terrible vieille!* прошепталъ онъ сквозь зубы генералу.

— Нищій, нищій, опять нищій! закричала бабушка.— Алексѣй Ивановичъ, дай и этому гульденъ.

На этотъ разъ повстрѣчался сѣдой старикъ, съ деревянной ногой, въ какомъ-то синемъ, длиннополомъ сюртукѣ и съ длинною тростью въ рукахъ. Онъ похожъ былъ на стараго солдата. Но когда я протянулъ ему гульденъ, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и грозно осмотрѣлъ меня.

— *Was ist's der Teufel!* крикнулъ онъ, прибавивъ къ этому еще съ десятокъ ругательствъ.

— Ну, дуракъ, крикнула бабушка, махнувъ рукой.— Везите дальше! Проголодалась! Теперь сейчасъ обѣдать, потомъ немного повалюсь и опять туда.

— Вы опять хотите играть, бабушка! крикнулъ я.

— Какъ бы ты думалъ? Что вы-то здѣсь сидите, да киснете, такъ и мнѣ на васъ смотрѣть.

— *Mais, madame, приблизился Де-Грие,— les chances peuvent tourner, une seule mauvaise chance et vous perdrez tout... surtout avec votre jeu... c'était terrible!*

— *Vous perdrez absolument,* зашебетала *м-lle Blanche.*

— Да вамъ-то всѣмъ какое дѣло? Не ваши проиграю,— свои! А гдѣ этотъ мистеръ Астлей? спросила она меня.

— Въ вокзалѣ остался, бабушка.

— Жаль; вотъ этотъ такъ хорошій человекъ.

Прибывъ домой, бабушка еще на лѣстницѣ, встрѣтивъ оберъ-кельнера, подозвала его и похвасталась своимъ выигрышемъ; затѣмъ позвала Федосью, подарила ей три фридрихсдора и велѣла подавать обѣдать. Федосья и Марѳа такъ и разсыпались предъ нею за обѣдомъ.

— Смотрю я на васъ, матушка, трещала Марѳа,— и говорю Потапычу, что это наша матушка хочетъ дѣлать. А на столѣ денегъ-то, денегъ-то, батюшки! Всю-то жизнь столько денегъ не видывала, а все кругомъ господа, все одни господа сидятъ. И откуда, говорю, Потапычъ, это все такіе здѣсь господа? Думаю, помощи ей Сама Мати Божія. Молюсь я за васъ, матушка, а сердце вотъ такъ и замираетъ, такъ и замираетъ, дрожу, вся дрожу. Дай

ей, Господи, думаю, а тутъ вотъ вамъ Господь и послалъ. До сихъ поръ, матушка, такъ и дрожу, такъ вотъ вся и дрожу.

— Алексѣй Ивановичъ, послѣ обѣда, часа въ четыре, готовься, пойдѣмъ. А теперь, покамѣстъ, прощай, да докторишку мнѣ какого-нибудь позвать не забудь, тоже и воды пить надо. А то и позабудешь, пожалуй.

Я вышелъ отъ бабушки, какъ одурманенный. Я старался себѣ представить, что теперь будетъ со всѣми нашими и какой оборотъ примутъ дѣла? Я видѣлъ ясно, что они (генераль преимущественно) еще не успѣли придти въ себя, даже и отъ перваго впечатлѣнія. Фактъ появленія бабушки, вмѣсто ожидаемой съ часу на часъ телеграммы объ ея смерти (а, стало-быть, и о наслѣдствѣ), до того раздробилъ всю систему ихъ намѣреній и принятыхъ рѣшеній, что они съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ и съ какимъ-то нашедшимъ на всѣхъ столбнякомъ относились къ дальнѣйшимъ подвигамъ бабушки на рулеткѣ. А между тѣмъ, этотъ второй фактъ былъ чуть-ли не важнѣе перваго, потому что, хотъ бабушка и повторила два раза, что денегъ генералу не дастъ, но вѣдь кто знаетъ,—все-таки не должно было еще терять надежды. Не терялъ же ее Де-Грие, замѣшанный во всѣ дѣла генерала. Я увѣренъ, что и *m-lle Blanche*, тоже весьма замѣшанная (еще бы: генеральша и значительное наслѣдство!),—не потеряла бы надежды и употребила бы всѣ обольщенія кокетства надъ бабушкой,—въ контрастѣ съ непонятливою и не умѣющею приласкаться, гордячкою Полиной. Но теперь, теперь, когда бабушка совершила такіе подвиги на рулеткѣ, теперь, когда личность бабушки отпечаталась передъ ними такъ ясно и типически—(строитивая, властолюбивая старуха *et tombée en enfance*)—теперь, пожалуй, и все погибло;—вѣдь она какъ ребенокъ рада, что дорвалась и, какъ водится, проиграется въ пухъ. Боже, подумаль я (и прости меня, Господи, съ самымъ злораднымъ смѣхомъ),—Боже, да вѣдь каждый фридрихсдоръ, поставленный бабушкою давеча, ложился болячкою на сердце генерала, бѣсилъ Де-Грие и доводилъ до изступленія *m-lle de Cominges*, у которой мимо рта проносили ложку. Вотъ и еще фактъ: даже съ выигрыша, съ радости, когда бабушка раздавала всѣмъ деньги и каждаго прохожаго принимала за нищаго, даже и тутъ у ней вырвалось къ генералу: „а тебѣ-то все-таки не дамъ!“ Это

значить: сѣла на этой мысли, уперлась, слово такое себѣ дала;—опасно! опасно!

Всѣ эти соображенія ходили въ моей головѣ, въ то время, какъ я поднимался отъ бабушки по парадной лѣстницѣ, въ самый верхній этажъ, въ свою каморку. Все это занимало меня сильно; хотя, конечно, я и прежде могъ предугадывать главныя толстѣйшія нити, связывавшія передо мною актеровъ, но все-таки окончательно не зналъ всѣхъ средствъ и тайнъ этой игры. Полина никогда не была со мною вполне довѣрчива. Хотя и случалось, правда, что она открывала мнѣ подчасъ, какъ бы невольно, свое сердце, но я замѣтилъ, что часто, да почти и всегда, послѣ этихъ открытій, или въ смѣхъ обратить все сказанное, или запутаетъ и съ намѣреніемъ придастъ всему ложный видъ. О, она многое скрывала! Во всякомъ случаѣ, я предчувствовалъ, что подходит финалъ всего этого таинственного и напряженного состоянія. Еще одинъ ударъ—и все будетъ кончено и обнаружено. О своей участи, тоже во всемъ этомъ заинтересованный,—я почти не заботился. Странное у меня настроеніе: въ карманѣ всего двадцать фридрихсдоровъ, я далеко на чужой сторонѣ, безъ мѣста и безъ средствъ къ существованію, безъ надежды, безъ расчетовъ и—не забочусь объ этомъ! Если бы не дума о Полинѣ, то я просто весь отдался бы одному комическому интересу предстоящей развязки и хохоталъ бы во все горло. Но Полина смущаетъ меня; участь ея рѣшается, это я предчувствовалъ, но, каюсь, совсѣмъ не участь ея меня беспокоитъ. Мнѣ хочется проникнуть въ ея тайны; мнѣ хотѣлось бы, чтобы она пришла ко мнѣ и сказала: „вѣдь я люблю тебя“, а если нѣтъ, если это безумство невысказано, то тогда... ну, да чего пожелать? Развѣ я знаю, чего желаю? Я самъ, какъ потерянный: мнѣ только бы быть при ней, въ ея ореолѣ, въ ея сіяніи, навѣчно, всегда, всю жизнь. Дальше я ничего не знаю! И развѣ я могу уйти отъ нея?

Въ третьемъ этажѣ, въ ихъ коридорѣ, меня что-то какъ толкнуло. Я обернулся и, въ двадцати шагахъ или болѣе, увидѣлъ выходящую изъ двери Полину. Она точно выждала и высматривала меня и тотчасъ же къ себѣ по-манила.

— Полина Александровна...

— Тише! заговорила она.

— Представьте себѣ, зашепталъ я,—меня сейчасъ точно

что толкнуло въ бокъ; оглядываюсь—вы! Точно электричество исходитъ изъ васъ какое-то!

— Возьмите это письмо, заботливо и нахмуренно пронесла Полина, навѣрное не разслышавъ того, что я скажаль,—и передайте лично мистеру Астлею, сейчасъ. Поскорѣе, прошу васъ. Отвѣта не надо. Онъ самъ...

Она не договорила.

— Мистеру Астлею? переспросилъ я въ удивленіи.

Но Полина уже скрылась въ дверь.

— Ага, такъ у нихъ переписка!—Я, разумѣется, побѣжалъ тотчасъ же отыскивать мистера Астлея, сперва въ его отелѣ, гдѣ его не засталъ, потомъ въ вокзалѣ, гдѣ обѣгалъ всѣ залы, и, наконецъ, въ досадѣ, чуть не въ отчаяніи, возвращаясь домой, встрѣтилъ его случайно, въ кавалькадѣ какихъ-то англичанъ и англичанокъ, верхомъ. Я поманилъ его, остановилъ и передалъ ему письмо. Мы не успѣли и переглянуться. Но я подозреваю, что мистеръ Астлей нарочно поскорѣе пустилъ лошадь.

Мучила-ли меня ревность? Но я былъ въ самомъ разбитомъ состояніи духа. Я и удостовѣриться не хотѣлъ, о чемъ они переписываются. Итакъ, отъ нея повѣренный! „Другъ-то, другъ“, думалъ я, и это ясно (и когда онъ успѣлъ сдѣлаться), но есть-ли тутъ любовь? Конечно, нѣтъ, шепталъ мнѣ разсудокъ. Но вѣдь одного разсудка въ этакихъ случаяхъ мало. Во всякомъ случаѣ предстояло и это разъяснить. Дѣло неприятно усложнилось.

Не успѣлъ я войти въ отель, какъ швейцаръ и вышедшій изъ своей комнаты оберъ-кельнеръ сообщили мнѣ, что меня требуютъ, ищутъ, три раза посылали навѣдываться: гдѣ я?—просятъ какъ можно скорѣе въ номеръ къ генералу. Я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. У генерала въ кабинетѣ я нашель, кромѣ самого генерала, Де-Гріе и m-lle Blanche, одну, безъ матери. Мать была рѣшительно подставная особа, употреблявшаяся только для парада; но когда доходило до настоящаго дѣла, то m-lle Blanche орудовала одна. Да и врядь-ли та что-нибудь знала про дѣла своей названной дочки.

Они, впрочемъ, о чемъ-то горячо совѣщались и даже дверь кабинета была заперта,—чего никогда не бывало. Подходя къ дверямъ, я разслышалъ громкіе голоса,—дерзкій и язвительный разговоръ Де-Гріе, нахально-ругательный и бѣшенный крикъ Blanche и жалкій голосъ генерала, очевидно, въ чемъ-то оправдывавшагося. При по-

явленіи моемъ всѣ они какъ бы попридержались и подправились. Де-Гріе поправиль волосы и изъ сердитаго лица сдѣлалъ улыбающееся—тою скверною, офиціально-учтивою, французскою улыбкою, которую я такъ ненавижу. Убитый и потерявшійся генераль пріосанился, но какъ-то машинально. Одна только *m-lle Blanche* почти не измѣнила своей сверкающей гнѣвомъ фізіономіи, и только замолкла, устремивъ на меня взоръ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Замѣчу, что она до невѣроятности небрежно доселѣ со мною обходилась, даже не отвѣчала на мои поклоны,—просто не примѣчала меня.

— Алексѣй Ивановичъ, началъ нѣжно распекающимъ тономъ генераль,—позвольте вамъ объявить, что странно, въ высочайшей степени странно... однимъ словомъ, ваши поступки относительно меня и моего семейства... однимъ словомъ, въ высочайшей степени странно...

— *Eh! se n'est pas ça*, съ досадой и презрѣніемъ перебилъ Де-Гріе. (Рѣшительно онъ всѣмъ заправлялъ!) *Mon cher monsieur, notre cher général se trompe*,—впадая въ такой тонъ (продолжаю его рѣчь по-русски), но онъ хотѣлъ вамъ сказать... то-есть васъ предупредить, или, лучше сказать, просить васъ убѣдительноше, чтобъ вы не губили его,—ну да, не губили! Я употребляю именно это выраженіе...

— Но чѣмъ же, чѣмъ же! прервалъ я.

— Помилуйте, вы беретесь быть руководителемъ (или, какъ это сказать?) этой старухи, *cette pauvre terrible vieille*, сбивался самъ Де-Гріе,—но вѣдь она проиграется; она проиграется вся въ пухъ! Вы сами видѣли, вы были свидѣтелемъ, какъ она играетъ! Если она начнетъ проигрывать, то она ужъ и не отойдетъ отъ стола, изъ упрямства, изъ злости, и все будетъ играть, все будетъ играть, а въ такихъ случаяхъ никогда не отыгрываются, и тогда... тогда...

— И тогда, подхватилъ генераль,—тогда вы погубите все семейство! Я и мое семейство, мы—ея наслѣдники, у ней нѣтъ болѣе близкой родни. Я вамъ откровенно скажу: дѣла мои разстроены, крайне разстроены. Вы сами отчасти знаете... Если она проиграетъ значительную сумму или даже, пожалуй, все состояніе (о, Боже!), что тогда будетъ съ ними, съ моими дѣтьми! (Генераль оглянулся на Де-Гріе).—Со мною! (Онъ поглядѣлъ на *m-lle Blanche*;

съ презрѣніемъ отъ него отвернувшуюся). Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите насъ!..

— Да чѣмъ же, генераль, скажите, чѣмъ я могу... Что я-то тутъ значу?

— Откажитесь, откажитесь, бросьте ее!..

— Такъ другой найдется! вскричалъ я.

— *Se n'est pas ça, se n'est pas ça*, перебилъ опять Де-Гріе,—*que diable!* Нѣтъ, не покидайте, но, по крайней мѣрѣ, усовѣстите, уговорите, отвлеките... Ну, наконецъ, не дайте ей проиграть слишкомъ много, отвлеките ее какъ-нибудь.

— Да какъ я это сдѣлаю? Если бы вы сами взялись за это, м-г Де-Гріе, прибавилъ я, какъ можно наивнѣе.

Тутъ я замѣтилъ быстрый, огненный, вопросительный взглядъ м-*lle* Blanche на Де-Гріе. Въ лицѣ самого Де-Гріе мелькнуло что-то особенное, что-то откровенное, отъ чего онъ не могъ удержаться.

— То-то и есть, что она меня не возьметъ теперь! вскричалъ, махнувъ рукой, Де-Гріе.—Если-бъ... потомъ...

Де-Гріе быстро и значительно поглядѣлъ на м-*lle* Blanche.

— *O, mon cher m-g Alexis, soyez si bon*, шагнула ко мнѣ, съ обворожительною улыбкою, сама м-*lle* Blanche, схватила меня за обѣ руки и крѣпко сжала. Чортъ возьми! Это дьявольское лицо умѣло въ одну секунду мѣняться. Въ это мгновеніе у ней явилось такое просящее лицо, такое милое, дѣтски улыбающееся и даже шаловливое; подъ конецъ фразы она плутовски мнѣ подмигнула, тихонько отъ всѣхъ: срѣзать разомъ, что-ли, меня хотѣла! И не дурно вышло,—только ужъ грубо было это, однако, ужасно.

Подсочилъ за ней и генераль,—именно подскочилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, простите, что я давеча такъ съ вами началъ, я не то совсѣмъ хотѣлъ сказать... Я васъ прошу, умоляю, въ поясъ вамъ кланяюсь, по-русски,—вы одинъ, одинъ можете насъ спасти! Я и м-*lle* de Cominges васъ умоляемъ,—вы понимаете, вѣдь вы понимаете? умолялъ онъ, показывая мнѣ глазами на м-*lle* Blanche. Онъ былъ очень жалокъ.

Въ эту минуту раздались три тихіе и почтительные удара въ дверь; открыли, — стучалъ коридорный слуга, а за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоялъ Потапычъ. Послы были отъ бабушки. Требовалось сыскать и доставить меня немедленно; „сердятся“, сообщилъ Потапычъ.

— Но вѣдь еще только половина четвертаго.

— Онѣ и заснуть не могли, все ворочались, потомъ вдругъ встали, кресла потребовали, и за вами. Ужъ онѣ теперь на крыльцѣ-съ...

— *Quelle mégère!* крикнулъ Де-Грие.

Дѣйствительно, я нашелъ бабушку уже на крыльцѣ, выходящую изъ терпѣнія, что меня нѣтъ. До четырехъ часовъ она не выдержала.

— Ну, подымайте! крикнула она, и мы отправились опять на рулетку.

ГЛАВА XII.

Бабушка была въ нетерпѣливомъ и раздражительномъ состояніи духа; видно было, что рулетка у ней крѣпко засѣла въ головѣ. Ко всему остальному она была невнимательна и вообще крайне разсѣяна. Ни про что, напримѣръ, по дорогѣ не спрашивала, какъ давеча. Увидя одну богатѣйшую коляску, промчавшуюся мимо насъ вихремъ, она было подняла руку и спросила: Что такое? Чьи?—но кажется и не разслышала моего отвѣта: задумчивость ея непрерывно прерывалась рѣзкими и нетерпѣливыми тѣлодвиженіями и выходками. Когда я ей показалъ издали, уже подходя къ вокзалу, барона и баронессу Вурмергельмъ, она разсѣянно посмотрѣла и совершенно равнодушно сказала: „А!“ и, быстро обернувшись къ Потанычу и Марѣѣ, шагавшимъ сзади, отрѣзала имъ:

— Ну, вы зачѣмъ увязались? Не каждый разъ брать васъ! Ступайте домой! Мнѣ и тебя довольно, прибавила она мнѣ, когда тѣ торопливо поклонились и воротились домой.

Въ вокзалѣ бабушку уже ждали. Тотчасъ же отгородили ей то же самое мѣсто, возлѣ крупѣра. Мнѣ кажется, эти крупѣры, всегда такіе чинные и представляющіе изъ себя обыкновенныхъ чиновниковъ, которымъ почти рѣшительно все равно: выиграетъ-ли банкъ или проиграетъ,—вовсе не равнодушны къ проигрышу банка и, ужъ конечно, снабжены кой-какими инструкціями для привлеченія игроковъ и для вѣщаго наблюденія казеннаго интереса,—за что непременно и сами получаютъ призы и преміи. По крайней мѣрѣ, на бабушку смотрѣли ужъ какъ на жертвочку. Затѣмъ, что у насъ предполагали, то и случилось.

Вотъ какъ было дѣло.

Бабушка прямо накинулась на зéго и тотчасъ же велѣла ставить по двѣнадцати фридрихсдоровъ. Поставили разъ, второй, третій—зéго не выходилъ.

— Ставь, ставь! толкала меня бабушка въ нетерпѣннiи. Я слушался.

— Сколько разъ проставили? спросила она, наконецъ, скрежеща зубами отъ нетерпѣннiи.

— Да уже двѣнадцатый разъ ставилъ, бабушка. Сто сорокъ четыре фридрихсдора проставили. Я вамъ говорю, бабушка, до вечера, пожалуй...

— Молчи! перебила бабушка.—Поставь на зéго и поставь сейчасъ на красную тысячу гульденовъ. На, вотъ билетъ.

Красная вышла, а зéго опять лопнулъ, воротили тысячу гульденовъ.

— Видишь, видишь! шептала бабушка,—почти все, что проставили, воротили. Ставь опять на зéго; еще разъ десять поставимъ и бросимъ.

Но на пятомъ разѣ бабушка совсѣмъ соскучилась.

— Брось этотъ пакостный зеришко къ чорту. На, ставь всѣ четыре тысячи гульденовъ на красную, приказала она.

— Бабушка! много будетъ; ну, какъ не выйдетъ красная, умолялъ я; но бабушка чуть меня не прибила. (А, впрочемъ, она такъ толкалась, что почти, можно сказать, и дралась). Нечего было дѣлать, я поставилъ на красную всѣ четыре тысячи гульденовъ, выигранные давеча. Колесо завертѣлось. Бабушка сидѣла спокойно и гордо выпрямившись, не сомнѣваясь въ непремѣнномъ выигрышѣ.

— Зéго! возгласилъ крупёръ.

Сначала бабушка не поняла, но когда увидѣла, что крупёръ загребъ ея четыре тысячи гульденовъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что стояло на столѣ, и узнала, что зéго, который такъ долго не выходилъ и на которомъ мы проставили почти двѣсти фридрихсдоровъ, выскочилъ, какъ нарочно, тогда, когда, бабушка только что его обругала и бросила, то ахнула и на всю залу сплеснула руками. Кругомъ даже засмѣялись.

— Батюшки! Онъ тутъ-то проклятый и выскочилъ! вопила бабушка,—вѣдь этакой, этакой окаянный! Это ты! Это все ты! свирѣпо накинулась она на меня, толкалась.— Это ты меня отговорилъ.

— Бабушка, я вамъ дѣло говорилъ, какъ могу отвѣчать я за всѣ шавсы?

— Я те дамъ шансы! шептала она грозно, — пошелъ вонъ отъ меня.

— Прощайте, бабушка, повернулся я уходить.

— Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, останься! Куда ты? Ну, чего, чего? Ишь разсердился! Дуракъ! Ну, побудь, побудь еще, ну, не сердись, я сама дура! Ну, скажи, ну, что теперь дѣлать!

— Я, бабушка, не возьмусь вамъ подсказывать, потому что вы меня же будете обвинять. Играйте сами, приказывайте, я ставить буду.

— Ну, ну! Ну, ставь еще четыре тысячи гульденовъ на красную! Вотъ бумажникъ, бери. Она вынула изъ кармана и подала мнѣ бумажникъ. — Ну, бери скорѣй, тутъ двадцать тысячъ рублей чистыми деньгами.

— Бабушка, пролепеталъ я,—такіе куши...

— Жива не хочу быть—отыграюсь... Ставь!

Поставили и проиграли.

— Ставь, ставь, всѣ восемь ставь!

— Нельзя, бабушка, самый большой кушъ четыре!..

— Ну, ставь четыре!

На этотъ разъ выиграли. Бабушка ободрилась.

— Видишь, видишь! затолкала она меня, — ставь опять четыре!

Поставили — проиграли; потомъ еще и еще проиграли.

— Бабушка, всѣ двѣнадцать тысячъ ушли, доложилъ я.

— Вижу, что всѣ ушли, проговорила она въ какомъ-то спокойствіи бѣшенства, если такъ можно выразиться, — вижу, батюшка, вижу, бормотала она, смотря передъ собою неподвижно, и какъ будто раздумывая, — эхъ! Жива не хочу быть, ставь еще четыре тысячи гульденовъ!

— Да денегъ нѣтъ, бабушка; тутъ въ бумажникѣ наши пятипроцентные и еще какіе-то переводы есть, а денегъ нѣтъ.

— А въ кошелькѣ?

— Мелочь осталась, бабушка.

— Есть здѣсь мѣняльня лавки? Мнѣ сказали, что всѣ наши бумаги размѣнять можно, рѣшительно спросила бабушка.

— О, сколько угодно! Но что вы потеряете за промѣнъ, такъ... самъ жидъ ужаснется!

— Вздоръ! Отыграюсь! Вези! Позвать этихъ болвановъ!

Я откатилъ бресла, явились носильщики, и мы покатили изъ вокзала.

— Скорѣй, скорѣй, скорѣй! командовала бабушка. — Показывай дорогу, Алексѣй Ивановичъ, да поближе возьми... а далеко?

— Два шага, бабушка.

Но на поворотѣ изъ сквера въ аллею встрѣтилась намъ вся наша компанія: генераль, Де-Гріе и m-lle Blanche съ маменькой. Полины Александровны съ ними не было, мистера Астлея тоже.

— Ну, ну, ну! Не останавливаться! кричала бабушка, — ну, чего вамъ такое? Некогда съ вами тутъ!

Я шель сзади; Де-Гріе подскочилъ ко мнѣ.

— Все давешнее проиграла и двѣнадцать тысячъ гульденовъ своихъ просадила. Ыдемъ пятипроцентные мѣнять, шепнулъ я ему на-скоро.

Де-Гріе топнулъ ногою и бросился сообщить генералу. Мы продолжали катить бабушку.

— Остановите, остановите! зашепталъ мнѣ генераль въ изступленіи.

— А вотъ попробуйте-ка ее остановить, шепнулъ я ему.

— Тетушка! приблизился генераль, — тетушка... мы сейчасъ... мы сейчасъ... — голосъ у него дрожалъ и падалъ, — занимаемъ лошадей и ѣдемъ за городъ... Восхитительнѣйшій видъ... нюантъ... мы шли васъ приглашать?

— И, ну тебя и съ нюантомъ! раздражительно отмахнулась отъ него бабушка.

— Тамъ деревня... тамъ будемъ чай пить... продолжалъ генераль уже съ полнымъ отчаяніемъ.

— Nous boirons du lait, sur l'herbe fraîche, прибавилъ Де-Гріе со звѣрскою злобой.

Du lait, de l'herbe fraîche, — это все, что есть идеально идиллическаго у парижскаго буржуа; въ этомъ, какъ извѣстно, весь взглядъ его на „nature et la vérité!“

— И, ну тебя съ молокомъ! Хлещи самъ, а у меня отъ него брюхо болитъ. Да и чего вы пристали?! закричала бабушка, — говорю, некогда!

— Приѣхали, бабушка! закричалъ я, — здѣсь!

Мы подкатили къ дому, гдѣ была контора банкира. Я пошелъ мѣнять; бабушка осталась ждать у подъѣзда; Де-Гріе, генераль и Blanche стояли въ сторонѣ, не зная, что имъ дѣлать. Бабушка гнѣвно на нихъ посмотрѣла и они ушли по дорогѣ къ вокзалу.

Мнѣ предложили такой ужасный расчетъ, что я не рѣшился, и воротился къ бабушкѣ просить инструкцій.

— Ахъ, разбойники! закричала она, всплеснувъ руками.—Ну, ничего! Мѣняй! крикнула она рѣшительно,—стой, позови ко мнѣ банкира!

— Развѣ кого-нибудь изъ конторщиковъ, бабушка?

— Ну, конторщика, все равно. Ахъ, разбойники!

Конторщикъ согласился выйти, узнавъ, что его просить къ себѣ старая, расслабленная графиня, которая не можетъ ходить. Бабушка долго, гнѣвно и громко упрекала его въ мошенничествѣ и торговалась съ нимъ, смѣсью русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, при чемъ я помогала переводу. Серьезный конторщикъ по-сматривалъ на насъ обоихъ и молча моталъ головой. Бабушку осматривалъ онъ даже со слишкомъ пристальнымъ любопытствомъ, что уже было невѣжливо; наконецъ, онъ сталъ улыбаться.

— Ну, убирайся! крикнула бабушка.—Подавись моими деньгами! Размѣняй у него, Алексѣй Ивановичъ, некогда, а то бы къ другому поѣхать...

— Конторщикъ говорить, что у другихъ еще меньше дадутъ.

Навѣрное не помню тогдашняго расчета, но онъ былъ ужасенъ. Я намѣнялъ до двѣнадцати тысячъ флориновъ золотомъ и билетами, взялъ расчетъ и вынесъ бабушкѣ.

— Ну, ну, ну! Нечего считать, замахала она руками,—скорѣй, скорѣй, скорѣй!

— Никогда на этотъ проклятый зѣго не буду ставить и на красную тоже, промолвила она, подѣзжая къ вокзалу.

На этотъ разъ, я всѣми силами старался внушать ей ставить какъ можно меньше, убѣждая ее, что при оборотѣ шансовъ всегда будетъ время поставить и большой кушъ. Но она была такъ нетерпѣлива, что хоть и соглашалась сначала, но возможности не было сдержать ее во время игры; чуть только она начинала выигрывать ставки въ десять, въ двадцать фридрихсдоровъ,—

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! начинала она толкать меня,—ну, вотъ выиграла же; стояло бы четыре тысячи вмѣсто десяти, мы бы четыре тысячи выиграла, а то что теперь? Это все ты, все ты!

И какъ ни брала меня досада, глядя на ея игру, а я, наконецъ, рѣшился молчать и не совѣтовать больше ничего.

Вдругъ подскочилъ Де-Грие. Они всѣ трое были возлѣ; я замѣтилъ, что *madame Blanche* стояла съ маменькой въ

сторонѣ и любезничала съ князькомъ. Генераль былъ въ явной немилости, почти въ загонѣ. *Blanche* даже и смотрѣть на него не хотѣла, хоть онъ и юлилъ подлѣ нея всѣми силами. Бѣдный генераль! Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, трепеталъ и даже ужъ не слѣдилъ за игрою бабушки. *Blanche* и князекъ, наконецъ, вышли; генераль побѣждалъ за ними.

— *Madame, madame*, медовымъ голосомъ шепталъ бабушкѣ *De-Gré*, протѣснившись къ самому ея уху. — *Madame*, этакъ ставка нейдетъ... нѣтъ, нѣтъ, не можно... коверкалъ онъ по-русски, — нѣтъ!

— А какъ же? Ну, научи! обратилась къ нему бабушка.

De-Gré вдругъ быстро заболталъ по-французски, началъ совѣтовать, суетился, говорилъ, что надо ждать шансу, сталъ разсчитывать какія-то цифры... бабушка ничего не понимала. Онъ непрерывно обращался ко мнѣ, чтобъ я переводилъ; тыкалъ пальцемъ въ столъ, указывалъ; наконецъ, схватилъ карандашъ и началъ было высчитывать на бумажкѣ. Бабушка потеряла, наконецъ, терпѣніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ! Все вздоръ мелешъ! „*Madame, madame*“, а самъ и дѣла-то не понимаетъ; пошелъ!

— *Mais madame*, защебеталъ *De-Gré*, и снова началъ толковать и показывать.

Очень ужъ его разбирало.

— Ну, поставь разъ, какъ онъ говоритъ, приказала мнѣ бабушка, — посмотримъ: можетъ и въ самомъ дѣлѣ выйдеть.

De-Gré хотѣлъ только отвлечь ее отъ большихъ кушей; онъ предлагалъ ставить на числа, по-одиночкѣ и въ совокупности. Я поставилъ, по его указанію, по *Фридрихсдору* на рядъ нечетныхъ чиселъ въ первыхъ двѣнадцати и по пяти *Фридрихсдоровъ* на группы чиселъ отъ двѣнадцати до восемнадцати и отъ восемнадцати до двадцати четырехъ: всего поставили шестнадцать *Фридрихсдоровъ*.

Колесо завертѣлось.

— *Zégo*, крикнулъ крупѣръ.

Мы все проиграли.

— Этакой болванъ! крикнула бабушка, обращаясь къ *De-Gré*.—Этакой ты мерзкій французишка! Вѣдь совѣтуетъ же, извергъ! Пошелъ, пошелъ! Ничего не понимаетъ, а туда же суется!

Страшно обиженный, *De-Gré* пожалъ плечами, презри-

тельно посмотрѣлъ на бабушку и отошелъ. Ему ужъ самому стало стыдно, что связался, слишкомъ ужъ не утерпѣлъ.

Черезъ часъ, какъ мы ни бились, — все проиграли.

— Домой! крикнула бабушка.

Она не промолвила ни слова до самой аллеи. Въ аллеѣ, и ужъ подѣзжая къ отелю, у ней начали вырываться восклицанія:

— Экая дура! Экая дурында! Старая ты, старая дурында!

Только-что вѣхали въ квартиру:

— Чаю мнѣ! закричала бабушка, — и сейчасъ собираться! Ыдемъ!

— Куда, матушка, ѣхать изволите? начала было Марea.

— А тебѣ какое дѣло? Знай сверчокъ свой шестокъ! Потапычъ, собирай все, всю поклажу. Ыдемъ назадъ, въ Москву. Я пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ профершипилила!

— Пятнадцать тысячъ, матушка! Боже ты мой! крикнулъ было Потапычъ, умиительно всплеснувъ руками, вѣроятно, предполагая услужиться.

— Ну, ну, дуракъ! Началъ еще хныкать! Молчи! Собираться! Счетъ скорѣе, скорѣй!

— Ближайшій поѣздъ отправится въ девять съ половиною часовъ, бабушка, доложилъ я, чтобы остановить ея фуроръ.

— А теперь сколько?

— Половина восьмого.

— Экая досада! Ну, все равно! Алексѣй Ивановичъ, денегъ у меня ни копейки. Вотъ тебѣ еще два билета, сбѣгай туда, размѣняй мнѣ и эти. А то не съ чѣмъ и ѣхать.

Я отправился. Черезъ полчаса, возвратившись въ отель, я засталъ всѣхъ нашихъ у бабушки. Узнавъ, что бабушка уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву, они были поражены, кажется, еще больше, чѣмъ ея проигрышемъ. Положимъ, отѣздомъ спасалось ея состояніе, но, зато, чтò-же теперь станется съ генераломъ? Кто заплатитъ Де-Грие? Mlle Blanche, разумѣется, ждать не будетъ, пока помретъ бабушка, и навѣрное улизнетъ теперь съ князькомъ, или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Они стояли передъ нею, утѣшали ее и уговаривали. Полины опять не было. Бабушка неистово кричала на нихъ.

— Отвяжитесь, черти! Вамъ чтò за дѣло? Чего эта возлиная борода ко мнѣ лѣзетъ, кричала она на Де-Грие, —

а тебѣ, пиголица, чего надо? обратилась она къ m-lle Blanche.—Чего юлишь?

— Diantre! прошептала m-lle Blanche, бѣшено сверкнувъ глазами, но вдругъ захохотала и вышла.

— Elle vivra cent ans! крикнула она, выходя изъ дверей, генералу.

— А, такъ ты на мою смерть рассчитываешь? завопила бабушка генералу,—пошелъ! Выгони ихъ всѣхъ, Алексѣй Ивановичъ! Какое вамъ дѣло? Я свое просвистала, а не ваше!

Генераль пожалъ плечами, согнулся и вышелъ. Де-Грие за нимъ.

— Позвать Прасковью, велѣла бабушка Марѣѣ.

Черезъ пять минутъ Марѣя воротилась съ Полиной. Все это время Полина сидѣла въ своей комнатѣ съ дѣтьми, и, кажется, нарочно рѣшилась весь день не выходить. Лицо ея было серьезно, грустно и озабочено.

— Прасковья, начала бабушка,—правда-ли, что я давеча стороной узнала, что будто бы этотъ дуракъ, отчимъ-то твой, хочетъ жениться на этой глупой вертушкѣ французенкѣ,—актриса, что-ли, она, или того еще хуже? Говори, правда это?

— Навѣрное про это я не знаю, бабушка, отвѣчала Полина,—но по словамъ самой m-lle Blanche, которая не находитъ нужнымъ скрывать, заключаю...

— Довольно! энергически прервала бабушка,—все понимаю! Я всегда считала, что отъ него это станется и всегда считала его самымъ пустѣйшимъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Натащилъ на себя форсу, что генераль (изъ полковниковъ, по отставкѣ получилъ), да и важничаетъ. Я, мать моя, все знаю, какъ вы телеграмму за телеграммой въ Москву посылали,—„скоро-ли, дескать, старая бабка ноги протянетъ?“ Наслѣдства ждали; безъ денегъ-то его эта подлая дѣвка, какъ ее, — de Cominges, что-ли, — и въ лакеи къ себѣ не возьметъ, да еще со вставнымъ-то зубами. У ней, говорятъ, у самой денегъ куча, на проценты даетъ, добромъ нажила. Я, Прасковья, тебя не виню; не ты телеграммы посылала; и объ старомъ тоже поминать не хочу. Знаю, что характершко у тебя скверный — оса! Укусишь, такъ вслухнешь; да жаль мнѣ тебя, потому, покойницу Катерину, твою мать, я любила. Ну, хочешь? Бросай все здѣсь и поѣзжай со мною. Вѣдь тебѣ дѣваться-то некуда; да и неприлично тебѣ съ ними

теперь. Стой! прервала бабушка начинавшую было отвѣчать Полину, — я еще не докончила. Отъ тебя я ничего не потребую. Домъ у меня въ Москвѣ, сама знаешь, — дворецъ; хоть цѣлый этажъ занимай и хоть по недѣлямъ ко мнѣ не сходи, коль мой характеръ тебѣ не покажется! Ну, хочешь или нѣтъ?

— Позвольте сперва васъ спросить: неужели вы сейчасъ ѣхать хотите?

— Шучу, что-ли, я, матушка! Сказала и поѣду. Я сегодня пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ посадила на расстреклятой вашей рулеткѣ. Въ подмосковной я, пять лѣтъ назадъ, дала обѣщаніе церковь изъ деревянной въ каменную перестроить, да вмѣсто того здѣсь просвисталась. Теперь, матушка, церковь поѣду строить.

— А воды-то, бабушка? Вѣдь вы пріѣхали воды пить?

— И, ну тебя съ водами твоими? Не раздражай ты меня, Прасковья; нарочно, что-ли, ты? Говори, ѣдешь, аль нѣтъ?

— Я васъ очень, очень благодарю, бабушка, съ чувствомъ начала Полина, — за убѣжище, которое вы мнѣ предлагаете. Отчасти вы мое положеніе угадали. Я вамъ такъ признательна, что, повѣрьте, къ вамъ приду, можетъ-быть, даже и скоро; а теперь есть причины... важныя... и рѣшиться я сейчасъ, сію минуту, не могу. Если бы вы остались хоть недѣли двѣ...

— Значить, не хочешь?

— Значить, не могу. Къ тому же, во всякомъ случаѣ, я не могу брата и сестру оставить, такъ какъ... такъ какъ... такъ какъ дѣйствительно можетъ случиться, что они останутся, какъ брошенные, то... если возьмете меня съ малютками, бабушка, то, конечно, къ вамъ поѣду и, повѣрьте, заслужу вамъ это! прибавила она съ жаромъ, — а безъ дѣтей не могу, бабушка.

— Ну, не хнычь! (Полина и не думала хныкать, да она и никогда не плакала). — И для цыплятъ найдется мѣсто, великъ курятникъ. Къ тому же, имъ въ шкорму пора. Ну, такъ не ѣдешь теперь! Ну, Прасковья, смотри! Желала бы я тебѣ добра, а вѣдь я знаю, почему ты не ѣдешь? Все я знаю, Прасковья. Не доведетъ тебя этотъ французшишка до добра.

Полина вспыхнула. Я такъ и вздрогнулъ. (Всѣ знаютъ! Одинъ я, стало-быть, ничего не знаю!).

— Ну, ну, не хмурься. Не стану размазывать. Только

смотри, чтобъ не было худа, понимаешь? Ты дѣвка умная; жаль мнѣ тебя будетъ. Ну, довольно, не глядѣла бы я на васъ на всѣхъ! Ступай, прощай!

— Я, бабушка, еще провожу васъ, сказала Полина.

— Не надо; не мѣшай; да и надоѣли вы мнѣ всѣ.

Полина поцѣловала у бабушки руку, но та руку отдернула и сама поцѣловала ее въ щеку.

Проходя мимо меня, Полина быстро на меня поглядѣла и тотчасъ отвела глаза.

— Ну, прощай и ты, Алексѣй Ивановичъ, всего часъ до поѣзда. Да и усталъ ты со мною, я думаю. На, возьми себѣ эти пятьдесятъ золотыхъ.

— Покорно благодарю васъ, бабушка, мнѣ совѣстно...

— Ну, ну! крикнула бабушка, но до того энергично и грозно, что я не посмѣлъ отговариваться и принять.

— Въ Москвѣ, какъ будешь безъ мѣста бѣгать, — ко мнѣ приходи: отрекомендую куда-нибудь. Ну, убирайся!

Я пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ на кровать. Я думаю, я лежалъ съ полчаса навзничъ, закинувъ за голову руки. Катастрофа ужъ разразилась, было о чемъ подумать. Завтра я рѣшилъ настоятельно говорить съ Полиной. А! Французиска! Такъ, стало-быть, правда! Но что же тутъ могло быть, однако? Полина и Де-Гриэ! Господи, какое сопоставленіе!

Все это было просто невѣроятно. Я вдругъ вскочилъ внѣ себя, чтобъ идти тотчасъ же отыскать мистера Астлей и, во что бы то ни стало, заставить его говорить. Онъ конечно, и тутъ больше меня знаетъ. Мистеръ Астлей? Вотъ еще для меня загадка!

Но вдругъ въ дверяхъ моихъ раздался стукъ. Смотрю— Потапычъ.

— Батюшка, Алексѣй Ивановичъ, къ барынѣ требуютъ!

— Что такое? Уѣзжаетъ, что-ли? До поѣзда еще двадцать минутъ.

— Безпокоятся, батюшка, едва сидятъ. „Скорѣй, скорѣй!“ — васъ, то-есть, батюшка; ради Христа, не замедлите.

Тотчасъ же я сбѣжалъ внизъ. Бабушку вывели въ коридоръ. Въ рукахъ ея былъ бумажникъ.

— Алексѣй Ивановичъ, иди впередъ, пойдемъ!..

— Куда, бабушка?

— Жива не хочу быть, отыграюсь! Ну, маршъ, безъ разспросовъ! Тамъ до полночи вѣдь игра идетъ?

Я остолбенѣлъ, подумалъ, но тотчасъ же рѣшился.

— Воля ваша, Антонида Васильевна, не пойду.

— Это почему? Это что еще? Белены, что-ли, вы всё объѣлись!

— Воля ваша, я потомъ самъ упрекать себя стану; не хочу. Не хочу быть ни свидѣтелемъ, ни участникомъ; избавьте, Антонида Васильевна. Вотъ ваши пятьдесятъ фридрихсдоревъ назадъ; прощайте! И я, положивъ свертокъ съ фридрихсдорами тутъ же на столикъ, подлѣ котораго пришлись кресла бабушки, поклонился и ушелъ.

— Экой вздоръ! крикнула мнѣ вслѣдъ бабушка,— да не ходи, пожалуй, я и одна дорогу найду! Потапычъ, иди со мною! Ну, подымайте, несите!

Мистера Астлея я не нашелъ и воротился домой. Поздно уже, въ первомъ часу пополуночи, я узналъ отъ Потапыча, чѣмъ кончился бабушкинъ день. Она все проиграла, что ей давеча я намѣнялъ, то-есть, по-нашему, еще десять тысячъ рублей. Къ ней прикомандировался тамъ тотъ самый полячокъ, которому она дала давеча два фридрихсдора, и все время руководилъ ее въ игрѣ. Сначала, до полячка, она было заставляла ставить Потапыча, но скоро прогнала его; тутъ-то и подскочилъ полячокъ. Какъ нарочно, онъ понималъ по-русски и даже болталъ кое-какъ, смѣсью трехъ языковъ, такъ что они кое-какъ уразумѣли другъ друга. Бабушка все время нещадно ругала его, и хотъ тотъ непрерывно „стелился подъ стопки паньски“, но ужъ куда сравнить съ вами, Алексѣй Ивановичъ, рассказывалъ Потапычъ. „Съ вами она *точно съ бариномъ* обращалась, а тотъ—такъ, я самъ видѣлъ своими глазами, убей Богъ на мѣстѣ, тутъ-же у ней со стола воровалъ. Она его сама раза два на столѣ поймала, и ужъ костила она его, костила всяческими-то, батюшка, словами, даже за волосенки разъ отдергала, право, не лгу, такъ что кругомъ смѣхъ пошелъ. Все, батюшка, проиграла; все какъ есть, все, что вы ей намѣняли. Довезли мы ее, матушку, сюда,—только водичку спросила испить, перекрестилась, и въ постельку. Измучилась, что-ли, она, тотчасъ заснула. Пошли Богъ свы ангельскіе! Охъ, ужъ эта мнѣ заграница! заключилъ Потапычъ—говорилъ, что не къ добру. И ужъ поскорѣй бы въ нашу Москву! И чего-чего у насъ дома нѣтъ, въ Москвѣ? Садъ, двѣты, какихъ здѣсь и не бываетъ, духъ, яблоньки наливаются, просторъ, — нѣтъ: надо было за границу! О-хо-хо!..“

ГЛАВА XIII.

Вотъ ужъ почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ я не притрогивался къ этимъ замѣткамъ моимъ, начатымъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, хотя и безпорядочныхъ, но сильныхъ. Катастрофа, приближеніе которой я тогда предчувствовалъ, наступила дѣйствительно, но восторазъ круче и неожиданнѣе, чѣмъ я думалъ. Все это было нѣчто странное, безобразное и даже трагическое, по крайней мѣрѣ, со мной. Случились со мною нѣкоторыя происшествія—почти чудесныя; такъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ гляжу на нихъ.—хотя на другой взглядъ, и особенно судя по круговороту, въ которомъ я тогда кружился, они были только что развѣ не совсѣмъ обыкновенныя. Но чудеснѣе всего для меня то, какъ я самъ отнесся ко всѣмъ этимъ событіямъ. До сихъ поръ не понимаю себя! И все это пролетѣло какъ сонъ, — даже страсть моя, а она вѣдь была сильна и истинна, но... куда же она теперь дѣлась? Право: нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ иной разъ теперь въ моей головѣ: „ужъ не сошелъ-ли я тогда съ ума и не сидѣлъ-ли, все это время, гдѣ-нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, а, можетъ-быть, и теперь сижу, — такъ что мнѣ все это *показалось* и до сихъ поръ только *кажется*...“

Я собралъ и перечелъ мои листки. (Кто знаетъ, можетъ-быть, для того, чтобы убѣдиться, не въ сумасшедшемъ-ли домѣ я ихъ писалъ?). Теперь я одинъ-одинѣшенекъ. Наступаетъ осень, желтѣетъ листь. Сижу въ этомъ уныломъ городишкѣ (о, какъ унылы германскіе городишки), и, вмѣсто того, чтобы обдумать предстоящій шагъ, живу подъ вліяніемъ только-что минувшихъ ощущеній, подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній, подъ вліяніемъ всего этого недавняго вихря, захватившаго меня тогда въ этотъ круговоротъ и опять куда-то выбросившаго. Мнѣ все кажется порой, что я все еще кружусь въ томъ же вихрѣ, и что, вотъ-вотъ, опять прочитается эта буря, захвативъ меня мимоходомъ своимъ крыломъ, и я выскочу опять изъ порядка и чувства мѣры, и закружусь, закружусь, закружусь...

Впрочемъ, я, можетъ-быть, и установлюсь какъ-нибудь и перестану кружиться, если дамъ себѣ, по возможности, точный отчетъ во всемъ приключившемся въ этотъ мѣсяцъ. Меня тянетъ опять къ перу, да иногда и совсѣмъ дѣлать нечего по вечерамъ. Странно, для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заняться, я беру въ здѣшней паршивой бн-

бліотекъ для чтенія романы Поль-де-Кока (въ нѣмецкомъ переводѣ!), которыхъ я почти терпѣть не могу, но читаю ихъ и—дивлюсь на себя: точно я боюсь серьезною книгою, или какимъ-нибудь серьезнымъ занятіемъ разрушить обаяніе только-что минувшаго. Точно ужъ такъ дороги мнѣ этотъ безобразный сонъ и всѣ оставшіяся по немъ впечатлѣнія, что я даже боюсь дотронуться до него чѣмъ-нибудь новымъ, чтобы онъ не разлетѣлся въ дымъ! Дорого мнѣ это все такъ, что-ли? Да, конечно, дорого; можетъ, и чрезъ сорокъ лѣтъ вспоминать буду...

Итакъ принимаюсь писать. Впрочемъ, все это можно рассказать теперь отчасти и покороче: впечатлѣнія со-всѣмъ не тѣ...

Во-первыхъ, чтобъ кончить съ бабушкой. На другой день, она проигралась вся окончательно. Такъ и должно было случиться: кто разъ, изъ такихъ, попадетъ на эту дорогу, тотъ — точно съ снѣговой горы въ санкахъ катится, все быстрѣе и быстрѣе. Она играла весь день до восьми часовъ вечера; я при ея игрѣ не присутствовалъ, и знаю только по рассказамъ.

Потапычъ продежурилъ при ней въ вокзалѣ цѣлый день. Полячки, руководившіе бабушку, смѣялись въ этотъ день нѣсколько разъ. Она начала съ того, что прогнала вчерашняго полячка, котораго она драла за волосы, и взяла другого, но другой оказался почти что еще хуже. Прогнавъ этого и взявъ опять перваго, который не уходилъ и толкался во все это время изгнанія тутъ же, за ея креслами, поминутно просовывая къ ней свою голову,—она впала, наконецъ, въ рѣшительное отчаяніе. Прогнанный второй полячокъ тоже ни за что не хотѣлъ уйти, одинъ помѣстился съ правой стороны, а другой съ лѣвой. Все время они спорили и ругались другъ съ другомъ за ставки и ходы, обзывали другъ друга „лѣйдаками“ и прочими польскими любезностями, потомъ опять мирились, кидали деньги безъ всякаго порядка, распоряжались зря. Поссорившись, они ставили каждый съ своей стороны, одинъ, напримѣръ, на красную, а другой тутъ же на черную. Кончилось тѣмъ, что они совсѣмъ закружили и сбили бабушку съ толку, такъ что она, наконецъ, чуть не со слезами, обратилась къ старичку-крупѣру, съ просьбою защитить ее, чтобъ онъ ихъ прогналъ. Ихъ дѣйствительно тотчасъ же прогнали, несмотря на ихъ крики и про-

тесты: они кричали оба разомъ и доказывали, что бабушка имъ же дѣльна, что она ихъ въ чемъ-то обманула, поступила съ ними безчестно, подло. Несчастный Потапычъ рассказывалъ мнѣ все это со слезами, въ тотъ самый вечеръ, послѣ проигрыша, и жаловался, что они набивали свои карманы деньгами, что онъ самъ видѣлъ, какъ они безсовѣстно воровали и поминутно совали себѣ въ карманы. Выпросить, напимѣрь, у бабушки за труды пять фридрихсдоровъ и начинаетъ ихъ тутъ же ставить на рулеткѣ, рядомъ съ бабушкиными ставками. Бабушка выигрываетъ, а онъ кричитъ, что это его ставка выиграла, а бабушкина проиграла. Когда ихъ прогоняли, то Потапычъ выступилъ и донесъ, что у нихъ полны карманы золота. Бабушка тотчасъ же попросила крупѣра распорядиться и, какъ оба полячка ни кричали (точно два пойманные въ руки пѣтуха), но явилась полиція и тотчасъ карманы ихъ были опустошены въ пользу бабушки. Бабушка, пока не проигралась, пользовалась во весь этотъ день у крупѣровъ и у всего вокзальнаго начальства видимымъ авторитетомъ. Мало-по-малу извѣстность ея распространялась по всему городу. Всѣ посѣтители водъ всѣхъ націй, обыкновенные и самые знатные, стекались посмотреть на „une vieille comtesse russe, tombée en enfance“, которая уже проиграла „нѣсколько милліоновъ“.

Но бабушка очень, очень мало выиграла отъ того, что избавили ее отъ двухъ полячишекъ. Взамѣнъ ихъ, тотчасъ же къ услугамъ ея явился третій полякъ, уже совершенно чисто говорившій по-русски, одѣтый джентльменомъ, хотя все-таки смахивавшій на лакея, съ огромными усами и съ гоноромъ. Онъ тоже цѣловалъ «стопки паньски» и «стелился подъ стопки паньски», но относительно окружающихъ велъ себя заносчиво, распорядился деспотически,—словомъ, сразу поставилъ себя не слугою, а хозяиномъ бабушки. Поминутно, съ каждымъ ходомъ, обращался онъ къ ней и клялся ужаснѣйшими клятвами, что онъ самъ „гоноровый“ пань, и что онъ не возьметъ ни единой копейки изъ денегъ бабушки. Онъ такъ часто повторялъ эти клятвы, что та окончательно струсила. Но такъ какъ этотъ пань дѣйствительно вначалѣ какъ будто поправилъ ея игру и сталъ было выигрывать, то бабушка и сама уже не могла отъ него отстать. Часъ спустя, оба прежніе полячка, выведенные изъ вокзала, появились снова за стуломъ бабушки, опять съ предложеніемъ услугъ, хотѣ

ня посылки. Потапычъ божился, что „гоноровый панъ“ съ ними перемигивался и даже что-то имъ передавалъ въ руки. Такъ какъ бабушка не обѣдала и почти не сходила съ кресель, то и дѣйствительно одинъ изъ поляковъ пригнулся: сбѣгалъ тутъ-же рядомъ, въ обѣденную залу вокзала и досталъ ей чашку бульона, а потомъ и чаю. Они бѣгали, впрочемъ, оба. Но къ концу дня, когда уже всѣмъ видно стало, что она проиграетъ свой послѣдній банковый билетъ, за стуломъ ея стояло уже до шести полячковъ, прежде не виданныхъ и не слыханныхъ. Когда-же бабушка проигрывала уже послѣднія монеты, то всѣ они не только ее уже не слушались, но даже и не замѣчали, лѣзли прямо чрезъ нее къ столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали, переговариваясь съ гоноровымъ паномъ за-панибрата, а гоноровый панъ чуть-ли даже и не забылъ о существованіи бабушки. Даже тогда, когда бабушка, совсѣмъ все проигравшая, возвращалась вечеромъ въ восемь часовъ въ отель, то и тутъ три или четыре полячка все еще не рѣшались ее оставить и бѣжали около кресель, по сторонамъ, крича изо всѣхъ силъ и увѣряя скороговоркою, что бабушка ихъ въ чемъ-то надула и должна имъ что-то отдать. Такъ дошли до самага отеля, откуда ихъ, наконецъ, прогнали въ-толчки.

По расчету Потапыча, бабушка проиграла всего въ этотъ день до девяноста тысячъ рублей, кромѣ проигранныхъ ею вчера денегъ. Всѣ свои билеты—пятипроцентные, внутреннихъ займовъ, всѣ акціи, бывшія съ нею, она размѣняла одинъ за другимъ и одну за другой. Я подивился было, какъ она выдержала всѣ эти семь или восемь часовъ, сидя въ креслахъ и почти не отходя отъ стола, но Потапычъ рассказывалъ, что раза три она дѣйствительно начинала сильно выигрывать; а увлеченная вновь надеждою она ужъ не могла отойти. Впрочемъ, игроки знаютъ, какъ можно человѣку просидѣть чуть не сутки на одномъ мѣстѣ за картами, не спуская глазъ съ правой и съ лѣвой.

Между тѣмъ, во весь этотъ день, у насъ въ отелѣ происходили тоже весьма рѣшительныя вещи. Еще утромъ, до одиннадцати часовъ, когда бабушка еще была дома, наши, то-есть генераль и Де-Гріе, рѣшились было на послѣдній шагъ. Узнавъ, что бабушка и не думаетъ уѣзжать, а напротивъ, отправляется опять въ вокзалъ, они, во всемъ конклавѣ (кромѣ Полины), пришли къ ней переговорить съ нею окончательно и даже *откровенно*. Генераль, трепе-

тавший и замиравший душою, въ виду ужасныхъ для него послѣдствій, даже пересолилъ; послѣ получасовыхъ моленій и просьбъ, и даже откровенно признавшись во всемъ, то-есть во всѣхъ долгахъ, и даже въ своей страсти къ *m-lle Blanche* (онъ совсѣмъ потерялся), генераль вдругъ принялъ грозный тонъ и сталъ даже кричать и топтать ногами на бабушку; кричалъ, что она срамить ихъ фамилію, стала скандаломъ всего города, и, наконецъ... наконецъ: „вы срамите русское имя, сударыня!“ кричалъ генераль, — и что на то есть полиція! Бабушка прогнала его, наконецъ, палкой (настоящей палкой). Генераль и Де-Гріе совѣщались еще разъ или два въ это утро, и именно ихъ занимало: нельзя-ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ-нибудь употребить полицію? Что вотъ, дескать, несчастная, но почтенная старушка выжила изъ ума, проигрываетъ послѣднія деньги и т. д. Однимъ словомъ, нельзя-ли выхлопотать какой-нибудь надзоръ или запрещеніе?.. Но Де-Гріе только пожималъ плечами и въ глаза смѣялся надъ генераломъ, уже совершенно заболтавшимся и бѣгавшимъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ, Де-Гріе махнулъ рукою и куда-то скрылся. Вечеромъ узнали, что онъ совсѣмъ выѣхалъ изъ отеля, переговоривъ напередъ весьма рѣшительно и таинственно съ *m-lle Blanche*. Чтѣ же касается до *m-lle Blanche*, то она съ самаго еще утра приняла окончательныя мѣры: она совсѣмъ отшвырнула отъ себя генерала и даже не пускала его къ себѣ на глаза. Когда генераль побѣждалъ за нею въ вокзалъ и встрѣтилъ ее подъ-руку съ князькомъ, то ни она, ни *m-me veuve Cominges* его не узнали. Князекъ тоже ему не поклонился. Весь этотъ день *m-lle Blanche* пробовала и работывала князя, чтобъ онъ высказался, наконецъ, рѣшительно. Но, увы! Она жестоко обманулась въ расчетахъ на князя! Эта маленькая катастрофа произошла уже вечеромъ; вдругъ открылось, что князь голъ какъ соколъ, и еще на нее же рассчитываетъ, чтобы занять у нея денегъ подъ вексель и поиграть на рулеткѣ. *Blanche* съ негодованіемъ его выгнала и заперлась въ своемъ номерѣ.

Понутру, въ этотъ же день, я ходилъ къ мистеру Астлею, или, лучше сказать, все утро отыскивалъ мистера Астлея, но никакъ не могъ отыскать его. Ни дома, ни въ вокзалѣ, или въ паркѣ его не было. Въ отелѣ своемъ онъ на этотъ разъ не обѣдалъ. Въ пятомъ часу, я вдругъ увидѣлъ его идущаго отъ дебаркадера желѣзной дороги прямо въ отелъ

d'Angleterre. Онъ торопился и былъ очень озабоченъ, хотя и трудно различить заботу или какое бы то ни было замѣшательство въ его лицѣ. Онъ радушно протянулъ мнѣ руку, съ своимъ обычнымъ восклицаніемъ „А!“, но не оставиваясь на дорогѣ и продолжая довольно спѣшнымъ шагомъ путь. Я увязался за нимъ; но какъ-то онъ такъ сумѣлъ отвѣчать мнѣ, что я ни о чемъ не успѣлъ и спросить его. Къ тому же, мнѣ было почему-то ужасно совѣстно заговаривать о Полинѣ; онъ же самъ ни слова о ней не спросилъ. Я рассказалъ ему про бабушку, онъ выслушалъ внимательно и серьезно и пожалъ плечами.

— Она все проиграетъ, замѣтилъ я.

— О, да, отвѣчалъ онъ, — вѣдь она пошла играть еще давеча, когда я уѣзжалъ, а потому я навѣрно и знаю, что она проиграется. Если будетъ время, я зайду въ вокзалъ посмотрѣть, потому что это любопытно.

— Куда вы уѣзжали? вскричалъ я, изумившись, что до сихъ поръ не спросилъ.

— Я былъ во Франкфуртѣ.

— По дѣламъ?

— Да, по дѣламъ,

Ну что же мнѣ было спрашивать дальше? Впрочемъ, я все еще шелъ подлѣ него, но онъ вдругъ повернулся въ стоявшій на дорогѣ отель „Des quatre saisons“, кивнулъ мнѣ головой и скрылся. Возвращаясь домой, я мало-помалу догадался, что если бы я и два часа съ нимъ поговорилъ, то рѣшительно бы ничего не узналъ, потому... что мнѣ не о чемъ было его спрашивать! Да, конечно такъ! Я никакимъ образомъ не могъ бы теперь формулировать моего вопроса.

Весь этотъ день, Полина то гуляла съ дѣтьми и нянюшкой въ паркѣ, то сидѣла дома. Генерала она давно уже избѣгала и почти ничего съ нимъ не говорила, по крайней мѣрѣ, о чемъ-нибудь серьезномъ. Я это давно замѣтилъ. Но, зная въ какомъ генераль положеніи сегодня, я подумалъ, что онъ не могъ миновать ее, то-есть между ними не могло не быть какихъ-нибудь важныхъ семейныхъ объясненій. Однакожъ, когда я, возвращаясь въ отель послѣ разговора съ мистеромъ Астлеемъ, встрѣтилъ Полину съ дѣтьми, то на ея лицѣ отражалось самое безмятежное спокойствіе, какъ будто всѣ семейныя бури миновали только одну ее. На мой поклонъ, она кивнула мнѣ головой. Я пришелъ къ себѣ совсѣмъ злой.

Конечно, я избѣгалъ говорить съ нею и ни разу съ нею не сходилъ послѣ происшествія съ Вурмергельмами. При этомъ я отчасти форсилъ и ломался; но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе накипало во мнѣ настоящее негодованіе. Если бы даже она и не любила меня нисколько, все-таки, нельзя-бы, кажется, такъ топтать мои чувства и съ такимъ пренебреженіемъ принимать мои признанія. Вѣдь она знаетъ же, что я взаправду люблю ее; вѣдь она сама допускала, позволяла мнѣ такъ говорить съ нею! Правда, это какъ-то странно началось у насъ. Нѣ-которое время, давно ужъ, мѣсяца два назадъ, я сталъ замѣчать, что она хочетъ сдѣлать меня своимъ другомъ, повѣреннымъ, и даже отчасти ужъ и пробуетъ. Но это почему-то не пошло у насъ тогда въ ходъ; вотъ, взявъ того, и остались страшныя теперешнія отношенія; оттого-то и сталъ я такъ говорить съ нею. Но если ей противна моя любовь, зачѣмъ прямо не запретить мнѣ говорить о ней?

Мнѣ не запрещаютъ; даже сама она вызывала иной разъ меня на разговоръ и... конечно, дѣлала это на смѣхъ. Я знаю навѣрное, я это твердо замѣтилъ,—ей было приятно, выслушавъ и раздраживъ меня до боли, вдругъ меня огоршить какою-нибудь выходкою величайшаго презрѣнія и невниманія. И вѣдь знаетъ же она, что я безъ нея жить не могу. Вотъ теперь три дня прошло послѣ исторіи съ барономъ, а я уже не могу выносить нашей *разлуки*. Когда я ее встрѣтилъ сейчасъ у вокзала, у меня забилося сердце такъ, что я поблѣднѣлъ. Но вѣдь и она же безъ меня не проживетъ! Я ей нуженъ и—неужели, неужели только какъ шутъ Балакиревъ?

У ней тайна—это ясно! Разговоръ ея съ бабушкой больно укололъ мое сердце. Вѣдь я тысячу разъ вызывалъ ее быть со мною откровенной и вѣдь она знала, что я дѣйствительно готовъ за нее голову мою положить. Но она всегда отдѣлывалась чуть не презрѣніемъ, или, вмѣсто жертвы жизнью, которую я предлагалъ ей,—требовала отъ меня такихъ выходокъ, какъ тогда съ барономъ! Развѣ это не возмутительно? Неужели весь міръ для нея въ этомъ французѣ? А мистеръ Астлей? Но, тутъ уже дѣло становилось рѣшительно непонятнымъ, а между тѣмъ—Боже, какъ я мучился!

Придя домой, въ порывѣ бѣшенства, я схватилъ перо и настрочилъ ей слѣдующее:

„Полина Александровна, я вижу ясно, что пришла раз-

вязка, которая задѣнетъ, конечно, и васъ. Последній разъ повторю: нужна или нѣтъ вамъ моя голова? Если буду нуженъ, хоть *на что-нибудь*—располагайте, а я покажѣсь сижу въ своей комнатѣ, по крайней мѣрѣ, болѣею частью, и никуда не уѣду. Надо будетъ,—то напишите иль позвоните“.

Я запечаталъ и отправилъ эту записку съ коридорнымъ лакеемъ, съ приказаніемъ отдать прямо въ руки. Отвѣта я не ждалъ, но черезъ три минуты лакей воротился съ извѣстіемъ, что „приказали кланяться“.

Часу въ семьмояхъ меня позвали къ генералу.

Онъ былъ въ кабинетѣ, одѣтъ какъ-бы собираясь куда-то идти. Шляпа и палка лежали на диванѣ. Мнѣ показалось, входя, что онъ стоялъ среди комнаты, разставивъ ноги, опустья голову, и что-то говорилъ вслухъ самъ съ собой. Но только-что онъ завидѣлъ меня,—какъ бросился ко мнѣ чуть не съ крикомъ, такъ что я невольно отшатнулся и хотѣлъ было убѣжать; но онъ схватилъ меня за обѣ руки и потащилъ къ дивану; самъ сѣлъ на диванъ, меня посадилъ прямо противъ себя въ кресла и, не выпуская моихъ рукъ, съ дрожащими губами, со слезами, заблиставшими вдругъ на его рѣсницахъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите, пощадите.

Я долго не могъ ничего понять; онъ все говорилъ, говорилъ, говорилъ, и все повторялъ: „пощадите, пощадите!“ Наконецъ, я догадался, что онъ ожидаетъ отъ меня чего-то въ родѣ совѣта; или, лучше сказать, всѣми оставленный, въ тоскѣ и тревогѣ, онъ вспомнилъ обо мнѣ и позвалъ меня, чтобъ только говорить, говорить, говорить.

Онъ помѣшался, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени потерялся. Онъ складывалъ руки и готовъ былъ броситься предо мной на колѣни, чтобы—(какъ вы думаете?)—чтобъ я сейчасъ же шелъ къ *m-lle Blanche* и упросилъ, усовѣстилъ ее воротиться къ нему и выйти за него замужъ.

— Помилуйте, генералъ, вскричалъ я,—да *m-lle Blanche*, можетъ-быть, еще и не замѣтила меня до сихъ поръ? Что могу я сдѣлать?

Но напрасно было и возражать; онъ не понималъ, что ему говорить. Пускался онъ говорить и о бабушкѣ, но только ужасно безсвязно; онъ все еще стоялъ на мысли послать за полиціею.

— У насъ, у насъ, начиналъ онъ, вдругъ вскипая не-

годованіемъ,—однимъ словомъ, у насъ, въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ есть начальство, надъ такими старухами тотчасъ бы опеку устроили! Да-съ, милостивый государь, да-съ, продолжалъ онъ, вдругъ впадалъ въ распекательный тонъ, вскочивъ съ мѣста и расхаживая по комнатѣ, вы еще не знали этого, милостивый государь, обратился онъ къ какому-то воображаемому милостивому государю въ уголь,—такъ вотъ и узнаете... да-съ... у насъ этакихъ старухъ въ дугу гнуть, въ дугу, въ дугу-съ, да-съ... О, чортъ возьми!

И онъ бросался опять на диванъ, а чрезъ минуту, чуть не всхлипывая, задыхаясь, спѣшилъ рассказать мнѣ,— что m-lle Blanche оттого вѣдь за него не выходитъ, что вмѣсто телеграммы пріѣхала бабушка и что теперь уже ясно, что онъ не получитъ наслѣдства. Ему казалось, что ничего еще этого я не знаю. Я было заговорилъ о Де-Гри: онъ махнулъ рукою: „Уѣхалъ! У него все мое въ закладѣ; я голъ какъ соколъ! Тѣ деньги, которыя вы привезли... тѣ деньги,—я не знаю, сколько тамъ, кажется, франковъ семьсотъ осталось, и довольно-съ, вотъ и всѣ, а дальше— не знаю-съ, не знаю-съ!..“

— Какъ же вы въ отелѣ расплатитесь? вскричалъ я въ испугъ,—и... потомъ что же?

Онъ задумчиво посмотрѣлъ, но кажется ничего не понялъ и даже, можетъ-быть, не разслышалъ меня. Я попробовалъ было заговорить о Полинь Александровнѣ, о дѣтяхъ; онъ на-скоро отвѣчалъ: „да! да!“ но тотчасъ же опять пускался говорить о князѣ, о томъ, что теперь уѣдетъ съ нимъ Blanche и „тогда... и тогда—что же мнѣ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ? обращался онъ вдругъ ко мнѣ,—клянусь Богомъ! Что же мнѣ дѣлать,—скажите, вѣдь это неблагодарность! Вѣдь это же неблагодарность?“

Наконецъ, онъ залился въ три ручья слезами.

Нечего было дѣлать съ такимъ человѣкомъ; оставить его одного тоже было опасно; пожалуй, могло съ нимъ что-нибудь приключиться. Я, впрочемъ, отъ него кое-какъ избавился, но далъ знать нянюшкѣ, чтобъ та навѣдывалась почаще, да кромѣ того поговорилъ съ коридорнымъ лакеемъ, очень толковымъ малымъ; тотъ обѣщался мнѣ тоже съ своей стороны присматривать.

Едва только оставилъ я генерала, какъ явился ко мнѣ Потапычъ, съ зовомъ къ бабушкѣ. Было восемь часовъ и она только-что воротилась изъ вокзала послѣ окончателъ-

наго проигрыша. Я отправился къ ней: старуха сидѣла въ креслахъ, совсѣмъ измученная и видимо больная. Марѳа подавала ей чашку чаю, которую почти насильно заставила ее выпить. И голосъ, и тонъ бабушки ярко измѣнились.

— Здравствуйте, батюшка, Алексѣй Ивановичъ, сказала она, медленно и важно склоняя голову, — извините, что еще разъ побезпокоила, простите старому человѣку. Я, отецъ мой, все тамъ оставила, почти сто тысячъ рублей. Правъ ты былъ, что вчера не пошелъ со мною. Теперь и безъ денегъ, гроша нѣтъ. Медлить не хочу ни минуты, въ девять съ половиною и поѣду. Послала я къ этому твоему англичанину, Астлею, что-ли, и хочу у него спросить три тысячи франковъ на недѣлю. Такъ убѣди ты его, чтобъ онъ какъ-нибудь чего не подумалъ и не отказалъ. Я еще, отецъ мой, довольно богата. У меня три деревни и два дома есть. Да и денегъ еще найдется, не всѣ съ собой взяла. Для того я это говорю, чтобъ не усомнился онъ какъ-нибудь... А, да вотъ и онъ! Видно хорошаго человѣка.

Мистеръ Астлей поспѣшилъ по первому зову бабушки. Нимало не думая и много не говоря, онъ тотчасъ же отсчиталъ ей три тысячи франковъ подъ вексель, который бабушка и подписала. Кончивъ дѣло, онъ откланялся и поспѣшилъ выйти.

— А теперь ступай и ты. Алексѣй Ивановичъ. Осталось часъ съ небольшимъ—хочу прилечь, кости болятъ. Не взыщи на мнѣ, старой дурѣ. Теперь ужъ не буду молодыхъ обвинять въ легкомысліи, да и того несчастнаго, генерала-то вашего, тоже грѣшно мнѣ теперь обвинять. Денегъ я ему все-таки не дамъ, какъ онъ хочетъ, потому—ужъ совсѣмъ онъ на мой взглядъ глупѣхонекъ, только и я, старая дура, не умнѣе его. Подлинно, Богъ и на старости взыщеть и накажетъ гордыню. Ну, прощай. Марѳуша, подыми меня!

Я, однако, желалъ проводить бабушку. Кромѣ того, я былъ въ какомъ-то ожиданіи, я все ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то случится. Мнѣ не сидѣлось у себя. Я выходилъ въ коридоръ, даже на минутку вышелъ побродить по аллеѣ. Письмо мое къ ней было ясно и рѣшительно, а теперешняя катастрофа—ужъ, конечно, окончательная. Въ отелѣ я услышалъ объ отъѣздѣ Де-Гріе. Наконецъ, если она меня и отвергнетъ, какъ друга, то,

можетъ-быть, какъ слугу, не отвергнетъ. Вѣдь нуженъ же я ей, хоть на посылки, да пригожусь, какъ же иначе!

Ко времени поѣзда, я сбѣгалъ на дебаркадеръ и усадилъ бабушку. Они всѣ усѣлись въ особый семейный вагонъ.—„Спасибо тебѣ, батюшка, за твое безкорыстное участіе, простилась она со мною,—да передай Прасковѣ то, о чемъ я вчера ей говорила,—я ее буду ждать“.

Я пошелъ домой. Проходя мимо генеральскаго номера, я встрѣтилъ нянюшку и освѣдомился о генералѣ. „И, батюшка, ничего“, отвѣчала та уныло. Я, однако, зашелъ, но въ дверяхъ кабинета остановился въ рѣшительномъ изумленіи. M-me Blanche и генераль хохотали о чемъ-то взапуски. Veuve Cominges сидѣла тутъ же на диванѣ. Генераль былъ, видимо, безъ ума отъ радости, лепеталъ всякую бессмыслицу и заливался нервнымъ длиннымъ смѣхомъ, отъ котораго все лицо его складывалось въ безчисленное множество морщинокъ и куда-то прятались глаза. Послѣ я узналъ отъ самой же Blanche, что она, прогнавъ князя и узнавъ о плачѣ генерала, вздумала его утѣшить и зашла къ нему на минутку. Но не зналъ бѣдный генераль, что въ эту минуту участь его была рѣшена и что Blanche уже начала укладываться, чтобъ завтра же, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, летѣть въ Парижъ.

Постоявъ на порогѣ генеральскаго кабинета, я раздумалъ входить и вышелъ незамѣченный. Поднявшись къ себѣ и отворивъ дверь, я въ полутемнотѣ замѣтилъ вдругъ какую-то фигуру, сидѣвшую на стулѣ, въ углу, у окна. Она не поднялась при моемъ появленіи. Я быстро подошелъ, посмотрѣлъ, и—духъ у меня захватило: это была Полина!

ГЛАВА XIV.

Я такъ и вскрикнулъ.

— Что же? Что же? странно спрашивала она. Она была блѣдна и смотрѣла мрачно.

— Какъ, что же? Вы? Здѣсь, у меня!

— Если я прихожу, то ужъ *вся* прихожу. Это моя привычка. Вы сейчасъ это увидите; зажгите свѣчу.

Я зажегъ свѣчку. Она встала, подошла къ столу и положила предо мной распечатанное письмо.

— Прочтите, велѣла она.

— Это,—это рука Де-Гриэ! вскричалъ я, схвативъ письмо. Руки у меня тряслись и строчки прыгали передъ гла-

зами. Я забылъ точныя выраженія письма, но вотъ оно,—хоть не слово въ слово, такъ, по крайней мѣрѣ, мысль въ мысль.

„Mademoiselle, писалъ Де-Грие,—неблагопріятныя обстоятельства заставляютъ меня уѣхать немедленно. Вы, конечно, сами замѣтили, что я нарочно избѣгалъ окончательнаго объясненія съ вами до тѣхъ поръ, пока не разъяснились всѣ обстоятельства. Приѣздъ старой (de la vieille dame) вашей родственницы и нелѣпый ея поступокъ кончили всѣ мои недоумѣнія. Мои собственные разстроенныя дѣла запрещаютъ мнѣ окончательно питать дальнѣйшія сладостныя надежды, которыми я позволялъ себѣ упиваться въ некоторое время. Сожалѣю о прошедшемъ, но надѣюсь, что въ поведеніи моемъ вы не отыщете ничего, что недостойно жантилома и честнаго человѣка (gentilhomme et honnête homme). Потерявъ почти всѣ мои деньги въ долгахъ на отчимѣ вашемъ, я нахожусь въ крайней необходимости воспользоваться тѣмъ, что мнѣ остается: я уже далъ знать въ Петербургъ моимъ друзьямъ, чтобъ немедленно распорядились продажей заложеннаго мнѣ имущества; зная, однакоже, что легкомысленный отчимъ вашъ растратилъ ваши собственные деньги, я рѣшился простить ему пятьдесятъ тысячъ франковъ и на эту сумму возвращаю ему часть закладныхъ на его имущество, такъ что вы поставлены теперь въ возможность воротить все, что потеряли, потребовавъ съ него имѣніе судебнымъ порядкомъ. Надѣюсь, mademoiselle, что, при теперешнемъ состояніи дѣлъ, мой поступокъ будетъ для васъ весьма выгоденъ. Надѣюсь тоже, что этимъ поступкомъ я вполне исполняю обязанность человѣка честнаго и благороднаго. Будьте увѣрены, что память о васъ запечатлѣна навѣки въ моемъ сердцѣ“.

— Что же, это все ясно, сказалъ я, обращаясь къ Полинѣ,—неужели вы могли ожидать чего-нибудь другого, прибавилъ я съ негодованіемъ.

— Я ничего не ожидала, отвѣчала она, повидимому, спокойно, но что-то какъ бы вздрагивало въ ея голосѣ,—я давно все порѣшила; я читала его мысли и узнала, что онъ думаетъ. Онъ думалъ, что я ищу... что я буду настаивать... (Она остановилась и, не договоривъ, закусила губу и замолчала). Я нарочно удвоила мое къ нему презрѣніе, начала она опять,—я ждала, что отъ него будетъ? Если бы пришла телеграмма о наслѣдствѣ,—я бы швырнула ему

долгъ этого идіота (отчима) и прогнала его! Онъ мнѣ былъ давно, давно ненавистенъ. О, это былъ не тотъ человекъ прежде, тысячу разъ не тотъ, а теперь, а теперь!.. О, съ какимъ бы счастьемъ я бросила ему теперь, въ его подлое лицо, эти пятьдесятъ тысячъ и плюнула бы... и растерла-бы плевокъ!

— Но бумага, — эта возвращенная имъ закладная на пятьдесятъ тысячъ, вѣдь она у генерала? Возьмите и отдайте Де-Гріе.

— О, не то! Не то!..

— Да, правда, правда, не то! Да и къ чему генераль теперь способенъ? А бабушка! вдругъ вскричалъ я.

Полина какъ-то разбѣянно и нетерпѣливо на меня посмотрѣла.

— Зачѣмъ бабушка? съ досадою проговорила Полина, — я не могу идти къ ней... Да и ни у кого не хочу прощенія просить, прибавила она раздражительно.

— Что же дѣлать! вскричалъ я, — и какъ, ну, какъ это вы могли любить Де-Гріе! О, подлець, подлець! Ну, хотите, я его убью на дуэли! Гдѣ онъ теперь?

— Онъ во Франкфуртѣ, и проживетъ тамъ три дня.

— Одно ваше слово и я ѣду, завтра же, съ первымъ поѣздомъ! проговорилъ я въ какомъ-то глупомъ энтузіазмѣ.

Она засмѣялась.

— Что же, онъ скажетъ еще, пожалуй: сначала возвратите пятьдесятъ тысячъ франковъ. Да и за что ему драться?.. Какой это вздоръ!

— Ну, такъ гдѣ-же, гдѣ-же взять эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, повторялъ я, скрежеща зубами, — точно такъ и возможно было вдругъ ихъ поднять на полу. — Послушайте: мистеръ Астлей? спросилъ я, обращаясь къ ней съ началомъ какой-то странной идеи.

У ней глаза засверкали.

— Что-же, развѣ ты сама хочешь, чтобъ я отъ тебя ушла къ этому англичанину! проговорила она, пронизывающимъ взглядомъ смотри мнѣ въ лицо и горько улыбаясь. Первый разъ въ жизни сказала она мнѣ ты.

Кажется, у ней, въ эту минуту, закружилась голова отъ волненія, и вдругъ она сѣла на диванъ, какъ-бы въ изнеможеніи.

Точно молнія опалила меня; я стоялъ и не вѣрилъ глазамъ, не вѣрилъ ушамъ! Что-же, стало быть, она меня любить! Она пришла ко мнѣ, а не къ мистеру Астлею!

Она, одна, дѣвушка, пришла ко мнѣ въ комнату, въ отелѣ,—стало-быть, компрометтировала себя всенародно,— и я, я стою передъ ней и еще не понимаю!

Одна дикая мысль блеснула въ моей головѣ.

— Полина! Дай мнѣ только одинъ часъ! Подожди здѣсь только часъ и... я вернусь! Это... это необходимо! Увидишь! Будь здѣсь, будь здѣсь!

И я выбѣжалъ изъ комнаты, не отвѣчая на ея удивленный вопросительный взглядъ; она крикнула мнѣ что-то вслѣдъ, но я не воротился.

Да, иногда самая дикая мысль, самая съ виду невозможная мысль до того сильно укрѣпляется въ головѣ, что ее принимаешь, наконецъ, за что-то осуществимое... Мало того: если идея соединяется съ сильнымъ, страстнымъ желаніемъ, то, пожалуй, иной разъ примешь ее, наконецъ, за нѣчто фатальное, необходимое, предназначенное, за нѣчто такое, что ужъ не можетъ не быть и не случиться! Можетъ быть, тутъ есть еще что-нибудь, какая-нибудь комбинація предчувствій, какое-нибудь необыкновенное усиліе воли, самоотравленіе собственной фантазіей или еще что-нибудь,—не знаю; но со мною въ этотъ вечеръ (который я никогда въ жизни не позабуду) случилось происшествіе чудесное. Оно хоть и совершенно оправдывается ариѳметикою, но тѣмъ не менѣе—для меня еще до сихъ поръ чудесное. И почему, почему эта увѣренность такъ глубоко, крѣпко засѣла тогда во мнѣ и уже съ такихъ давнихъ поръ? Ужъ вѣрно я помышлялъ объ этомъ,—повторю вамъ,—не какъ о случаѣ, который можетъ быть въ числѣ прочихъ (а, стало быть, можетъ и не быть), но какъ о чемъ-то такомъ, что никакъ ужъ не можетъ не случиться!

Было четверть одиннадцатаго; я вошелъ въ вокзалъ въ такой твердой надеждѣ и, въ то же время, въ такомъ волненіи, какого я еще никогда не испытывалъ. Въ игорныхъ залахъ народу было еще довольно, хотя вдвое меньше утрешняго.

Въ одиннадцатомъ часу у игорныхъ столовъ остаются стоящіе, отчаянные игроки, для которыхъ, на водахъ—существуетъ только одна рулетка, которые и пріѣхали для нея одной, которые плохо замѣчаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ, и ничѣмъ не интересуются во весь сезонъ, а только играютъ съ утра до ночи и готовы были-бы играть, пожалуй, и всю ночь до разсвѣта, если-бъ можно было.

И всегда они съ досадою расходятся, когда въ двѣнадцать часовъ закрываютъ рулетку. И когда старшій крупёръ, предъ закрытіемъ рулетки, около двѣнадцати часовъ, возглашаетъ: „Les trois derniers coups, messieurs!“ то они готовы проставить иногда на этихъ трехъ послѣднихъ ударахъ все, что у нихъ есть въ карманѣ,—и дѣйствительно тутъ-то наиболѣе и проигрываются. Я прошелъ къ тому самому столу, гдѣ давеча сидѣла бабушка. Было не очень тѣсно, такъ что я очень скоро занялъ мѣсто у стола, стоя. Прямо предо мной, на зеленомъ сукнѣ, начерчено было слово „Passe“.

„Passe“ — это рядъ цифръ отъ девятнадцати включительно до тридцати шести. Первый же рядъ, отъ перваго до восемнадцати включительно, называется „Manque“; но какое мнѣ было до этого дѣло? Я не рассчитывалъ, я даже не слышалъ, на какую цифру легъ послѣдній ударъ и объ этомъ не справился, начиная игру,—какъ бы сдѣлалъ всякій чуть-чуть рассчитывающій игрокъ. Я вытащилъ всѣ мои двадцать фридрихсдоровъ и бросилъ на бывшій предо мною „passe“.

— Vingt deux! закричалъ крупёръ.

Я выигралъ—и опять поставилъ все: и прежде, и выигрышь.

— Trente et un, прокричалъ крупёръ.

Опять выигрышь. Всего ужъ, стало-быть, у меня восемьдесятъ фридрихсдоровъ. Я двинулъ всѣ восемьдесятъ на двѣнадцать среднихъ цифръ (тройной выигрышь, но два шанса противъ себя)—колесо завертѣлось и вышло двадцать четыре. Мнѣ выложили три свертка по пятидесяти фридрихсдоровъ и десять золотыхъ монетъ; всего, съ прежнимъ, очутилось у меня двѣсти фридрихсдоровъ.

Я былъ какъ въ горячкѣ, и двинулъ всю эту кучку денегъ на красную,—и вдругъ опомнился! И только разъ во весь этотъ вечеръ, во всю игру, страхъ прошелъ по мнѣ холодомъ и отозвался дрожью въ рукахъ и ногахъ. Я съ ужасомъ ощутилъ и мгновенно созналъ: что для меня теперь значитъ проиграть! Стояла на ставкѣ вся моя жизнь!

— Rouge! крикнулъ крупёръ, — и я перевелъ духъ; огненные мурашки посыпались по моему тѣлу. Со мною расплатились банковыми билетами; стало-быть, всего ужъ четыре тысячи флориновъ и восемьдесятъ фридрихсдоровъ! (Я еще могъ слѣдить тогда за счетомъ).

Затѣмъ, помнится, я поставилъ двѣ тысячи флориновъ опять на двѣнадцать среднихъ и проигралъ: поставилъ мое золото и восемьдесятъ фридрихсдоровъ и проигралъ. Бѣшенство овладѣло мною: я схватилъ послѣднія оставшіяся мнѣ двѣ тысячи флориновъ и поставилъ на двѣнадцать первыхъ — такъ, на авось, зря, безъ расчета! Впрочемъ, было одно мгновеніе ожиданія, похожее, можетъ-быть, впечатлѣніемъ на впечатлѣніе, испытанное *m-me Blanchard*, когда она, въ Парижѣ, летѣла съ воздушнаго шара на землю.

— *Quatre!* крикнулъ крупёръ.

Всего, съ прежнею ставкою, опять очутилось шесть тысячъ флориновъ. Я уже смотрѣлъ какъ побѣдитель, я уже ничего, ничего теперь не боялся и бросилъ четыре тысячи флориновъ на черную. Человѣкъ девять бросилось, вслѣдъ за мною, тоже ставить на черную. Крупёры переглядывались и переговаривались. Кругомъ говорили и ждали.

Вышла черная. Не помню я ужъ тутъ ни расчета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я ужъ выигралъ, кажется, тысячъ шестнадцать флориновъ; вдругъ, тремя несчастными ударами, спустилъ изъ нихъ двѣнадцать; потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи на „*passé*“ (но ужъ почти ничего не ощущалъ при этомъ; я только ждалъ, какъ-то механически, безъ мыслей) — и опять выигралъ; затѣмъ выигралъ еще четыре раза сряду. Помню только, что я забиралъ деньги тысячами; запоминаю я тоже, что чаще всѣхъ выходили двѣнадцать среднихъ, къ которымъ я и привязался. Они появлялись какъ-то регулярно, — непременно раза три, четыре сряду, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или на четыре кряду. Эта удивительная регулярность встрѣчается иногда полосами, — и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ, рассчитывающихъ съ карандашомъ въ рукахъ. И какія здѣсь случаются иногда ужасныя насмѣшки судьбы!

Я думаю, съ моего прибытія, времени прошло не болѣе получаса. Вдругъ крупёръ увѣдомилъ меня, что я выигралъ тридцать тысячъ флориновъ, а такъ какъ банкъ за одинъ разъ больше не отвѣчаетъ, то, стало-быть, рулетку закроютъ до завтрашняго утра. Я схватилъ все мое золото, сыпалъ его въ карманы, схватилъ всѣ билеты и тотчасъ же перешелъ на другой столъ, въ другую залу,

гдѣ была другая рулетка; за мною хлынула вся толпа; тамъ тотчасъ же очистили мнѣ мѣсто и я пустился ставить опять, зря и не считая. Не понимаю, что меня спасло!

Иногда, впрочемъ, начиналъ мелькать въ головѣ моей расчетъ. Я привязывался къ инымъ цифрамъ и шансамъ, но скоро оставлялъ ихъ и ставилъ опять, почти безъ сознанія. Должно-быть, я былъ очень разсѣянъ; помню, что крупёры нѣсколько разъ поправляли мою игру. Я дѣлалъ грубыя ошибки. Виски мои были смочены потомъ, и руки дрожали. Подскакивали было и полячки съ услугами, но я никого не слушалъ. Счастье не прерывалось! Вдругъ кругомъ поднялся громкій говоръ и смѣхъ. „Браво, браво!“ кричали всѣ, иные даже захлопали въ ладоши. Я сорвалъ и тутъ тридцать тысячъ флориновъ, и банкъ опять закрыли до завтра.

— Уходите, уходите, шепталъ мнѣ чей-то голосъ справа.

Это былъ какой-то франкфуртскій жидъ; онъ все время стоялъ подлѣ меня и, кажется, помогалъ мнѣ иногда въ игрѣ.

— Ради Бога, уходите, прошепталъ другой голосъ надъ лѣвымъ моимъ ухомъ.

Я мелькомъ взглянулъ. Это была весьма скромно и прилично одѣтая дама, лѣтъ подъ тридцать, съ какимъ-то болѣзненно-блѣднымъ, усталымъ лицомъ, но напоминавшимъ и теперь ея чудную прежнюю красоту. Въ эту минуту я набивалъ карманы билетами, которые такъ и комкалъ, и собиралъ оставшееся на столѣ золото. Захвативъ послѣдній свертокъ въ пятьдесятъ фридрихсдоровъ, я усиль, совсѣмъ непримѣтно, сунуть его въ руку блѣдной дамѣ; мнѣ это ужасно захотѣлось тогда сдѣлать, и тоненькіе, худенькіе ея пальчики, помню, крѣпко сжали мою руку, въ знакъ живѣйшей благодарности. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Собравъ все, я быстро перешелъ на *trente et quarante*.

За *trente et quarante* сидитъ публика аристократическая. Это не рулетка, это карты. Тутъ банкъ отвѣчаетъ за сто тысячъ талеровъ разомъ. Наибольшая ставка тоже четыре тысячи флориновъ. Я совершенно не зналъ игры и не зналъ почти ни одной ставки, кромѣ красной и черной, которыя тутъ тоже были. Къ нимъ-то я и привязался. Весь вокзалъ столпился кругомъ. Не помню, вздумалъ-ли я въ это время хоть разъ о Полинѣ. Я тогда ощущалъ какое-то непреодолимое наслажденіе хватать и

загрести банковые билеты, нараставшіе кучею предо мной.

Дѣйствительно, точно судьба толкала меня. На этотъ разъ, какъ нарочно, случилось одно обстоятельство, довольно, впрочемъ, часто повторяющееся въ игрѣ. Привяжется счастье, напримѣръ, къ красной и не оставляетъ ее разъ десять, даже пятнадцать сряду. Я слышалъ еще третьяго дня, что красная на прошлой недѣлѣ вышла двадцать два раза сряду; этого даже и не запомнятъ на рулеткѣ, и рассказывали съ удивленіемъ. Разумѣется, всѣ тотчасъ же оставляютъ красную и уже послѣ десяти разъ, напримѣръ, почти никто не рѣшается на нее ставить. Но и на черную, противоположную красной, не ставятъ тогда никто изъ опытныхъ игроковъ. Опытный игрокъ знаетъ, что значить это „своенравіе случая“. Напримѣръ, казалось бы, что послѣ шестнадцати разъ красной, семнадцатый ударъ непременно ляжетъ на черную. На это бросаются новички толпами, удваиваютъ и утраиваютъ куши, и страшно проигрываются.

Но я, по какому-то странному своенравію, замѣтивъ, что красная вышла семь разъ сряду, нарочно къ ней привязался. Я убѣжденъ, что тутъ наполовину было самолюбія; мнѣ хотѣлось удивить зрителей безумнымъ рискомъ, и—о, странное ощущеніе—я помню отчетливо, что мною вдругъ, дѣйствительно, безъ всякаго вызова самолюбія овладѣла ужасная жажда риску. Можетъ-быть, перейдя черезъ столько ощущеній, душа не насыщается, а только раздражается ими и требуетъ ощущеній еще, и все сильнѣй и сильнѣй, до окончательнаго утомленія. И, право не лгу, если бѣ уставъ игры позволялъ поставить пятьдесятъ тысячъ флориновъ разомъ, я бы поставилъ ихъ навѣрно. Кругомъ кричали, что это безумно, что красная уже выходитъ четырнадцатый разъ!

— Monsieur a gagné déjà cent mille florins, раздался подлѣ меня чей-то голосъ.

Я вдругъ очнулся. Какъ? Я выигралъ въ этотъ вечеръ сто тысячъ флориновъ! Да къ чему же мнѣ больше? Я бросился на билеты, скомкалъ ихъ въ карманъ, не считая, загребъ все мое золото, всѣ свертки и побѣжалъ изъ вокзала. Кругомъ всѣ смѣялись, когда я проходилъ по заламъ, глядя на мои оттопыренные карманы и на неровную походку отъ тяжести золота. Я думаю, его было гораздо болѣе полупуда. Нѣсколько рукъ протянулось ко

мнѣ; я раздавалъ горстями, сколько захватывалось. Два жиды остановили меня у выхода.

— Вы смѣлы! Вы очень смѣлы! сказали они мнѣ, — но уѣзжайте завтра утромъ непременно, какъ можно раньше, не то вы все, все проиграете...

Я ихъ не слушалъ. Аллея была темна, такъ что руки своей нельзя было различить. До отеля было съ полверсты. Я никогда не боялся ни воровъ, ни разбойниковъ, даже маленькій; не думалъ о нихъ и теперь. Я, впрочемъ, не помню, о чемъ я думалъ дорогою; мысли не было. Ощущалъ я только какое-то ужасное наслажденіе — удачи, побѣды, могущества, — не знаю, какъ выразиться. Мелкалъ предо мною и образъ Полины; я помнилъ и признавалъ, что иду къ ней, сейчасъ съ нею сойдуся и буду ей рассказывать, покажу... Но я уже едва вспомнилъ о томъ, что она мнѣ давеча говорила, и зачѣмъ я пошелъ, и всѣ тѣ недавнія ощущенія, бывшія всего полтора часа назадъ, казались мнѣ ужъ теперь чѣмъ-то давно прошедшимъ, исправленнымъ, устарѣвшимъ, — о чемъ мы уже не будемъ болѣе поминать, потому что теперь начнется все сызнова. Почти ужъ въ концѣ аллеи, вдругъ страхъ напалъ на меня: „что, если меня сейчасъ убьютъ и ограбятъ!“ Съ каждымъ шагомъ мой страхъ возрасталъ вдвое. Я почти бѣжалъ. Вдругъ, въ концѣ аллеи, разомъ блеснулъ весь нашъ отель, освѣщенный безчисленными огнями, — слава Богу: дома!

Я побѣжалъ въ свой этажъ и быстро растворилъ дверь. Полина была тутъ и сидѣла на моемъ диванѣ, передъ зажженною свѣчою, скрестя руки. Съ изумленіемъ она на меня посмотрѣла, и, ужъ конечно, въ эту минуту я былъ довольно страненъ на видъ. Я остановился предъ нею и сталъ выбрасывать на столъ всю мою груду денегъ.

ГЛАВА XV.

Помню, она ужасно пристально смотрѣла въ мое лицо, но, не трогаясь съ мѣста, не измѣняя даже своего положенія.

— Я выигралъ двѣсти тысячъ франковъ! всеричалъ я, выбрасывая послѣдній свертокъ.

Огромная груда билетовъ и свертковъ золота заняла весь столъ; я не могъ ужъ отвести отъ нея моихъ глазъ, минутами я совсѣмъ забывалъ о Полинѣ. То начиналъ я

приводить въ порядокъ эти кучи банковыхъ билетовъ, складывалъ ихъ вмѣстѣ, то откладывалъ въ одну общую кучу золото; то бросалъ все и пускался быстрыми шагами ходить по комнатѣ, задумывался, потомъ вдругъ опять подходилъ къ столу, опять начиналъ считать деньги. Вдругъ, точно ономнившись, я бросился къ дверямъ и поскорѣе заперъ ихъ, два раза обернувъ ключъ. Потомъ остановился, въ раздумьи, передъ маленькимъ моимъ чемоданомъ.

— Развѣ въ чемоданъ положить до завтра? спросилъ я, вдругъ обернувшись къ Полинѣ, и вдругъ вспомнилъ о ней.

Она же все сидѣла, не шевелясь, на томъ же мѣстѣ, но пристально слѣдила за мной. Странно какъ-то было выраженіе ея лица; не понравилось мнѣ это выраженіе! Не ошибусь, если скажу, что въ немъ была ненависть.

Я быстро подошелъ къ ней.

— Полина, вотъ двадцать пять тысячъ флориновъ, — это пятьдесятъ тысячъ франковъ, даже больше. Возьмите, бросьте ихъ ему завтра въ лицо.

Она не отвѣтила мнѣ.

— Если хотите, я отвезу самъ, рано утромъ. Такъ?

Она вдругъ засмѣялась. Она смѣялась долго.

Я съ удивленіемъ и со скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Этотъ смѣхъ очень похожъ былъ на недавній, частый, насмѣшливый смѣхъ ея падо мною, всегда приходившійся во время самыхъ страстныхъ моихъ объясненій. Наконецъ, она перестала и нахмурилась; строго оглядывала она меня исподлобья.

— Я не возьму вашихъ денегъ, проговорила она прерывательно.

— Какъ? Что это? закричалъ я.—Полина, почему же?

— Я даромъ денегъ не беру.

— Я предлагаю вамъ, какъ другъ; я вамъ жизнь предлагаю.

Она посмотрѣла на меня долгимъ, пытливымъ взглядомъ, какъ бы пронзить меня имъ хотѣла.

— Вы дорого даете, проговорила она, усмѣхаясь,—любовница Де-Гріе не стоить пятидесяти тысячъ франковъ.

— Полина, какъ можно такъ со мною говорить! вскричалъ я съ укоромъ.—Развѣ я Де-Гріе?

— Я васъ ненавижу! Да... да!.. Я васъ не люблю больше, чѣмъ Де-Гріе! вскричала она, вдругъ засверкавъ глазами.

Тутъ она закрыла вдругъ руками лицо и съ нею случилась истерика. Я бросился къ ней.

Я понялъ, что съ нею что-то безъ меня случилось. Она была совсѣмъ какъ бы не въ своемъ умѣ.

— Покунай меня! Хочешь? Хочешь? За пятьдесятъ тысячъ франковъ, какъ Де-Гриэ? вырывалось у ней съ судорожными рыданіями.

Я обхватилъ ее, цѣловалъ ея руки, ноги, упалъ предъ нею на колѣни.

Истерика ея проходила. Она положила обѣ руки на мои плечи и пристально меня разсматривала; казалось, что-то хотѣла прочесть на моемъ лицѣ. Она слушала меня, но видимо не слыхала того, что я ей говорилъ. Какая-то забота и вдумчивость явилась въ лицѣ ея. Я боялся за нее; мнѣ рѣшительно казалось, что у ней умъ мѣшается. То вдругъ начинала она тихо привлекать меня къ себѣ; доверчивая улыбка уже блуждала въ ея лицѣ; и вдругъ она меня отталкивала, и опять омраченнымъ взглядомъ принималась въ меня всматриваться.

Вдругъ она бросилась обнимать меня.

— Вѣдь ты меня любишь, любишь? говорила она, — вѣдь ты, вѣдь ты... за меня съ барономъ драться хотѣлъ!

И вдругъ она расхохоталась, — точно что-то смѣшное и милое мелькнуло вдругъ въ ея памяти. Она и плакала, и смѣялась, все вмѣстѣ. Ну, что мнѣ было дѣлать? Я самъ былъ какъ въ лихорадкѣ. Помню, она начинала мнѣ что-то говорить, — но я почти ничего не могъ понять. Это былъ какой-то бредъ, какой-то лепетъ, — точно ей хотѣлось что-то поскорѣй мнѣ рассказать, — бредъ, прерываемый иногда самымъ веселымъ смѣхомъ, который начиналъ пугать меня. „Нѣтъ, нѣтъ, ты милый, милый!“ повторяла она. „Ты мой вѣрный!“ И опять клала мнѣ руки свои на плечи, опять въ меня всматривалась и продолжала повторять: „Ты меня любишь... любишь... будешь любить?“ Я не сводилъ съ нея глазъ; я еще никогда не видалъ ее въ этихъ припадкахъ нѣжности и любви; правда, это, конечно, былъ бредъ, но... замѣтивъ мой страстный взглядъ, она вдругъ начинала лукаво улыбаться; ни съ того, ни съ сего, она вдругъ заговаривала о мистерѣ Астлеѣ.

Впрочемъ, о мистерѣ Астлеѣ она непрерывно заговаривала (особенно, когда силилась мнѣ что-то давеча рассказать), но что именно — я вполнѣ не могъ схватить; кажется, она даже смѣялась надъ нимъ; повторяла непре-

рывно, что онъ ждетъ, и что знаю-ли я, что опъ навѣрное стоитъ теперь подъ окномъ? „Да, да, подъ окномъ,— ну, отвори, посмотри, посмотри, онъ здѣсь, здѣсь!“ Она толкала меня къ окну, но только я дѣлалъ движеніе идти, она заливалась смѣхомъ и я оставался при ней, а она бросалась меня обнимать.

— Мы уѣдемъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ? приходило ей вдругъ безпокойно въ голову,—ну... (и она задумалась)— ну, а догонимъ мы бабушку, какъ ты думаешь? Въ Берлинѣ, я думаю, догонимъ. Какъ ты думаешь, что она скажетъ, когда мы ее догонимъ и она насъ увидитъ? А мистеръ Астлей?.. Ну, этотъ не соскочить со Шлангенберга, какъ ты думаешь? (Она захохотала). Ну, послушай: знаешь, куда онъ на будущее лѣто ѣдетъ? Онъ хочетъ на сѣверный полюсъ ѣхать для ученыхъ изслѣдованій и меня звалъ съ собою, ха-ха-ха! Онъ говоритъ, что мы, русскіе, безъ европейцевъ ничего не знаемъ и ни къ чему не способны... Но онъ тоже добрый! Знаешь, онъ „генерала“ извиняетъ; онъ говоритъ, что Blanche... что страсть,— ну, не знаю, не знаю, вдругъ повторила она, какъ бы заговорясь и потерявшись. — Бѣдные они, какъ мнѣ ихъ жаль, и бабушку... Ну, послушай, послушай, ну, гдѣ тебѣ убить Де-Гріе? И неужели, неужели ты думалъ, что я пущу тебя драться съ Де-Гріе? Да ты и барона-то не убьешь, прибавила она, вдругъ засмѣявшись. — О, какъ ты былъ тогда смѣшонъ съ барономъ, я глядѣла на васъ обоихъ со скамейки; и какъ тебѣ не хотѣлось тогда идти, когда я тебя послала. Какъ я тогда смѣялась, какъ я тогда смѣялась, прибавила она, хохоча.

И вдругъ она опять цѣловала и обнимала меня, опять страстно и нѣжно прижимала свое лицо къ моему. Я ужъ болѣе ни о чемъ не думалъ и ничего не слышалъ. Голова моя закружилась...

Я думаю, что было около семи часовъ утра, когда я очнулся; солнце свѣтило въ комнату. Полина сидѣла подлѣ меня и странно осматривалась, какъ будто выходя изъ какого-то мрака и собирая воспоминанія. Она тоже только что проснулась и пристально смотрѣла на столъ и деньги. Голова моя была тяжела и болѣла. Я было хотѣлъ взять Полину за руку; она вдругъ оттолкнула меня и вскочила съ дивана. Начинавшійся день былъ пасмурный; предъ разсвѣтомъ шелъ дождь. Она подошла къ окну, отворила

его, выставила голову и грудь и, подпершись руками, а локти положивъ на косякъ окна, пробыла такъ минуты три, не оборачиваясь ко мнѣ и не слушая того, что я ей говорилъ. Со страхомъ приходило мнѣ въ голову: что же теперь будетъ, и чѣмъ это кончится? Вдругъ она поднялась съ окна, подошла къ столу и, смотря на меня съ выраженіемъ безконечной ненависти, съ дрожавшими отъ злости губами, сказала мнѣ:

— Ну, отдай же мнѣ теперь мои пятьдесятъ тысячъ франковъ?

— Полина, опять, опять? началъ было я.

— Или ты раздумалъ? Ха-ха-ха! Тебѣ, можетъ-быть, уже и жалко?

Двадцать пять тысячъ флориновъ, отсчитанные еще вчера, лежали на столѣ; я взялъ и подаль ей.

— Вѣдь они ужъ теперь мои? Вѣдь такъ? Такъ? злобно спрашивала она меня, держа деньги въ рукахъ.

— Да они и всегда были твои, сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ же твои пятьдесятъ тысячъ франковъ!

Она размахнулась и пустила ихъ въ меня. Пачка больно ударила мнѣ въ лицо и разлетѣлась по полу. Совершивъ это, Полина выбѣжала изъ комнаты.

Я знаю, она, конечно, въ ту минуту, была не въ своемъ умѣ, хоть я и не понимаю этого временного помѣшательства. Правда, она еще и до сихъ поръ, мѣсяць спустя, еще больна. Что было, однако, причиною этого состоянія, а, главное, этой выходки? Оскорбленная-ли гордость? Отчаяніе-ли о томъ, что она рѣшилась даже придти ко мнѣ? Не показалъ-ли я ей виду, что тщеславолюсь моимъ счастіемъ и въ самомъ дѣлѣ точно такъ же, какъ и Де-Гріе, хочу отдѣлаться отъ нея, подаривъ ей пятьдесятъ тысячъ франковъ? Но вѣдь этого не было, я знаю по своей совѣсти. Думаю, что виновато было тутъ отчасти и ея тщеславіе; тщеславіе подсказало ей не повѣрить мнѣ и оскорбить меня, хотя все это представлялось ей, можетъ-быть, и самой не ясно. Въ такомъ случаѣ, я, конечно, отвѣтилъ за Де-Гріе и сталъ виноватъ, можетъ-быть, безъ большой вины. Правда, все это былъ только бредъ; правда и то, что я зналъ, что она въ бреду и... не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Можетъ-быть, она теперь не можетъ мнѣ простить этого? Да, но это теперь; но тогда, тогда? Вѣдь не такъ же сильны были ея бредъ и болѣзнь, чтобы она ужъ совершенно забыла, что дѣлаетъ, идя ко

мнѣ съ письмомъ Де-Гриэ? Значить, она знала, что дѣлаетъ.

И кое-какъ, наскоро, сунуль все мои бумаги и всю мою кучу золота въ постель, накрыль се и вышелъ, минутъ десять послѣ Полины. Я былъ увѣренъ, что она побѣжала домой, и хотѣлъ потихоньку пробраться къ нимъ и въ передней спросить у няни о здоровьи барышни. Каково же было мое изумленіе, когда отъ встрѣтившейся мнѣ на лѣстницѣ нянюшки я узналъ, что Полина домой еще не возвращалась и что няня шла ко мнѣ за ней.

— Сейчасъ, говорилъ я ей, — сейчасъ только ушла отъ меня, минутъ десять тому назадъ, куда же могла она дѣваться?

Няня съ укоризной на меня поглядѣла.

А между тѣмъ вышла цѣлая исторія, которая уже ходила по отелю. Въ швейцарской и у оберъ-кельнера перешёптывались, что фрейлейнъ утромъ, въ шесть часовъ, побѣжала изъ отеля, въ дождь, и побѣжала по направленію къ *hôtel d'Angleterre*. По ихъ словамъ и намекамъ, я замѣтилъ, что они уже знаютъ, что она провела всю ночь въ моей комнатѣ. Впрочемъ, уже рассказывалось о всемъ генеральскомъ семействѣ: стало извѣстно, что генераль вчера сходилъ съ ума и плакалъ на весь отель. Рассказывали при этомъ, что пріѣзжавшая бабушка была его мать, которая за тѣмъ нарочно и появилась изъ самой Россіи, чтобъ воспретить своему сыну бракъ съ *the Cominges*, а за ослушаніе лишить его наслѣдства, и такъ какъ онъ дѣйствительно не послушался, то графиня, въ его же глазахъ, нарочно и проиграла все свои деньги на рулеткѣ, чтобъ такъ уже ему и не доставалось ничего. „*Diese Russen!*“ повторялъ оберъ-кельнеръ съ негодованіемъ, качая головой. Другіе смѣялись. Оберъ-кельнеръ готовилъ счетъ. Мой выигрышъ былъ уже извѣстенъ; Карль, мой коридорный лакей, первый поздравилъ меня. Но мнѣ было не до нихъ. Я бросился въ отель *d'Angleterre*.

Еще было рано; мистеръ Астлей не принималъ никого; узнавъ же, что это я, вышелъ ко мнѣ въ коридоръ и остановился предо мной, молча устремивъ на меня свой оловянный взглядъ, и ожидалъ, что я скажу. Я спросилъ о Полинѣ.

— Она больна! отвѣчалъ мистеръ Астлей, попрежнему смотря на меня въ упоръ и не сводя съ меня глазъ.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ у васъ?

— О, да, у меня.

— Такъ какъ же вы... вы намѣрены ее держать у себя?

— О, да, я намѣренъ.

— Мистеръ Астлей, это произведетъ скандалъ; этого нельзя. Къ тому же она совсѣмъ больна; вы, можетъ-быть, не замѣтили?

— О, да, я замѣтилъ и уже вамъ сказала, что она больна. Если-бъ она была не больна, то у васъ не провела бы ночь.

— Такъ вы и это знаете?

— Я это знаю. Она шла вчера сюда, и я бы отвелъ ее къ моей родственницѣ, но такъ какъ она была больна, то ошиблась и пришла къ вамъ.

— Представьте себѣ! Ну, поздравляю васъ, мистеръ Астлей. Кстати, вы мнѣ даете идею: не стояли-ли вы всю ночь у насъ подъ окномъ? Миссъ Полина всю ночь заставляла меня открывать окно и смотрѣть—не стояте-ли вы подъ окномъ, и ужасно смѣялась.

— Неужели? Нѣтъ, я подъ окномъ не стоялъ; но я ждалъ въ коридорѣ и кругомъ ходилъ.

— Но вѣдь ее надо лѣчить, мистеръ Астлей.

— О, да, я ужъ называю доктора, и если она умретъ, то вы дадите мнѣ отчетъ въ ея смерти.

Я изумился.

— Помилуйте, мистеръ Астлей, что это вы хотите?

— А правда-ли, что вы вчера выиграли двѣсти тысячъ талеровъ?

— Всего только сто тысячъ флориновъ.

— Ну, вотъ видите! Итакъ, уѣзжайте сегодня утромъ въ Парижъ!

— Зачѣмъ?

— Всѣ русскіе, имѣя деньги, ѣдутъ въ Парижъ, посланъ мистеръ Астлей, голосомъ и тономъ, какъ будто прочелъ это по книжкѣ.

— Что я буду теперь, лѣтомъ, въ Парижѣ дѣлать? Я ее люблю, мистеръ Астлей! Вы знаете сами.

— Неужели? Я убѣжденъ, что нѣтъ. Притомъ же, оставшись здѣсь, вы проиграете навѣрное все и вамъ не на что будетъ ѣхать въ Парижъ. Но, прощайте, я совершенно убѣжденъ, что вы сегодня уѣдете въ Парижъ.

— Хорошо, прощайте, только я въ Парижъ не поѣду. Подумайте, мистеръ Астлей, о томъ, что теперь будетъ у насъ? Однимъ словомъ, генераль... и теперь это при-

ключеніе съ миссъ Полиной, — вѣдь это на весь городъ пойдетъ.

— Да, на весь городъ; генераль же, я думаю, объ этомъ не думаетъ и ему не до этого. Къ тому же, миссъ Полина имѣетъ полное право жить, гдѣ ей угодно. Насчетъ же этого семейства, можно правильно сказать, что это семейство ужъ не существуетъ.

Я шель и посмѣивался странной увѣренности этого англичанина, что я уѣду въ Парижъ. „Однако, онъ хочетъ меня застрѣлить на дуэли, думалъ я,—если m-me Полина умретъ, — вотъ еще комиссія!“ Клянусь, мнѣ было жаль Полину, но странно, съ самой той минуты, какъ я дотронулся вчера до игорнаго стола и сталъ загребать пачки денегъ, моя любовь отступила какъ бы на второй планъ. Это я теперь говорю; но тогда еще я не замѣчалъ всего этого ясно. Неужели я и въ самомъ дѣлѣ игрокъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ... такъ странно любилъ Полину? Нѣтъ, я до сихъ поръ люблю ее, видеть Богъ! А тогда, когда я вышелъ отъ мистера Астлея и шель домой, я искренно страдалъ и винилъ себя. Но... но тутъ со мной случилась чрезвычайно странная и глупая исторія.

Я спѣшилъ къ генералу, какъ вдругъ, недалеко отъ ихъ квартиры, отворилась дверь и меня кто-то кликнулъ. Это была m-me veuve Cominges и кликнула меня по приказанію m-me Blanche. Я вошелъ въ квартиру m-me Blanche.

У нихъ былъ небольшой номеръ, въ двѣ комнаты. Слышенъ былъ смѣхъ и крикъ m-me Blanche изъ спальни. Она вставала съ постели.

— А, c'est lui! Viens donc, bêtà! Правда-ли, que tu as gagné une montagne d'or et d'argent? J'aimerais mieux l'or.

— Выигралъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Сколько?

— Сто тысячъ флориновъ.

— Bibi, comme tu es bête. Да войди же сюда, я ничего не слышу. Nous ferons bombance, n'est-ce pas?

Я вошелъ къ ней. Она валялась подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго выставлялись смуглая, здоровыя, удивительныя плечи, — плечи, которыя развѣ только увидишь во снѣ,—кое-какъ прикрытыя батистовою, отороченною бѣлѣйшими кружевами, сорочкою, чтò удивительно шло къ ея смуглой кожѣ.

— Mon fils, as-tu du cœur? вскричала она, завидѣвъ

меня, и захохотала. Смѣялась она всегда очень весело и даже иногда искренно.

— *Tout autre...* началъ было я, парафразируя Корнеля.

— Вотъ видишь, *vois-tu*, затараторила она вдругъ, — во-первыхъ, сыщи чулки, помоги обуться; а во-вторыхъ, *si tu n'est pas trop bête, je te prends à Paris*. Ты знаешь, я сейчасъ ѣду.

— Сейчасъ?

— Черезъ полчаса.

Дѣйствительно, все было уложено. Всѣ чемоданы и ея вещи стояли готовые. Кофе былъ уже давно поданъ.

— *Eh bien, хочешь, tu verras Paris. Dis donc qu'est ce que c'est qu'un outchitel? Tu étais bien bête, quand tu étais outchitel. Гдѣ же мои чулки? Обувай же меня, ну!*

Она выставила дѣйствительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, не исковерканную, какъ всѣ почти эти ножки, которыя смотрятъ такими маленькими въ ботинкахъ. Я засмѣялся и началъ натягивать на нее шелковый чулочекъ. *Mlle Blanche*, между тѣмъ, сидѣла на постели и тараторила.

— *Eh bien, que feras-tu, si je te prends avec? Во-первыхъ, je veux cinquante mille francs. Ты мнѣ ихъ отдашь во Франкфуртѣ. Nous allons à Paris; тамъ мы живемъ вмѣстѣ et je te ferai voir des étoiles en plein jour. Ты увидишь такихъ женщинъ, какихъ ты никогда не видывалъ. Слушай...*

— Постою, этакъ я тебѣ отдамъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а что же мнѣ-то останется?

— *Et cent cinquante mille francs, ты забылъ и, сверхъ того, я согласна жить на твоей квартирѣ мѣсяцъ, два, que sais-je! Мы, конечно, проживемъ въ два мѣсяца эти сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Видишь, je suis bonne enfant и тебѣ впередъ говорю, mais tu verras des étoiles.*

— Какъ, все въ два мѣсяца!

— Какъ! Это тебя ужасаетъ? *Ah, vil esclave!* Да знаешь-ли ты, что одинъ мѣсяцъ этой жизни лучше всего твоего существованія. Одинъ мѣсяцъ—*et après le déluge!* *Mais tu ne peux comprendre, va!* Пошелъ, пошелъ, ты этого не стѣдись! Ай, *que fais tu?*

Въ эту минуту я обувалъ другую ножку, но не выдержалъ и поцѣловалъ ее. Она вырвала и начала меня бить кончикомъ ноги по лицу. Наконецъ, она прогнала меня совсѣмъ.

— Eh bien, mon outchitel, je t'attends, si tu veux; чрезъ четверть часа я ѣду! крикнула она мнѣ вдогонку.

Воротясь домой, былъ я уже какъ закруженный. Что же, я не виновать, что m-lle Полипа бросила мнѣ цѣлой пачкой въ липо и еще вчера предпочла мнѣ мистера Астлея. Нѣкоторые изъ распавшихся банковыхъ билетовъ еще валялись на полу; я ихъ подобралъ. Въ эту минуту отворилась дверь и явился самъ оберъ-кельнеръ (который на меня прежде и глядѣть не хотѣлъ) съ приглашеніемъ: не угодно-ли мнѣ перебраться внизъ, въ превосходный номеръ, въ которомъ только-что стоялъ графъ В.

Я постоялъ, подумалъ.

— Счетъ! закричалъ я,—сейчасъ ѣду, черезъ десять минутъ.—„Въ Парижъ, такъ въ Парижъ! подумалъ я про себя,—знать на роду написано!“

Черезъ четверть часа мы дѣйствительно сидѣли втроемъ, въ одномъ общемъ семейномъ вагонѣ: я, m-lle Blanche et m-me veuve Cominges. M-lle Blanche хохотала, глядя на меня, до истерики. Veuve Cominges ей вторила; не скажу, чтобы мнѣ было весело. Жизнь переламывалась на-двое, но со вчерашняго дня я ужъ привыкъ все ставить на карту. Можетъ-быть, и дѣйствительно правда, что я не вынесъ денегъ и закружился. Peut-être, je ne demandais pas mieux. Мнѣ казалось, что на время,—но только на время, перемѣняются декорации.—„Но чрезъ мѣсяць я буду здѣсь, и тогда... и тогда мы еще съ вами потягаемся, мистеръ Астлей!“ Нѣтъ, какъ припоминаю теперь, мнѣ и тогда было ужасно грустно, хоть я и хохоталъ взапуски съ этой дурочкой Blanche.

— Да чего тебѣ! Какъ ты глупъ! О, какъ ты глупъ! вскрикивала Blanche, прерывая свой смѣхъ и начиная серьезно бранить меня.—Ну да, ну да, да, мы проживемъ твои двѣсти тысячъ франковъ, но зато, mais tu seras heureux, comme un petit roi; я сама тебѣ буду повязывать галстукъ и познакомяю тебя съ Hortense. А когда мы проживемъ всѣ наши деньги, ты приѣдешь сюда и опять сорвешь бань. Что тебѣ сказали жида? Главное—смѣлость, а у тебя она есть, и ты мнѣ еще не разъ будешь возить деньги въ Парижъ. Quant à moi je veux cinquante mille francs de rente et alors...

— А генералъ? спросилъ я ее.

— А генералъ, ты знаешь самъ, каждый день, въ это время, уходитъ мнѣ за букетомъ. На этотъ разъ я на-

рочно велѣла отыскать самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Бѣдняжка воротится, а птичка и улетѣла. Онъ полетитъ за нами, увидишь. Ха-ха-ха! Я очень буду рада. Въ Парижѣ онъ мнѣ пригодится; за него здѣсь заплатитъ мистеръ Астлей...

И вотъ такимъ-то образомъ я и уѣхала тогда въ Парижъ.

ГЛАВА XVI.

Что я скажу о Парижѣ? Все это было, конечно, и бредъ, и дурачество. Я прожилъ въ Парижѣ всего только три недѣли съ небольшимъ, и въ этотъ срокъ были совершенно покончены мои сто тысячъ франковъ. Я говорю только про сто тысячъ; остальные сто тысячъ я отдалъ m-lle Blanche чистыми деньгами, — пятьдесятъ тысячъ во Франкфуртѣ и черезъ три дня, въ Парижѣ, выдалъ ей же еще пятьдесятъ тысячъ франковъ векселемъ, за который, впрочемъ, черезъ недѣлю она взяла съ меня и деньги, „et les cent mille francs, qui nous restent, tu les mangeras avec moi, mon outchitel“. Она меня постоянно звала учителемъ. Трудно представить себѣ что-нибудь на свѣтѣ расчетливѣе, скупѣе и скалдырнѣе разряда существъ, подобныхъ m-lle Blanche. Но это относительно своихъ денегъ. Что же касается до моихъ ста тысячъ франковъ, то она мнѣ прямо объявила потомъ, что онѣ ей нужны были для первой поставочки себя въ Парижѣ, „такъ что ужъ я теперь стала на приличную ногу разъ навсегда, и теперь ужъ меня долго никто не собьетъ, по крайней мѣрѣ, я такъ распорядилась“, прибавила она. Впрочемъ, я почти и не видалъ этихъ ста тысячъ; деньги во все время держала она, а въ моемъ кошелькѣ, въ который она сама каждый день навѣдывалась, никогда не скоплялось болѣе ста франковъ, и всегда почти было менѣе.

— Ну, къ чему тебѣ деньги? говорила она иногда съ самымъ простѣйшимъ видомъ, и я съ нею не спорилъ. Зато она очень и очень недурно отдѣлала на эти деньги свою квартиру и когда потомъ перевела меня на новоселье, то, показывая мнѣ комнаты, сказала: „Вотъ что съ расчетомъ и со вкусомъ можно сдѣлать съ самыми мизерными средствами“. Этотъ мизеръ стоилъ, однако, ровно пятьдесятъ тысячъ франковъ. На остальные пятьдесятъ тысячъ она завела экипажъ, лошадей, кромѣ того, мы задали два бала, то-есть двѣ вечеринки, на которыхъ были

и Hortense, и Lisette, и Cléopâtre,—женщины замѣчательныя во многихъ и во многихъ отношеніяхъ, и даже далеко не дурныя. На этихъ двухъ вечеринкахъ я принужденъ былъ играть преглупѣйшую роль хозяина, встрѣчать и занимать разбогатѣвшихъ и тупѣйшихъ купчишекъ, невозможныхъ по ихъ невѣжеству и безстыдству, разныхъ военныхъ поручиковъ и жалкихъ авторишекъ и журнальныхъ козьяковъ, которые явились въ модныхъ фракахъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ самолюбіемъ и чванствомъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ даже у насъ въ Петербургѣ. немисливо,—а ужъ это много значитъ сказать. Они даже вздумали надо мною смѣяться, но я напился шампанскаго и провалился въ задней комнатѣ. Все это было для меня омерзительно въ высшей степени. „C'est un outchitel“, говорила обо мнѣ Blanche,—„il a gagné deux cent mille francs, и который безъ меня не зналъ бы, какъ ихъ истратить. А послѣ онъ опять поступить въ учителя;—не знаетъ-ли кто-нибудь мѣста? Надобно что-нибудь для него сдѣлать“.—Къ шампанскому я сталъ прибѣгать весьма часто, потому что мнѣ было постоянно очень грустно и до крайности скучно. Я жилъ въ самой буржуазной, въ самой меркантильной средѣ, гдѣ каждый су былъ разсчитанъ и вымѣренъ. Blanche очень не любила меня въ первыя двѣ недѣли, я это замѣтилъ; правда, она одѣла меня щегольски и сама ежедневно повязывала мнѣ галстукъ, но въ душѣ искренно презирала меня. Я на это не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Скучный и унылый, я сталъ уходить обыкновенно въ Château des Fleurs, гдѣ регулярно, каждый вечеръ, напивался и учился канкану (который тамъ прегадко танцуютъ), и въ послѣдствіи приобрѣлъ въ этомъ родѣ даже знаменитость. Наконецъ, Blanche раскусила меня: она какъ-то заранѣе составила себѣ идею, что я, во все время нашего сожителства, буду ходить за нею съ карандашомъ и бумажкой въ рукахъ и все буду считать, сколько она истратила, сколько она украдала, сколько истратитъ и сколько еще украдетъ? И, ужъ конечно, была увѣрена, что у насъ изъ-за каждыхъ десяти франковъ будетъ баталія. На всякое нападеніе мое, предполагаемое ею заранѣе, она уже заблаговременно заготовила возраженія; но, не видя отъ меня никакихъ нападеній, сперва было пускалась сама возражать. Иной разъ начнетъ горячо-горячо, но увидя, что я молчу,—чаще всего валяясь на кушеткѣ и неподвижно смотря въ

потолокъ,—даже, наконецъ, удивится. Сперва она думала, что я просто глупъ, „un outchitel“, и просто обрывала свои объясненія, вѣроятно, думая про себя: „вѣдь онъ глупъ; нечего его и наводить, коль самъ не понимаетъ“. Уйдетъ, бывало, но минутъ черезъ десять опять воротится (это случалось во время самыхъ неистовыхъ тратъ ея, тратъ совершенно намъ не по средствамъ: напримѣръ, она перемѣнила лошадей и купила въ шестнадцать тысячъ франковъ пару).

— Ну, такъ ты, bibi, не сердишься? подходила она ко мнѣ.

— Нѣ-ѣ-ѣ-ть! Надо-ѣ-ѣ-ла! говорилъ я, отстраняя ее отъ себя рукою, но это было для нея такъ любопытно, что она тотчасъ же сѣла подлѣ.

— Видишь, если я рѣшилась столько заплатить, то это потому, что ихъ продавали по случаю. Ихъ можно опять продать за двадцать тысячъ франковъ.

— Вѣрю, вѣрю; лошади прекрасныя и у тебя теперь славный выѣздъ; пригодится; ну и довольно.

— Такъ ты не сердишься?

— За что же? Ты умно дѣлаешь, что запасаешься нѣкоторыми необходимыми для тебя вещами. Все это потомъ тебѣ пригодится. Я вижу, что тебѣ дѣйствительно нужно поставить себя на такую погу; иначе миліона не наживешь. Тутъ наши сто тысячъ франковъ только начало, капля въ морѣ.

Blanche, всего менѣе ожидавшая отъ меня такихъ разсужденій (вмѣсто криковъ-то, да попрековъ!), точно съ неба упала.

— Такъ ты... такъ ты вотъ какой! Mais tu as l'esprit pour comprendre. Sais tu, mon garçon, хоть ты и учитель, но ты долженъ былъ родиться принцемъ! Такъ ты не жалѣешь, что у насъ деньги скоро идутъ?

— Ну ихъ, поскорѣй бы ужъ!

— Mais... sais-tu... mais dis donc, развѣ ты богатъ? Mais sais tu, вѣдь ты ужъ слишкомъ презираешь деньги. Qu'est ce que tu feras après, dis donc?

— Après, поѣду въ Гомбургъ, и еще выиграю сто тысячъ франковъ.

— Oui, oui, c'est ça, c'est magnifique! И я знаю, что ты непременно выиграешь и привезешь сюда. Dis donc, да ты сдѣлаешь, что я тебя и въ самомъ дѣлѣ люблю. Eh bien, за то, что ты такой, я тебя буду все это время лю-

бить, и не сдѣлаю тебѣ ни одной невѣрности. Видишь, въ это время я хоть и не любила тебя, parce que je croyais, que tu n'est qu'un outchitel (quelque chose comme un laquais, n'est-ce pas?), но я все-таки была тебѣ вѣрна, parce que je suis bonne fille.

— Ну, врешь! А съ Альбертомъ-то, съ этимъ офицеришкой черномазымъ, развѣ я не видалъ прошлый разъ?

— Oh, oh, mais tu es...

— Ну, врешь, врешь; да ты что думаешь, что я сержусь? Да наплевать; il faut que jeunesse se passe. Не прогнать же тебѣ его, коли онъ былъ прежде меня, и ты его любишь. Только ты ему денегъ не давай, слышишь?

— Такъ ты и за это не сердисься? Mais tu es un vrai philosophe, sais-tu? Un vrai philosophe! вскричала она въ восторгѣ.—Eh, bien, je t'aimerai, je t'aimerai—tu verras, tu seras content!

И дѣйствительно, съ этихъ поръ она ко мнѣ даже какъ будто въ самомъ дѣлѣ привязалась, даже дружески, и такъ прошли наши послѣдніе десять дней. Обѣщанныхъ „звѣздъ“ я не видалъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она и въ самомъ дѣлѣ сдержала слово. Сверхъ того, она познакомила меня съ Hortense, которая была слишкомъ даже замѣчательная въ своемъ родѣ женщина и въ нашемъ кружкѣ называлась Thérèse philosophe...

Впрочемъ, нечего объ этомъ распространяться; все это могло бы составить особый рассказъ, съ особымъ колоритомъ, который я не хочу вставлять въ эту повѣсть. Дѣло въ томъ, что я всѣми силами желалъ, чтобъ все это поскорѣе кончилось. Но нашихъ ста тысячъ франковъ хватило, какъ я уже сказалъ, почти на мѣсяцъ, — чему я искренно удивлялся: по крайней мѣрѣ, на восемьдесятъ тысячъ, изъ этихъ денегъ, Blanche накупила себѣ вещей и мы прожили никакъ не болѣе двадцати тысячъ франковъ, и—все-таки достало. Blanche, которая подъ конецъ была уже почти откровенна со мной (по крайней мѣрѣ, кое-въ-чемъ не врала мнѣ), призналась, что, по крайней мѣрѣ, на меня не падутъ долги, которые она принуждена была сдѣлать: — „я тебѣ не давала подписывать счетовъ и векселей, говорила она мнѣ,—потому что жалѣла тебя; а другая бы непременно это сдѣлала и уходила бы тебя въ тюрьму. Видишь, видишь, какъ я тебя любила, и какая я добрая! Одна эта чортова свадьба чего будетъ мнѣ стоить!“

У насъ дѣйствительно была свадьба. Случилась она уже въ самомъ концѣ нашего мѣсяца и надо предположить, что на нее ушли самые послѣдніе подонки моихъ ста тысячъ франковъ; тѣмъ дѣло и кончилось, т. е. тѣмъ нашъ мѣсяцъ и кончился, и я послѣ этого формально вышелъ въ отставку.

Случилось это такъ: недѣлю спустя послѣ нашего водворенія въ Парижѣ, пріѣхалъ генераль. Онъ прямо пріѣхалъ къ Blanche, и съ перваго же визита почти у насъ и остался. Квартирка гдѣ-то, правда, у него была своя. Blanche встрѣтила его радостно, съ визгами и хохотомъ, и даже бросилась его обнимать; дѣло обошлось такъ, что ужъ она сама его не отпускала и онъ всюду долженъ былъ слѣдовать за нею: и на бульварѣ, и на катаньяхъ, и въ театрѣ, и по знакомымъ. На это употребленіе генераль еще годился; онъ былъ довольно сановитъ и приличенъ,—росту почти высокаго, съ крашеными баѣнами и усищами (онъ прежде служилъ въ кирасирахъ), съ лицомъ виднымъ, хотя нѣсколько и обрюзглымъ. Манеры его были превосходныя, фракъ онъ носилъ очень ловко. Въ Парижѣ онъ началъ носить свои ордена. Съ такимъ—пройтись по бульвару было не только возможно, но, если такъ можно выразиться, даже *рекомендательно*. Добрый и безтолковый генераль былъ всѣмъ этимъ ужасно доволенъ; онъ совѣмъ не на это рассчитывалъ, когда къ намъ явился по пріѣздѣ въ Парижъ. Онъ явился тогда, чуть не дрожа отъ страха; онъ думалъ, что Blanche закричитъ и велитъ его прогнать; а потому, при такомъ оборотѣ дѣла, онъ пришелъ въ восторгъ и весь этотъ мѣсяцъ пробылъ въ какомъ-то бессмысленно-восторженномъ состояніи: да такимъ я его и оставилъ. Уже здѣсь я узналъ въ подробности, что, послѣ тогдашняго внезапнаго отъѣзда изъ Рулетенбурга, съ нимъ случилось, въ то же утро, что-то въ родѣ припадка. Онъ упалъ безъ чувствъ, а потомъ всю недѣлю былъ почти какъ сумасшедшій и заговаривался. Его лѣчили, но вдругъ онъ все бросилъ, сѣлъ въ вагонъ и прикатилъ въ Парижъ. Разумѣется, пріемъ Blanche оказался самымъ лучшимъ для него лѣкарствомъ; но признаки болѣзни оставались долго спустя, несмотря на радостное и восторженное его состояніе. Разсуждать, или даже только вести кой-какъ немного серьезный разговоръ, онъ ужъ совершенно не могъ; въ такомъ случаѣ онъ только приговаривалъ ко всякому слову: „Гм!“ и кивалъ голо-

вой, — тѣмъ и отдѣлывался. Часто онъ смѣялся, но какимъ-то нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ, точно закатывался; другой разъ, сидитъ по цѣлымъ часамъ пасмурный, какъ ночь, нахмутивъ свои густыя брови. Многого онъ совѣмъ даже и не припоминалъ; сталъ до безобразія разсѣянъ и взялъ привычку говорить самъ съ собой. Только одна Blanche могла оживлять его; да и припадки пасмурнаго, угрюмаго состоянія, когда онъ забивался въ уголь, означали только то, что онъ давно не видалъ Blanche, или что Blanche куда-нибудь уѣхала, а его съ собой не взяла, или, уѣзжая, не приласкала его. При этомъ онъ самъ не сказалъ бы, чего ему хочется, и самъ не зналъ, что онъ пасмуренъ и грустенъ. Просидѣвъ часъ или два (и замѣчалъ это раза два, когда Blanche уѣзжала на цѣлый день, вѣроятно, къ Альберту), онъ вдругъ начинаетъ озираться, суетиться, оглядывается, припоминаетъ и какъ будто хочетъ кого-то сыскать; но, не видя никого и такъ и не припомнивъ, о чемъ хотѣлъ спросить, онъ опять впадалъ въ забытѣе до тѣхъ поръ, пока вдругъ не являлась Blanche, веселая, рѣзвая, разодрѣтая, съ своимъ звонкимъ хохотомъ; она подбѣгала къ нему, начинала его тормошить и даже цѣловала, — чѣмъ, впрочемъ, рѣдко его жаловала. Разъ генераль до того ей обрадовался, что даже заплакалъ, — я даже подивился.

Blanche съ самаго его появленія у насъ начала тотчасъ же за него предо мною адвокатствовать. Она пускалась даже въ краснорѣчіе; напоминала, что она измѣнила генералу изъ-за меня, что она была почти ужъ его невестою, слово дала ему; что изъ-за нея онъ бросилъ семейство и что, наконецъ, я служилъ у него и долженъ бы это чувствовать, и что — какъ мнѣ не стыдно... Я все молчалъ, а она ужасно тараторила. Наконецъ, я размѣялся, и тѣмъ дѣло и кончилось, то-есть сперва она подумала, что я дуракъ, а подъ конецъ остановилась на мысли, что я очень хорошей и складной человѣкъ. Однимъ словомъ, я имѣлъ счастье рѣшительно заслужить подъ конецъ благорасположеніе этой достойной дѣвицы (Blanche, впрочемъ, была и въ самомъ дѣлѣ предобрѣйшая дѣвушка, — въ своемъ только родѣ, разумѣется; я ее не такъ цѣнилъ сначала). — „Ты умный и добрый человѣкъ, говаривала она мнѣ подъ конецъ, — и... и... жаль только, что ты такой дуракъ! Ты ничего, ничего не наживешь!“

„Un vrai russe, un salmouk!“ — она нѣсколько разъ по-

сылала меня прогуливать по улицамъ генерала, точь-въ-точь съ лакеемъ свою левретку. Я, впрочемъ, водилъ его и въ театръ, и въ *Bal-Mabille*, и въ рестораны. На это *Blanche* выдавала и деньги, хотя у генерала были и свои, и онъ очень любилъ вынимать бумажникъ при людяхъ. Однажды я почти долженъ былъ употребить силу, чтобы не дать ему купить брошку въ семьсотъ франковъ, которою онъ прельстился въ *Пале-Рояль* и которую, во что бы то ни стало, хотѣлъ подарить *Blanche*. Ну, чтò ей была брошка въ семьсотъ франковъ? У генерала и всѣхъ-то денегъ было не болѣе тысячи франковъ. Я никогда не могъ узнать, откуда онъ у него явились? Полагаю, что отъ мистера *Астлея*, тѣмъ болѣе, что тотъ въ отелѣ за нихъ заплатилъ. Чтò же касается до того, какъ генераль все это время смотрѣлъ на меня, то, мнѣ кажется, онъ даже и не догадывался о моихъ отношеніяхъ къ *Blanche*. Онъ хотъ и слышалъ какъ-то смутно, что я выигралъ капиталъ, но навѣрное полагалъ, что я у *Blanche* въ родѣ какого-нибудь домашняго секретаря или даже, можетъ-быть, слуги. По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ со мной постынно свысока, попрежнему, по-начальнически, и даже пускался меня иной разъ распекать. Однажды онъ ужасно насмѣшилъ и меня, и *Blanche* у насъ, утромъ, за утреннимъ кофе. Человѣкъ онъ былъ не совсѣмъ обидчивый; а тутъ вдругъ обидѣлся на меня,—за что?—до сихъ поръ не понимаю. Но, конечно, онъ и самъ не понималъ. Однимъ словомъ, онъ завелъ рѣчь безъ начала и конца, à bâtons-rompus, кричалъ, что я мальчишка, что онъ научить... что онъ дастъ понять... и такъ далѣе. Но никто ничего не могъ понять. *Blanche* заливалась-хохотала; наконецъ, его кое-какъ успокоили и увели гулять. Много разъ я замѣчалъ, впрочемъ, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то недоставало ему, несмотря даже на присутствіе *Blanche*. Въ эти минуты онъ самъ пускался раза два со мною заговаривать, но никогда толкомъ не могъ объясниться, вспоминалъ про службу, про покойницу-жену, про хозяйство, про имѣніе. Нападетъ на какое-нибудь слово—и обрадуется ему, и повторяетъ его сто разъ на дню, хотя оно вовсе и не выражаетъ ни его чувствъ, ни его мыслей. Я пробовалъ заговаривать съ нимъ объ его дѣтяхъ; но онъ отдѣлывался прежнею скороговоркою и переходилъ поскорѣе на другой предметъ: „Да, да! дѣти, дѣти, вы правы, дѣти!“ Однажды только онъ расчувство-

вался, — мы шли съ нимъ въ театр: „Это несчастныя дѣти!“ заговорилъ онъ вдругъ, — „да, сударь, да, это несчастныя дѣти!“ И потомъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ повторялъ слова: „несчастныя дѣти!“ Когда я разъ заговорилъ о Полинѣ, онъ пришелъ даже въ ярость: „это неблагодарная женщина! воскликнулъ онъ. — Она зла и неблагодарна! Она осрамила семью! Если бъ здѣсь были законы, я бы ее въ бараній рогъ согнулъ! Да-съ, да-съ!“ Что же касается до Де-Грие, то онъ даже и имени его слышать не могъ: „онъ погубилъ меня, говорилъ онъ, — онъ обокралъ меня, онъ меня зарѣзалъ! Это былъ мой кошмаръ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ! Онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду мнѣ во снѣ снился! Это, это, это... О, не говорите мнѣ о немъ никогда!“

Я видѣлъ, что у нихъ что-то идетъ на-ладъ, но молчалъ по обыкновенію. Blanche объявила мнѣ первая, это было ровно за недѣлю до того, какъ мы разстались: — „*Il a du chance*, тараторила она мнѣ: — *bavouchka* теперь дѣйствительно ужъ больна и непременно умретъ. Мистеръ Астлей прислалъ телеграмму; согласись, что все-таки онъ наслѣдникъ ея. А если бъ даже и нѣтъ, то онъ ничему не помѣшаетъ. Во-первыхъ, у него есть свой пенсіонъ, а во-вторыхъ, онъ будетъ жить въ боковой комнатѣ и будетъ совершенно счастливъ. Я буду „*madame la générale*“. Я войду въ хорошій кругъ (Blanche мечтала объ этомъ постоянно), впоследствии буду русской помѣщицей, *j'aurai un château, des moujiks, et puis j'aurai toujours mon million*“.

— Ну, а если онъ начнетъ ревновать, будетъ требовать... Богъ знаетъ чего, — понимаешь?

— О, нѣтъ, по, по, по! Какъ онъ смѣетъ! Я взяла мѣры, не безпокойся. Я ужъ заставила его подписать нѣсколько векселей на имя Альберта. Чуть что — и онъ тотчасъ же будетъ наказанъ; да и не посмѣетъ!

— Ну, выходи...

Свадьбу сдѣлали безъ особеннаго торжества, семейно и тихо. Приглашены были Альбертъ и еще кто-то изъ ближнихъ. Hortense, Cléopâtre и прочія были рѣшительно отстранены. Женихъ чрезвычайно интересовался своимъ положеніемъ. Blanche сама повязала ему галстукъ, сама его напоядила, и въ своемъ фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ онъ смотрѣлъ *très comme il faut*.

— „*Il est pourtant très comme il faut*“, объявила мнѣ

сама Blanche, выходя изъ комнаты генерала, какъ будто идея о томъ, что генераль très comme il faut даже ее самоё поразила. Я такъ мало вникалъ въ подробности, участвуя во всемъ въ качествѣ такого лѣниваго зрителя, что многое и забылъ, какъ это было. Помню только, что Blanche оказалась вовсе не de Cominges, равно какъ и мать ея—вовсе не veuve Cominges—a du Placet. Почему онѣ были обѣ de Cominges до сихъ поръ—не знаю. Но генераль и этимъ остался очень доволенъ, и du Placet ему даже больше понравилось, чѣмъ de Cominges. Въ утро свадьбы, онъ, уже совсѣмъ одѣтый, все ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и все повторялъ про себя, съ необыкновенно серьезнымъ и важнымъ видомъ: „M-lle Blanche du Placet! Blanche du Placet, du Placet! Дѣвица Бланка Дю-Пласетъ!..“ и нѣкоторое самодовольствіе сіяло на его лицѣ. Въ церкви, у мэра и дома, за закуской, онъ былъ не только радостенъ и доволенъ, но даже гордъ. Съ ними съ обоими что-то случилось. Blanche стала смотрѣть тоже съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

— Мнѣ теперь нужно совершенно иначе держать себя, сказала она мнѣ чрезвычайно серьезно:—mais vois-tu, я и не подумала объ одной прегадкой вещи: вообрази, я до сихъ поръ не могу заучить мою теперешнюю фамилію: Загорьянскій, Загозіанскій, m-me la générale de Sago—Sago, ces diables des noms russes, enfin madame la générale à quatorze consonnes! Comme c'est argéable, n'est-ce pas?

Наконецъ, мы разстались, и Blanche, эта глупая Blanche, даже прослезилась, прощаясь со мною. — „Tu étais bon enfant“, говорила она, хныча.—„Je te croyais bête et tu en avais l'air, но это къ тебѣ идетъ“. И, ужъ пожавъ мнѣ руку окончательно, она вдругъ воскликнула: „Attends!“ бросилась въ свой будуаръ и чрезъ минуту вынесла мнѣ два тысячефранковыхъ билета. Этому я ни за что бы не повѣрилъ! „Это тебѣ пригодится, ты, можетъ-быть, очень ученый outchitel, но ты ужасно глупый человекъ. Больше двухъ тысячъ я тебѣ ни за что не дамъ, потому что ты—все равно проиграешь. Ну, прощай! Nous serons toujours bons amis, а если опять выиграешь, непременно приѣзжай ко мнѣ, et tu seras heureux!“

У меня у самого оставалось еще франковъ пятьсотъ; кромѣ того, есть великолѣпные часы въ тысячу франковъ, брильянтовые запонки и прочее, такъ что можно еще протянуть довольно долгое время, ни о чемъ не заботясь.

Я нарочно засѣлъ въ этомъ городишкѣ, чтобъ собраться, а, главное, жду мистера Астлея. Я узналъ навѣрное, что онъ будетъ здѣсь проѣзжать и остановится на сутки, по дѣлу. Узнаю обо всемъ... а потомъ, — потомъ прямо въ Гомбургъ. Въ Рулетенбургъ не поѣду, развѣ на будущій годъ. Дѣйствительно, говорятъ, дурная примѣта пробовать счастья два раза сряду за однимъ и тѣмъ же столомъ, а въ Гомбургѣ самая настоящая-то игра и есть.

ГЛАВА XVII.

Вотъ уже годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ я не заглядывалъ въ эти записки, и теперь только, отъ тоски и горя, вздумалъ развлечь себя и случайно перечелъ ихъ. Такъ на томъ и оставилъ тогда, что поѣду въ Гомбургъ. Боже! Съ какимъ, сравнительно говоря, легкимъ сердцемъ я написалъ тогда эти послѣднія строчки! То-есть не то чтобъ съ легкимъ сердцемъ, а съ какою самоувѣренностью, съ какими непоколебимыми надеждами! Сомнѣвался-ли я хоть сколько-нибудь въ себѣ? И вотъ полтора года слинкомъ прошли, и я, по-моему, гораздо хуже, чѣмъ нищій! Да чтѣ нищій! Наплевать на нищенство! Я просто сгубилъ себя! Впрочемъ, не съ чѣмъ почти и сравнивать, да и нечего себѣ мораль читать! Ничего не можетъ быть нелѣпѣе морали въ такое время! О, самодовольные люди: съ какимъ гордымъ самодовольствомъ готовы эти болтуны читать свои сентенціи! Если-бъ они знали, до какой степени я самъ понимаю всю омерзительность теперешняго моего состоянія, то, конечно, ужъ не повернулся бы у нихъ языкъ учить меня. Ну чтѣ, чтѣ могутъ они мнѣ сказать новаго, чего я не знаю? И развѣ въ этомъ дѣло? Тутъ дѣло въ томъ, что — одинъ оборотъ колеса, и все измѣняется, и эти же самые моралисты первые (я въ этомъ увѣренъ) придутъ съ дружескими шутками поздравлять меня. И не будутъ отъ меня всѣ такъ отворачиваться, какъ теперь. Да наплевать на нихъ на всѣхъ! Что я теперь? Zéro. Чѣмъ могу быть завтра? Я завтра могу изъ мертвыхъ воскреснуть и вновь начать жить! Человѣка могу обрѣсти въ себѣ, пока еще онъ не пропалъ.

Я дѣйствительно тогда поѣхалъ въ Гомбургъ, но... я былъ потомъ и опять въ Рулетенбургѣ, былъ и въ Спа, былъ даже и въ Баденѣ, куда я ѣздилъ камердинеромъ совѣтника Гинце, мерзавца и бывшаго моего здѣшняго барина. Да, я былъ и въ лакеяхъ, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ!

Это случилось сейчас послѣ тюрьмы. (Я вѣдь сидѣлъ и въ тюрьмѣ въ Рулетенбургѣ за одинъ здѣшній долгъ. Незвѣстный человѣкъ меня выкупилъ,—кто такой? Мистеръ Астлей? Полина? Не знаю, но долгъ былъ заплаченъ, всего двѣсти талеровъ, и я вышелъ на волю). Куда мнѣ было дѣваться? Я и поступилъ къ этому Гинце. Онъ человѣкъ молодой и вѣтреный, любитъ полѣниться, а я умѣю говорить и писать на трехъ языкахъ. Я сначала поступилъ къ нему чѣмъ-то въ родѣ секретаря, за тридцать гульденовъ въ мѣсяць; но кончилъ у него настоящимъ лакействомъ: держать секретаря ему стало не по средствамъ и онъ мнѣ сбавилъ жалованье; мнѣ же некуда было идти, я остался—и такимъ образомъ самъ собою обратился въ лакея. Я не доѣдалъ и не допивалъ на его службѣ, но за то накопилъ къ пять мѣсяцевъ семьдесятъ гульденовъ. Однажды, вечеромъ, въ Баденѣ, я объявилъ ему, что желаю съ нимъ разстаться; въ тотъ же вечеръ я отправился на рулетку. О, какъ стучало мое сердце! Нѣтъ, не деньги мнѣ были дороги! Тогда—мнѣ только хотѣлось, чтобъ завтра же всѣ эти Гинце, всѣ эти оберъ-кельнеры, всѣ эти великолѣпныя баденскія дамы,—чтобы всѣ они говорили обо мнѣ, рассказывали мою исторію, удивлялись мнѣ, хвалили меня и преклонялись предъ моимъ новымъ выигрышемъ. Все это дѣтскія мечты и заботы, но... кто знаетъ: можетъ-быть, я повстрѣчался бы и съ Полиной, я бы ей рассказалъ и она бы увидѣла, что я выше всѣхъ этихъ нелѣпыхъ толчковъ судьбы... О, не деньги мнѣ дороги! Я увѣренъ, что разбросалъ бы ихъ опять какой-нибудь *Blanche* и опять ѣздилъ бы въ Парижѣ три недѣли, на парѣ собственныхъ лошадей въ шестнадцать тысячъ франковъ. Я вѣдь навѣрное знаю, что я не скупъ; я даже думаю, что я расточителенъ,—а между тѣмъ, однакожь, съ какимъ трепетомъ, съ какимъ замيرانіемъ сердца я выслушиваю крикъ крупѣра: *trente et un, rouge, impair et passe*, или: *quarte, noir, pair et manque!* Съ какою алчностью смотрю я на игорный столъ, по которому разбросаны луидоры, фридрихсдоры и талеры, на столбики золота, когда они отъ лопатки крупѣрасыпаются въ горящія, какъ жаръ, кучи, или на длинные въ аршинъ столбы серебра, лежащія вокругъ колеса. Еще подходя къ игорной залѣ, за двѣ комнаты, только-что я слышу дзенканье пересыпающихся денегъ,—со мною почти дѣлаются судороги.

О, тотъ вечеръ, когда я понесъ мои семьдесятъ гульденовъ на игорный столъ, тоже былъ замѣчательнъ. Я началъ съ десяти гульденовъ и опять съ passe. Къ passe я имѣю предрасудокъ. Я проигралъ. Оставалось у меня шестьдесятъ гульденовъ серебряною монетою; я подумалъ—и предпочелъ зѣго. Я сталъ разомъ ставить на зѣго по пяти гульденовъ; съ третьей ставки вдругъ выходитъ зѣго; я чуть не умеръ отъ радости, получивъ сто семьдесятъ пять гульденовъ; когда я выигралъ сто тысячъ гульденовъ, я не былъ такъ радъ. Тотчасъ же я поставилъ сто гульденовъ на rouge—дала; всѣ двѣсти на rouge—дала; всѣ четыреста на noir—дала; всѣ восемьсотъ на manque—дала; считая съ прежнимъ, было тысяча семьсотъ гульденовъ и это—менѣе, чѣмъ въ пять минутъ! Да, въ этакія-то мгновенія забываешь и всѣ прежнія неудачи! Вѣдь я добылъ это болѣе чѣмъ жизнью рискуя, осмѣлился рискнуть и—вотъ, я опять въ числѣ человѣковъ!

Я занялъ номеръ, заперся, и часовъ до трехъ сидѣлъ и считалъ свои деньги. На утро я проснулся ужъ не лакеемъ. Я рѣшилъ въ тотъ же день выѣхать въ Гомбургъ: тамъ я не служилъ въ лакеяхъ и въ тюрьмѣ не сидѣлъ. За полчаса до поѣзда, я отправился поставить двѣ ставки, не болѣе, и проигралъ полторы тысячи флориновъ. Однакоже, все-таки переѣхалъ въ Гомбургъ, и вотъ уже мѣсяцъ, какъ я здѣсь...

Я, конечно, живу въ постоянной тревогѣ, играю по самой маленькой и чего-то жду, рассчитываю, стою по цѣлымъ днямъ у игорнаго стола и *наблюдаю* игру, даже во снѣ вижу игру,—но при всемъ этомъ мнѣ кажется, что я какъ будто одеревенѣлъ, точно загрязъ въ какой-то тинѣ. Закрываю это по впечатлѣнiю при встрѣчѣ съ мистеромъ Астлеемъ. Мы не видались съ того самаго времени и встрѣтились нечаянно; вотъ какъ это было. Я шелъ въ садъ и рассчитывалъ, что теперь я почти безъ денегъ, но что у меня есть пятьдесятъ гульденовъ,—кромѣ того, въ отелѣ, гдѣ я занимаю каморку, я третьяго дня совсѣмъ расплатился. Итакъ, мнѣ остается возможность одинъ только разъ пойти теперь на рулетку,—если выиграю хоть что-нибудь, можно будетъ продолжать игру; если проиграю—надо опять идти въ лакеи, въ случаѣ, если не найду сейчасъ русскихъ, которымъ бы понадобился учитель. Занятый этою мыслью, я пошелъ, моею ежедневною прогулкою чрезъ паркъ и чрезъ лѣсъ, въ сосѣднее княжество.

Иногда я выхаживалъ такимъ образомъ часа по четыре и возвращался въ Гомбургъ, усталый и голодный. Только-что вышелъ я изъ сада въ паркъ, какъ вдругъ, на скамейкѣ, увидѣлъ мистера Астлея. Онъ первый меня замѣтилъ и окликнулъ меня. Я сѣлъ подлѣ него. Замѣтивъ же въ немъ нѣкоторую важность, я тотчасъ же умѣрилъ мою радость; а то я было ужасно обрадовался ему.

— Итакъ, вы здѣсь! Я такъ и думалъ, что васъ повстрѣчаю, сказалъ онъ мнѣ.— Не безпокойтесь рассказывать: я знаю, я все знаю; вся ваша жизнь въ эти годъ и восемь мѣсяцевъ мнѣ извѣстна.

— Ба! Вотъ какъ вы слѣдите за старыми друзьями! отвѣтилъ я.— Это дѣлаетъ вамъ честь, что не забываете... Пойдите, однакожь, вы даете мнѣ мысль: не вы-ли выкупили меня изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ за долгъ въ двѣсти гульденовъ? Меня выкупилъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, о, нѣтъ; я не выкупалъ васъ изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ вы сидѣли за долгъ въ двѣсти гульденовъ, но я зналъ, что вы сидѣли въ тюрьмѣ за долгъ въ двѣсти гульденовъ.

— Значитъ, все-таки, знаете, кто меня выкупилъ?

— О, нѣтъ, не могу сказать, что знаю, кто васъ выкупилъ.

— Странно; нашимъ русскимъ я никому неизвѣстенъ, да русскіе здѣсь, пожалуй, и не выкупятъ; это у насъ тамъ, въ Россіи, православные выкупаютъ православныхъ. А я такъ и думалъ, что какой-нибудь чудакъ-англичанинъ, изъ странности.

Мистеръ Астлей слушалъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Онъ, кажется, думалъ найти меня унылымъ и убитымъ.

— Однакожь, я очень радуюсь, видя васъ совершенно сохранившимъ всю независимость вашего духа и даже веселость, произнесъ онъ съ довольно непріятнымъ видомъ.

— То-есть, внутри себя вы скрипите отъ досады, зачѣмъ я не убить и не униженъ, сказалъ я, смѣясь.

Онъ не скоро понялъ, но, понявъ, улыбнулся.

— Мнѣ нравятся ваши замѣчанія. Я узнаю въ этихъ словахъ моего прежняго, умнаго, стараго, восторженнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, циническаго друга; одни русскіе могутъ въ себѣ совмѣщать, въ одно и то же время, столько противоположностей. Дѣйствительно, человѣкъ любитъ ви-

дѣтъ лучшаго своего друга въ униженіи передъ собою; на униженіи основывается большею частью дружба; и это старая, извѣстная всѣмъ умнымъ людямъ истина. Но, въ настоящемъ случаѣ, увѣряю васъ, я искренно радъ, что вы не унываете. Скажите, вы не намѣрены бросить игру?

— О, чортъ съ ней! Тотчасъ же брошу, только бы...

— Только бы теперь отыграться? Такъ я и думалъ; не договаривайте—знаю,—вы это сказали нечаянно, слѣдственно сказали правду. Скажите, кромѣ игры, вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Да, ничѣмъ...

Онъ сталъ меня экзаменовать. Я ничего не зналъ, я почти не заглядывалъ въ газеты, и положительно во все это время не развертывалъ ни одной книги.

— Вы одеревенѣли, замѣтилъ онъ,—вы не только отказались отъ жизни, отъ интересовъ своихъ и общественныхъ, отъ долга гражданина и человѣка, отъ друзей своихъ (а они все-таки у васъ были),—вы не только отказались отъ какой бы то ни было цѣли, кромѣ выигрыша,—вы даже отказались отъ воспоминаній своихъ. Я помню васъ въ горячую и сильную минуту вашей жизни; но я увѣренъ, что вы забыли всѣ лучшія тогдашнія впечатлѣнія ваши; ваши мечты, ваши теперешнія, самыя насущныя желанія не идутъ дальше *pair, impair, rouge, noir*, двѣнадцать среднихъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, я увѣренъ!

— Довольно, мистеръ Астлей, пожалуйста, пожалуйста не напоминайте, вскричалъ я съ досадой, чуть не со злобой,—знайте, что я ровно ничего не забылъ; но я только на время выгналъ все это изъ головы, даже воспоминаніе,—до тѣхъ поръ, покамѣстъ не поправлю радикально мои обстоятельства; тогда... тогда, вы увидите, я воскресну изъ мертвыхъ!

— Вы будете здѣсь еще черезъ десять лѣтъ, сказалъ онъ.—Предлагаю вамъ пари, что я напомню вамъ это, если буду живъ, вотъ на этой же скамейкѣ.

— Ну, довольно, прервалъ я съ нетерпѣніемъ,—и чтобъ вамъ доказать, что я не такъ-то забывчивъ на прошлое, позвольте узнать: гдѣ теперь миссъ Полина? Если не вы меня выкупили, то ужъ навѣрно она. Съ самаго того времени я не имѣлъ о ней никакого извѣстія.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! Я не думаю, чтобы она васъ выкупила. Она теперь въ Швейцаріи и вы мнѣ сдѣлаете боль-

шое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о миссъ Полинѣ, сказали онъ рѣшительно и даже сердито.

— Это значитъ, что и васъ она ужъ очень поранила! засмѣялся я невольно.

— Миссъ Полина—лучшее существо изъ всѣхъ наиболѣе достойныхъ уваженія существъ, но, повторяю вамъ, вы сдѣлаете мнѣ великое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о миссъ Полинѣ. Вы ея никогда не знали, и ея имя въ устахъ вашихъ я считаю оскорбленіемъ нравственнаго моего чувства.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, вы неправы; да о чемъ же мнѣ и говорить съ вами, кромѣ этого, разсудите? Вѣдь въ этомъ и состоятъ всѣ наши воспоминанія. Не беспокойтесь, впрочемъ, мнѣ не нужно никакихъ внутреннихъ, секретныхъ вашихъ дѣлъ... Я интересуюсь только, такъ сказать, внѣшнимъ положеніемъ миссъ Полины, одною только теперешнею наружною обстановкою ея. Это можно сообщить въ двухъ словахъ.

— Извольте, съ тѣмъ, чтобъ этими двумя словами было все покончено. Миссъ Полина была долго больна; она и теперь больна; нѣкоторое время она жила съ моими матерью и сестрой, въ сѣверной Англій. Полгода назадъ ея бабка,—помните, та самая сумасшедшая женщина,—померла и оставила, лично ей, семь тысячъ фунтовъ состоянія. Теперь миссъ Полина путешествуетъ вмѣстѣ съ семействомъ моей сестры, вышедшей замужъ. Маленькій братъ и сестра ея тоже обезпечены завѣщаніемъ бабки и учатся въ Лондонѣ. Генераль, ея отчимъ, мѣсяць назадъ умеръ въ Парижѣ отъ удара. М-ле Blauche обходилась съ нимъ хорошо, но все, что онъ получилъ отъ бабки, успѣла перевести на себя... Вотъ, кажется, и все.

— А Де-Гріе? Не путешествуетъ-ли и онъ тоже въ Швейцаріи?

— Нѣтъ, Де-Гріе не путешествуетъ въ Швейцаріи, и я не знаю, гдѣ Де-Гріе; кромѣ того, разъ навсегда, предупреждаю васъ избѣгать подобныхъ намековъ и неблагородныхъ сопоставленій, иначе вы будете непременно имѣть дѣло со мною.

— Какъ! Несмотря на наши прежнія дружескія отношенія?

— Да, несмотря на наши прежнія дружескія отношенія.

— Тысячу разъ прошу извиненія, мистеръ Астлей. Но,

позвольте однакожь: тутъ нѣтъ ничего обиднаго и неблагогороднаго; я вѣдь ни въ чемъ не виню миссъ Полину. Кромѣ того—французъ и русская барышня, говоря вообще—это такое сопоставленіе, мистеръ Астлей, которое не намъ съ вами разрѣшить или понять окончательно.

— Если вы не будете упоминать имя Де-Гріе вмѣстѣ съ другимъ именемъ, то я попросилъ бы васъ объяснить мнѣ, что вы подразумѣваете подъ выраженіемъ: „французъ и русская барышня?“ Что это за „сопоставленіе?“ Почему тутъ именно французъ и непременно русская барышня?

— Видите, вы и заинтересовались. Но это длинная матерія, мистеръ Астлей. Тутъ много надо бы знать предварительно. Впрочемъ, это вопросъ важный,—какъ ни смѣшно все это съ перваго взгляда. Французъ, мистеръ Астлей, это—законченная, красивая форма. Вы, какъ британецъ, можете съ этимъ быть несогласны; я, какъ русскій, тоже несогласенъ, ну, пожалуй, хоть изъ зависти; но наши барышни могутъ быть другого мнѣнія. Вы можете находить Расина изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ; даже читать его, навѣрное, не станете. Я тоже нахожу его изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ, съ одной даже точки зрѣнія смѣшнымъ; но онъ прелестенъ, мистеръ Астлей, и, главное,—онъ великій поэтъ, хотимъ или не хотимъ мы этого съ вами. Національная форма француза, то-есть парижанина, стала слагаться въ изящную форму, когда еще мы были медвѣдями. Революція наслѣдовала дворянству. Теперь самый пошлѣйшій французишка можетъ имѣть манеры, приемы, выраженія и даже мысли вполне изящной формы, не участвуя въ этой формѣ ни своею инициативою, ни душою, ни сердцемъ; все это досталось ему по наслѣдству. Сами собою, они могутъ быть пустѣе пустѣйшаго и подлѣе подлѣйшаго. Ну-съ, мистеръ Астлей, сообщу вамъ теперь, что нѣтъ существа въ мірѣ довѣрчивѣе и откровеннѣе доброй, умненькой и не слишкомъ изломанной русской барышни. Де-Гріе, являсь въ какой-нибудь роли, являсь замаскированнымъ,—можетъ завоевать ея сердце съ необыкновенною легкостью; у него есть изящная форма, мистеръ Астлей, и барышня принимаетъ эту форму за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наслѣдству. Къ величайшей вашей непріятности, я долженъ вамъ признаться, что англичане, большею частью,—угловаты и неизящны,

а русскіе довольно чутко умѣютъ различать красоту и на нее падки. Но, чтобы различать красоту души и оригинальность личности, для этого нужно несравненно болѣе самостоятельности и свободы, чѣмъ у нашихъ женщинъ, тѣмъ болѣе барышень,—и ужь, во всякомъ случаѣ, больше опыта. Миссъ Полинѣ же,—простите, сказаннаго—не вогротишь,—нужно очень, очень долгое время рѣшаться, чтобы предпочесть васъ мерзавцу Де-Гріе. Она васъ и оцѣнитъ, станетъ вашимъ другомъ, откроетъ вамъ все свое сердце; но въ этомъ сердцѣ все-таки будетъ царить ненавистный мерзавецъ, скверный и мелкій процентчикъ Де-Гріе. Это даже останется, такъ сказать, изъ одного упрямства и самолюбія, потому что этотъ же самый Де-Гріе явился ей когда-то въ ореолѣ изящнаго маркиза, разочарованнаго либерала и разорившагося (будто бы?), помогая ея семейству и легкомысленному генералу. Всѣ эти продѣлки открылись послѣ. Но это ничего, что открылись: все-таки подавайте ей теперь прежняго Де-Гріе,—вотъ чего ей надо! И чѣмъ больше ненавидитъ она теперешняго Де-Гріе, тѣмъ больше тоскуетъ о прежнемъ, хоть прежній и существовалъ только въ ея воображеніи. Вы сахароваръ, мистеръ Астлей?

— Да, я уже участвую въ компаніи извѣстнаго сахарнаго завода Ловель и К'омп.

— Ну, вотъ видите, мистеръ Астлей. Съ одной стороны—сахароваръ, а съ другой—Аполлонъ Бельведерскій; все это какъ-то не связывается. А я даже и не сахароваръ; я просто мелкій игрокъ на рулеткѣ, и даже въ лакеяхъ былъ, что навѣрно уже извѣстно миссъ Полинѣ, потому что у ней, кажется, хорошая полиція.

— Вы озлоблены, а потому и говорите весь этотъ вздоръ, хладнокровно и подумавъ сказалъ мистеръ Астлей.—Кромѣ того, въ вашихъ словахъ нѣтъ оригинальности.

— Согласенъ! Но въ томъ-то и ужасъ, благородный другъ мой, что всѣ эти мои обвиненія, какъ ни устарѣли, какъ ни пошлы, какъ ни водевильны,—а все-таки истинны! Все-таки мы съ вами ничего не добились!

— Это гнусный вздоръ... потому, потому... знайте же! произнесъ мистеръ Астлей дрожащимъ голосомъ и сверкая глазами,—знайте же, неблагодарный и недостойный, мелкій и несчастный человѣкъ, что я прибылъ въ Гомбургъ нарочно, по ея порученію, для того, чтобы увидѣть

васъ, говорить съ вами долго и сердечно, и передать ей все,—ваши чувства, мысли, надежды и... воспоминанія!

— Неужели! Неужели? вскричалъ я, и слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ.

Я не могъ сдержать ихъ, и это, кажется, было въ первый разъ въ моей жизни.

— Да, несчастный человѣкъ, она любила васъ, и я могу вамъ это открыть, потому что вы — погибшій человѣкъ! Мало того, если я даже скажу вамъ, что она до сихъ поръ васъ любитъ, то — вѣдь вы все равно здѣсь останетесь! Да, вы погубили себя. Вы имѣли нѣкоторыя способности, живой характеръ и были человѣкъ не дурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое такъ нуждается въ людяхъ, но — вы останетесь здѣсь, и ваша жизнь кончена. Я васъ не виню. На мой взглядъ всѣ русскіе таковы, или склонны быть таковыми. Если не рулетка, такъ другое, подобное ей. Исключенія слишкомъ рѣдки. Не первый вы не понимаете, что такое трудъ (я не о народѣ вашемъ говорю). Рулетка—это игра по преимуществу русская. До сихъ поръ вы были честны и скорѣе захотѣли пойти въ лакеи, чѣмъ воровать... Но мнѣ страшно подумать, что можетъ быть въ будущемъ. Довольно, прощайте! Вы, конечно, нуждаетесь въ деньгахъ? Вотъ отъ меня вамъ десять луидоровъ, больше не дамъ, потому что вы ихъ, все равно, проиграете. Берите и прощайте! Берите же!

— Нѣтъ, мистеръ Астлей, послѣ всего теперь сказаннаго...

— Бе-ри-те! вскричалъ онъ.—Я убѣжденъ, что вы еще благородны и даю вамъ, какъ можетъ дать другъ истинному другу. Если бъ я могъ быть увѣренъ, что вы сейчасъ же бросите игру, Гомбургъ и пойдете въ ваше отечество,—я бы готовъ былъ немедленно дать вамъ тысячу фунтовъ для начала новой карьеры. Но я потому именно не даю тысячи фунтовъ, а даю только десять луидоровъ, что тысяча-ли фунтовъ, или десять луидоровъ — въ настоящее время для васъ совершенно одно и то же; все одно—проиграете. Берите и прощайте.

— Возьму, если вы позволите себя обнять на прощанье.

— О, это съ удовольствіемъ!

Мы обнялись искренно, и мистеръ Астлей ушелъ.

Нѣтъ, онъ не правъ! Если я былъ рѣзокъ и глупъ насчетъ Полины и Де-Гріе, то онъ рѣзокъ и скоръ насчетъ

русскихъ. Про себя я ничего не говорю. Впрочемъ... впрочемъ, все это покаместъ не то: все это слова, слова и слова, а надо дѣла! Тутъ теперь главное Швейцарія! Завтра же,—о, если бѣ можно было завтра же и отправиться! Вновь возродиться, воскреснуть. Надо имъ доказать... Пусть знаетъ Полина, что я еще могу быть чело-вѣкомъ. Стоить только... Теперь ужъ, впрочемъ, поздно,—но завтра... О, у меня предчувствіе, и это не можетъ быть иначе! У меня теперь пятнадцать луйдоровъ, а я начиналъ и съ пятнадцатью гульденами! Если начать осторожно...—и неужели, неужели ужъ я такой малый ребенокъ! Неужели я не понимаю, что я самъ погибшій чело-вѣкъ. Но — почему-жъ я не могу воскреснуть! Да! Стоить только хоть разъ въ жизни быть расчетливымъ и терпѣливымъ и — вотъ и все! Стоить только хоть разъ выдержать характеръ, и я въ одинъ часъ могу всю судьбу измѣнить! Главное—характеръ. Вспомнить только, что было со мною въ этомъ родѣ семь мѣсяцевъ назадъ въ Руленбургъ, предъ окончательнымъ моимъ проигрышемъ. О, это былъ замѣчательный случай рѣшимости: я проигралъ тогда все, все... Выхожу изъ вокзала, смотрю—въ жилетномъ карманѣ шевелится у меня еще одинъ гульденъ: „А, стало-быть, будетъ на что пообѣдать!“ подумалъ я, но, пройдя шаговъ сто, я передумалъ и воротился. Я поставилъ этотъ гульденъ на тапке (тотъ разъ было на тапке), и, право, есть что-то особенное въ ощущеніи, когда одинъ, на чужой сторонѣ, далеко отъ родины, отъ друзей и не зная, что сегодня будешь ѣсть, ставишь послѣдній гульденъ, самый, самый послѣдній! Я выигралъ, и чрезъ двадцать минутъ вышелъ изъ вокзала, имѣя сто семьдесятъ гульденовъ въ карманѣ. Это фактъ-съ! Вотъ что можетъ иногда значить послѣдній гульденъ! А что, если бѣ я тогда упалъ духомъ, если бѣ я не посмѣлъ рѣшиться?..

Завтра, завтра все кончится!

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Записки изъ Мертваго дома.

Часть первая.

Введеніе	3
Глава I. Мертвый домъ	8
„ II. Первые впечатлѣнія	22
„ III. Первые впечатлѣнія	38
„ IV. Первые впечатлѣнія	53
„ V. Первый мѣсяцъ	70
„ VI. Первый мѣсяцъ	84
„ VII. Новыя знакомства.—Петровъ	98
„ VIII. Рѣшительные люди.—Лучка.	111
„ IX. Исая Ѳомичъ.—Баба.—Разсказъ Баклу- шина	117
„ X. Праздникъ Рождества Христова	133
„ XI. Представленіе	149

Часть вторая.

Глава I. Госпиталь	169
„ II. Продолженіе	184
„ III. Продолженіе	198
„ IV. Акулькинъ мужъ. (Разсказъ)	215
„ V. Лѣтняя пора	223
„ VI. Каторжные животныя	242
„ VII. Претензія	254
„ VIII. Товарищи	271
„ IX. Побѣгъ	286
„ X. Выходъ изъ каторги	306
Скверный анекдотъ. Разсказъ	305

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Повѣсти и рассказы.

Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ	3
Глава I. Въмѣсто предисловія	—
„ II. Въ вагонѣ	8
„ III и совершенно лишнія	12
„ IV и не лишнія для путешественниковъ	26
„ V. Ваалъ	31
„ VI. Опытъ о буржуа	39
„ VII. Продолженіе предыдущаго	50
„ VIII. Брибри и мабишь	60
Записки изъ подполья. Повѣсть	71
Глава I. Подполье	—
„ II. По новоду мокраго сѣнга	104
Крокодилъ, необыкновенное событіе или пассажъ въ Пас- сажѣ. Повѣсть	179
Игрокъ. Романъ (изъ записокъ молодого человѣка)	215

30, —

BIBLIOTEKA

198276

Biblioteka WSP Kielce

0162427